

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова

Золотоордынское наследие

**Материалы VI Международного Золотоордынского Форума
«Pax Tatarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды»
Казань, 26–28 июня 2019 г.**

Выпуск 3

Казань – 2019

Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates

Golden Horde Legacy

**Materials of the VI International Golden Horde Forum
“Pax Tatarica: The Genesis and Legacy of the Golden Horde’s Statehood”
Kazan, June 26–28, 2019**

Kazan – 2019

УДК 93/94
ББК 63.3(2Рос.Тат)
3-80

*Издание осуществлено в рамках
VI Международного Золотоордынского форума
в соответствии с Распоряжением Кабинета Министров
Республики Татарстан № 542-р от 18.03.2019 г.*

Научный редактор издания
И.М. Миргалеев

Ответственный редактор
Э.Г. Сайфетдинова

Редактор английских текстов
Роман Хаутала

Редакционная коллегия:
Р.С. Хакимов (председатель),
В.В. Трепавлов (Москва),
Виктор Спинеи (Яссы, Румыния),
М.Г. Крамаровский (Санкт-Петербург),
Юлай Шамильоглу (Астана, Казахстан),
И.В. Зайцев (Москва),
В.А. Иванов (Уфа),
Александр Узелац (Белград, Сербия)
Ильяс Кемалоглу (Стамбул, Турция)
Чжао Чжу-ченг (Тайбей, Тайвань),
Хироюки Нагамине (Саппоро, Япония)

3-80 ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ НАСЛЕДИЕ: Материалы VI Международного Золотоордынского Форума «Pax Tatarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды», Казань, 26–28 июня 2019 г. Вып. 3. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. – 284 с.

GOLDEN HORDE LEGACY: Materials of the VI International Golden Horde Forum “Pax Tatarica: The Genesis and Legacy of the Golden Horde’s Statehood”, Kazan, June 26–28, 2019. – Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019. – 284 p.

ISBN 978-5-94981-329-4

УДК 93/94
ББК 63.3(2Рос.Тат)

© Авторы, 2019
© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Миргалеев И.М. Слово редактора	7
Гаркавец А.Н. Надписи на сосудах из Надь-Сент-Миклоша	8
Тимохин Д.М. Об употреблении термина «татар» в сочинении Джузджани «Табакат-и Насири» при описании домонгольского периода	22
Сайфетдинова Э.Г. Арабские письменные источники о татарах и Золотой Орде, не вошедшие в «Сборник материалов» В.Г. Тизенгаузена	31
Ушницкий В.В. Историко-географический ландшафт татарского этноса в средние века с учетом сведений якутского фольклора	35
Воротынцев Л.В. «Злой город»: о некоторых аспектах обороны Козельска весной 1238 г.	41
Миргалеев И.М. Распад Монгольской империи: Таласский курултай	47
Lushnikov O.V. The Great Mongol Empire as the World-System of the Middle Ages and Its Contribution to the Foundation of Eurasian Integration	51
Акчурин М.М., Беляков А.В. Вотчины как наследие ордынской государственности (на примере документов мещерских уездов XVI–XVII вв.)	56
Хаутала Р. Францисканцы и доминиканцы в Золотой Орде: развитие миссионерской деятельности до середины XIV века	69
Усеинов М. Мусульманские эпиграфические памятники Старого Крыма (XIII–XV вв.)	87
Лисова Н.Ф. Особенности керамического производства	96
Бугарчев А.И., Купцов А.Е. Второй клад джучидских монет XIII в. из Кайбицкого района РТ	99
Руденко К.А. Формирование региональных особенностей золотоордынской культуры во 2 пол. XIII–XIV вв.: универсальное и локальное в контексте торговых контактов на Великом Шелковом пути (на примере Булгарского улуса)	108
Хамидова Ч.И. «Шуаб-и панджгана» как источник по истории «пяти народов»	117
Пачкалов А.В. Новые нумизматические находки в Лиманском районе Астраханской области	120
Шапошник В.Г., Зайончковский Ю.В., Овсянников О.В. Новые штемпельные связи северских двухсторонних подражаний последней трети XIV века	125
Порсин А.А. Климат и эпидемии в Золотой Орде в период с 1280 по 1313 годы	132
Нарожный Е.И. Убинский средневековый археологический комплекс: актуальные проблемы изучения	143
Шумкин А.В. Маджары – путь от народа к городу	154
Зайончковский Ю.В., Шапошник В.Г., Арзуманова Т.В. Монетные эмиссии позднеджучидского хана Гияс ад-Дина II	176
Алексеев И.Е. Загадки «тамги Мамая» (по материалам нумизматики)	188
Бугарчев А.И., Степанов О.В. Находки джучидских серебряных монет XV в. на территории Иски-Казанского археологического комплекса	211
Майоров А.А. К вопросу о причинах исчезновения Тульского баскачества	217
Почекаев Р.Ю. Золотоордынское влияние на русскую государственность и право XV–XVII вв.: проблемы и перспективы изучения	220

Чернышов С.А. Золотоордынские образы в позиционировании элиты Русского государства XVI века: никто не верит, но все используют	227
Белецкая О.В. Безымянное городище в Северном Причерноморье в постзолотоордынское время	232
Абдужемилев Р.Р. Художественно-повествовательная структура хроники «Тарих-и Сахиб Герай хан» Реммаля ходжа	244
Аксанов А.В. Казанская война 1523–1532 гг.: расхождения в источниках и проблема верификации известий	256
Шейхумеров А.А. Крымские сеймены: регулярная пехота Гиреев	260
Атыгаев Н.А. Правовая система Улуса Джучи и Казахского ханства: некоторые замечания по проблеме преемственности	267
Гомбожапов А.Д., Тишин В.В. Новое направление в исследовании кочевых обществ Евразии (Рецензия на книгу: Почекаев Р.Ю. Степные империи Евразии: власть – народ – право (очерки по политической и правовой антропологии)	271
Аяган Б.Г. Казахские шеджере как источник по истории племен Золотой Орды. Рецензия на монографию М.А. Алпысбеса	279
Резолюция VI Международного Золотоордынского Форума	282

CONTENTS

Mirgaleev I.M. Editor's Word	7
Garkavets A.N. Inscriptions on the Vessels of Nagyszentmiklós	8
Timokhin D.M. On the Use of the "Tatar" Term in Juzjani's "Tabakat-i Nasiri" in the Description of the Pre-Mongol Period	22
Sayfetdinova E.G. Arabic Written Sources on Tatars and the Golden Horde Not Included in V.G. Tizengauzen's "Collection of Materials"	31
Ushnitskiy V.V. Historical and Geographical Landscape of the Tatar Ethnos in the Middle Ages Taking into Account the Information of Yakut Folklore.....	35
Vorotyntsev L.V. The "Evil Town": About Some Aspects of Kozelsk's Defense in the Spring of 1238.....	41
Mirgaleev I.M. The Dissolution of the Mongol Empire: The Talas Kurultai	47
Lushnikov O.V. The Great Mongol Empire as the World-System of the Middle Ages and Its Contribution to the Foundation of Eurasian Integration	51
Akchurin M.M., Belyakov A.V. Hereditary Land Estates as a Legacy of the Horde's Statehood (on the Example of Documents of the Meschera Counties of the sixteenth and seventeenth centuries)	56
Hautala R. The Franciscans and Dominicans in the Golden Horde: The Development of Missionary Activity until the mid-fourteenth century	69
Useinov M.A. Muslim Epigraphic Monuments of Sary Krym /Old Crimea/ (13 th –15 th centuries)	87
Lisova N.F. Features of Ceramic Production	96
Bugarchev A.I., Kuptsov A.E. The Second Hoard of the 13 th century Jochid Coins from the Kaybitskiy District of the Republic of Tatarstan	99
Rudenko K.A. The Formation of Regional Features of the Golden Horde Culture in the second half of the 13 th –14 th century: Universal and Local in the Context of Trade Contacts on the Great Silk Road (on the example of the Bolghar Ulus)	108
Khamidova Ch.I. The "Shuab-i Panjgana" as a Source on the History of the "Five Peoples"	117
Pachkalov A.V. New Coin Finds in the Liman District of the Astrakhan Region	120
Shaposhnik V.G., Zayonchkovskiy Yu.V., Ovsyannikov O.V. New Die-links of the Severskiy Two-sided Imitations Dated to the last third of the 14 th century	125
Porsin A.A. Climate and Epidemics in the Golden Horde in the Period from 1280 to 1313	132
Narozhnyi E.I. Ubinskiy Medieval Archaeological Complex: Actual Problems of Study	143
Shumkin A.V. Majars: The Way from the People to the City	154
Zayonchkovskiy Yu.V., Shaposhnik V.G., Arzumanova T.V. Coin Emissions of the Late Jochid Khan Ghiyas ad-Din II	176
Alekseev I.V. Riddles of the "Mamai's Tamgha" (based on numismatics)	188
Bugarchev A.I., Stepanov O.V. Finds of Jochid Silver Coins of the 15 th century from the Territory of Iski-Kazan Archaeological Complex	211
Mayorov A.A. On the Causes of the Disappearance of the Tula Basqaqs	217
Pochekaev R.Yu. Influence of the Golden Horde on the Russian State and Law of the 15 th –17 th century: Issues and Perspectives	220

Chernyshov S.A. The Golden Horde Images in the Positioning of the Elite of the Russian State of the 16 th century: No One Believes, but Everyone Uses	227
Beletskaya O.V. Nameless Ancient Settlement in the Northern Black Sea Region of the Post-Golden Horde Time	232
Abduzhemilev R.R. The Artistic and Narrative Structure of the Chronicle “Tarikh-i Sahib Geray Khan” by Remmal Hoja	244
Aksanov A.V. The Kazan War of 1523–1532: Discrepancies in Sources and the Problem of Information Verificatio	256
Sheykhumerov A.A. Crimean Seymens: Geray’s Regular Infantry	260
Atygaev N.A. Legal System of the Ulus of Jochi and the Kazakh Khanate: Some Comments on the Issue of Succession	267
Gombozhapov A.D., Tishin V.V. New Trend in the Studies of Nomadic Societies of Eurasia. Book Review: Pochekaev R.Yu. Steppe Empires of Eurasia: Power – People – Law (Essays on Politic and Legal Anthropology)	271
Ayagan B.G. Kazakh Shejeres as a Source on the History of the Golden Horde’s Tribes. Review of the Monograph by M.A. Alpysbes	279
Resolution of the VI International Golden Horde Forum	283

СЛОВО РЕДАКТОРА

26–28 июня 2019 года в Казани прошел VI Международный Золотоордынский форум «Рах Tatarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды». Форум 2019 года проходил под эгидой празднования 750-летнего юбилея Таласского курултая, который послужил отправной точкой в формировании независимости Золотой Орды и других чингизидских государств. Курултай 1269 г. условно называют датой заключения мира между Чингизидами и установления границ их владений. Решения, принятые на курултае, не только юридически подтвердили распад Монгольской империи, но и позволили Улусу Джучи стать по-настоящему суверенным государством, Золотой Ордой.

В VI Международном Золотоордынском форуме приняли участие представители 14 стран. Помимо России, это учёные и исследователи из Болгарии, Великобритании, Венгрии, Египта, Казахстана, Китая, Монголии, Тайваня, Турции, Узбекистана, Украины, Финляндии и Японии. География российских участников охватывала города: Казань, Москва, Санкт-Петербург, Астрахань, Волгоград, Воронеж, Новосибирск, Тюмень, Ростов-на-Дону, Симферополь, Бахчисарай, Челябинск, Тамбов, Пермь, Уфа, Магнитогорск, Улан-Удэ.

Программа конференции включала проведение Международной научной конференции «Государственность Золотой Орды и татарских ханств: традиции, идеи, новации, кризисы», *Круглого стола* «Понятие «татары» в средневековых источниках: историческая судьба имени/термина и его носителей»; *Круглого стола* «Русский Улус: вопросы подчиненности древнерусских земель в Золотой Орде»; *Круглого стола* «“Via Tatarica”: Золотая Орда на Великом Шелковом пути»; *Круглого стола* «Государственная денежная политика и вопросы организации монетного дела и денежного обращения в чингизидских государствах (XIII–XV вв.)». В рамках научных дискуссий ученые обсуждали такие темы как: употребление названия «татары» в средневековых источниках и историческую судьбу его носителей; вопрос подчиненности древнерусских земель в Золотой Орде; золотоордынское влияние на культуру народов Шелкового пути, а также государственную денежную политику в чингизидских государствах XIII–XV вв.

Ильнур Миргалеев

Руководитель Центра исследований Золотой Орды
и татарских ханств им. М.А. Усманова
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

НАДПИСИ НА СОСУДАХ ИЗ НАДЬ-СЕНТ-МИКЛОША

А.Н. Гаркавец

*Казахский научно-исследовательский институт культуры МКС РК,
Институт языкознания им. А. Байтурсынова КН МОН РК*

Рунические надписи на золотых сосудах так называемого «клада Аттилы» идентифицированы как печенежские. Последним владельцем трофейного клада был, вероятно, половецкий хан Котьян, переселившийся со своей 40-тысячной ордой в Венгрию в 1239 году и предательски убитый в Пеште. По содержанию это надписи собственнические, указывающие на принадлежность сосудов конкретным людям. Греческая надпись на тюркском языке сообщает о смене вождя орды Буйлы после его кончины новым вождем – Ботаулом. Оба эти имени упоминаются у Константина Багрянородного. Несколько печенежских имен этих надписей имеют аналоги в современных кыпчакских языках.

Ключевые слова: команы-кыпчаки-половцы, печенеги, руническое письмо, тюркский язык, клад Аттилы, Надь-Сент-Миклош

В древние века племена, жившие на огромной территории от Монголии до Балкан, использовали руническое письмо, хорошо известное по орхонским, енисейским, таласским, казахстанским, кавказским, волго-донским, балканским и дунайским письменным памятникам.

Одни рунические символы восходят к согдийскому, арамейскому и финикийскому письму, другие напоминают родовые знаки – тамги. Писали рунами обычно справа налево и сверху вниз, но иногда на двуязычных китайско-тюркских стелах тюркские тексты после установки камня оказывались головой вниз. Наиболее крупные рунические памятники созданы на территории современной Монголии. Это надгробные памятники Тоньюкуку, Культегину и Бильге кагану (732–735).

20 мая 2001 года мраморная копия памятника Культегину (732 г.), изготовленная по заказу правительства Казахстана японскими мастерами, была выставлена в холле Евразийского университета имени Льва Гумилёва в нынешней столице Казахстана Астане.

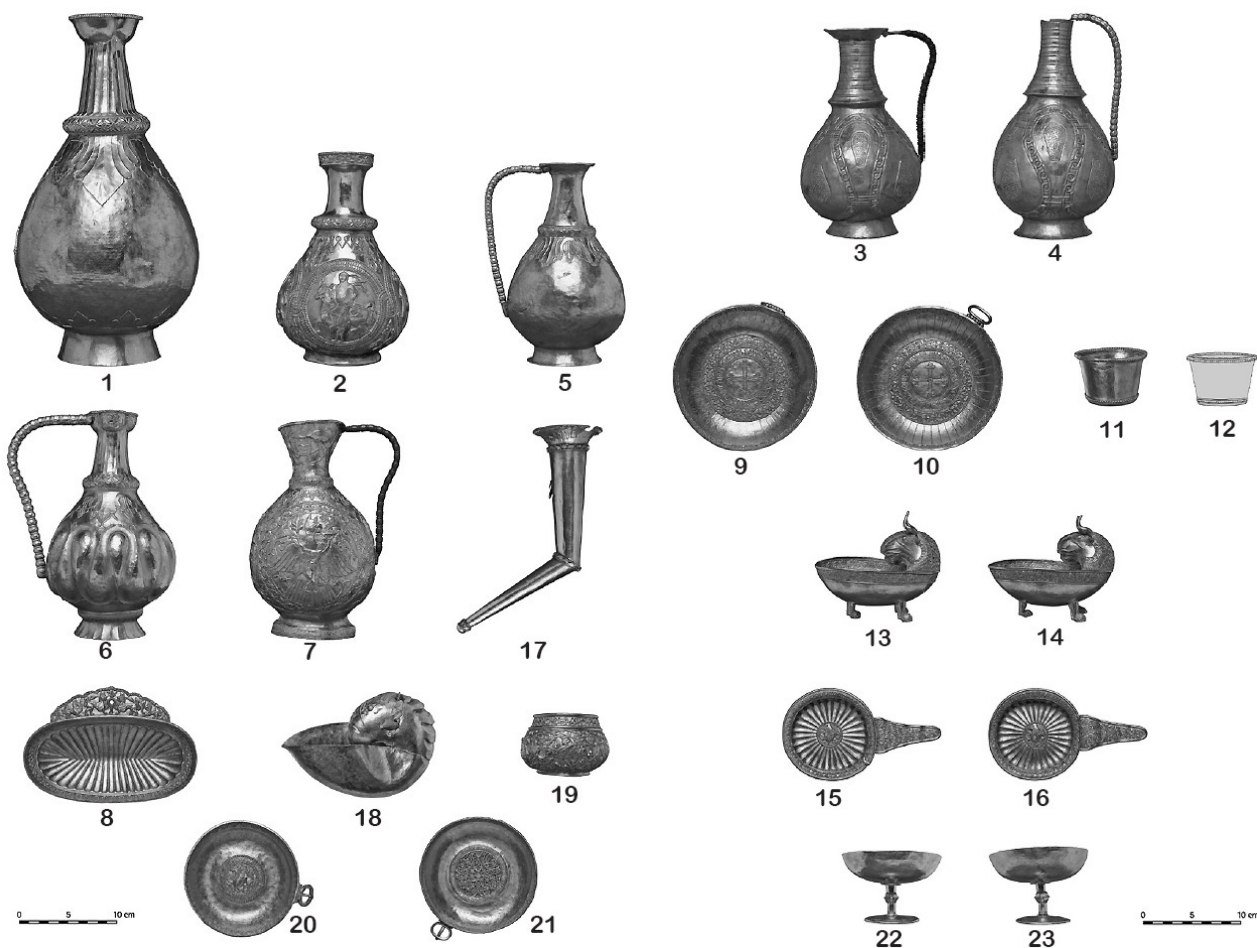
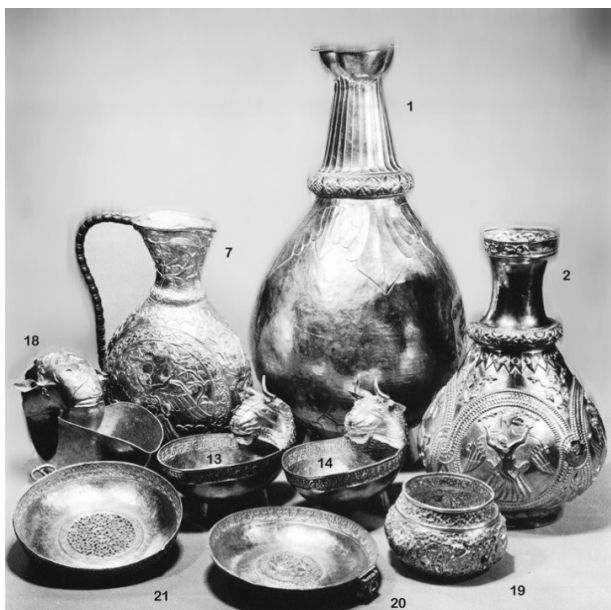
Самые западные тюркские рунические письменные памятники обнаружены в Поволжье, на Дону, на Северном Кавказе и на Дунае, в Румынии и Венгрии.

Надписи, о которых здесь идёт речь, нацарапаны или вычеканены (отчасти поверх нацарапанных) на трофейных сосудах так называемого «клада Аттилы».

Сундук с сокровищем из 23 золотых сосудов общим весом 9924,98 г был обнаружен 3 июля 1799 года при рытье ямы в селе Надь-Сент-Миклош «Большой святой Николай», на реке Ароника (совр. город Сынниколау-Маре, район Торонтал на севере Румынии), на территории, заселенной смешанным венгерско-румынско-болгарским населением. Сначала Й. Хампель [41; 42], Ф. Альтхайм [31–33] и Н. П. Кондаков [46] датировали великолепную находку концом IV – началом V века и объявили гуннским, а С. Младенов – гуннско-булгарским [17–19] достоянием, а ещё конкретнее – сервизом легендарного гуннского вождя Аттилы. М.Д. Димитров [8], Д. П. Димитров [7] и Н. П. Мавродинов [14–15; 52] приурочили клад к эпохе протобулгар и выдвинули мнение, что эти золотые сосуды болгарские и похищены из гробницы болгарского царя Аспаруха. Д. Чаллань [24; 34–36] и А. Рона-Таш [58] отнесли его к VIII–IX или более поздним векам и признали собственностью аваров, а В. Томсен [61] и Х. Мётефиндт [53] – наследием печенегов. Ю. Немет [54–56] и А. Альфельди [59] предположили, что от печенегов эти сосуды перешли к куманам-кыпчакам-половцам.

Закопан клад, как мне думается, половецким ханом Котьяном осенью 1239 года при переселении его 40-тысячной орды в Венгрию. Но за сокровищем он не вернулся, будучи предательски убит венгерскими заговорщиками в Пеште вместе со своими помощниками.

На иллюстрациях сервиз показан с присвоенными каждому изделию номерами по книге Д. Ласло и И. Раца [50; 1984] и в пропорции – по изданию Ф. Даима [37]:

Чаши в основном парные. Пар шесть. В их числе 4 чаши с пряжками для ношения на поясе, 2 побольше – 9 и 10, остальные поменьше – 20 и 21.

К паре чаш на трёх ножках, с бычьими головами, обращёнными внутрь сосуда, добавлена ещё одна, с плоским дном и без ножек. Эту талантливую реплику, выкованную местным мастером, назвали «наутилусом», хотя по замыслу и оригиналы воплощают этот образ, но с иным акцентом.

Все чаши, кроме чаши 20, а также рог 17 – именные. Подписаны с тыльной стороны.

Непарная овальная чаша 8 имеет пространную руническую надпись с обратной стороны, вычеканенную поверх процарапанного эскиза. Её глубокий рельеф виден и на лицевой стороне.

Чаши 9 и 10 содержат идентичную греческую сакральную фразу, аккуратно нанесённую на внутреннюю сторону дна, видимо, ещё при ковке.

Чаша 21 имеет хроникальную запись на тюркском языке. Но – ввиду особой важности – эта тюркская запись выполнена греческим письмом, что, к удовольствию исследователей, превратило сервиз в билингву и дало ключ для расшифровки тюркских текстов.

Чистота золота и вес сосудов [27, с 36]:

Сосуд	Чистота, карат	Вес, грамм	Сосуд	Чистота, карат	Вес, грамм
1	22	2149	11, 12	19–20	70,08
2	18	608	13, 14	20,5	284,4
3, 4	19,5	631	15, 16	21	104
5	20	710	17	12	117
6	21	956	18	22	483
7	21	733	19	22	217,5
8	22	337	20, 21	22	212
9, 10	22	305	22, 23	20,5	213

Уникальный дизайн чаш с головой быка использован скульптором Дьюлой Донатом при изготовлении надгробия над семейным склепом политика, писателя и археолога, директора Венгерского национального музея в Будапеште Ференца-Ауреля-Эмануэля Пульского (1814–1897) на кладбище Керепеши в Будапеште, когда здесь был похоронен уважаемый член его семьи Йозеф Хампель (1849–1913), исследователь и публикатор клада из Надь-Сент-Миклоша.

Многие рунические надписи клада, а также одна греческая на тюркском языке содержат личные имена, указывающие на принадлежность сосудов. И по ним, а также по языковым особенностям подтверждается правота В. Томсена и Ю. Немета, связывающих надписи с печенегами.

Константин Багрянородный в сочинении «Об управлении империей», в главе 37 – «О народе пачанакитов» – в числе других называет двух печенежских вождей, по прямому указанию одного из которых, по всей видимости, эти надписи были сделаны примерно в середине X века:

«Да будет известно, что пачинакиты сначала имели место своего обитания на реке Атил [Ἀτῆλ, Волга], а также на реке Геих [Γεῖχ = Υάυιχ, Урал], будучи соседями и хазар, и так называемых узов [Οὐζοῦς, огузов]. Однако пятьдесят лет назад [в 898–902 гг.] упомянутые узы, вступив в соглашение с хазарами и пойдя войною на пачинакитов, одолели их и изгнали из собственной их страны, и владеют ею вплоть до нынешних времён так называемые узы. Пачинакиты же, обратясь в бегство, бродили, выискивая место для своего поселения. Достигнув земли, которой они обладают и ныне, обнаружив на ней турок [т.е. мадьяр, венгров], победив их в войне и вытеснив, они изгнали их, поселились здесь и владеют этой страной, как сказано, вплоть до сего дня уже в течение пятидесяти пяти лет.

Да будет ведомо, что вся Пачинакия делится на восемь фем [провинций, племенных союзов], имея столько же великих архонтов. А фемы таковы: название первой фемы Иртим, второй – Цур, третьей – Гила, четвертой – Кулпеи, пятой – Харабои, шестой – Талмат, седьмой – Хопон, восьмой – **Цопон [Τζοπόν]**. Во времена же, в какие пачинакиты были изгнаны из своей страны, они имели архонтами в феме Иртим Баицу, в Цуре – Куела, в Гиле – Куркутэ, в Кулпеи – Ипаоса, в Харабои – Каидума, в феме Талмат – Косту, в Хопоне – Гиаци, а в феме **Цопон – Ботана** [εἰς δὲ τὸ θέμα **Τζοπὸν τὸν Βατᾶν**]. После смерти этих власть унаследовали их двоюродные братья, ибо у них утвердились законы и древний обычай, согласно которым они не имели права передавать достоинство детям или своим братьям; довольно было для владеющих им и того, что они правили в течение жизни. После же их смерти должно было избирать или их двоюродного брата, или сыновей двоюродных братьев, чтобы достоинство не оставалось постоянно в одной ветви рода, но чтобы честь наследовали и получали также и родичи по боковой линии. Из постороннего же рода никто не вторгается и не становится архонтом...

Должно знать, что четыре рода пачинакитов, а именно: фема Куарцикур, фема Сирукалпеи, фема Бороталмат и фема **Булацопон [Βουλατζοπόν]**, – расположены по ту сторону реки Днепра по направлению к краям *соответственно* более восточным и северным, напротив Узии, Хазарии, Алании, Херсона и прочих Климатов». Ещё он отмечает, что печенеги 3 фем – Иабдирти, Куарчичур и Хавуксингила – более мужественны и благородны и именуются кангарами, «ибо это и означает прозвище кангар» [4, с. 746–747; 12, с. 155–156].

О печенегах как обитателях указанных территорий напоминают названия крупных современных украинских населённых пунктов – *Печениги* и *Бурлук* (на реке того же названия) на Харьковщине и *Печенижин* на Ивано-Франковщине, а возможно, и *Кабанне* (с 1973 года *Красноріченське*) на Луганщине, а о половцах – *Зміїв* (др.-рус. *Шарукань*) на Харьковщине и *Половецьке* на Житомирщине и Киевщине и многие другие. Кстати, на горе Кременец над Северским Донцом у Змиева и сегодня вас встретят 56 скифо-половецких каменных баб – балбалов.

Список печенежских родов, крепостей и личных имён у Ю. Немета, П. Голубовского [5, с. 69], Н.А. Баскакова [2, с. 129–130] и А.М. Щербака [26, с. 107–110]:

Названия родов / этнонимы

Ἰαβδι-ερτιμ	jaβdi Erdim	Эртем	Йабды Эрдим	Јабдієртім
Καναρτζι-τζούρ	küärçi Ćur	Тзур	Куэрчи Чур	Күәрчичур
Χαβουξιν-γυλά	q'abušin Jula	Гюла	Қабукшын Йула	Хабухшінјула
Ζυρου-κουλπέη	suru Kül-bej	Кальпее	Суру Күлбей	Сурукәлпәј
Χαρα-βὸη	q'ara Baj	Харбое	Қара Бай	Харабој
Βоро-τοθλμάτζ	boru Tolmač	Талмат	Бора Толмач	Бороталмат
Γιαζι-χοπόν	jazi Q'apan	Хопон	Йазы Қопон	Јазіхопон
Βουλα-τζοπόν	bula Ćaban	Зоспон	Була Чопон (Чабан)	Булачопон

Названия крепостей / населенных пунктов

Τουγγᾶται	tün qataj = qatar	Туң-катай	Тункатај
Κρακνακάται	qaraq qataj	Қарак-катай	Кракнакатај
Σαλμακάται	salma qataj	Салма-катай	Салмакатај
Σακακάται	saqa-qataj	Сақа-катай	Сакакатај
Γιαιουκάται	Jaju-qataj	Йайу-катай	Јајукатај

Личные имена

τὸν Μαῖτζαν	Majča	Майчан	Байја
τὸν Κοῦελ	Küäl	Күэл	Күәл
τὸν Κοурκοῦταν	Qorqut	Қоркут(ан)	Куркут
τὸν Ἰπαόν	?	Й(а)пан	Іпа
τὸν Καϊδούμ	?	Қайдум	Кайдум
τὸν Κώσταν	qosta	Котан	Коста(н)
τὸν Γιαζή	?	Йазы / Йазай	Јазі
τὸν Βατάν	Bota	Бота(н) (уул) ¹	Бата(н)

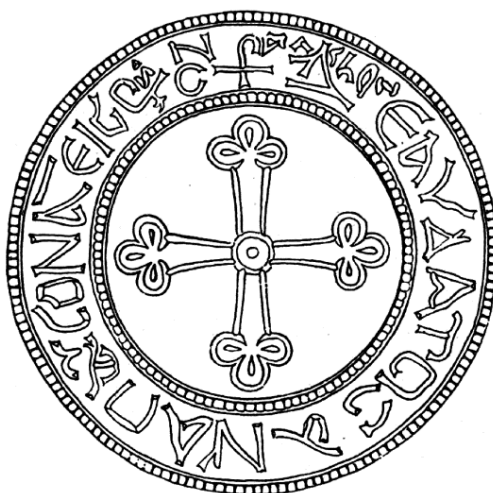
А.М. Щербак приводит транскрипцию ещё 22 личных имён: Турах, Кілтәр (Білтәр), Кулін, Кэгән, Сулју, Сәлтә, Караман, Каталім, Бал(т)чар, Чәлгү, Күрә, Тәмір, Күчүг, Мәтигәј, Тат(у), Боја, Караја, Пітік, Сача, Нэанчі, Татран Тіван;

3 населённых пунктов: Аспрон, Банамуні, Тэјгуа и 5 рек: Харакүл, Бал, Бурлік, Хадір, Алматај.

Самыми показательными языковыми особенностями надписей являются оканье и даже уканье (возможно, под влиянием говоров Киевской Руси), спорадический переход q > χ (как в урумском под влиянием греческого в Крыму) и имя действия на -цγ / -üg, а в графике – наличие специфического набора собственно тюркских рунических символов.

¹ Был каганом в 900–920 гг.

НАДПИСИ ГРЕЧЕСКИМ ПИСЬМОМ
Сосуды 9, 10. Греческая фраза на двух чашах с пряжками

ΧΡ ΜΕΤΑ ΥΔΑΤΟΣ ΑΝ' ΑΠΕΛΥΣΟΝ ΑΕΙΣ ΤΟ ΝΕΟΝ ΠΝ ΑΓΙΟΝ

Запись открывается монограммой ΧΡ – хризмой, сокращённым написанием имени Христа. Чаще всего хризма состоит из двух совмещённых начальных греческих букв имени ΧΡΙΣΤΟΣ – Ϟ. Здесь же совмещены знак креста (вместо Χ) и греческая буква ρ (ρο). Последние два слова фразы из-за нехватки места надписаны над её началом, и это вызывало затруднения. После попыток Йозефа Хампеля и Фр. Дитриха эта фраза все-таки была прочтена Бруно Кайлем и принята Ю. Неметом и другими:

Χριστός μετὰ ὕδατος ἀνθρώπους ἀπέλυσεν εἰς τὸ νέον πνεῦμα ἅγιον

«Christus hat mit Wasser den Menschen erlöst, emporsendend *daraus* den neuen heiligen Geist». Wir haben also Taufschalen for uns – «Христос отпустил [первородный грех] людей водой и тем превознёс новый святой Дух, – и от себя добавил: – Итак, у нас есть миски для крещения» [45, с. 256–261]. Подразумевается воспоминание о крещении Иисуса в Иордане от Иоанна Предтечи, который говорил крестящимся: «Я крещу вас в воде в покаяние» *Мф. 13: 11*.

Сосуд 21. Тюркская надпись греческим письмом на чаше с пряжкой

**+ ΒΟΥΗΛΑ · ΣΟΑΠΑΝ · ΤΕΣΗ · ΔΥΓΕΤΟΙΓΗ ·
 ΒΟΥΤΑΟΥΛ · ΣΘΑΠΑΝ · ΤΑΓΡΟΓΗ · ΗΤΖΙΓΗ · ΤΑΙΣΗ**

Здесь начало текста обозначает знак креста, подобно хризме на сосудах 9, 10.

Чтение В. Томсена, принятое многими:

Buila zoapan täsi dügätügi

Butaul zoapan tayruyi ičigi täsi [тесн, таисн = täsi, как Γεήχ – Γεих = Yáuyĭx, Яук, Урал, – А. Г.].

Французский перевод В. Томсена:

Le zoapan Bouila a achavé la coupe, (cette) coupe à boire qui par le zoapan Boutaoul a été adaptée à être suspendue.

Немецкий перевод Ю. Немета по В. Томсену:

Buila-župan hat die Schale vollendet, (diese) Trinkschale, die Butaul-župan zum Aufhängen geeignet gemacht hat.

Окончательная транскрипция Ю. Немета:

Buyla Čaban tesi – dügätögi – Butaul Čaban tagrogī ičigi tesi [56, с. 13]

Немецкий перевод Ю. Немета:

Die Schale des Boila Čaban, in seinem Auftrage wurde sie ausgeführt; Botaul Čaban hat ihr die Schnalle machen lassen, seine Trinkschale ist sie [54, с. 16].

Русский перевод С. Я. Байчорова по В. Томсену – Ю. Немету:

Зоапан Буйла сделал ковш, [этот] ковш для питья Зоапаном Бутаулом был прилажен для подвешивания.

Русский перевод С. Я. Байчорова:

Чаша Бойла Зопана, сделана она Ботаулом, чаша для питья для окружающих Зопана [1, с. 129].

Перевод Петра Добрева с праболгарского:

Чашата, за която жупан Боила повели, като облицоват, да изпишат, и от която да пие наздраве жупан Ботаул – Это чаша, которую жупан Бойла повелел украсить и подписать и из которой пьёт жупан Ботаул [10].

Были и другие тюркские чтения, слишком сомнительные, чтобы на них реагировать. Среди новых тюркологических особо выделяется исследование О. А. Мудрака, представителя московской школы компаративистики, одного из авторов трёхтомного «Этимологического словаря алтайских языков» [59]. Что в нём особенного? Несмотря на то, что деление на слова в этой надписи недвусмысленно обозначено точкой, Олег Алексеевич счёл некоторые слова группами слов и даже разделил надвое ключевые имена собственные – родовое Чобан «пастух» и личное Ботаул / Бутаул. Причём персидское бота «сосуд, чаша, тигель» стало ни с того ни с сего «стандартным тюркским», хотя на самом деле пота со значением сосуда отмечено только в Крыму, в караимской загадке о корабле: узун-узун потам вар «есть у меня очень длинный сосуд» [22, с. 383], что вряд ли похоже на плоскую круглую чашку диаметром 12 см. В других языках, на которые ссылается О.А. Мудрак, бота / пота – 1) верблюжонок и 2) шейная повязка, а Ботаул / Бутаул – «верблюжонок-сын». Известное по памятникам Тоньюкука и Бильге-кагана титульное имя Бойла / Буйла превратилось в местоименное наречие и пр. В результате посвятительная надпись преобразовалась, по выражению автора, в «ожидаемую здравицу», на мой взгляд, слишком фамильярную:

buila. zó apan. tesi. žiGetöGi.

buta ul. zō apan. taGroGi. ičigi. tesi

«Если князь, то в таком случае, как говорится, прославься!

А вот – чаша, то в таком случае, опрокинь и выпей!, как говорится» [21].

Евгений Хелимский читал эту надпись по-тунгусски [43], но его попытку доказательно опровергли, последним – Хосе Андре Алонсо де ла Фуэнте [30]. Тем не менее, замечательна догадка Е. Хелимского о том, что надпись связана со сменой вождя.

По моему мнению, в этой памятной записи речь идёт не о заказчиках, один из которых велел сделать чашу, а другой – припать к ней пряжку. Чаша 21 статусная, но не самая большая из четырёх поясных чаш. Чаши 9, 10, подписанные другим именем, в полтора раза больше, чем 20 и 21. Выходит, её владелец мог быть статусом ниже. Когда Буйла-Чобан свои полномочия окончил, на его место

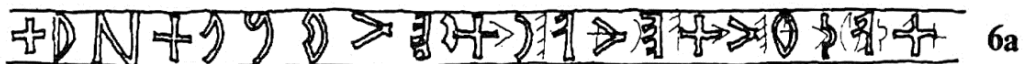
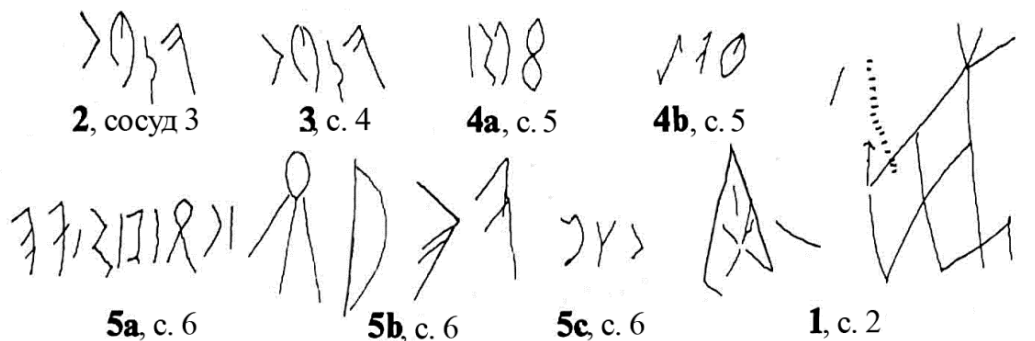
был избран Бутаул-Чобан. И тогда чаша – один из атрибутов соответствующего достоинства – была передана ему для ношения и питья во время церемоний. Потому-то первое имя действия (*dügätügi*) и стоит обособленно после существительного, к которому относится, сообщая о событии, финальном для прежнего владельца и причинном для нового. Второе глагольное имя – *tauruji*, снабжённое аффиксом понудительного залога *r*, поясняет, что новый обладатель не сам по себе стал цеплять обрётённую чашу к поясу и носить на себе, а получил на то почётное право. Согласно сказанному Константином Багрянородным о смене власти в объединениях печенегов и этим грамматическим особенностям, предлагаем переводить эту надпись так:

Это чаша Буйла-Чобана. Когда он окончил свои дни,
Ботаул-Чобан обрёл право носить эту чашу, он пьёт из неё.

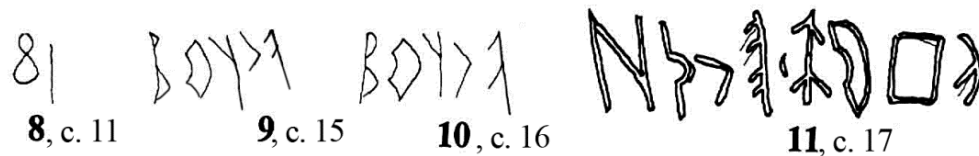
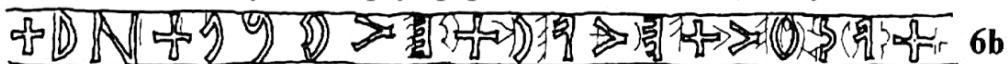
Кроме чаши 8, именем Буйла-Чобана помечены кувшины 3, 4, а также чаши 15, 16, с ручками.

НАДПИСИ РУНИЧЕСКИМ ПИСЬМОМ И РИСУНКИ

Надписи намечали шилом слева направо, а если не умещались на нужном месте, то, выбивая их узким прямоугольным бородком поперёк, уже справа, текст уплотняли, пока буквы не совпадали.

Сосуд 8. Сверху прорисовка Й. Хампеля, снизу – Ю. Немета.

Рунические надписи, набранные шрифтом *NSMiklosh*

2-3, сосуды 3-4: >0ʃ1	7а, с. 9, 7b, с. 10 Иʃ>ʃ1ʃ0ʃ1
4а, с. 5: ʃʃ8	7с, сосуд 9 Иʃ>ʃ1
4b, с. 5: ʃ10	8, сосуд 11 81
5а, с. 6: ʃ1ʃʃ0ʃʃ1	9-10, сосуды 15-16 В0ʃ1>ʃ1
5b, с. 6: ʃD>ʃ1	11, с. 17 Nʃ>ʃ1ʃʃ0ʃʃ1
5с, с. 6: ʃʃ>	12, с. 23 Иʃ>ʃ1ʃʃ0ʃʃ1
6а, 6b, с. 8: +DN+ʃʃʃʃ>ʃʃ+ʃʃ>ʃʃ+>0ʃ1+	13а, с. 22 Nʃ>ʃ1ʃʃ0ʃʃ1
	13b, с. 23 ʃ0ʃ1ʃʃD>ʃ1

Рунические символы клада из Надь-Сент-Миклоша

В данной системе письма 29 символов, а если символы ʃʃʃ, ИN, 00, Dʃ, ʃʃ, считать произвольными графическими вариантами, то 23. В сводных таблицах древнетюркских рун Игоря Леонидовича Кызласова [13, с. 125, 131], взятых для сравнения, из 29 символов данного комплекса нет 18 тождественных.

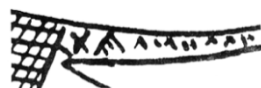
В интерпретации С. Байчорова не нашлось места по крайней мере 8 звукам: *i, i, k, p, r, t, v, z*, но при этом 6 звукам присвоено несколько обозначений: *g* – 5 (ʃʃʃʃ), *γ* – 2 (ʃʃ), *j* – 2 (ʃD), *m* – 2 (ʃʃ), *n* – 2 (ʃʃ), *š* – 2 (ʃʃ).

Значение символов у Ю. Немета, С. Байчорова, Д. Чаллания и И. Кызласова

Знак	ЮН	СБ	ДЧ	ИК	Знак	ЮН	СБ	ДЧ	ИК
>	<i>a, á, e</i>	<i>o, u</i> <i>ö, ü</i>	<i>a</i>	<i>o, u</i>	00	<i>l</i>	<i>l</i>	<i>l</i>	
ʃ	<i>i, i</i>	<i>g</i>	<i>i, i</i>		ʃ	<i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>
ʃ	<i>u, ü</i>	<i>m</i>	<i>u</i>	<i>aʒa</i>	8	<i>η</i>	<i>γ</i>	<i>η</i>	
ʃ	<i>b</i>	<i>g, γ</i>	<i>p, b</i>		ʃ	<i>r</i>	<i>š</i>	<i>nd</i>	
ʃʃʃ	<i>č</i>	<i>g</i>	<i>z</i>		ʃ	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>
ʃ	<i>dž</i>	<i>m</i>	<i>dz</i>	<i>ö/ü k ö/ü</i>	D	<i>š</i>	<i>j</i>	<i>n</i>	<i>j</i>
ʃ	<i>g</i>	<i>nč</i>	<i>d</i>	<i>nč</i>	ʃ	<i>š</i>	<i>q</i>	<i>n</i>	<i>j</i>
ʃ	<i>ǰ = γ</i>	<i>η</i>	<i>t</i>	<i>η</i>	ʃ	<i>t</i>	<i>g</i>	<i>č, š</i>	
ʃ	<i>y</i>	<i>j</i>	<i>o</i>		ʃ	<i>v</i>	<i>b</i>	<i>b</i>	<i>b ()</i>
ИN	<i>q</i>	<i>q</i>	<i>q</i>		ʃ	<i>v</i>	<i>š</i>	<i>u</i>	
ʃ	<i>k</i>	<i>a, ä</i>	<i>q</i>	<i>a, ä</i>	ʃ	<i>z</i>	<i>n</i>	<i>i, i, j</i>	<i>p</i>
ʃ	<i>m? q?[χ?]</i>	<i>č</i>	<i>°k</i>		+ +	Знаки словоделения			

Сосуд 2. Кувшин

«По предположению Р. Гиршмана, блюдо изготовили в конце VI в. в Согде для тюркского номада. Снаружи блюда внутри поддона (отломан) – среднеперсидская курсивная надпись:

Чтение Э. Херцфельда: “Этот сосуд из серебряных монет приказал сделать Шарвен Масмоган” (член династии, правившей Демавендом до 758/759 г.)...

В.А. Лившиц и В. Г. Луконин прочитали эту надпись иначе: “Этот сосуд приказал сделать Пур-и Вахман. 302 весовые драхмы”» [6, с. 57; фото: 40, с. 29].

Изображение 1, с. 2 на дне кувшина состоит из двух рисунков конической формы. У Вальтера Фехерне оно дано дважды, но рядом с фото сосуда повернуто на 180° [40, с. 7]. По мнению Ю. Немета, это, возможно, тамга или лигатура [56, с. 19]. Сосланбек Байчоров считал текстом и читал как *ʒcʷu* «памятный» [1, с. 103].

Сосуды 3 и 4. Кувшины

Изображения 2, сосуд 3 и **3**, с. 4 – 𐰃𐰏𐰔, состоящие из 4 символов, Ю. Немет читал как имя собственное *V^oyla / V^oyla* [56, с. 6], т.е. *Бойла / Буйла*.

Ф. Альтхайм: *qad^ui* «печаль» [32, с. 202].

С. Байчоров: *ᶜᶜᶜ ᶜᶜᶜᶜᶜ* [=ᶜᶜᶜᶜ ᶜᶜᶜᶜᶜ] «имеющий дарственную резьбу (гравюру)» [1, с. 103].

Д. Чаллань: *Volya / Voya* [34, с. 59–60, 82].

Сосуд 5. Кувшин

Изображения 4a, с. 15 и **4b**, с. 15 – 𐰃𐰏𐰔 и 𐰃𐰏𐰔 – 2 группы символов на дне кувшина.

Первую Ю. Немет читал как *e^hz^eg^s* «широкое отверстие» [54, с. 30; 56, с. 6, **21**], т.е. *Enis-Ayiz* «широкий рот, ширококоротый», несмотря на палатальный характер группы *gs*.

Ф. Альтхайм: *budⁿ* [32, с. 199], подобно др.-тюрк. *bodⁿ* «народ».

Вторую группу Ю. Немет читал как печенежское имя собственное *lb^ek* [54, с. 27; 56, с. 21], т.е. *Ильбек* «князь страны».

Ф. Альтхайм: *ᶜᶜᶜkⁱ* [32, с. 200], т.е. «для ᐅge».

С. Байчоров, полагая, что это единый текст, читает как *ᶜᶜᶜᶜᶜᶜᶜ ᶜᶜᶜᶜᶜᶜᶜᶜ* «Дарственная память (т.е. дарственный подарок). Великому» [1, с. 103].

Д. Чаллань – тоже как один текст: *nag'idis Elye-bek* «барина бека Элье» [34, с. 60, 82].

Сосуд 6. Кувшин

Изображения 5a, с. 6 – 𐰃𐰏𐰔𐰏𐰔, **5b**, с. 6 𐰃𐰏𐰔, **5c**, с. 6 – 𐰃𐰏 – 3 группы символов на дне кувшина.

Ю. Немет группу **5a**, с. 6 – 𐰃𐰏𐰔𐰏𐰔 читал как *Sevⁿüg Bⁱc^e* [54, с. 29; 56, с. 7, **21**], т.е. *Севинюг-Биче* «княгиня-радость»;

группу **5b**, с. 6 – 𐰃𐰏𐰔 сначала оставил без чтения, но позже прочёл как имя собственное *ba(e)š / Vaš^av* [56, с. 7, **21**], ср. **13b**, с. 23.

группу **5c**, с. 6 – 𐰃𐰏 читал как *aği* «ценность, подарок» [54, с. 29, 31; 56, с. 7, **21**]. Может, *Ağay* «дядя»

Ф. Альтхайм группу **5a**, с. 6 – 𐰃𐰏𐰔𐰏𐰔 прочёл как *sub nošda qaq* «Waser im Trunk ist Schade (eigentlich schlagen)» – «Вода в напиток – жалость (на самом деле – бить)»;

группу **5b**, с. 6 – 𐰃𐰏𐰔 – как *qoyut* «моя овца» [32, с. 200].

С. Байчоров, несмотря на то что группа **5c** – 𐰃𐰏 стоит не посередине на дне вместе с остальными, а отдельно, сбоку на тулове кувшина, прочёл всё вместе как одно выражение: *Собⁿ мⁿч ᶜᶜᶜᶜᶜᶜᶜ ᶜᶜᶜᶜᶜᶜᶜ* [=ᶜᶜᶜᶜᶜᶜᶜ] *ой (уш)*. *Он^гᶜᶜᶜ* «Собэн настолько славен. Дарственная резьба (гравюра). Резьба (гравюра)» [1, с. 110].

Д. Чаллань: *sabánud Béz pan'u; atī* «цо, господина шабана Без» [34, с. 60–61, 82].

Сосуд 8. Овальная чаша с широкой продольной ручкой

Изображения 6a, **6b**, сосуд 8 – +DN+𐰃𐰏𐰔𐰏𐰔+𐰃𐰏𐰔+ – снаружи, на продольном краю чаши, вдоль основания широкой ручки. Текст, нацарапанный шилом слева направо, не уместился; затем мастер выбил его прямоугольным бородком справа налево, уплотняя, пока буквы не совпали.

Ю. Немет читал эту надпись как *B^uyla Čab^an čeriz q^aš* «the dessert dish of Buyla Čaban» – «десертное блюдо Бойла Чабана» [54, с. 24; 56, с. 6, 12, 16, **23**].

Ф. Альтхайм прочёл как *Qad^ui qoquni qu^wrayin öy* «Den Kummer vermindet die Zeit der Geselligkeit» – «Горе уменьшает время общества» [32, с. 201].

С. Байчоров: *ᶜᶜᶜᶜᶜᶜᶜ ᶜᶜᶜᶜᶜᶜᶜ ᶜᶜᶜᶜᶜᶜᶜ ᶜᶜᶜᶜᶜᶜᶜ ᶜᶜᶜᶜᶜᶜᶜᶜᶜ* «Выгравировавший эту ценность, имеющую дарственную резьбу, – Акай» [1, с. 115].

Д. Чаллань: *Bolya zapán ~ sabán Zanádij kán'* – шабан Болйа хан Запада ~ Санада [34, с. 62, 82].

Встречается мнение, что последние буквы DN не рунические, а обычное латинское сокращение DN «Dominus noster» – «Отче наш» [28, с. 144].

Почему бы не *V^oyla / V^uyla Čaban Čariz-Qaš* – Бойла-Чабан Чарыш-Қаш, где *čariz = čariš* (*džaris*) < *yariš* «раскол; расщелина; расколотый, рассечённый» + *qaš* «бровь, брови» = *čarišqaš* (*džarisqas*) «с рассечённой бровью»? Ср. ещё название реки *Čariš / Чарыш* и одноименных поселений на Алтае и других тюркских территориях.

Сосуды 9, 10. Чаши неглубокие с пряжками**Сосуд 17. Рог, изогнутый коленом****Сосуды 22, 23. Бокалы широкие на ножках**

Надписи 7а, с. 9, 7б, с. 10 – Иᠰᠢᠶᠢᠬᠤᠰᠤᠨ, 11, с. 17 – Иᠰᠢᠶᠢᠬᠤᠰᠤᠨ, 12, с. 23 – Иᠰᠢᠶᠢᠬᠤᠰᠤᠨ, 13а, 22 – Иᠰᠢᠶᠢᠬᠤᠰᠤᠨ в принципе идентичны. На чаше 10 знаки надписи 7б вначале нацарапаны, а затем выбиты бородком. Имеются несущественные отличия в начертании последнего и четвёртого с конца символов. Кроме того, эскиз надписи 7б, с. 10 – Иᠰᠢᠶᠢᠬᠤᠰᠤᠨ – был нацарапан, похоже, иначе, но выглядит неразборчиво.

Ю. Немет читал эту надпись как *Tur^m / Tur^q ič ay^aq* «the drinking cup of Tuguq», или «drink, Tuguq, a cup», или «drink, Tuguq – a drinking cup» – «чаша Турука для питья», или «Турук, выпей эту чашу» [54, с. 30; 56, с. 8, 26, 30, 35]. Само *turum* – «1. жеребёнок-двухлетка. 2. твёрдость, стойкость». Вариант *Tur^q* по сходству буквы ᠰ с др.-тюрк. ᠰ [q] поддержал А.М. Щербак [25, с. 368]. Ср. ещё приведённое им же печенежское имя *Turax* < *Turaq* «стойкий», что вероятно, если буква ᠰ обозначала звук *χ* < *q*, как в греческом названии Яика / Урала у Константина Багрянородного: *Γεῖχ* – *Γεῖχ* [= *Yâyix*] (см. выше), где, кстати, палатализованный гласный *â* передан через *e*. Так же, как и в слове *теш* / *таиш* = *tâsi* «его чаша» во второй надписи греческим письмом.

Вторую часть имени можно было бы принять за *čayiq / džayiq / žayiq* < *yayiq* «1. налим (рыба). 2. разостланный, разливающийся; разлив; широкий» + название реки Урал *Čayiq / Džayiq / Žayiq* < *Yayiq*, если бы переход *y* (*j*) > *ž* / *dž* / *č* происходил в столь ранние века.

Чтение Ф. Альтхайма в передаче С. Байчорова: *Нон^u рт³ кьод^{br}р* «Пей по утрам и делай это с усердием» [32, с. 201–202].

Собственное чтение С. Байчорова: *Г^oм^oич^a гь [= ^aгьы] ой^yкь* «Дарственная гравюра ювелира» [1, с. 117].

Надпись 7с, с. 10 – Иᠰᠢᠶᠢᠬᠤᠰᠤᠨ не выбита, а лишь процарапана.

Ю. Немет: *tab^aq* «блюдо, чаша» [54, с. 23; 56, с. 6, 27]. Мы полагаем; что это – личное имя *Tabaq* того же исходного значения: среди казахов, например, много *Табакбаевых*.

Ф. Альтхайм: *^anuq^r* «он готов» [32, с. 202].

С. Байчоров: *^Aг [= ^aгьы] огь^yкь* «Дарственная гравюра» [1, с. 118].

Д. Чаллань: *Sunád-ok zaok* – племя / род Шунад / Чанад даровая доля [34, с. 62, 82].

Надпись 13б, с. 23 – ᠨᠠᠰᠢᠶᠢᠬᠤᠰᠤᠨ не выбита, а лишь процарапана, словоделитель пропущен.

Ю. Немет: *Vaš^av*, *b^ağl^an* «be faithful, Ваšav» – «Башав, будь верным» [54, с. 23; 56, с. 6, 27]. Имя *Vaš^av* объяснить не могу. Но вряд ли подходит сравнение с каз. *Басаубай*, так как оно не от каз. *bas* < *baš* «1. голова, начало. 2. рана, нарыв», а от *bas-* «давить, наступать, нападать».

Ф. Альтхайм: *küngindin* «от раба» [32, с. 202].

С. Байчоров: *^aгь [= ^aгьы] ой^yш^a гь^bнгл^aн* «Будь ценен, (как) дарственная гравюра» [1, с. 130–131].

Д. Чаллань: *pan'u Bataljan* – барина (села) Баталья [34, с. 62, 82].

Вероятно, второе слово – тюркское личное имя *Baylan* «подростший, упитанный ягнёнок раннего окота», целиком – *Vaš^av B^ayl^an* – Башав Бағлан. Ср. 5б, с. 6.

Сосуд 11. Чарка

Изображение 8, с. 11 – 8l. Надпись процарапана на дне сосуда.

Ю. Немет читал эту надпись как *s^eη* «vessel» – «сосуд», подобно монг. *seηgesün*, *segesün* «drinking vessel used also as a measure» – «сосуд для питья, используемый также как мензурка» [54, с. 29; 56, с. 6, 27].

Ф. Альтхайм читал как *sab / sub* «вода» [32, с. 200].

С. Байчоров: *³с^a гь [= ^aгьы]* «Памятный подарок» [1, с. 119].

Д. Чаллань: *sänäk* – Санад [34, с. 62, 82].

Ср. кыпч. *sän* «камень, глыба», каз. *сең* «глыба льда».

Сосуды 15, 16. Чаши с плоскими ручками

Изображение 9, с. 15, 10, с. 16 – Вᠣᠨᠳᠤᠰᠤᠨ. Эти надписи, лишь процарапанные на каждой из чаш, но не вычеканенные, идентичны.

Ю. Немет читал как *bayr^adž* [54, с. 23; 56, с. 6, 36].

Ф. Альтхайм: *²ko/ung¹r²b* или *²ko/ung¹r¹ang* – оставлено без перевода [32, с. 200].

С. Байчоров: ^aгъ [=^aгъы] онг^yи^yм «Моя дарственная гравюра» [1, с. 117].

Д. Чаллань: *Batanád-edez* Батанад-эдез [34, с. 62, 82].

Слово *bayr^adž* подобно кыпч., осм. *baqradž*, каз. *бақыраш* «ковш, черпак с ручкой», сперва медный (от *бақыр* «медь»). В Северном и Западном Казахстане это ещё и эквивалент названий *ожау*, *шөміш* «поварёшка, половник». Понятно, что никакой ювелир, медник, кузнец или шорник не стал бы писать на ковшике, что это ковшик, и тем более – в силу своих профессиональных знаний – не стал бы подписывать изошрённую княжескую чашу весом в 104 грамма 21-каратного (87,5%) золота словом «медяшка». Ибо название поначалу не было связано с формой или назначением, а шло от материала и означало медь, а иногда латунь и бронзу, медные деньги и всякую медную посуду, а уж после переходило на другие виды сосудов, схожие с первыми медными [23, с. 45–46]. Но нанести имя владельца по его приказу мастер был обязан, и сделал он это своим обычным кузнечным методом. А то, что *Bayradž* – имя персональное, косвенно подтверждают старые казахские личные имена *Бақырашбек*, *Ожаубай*, *Шөмішбай*, которые сегодня мы знаем как фамилии. Именно такой была традиция – именовать детей, среди прочего, названиями предметов повседневного быта: «от сглаза».

В заключение следует признать, что с позиций здравого смысла действительно наиболее перспективным полем поиска соответствий является ономастика, а конкретнее – пока ещё не обобщённый комплекс личных и родовых имён и географических названий тюркских языков. Впрочем, и ономастические определения при произвольном толковании символов могут быть не менее уязвимыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байчоров С.Я. Древнетюркские рунические памятники Европы: Отношение северокавказского ареала древнетюркской письменности к волго-донскому и дунайскому ареалам. Ставрополь, 1989.
2. Баскаков Н. А. Тюркские языки. М.: Изд-во вост. лит., 1960.
3. Ваклинов С., Ваклинова М. Съкровището от Над Сент Миклош. София: Септември, 1983.
4. Великая Степь в античных и византийских источниках / Сост. и ред. А. Н. Гаркавца. Изд. 2-е. Алматы: Китап, 2006.
5. Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884.
6. Даркевич В. Т. Художественный металл Востока. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976.
7. Димитров Д.П. Днешното състояние на въпроса за прабългарския произход на златното съкровище от Над Сент Миклош // Известия на Историческото дружество в София. XXII/XXIV, 1948. С. 338–414.
8. Димитров М.Д. Златните съдове от гробницата на цар Аспарух. София, 1929.
9. Добрев И. Етническа принадлежност на прабългарите според неславянската лексика в Именника на българските ханове // Научна конференция «Древните българи преди 681 г. Произход, история и култура». София, 1998.
10. Добрев П. Златното съкровище на българските ханове от Атила до Симеон. София: Рива, 2005.
11. Ильинский Г.А. К вопросу о так называемом «сокровище Аттилы» // Вестник Научного общества татароведения, № 8. Казань, 1928. С. 123–130.
12. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. Изд. 2-е, испр. М.: Наука, 1991.
13. Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Вост. лит., 1994.
14. Мавродинов Н. Прабългарската художествена индустрия // Мадара. 1936, II. С. 255–273.
15. Мавродинов Н. Старобългарското изкуство: Изкуството на Първото българско царство. София: Изток-Запад, 1959.
16. Михайлов С. Нови данни за прабългарския произход на Златното съкровище от Наги Сент Миклош // Исторически преглед, 1992, № 1–2.
17. Младенов С. Надписи на старобългарското съкровище от Nagy-Szent-Miklós (Банатско) // Годишник на Народния музей, кн. 7, 1922–1925.
18. Младенов С. Първобългарско, а не печенежско е т. нар. Атилово златно съкровище от Над сент Миклош // Годишник на Софийския университет. Ист.-филол. факултет, 31. 1934–1935.
19. Младенов С. Томсеновият опит за прѣводъ на найдългия надпис на старобългарското съкровище от Nagy-Szent-Miklós // Списание на Българската академия на наукитѣ, кн. 35, 1926.
20. Москов М. Именник на българските ханове. София: Д-р Петър Берон, 1988. С. 17–18.
21. Мудрак О.А. Аварская надпись на сосуде клада Надь-Сент-Миклош // *Orientalia et Classica: Аспекты компаративистики*, вып. VI. М.: Изд-во РГГУ, 2005. С. 81–103.
22. Радлов В. Образцы народной литературы северных тюркских племён. VII. Наречия Крымского полуострова. СПб., 1896.

23. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978.
24. Чаллань Д.А. Nagyszentmiklósi aranykincs rovásfeliratainak megfejtése és történeti háttere. Die Entzifferung der Kerbinschriften des Goldschatzes von Nagyszentmiklós und sein geschichtlicher Hintergrund. Исторический план расшифровки рунических надписей золотого клада из Надьсентмиклоша // A Nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve, 1967, X. Budapest: Múzeumi Ismeretterjesztő Központ, 1968. С. 31–84.
25. Щербак А.М. Знаки на керамике и кирпичах Саркела – Белой Вежи: К вопросу о языке и письменности печенегов // Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. М.-Л., 1959. С. 362–414.
26. Щербак А.М. Печенежский язык // Языки мира. Тюркские языки. Бишкек: Кыргызстан, 1997. С. 107–110.
27. A Nagyszentmiklósi “Attila kincs” lelet-körülményei // A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve, 1968.
28. Albrecht S. Die Inschriften des Goldschatzes von Nagyszentmiklós / Sânnicolau Mare im byzantinischen Kontext // Der Goldschatz von Sânnicolau Mare (Ungarisch: Nagyszentmiklós). The Treasure of Sânnicolau Mare (Hungarian: Nagyszentmiklós). Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2015.
29. Alföldy Andreas. Études sur le trésor de Nagyszentmiklós // Cahiers Archéologiques, 1950, V, p. 123–149; 1952, VI, pp. 43–53; 1954, VII, pp. 61–67 + plates XIX–XX.
30. Alonso de la Fuente José Andrés. Tungusic Historical Linguistics and the Buyla (A. K. A. Nagyszentmiklós) Inscription // Studia Etymologica Cracoviensia, 2015, vol. 20, pp. 17–46.
31. Altheim F. Geschichte der Hunnen. Berlin. Bd. 1, 1959; Bd.2, 1960; Bd. 5, 1962, pp. 293–304.
32. Altheim F. Hunnische Runen. Halle: Max Niemeyer, 1948.
33. Altheim F. Literatur und Gesellschaft in ausgehenden Altertum, B. 1–2. Halle: Max Niemeyer, 1948.
34. Csallány D. A nagyszentmiklósi aranykincs rovásfeliratainak megfejtése és történeti háttere // A Nyíregyházi Jósa András Múzeum évkönyve 10, 1967, pp. 31–84.
35. Csallány D. Archáologische Denkmäler der Awarenzeit in Mitteleuropa. Budapest, 1956.
36. Csallány D. Der Schatz der Csanádén // A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve, 1969.
37. Daim F. The Gold of the Avars. Three Case Studies. Napoli: Guida Editori, 2017.
38. Daim F., Stadler P. Der Goldschatz von Sânnicolau Mare (Nagyszentmiklós) // Reitervölker aus den Osten. Hunnen + Avarer / Ed. F. Daim. Halbtorn, 1996, pp. 439–445.
39. Erdal M. The Turkic Nagy-Szent-Miklós Inscription in Greek Letters. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, 1988, t. 42, f. 2–3, pp. 221–234.
40. Fehérné W. A. Az ékirástól a rovásírásig. K. 2. Buenos Aires: Magyar Őskutatás, 1975.
41. Hampel J. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig, 1905. Vol. I, pp. 153–161.
42. Hampel J. Der Goldfund von Nagy-Szent-Miklós, sogenannter “Schatz des Attila” // Hungarische Revue. Budapest, 1885, V. Репринты: Kessinger Publishing, LLC, September 10, 2010. 192 стр.; Hansebooks, 31 Mar. 2016. 196 стр.
43. Helimski E. On Probable Tungus-Manchurian Origin of the Buyla Inscription from Nagy-Szentmiklós: Preliminary Communication. Studia Etymologica Cracoviensia, 2000, 5, pp. 43–56.
44. Hosszú G. Heritage of Scribes: The Relation of Rovas Scripts to Eurasian Writing Systems. Budapest: Rovas Foundation, 2011, 2012, 2013.
45. Keil B. Die griechischen Inschriften im sogenannten "Schatz des Attila" // Repertorium für Kunstwissenschaft, XI, 1888, pp. 256–261.
46. Kondakov N.P. The Treasure of Nagy-Szent-Miklós // The Bulletin of the Byzantine Institute, I, Paris, 1946, pp. 7–13.
47. László G. / Rác I. Der Goldschatz von Nagyszentmiklós. Budapest-Wien-München: Corvina-Schroll, 1983.
48. László G. Contribution à l'archéologie de l'époque des Migrations // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, t. VIII, f. 1–4, 1957, pp. 165–198.
49. László G. On Two False Runic Texts. Hungaro-Turcica // Studies in Honour of Julius Németh. Budapest, Loránd Eötvös University, 1976.
50. László G., Rác I. A Nagyszentmiklósi kincs. Budapest: Corvina Kiadó, 1977.
51. László G., Rác I. The Treasure of Nagyszentmiklós. Budapest: Corvina Kiadó, 1984.
52. Mavrodinov N. Le Trésor protobulgare de Nagyszentmiklós // Archeologia Hungarica, 19, 1943.
53. Mőtefindt H. Der Schatzfund von Nagyszent-Miklós // Ungarische Jahrbücher. 1925, V, pp. 364–391.
54. Németh J. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós. Mit zwei Anhängen: I. Die Sprache der Petschenegen und Komanen. II. Die Ungarische Kerbschrift. Budapest: Körösi Csoma Gesellschaft, 1932.
55. Németh J. Les Inscriptions du trésor de Nagyszentmiklós // Revue des études hongroises, 1933, Vol. 8–11, pp. 5–38; 1934, Vol. 12, pp. 126–136.
56. Németh J. The Runiform Inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and the Runiform Scripts of Eastern Europe // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. XXI, 1–2. Budapest, 1971, pp. 1–52.
57. Pritsak O. Die Bulgarische Fürstenliste. Wiesbaden, 1955.

58. Róna-Tas A. The Inscriptions of the Nagyszentmiklós Treasure. The Gold of the Avars. The Nagyszentmiklós Treasure. Catalogue of the Exhibition / Eds. Kovács T., Garam É. Budapest, 2001, pp. 120–129.
59. Starostin S., Dybo A., Mudrak O. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1–3. Leiden, 2003.
60. Supka G. Das Rätsel des Goldfundes von Nagyszentmiklós // Monatshefte für Kunstwissenschaft, IX, 1916, pp. 13–24.
61. Thomsen V. 1) Une inscription de la trouvaille d'or de Nagy-Szent-Miklós (Hongrie) // Historisk-filologiske Meddelelser udgivne af Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Bind I. København, 1917–1918, pp. 1–28; 2) Idem // Samlede Afhandlinger. T. III. København: Gyldendal, 1922, pp. 327–353.
62. Tryjarski E. Altes und Neues zur Entstehung der türkische Runenschrift // Rocznik Orientalistyczny, t. XLV (1985), z. 1, pp. 59–77.

Сведения об авторе: Александр Николаевич Гаркавец – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Казахского научно-исследовательского института культуры МКС РК и Института языкознания имени А. Байтурсынова КН МОН РК (Алматы, Казахстан). E-mail: qypchaq@gmail.com

INSCRIPTIONS ON THE VESSELS OF NAGYSZENTMIKLÓS

Alexander N. Garkavets

*Kazakh Research Institute of Culture under the Ministry
of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan,
A. Baitursynov Institute of Linguistics*

Abstract. The runic inscriptions on the gold vessels of the so-called “Attila’s hoard” are identified as Pecheneg ones. The Cumanian Khan Kotyan, who moved with his 40 thousandth horde to Hungary in 1239 and was treacherously killed in Pest, was probably the last owner of the trophy treasure. In terms of content, these are proprietary inscriptions indicating that vessels belong to certain people. The Greek inscription in the Turkic language informs about the change of the leader of the horde of Buila after his death by the new leader, Botaul. Both of these names are mentioned by Constantine VII Porphyrogenetos. Several Pecheneg names of these inscriptions have analogues in modern Qypchaq languages.

Keywords: Cumans-Kipchak-Polovtsy, Pechenegs, runic writing, Turkic language, Attila’s hoard, Nagyszentmiklós

About the author: Alexander N. Garkavets – Dr. Sci. (Philology), Chief Scientist, Kazakh Research Institute of Culture under the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan; A. Baitursynov Institute of Linguistics (Almaty, Kazakhstan). E-mail: qypchaq@gmail.com

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ТЕРМИНА «ТАТАР» В СОЧИНЕНИИ ДЖУЗДЖАНИ «ТАБАКАТ-И НАСИРИ» ПРИ ОПИСАНИИ ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА

Д.М. Тимохин

ФГБУН Институт востоковедения РАН

Опубликованная относительно недавно обстоятельная статья Д.М. Исхакова «Термин «татаро-монголы / монголо-татары»: понятие политическое или этническое? Опыт источникового и концептуального анализа» заставляет вновь обратить внимание на персидское сочинение «Табкат-и Насири», написанное Джузджани, а точнее на ту его часть, которая затрагивает события домонгольского периода. Смелая интерпретация сообщений средневекового историка относительно Кадыр-хана Туркестанского и понятия «татар» заставляет автора данной статьи привлечь внимание научной общественности и к самому указанному историческому источнику, и на сложившуюся вокруг него историографию. Необходимо вновь рассмотреть проблему того, насколько хорошо представляли себе средневековые арабо-персидские историки этноплеменной состав восточного Дешт-и Кыпчака и насколько убедительны в таком случае будут выводы современных исследователей.

Автор обратился, как непосредственно к сочинению Джузджани «Табакат-и Насири», как к переводу, так и к частично изданному оригинальному тексту, а также к широкому кругу арабо-персидских исторических сочинений XII–XIV вв., а также к отдельным более поздним памятникам. Автором поставлены под сомнение существующие интерпретации сообщения Джузджани относительно Кадыр-хана Туркестанского и понятия «татар» прежде всего по той причине, что большинство исследователей не учли особенности информационного наполнения той части «Табакат-и Насири», которая касается хорезмшахов из династии Ануштегинидов. Вторым контраргументом против далеко идущих построений на основании данного текста связано с внутренними противоречиями самого представленного исторического нарратива, а также отсутствия подтверждающих данных в других арабо-персидских исторических сочинениях.

Ключевые слова: Джузджани, татары, арабо-персидские источники, историография, Кадыр-хан, Табакат-и Насири

В этой статье будут рассмотрено относительно известное исследователям описание похода хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада, закончившееся столкновением с монголами на Тургайской равнине, которое само по себе считается важной причиной начала войны между Хорезмом и державой Чингиз-хана. Данное событие подробно описано в различных арабо-персидских источниках, как синхронных, так и более поздних, однако «Табакат-и Насири», принадлежащее перу персидского историка Джузджани, предоставляет в данном случае уникальные сведения. Согласно персидскому автору, хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад в 1218 г. отправился в степь грабить владения некоего Кадыр-хана Туркестанского, однако в силу обстоятельств столкнулся с монгольскими войсками и едва не был разбит в битве на Тургайской равнине. Этого исторического персонажа в своем тексте Джузджани обозначает в одном месте, как сына Йусуфа из *tatar*, в другом месте он именуется сыном Такафтана [*tqft'n*] (или Сакафтана [*sqft'n*]) из *йемеков* [7, с. 434, прим. 5; 20, s. 129, 130, anm. 1; 3, с. 224]. Несомненно, само по себе употребление термина «татар» в данном историческом источнике с учетом контекста изначально вызывало интерес исследователей и требовало соответствующих пояснений. Наряду с классическими попытками объяснений данного термина в сочинении Джузджани, которые можно встретить в работах В. Минорского [18, р. 309, note 2], В.В. Бартольда, Й. Маркварта и других ученых, заметно, что и современные исследователи обращают внимание именно на эту часть текст Джузджани, пытаясь объяснить логику употребления данного термина средневековым персидским историком [См.: 11, с. 431]. Со своей стороны хотелось бы не только привлечь внимание научного сообщества к информации из сочинения Джузджани, но и предложить свое видение употребления термина «татар» в составе указанного памятника.

Однако прежде чем переходить к интересующему нас сюжету и трактовке употребления понятия «татар», хотелось бы сказать несколько слов о самом историческом источнике и его авторе, а

именно о сочинении «Табакат-и Насири» («Насириовы таблицы») [10; 24; 25] персидского историка Минхадж ад-Дина Абу Умара Усмана Бен Сирадж ад-Дина, более известного в историографии как Джузджани¹. О самом авторе известно, что он «возможно, родился в 589/1193 г., поскольку упоминает, что ему было 18 лет, когда в 607/1210–1211 гг. он был послан сопровождать Малика Рукн ад-Дина в Фирузкух. Минхадж ад-Дин был воспитан при гареме принцессы Мах-и-Мульк, дочери Гийас ад-Дина (султана Гура 558/1162–599/1202). В 622/1225 и снова в 623/1226 он был отправлен из Гура как посол султана Тадж Йаналтигина в Нимруз. В 623/1226 он вернулся в Индию...» [22, р. 68]. В классической работе В.В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» можно найти следующее описание биографии Джузджани: «Джузджани, родившийся в 589/1193 г., находился на службе у гурских князей; оттого события, происходившие в Афганистане, рассказаны у него особенно подробно; в защите одной из крепостей он принимал личное участие. В 1227 г. автор переселился в Индию, где потом занимал должность главного казия и где в 658/1258 г. написал свою книгу» [7, с. 86]. Еще более подробную биографию Джузджани предлагает Г. Раверти в предисловии к публикации перевода указанного источника на английский язык, где приводит обширный фактологический материал по данному вопросу [25; р. XXI–XXIX]. Вкратце нужно отметить, что Джузджани сумел найти убежище на территории Северной Индии, спасаясь от нашествия монгольских завоевателей, и в итоге, после пребывания на службе у правителя Синда, Насир ад-Дина Кубачи, поступил на службу делийскому султану Шамс ад-Дину Илгутмышу. Наследнику последнего, Насир ад-Дину Махмуд-шаху, Джузджани и посвятил свое историческое произведение, написанное в жанре всеобщей истории, законченное им к 1260-му году. Сам труд был разделен «на двадцать три части и в соответствии с этим называлось Насириовыми таблицами (разрядами). Эти разряды соответствовали пророкам и падишахам, лидерам суфиев, халифам и султанам» [17, с. 125].

Относительно источников, на которые опирался в своей работе персидский историк, составители первого издания выделяют среди них, прежде всего, труд Мухаммада Али Абу-л-Касыма Имади [24, с. 2]. Об этом источнике В.В. Бартольд сообщает следующее: «Историк XIII в. Джузджани цитирует еще одно, неизвестно когда написанное сочинение по истории Газневидов, именно «Правильно распределенную историю» (Тарихи Муджадваль) Абу-л-Касыма Мухаммеда б. Али Имади. Книга заключала в себе изложение истории пророков, омейядских и аббасидских халифов, древнеперсидских царей и Газневидов до Махмуда, то есть по содержанию приблизительно соответствовала книге Са'алиби» [6, с. 25]. Последнее из указанных В.В. Бартольдом исторических сочинений, «Книга молний о жизни царей и их истории», представляет собой самый ранний образец Газневидской историографии начала XI века в жанре всеобщей истории [7, с. 64]. Другим источником компиляции Джузджани считается труд Абу-л-Фазла Мухаммада ибн Хусейна ал-Байхаки «История Ма'суда» [24, с. 3], который также представляет собой пример Газневидской историографии [4]. В.В. Бартольд выделяет и другие сочинения, на которые опирался и использовал при написании «Табакат-и Насири» Джузджани: «...он пользовался книгой Абу-л-Хасана Хейсама б. Мухаммада Наби *Кисас-и сани*; в других местах автор называется Ибн Хейсамом. Книга Ибн Хейсама заключала в себе также историю Тахиридов, Саффаридов, Саманидов и Сельджукидов. При изложении истории гурских султанов Джузджани пользовался также сочинением по генеалогии Фахр ад-Дина Мубарекшаха Мерверруди, которое было написано в начале XIII в. и содержит много интересных сообщений о языке и племенах тюрков» [7, с. 77]. Последнее из указанных выше исторических сочинений относится к началу XIII века и представляет собой историческую хронику, а вот относительно первого текста более неизвестно никаких деталей и сам источник до нас не дошел. Из такого, весьма краткого, экскурса в описание источников сочинения Джузджани «Табакат-и Насири» можно сделать несколько важных, с нашей точки зрения, выводов: прежде всего, исследователям далеко не все понятно относительно источников сочинения Джузджани, а часть из них ограничивается лишь констатацией того факта, что «он использовал ряд источников, не дошедших до нас по времени» [1, с. 28]. Второй важный момент касается того факта, что относительная ясность присутствует относительно того как формировался исторический нарратив в «Табакат-и Насири» относительно истории Газневидов, Гуридов, Сельджуков и других династий, однако относительно описания истории Хорезма, которая интересует нас особен-

¹ Относительно происхождения данного имени смотри пространное объяснение в предисловии к первому изданию перевода источника – *Ṭabakāt-i-Nāsirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam / by Minhāj-ud-dīn, Abū-'Umar-i-'Usmān; transl. from original Persian manuscripts by H.G. Raverty. Vol. I. London: Gilbert and Rivington, 1881. P. XX.*

но, такого сказать совершенно невозможно. Последний факт отчасти объясняет особенности рассказа о династии Ануштегинидов в сочинении Джузджани, к которому мы еще вернемся ниже.

Дав характеристику самому историческому источнику, обратим внимание на интересующий нас сюжет, а именно об описании в сочинении Джузджани событий 1218 года и похода хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада, который закончился в итоге сражением на Тургайской равнине. В издании Г. Раверти интересующий нас отрывок переводится на английский язык следующим образом. «В 615 г.х., он выдвинулся к пределам Туркестана (Ала ад-Дин Мухаммад – прим. авт.), преследуя Кадр-хана, который был сыном Юсуфа [из] Татар, и проник так далеко в Уйгур [И-гур] Туркестанский, так далеко на север, что он достиг Северного полюса, и добрался до места, где сумеречный свет вовсе не прекращался, и видели, в северном направлении, сияние, которое как казалось, протянулось с запада на восток, а затем появился свет зари, и наступил день» [25, vol. 1, p. 267]. Далее Джузджани связывает данный поход хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада с столкновением на Тургайской равнине между хорезмийской армией и корпусом под командованием Джучи. «Кадр-хан, [из] Татар, сумев преодолеть угрозу от этой экспедиции (хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада – прим. авт.), столкнулся с угрозой от неверных из Китая, и ночная тьма мятежа и смуты подняла свою голову надо воротником мантии действительности, и было положено начало страшных бедствий для истинной веры и исток страданий и напастей для последователей Мухаммада. Причина, по которой все это произошло была следующей: у Чингиз-хана, [из] Монголов, был сын, старший среди всех его сыновей, по имени Туши. В это время этот Туши, по приказу Чингиз-хана, своего отца, покинул территорию Китая, преследуя ту армию Татар и султан Мухаммад, из Мавераннахра и Хорасана, аналогично двигался в том же направлении; и две армии столкнулись одна с другой» [25, vol. 1, p. 268]. Как видно из продолжения рассказа Джузджани, персидский историк применяет термин «татар» не только к описанию происхождения Кадр-хана, но и к его войску, что делает ситуацию еще более сложной. Любопытно, что данная часть фрагмента источника пользовалась гораздо меньшим вниманием исследователей: видимо, причина в том, что ни один арабско-персидский источник не сообщает о том, что поход Ала ад-Дина Мухаммада и его столкновение с монгольским корпусом на Тургайской равнине хоть как-то связан с «армией Татар» [См. например: 12, с. 53; 9, с. 260; 13, с. 189–190; 19, j. 2, s. 649; 21, s. 75].

При этом в том же сочинении Джузджани, а именно в разделе, касающемся биографии Джучи-хана, приводится несколько иной рассказ о данном историческом событии. «В 615 г.х., когда султан Мухаммад, Хорезмшах, выдвинулся для того, чтобы разгромить племена Кадр-хана Туркестанского, который был сыном Сафактана [из] Йемеков, Туши точно также из пределов Тамгаджа выдвинулся [с армией] в этом направлении, и был втянут в конфликт с армией Хорезмшаха днем и ночью, как это было рассказано ранее в рассказе о Хорезмшахе» [25, vol. 2, p. 1096–1097]. Как видно отличие от первого рассказа Джузджани связано с происхождением все того же Кадыр-хана, чей отец носит в данном случае иное имя, а происхождение его связано с йемеками, а не с татарами. При этом сам Г. Раверти приводит пространное объяснение относительно данного варианта написания имени и происхождения отца Кадыр-хана в различных списках «Табакат-и Насири». «Это имя ясно читается в различных копиях текста с незначительными отличиями. В каждой из хороших копий имеется арабское ث – ṯ как первая буква, используемая, обычно, для выражения или передачи некоторых тюркских букв. Таким образом семь копий содержат ثقتان يمك , одна копия تعتقان يمك , три других يعال ممك и одна – نقتال يمك » [25, vol. 2, p. 1097]. Безусловно, не только употребление персидским историком термина «татар», но и двойное описание биографии одного и того же исторического деятеля с такими очевидными отличиями не могло не привлечь внимание исследователей. С учетом и уникальности данных, приводимых Джузджани о династии хорезмшахов Ануштегинидов на фоне сочинений его современников и данных более поздних памятников, формируется целую историографическую традицию обращения к данной части «Табакат-и Насири» при описании событий первой трети XIII века и эпохи монгольского вторжения, а в отдельных случаях – формирования собственной интерпретации данных, приведенных персидским историком. В этой статье мы остановимся на наиболее известных попытках объяснения приведенных нами цитат из сочинения Джузджани, а также приведем пример современной интерпретации данного текста.

Как отмечалось выше, уже в комментариях к первому переводу на европейский язык «Табакат-и Насири» Г. Раверти пытается интерпретировать данные по обоим интересующим нас эпизодам. В комментариях к первому фрагменту в подстрочных примечаниях отмечается тот факт, что Джузджани синхронно действуют три несвязанных друг с другом исторических деятеля, которых он именует одинаково, Кадыр-хан: это упомянутый правитель, на которого идет войной хорезмшах Ала ад-Дин

Мухаммад, а также этим именем назван отец матери действующего правителя Хорезма, Теркен-хатун [25, vol. 1, p. 254], и, наконец – правитель Отрара, известный также как Инал-хан [25, vol. 1, p. 267]. Второй из приведенных фрагментов, Г. Раверти комментирует не только в связи с написанием имени отца Кадыр-хана, о чем было сказано нами выше, но и по целому ряду других моментов, в частности о появлении термина «йемек» применительно к личности отца Кадыр-хана, однако его объяснения касаются более раннего периода, чем тот, о котором идет речь в тексте, а именно с Уйгурским каганатом [25, vol. 2, p. 1097]. Здесь можно отметить замечание Г. Раверти о тексте «Табакат-и Насири»: «В конце этого труда, в строках, адресованных Улуг-хану, пишется «Хан Ольберли и Шах Йемеков», и эти же Ольберли прямо причисляются к Тюркам на странице 800, и также на странице 796 в связи с тем, что этому племени пришлось покинуть привычное место кочевания, которое не определено, но подразумевается [место кочевания] Кыпчаков, когда Монголы доминировать по всему Туркестану и над племенами Кыпчаков. Смотри также страницу 599 и 791» [25, vol. 2, p. 1097]. Как видно из приведенных выше фрагментов, Г. Раверти вносит лишь некоторые коррективы и уточнения в сделанный им перевод, однако от каких бы то ни было далеко идущих интерпретаций в отношении интересующего нас исторического персонажа, он старается держаться в стороне в отличие от последующих исследователей.

Выдающийся российский востоковед В.В. Бартольд в своем классическом труде «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» предлагает следующее описание событий: «Джузджани относит событие к 615 г.х. (1218 г.); по его словам, султан в это время преследовал Кадыр-хана, сына татарина (?) Юсуфа, и дошел на север до места Югур в Туркестане; о причине появления монголов здесь только говорится, что они преследовали татар» [7, с. 434]. Еще в одном из своих сочинений, а именно в статье «Татары» В.В. Бартольд описывает то же событие, но уже без вопросительного знака рядом с терминами «татар», как будто принимая его как должное, что впрочем следует и из названия самой статьи. Полностью цитата из статьи «Татары» выглядит следующим образом: «В сообщениях о походах султана Мухаммада б. Текеша против кипчаков упомянут поход султана в 615/1218–19 г. против Кадыр-хана, сына татарина Юсуфа» [5, с. 559]. Никаких иных пояснений сообщения Джузджани выдающийся российский востоковед в рамках данной статьи не предоставляет, однако и не его ставя под сомнение. Скажем лишь, что в комментарии к приведенному выше фрагменту из «Туркестана в эпоху монгольского нашествия» можно выделить некоторые пояснения странному описанию у Джузджани. «В другом месте (Джузджани, пер. Раверти, II, 1097; <изд. Нассау-Лиса, 378 تفتان يمك>) тот же автор называет его «сыном Тафактана Йиамака» (йимака было одно из племен кимаков, родственное кыпчакам). Мнение Маркварта (Komarow, S. 130) о том, что Джузджани спутал Кадыра с Куду, князем мергитов, может быть объяснено, только если предположить, что Маркварт не был знаком с частью труда Джувейни, относящейся к династии хорезмшахов» [7, с. 434, комм. 5]. Как видно из этого комментария, В.В. Бартольд поясняет лишь второе упоминание Кадыр-хана у Джузджани, оставляя вне поля зрения употребление термина «татарин», однако предлагая при этом отсылку к работе, к которой необходимо обратиться и нам.

Йозеф Маркварт в указанной выше работе, после приведения обширной цитаты из самого текста Джузджани [20, s. 128–129], действительно пытается идентифицировать личность Кадыр-хана в данном источнике. Однако его предположение базируется на втором из приведенных Джузджани отрывков о походе хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада: вариант «تفتان» признается им, как искаженный вариант Тукта-хан, который, в свою очередь, «был отцом (или братом) Куду упомянутого здесь» [20, s. 130]. В отношении же термина «йемек» Йозеф Маркварт предполагает, что перед нами смешение «кыпчакского» Кадыр-хана и упомянутого также ан-Насави племени йемек с меркитами, с которыми, в свою очередь, связывают Куду-хана [20, s. 130]. Имя же отца Кадыр-хана, указанного в первом фрагменте (Йусуф) Йозеф Маркварт видит как ошибку переводчика, поскольку, с его точки зрения, это имя появляется из-за отсутствия подстрочных и надстрочных знаков при написании «توتقان» и ошибки чтения в этом случае слова [20, s. 130]. Однако также возможна и интерпретация с «Караханидом Кадыр-ханом б. Йусуфом б. Богра-ханом» [20, s. 130]. В комментарии к данной части своей работы Йозеф Маркварт приводит ту же цитату Г. Раверти относительно разного написания имени отца Кадыр-хана в списках «Табакат-и Насири», которое было приведено нами выше, добавляя следующий пассаж. «Можно идентифицировать эту личность с «توق تغان», от чего Раверти недвусмысленно отказывается» [20, s. 130, анн. 1]. Не совсем понятна уместность подобной аналогии, однако сам Йозеф Маркварт ни в комментариях, ни далее в тексте не приводит убедительных доказательств уместности такого рода аналогии, что и послужило во многом причиной приведенной выше критики со стороны В.В. Бартольда.

Невозможно пройти мимо еще одной и весьма интересной интерпретации приведенных нами фрагментов труда Джузджани у В.Ф. Минорского в комментарии к известному изданию «Худуд ал-Алам», а точнее – в разделе под названием «Кимаки». Здесь выдающийся востоковед указывает, что «в 1216 году хорезмшах Мухаммад отправился в экспедицию против Кадыр-хана, предводителя Канглы» [18, р. 309]. Несмотря на то, что В.Ф. Минорский датирует поход Ала ад-Дина Мухаммада более ранним периодом, нас в большей степени интересует его на то, что Кадыр-хан был лидером Канглы, с учетом того, что ссылается исследователь все на того же Джузджани. Развернутый ответ на это В.Ф. Минорский предлагает в комментарии в примечании к данному разделу, ссылаясь на рукописный текст, приводит иную цитату относительно первого упоминания Кадыр-хана у Джузджани, нежели мы видим у Г. Раверти и приведенных выше исследований – «قدر خان كه بسر شققان تار بود» [18, р. 309, note 2]. Таким образом, мы получаем новое прочтение отрывка Джузджани, где вместо «Йусуфа Татарского» появляется «Шекафан Татарский», которое, впрочем, В.Ф. Минорский предлагает читать, как «ki bi-sar-i Qanqliyan-i Tatar bud» [18, р. 309, note 2], объяснение именно такому чтению рукописного текста в данном комментарии нет, но есть развернутое пояснение ситуации в целом. «Канглы были тесно связаны с Кыпчаками. Последние ранее принадлежали к Кимакской федерации, которая включала по Гардизи подразделение Татар (отличающуюся от поздних монгольских татар). Следовательно, комбинация названий у Джузджани довольно правдоподобна. Существует связь Кадыр-хана с Йемеками» [18, р. 309, note 2]. Таким образом, помимо нового варианта цитаты из текста Джузджани, мы получаем относительно логичную интерпретацию не только фигурирования одного и того же персонажа под двумя разными именами, но и его племенного происхождения. Однако одновременное упоминание «канглы» и «татар» в приведенной цитате из источника требовало, с нашей точки зрения, дополнительных изысканий помимо отсылки к историческому сочинению Гардизи.

Надо отметить, что и последующие исследователи истории формирования Монгольской империи и первых завоевательных походов, в том числе и против Хорезма, не могли пройти мимо сочинения Джузджани и описанного им похода хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада, закончившегося сражением на Тургайской равнине. Надо признать, что в большинстве случаев исследователи не принимают новых попыток анализа интересующего нас сюжета, а то и вовсе – стараются о нем не упоминать. В качестве примера такого рода подхода к историческому источнику можно привести, в целом прекрасное, исследование З.М. Буниятова «Государство хорезмшахов-Ануштегинидов»: в нем автор выделяет в «Табакат-и Насири» лишь локализацию столкновения хорезмийских войск с монгольским корпусом, оставляя за скобками все другие особенности данного текста. «Во главе 60-тысячного войска хорезмшах двинулся из Самарканда через Дженд, прошел далеко на север и достиг города Йугур» [8, с. 134]. Как видно из этой цитаты даже интерпретация места, до которого добрался Ала ад-Дин Мухаммад, согласно Джузджани, по З.М. Буниятову вызывает определенные вопросы. Редким исключением выглядит работа С.М. Ахинжанова «Кыпчаки в истории средневекового Казахстана», где мы находим не только подробный обзор интересующего нас места из «Табакат-и Насири», но и весьма любопытную интерпретацию. Данный исследователь отождествляет упомянутого Джузджани Кадыр-хана с наместником Отрара, Инал-ханом или Гайир-ханом, и еще одним историческим персонажем – Алп-Дереком [3, с. 222–226]. «У Джузджани есть и другой вариант, что отец Кадыр-хана был Юсуф Татарский. Отец Алп-Дерека Иналчука Кайр-хана имел, как и все представители кыпчакской знати два имени – одно языческое Йакафтан, другое мусульманское – Юсуф. Если вспомнить, что кимаки, согласно Гардизи, произошли от татар, то не будет вызывать удивление присутствие в титулатуре Кадыр-хана этнического определения татарского. В то же время известно, что кимаки – это каи, а последнее слово в переводе с монгольского означает змею, в тюркском варианте – уран» [3, с. 225]. Как видно из этого отрывка, прочность доказательной базы, особенно в объяснении имени «Юсуф» выглядит, мягко говоря, спорной с учетом приведенной выше историографической дискуссии, о которой, кстати, в работе С.М. Ахинжанова нет ни слова. Несколько раньше в той же работе С.М. Ахинжанов дает еще одно пояснение личности «Кадыр-хана Туркестанского»: «На то, что новый, появившийся в источниках Кадыр-хан Туркестанский является именно Иналчуком Гайир-ханом, указывает присутствие в его титулатуре определения Туркестанский, отражающего, несомненно, его наместничество над областью Туркестан, а мы знаем, что именно в этот период единственным наместником Туркестана был Иналчук. Известно также, что этот Иналчук Кадыр-хан был сыном Иакафтана из племени йемеков. По-видимому, Иакафтан (Сакафтан – С.А.) тот самый неизвестный нам младший брат Кырана, который был отцом Алп-Дерека, или нашего Иналчука. Известно, что Кыран также принадлежал к йемекам, ибо известно, что его дочь Теркен-хатун происходила

из йемеков. А это служит прочным доказательством того, что Иналчук Гайир-хан и Кадыр-хан Туркестанский – одно и то же лицо» [3, с. 224]. За всеми этими «известно» в работе С.М. Ахинжанова скрывается один из важных пороков современной историографии проблемы, а именно избирательно использование исторических источников для формирования доказательной базы: так, для собственного удобства приводится лишь одна версия происхождения Теркен-хатун и игнорируются прочие. Инал-хан становится наместником целой области, в то время как, даже у приведенного самим С.М. Ахинжановым Джузджани, он является лишь наместником приграничного города Отрар [25, vol. 1, p. 272]. То же можно сказать и о прозвище Кадыр-хана, «Туркестанский», которое почему-то должно «несомненно» отражать его положение как наместника, а не, например, происхождение. Хочется напомнить, в качестве примера, об основателе династии хорезмшахов, Ануш-тегине, чье прозвище было «Гарча» («Гарджа»), происходящее от названия области Гарчистан (Гарджистан), что, впрочем, нисколько не означало того, что данный исторический деятель был наместником в этих землях: «...Ануш-тегин был рабом одного из сельджукских эмиров по имени Билга-бек (Бильге-бек), который купил его у одного человека из Гарчистана. И назвали его поэтому Ануш-тегин Гарче» [2, с. 232; См. также – 23, p. 363; 21, s. 1–2].

Одной из наиболее современных интерпретаций сообщений Джузджани из «Табакат-и Насири» следует признать упомянутую выше статью Д.М. Исхакова, в которой, в частности, можно найти следующие сведения. «Еще В.В. Бартольд в своей статье «Татары» обратил внимание на сообщение Джузджани, связанное с походом хорезмшаха Мухаммеда б. Текеша в 1218/1219 г. на кыпчаков, возглавлявшихся Кадыр-ханом б. Юсуфом Татарским» [11, с. 431]. После чего Д.М. Исхаков приводит перевод сообщения самого персидского историка, которое дополняет сведениями из «Юань-ши» и «Истории Мировопокорителя», завершая данный абзац статьи фразой о том, что «приведенные данные весьма важны, так как они позволяют раскрыть этническую принадлежность сообщества, глава которого Кадыр-хан, по отцу был маркирован Джузджани «татарским» предводителем» [11, с. 431]. Забегая вперед, необходимо отметить, что указанный исследователь в данной статье неоднократно базировал свои выводы именно на основании данных Джузджани, в частности, когда речь шла об первых хорезмшахах из династии Ануштегинидов или же последних представителей этого рода [11, с. 432–434]. Попытка реконструкции происхождения упомянутой династии в данной статье заслуживает отдельного внимания, и мы к ней вернемся ниже, а пока отметим лишь, что помимо всего прочего Д.М. Исхаков подробно анализирует и племенную принадлежность последних правителей Хорезма и членов их семьи, в частности разбирает давно известный сюжет о Теркен-хатун, матери Ала ад-Дина Мухаммада [11, с. 432–433]. С нашей стороны, последняя историческая личность и ее племенная принадлежность была подробно разобрано в недавно вышедшей статье, в связи с чем здесь мы на этом сюжете останавливаться не будем [16, с. 83–103], равно как и на иных связанных с этим вопросах [15, с. 295]. Гораздо интереснее понять, как Д.М. Исхаков разобрался с противоречием вокруг Кадыр-хана в сочинении Джузджани и к каким выводам пришел: парадоксально, но вслед за С.М. Ахинжановым с отсылкой на сочинение Гардизи и исследование П. Голдена автор указывает на то, что «правомерность фиксации татарского происхождения «правлящего дома» кимаков, констатирующее, как отмечает П. Голден, «ключевую роль в формировании кимакского союза» именно этой этнической группы не подлежит сомнению» [11, с. 434]. Далее, следуя логике автора, татарская идентичность перешла к кыпчакам, прежде всего, к восточной их части, наиболее тесно связанной с Хорезмом и его правящей династией [11, с. 434]. В качестве дополнительного аргумента, Д.М. Исхаков приводит указание на то, что в тексте Джузджани и Ибн ал-Асира предводитель найманов, Кушлу-хан также маркируется как принадлежащий к группе «татар» [11, с. 434]. Оставим в стороне вопрос о том, насколько хорошо был осведомлен Ибн ал-Асир относительно происхождения Кушлу-хана и возможно ли доверять ему в этом случае на фоне полного отсутствия подобных сведений в труде ан-Насави, и вернемся к «Табакат-и Насири».

Как видно из этого краткого обзора историографии проблемы, большинство исследователей вместо критического подхода к тому, что написано Джузджани относительно похода Ала ад-Дина Мухаммада и личности Кадыр-хана, пытаются согласовать эти данные с уже известными историческими фактами и данным других источников. Последний пример с Кушлу-ханом и найманами выглядит не менее показательным для нас: базирясь на сообщениях лишь двух исторических памятников, исследователь формирует необходимую ему доказательную базу и привязывает данную историческую личность к понятию «татар». Действительно, и в переводе Г. Раверти [25, vol. 2, p. 935], и в издании оригинального текста [24, s. 330] можно найти информацию о том, что Кушлу-хан связан все с тем же термином «та-

тар»², однако помимо данных Ибн ал-Асира в иных арабо-персидских исторических сочинениях, как ранних, так и поздних, этой связи проследить не удастся. Для того, чтобы понять причину столь отличных от сложившейся арабо-персидской традиции сюжетов необходимо внимательно рассмотреть «Табакат-и Насири», как исторический источник. Как уже говорилось выше, нам неизвестно на что опирался Джузджани при составлении раздела своей книги, касающегося истории хорезмшахов из династии Ануштегинидов, однако даже беглого ознакомления хватает, чтобы понять, что его описание правителей данной династии не совпадает с принятой традицией в рамках корпуса арабо-персидских источников. В частности, первые два хорезмшаха, «Кутб ад-Дин Айбек, Тюрк» и «Малик Тадж ад-Дин Мухаммад» [25, vol. 1, p. 231–236], подменяют известных по другим источникам Ануш-тегина Гарча (Гарджа) и Кутб ад-Дина Мухаммада соответственно. При этом в отношении первого Джузджани настаивает на том, что он был связан с «племенами Кыпчак и Канглы» [25, vol. 1, p. 233], в связи с чем не удивителен тот факт, что некоторые исследователи, в частности Д.М. Исхаков, старательно использовали данного мифического хорезмшаха, для доказательства прямой связи династии Ануштегинидов с кыпчаками [11, с. 432]. При этом еще один забавный факт заключается в том, что хорошо известная связь между хорезмшахами и сельджуцким султаном Санджаром в тексте Джузджани не прослеживается никоим образом при описании биографии первого из двух указанных выше персонажей. При этом в отношении второго из них уже Г. Раверти пишет, что здесь Джузджани, по всей видимости, смешивает описание двух династий, Ануштегинидов и Сельджукидов Рума [25, vol. 1, p. 234–235], а о зависимости от Сельджукидов сказано вскользь в конце описания правления «Малика Тадж ад-Дина Мухаммада» [25, vol. 1, p. 236]. В дальнейшем в главе о хорезмшахах бросается в глаза крайне скупые разделы, посвященные правлению хорезмшахов Ала ад-Дина Атсыза и Абу-л-Фатха Ир-Арслана [25, vol. 1, p. 236–239], а также очевидная ошибка с именем Султан-шаха Махмуда, который у Джузджани становится «Джалал ад-Дином Махмудом» [25, vol. 1, p. 245]. При дальнейшем рассмотрении текста «Табакат-и Насири» хочется отметить, что Джузджани старательно вносит в список хорезмшахов персонажей, которые никогда не правили в Хорезме или их существование никак не подтверждается другими источниками: так, после описания правления хорезмшаха Ала ад-Дина Текиша, но перед описанием правления Ала ад-Дина Мухаммада, что отметил уже Г. Раверти [25, vol. 1, p. 249], присутствует описание жизни таких персонажей, как «Юнас-хан», «Малик-хан» и «Али-шах» [25, vol. 1, p. 249–253], которые отмечаются автором как хорезмшахи, но таковыми в реальности не являлись. Определенная путаница возникает и при описании наследников Ала ад-Дина Мухаммада: у Джузджани указано, что самым старшим из них, как пишет сам персидский историк, был Джалал ад-Дин Манкбурны [25, vol. 1, p. 285], однако перед описанием его правления фигурируют биографии еще трех хорезмшахов, каждый из которых таковым опять же не являлся [25, vol. 1, p. 279–285]. При этом о первом из них сказано, что «Кутб ад-Дин был сыном султана Мухаммада и его мать была родственницей матери его отца и семьи Кадыр-хана Кыпчакского; и он был наследником престола Хорезма» [25, vol. 1, p. 279].

Нельзя не отметить двух важных моментов, а именно – стремление Джузджани связать династию Ануштегинидов с кыпчаками при описании правления различных представителей данной династии, а также очевидного сумбура и ошибок, которыми наполнен весь раздел о Хорезме. Несомненно, если рассматривать сочинение Джузджани под таким углом, то неудивительными выглядят все рассматриваемые нами казусы «Табакат-и Насири», поскольку являются лишь следствием в целом странного содержания раздела, посвященного хорезмшахам. Отсюда неудивительно наличие сразу трех разных «Кадыр-ханов», которые в большей или меньшей степени связаны с историей Хорезма, ни путаница с отцом одного из них: то ли «Йусуф», то ли «Сакафтан». Последнее, впрочем, возможно имеет те же корни, как и проблема двойной датировки событий в тексте ан-Насави, а именно отсутствие редактуры написанного автором текста, что и могла привести к подобному казусу [14, с. 64–75]. Джузджани словно бы конструирует «кыпчакское происхождение» Ануштегинидов стараясь всеми силами привязать данную династию к указанному племенному конгломерату, как видно из приведенных нами примеров. Однако и обстоятельства формирования исторического нарратива Джузджани и неясность с тем, насколько хорошо автор представлял себе реальный этноплеменной состав Дешт-и Кыпчака, заставляют относиться критически к его построениям. На примере с историографической дискуссией вокруг происхождения Теркен-хатун, нами было показано насколько хорошо средневековые историки могли быть осведомлены о тех или иных тюркских кочевых племенах, а также о том,

² При этом нельзя обойти вниманием тот факт, что в оригинальном тексте во фразе «كشلو خان سنقر تتر با» слово «كشورخان مصاف كارد» может переводиться как «сокол», чего нет у Г. Раверти, так и его интерпретаторов. Прим. авт.

насколько достоверны могут быть их современные интерпретации [16, с. 83–103]. Даже если хорошо осведомленный о событиях правления Ала ад-Дина Мухаммада историк ан-Насави по целому ряду сюжетов вызывает вопросы, то к Джузджани, как видно из всего вышесказанного, следует относиться критически в еще большей степени. Однако вместо того, чтобы трезво оценить достоверность соотнесения Кадыр-хана с понятием «татар», опять же с учетом того, что в другой части источника он уже связан с понятием «йемек», исследователи пытаются доказать эту связь, старательно увязывая оба этих понятие и исторического персонажа воедино. На фоне этого доказательная база в виде более раннего сочинения Гардизи и труда Ибн ал-Асира, жившего на еще большем отдалении от Дешт-и Кыпчака и базировавшем свое описание и на не дошедших до нас памятниках, и на устных рассказах, не выглядит убедительной. Уже одновременное указание на связь с «татарами» и Кадыр-хана, и Кушлу-хана на фоне молчания об этом других исторических источников, а справедливости ради надо заметить, что в большинстве из них вообще не сказано ничего о Кадыр-хане должно было заставить современных исследователей отказаться от далеко идущих выводов. Однако, как показала данная статья, попытки интерпретации сообщений Джузджани продолжаются и, как нам кажется, будут существовать и в дальнейшем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен. Ашхабад: Ылым, 1969. 296 с.
2. ал-Асир, ибн. «Ал-Камил фи-т-тарих» «Полный свод по истории». Избранные отрывки / Пер. П.Г. Булгаков, Ш.С. Камолиддин. Ташкент: Узбекистан, 2006. 560 с.
3. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1995. 296 с.
4. Абу-л-Фазл Байхаки. История Масуда (1030–1041) / Перевод с перс., введение, комментарии и приложения А.К. Арендса. М.: Наука, 1969. 1008 с.
5. Бартольд В.В. Татары // Сочинения. Т. 5. М.: Наука, 1968. С. 559–561.
6. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб.: Типография В. Киришбаума, 1898–1900. 612 с.
7. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения. М.: Наука, 1963. Т. 1. 760 с.
8. Бунятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 г. М.: Наука, 1986. 247 с.
9. Джувеини. Чингиз-хан. История завоевателя мира / пер. с англ. Е.Е. Харитоновна. М.: МАГИСТР-ПРЕСС, 2004. 690 с.
10. Джузджани. Насиры разряды / Пер. под ред. А.А. Ромаскевича. М.: Директ-Медиа, 2010. 142 с.
11. Исаков Д.М. Термин «татаро-монголы/монголо-татары»: понятие политическое или этническое? Опыт источникового и концептуального анализа // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 2. С. 420–442.
12. ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер., предисл., коммент., примеч. и указатели. З.М. Бунятова. Баку: Элм, 1973. 450 с.
13. Рашид-ад-дин. Сборник летописей / Пер. с перс. О.И. Смирновой; прим. Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой; редакция А.А. Семенова. М.; Л.: АН СССР, 1952. Т. 1. Кн. 2. 315 с.
14. Тимохин Д.М. К вопросу о двойных датировках событий в труде ан-Насави // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2019. Вып. 2. С. 64–75.
15. Тимохин Д.М., Тишин В.В. Очерки истории Хорезма и восточного Дешт-и Кыпчака в XI – начале XIII вв. М.: ИВ РАН, 2018. 380 с.
16. Тимохин Д.М., Тишин В.В. Происхождение Теркен-хатун, матери хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада: к проблеме соотношения этнонимов в восточном Дешт-и Кыпчаке в XII – начале XIII вв. в исторических источниках // Материалы II-й научной конференции средневековой истории Дешт-и Кыпчака. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2018. С. 83–103
17. Hakemi I. Nasrhai-e tarihi. Tehran, 1971. 176 s.
18. Hudūd al-‘Ālam: “The Regions of the World”, A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. 2nd ed., with the preface by V.V. Barthold translated from the Russian and with additional material by the late Professor Minorsky, ed. by C.E. Bosworth. London, 1970 (E.J.W. Gibb Memorial Series. N.S.; XI). 524 p.
19. Khondamir. Tarih-e habib. Tehran: Ketabhaneye Haayyam, 1954. J. 1–3.
20. Marquart J. Über das Volkstum der Komanen // Bang W., Marquart J. Ostturkische Dialektstudien. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1914 (Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-historische Klasse, Neue Folge. Bd. XIII. № 1). 294 S.
21. Mirhond. Histoire de sultan du Kharezm. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis. Paris: Typographie de Firmin Didot freres, 1841. 113 s.

22. Persian Literature. A Bio-Bibliographical Survey / Red. C. A. Storey. London: Luzac and Co., 1935. Sect. II. 352 p.
23. Qazvini, Hamdallah. Tarihi gouzide / Trad. Y. Le Strange. Paris: J. Maisonneuve, 1903. Vol. I. 732 p.
24. The Tabaqat-i Nasiri of Aboo Omar Minhaj al-Din Othman ibn Siraj al-Din al-Jawzjani / Ed. by W. Nassau Lees, L.L.D. and Mawlawis Khadim Hosain Abd Al-Hai. Calcutta, 1864. 458 p.
25. The Tabaqat-i Nasiri of Aboo Omar Minhaj al-Din Othman ibn Siraj al-Din al-Jawzjani / Ed. by W. Nassau Lees, L.L.D. and Mawlawis Khadim Hosain Abd Al-Hai. Calcutta, 1864. Ṭabakāt-i-Nāṣirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam / by Minhāj-ud-dīn, Abū-'Umar-i-'Usmān; transl. from original Persian manuscripts by H.G. Raverty. London: Gilbert and Rivington, 1881. Vol. I–II.

Сведения об авторах: Дмитрий Михайлович Тимохин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация). E-mail: horezm83@mail.ru

ON THE USE OF THE “TATAR” TERM IN JUZJANI’S “TABAKAT-I NASIRI” IN THE DESCRIPTION OF THE PRE-MONGOL PERIOD

Dmitriy M. Timokhin

Institute of Oriental studies of the RAS

Abstract. *Research objectives:* A recent comprehensive article by D.M. Iskhakov (The Term of the “Tatar-Mongols/Mongol-Tatars”: The Ethnic or Political Concept? An Experience of the Source Study and Conceptual Analysis) makes us again pay attention to Juzjani’s Persian work “Tabaqat-i Nasiri”, especially to the part that concerns the events of the pre-Mongol period. The bold interpretation of the information of the medieval historian regarding Turkestan Qadir Khan and the concept of “Tatar” makes the author of this article draw the attention of the academic community to the indicated historical source and relevant historiography. It is necessary to reconsider the question of how well medieval Arabic-Persian historians imagined the ethnic-tribal composition of eastern Desht-i Kipchak and how convincing the conclusions of modern scholars would be.

Research materials: The author discussed Juzjani’s work “Tabaqat-i Nasiri”, its translation and partially published original text, as well as a wide range of Arabic-Persian historical works of the 12th–14th centuries and some later sources.

Research results and novelty: The author called into question the existing interpretations of Juzjani’s information regarding the Turkestan Qadir Khan and the concept of “Tatar”, primarily because the majority of researchers did not take into account the peculiarities of the informational content of that part of “Tabaqat-i Nasiri” that concerns Khwarezmshahs from the Anushteginid dynasty. The second counterargument against far-reaching constructions is an indication of the internal contradictions of the presented historical narrative, as well as the lack of corroborating information in other Arab-Persian historical works.

Keywords: Juzjani, Tatars, Arabic-Persian sources, historiography, Qadir Khan, Tabaqat-i Nasiri

About the authors: Dmitry M. Timokhin – Cand. Sci. (History), Senior research fellow of the Institute of Oriental studies of the Russian Academy Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: horezm83@mail.ru

АРАБСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ТАТАРАХ И ЗОЛОТОЙ ОРДЕ, НЕ ВОШЕДШИЕ В «СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ» В.Г. ТИЗЕНГАУЗЕНА

Э.Г. Сайфетдинова

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Сборник материалов по истории Золотой Орды. Т. 1. Арабские летописи В.Г. Тизенгаузена уже на протяжении многих десятилетий представляет собой один из авторитетных и востребованных научных трудов среди исследователей золотоордынской эпохи. Несмотря на то, что уже в современности было осуществлено переработанное издание в Москве, и казахстанскими учеными, которые попытались расширить данный список, однако основная масса сочинений этих изданий представляют собой извлечения из средневековых арабских сочинений включенных еще В.Г. Тизенгаузенем. Отмечается, что найти какие-нибудь совершенно новые сведения по истории Золотой Орды и татарских ханств достаточно затруднительно ввиду того, что вся представленная информация, в общем, имеет компилятивный характер. Тем не менее, в научный оборот не введено определенное количество средневековых арабских сочинений, основную долю из них представляют хроники (летописи), написанные в XIV веке, в которых раскрываются дополнительные сведения, касающиеся истории золотоордынского государства.

В статье представлен список средневековых арабских сочинений о татарах и Золотой Орде, которые не были включены в «Сборник материалов» В.Г. Тизенгаузена»

Ключевые слова: история, Золотая Орда, средневековые арабские летописи, XIII–XV вв.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских В.Г. Тизенгаузена уже на протяжении многих десятилетий представляет собой один из авторитетных и востребованных научных трудов среди исследователей золотоордынской эпохи. В список данного тома входят названия 26 сочинений средневековых арабских авторов. Несмотря на то, что уже в современности было осуществлено переиздание в Москве [7] и в Казахстане [13], и казахстанские ученые также попытались расширить данный список [15], однако существует еще доля сочинений, не вошедших не в один из сборников.

Как отмечал еще сам В. Г. Тизенгаузен «требуется еще немало предварительных работ разного рода, которые помогли бы будущему историку Золотой Орды осветить ее намного ярче, точнее и многосторонне» [19, с. 10]. Это касается и поиска, изучения и введения в научный оборот новых арабских авторов и их сочинений. Конечно, включение новых имен не всегда может обогатить саму содержательную часть материалов, в своей основе они зачастую носят компилятивный характер. Но, тем не менее, изучение средневековых арабских авторов XIII–XIV в., позволит обогатить уже известную информацию о татарах и государстве – Золотая Орда.

В данном контексте также нужно отметить, что Тизенгаузен не всегда владел полными списками предложенных им сочинений. Так, В.Г. Тизенгаузену не был доступен полный текст сочинения *‘Абд аз-Захира* (Мохи ад-дина Абдуллаха бин бин Нишвана ал-Хазами ал-Масри) *«Ар-рауда аз-захир фи сира ал-малик аз-Захир»* («Видный сад в жизнеописании ал-малика аз-Захира»), свои извлечения он делал из неполной рукописи, хранившейся в Британском музее, которая охватывала сведения 658–663 г.х. (1259–1265). Некоторые списки рукописи данного сочинения были обнаружены в Турции арабским исследователем ‘Абд ал-‘Азиз ал-Хаватир. Они были сличены с рукописью, находящейся в Британском музее и более полный текст рукописи *«Ар-рауда аз-захир фи сира ал-малик аз-Захир»* был опубликован в 1976 году в Саудовской Аравии [14].

В список первого тома сборника материалов В.Г. Тизенгаузена отдельно не вошли и извлечения из сочинения, творившего в XIII веке – Абу Шама. 1. *Абу Шама* ал-Макдиси (Шихабуддин Абу-л-Касим ‘Абд ар-Рахман ибн Исма‘ил ал-Макдиси) родился в 1203 г. / 599 г.х. в Дамаске. Его учителями были ас-Сахави, Муафак ал-Макдиси, Аби Исхак ал-Хашваги, Давуд ибн Малахиб и др. Он добился больших успехов в знании лингвистики и изучении и применении законов шариата, являлся толкователем хадисов и Корана. Его учениками были ученые той эпохи ал-Фаззари, Шихаб ан-Нафари. Свое прозвище Абу Шама получил вследствие того, что на его левой брови была располо-

жена большая родинка. Погиб насильственной смертью при невыясненных обстоятельствах: то ли от рук грабителей, то ли в результате нападения недовольных его творчеством ассасинов¹ в 1267 году.

Труд Абу Шама под названием «Зайл 'ала-р-Раудатайн». Полное название этой книги «*Тараджим риджал ал-карнейн ас-садис ва ас-сибаи*» («Жизнеописания мужей двух столетий: шестой и седьмой»)² [2]. Автор сам позиционирует эту книгу как продолжение своего более раннего труда «Китаб ар-раудатайн», в котором описываются более ранние периоды истории Египта и Сирии. В основном это сборник некрологов, выдающихся личностей мамлюкской эпохи XII–XIV вв., в котором также даются краткие сообщения о событиях, охватывающие 1191 г. /591- 1265 г./ 665 г.х., происходившие на территории мамлюкского султаната.

Сведения, касающиеся золотоордынской истории, представляют собой, в основном информацию о противостоянии Берке с Хулагу, а также о прибытии первых отрядов золотоордынского войска к мамлюкскому султану Бейбарсу. Именно Абу Шама явился первоисточником ряда других более поздних сочинений, освещающих историю дипломатических связей Золотой Орды и мамлюкского Египта (ал-Муфаддал, ал-Макризи и др.), поскольку Абу Шама сам являлся очевидцем происходивших в ту эпоху событий.

На Абу Шама ссылается, представленный в сборнике ал-Муфаддал, цитирующий сведения о прибытии в Дамаск людей «из войска татарского конных и пеших, с женами и детьми, бежавших к мусульманам» [19, с.187], однако существуют сведения не вошедшие и в хроники ал-Муфаддала, описанные нами в отдельной статье [18].

2. «Сира аз-захир Бейбарс» («Жизнеописание Захира Бейбарса») *Ибн Шаддада* (Мухаммада бин 'Али Ибра'има бин *Шаддада* ал-Халляби (ум. 1286) посвящено описанию внутренней и внешней политики Бейбарса, в те годы установившего тесные контакты с золотоордынским престолом, значимость данной работы в том, что «основным источником для Ибн Шаддада служили реальные события, свидетелями которых был сам автор, или слышал от людей, достойных доверия». Труд Ибн Шаддада, касающийся жизнеописания Бейбарса, не сохранился до наших дней в полном объеме, вторая часть была издана в Висбадене в 1983 году [12]. Эта часть содержит описание жизни султана Бейбарса в период 670–676 г.х./1272–1278 гг. Значимость данной работы в том, что это единственный список книги, состоящей из 270 листов, который хранится в библиотеке Сулеймания в г. Эдирне (Турция) и «основным источником для Ибн Шаддада служили реальные события, свидетелями которых был сам автор, или слышал от людей, достойных доверия» [5, с.15].

3. «Шарх нахдж ал-балага» (Комментарии к Путям красноречия (Шерифа ар-Рази – С.Э.) *Ибн Аби Хадид ал-Мадаини*. Ибн Аби Хадид родился в городе Мадаин (Ктесифон), близ Багдада, затем переехал в Багдад. Служил в государственной канцелярии, был приближенным визиря Муайяд ад-дин ал-Алками. Ибн Абу ал-Хадид скончался в 656 году хиджры (1258 г.) в Багдаде.

Религиозно-дидактический трактат «*Шарх нахдж ал-балага*» («Толкование «Путей красноречия») представляет собой толкование Ибн Аби Хадида к книге багдадского поэта и шиитского улема Шарифа ар-Рази, Данное сочинение считается одним из лучших комментариев к «Путям красноречия». Автор создавал свою работу в период с 1246 по 1251 год. «Толкование» разделено автором на 20 частей (*джуз*), в 8 части представлен раздел рассказывающий о Чингиз-хане и нашествии татар, в которой раскрываются события связанные с событиями в Хоремзе, нашествии на Иран и Азербайджан, также немного рассказывается о кыпчаках, аланах, русских, отдельный отрывок посвящен описанию западного похода монголов и захвате Багдада [8].

4. «*Мухтар ал-ахбар*» (Отборные известия государства аюбидов и мамлюков до 702 в. х.) Бейбарса ал-Мансури представляет собой краткое изложение истории мамлюкских правителей середины XIII – нач. XIV в. [4]

Личность автора Бейбарса ал-Мансури известна нам по сборнику материалов В.Г. Тизенгаузена, в которой даны извлечения из его книги «*Зибда ал-фикра*» («Сливки размышлений»). Эта книга стала предметом изучения в работах современного исследователя А. Порсина [16; 17].

Сведения, касающиеся истории Золотой Орды содержатся в разделах раскрывающих дипломатические отношения мамлюкских султанов с различными государствами, в том числе и с золотоордынским государством.

¹ Ассасины – религиозно-военизированные формирования, активных в XI–XIII вв. Базировались в горах современного Ирана и Сирии. Фанатично настроенные представители движения исмаилитской ветви шиитского ислама избегали открытых конфликтов, предпочитали действовать скрытно, представляя тем самым множество проблем политическим оппонентам своего времени, прежде всего державе Сельджукидов.

² Шихабуддин 'Абуль-Касим 'Абдуррахман ибн Исмаил ал-Макдиси. *Тараджим риджал ал-карнейн ас-садис ва ас-сибаи*. Каир, 1947.

5. Ал-Йусифи (Муса бин Мухаммад бин Йахйа (ум.759г.х./ 1368 г.) и его сочинение «*Ан-назха ан-назыр фи сира ал-малик ан-Насыр*» («Отрада наблюдателям по части жизнеописания малика ан-Насира») [2], опубликованного в Каире в 1986 году. Его сочинение охватывает времена третьего правления мамлюкского султана ан-Насира и представляет собой летописную хронику, в которых автор останавливается на описании отдельных моментов истории. В книге подробно рассказывается о внешней политике ан-Насира с Ильханидами и представителями дома Берке. Автор сочинения ал-Йусифи был хорошо известен о нем упоминали и ас-Сафади и Ибн Хаджар. Лично участвовал в походе на Армению.

6. Абу Бакр ибн ‘Абд-Аллах Ибн Айбак ад-Даудари (даты рождения и смерти неизвестны, предположительно в конце XIV – начале XV в.) мамлюкский историк вырос и жил в Каире. Его дед и отец занимали высокие должности, и имели связи с влиятельными людьми из Аюбидов и Мамлюков, которые были свидетелями многих событий той эпохи. Сам ад-Даудари был на службе эмира Сейфетдина Балабана ар-Руми ад-Даудар аз-Захири.

Его сочинение «*Канз ад-дурар ва-джамии‘ ал-гурар*» («Жемчужина в сведениях о тюркских государствах») (часть 8) создана на основе многих фактов и событий эпохи, учитывая, что он жил в более ранний период с такими авторитетными историками, как ал-Макризи, ибн Тагрибарди и Ибн Ийас. Отрывки из сочинения Ибн Даудари были опубликованы в третьем томе «История Казахстана в арабских источниках» [10]

7. Труд ал-Макризи «*Китаб ал-мукаффа ал-кабир*» («Большая рифмованная книга») представляет собой биографический словарь выдающихся личностей, жизнь которых так или иначе была связана с Египтом. Так как работа не сохранилась в полном объеме и дошла до нас без предисловия, то мы не можем знать о мотивах побудивших автора к работе, его целях и задачах, методологии и источниковой базе словаря. «Китаб ал-мукаффа ал-кабир» дошел до нас в пяти частях: одна часть хранится в национальной библиотеке Парижа (№ 2144), три в университетской библиотеке Лейдена (№ 1366) и одна в библиотеке Сулеймания в фонде Барту паша (№ 496) в Стамбуле. Словарь построен в алфавитном порядке [6, Т. 1, с.7].

8. *Ибн ал-Варди* Сираджаддин Абу Хафс ‘Омар (ум.1457), араб, географ и историк. Жил в Сирии. Его сочинение «*Харидат ал-аджаиб ва фаридат ал-‘араиб*» («Жемчужина чудес и перл диковинок») содержит сведения о тюркских народах и об их странах, областях и городах. В частности, Ибн ал-Варди достаточно подробно описывал распространение эпидемии чумы, в частности и на территории Золотой Орды [9].

9. *Ибн Тагриберди* Абу-л-Махасин Джамал-ад-дин Юсуф (1409 или 1410 –5 июня 1470) родился в Египте, в семье знатного мамлюка. Обучался у выдающихся учёных своего времени, в том числе у историка ал-Макризи. Из сохранившихся сочинений наибольшую ценность представляют хроники, описывающие историю Египта со времен арабского завоевания VII в. доведенных до 1469 г. В книге «*Ан-Нуджум аз-захира фи Мулук Миср ва ал-Кахира*» («*Яркие звёзды в (жизнеописании) монархов Египта и Каира*») описан период с 838 г. по 1291 г. [11]

Несмотря на то, что сведения новых источников возможно и не дают нам каких-либо новых сведений, касающихся золотоордынской истории, тем не менее, они представляют ценность в уточнении некоторых фактов истории, поскольку некоторые из авторов (Абу Шама, Ибн Шаддад, ‘Абд аз-Захир и др.) сами являлись очевидцами происходивших в ту эпоху событий. Более того, при переиздании «Сборника материалов по истории Золотой Орды» В.Г. Тизенгаузена, необходимо дополнить сведениями, тем более что после сообщений Ибн Асира, представленные в сборнике доведены до 1232 г., сведения до 1260 года практически не рассматриваются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ал-Макризи Таки ад-дин. Китаб ал-мукаффа ал-кабир / Большая рифмованная книга. В 8 томах. Критическое издание: Мухаммад ал-Йа‘алави. Бейрут: Ал-Гарб ал-ислами, 1991.
2. Абу Шама Шихаб ад-Дин ал-Макдиси. Китаб ар-Раудатайн фи ахбар ад-даулатайн ан-нурийа ва-с-салахийа / Жизнеописания мужей двух столетий: шестой и седьмой. Т. 1. Ч. 1–2. Каир, 1956.
3. Ал-Юсифи. Назха ан-назир фи сира ал-малик ан-Насир / Отрада наблюдателям по части жизнеописания малика ан-Насира. Бейрут, 1986.
4. Бейбарс ал-Мансури. Мухтар ал-ахбар. Тарих ад-дауля ал-аюбия ва дауля ал-мамлюк ал-бахрия хатта сана 702 / Отборные известия государства аюбидов и бахритских мамлюков до 702 в. х. Каир, 1993.
5. Зайнулдинов Д.Р. Сведения Изз ад-дина Ибн Шаддада о Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2012. № 5. С. 13–20.

6. Зайнуддинов Д.Р. Ученый из Сарая – Мавляна Зада ас-Сараи (754/1353–791/1389) – в биографическом словаре ал-Макризи Таки ад-дина (766/1365–845/1441) «Китаб ал-мукаффа ал-кабир» (Большая рифмованная книга) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 1, № 1. С 126–137.
7. Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения в пер. В.Г. Тизенгаузена. М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2003. 448 с.
8. Ибн Аби Хадид. Шарх нахдж ал-балага / Толкование путей красноречия. Режим доступа <https://archive.org/stream/shrhnahjbalagha/shnahj07#mode/2up>
9. Ибн ал-Варди. Харидат ал-аджаиб ва фаридат ал-гараиб / Жемчужина чудес и перл диковинок. Бейрут, 1970
10. Ибн Даудари. Канз ад-дурар фи джамиг ал-гарар / Жемчужина в сведениях о тюркских государствах. Каир, 1960.
11. Ибн Тагриберди. Ан-Нуджум аз-захира фи Мулук Миср ва ал-Кахира. [Яркие звёзды в (жизнеописании) монархов Египта и Каира]. Издание первое, в 16 томах. Критическое издание: Мухаммад Хусейн Шамс ад-дин. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-илмия, 1992.
12. Ибн Шаддад. Сира аз-Захир Бейбарс. Висбаден, 1983. 447 с.
13. Игибаев С.К. История Казахстана в источниках и материалах. Второе изд., дополненное. Усть-Каменогорск: издательство «Берел» ВКГУ имени С. Аманжолова, 2016. 276 с.
14. Мохи ад-дин ‘Абдуллах бин ‘Абд аз-захир‘ бин Нишвана ал-Хазами ал-Масри. Ар-рауда аз-захир фи сира ал-малик аз-Захир. Ар-Рияд, 1976. 522 с.
15. Муминов А.К. (сост.) История Казахстана в арабских источниках. Т.3. Извлечения из сочинений XII–XVI веков. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 272 с.
16. Порсин А.А. История Золотой Орды конца XIII – начала XIV веков в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-фикра». Казань, 2017.
17. Порсин А.А. Следы ранней джучидской историографической традиции в «Зубдат ал-фикра» Бейбарса ал-Мансури и «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 240–246.
18. Сайфетдинова Э.Г. Краткие сведения по истории Золотой Орды из сочинения Абу Шама ал-Макдиси ад-Димашки «Жизнеописания мужей двух столетий: шестой и седьмой» // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 224–227.
19. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды Т.1. СПб., 1884. 563 с.

Сведения об авторе: Эльмира Гадельзяновна Сайфетдинова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7138-1256>, ResearcherID: K-2746-2017. E-mail: adulya2@yandex.ru

ARABIC WRITTEN SOURCES ON TATARS AND THE GOLDEN HORDE NOT INCLUDED IN V.G. TIZENGAUZEN'S "COLLECTION OF MATERIALS"

Elmira G. Sayfedinova

Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences

Abstract. “A collection of materials on the history of the Golden Horde. T. 1. The Arabic chronicles” by V.G. Tizengausen, for many decades, is one of the authoritative and sought-after academic works among researchers of the Golden Horde era. Despite the recent revised publications in Moscow and Kazakhstan, where an attempt was made to expand this list, the bulk of the sources in these reprints are the same extracts that were edited and translated by V.G. Tizengausen. The author points out certain difficulties in finding new information on the history of the Golden Horde and the Tatar Khanates due to the fact that all the information presented, in general, has a compilation character. Nevertheless, a certain number of medieval Arabic works remain unknown to this day. The main share of them are the chronicles of the 14th century containing additional information on the history of the Golden Horde state.

The article contains a list of medieval Arabic works on the Tatars and the Golden Horde, which were not included in V.G. Tizengausen’s “Collected materials”.

Keywords: history, Golden Horde, medieval Arabic chronicles, 13th–15th centuries

About the author: Elmira G. Sayfedinova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7138-1256>, ResearcherID: K-2746-2017. E-mail: adulya2@yandex.ru

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ТАТАРСКОГО ЭТНОСА В СРЕДНИЕ ВЕКА С УЧЕТОМ СВЕДЕНИЙ ЯКУТСКОГО ФОЛЬКЛОРА

В.В. Ушницкий

*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН*

Статья посвящена концепции татарского происхождения народа саха. К этому мнению, подталкивает анализ легенд о прародителях народа Омогое и Эллэе и историографии вопроса. В якутском фольклоре в качестве предков саха упоминаются «татаары» и человек по имени Татаар-тайма считается отцом Эллэя.

В данной статье проанализированы сведения о центральноазиатских татарах, имеющих в древнетюркских рунических надписях, в китайских источниках династий Тан, Сун, Ляо, Цзинь. В сочинениях Рашид-ад-Дина они выступают в качестве могущественного племени, ранее доминировавшего в Центральной Азии. Махмуд Кашгари относит их к тюркоязычным народам, имеющим свой отдельный язык. С.Г.Кляшторный и Ю.А.Зуев изучив сведения рунических памятников и китайских источников различных династий, пришли к выводу, что в этногенезе буир-нурских татар принимали участие еще хэйчэзцы-шивэй т.е. тележные канглы и ираноязычные согдийцы – сог-по. Канглы в составе буир-нурских татар сопоставляются с кангаласцами среди саха. Индо-ираноязычный компонент в составе саха возможно восходит к участию иранского компонента в этногенезе центральноазиатских татар.

В сочинении Абульгази и Рашид-ад-дина, есть известия о бегстве остатков татар в реку Ангару. Эти сообщения отождествляются с фольклорными источниками саха о бегстве людей из племени «татаар» побежденных в войне против народа «нуучча». Протоякутская усть-талькинская археологическая культура XII–XIV вв. в Южном Приангарье связывается с племенем усуту-мангун. Сам этноним усуту-мангун реконструируется как водяные монголы. Данное племя по сообщениям европейских путешественников тождественно к племени татар. Этноним монгол был одним из древних самоназваний саха. Среди приангарских татар или алакчинов выделяется область Мангу, по Ю.А.Зуеву от слова мэнгу – «серебро». Это имя сходствует с названием якутского улуса Мэнгэ.

Фольклорные, лингвистические, этнографические и антропологические данные свидетельствуют о общих предках саха и бурят-булагатов. Это совпадает с выводом археологов о том, что усть-талькинская культура одновременно принадлежит монголоязычным предкам бурят – племени булагатов, так и тюркоязычным предкам саха.

Ключевые слова: Центральная Азия, этногенез, кочевые народы, средние века, средневековые татары, тюркология, народ саха, историография, монголоведение, китайские источники, рунические памятники, фольклор, арабо-персидские летописи, Монгольская империя, Прибайкалье

Тюркские народы происходят в основном от имперских народов, создавших мощные государственные образования – каганаты. Есть группы народов с огузскими языками – потомков Древнетюркского каганата, уйгурских этносов и кыргызов, а также имеются потомки западных болгар и принявших иудаизм хазар. От кыпчакских племен возникли целая куча тюркских народов, кыпчаки вышли из состава Кимакского каганата, в Западной Сибири ранее выделялась приобская археологическая культура, видимо принадлежащая бома-алатам – предкам кыпчаков. Таким образом еще в раннее средневековье в Евразийских степях выделилась группы уйгурских, огузских, кыпчакских, хазаро-булгарских племен. В состав тюркских этносов Центральной Азии также можно включить средневековых татар, которых ранее было принято отождествлять с древними монголами.

Долгое время о татарах Центральной Азии, их этническом составе и происхождении ничего не было известно. Но выдающиеся советские тюркологи С.Г.Кляшторный и Ю.А.Зуев подытоживая итог своей научной жизни, в начале XXI в. оставили специальные работы, где рассматривают этническую и политическую историю центрально-азиатских татар.

Татары считаются ранее монголоязычными, предками которых были сяньби, которые могли обозначаться именем хор [27]. Возможно, сначала татары в шивейский период были монголоязычными, но в территории Внутренней Монголии они смешались с тюркоязычными канглы и подверглись тюркизации.

Татары считаются потомками жужаней, отождествляются с племенами шивей, обитавшими на огромной территории от Маньжурии до Южной Якутии, включая территорию Восточного Забайкалья и Приамурья [7].

1. Жужани, как и племя хи (кай) по китайской историографии считаются потомками хуннов [24], которых принято считать предками тюркских народов.

2. Татары считаются потомками южных шивей, которые считаются потомками улохоу. Термин улохоу реконструируется как урянхай [6, с. 58–59]. Улохоу племя V в., вошли в состав жужаней. Из китайских летописей известны племена Хи (кай) или кумохи проживавшие в территории Маньжурии, относящиеся к монголоязычным [7]. Реальным названием этого народа был Урянхай, урянхай [24].

3. Татары входили в огузский союз, смешались с огузами. Так в рунических надписях упоминаются племена тогуз-огузов, огуз-татар, которые считаются тюркоязычными [18].

4. Во Внутренней Монголии, куда из территории Маньжурии переместились племена шивей-татар, проживали ираноязычные согдийцы, полностью отуреченные и омонголенные [19, с. 134–139], имевшие предводителя тегин-принц, перешедшие на кочевой образ жизни [13, с. 159].

5. Татар в киданьских источниках называли цзубу, которое реконструируется из сог-по – согдидец или тибетского обозначения кочевников – сог, сак [11, с. 99–100].

6. От буир-нурских татар отделились племена айриуд-буйрууд [20], в которых нетрудно узнать ойрат-бурятов. Они откочевали в Прибайкалье, возможно дав начало усть-талкинской археологической культуре. Таким образом, вопрос о происхождении Омогоевой части предков саха соприкасается с проблемой этногенеза древних ойратов и бурятов.

7. Татары активно воевали с империей Цзинь, которых монгольские народы называли народ «ниуча» и потерпев поражение были истреблены, в котором на стороне чжурчженей принимали участие Темучжин и Тогорил, получившие от их рук звание генералов и титулы Чингис-хан и Ван-хан [20].

8. Татары принимали активное участие в монгольских походах в Европу в качестве передового войска, и прославили свое имя, поэтому их имя стало чрезвычайно популярным во всем тогдашнем мире [15]. Имя татар было настолько почетным, что сначала все монголоязычные, потом и тюркоязычные народы стали именовать этим именем [26].

9. Европейские путешественники описывают татарский обряд погребения с конем. Им вторит археолог В.П.Костюков утверждающий о том, что с татарами (монголами) распространяется в западе Евразийских степях погребения с конем с западной ориентировкой, отсутствовавшие в кыпчакскую эпоху [23].

10. Буир-нурские татары от Цзиней приняли многое в военном деле, языке, культуре, будучи их верными вассалами [29].

11. В трехплеменной татарский союз «цзубу» – сог-по входили кроме буир-нурских татар, найманы, керейты – западная ветвь и меркиты – северо-восточная группа [5].

12. Упоминается племя хэйчэцзы-шивей. Их имя Ю.А.Зуев восстанавливает как «тележные» – в тюркских языках канглы. Область Канцзюй он размещает в территории северо-восточной части Внутренней Монголии, где потом сложилось объединение буир-нурских татар. Таким образом, хэйчэцзы-шивей – канглы сыграли ключевую роль в этногенезе поздних буир-нурских татар [13, с. 136]].

13. Татары упоминаются в генеалогической легенде кимаков в качестве предков этого народа, обитавшего в территории Казахстана и Западной Сибири. Ю.А.Зуев культурные названия и этнонимы загадочных серебряных татар Внутренней Монголии связывает с кимаками [13]. Самоназванием кимаков возможно является этноним ураанхай, применявшегося по отношению к народу известному в китайских источниках – как хи (кай – в кантонском диалекте) и татабы, проживавшего в Восточной Монголии и Западной Маньжурии в VII–IX вв. [2].

14. Татары – видимо потомки кимаков, имелись в составе кыпчакских племен домонгольского периода. К татарам принадлежали Бейбарс, Кутгуз и другие мамлюкские султаны Египта и Сирии XIII в. [23].

15. От татарских племен, возможно, происходят также баргуты. В составе буир-нурских татар упоминаются племя баркуй-татар [20]. Также во Внутренней Монголии располагалась область проживания племени байырку-баегу [13].

16. Новый российский тюрколог С.Ш.Казиев выдвинул версию о двуязычии – билингве представителей татарского племени [14]. М.Кашгарский также утверждал о том, что татары хорошо знают тюркский язык, наряду со своим языком.

17. Татарский исследователь Р.Безертинов, утверждает, что татары разводили табуны малорослых лошадей, добывавших еду подножным кормом [8].

О беглых татарях в низовьях Ангары, в составе остатков монгольских племен – сторонников Джамухи упоминает Рашид-ад-Дин в своем труде [26]. О множестве татарских племен проживающих на Анкарэ-Мурен повествует бухарский хан XVII в. Абульгази Бахадур-хан [1]. Со ссылкой Б.Р.Зориктуев говорит о 14 источниках, им использованных [12].

1. В эпизоде о татарских племенах Рашид-ад-Дин в Ангаре размещает также монгольское племя усуту-мангун [26]. Это имя усуту-мангун реконструируется как су-монгол – «водяные монголы». Термины усуту и су-монгол связываются с носителями этнонима татар [15].

2. Абульгази упоминает город Алакчин, вокруг которого проживали племена татар. Также есть сюжет о пегих лошадях, их пяти областях [1]. Видимо это объясняется преобладающим участием алчин-татар в сложении приангарской группы татар. Алчин-татары возможно являются предками алшинов – крупного казахского племени [28].

3. В культуре алакчинов – приангарских татар присутствует культ серебра и серебряных изделий. От названия серебра (золота) возможно, происходит имя одного из пяти областей «пеголошадников» – Мангу [26]. Их мы отождествляем с названием улуса саха – Мэнгэ.

4. Ю.А.Зуев название города Кикас в Анкара-Мурен [26], который Абульгази называет Алакчином [1], восстанавливает как Канкати, связывая с названием племени канглы [13].

Основные выводы: Возможно, одним из предков саха являются татары, обитавшие сначала в Буир-Нуре, потом их остатки фиксируются в Приангарье. По мнению исследователей, южные скотоводческие племена татар-шивзев, были тождественны с улухоу-урянхайцами. Согласно Ю.А.Зуеву, Внутренняя Монголия – прародина кимаков, имевших согласно С.М.Ахинжанову самоназвание уранхай [3]. Татары также имели старинное имя цзубу, восстанавливаемого как сог-по. Данный этноним нами связывается с самоназванием саха.

Как видим, татары Центральной Азии принимали участие в происхождении кимаков и части кыпчакских племен, таким образом, кимако-кыпчакский компонент в этногенезе саха связывается с ними. По исследованиям Ю.А.Зуева, канглы были господствующим племенем в составе буир-нурских татар [13]. Татары как потомки жужаней происходили от хунну, в их состав вошли ираноязычные согдийцы. Также в их составе обнаруживается этноним алчин-алакчин, связываемый с древними алатами. В союз татарских племен – цзубу (сог-по) входили также найманы и керейты, меркиты.

Скотоводческая якутская кулун-атахская культура сформировалась на Средней Лене в XIV–XV вв. на основе миграции с Прибайкалья племен монгольского периода [10].

1. В этногенезе саха просматривается наличие индоиранского субстрата, через участие ираноязычных племен саков, создателей пазырыкской культуры Горного Алтая [10].

2. В этногенезе саха прослеживается древний хуннский компонент [10].

3. В формировании языка и культуры саха принимали участие кыпчакский и огузский компоненты [10, 30].

4. Также просматривается влияние монгольского компонента, отраженное в языке и в материальной, духовной культуре [10]. С монгольским компонентом связываются потомки Омогая – батулинцы. Батулинцы были в составе хоринцев и булагатов, они связываются с племенем батут в составе ойратов.

5. По фольклорным, антропологическим и лингвистическим данным предки саха и западные буряты-булагаты составляли в течении длительного времени единый народ [22]. Этому не противоречат этнографические и генетические материалы.

6. Основным тюркским компонентом в этногенезе саха являются кангаласцы – потомки канглы [10].

7. В этногенезе саха просматривается алакчинский компонент [31].

8. За время изучения этногенеза саха выдвигались гипотезы о меркитском и керейтском происхождении [32].

9. Существовала версия В.В.Радлова о принадлежности якутского языка сначала к монгольскоязычной семье языков и только потом к тюркским [цит.по: 16].

10. В культуре, языке саха имеется много элементов от культуры и языка чжурчжэней – обитателей Маньчжурии [4].

11. В составе саха значительное место занимают борогонцы и байагантайцы – которых мы отождествили с средневековыми племенами баргутов и баегу (байырку) упоминаемых в Байкальском регионе.

12. Французские археологи заявляют, о позднем прибытии маленькой группы имеющих боевое снаряжение всадников, вследствие перемещений народов, имеющих отношение к завоеваниям империи Чингисхана. [2, с. 206].

13. Народ саха несмотря на проживание в таежной зоне и комплексное лесное хозяйство, сохранил табунное коневодство, которое ассоциируется с кочевым образом жизни.

Усть-талькинская археологическая культура XII–XIV вв. согласно В.С.Николаеву, принадлежала предполагаемым предкам якутского народа, которые сложившись в единый этнос, в полном составе мигрировали на Среднюю Лёну [25].

1. Это культура могла принадлежать племенам туматов и усуту-мангун [25].

2. Усть-талькинцы погребали своих мертвых в некрополях до ста всадников с остовом коня и с коровы с западной ориентировкой. Впервые их изучала Е.Седякина в аварийных раскопках на месте строительства Братской ГЭС, потом Сегенутский могильник в Верхней Лёне А.П.Окладников и И.В.Константинов ездил на раскопки [21].

3. В формировании усть-талькинской культуры, как и якутской скотоводческой культуры на средней Лёне принимал участие кимакский компонент [10; 25].

4. Усть-талькинцы еще в XII в. освоили все Южное Приангарье. Усть-талькинская археологическая культура состоит из двух этапов: догланский – XII и нач. XIII в.; усть-удинский – XIII – первая пол. XIV вв., что говорит о возможной смене населения [25].

5. По мнению В.С.Николаева, усть-талькинские некрополи принадлежат знаменитым воинам, прославившим свой род или племя в дальних походах в составе монгольских армий [25, с. 307].

Согласно сведениям фольклорных источников, устанавливается следующая фольклорная версия происхождения саха.

1. Старинное самоназвание народа саха – ураангхай, отраженное в эпосе олонгхо. По якутским легендам, прародина саха Ураангхай находится на девятой от Лёны реке [9].

2. Предки саха жили рядом с страной Тангут. Прародитель саха Элэй Боотур – Дьинг Саха был родом из этой земли. Самоназвание саха получили от имени древнего правителя [35].

3. Омогой Баай прародитель саха из народа «бырааскай», отделился от народа «татаар» [17], его потомками являются батулинцы и их ветви намцы и баягантайцы.

4. Согласно якутским фольклорным источникам, их предки происходят от народа «татаар», которых стали истреблять победители – народ нууча. От этой войны бежал Татаар-Тайма с сыном Элляем [16].

5. В XVIII в. саха имели божество Татаар-Тайма [34]. Таким образом, предки саха на южной прародине имели прямое отношение к неким татарам.

6. В якутской мифологии и эпосе-олонгхо имеется божество Аан Алахчын Хотун.

7. Сохранились легенды о участии предков саха в монгольских походах в качестве передового войска – авангарда, принимавшего всю тяжесть боев на себя [33, с. 130].

Заключение. Любой народ, как любой человек имеет свою судьбу. Не знать свое прошлое, потерять историческую память это огромная трагедия для народа. Якутские сказители вплоть до нашего времени сохранили древние предания о прародине. И в данный момент, благодаря исследованиям советских ученых наконец-то вышли на Трою якутского народа. Хотелось бы, чтобы молодые исследователи, владеющие китайским языком, раскрыли эту тайну, исследовали археологическую культуру буир-нурских татар в Внутренней Монголии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульгази. Родословное древо тюрков, пер. Г.С. Саблукова // «Известия об-ва археологии, истории и этнографии» при Казанском университете, т. 21, вып. V–VI. Казань, 1906.
2. Амори С., Жибер М., Кейзер К, Люд Б., Крюбези Э. Редкие мужчины и многочисленные женщины. // Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологи-

- ческой экспедиции / Под ред. Эрика Крюбези, Анатолия Алексеева. Якутск: Издат-дом СВФУ, 2012. С. 200–206.
3. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1989. 293 с.
 4. Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск: Бичик., 1995. 220 с.
 5. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980. 224 с.
 6. Викторова Л.Л. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV в. до н.э. – XII в. н.э. // Ученые записки ЛГУ. № 256. Серия восточных наук, выпуск 7. 1958. С. 58–59.
 7. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. I. М.-Л., 1950. 381 с.
 8. Безертдинов Р.Н. Геополитика и правители татаро-монгольских империй. Казань Слово, 2013. 303 с.
 9. Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: / По преданиям якутов бывшего Якутского округа / (на якутском языке)]. Якутск: Нац.кн. изд-во: «Бичик», 1994. 320 с.
 10. Гоголев А.И. Якуты (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 200 с.
 11. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства (легенда о государстве «пресвитера Иоанна»). М.: Айрис-пресс, 2002. 427 с.
 12. Зориктуев Б.Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Восточная литература, 2011. 278 с.
 13. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.
 14. Казиев С.Ш. Кыпчаки: концепция этнической истории // Тюркские народы. Фрагменты этнических историй. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 282–423.
 15. Карпини Плато Дж. Дель. История монголов. Г. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. 4-е изд. М.: Мысль, 1997. 460 с.
 16. Ксенофонов Г.В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. I. Кн. I. Якутск: Бичик, 1992. 416 с.
 17. Ксенофонов Г.В. Эллаида. Якутск: Местное книжное изд-во, 1977. 245 с.
 18. Кляшторный С.Г. Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха). // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». М.: Наука, 1993. С. 139–147.
 19. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000 (2004). 320 (368) с.
 20. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Монгольский обыденный изборник. / Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 5–122.
 21. Константинов И.В. Захоронения с конем в Якутии (новые данные по этногенезу якутов). // По следам древних культур Якутии (Труды Приленской археологической экспедиции). Якутск, 1970. С. 196–197.
 22. Константинов И.В. Происхождение якутского народа и ее культуры. // Якутия и ее соседи в древности: Труды Приленской археологической экспедиции. Якутск: Изд. ЯФ СО АН СССР, 1975. С. 106–173.
 23. Костюков В.П. Была ли Золотая Орда «Кипчацким ханством». // Тюркологический сборник 2005. Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006.
 24. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во Вост. лит., 1961. 281 с.
 25. Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV вв. Усть-Талькинская культура. Владивосток; Иркутск: Издательство института географии СО РАН. 2004. 306 с.
 26. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. М.-Л.: Восточная литература, 1952. 221 с.
 27. Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Местное книжное изд-во, 1962. 268 с.
 28. Сабитов Ж.М. Алшины (алчи-татары) в истории Поволжья и Приуралья в XIII–XIX вв. // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Выпуск 5. Казань. 2015. С. 383–393.
 29. Сайшиял. Сказание о Чингисхане. Перевод со старомонгольского Норпола Очирова. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. 576 с.
 30. Ушницкий В.В. Восточные корни кыпчаков: Этнокультурные параллели с народами Сибири // Степи Европы в эпоху средневековья. 2012. Т. 10. Половецкое время. Украина. С. 53–65.
 31. Ушницкий В.В. Новый взгляд на бома-алатскую проблему. // Материалы международной конференции посвященной «Хакасия и Россия: 300 лет вместе». Абакан, 2007. С. 36–43.
 32. Ушницкий В.В. Загадка племени меркитов: проблема происхождения и потомства. // Вестник Томского государственного университета. История. №1 (21). 2013. С. 191–196.
 33. Овчинников М.П. Из материалов по этнографии якутов: Легенды, сказки и предания // Этнографическое обозрение. М., 1897. № 3. С. 182–183; № 4. С. 85–88.
 34. Элерт А.Х. Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII в. (статья первая) Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Сборник научных трудов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. 285 с.
 35. Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. S. 373. 1730. S. 373.

Сведения об авторе: Василий Васильевич Ушницкий – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этнографии народов Северо-Востока России Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Российская Федерация). E-mail: voma@mail.ru

HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL LANDSCAPE OF THE TATAR ETHNOS IN THE MIDDLE AGES TAKING INTO ACCOUNT THE INFORMATION OF YAKUT FOLKLORE

Vasiliy V. Ushnitskiy

Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The author discusses the concept of the Tatar origin of the Sakha people on the basis of the analysis of legends about the ancestors of the Omogoe and Ellee people and the historiography of the issue. Yakut folklore mentions the “Tataars” as the ancestors of the Sakha and names a man named Tataar-tayma the father of Ellee.

The author of this article analyzed the information on the Central Asian Tatars contained in the ancient Turkic runic inscriptions in the Chinese sources of the Tang, Song, Liao, Jin dynasties. Rashid al-Din presents them as a powerful tribe that previously dominated Central Asia. Mahmoud Kashgari classifies them as Turkic-speaking peoples having their own separate language. Having studied the information of the runic monuments and Chinese sources of various dynasties, S.G. Klyashtorny and Yu.A. Zuev came to the conclusion that the Heihei Shiwei, i.e. the Cart Kangles, and Iranian-speaking Sogdians – the Sog-Po, participated in the ethnogenesis of the Buir-Nur Tatars. The Kangles among the Buir-Nur Tatars are identical to the Kangalas among the Sakha. Perhaps the Indo-Iranian-language component among the Sakha is a consequence of the participation of the Iranian component in the ethnogenesis of the Central Asian Tatars.

The works of Abulgazi and Rashid al-Din contain information about the flight of the remnants of the Tatars to the Angara River. Identical information is contained in the Sakha folklore sources which narrate the flight of people from the “Tataar” tribe defeated in the war against the “Nuuchcha” people. The proto-Yakut Ust-Talka archaeological culture of the 12th–14th centuries in the southern Angara region is associated with the Usutu-Mangun tribe, whose name, according to the reconstruction, corresponds to the Water Mongols. According to European travelers, this tribe is identical to the Tatars. The ethnonym Mongol was one of the ancient Sakha self-names. Mangu region was one of the habitat regions of the Angara Tatars or Alakchins. According to Yu.A. Zuev, its name comes from the word “mengu” – “silver”. This name is similar to the name of the Yakut ulus Menge.

Folklore, linguistic, ethnographic and anthropological data testify to the common ancestors of Sakha and Buryat-Bulagats. This coincides with the conclusion of archaeologists, according to which the Ust-Talka culture simultaneously belongs to the Mongol-speaking ancestors of the Buryats – the Bulagat tribe, as well as to the Turkic-speaking ancestors of the Sakha.

Keywords: Central Asia, ethnogenesis, nomadic peoples, Middle Ages, medieval Tatars, Turkology, Sakha people, historiography, Mongolian studies, Chinese sources, runic monuments, folklore, Arabic-Persian annals, Mongol Empire, Baikal region

About the author: Vasiliy V. Ushnitskiy – Cand. Sci. (History), Research Fellow, Department of Ethnography of the Peoples in Northeastern Russia, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: voma@mail.ru

«ЗЛОЙ ГОРОД»: О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОБОРОНЫ КОЗЕЛЬСКА ВЕСНОЙ 1238 г.

А.В. Воротынцев

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

В статье рассматриваются события осады Козельска монгольскими войсками весной 1238 г. На основе критического анализа письменных источников и новейших данных археологических исследований автор приходит к выводу, что реальные события осады и взятия древнерусского города в значительной степени отличаются как от сообщений русских летописных источников, так и сложившихся в историографии оценок причин осады и хода военных действий.

Ключевые слова: Козельск, Бату, природно-климатический фактор, численность гарнизона, осадная техника, военные потери

Семинедельная оборона Козельска, осажденного весной 1238 г. одним из корпусов монгольской армии, является одним из наиболее ярких и широко известных эпизодов истории средневековой Руси. Вместе с тем, существует несколько малоизученных и спорных аспектов, касающихся обстоятельств осады и взятия Козельска монголами, которые до настоящего времени являются предметом дискуссии историков-медиевистов.

К таким дискуссионным аспектам, на наш взгляд, можно отнести:

- 1) причины столь длительной осады Козельска войсками Бату.
- 2) ход боевых действий на протяжении всей 7-недельной осады.
- 3) оценка военных ресурсов гарнизона Козельской крепости.
- 4) описание событий решающего штурма и потерь монгольской армии.

Опираясь на сообщения русских летописей и восточных хроник, а также на новейшие данные археологических исследований автором представляемой работы делается попытка максимально объективной реконструкции исторических событий данного эпизода монгольской военной кампании 1237/1238 гг.

Письменные источники донесли до нас несколько описаний трагических событий развернувшихся под стенами Козельска весной 1238 г. Наиболее полную информацию содержит текст Ипатьевского летописного свода. Согласно ему, к марту 1238 г. Батый: «...поплени грады Суждальские и приде ко граду Козельска; будуще въ немъ князю младу, именовемъ Василью, уведавше же нечестивии яу умъ крепкодушный имеют людье во граде, словесы лестными не возможно бе град пріяти. Козляне же съвесть створше не вдаватися Батью, рекше «яко аще князь нашъ младъ есть, но положимъ животь свой за нь; и сде славу сего света пріимше, и тамъ небесныя венца отъ Христа Бога пріимшемъ». Татаромъ же быошемъ граду стену и възидоша на валь татаре. Козляне же ножи резахуся съ ними, съветъ же створиша изыти на полкы татарскыя, и пошеде изъ града иссекоша праща ихъ, нападше на полкы ихъ и убиша отъ татаръ 4 тысящи сами же избъени быша. Батый же взя городъ, избив си, и не пощаде отъ отрочать до сосущих млеко. Оттуда же въ Татарехъ не смеють его нареци град Козелескъ но град злый, понеже бишася по семь недель; убиша бо отъ татаръ сына темничи три, татары же искавше и не могоша ихъ изнайти во множестве трупъ мертвыхъ» [13, стб. 780–781].

Сообщение Тверской летописи является фактической компиляцией текста Ипатьевской, с той разницей, что тверской летописец ничего не говорит об уничтожении козельцами стенобитных машин монгольской армии в последней отчаянной вылазке: «...Татары же пришли и осадили Козельск, как и другие города, и начали бить из пороков, и выбив стену, взошли на вал. И произошло здесь жестокое сражение, так что горожане резались с татарами на ножах; а другие вышли из ворот и напали на татарские полки, так что перебили четыре тысячи татар...» [3, с. 92–93].

События осады и взятия Козельска монголами были также отражены и в хронике Рашид ад-Дина: «На этом переходе Бату подошел к городу Козельску и, осаждая его в течение двух месяцев, не мог овладеть им. Потом прибыли Кадан и Бури и взяли его в три дня. Тогда они расположились в

домах и отдохнули» [17, с. 39]. Следует отметить, что сообщение персидской хроники говорит о сохранности жилых построек внутри города.

В отечественной историографии не существует однозначного объяснения причин осады и того упорства, с которым монголы осаждали Козельск на протяжении столь длительного времени. По мнению Л.Н. Гумилева Батый желал взять один из городов Черниговского княжества в качестве мести за убийство монгольских послов перед битвой на р. Калке предшественником князя Михаила Всеволодовича – Мстиславом Черниговским, родовым уделом которого являлся Козельск [4, с. 132]. Этот тезис исследователя выглядит неубедительным по следующей причине.

Согласно сообщениям восточных хронистов (Джувейни, Рашид ад-Дина, Юань-ши), на курултае 1235 г.: «Было принято решение о завоевании пределов Булгар, Ас и Рус, находившихся по соседству со становищем Бату, до сих пор неподчиненных и гордившихся множеством своих городов» [2, с. 161; 17, с. 36; 20, с. 432–525]. То есть, монгольской военной элитой изначально предполагалось полное завоевание **всех** русских земель, включая Черниговское княжество, частью которого являлся Козельск. В данном контексте, предварительный захват относительно небольшого центра удельного княжества весной 1238 г. не имел никакого военно-политического и морально-психологического значения.

Современным петербургским исследователем Р.Ю. Почекаевым было дано иное объяснение действиям монголов. По предположению историка, осада Батыем Козельска носила провокативный характер и имела своей целью дожидаться той или иной реакции черниговского князя [10, с. 126].

Слабой стороной данного тезиса является игнорирование природно-климатического фактора того времени года (конец марта – начало мая), на который приходится временной отрезок осады города. В сезон весеннего половодья и распутицы монгольские военачальники вряд ли могли рассчитывать на военную или дипломатическую активность правящей верхушки Черниговского княжества.

На наш взгляд, наиболее вероятным объяснением причины осады Козельска корпусом Бату, являлось стремление захватчиков получить доступ к продовольственным запасам и жилым постройкам города. После тяжелой зимней компании 1237/1238 г. монгольские войска нуждались в отдыхе и пополнении запасов на период весенней распутицы, заставшей их на полпути в Степь. Гипотеза о первоначальной заинтересованности монголов в мирном соглашении с козельчанами косвенно подтверждается сообщением летописи о том, что Батыю не удалось: «...словесы лестными...город прияти» [13, стб. 780]. То есть, защитникам крепости было сделано некое предложение, которое не было ими принято.

Данные археологии и палеогеографии свидетельствуют, что Козельск был хорошо защищен естественными природными преградами – реками, болотами, холмами и оврагами. По мнению О.М. Рапова, разлив р. Жиздры и наполнение окрестных ручьев и болот растаявшим снегом могли сильно затруднить осаждающим ведение активных боевых действий и увеличить шансы обороняющихся на благоприятный для них исход осады [18, с. 86]. Вероятно именно это обстоятельство, а также опасения козельчан остаться без продовольствия в самый голодный весенний сезон заставили жителей города отклонить предложение монголов о мирном соглашении.

Встречая ожесточенное сопротивление, и не имея возможности для ведения интенсивных боевых действий, монголы зачастую применяли тактику длительной осады осажденного города. Так, китайско-монгольская династическая хроника «Юань-ши» сообщает о трехмесячной осаде туменом Менгу одного из городов аланов в 1239 г.: «Зимой, в одиннадцатой луне (27 ноября – 26 декабря 1239 г.) войска под командой Мэнгу окружили город асов Магас и через три месяца захватили его» [5, с. 175]. Рашид ад-Дин указывает на полуторамесячную осаду Магаса (Минкаса) зимой 1239 г. туменами четырех чингизидов (Гуюка, Менгу, Кадана и Бури) [17, с. 39]. Аналогичная тактика была применена монголами и при осаде Козельска весной 1238 г.

В связи со столь длительными периодами осады городов, возникает вопрос об обеспечении монгольских войск провизией и кормом для лошадей. К сожалению мы не располагаем данными о численности воинов и конского состава в тумене Бату, осаждавшем Козельск весной 1238 г. Однако, с достаточной долей уверенности, можно предположить, что осаждающих не могло быть менее нескольких тысяч воинов и как минимум такого же числа лошадей (учитывая потери в ходе зимней кампании 1237/38 г.). В кавалерийских частях русской армии нач. XX в. суточная дача корма лошади состояла из 4 кг сена, 4 кг овса и 1,6 кг соломы [23]. Дневной рацион средней по размеру рабочей лошади степной (преимущественно башкирской) породы на южноуральских рудниках и металлургических заводах в XVIII–XIX вв. составлял 5–6 кг сена, а также 4–5 кг овса или ячменя [22, с. 574]. Таким образом, даже принимая во внимание непрехотливость монгольских лошадей в кормовом

обеспечении, минимальный общий объем фуража нескольких тысяч боевых и заводных коней за семь недель осады исчисляется сотнями тонн.

При расчетах количественных показателей потребления провизии и кормов, следует учитывать крайнюю ограниченность продовольственных ресурсов, которые могли быть реквизированы монголами на территориях козельской округи и близлежащих земель. В весенний период запасы, как продовольствия, так и кормов для животных в крестьянских хозяйствах носили незначительные объемы. Как следствие, на протяжении всего периода осады корпус Бату не мог не испытывать серьезных затруднений с продовольственным обеспечением. Учитывая данное обстоятельство, допустимо предположить, что подход туменов Кадана и Бури к Козельску в мае 1238 г. имел своей целью не только взятие города, но и вывод корпуса главнокомандующего Западным походом, оказавшегося в западне из-за массового падежа боевых коней, или их столь же массового забоя для питания воинов.

Одним из дискуссионных и малоизученных аспектов осады Козельска является вопрос об использовании монголами осадной техники. Русские летописные источники содержат сообщения о наличии в монгольских войсках «пороков» и «пращей» на завершающей стадии осады, в контексте событий героической вылазки защитников Козельска, закончившейся, согласно сообщению Ипатьевской летописи уничтожением осадных машин. Согласно сообщению Новгородской I летописи осадная техника активно применялась монголами во время осады Торжка зимой 1238 г.: «Оттоле же придоша безаконьнии и оступиша Торжекъ на сборе чистой недели и отыниша тыном весь окол, якоже инии гради имаху; и бишася ту оканнии пороки по две недели» [14, с. 75, л. 122].

Приведенное летописное сообщение свидетельствует о том, что в тумене Бату имелись специалисты по строительству и применению осадной техники. Однако вопрос о использовании военно-технических приспособлений на раннем этапе осады Козельска остается открытым. Существует мнение о том, что корпус Бату, начавший осаду города первоначально не имел стенобитных и метательных механизмов [21, с. 139]. При рассмотрении данной проблемы, следует учитывать фактор крайне неблагоприятных условий климатического и ландшафтно-географического характера, серьезно затруднявших осадно-строительные работы. В данном контексте допустимо высказать предположение о появлении осадных машин под стенами Козельска лишь в последнюю неделю осады, в связи с улучшением погодных условий и подходом из степи туменов Кадана и Бури, что обусловило быстрое взятие монголами города («в три дня»).

Следующим вопросом, требующим объективного анализа, является оценка численности козельского гарнизона и тех огромных потерь, которые якобы понесли монгольские войска в ходе решающего штурма города. К сожалению, древнерусские письменные источники не содержат информации о численности гарнизонов крепостей вплоть до XVI столетия. Также отсутствует информация о численности княжеских дружин в XIII–XIV вв. Одним из первых, если не первым сообщением о размерах «двора» удельного князя, является оценка численности профессиональных воинов угличского князя Дмитрия Шемяки, относящееся к 1436 г.: «княжи Дмитриевы братни дворяне 500 человек» [15, с. 146]. Учитывая достаточно ограниченный хозяйственно-экономический ресурс удельного козельского княжества, можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что численность дружины малолетнего князя Василия составляла не более нескольких сотен бойцов. Поэтому, оценка Д.Г. Хрусталева, без всяких обоснований определившего численность защитников Козельска в 2000 воинов, при 5000 жителей [21, с. 141], легко опровергается данными археологии и исторической топографии.

В результате масштабных исследований археологами были определены примерные размеры Козельского городища в XIII–XIV в. Располагаясь на возвышенном мысу между реками Жиздрой и Другусной, укрепленная часть городища (т. н. «крепость») занимала площадь ок. 6 га, а собственно княжеская резиденция («детинец») всего 0,8 га. [9, с. 22–23].

Следует отметить, что численность гарнизона практически любой средневековой крепости, находилась в прямой зависимости от ее размеров. Этот тезис подтверждается анализом военно-фортификационного потенциала хазарской крепости Саркел, хорошо изученной археологами. Площадь Саркела, расположенного как и Козельск на речном мысу, составляла ок. 10 га. [6]. По данным византийского императора Константина Багрянородного, гарнизон Саркела состоял из 300 наемников-таксеотов [7, с. 40]. Учитывая, что размеры крепостных укреплений Саркела составляли 186x126 м² (по М.И. Артамонову) [1, с. 307], или 193,5x133,5 м² (по С.А. Плетневой) [11, с. 87], легко рассчитать, что один опытный воин легко защищал 2 м крепостной стены, или башни.

Конечно, используя метод сравнительного анализа, следует учитывать различие в фортификации и статусе этих двух средневековых крепостей, существовавших в разные эпохи и располагавшиеся в разных ландшафтных зонах. Вместе с тем, принципиальных различий в вооружении воинов и общих принципах строительства защитных укреплений в X–XIII вв. не отмечается, что позволяет проводить определенные аналогии с некоторым процентом допуска в ту или иную стороны. Исходя из размеров Козельской крепости, общее число защитников, даже с учетом вооруженных горожан и беженцев из сельской округи, в принципе не могло превышать 500 воинов.

В связи с данным обстоятельством, следует критически оценить сведения русских письменных источников о потерях монгольской армии при решающем штурме. Практически все летописи оценивают их в 4000 убитых, причем среди погибших упоминаются «сына темничих три», которых якобы не могли найти в груде трупов [13, стб. 781; 16, с. 130–131]. Таким образом, если принимать оценки русских летописцев, каждый русский воин должен был убить при вылазке не менее 7–8 врагов, что выглядит абсолютно фантастически. Возможно, в эту цифру потерь монголов русскими летописцами были ошибочно включены дошедшие до них сведения об общих потерях тумена Бату в зимне-весенней компании 1237–1238 гг.

Вызывает вопросы и упоминание в числе погибших монголов трех сыновей темников, то есть детей командующих 10-ти тысячными корпусами-туменами (тьмами). Известно, что в Великом западном походе монгольские тумены возглавлялись, как правило, «царевичами»-Чингизидами. Описывая осенне-зимнюю компанию монголов 1239 г. Рашид ад-Дин перечисляет корпуса завоевателей, возглавляемых царевичами «Золотого рода»: «Гуюк-хан, Менгу-каан, Кадан и Бури направились к городу Минкас и зимой после осады продолжавшейся один месяц и 15 дней взяли его» [17, с. 39]. Годом ранее, летом-осенью 1238 г.: «Шейбан, Бучек и Бури отправились в область Крым... и у народа хыпчакан захватили холм Таткара» [17, с. 38–39]. Следовательно, под Козельском «темниками» были Бату (сын Джучи), Кадан (сын Угедея) и Бури (сын Чагатая). Учитывая, что все они принадлежали к третьему поколению рода Чингиса, будучи его внуками и достаточно молодыми людьми (Бату было 29 лет) [17, с. 81; 10, с. 31], то наличие у них взрослых сыновей представляется практически невозможным. Вероятнее всего, до русских летописцев дошли сведения о гибели под Козельском неких знатных монголов, которые были обозначены ими как «сыны темничих».

По аргументированному мнению Ю.В. Селезнева «сынами темничих» могли быть дети знатных монголов («темников»), служившие в корпусе личной гвардии Чингизидов, т.н. «кешиктенов». В числе прочего из них состояли отряды личных телохранителей «царевичей» «Золотого рода» («Алтан уруга») в походах и сражениях [19, с. 43–45].

Характерно, что археологические исследования слоев XIII в. в исторической части Козельска не выявили явных следов военного разгрома города [8, с. 205]. Данный факт может свидетельствовать о том, что боев в самом укрепленном детинце не было. В то же время, нижние горизонты раскопов 2013 и 2014 гг., относящиеся ко времени монгольской осады, имеют слои пожаров [8, с. 208]. Вероятное объяснение этому археологическому парадоксу мы можем найти в вышеприведенном сообщении Рашид ад-Дина. После захвата степняками оставшегося без защитников города, измотанные длительной осадой и тяжелым штурмом, воины Батыя на какое-то время расположились в городских постройках, а при уходе из Козельска сожгли их.

Таким образом, на основе вышеизложенных соображений можно реконструировать относительно полную картину реальных событий осады и взятия Козельска, несколько отличающуюся от летописной версии.

В конце марта 1238 г. монгольский корпус под командованием Батыя подошел к городу и предложил ему защитникам некоторые условия мирного соглашения, или капитуляции, которые были ими отвергнуты. После этого, Козельск был взят в полную блокаду, но не подвергся военному воздействию, вследствие неблагоприятных для завоевателей природно-климатических условий и отсутствия, или невозможности применения осадных машин и хашара. С наступлением теплого и сухого времени года (начало мая), из Степи подошли свежие тумены Кадана и Бури и приступили к активной осаде города. В ходе штурма гарнизон Козельска совершил отчаянную и неожиданную для монголов вылазку, в результате которой были уничтожены осадные машины, а сами захватчики понесли серьезные потери в живой силе, впоследствии сильно преувеличенные русскими летописцами. В то же время сами защитники города были окружены и уничтожены вне городских стен, а оставшийся без гарнизона Козельск был занят войсками Бату, Кадана и Бури с вероятным истреблением, или час-

тичным захватом в плен местного населения. После отдыха монгольские тумены отошли в степь, предав укрепления и постройки города огню.

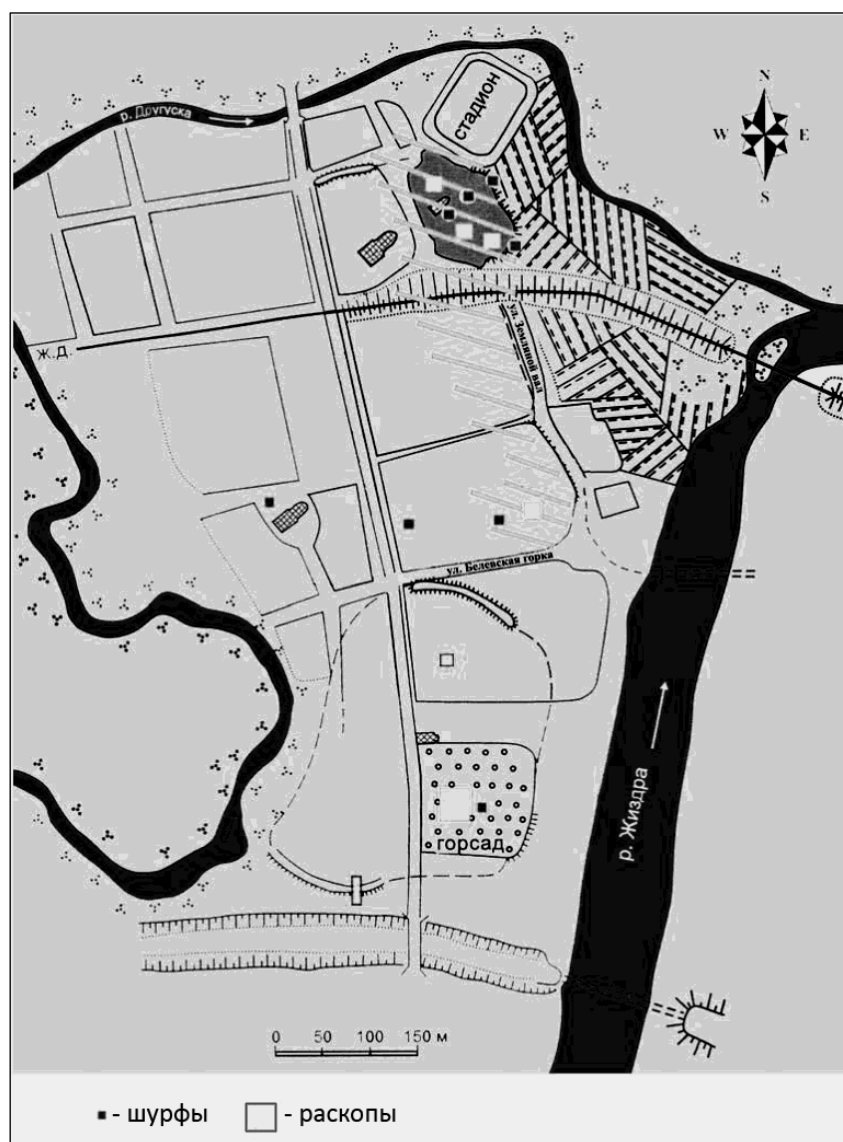

Схема расположения шурфов, раскопов и распространения древнерусского культурного слоя (штриховка) в исторической части г. Козельска [8, с. 201]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артамонов М.И. История хазар. СПб.: Филол. ф-т. СПбГУ, 2002. 548 с.
2. Арсланова А.А. Остались книги от времен былых... Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 239 с.
3. Военские повести Древней Руси. Л.: Лениздат, 1985. 495 с.
4. Гумилев Л.Н. От Руси до России. М., 1995. 318 с.
5. Золотая Орда в источниках: в 5 т. Т. 3.: Китайские и монгольские источники // Перев. с кит., сост., вводная статья и коммент. Р.П. Храпачевского. М.: Типография Наука, 2009. 336 с.
6. Ивик О., Ключников В. Хазары. М., 2013. [электронный ресурс] www.royalib.com
7. Константин Багрянородный. Об управлении Империей. М., 1991. 69 с.
8. Массалитина Г.А., Болдин И.В. Летописный Козельск. Проблемы и этапы археологического исследования // Поволжская археология. 2015. № 1(11). С 198–214.
9. Нигматулин Р.А., Прошкин О.Л., Массалитина Г.А. Древний Козельск и его округа: Труды отдела охранных раскопок. Институт археологии РАН. Т. 4. М., 2005. 188 с.
10. Почекаев Р.Ю. Батый. Хан который не был ханом. СПб.: Евразия, 2007. 350 с.

11. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.-Иерусалим, 2000. 375 с.
12. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. 392 с.
13. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. 648 с.
14. ПСРЛ. Т. III. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. Л., 1950. 656 с.
15. ПСРЛ. Т. XXIII. Симеоновская летопись. М., 2004. 328 с.
16. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. Л.-М., 1949. 464 с.
17. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л., 1960. 248 с.
18. Рапов О.М. Русские города и монгольское нашествие // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 77–88.
19. Селезнев Ю.В. «Не звати Козельскомъ, но злым городомъ» // Родина. М., 2014. № 10. С. 43–45.
20. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ ЛЮКС, 2005. 557 с.
21. Хрусталева Д. Г. Русь: от нашествия до «ига» (30–40-е гг. XIII в.). СПб., 2004. С. 139.
22. Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 624 с.
23. Шишка Е.А. Проблемы снабжения монгольской армии и пути решения во время Батыева нашествия на Северо-Восточную Русь в 1237–1238 годах // Filio Aridne. 2019. № 1. [электронный ресурс] www.filioaridne.estrall.ru

Сведения об авторе: Леонид Вячеславович Воротынцев – аспирант исторического факультета Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Российская Федерация). E-mail: leonrus1245@mail.ru

THE “EVIL TOWN”: ABOUT SOME ASPECTS OF KOZELSK’S DEFENSE IN THE SPRING OF 1238

Leonid V. Vorotyntsev

Yelets State Ivan Bunin University

Abstract. The article considers the events of the Mongol siege of Kozelsk in the spring of 1238. Based on a critical analysis of written sources and the latest archaeological research, the author concludes that the actual events of the siege and capture of the ancient Rus town significantly differ from the information of Russian chronicles and the corresponding historiographical assessments of the reasons for the siege and the course of hostilities.

Keywords: Kozelsk, Batu, climatic factors, strength of the garrison, siege equipment, military casualties

About the author: Leonid V. Vorotyntsev – graduate student of historical faculty, Yelets State Ivan Bunin University (Yelets, Russian Federation). E-mail: leonrus1245@mail.ru

РАСПАД МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ: ТАЛАССКИЙ КУРУЛТАЙ

И.М. Миргалеев

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

На последнем всемонгольском курултае весной 1269 года был заключен мир между чингизидами из дома Джучи, Чагатая и Угэдэя, установлены границы их владений и признаны два новых улуса тулуйидов: Улус Хубилая и Улус Хулагу, которые на тот момент имели только статусы главнокомандующих войск, отправленных для новых завоеваний. Участники Таласского курултая разделили империю Чингиз-хана, и официально признали друг друга независимыми государствами. С этого периода правитель Золотой Орды Менгу Тимур принял титул хан (император). Также и другие чингизидские правители Хайду и Борак начали именоваться ханами. В процессе распада Монгольской империи на карте мира официально появились следующие государства: Улус Джучи, Улус Чагатая, Улус Угэдэя, Улус Хубилая и Улус Хулагу.

Ключевые слова: Золотая Орда, Курултай, Монгольская империя, Чингизиды, хан

Курултай 1269 года является последним всемонгольским съездом и датой заключения мира между чингизидами из дома Джучи, Чагатая и Угэдэя, где были установлены границы их владений и признаны два новых улуса тулуйидов: Улус Хубилая и Улус Хулагу, возникновение которых не имело отношение к завещанию Чингиз-хана, и не было до этого урегулировано. И Хубилай и Хулагу пока имели только статусы главнокомандующих войск, отправленных для новых завоеваний. Хотя Хубилай и победил Арык-бугу и объявил себя каганом Монгольской империи, однако кроме Хулагу никто его не признал и не собирался признавать в таком качестве. Съезд 1269 года поставил юридическую точку в процессе распада Монгольской империи, попутно кардинально решив все противоречия по верховной власти в империи. Хотя, стоит отметить, что еще продолжительное время имела место попытка позиционировать наличие кагана в Ханбалыке (современный Пекин). Однако это обстоятельство носило все же только декларативный характер и ничего общего к реальным взаимоотношениям между чингизидами не имело.

По сведениям Рашид ад-дина, который, безусловно, является объективным источником по взаимоотношениям в общем доме чингизидов, курултай прошел в Таласской долине [4, с. 71]. Современные исследователи П.Н. Петров и А.М. Камышев обосновывают, что курултай состоялся в местечке Йанги Тараз (территория современного Кыргызстана) [2].

Безусловно, историю Улуса Джучи прежде всего, и других чингизидских государств можно начать раньше. Сам Джучи активно укреплял свой удел, сумел создать сильную семью, правил в своих землях и имел воинский контингент и самостоятельно вел завоевание новых территорий, прежде всего для расширения собственного улуса. Его сын Бату, также правил улусом отца, и несколько позже возглавив войска Западного похода, расширил улус Джучидов до огромных размеров. Бату сумел разгромить две линии Чингизидов – Чагатаидов и Угэдеидов и привести к власти потомка Тулуя – Мунке и самому стать соправителем Монгольской империи. Его брат Берке продолжил укреплять власть рода Джучи, воевал против других чингизидов и вел внешнюю политику, которая кардинально изменилась. Прежде всего, во главе угла ставились только интересы Улуса Джучи. Берке заключил союз с правителем мамлюкского Египта Бейбарсом против Хулагу. Не признал в качестве кагана Хубилая, открыто выступив против него и поддержав Арык-бугу. Будучи мусульманином сблизился с исламским миром, изменив соотношение сил в мировой геополитике того времени.

Берке прошел через многие испытания, но не отступился и вел абсолютно независимую политику. Его смерть никак не повлияла на развитие джучидского улуса по пути становления полностью независимым государством. Пришедший к власти в 1266 году Менгу Тимур первым делом начал чеканить монеты от своего имени. Хотя, Берке к концу своего правления также чеканил серебряные монеты со своей тамгой [3].

Практически за таласским курултаем стояли именно джучиды. У них была цель, юридически закрепить признание своей независимости со стороны других чингизидских правителей. Теперь, после урегулирования конфликтов и открытых военных столкновений в среднеазиатском регионе, они

сосредоточили свое внимание в южном направлении, против хулагуидов, с которыми у них до конца так и не были урегулированы границы. Вначале, джучиды попытались мирным путем решить вопрос с новыми правителями Ирана. Они признали их интронизацию и их правителя. Но не смогли добиться пересмотра границ на Кавказе, что привело к более тесному контакту с Египтом и к попыткам военным путем решить данную проблему.

Договоренности, прежде всего между домами Джучи и Тулуя практически закончились сразу же после смерти кагана Монгольской империи Мунке в 1259 году. В это время два его брата – Хубилай и Хулагу вели завоевания в Китае и на Ближнем Востоке и командовали имперскими войсками. Каганом стал еще один брат Мунке – Арык-буга, однако его не признали свои же братья, стоящие во главе двух крупных армий. Каганом себя объявил Хубилай, началось открытое военное противостояние, в которое постепенно втянулись и другие чингизидские правители, прежде всего джучиды. Именно их помощь позволила продержаться некоторое время Арык-буге. Хотя сторонники тулуйидов были и в Улусе Джучи, которые призвали Хулагу стать во главе их улуса. Джучиды могли потерять свою власть. Но они смогли не только покончить со сторонниками Хулагу у себя, но и победили его в сражении на Тереке. Это было большим достижением, так как Хулагу стоял во главе большой армии, собранных в свое время со всей империи для новых завоеваний и контролировал большие территории.

В 1263 году Берке заключает союз с Бейбарсом против Хулагу [1, с. 369]. В 1264 году, после того как Арык-буга потерпел поражение, Берке начинает чеканить монеты со своей тамгой именем одного из последних великих и знаменитых халифов Багдада (до этого чеканил монеты от имени Арык-буги) Ахмада ан-Насир Ли-дини-л-лаха¹ (1158–1225), тем самым показывая, что после поражения Арык-буги он не признает Хубилая. Также показывая, что не связывает себя с последним халифом Багдада Абдуллахом ал-Мустасимом Биллахом, которого победил и убил Хулагу. Более того, Берке, а затем Менгу Тимур начинают активно «восстанавливать» дома Чагатая и Угэдэя в Средней Азии, как буферную зону между землями Хубилая и Джучидов. Именно благодаря поддержке джучидов, Хайду, внук Угэдэя смог восстановить улус своего деда. Правда, «восстановленный» «Улус Угэдэя» расположился на землях чагатаидов, которые также активно пытались выживать как отдельная полития. Джучидам крайне важно было «разорвать» связь между землями Хубилая и Хулагу. Для этого им нужно было установить мир на своих среднеазиатских границах и реанимировать остальные чингизидские дома. Оказалось, что чагатайцы воспряли и более того, они смогли победить союзника джучидов Хайду. Поэтому джучиды поменяли тактику и решили помириться с правителем чагатайцев Бораком. Борак был остановлен благодаря джучидам, которые отправили против него большой воинский контингент [4, с. 70]. Но джучиды не стали добивать Борака, в сложившейся ситуации он был крайне важен для противостояния против Хубилая и Хулагу. Поэтому они послали к нему родственника Хайду – Кипчака, который был дружен с Бораком и заключили мир. Они решили поставить точку во всех накопившихся проблемах. Было решено организовать курултай.

Курултай прошел на территории, подконтрольной Хайду. Этим участники давали понять своим соперникам из дома Тулуя, что они возвращают внутридинастийные споры к временам законного кагана Угэдэя, назначенного в свое время официальным преемником самого Чингиз-хана на семейном совете, где присутствовали сам основатель империи и все первые принцы. Тем самым, обойдя вопрос интронизации потомков Тулуя, младшего сына Чингиз-хана. Комбинации внутри чингизидской династии кардинально изменились. На этот раз также за таласским курултаем стояли джучиды, как бы исправляя ситуацию, в свое время инициированную Батыем, когда были низвергнуты семьи Угэдэя и Чагатая и к власти при помощи курултая, организованного также джучидами пришел дом Тулуя.

Как известно, после окончания западного похода Бату взялся за активное государственное строительство на новых территориях, вошел в конфликт с центральным правительством и открыто враждовал с каганом Гуюком. В 1251 году практически только джучиды и тулуйиды организовали курултай, где избрали каганом Мунке, так как Бату отказался и стал соправителем империи, предпочтя укрепиться в своем улусе. Такая ситуация устраивала джучидов, но как только скончался Мунке, началась борьба за главный престол между его братьями. Поэтому джучиды вынуждены были ввязаться в политическую борьбу и достаточно умело участвовали в ней и смогли «вернуть» в борьбу низвергнутые ими же чингизидские рода. Безусловно, с 1259 по 1269 год золотоордынское прави-

¹ Вопрос с чеканкой монет ан-Насира Ли-дини-л-лаха до сих пор является вопросом дискуссионным. Некоторые нумизматы считают, что, их чеканили в домонгольском Булгаре. Но при этом эти монеты не найдены в домонгольском Биляре. Другие же считают, что они чеканились в Булгаре в правление Бату.

тельство главным приоритетом во внешней политике видело в юридическом оформлении своей власти и официального признания своей независимости. Именно такое желание, прежде всего джучидов, и привело к организации последнего всемонгольского курултая.

Весною 667 г.х. (1269 год) царевици Хайду, Борак, Беркечер (представитель Менгу Тимура) «собрались на луговьях Таласа и Кенджека и после недели пирования, на восьмой день, держали совет» [4, с. 71]. После всех договоренностей они поклялись в верности союзу и дали клятву друг другу. С этого периода Менгу Тимур принял титул хан (император). Также и другие чингизидские правители Хайду и Борак начали именоваться ханами.

В процессе распада Монгольской империи на карте мира официально появились следующие государства:

1. Улус Джучи (в историографии известен как «Золотая Орда»), на территории от Алтая до Дуная.

2. Улус Чагатай, на территории Средней Азии.

3. Улус Угэдэя (в историографии также известен как «государство Хайду», на территории восточного Туркестана и Средней Азии).

4. Улус Хубилай (в историографии часто на китайский манер употребляют «династия Юань» или «Юаньская империя») на территории Китая и Монголии.

5. Улус Хулагу (в историографии также известен как «государство Ильханов»), на территории Ирана, Ирака, Азербайджана и Малой Азии.

Политии, воссозданные Бораком и Хайду в итоге через не большое время сошли на нет и разделились на кочевую часть – Моголистан и на оседлую часть – Мавераннахр. Но при этом их потомки еще какое то время продолжали играть важную роль в этих владениях.

Участники Таласского курултая разделили империю Чингиз-хана, и официально признали друг друга независимыми государствами, попутно объявив и о союзе между тремя чингизидскими державами. При этом они приняли решение о признании еще двух чингизидских политий, которые не были среди земель, выделенных в отдельный улус самим Чингиз-ханом, а возникли из новых завоеваний уже внуков Чингиз-хана – от главнокомандующих Монгольской империи, из детей Тулуя, младшего сына Чингиз-хана – хранителя коренного юрта. Поэтому их отсутствие на курултае – это еще и признание глав действующих армий в качестве правителей на новозавоеванных территориях. Также и отказ с их стороны Хубилаю в статусе кагана, должна была лишить тулуйидов верховной власти.

Как видим, решение было достаточно обдуманным, неважно, что там не было представителей Хубилай и Хулагу, по статусу они все еще были главнокомандующими имперскими войсками. Тулуй не получил нового улуса, поэтому потомки Джучи, Чагатай и Угэдэя реанимировали «завещание Чингиз-хана» и признали границы своих владений, попутно «утвердив» и состоявшийся факт – образование двух тулуйидских улусов. В рамках чингизидской династии все было учтено и не вызывало нареканий. Надо признать, что решения таласского курултая устраивало на тот момент всех участников раздела монгольской империи, включая и Хубилай с Хулагу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миргалеев И.М. Взаимоотношения с Ильханами // Золотая Орда в мировой истории. Монография. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 367–371.
2. Петров П.Н., Камышев А.М. Йанги Тараз XIII–XIV вв. и открытие его географического местонахождения по нумизматическим данным // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 266–282.
3. Петров П.Н., Кравцов К.В., Гумаюнов С.В. Монеты Сарая первой половины 660-х гг.х. / 1260-х гг. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 145–158.
4. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Том III. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 340 с.

Сведения об авторе: Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6013-6944>, Researcher ID: J-9533-2017. E-mail: dilnur1976@mail.ru

THE DISSOLUTION OF THE MONGOL EMPIRE: THE TALAS KURULTAI

Il'nur M. Mirgaleev

Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences

Abstract. The last all-Mongol kurultai in the spring of 1269 ended with the conclusion of peace between the Jochids, Chaghadaids and Ögedeids, the establishment of the boundaries of their domains and the recognition of two new Toluid uluses – Khubilai's and Hulagu's uluses who at that time had only the status of commanders-in-chief sent for new conquests. Participants of the Talas kurultai divided the empire of Chinggis Khan and officially recognized each other as independent rulers. From this period, the ruler of the Golden Horde, Möngke Temür, assumed the title of khan (emperor). Also, other Chinggisid rulers, Qaidu and Baraq, began to be called khans. The following states officially appeared on the world map during the dissolution of the Mongol Empire: the ulus of Jochi, the ulus of Chaghadaid, the ulus of Ögedei, the ulus of Khubilai and the ulus of Hulagu.

Keywords: Golden Horde, kurultai, Mongol Empire, Chinggisids, khan

About the author: Il'nur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6013-6944>, Researcher ID: J-9533-2017. E-mail: dilnur1976@mail.ru

THE GREAT MONGOL EMPIRE AS THE WORLD-SYSTEM OF THE MIDDLE AGES AND ITS CONTRIBUTION TO THE FOUNDATION OF EURASIAN INTEGRATION

O.V. Lushnikov

*G.V. Vernadski Center for Eurasian Studies,
Perm State Humanitarian and Pedagogic University*

The period of the Mongol Empire is the most important stage for the formation of the Eurasian civilization. The Mongol Empire contributed to the development of ethnocultural processes in Eurasia thanks not only to trade, but also to cultural exchanges, leasing of technologies and intellectual interaction between the peoples of Eurasia, as well as the synthesis of nomadic and sedentary civilizations. An analysis of economic and cultural interaction in the Mongol Empire and the Golden Horde provides rich material for understanding the mechanisms of integration of the Eurasian civilizational community, such as ethnic and religious tolerance, ethnocultural autonomy, a combination of power vertical principles and federalism, development of economic cooperation on a Trans-Eurasian scale. This most ambitious integration process became a cornerstone of historical experience accumulation for the entire period of Antiquity and the Middle Ages, through which we can determine the basic principles of the Eurasian integration in the 21st century.

Keywords: Mongol Empire, uluses, ulus of Jochi, ethnocultural processes in Eurasia, Golden Horde, Russia, post-imperial processes, ethnic and political processes

Modern integration processes in Eurasia have deep historical roots.

The most important stage of the formation of the Eurasian civilizational community is the period of the Mongol Empire and its Uluses.

It was a very large-scale integration process covering the entire period of Antiquity and the Middle Ages. For us it is also the foundation as to formulate certain basic principles of the Eurasian integration in the 21st century [14].

At present, the world-system approach is the most promising methodology for describing large-scale historical processes, for identification and explanation of the patterns of economic and political cycles.

Moreover, it must be mentioned that this paradigm has all the prospects to use a rigorous apparatus of exact sciences for constructing mathematical models of systems of different levels – from mini-systems to the global world-system [15].

The world-system (I. Wallerstein, J. Abu-Lughod, A.I. Fursov, A.V. Korotaev, S.A. Nefedov) is a set of systems of societies united by close economic ties, acting as specific evolving units, but not always merged into a particular political formation.

Trade communications connect different regions and cultures, and form a common macroeconomic area [17].

The world-system has passed several stages of production modes and distribution schemes:

- a) Family ties and exchange, chiefdom, pre-state.
- b) World Empires period – “Civilization”, tribute institute, pumping out resources of colonies, administrative centralization, prioritizing politics over the economy.
- c) World Economy – “Capitalism”, globalization, TNCs, prioritizing economy over the politics [1].

Within the world-system, there is an economic center and periphery. During the evolution of the world-system, its center repeatedly moved: the Middle East, the Far East, Eurasia, Europe, America, the Asia-Pacific area (APAC).

As wild cattle were domesticated, and agriculture developed widely, especially plow agriculture, other important things appeared. They are implementation of harness; invention of the wheel, and the potter's wheel; copper and bronze casting, as well as development of cultural, information and trade links; emergence of many cities, and genesis of written language. All this led to the formation of the first world-system center in the Middle East by the third millennium BC.

Later, in the second millennium BC, a new world-system center appears in the Far East. In the first millennium BC and the early first millennium AD due to climate change, technical innovations (a saddle, a stirrup), and due to nomadic mobile military forces, et cetera, a large array of Eurasian steppes became the nomadic periphery of the world-system. In the era of the Great Migration of the Nations, the cultural and ethnic picture in the world-system changed dramatically. Even more changes occurred after the crusades and the rise of the Great Mongol Empire in the 13th century. Thus, we can speak about the creation of the “Eurasian world-system”.

This system consisted of five independent “cores”: 1) Western Europe, 2) the Arab world, 3) the area of the Indian Ocean, 4) China, and 5) the Great Steppe consolidated by the Mongols into a unified macropolitical area [17].

The Mongols formed a largest ancient network of trade and economic routes from China to Europe, the Silk Road. They contributed to the growth of transcontinental trade, the influx of innovations in Europe, and the inclusion of India in closer relations with other parts of the world-system (due to the Islamization in the era of the Great Moghuls and the growth of the East-West spice trade). The Pax Mongolica crisis and the disintegration of the Mongol Empire resulted eventually from the Black Death pandemic and the formation of the Ottoman Empire that had blocked the Levantine spice trade. Those factors facilitated the search for sea routes to India and the development of new technologies and mercantilism, a precursor of capitalism in Europe, which led to the creation of the “European Center” world-system in the 16th–19th centuries.

In the 20th century, the world-system center shifted to North America – so called “the Atlantic System”. In the 21st century, there is a new center of the world-system in the Asia-Pacific area.

The world-system is based on three types of social relations:

- 1) Economic – exchange of goods (prestigious and consumer ones);
- 2) Information – exchange of information and technology;
- 3) Security – a military-political alliance [18].

This actually coincides with the principles of the Eurasian integration by Chinggis Khan:

- 1) Border security and internal public order,
- 2) Economic growth through integration, economic and financial stimulation of the territories included in the Pax Mongolica (taxes, customs duties, minting of ‘convertible’ coins, loans, promissory notes), the development of trade routes, cities and infrastructure (transfer stations, caravanserais, et cetera), the organization of transcontinental trade associations “Urtaks” and the naval force,

- 3) Preservation of diverse cultures and confessions (tolerance), intensive intercultural exchange of ideas, technologies, crafts, sciences, fashion, art, cuisine, literature, painting, music, traditions, and ways of living shaped the imperial culture.

An unbiased analysis of sources and the systematization of archaeological data make it possible to disprove the widespread myth of the Mongol Empire as a “predatory parasitic tyranny”, likewise it helps to reveal the complexity and the versatility of the Empire’s internal life structure. Nomads actively participated in creation of the common Eurasian cultural values, social institutions, developed new lands, and influenced the rate and the genesis direction of many peoples and states, sourced international communications and information transmission created in various cultural centers [24].

Pax Mongolica between 1250 and 1350 was not only trade relations, but also intercultural exchange, leasing of technologies, and intellectual interaction of the peoples in Eurasia. There was a synthesis of nomadic and sedentary civilizations.

On account of the tight connection of steppe peoples and cities, rapid development of crafts and caravan trade, specific economic potential manifested itself. Both components – steppe nomads and sedentary cultures – complemented and mutually supported each other, thereby providing the state with important conditions for its existence [20].

This was promoted by tolerance, supranational and supraconfessional policy of the authorities. In the Mongol Empire, the clergy of all the religions as well as any church property had tax-exempt status.

The policy of religious toleration persisted even when the Khans converted to Buddhism in China or to Islam in Iran, Central Asia and the Golden Horde. The facts of peaceful coexistence of Islam, different branches of Christian faith, Buddhism, Confucianism and Tengrism in the Mongol Empire show that regardless of nationality and confession, one could make a career in the imperial army or administration [22].

Archaeological research has revealed that from the middle of the 13th century there had been a revival of the economic life on the territory of the Mongol Empire. There had been a revival of the cities; merchants had received an access to international trade as well as the economic relations had been restored among the regions. Almost all the cities known since the Pre-Mongolian era maintained their sustainability and lived

including Urgench, Otrar, Sygnak, Samarkand, et cetera, though their population had suffered from Chinggis Khan's Central Asian campaign [6].

Imperial capital cities and large trade centers (Karakorum, Shandu, Khanbalik, Tabriz, Almalyk, Samarkand, Bukhara, Qarshi, Urgench, Baghdad, Maraga, Sultaniye, Sarai, Bulgar, Ukek, et cetera.) became places of mixing cultures, languages, customs, traditions, crafts, fine arts; they had had multiple combinations of different architectural styles and masterpieces, temples, academies, observatories, mausoleums [23].

The Ulus of Jochi area has particularly rich variety of archaeological monuments – the area of sedentary tribes – the Volga region, the Crimea, the Aral Sea region, the Dnieper region, Transnistria, foothills of the North Caucasus. Ancient settlements (more than 100), villages, necropolises, treasure sites were discovered and examined there. Archeologists also find pagan mounds, and Muslim mausoleums, multiple room brick houses with stove heating, white stone and brick public buildings – baths, madrassas, mosques, tombs, caravanserais, et cetera. The walls of many buildings were decorated with painted plaster, polychrome tiles, majolica, and terracotta tiles.

The cities had complex block and homestead designs. The estates included residential chambers, utility rooms, gardens, swimming pools and fountains. Complex hydraulic structures – artificial lakes, irrigation ditches, underground water supply and sewerage have been discovered in the ancient cities.

Characteristic features of the decorative and applied arts of the Empire are ornamental, multicolored, refined arabesque motifs. The material and spiritual culture in the multinational state developed as the synthesis of numerous specialties introduced by different peoples [7].

There is a common imperial style of the cities, even in the distant parts of the country. Everywhere they demonstrate striking commonalities of the architectural styles, the universal unification of the building materials. The city of Sarai's design is in many respects similar to Karakorum's [5]. The districts of the aristocracy, the merchants and the poor were clearly marked. The workshops were concentrated in the detached districts creating sort of manufactures. Nearly all the cities had multinational populations.

Thereby, Sarai was nicknamed "The Golden Horde Babylon", where everyone lived in their national quarters: Kipchaks, Circassians, Russians, Armenians, Mongols, Byzantines, Italians, Bukharians, et cetera. Another common point is the fact the imperial cities did not have walls for a long time; they were surrounded by cultivated fields [10].

The western part of the Great Mongol Empire, the Ulus of Jochi trade relations with China, Europe, Iran, Egypt, and India are indicative. They reflect the interaction of the elements of the Eurasian world-system.

The peak intensity of the trade was in the 14th century. They exported furs, grain, salt, cattle, fish, leather, and ceramics and imported more than 40 types of products: mainly textiles, spices, medicines, decorative products and jewelry, carpets, mirrors, utensils, ceramics, horses [13]. Various peoples of Europe, as well as Iranians, Turks, Indians and the Chinese were the merchants.

One of the important elements of the multinational hyper-empire effective management was the endeavor to create a synthetic "world language" and writing that, in some way, absorbed the vocabulary and terminology of all the peoples and tribes of the civilization area. In this case, the Uighur script was originally used in the Mongol Empire. However, over some years, in the eastern part of the Empire, the Uighur script was replaced by the "square writing" created by Pagba Lama from Tibet. The "square writing" became an official language of Yuan, was adapted for the Chinese language, and influenced the invention of the Korean alphabet [17, p. 230–233].

Since the 13th century up to the middle of the 19th century in the western Uluses of the Mongol Empire and adjacent regions (Kazakhstan and Central Asia, the Crimea and the Volga region, Eastern Turkestan and Khorasan, India and Asia Minor) 'Turki' language became the instrument of interethnic communication and integration, record keeping and diplomacy, science and culture. 'Turki' language was also known as Chagatai, Volga, Old Uzbek and Old Tatar [2, p. 77]. Such poets of the Golden Horde and Central Asia as Sayyid Qutb, Al Khorezmi, and Saifi Sarai wrote in 'Turki'. Great writers and scholars who wrote their works in Arabic and Persian lived in Sarai in the 13th–14th centuries, they left a number of texts on rhetoric and Islamic law (Sheikh Sadat Taftazani, Mukhtar ibn Mahmud al-Zahidi, Imam and Faqih Ibn Bazzazi) [3, p. 271].

The problem of multilingualism in Mongolian Uluses was ordinarily solved by bilingualism (the Chinese and the Mongols, the Iranians and the Mongols, the Turks and the Mongols learnt the languages of each other), and by numerous translators who graduated from special public schools [24]. Multiple artistic, historical, philosophical, juridical and theological works were translated into Mongolian language from Arabic, Chinese, Tibetan, Persian, Sanskrit and other languages.

The culture and science, the literature and art of the peoples of the Mongolosphere had been further developed. Medicine, history, mathematics, astrology and science prospered in the cities of the Mongol Empire. Moreover, Muslim doctors and astronomers from Iran worked at the Yuan court in Khanbalik, and Chinese experts transferred their knowledge to the peoples in the Middle East. Persian miniature and Yuan painting occupy a special place in the imperial cultural heritage. Prestigious products manifested the imperial culture most vividly as well as the nobility's clothing: costumes, paizis, waistbands, weapons, horse harness, accessories, and even hairstyles [16; 19].

In general, it is plain to see the magnificent culture of the Mongol Empire absorbed the traditions of the cultures of all the imperial peoples, all the richness of the steppe nomadic (Mongolian, Kipchak, Kimak, et cetera), Muslim (Bulgar, Khorezm, Iranian), Central Asia and Far East elements of material and artistic culture [4].

Thus, the analysis of economic and cultural interaction in the Mongol Empire and its Uluses provides rich material for studying mechanisms of the integration of the Eurasian civilizational community, such as ethnic and confessional tolerance, ethnocultural autonomy, a combination of power vertical principles and federalism, development of economic cooperation on a Trans-Eurasian scale. These time-tested principles could be the basis for the success of modern integration of Eurasia.

REFERENCES

1. Abu-Lughod J. *Perestrukturiruya mikrosistemu, predshestvuyuschuyu Novomu Vremeni* [Reconstructing the Antecedent Microsystem of Modern History]. *Vremya Mira. V 2 tomakh* [The Time of the World in 2 Volumes]. Novosibirsk, 2001. (In Russian)
2. Beysembiev T.K. *Sredneaziatskiy (Chagataiski) Tyurki I Ego Rol' V Kul'turnoi Istorii Evrazii* [Central Asian (Chagatai) Turki and Its Contribution to the History of Eurasian Culture]. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2008, pp. 77–94. (In Russian)
3. Bukharaev R.R. *Poezia Zolotoi Ordy* [The Poetry of the Golden Horde]. Classic Publishing. Moscow, 2005. (In Russian)
4. Vasiliev D.D., Gorelik M.V., Klyashtorni S.G. *Formirovaniye imperskikh kul'tur v gosudarstvakh, sozdannykh kochevnikami Evrazii* [Imperial Cultures Formation in the Nomad States of Eurasia]. *Iz Istorii Zolotoi Ordy* [From the History of the Golden Horde]. Kazan, 1993, pp. 33–44. (In Russian)
5. Gorelik M.V. *Kul'tura imperiy, sozdannykh kochevnikami* [The Culture of Nomad Empires]. *Istoriya i kul'tura Ulusa Juchi* [The History and Culture of the Ulus of Jochi]. Kazan, 2006. (In Russian)
6. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografya Zolotoy Ordy* [The Historic Geography of the Golden Horde]. Moscow, 1985. (In Russian)
7. Zivlinskaya E.D. *Arkhitektura Zolotoy Ordy* [The Architecture of the Golden Horde]. Moscow – Kazan, 2014. (In Russian)
8. Iskhakov D.M., Izmailov I.L. *Etnopoliticheskaya istoriya tatar* [The Ethnopolitical History of Tatars]. Tatarstan Academy of Sciences. Kazan, 2007. (In Russian)
9. *Istoriya tatar s drevnikh vremyon. V 7 tomakh* [The Tatar History from Ancient Times in 7 Volumes]. Kazan, 2006–2010. (In Russian)
10. Izmailov I.L., Zelenev U.S. *Nizhneye Povolzh'ye i stolitsy* [The Lower Volga Region and the Capital Cities]. *Istoriya tatar s drevnikh vremyon* [The Tatar History from Ancient Times]. Kazan, 2010, Vol. 3, pp. 2015–225. (In Russian)
11. Iskhakov D.M., Izmailov I.L. *Etnopoliticheskaya istoriya tatar* [The Ethnopolitical History of Tatars]. Tatarstan Academy of Sciences. Kazan, 2007. (In Russian)
12. Kadyrbaev A.S. *Islam i musul'mane v istorii mongolov XIII–XV vekov* [Islam and Muslims in the History of Mongols in the 13th–15th centuries]. *Mongol'skaya imperiya i kochevoi mir. Tom 2.* [The Mongol Empire and the Nomadic World]. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Ulan-Ude, 2005, vol. 2, pp. 206–219. (In Russian)
13. Kalan E. *Zolotaya Orda (Ulus Juchi) i strany vostoka: Torgovo-ekonomicheskiye vzaimootnosheniya vo vtoroy polovine XIII–XIV vekov* [The Golden Horde (The Ulus of Jochi) and the Countries of the East: Trade and Economic Relations in the Second of the 13th–14th centuries]. Kazan, 2012. (In Russian)
14. Lushnikov O.V. *Evraziyskaya integratsiya: tyurkskiy, mongol'skiy, rossiyskiy opyt* [Eurasian Integration: Turkish, Mongolian, Russian Experience]. *Mezhdunarodnyi Evraziyskiy Forum 'Idel – Altay'* [The International Eurasian Forum 'Idel – Altay']. Kazan, 2009, pp. 142–145. (In Russian)
15. Nefedov S.A. *Teoriya demograficheskikh tsyklov i sotsial'naya evolyutsiya drevnikh i srednevekovykh obschestv Vostoka* [The Theory of Demographic Cycles and the Social Evolution of the Ancient and Medieval Societies in the East]. *Vostok* [The East]. No. 3. 2003. (In Russian)
16. Karimova R.R. *Elementy ubranstva i aksessuary kostyuma kochevnikov Zolotoy Ordy* [The Elements of Decoration and Accessories of the Costume of the Golden Horde Nomads]. Kazan, 2013. (In Russian)

17. Korotaev A.V., Malkov A.S., Halturina D.A. *Zakony istorii. Matematicheskoye modelirovaniye istoricheskikh makroprotsessov. Demografiya, ekonomika, voyny* [The Principles of History. Mathematical Modeling of Historic Macroprocesses. Demography, Economics, Wars]. Moscow, 2005. (In Russian)
18. Kradin N.N., Skrynnikova T.D. *Imperiya Chinghis-khana* [The Empire of Chinggis Khan]. Eastern Literature, the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2006. (In Russian)
19. Kramarovski M.G. Zoloto Chinghisidov [The Gold of the Chinggisids]. *Sokrovischa Zolotoy Ordy* [The Treasures of the Golden Horde]. St. Petersburg, 2000, pp. 132–201. (In Russian)
20. Pikov G.G. O 'kochevoi tsivilizatsii' i 'kochevoi imperii' [On 'Nomadic Civilization' and 'Nomadic Empire']. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, Filologiya*. [The Newsletter of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2009. Vol. 9, Is. 1, pp. 4–10. (In Russian)
21. Pochekaev R.Y. *Chinghisovo pravo* [Chinggis's Law]. Kazan, 2017. (In Russian)
22. Sochnev Y.V. Kharakteristika obschikh printsipov religioznoy politiki mongol'skikh vlastiteley v XIII–XIV vekakh [Characteristics of the General Principles of the Confessional Policy of the Mongol Governors in the 13th–14th centuries]. *Mininskiye chteniya* [Minin's Readings]. Nizhny Novgorod, 2003, pp. 59–68. (In Russian)
23. Fedorov-Davydov G.A. *Zolotoordynskiye goroda Povolzh'ya* [The Golden Horde Cities of the Volga Region]. Moscow, 1994. (In Russian)
24. Fursov A.I. Sredinnost' Sredney Azii: Dolgosrochnyi vzglyad na mesto Tsentral'noy Azii v makroregional'noy sisteme Starogo Sveta [The Middle Position of Central Asia: a Long-Term View of the Place of Central Asia in the Macroregional System of the Old World]. *Russkiy Istoricheskiy Zhurnal* [Russian Historical Journal]. Vol. 1, no. 4. Autumn, 1998. (In Russian)

About author: Oleg V. Lushnikov – Cand. Sci. (History), Professor, Director of the G.V. Vernadski Center for Eurasian Studies, Perm State Humanitarian and Pedagogical University (Perm, Russian Federation). E-mail: oleglushnikov@ya.ru

ВЕЛИКАЯ МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ КАК МИР-СИСТЕМА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ЕЕ ВКЛАД В ОСНОВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

О. В. Лушников

*Центр евразийских исследований им. Г. В. Вернадского,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет*

Период Монгольской империи является важнейшим этапом становления Евразийской цивилизации. Монгольская империя способствовала развитию этнокультурных процессов в Евразии благодаря не только торговле, но и культурным обменам, обмену технологиями и интеллектуальному взаимодействию между народами Евразии, а также синтезу кочевой и оседлой цивилизаций. Анализ экономического и культурного взаимодействия в Монгольской империи и Золотой Орде дает богатый материал для понимания механизмов интеграции Евразийского цивилизационного сообщества, таких как этническая и религиозная толерантность, этнокультурная автономия, сочетание принципов вертикали власти и федерализма, развитие экономического сотрудничества в Трансевразийском масштабе. Этот самый масштабный интеграционный проект стал краеугольным камнем накопления исторического опыта за весь период Средневековья, благодаря которому мы можем определить основные принципы евразийской интеграции в XXI веке.

Ключевые слова: Монгольская империя, улусы, улусы Джучи, этнокультурные процессы в Евразии, Золотая Орда, Россия, постимперские процессы, этнополитические процессы

Сведения об авторе: Олег Вадимович Лушников – кандидат исторических наук, профессор, руководитель Центра Евразийских исследований им. Г.В. Вернадского Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Пермь, Российская Федерация). E-mail: oleglushnikov@ya.ru

ВОТЧИНЫ КАК НАСЛЕДИЕ ОРДЫНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ДОКУМЕНТОВ МЕЩЕРСКИХ УЕЗДОВ XVI–XVII вв.)

М.М. Акчурин

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

А.В. Беляков

Институт российской истории РАН

Цель: изучить сведения, касающиеся вотчинных владений татар, мокши и эрзи, проживавших на территориях мещерских уездов в XVI–XVII веках; выявить какие ордынские институты могли быть унаследованы после включения данных территорий в состав Московского государства.

Материалы исследования: использованы опубликованные и неопубликованные источники, связанные с вотчинными владениями – в первую очередь это акты и делопроизводственные материалы, а также некоторые материалы, касающиеся соседних бывших ордынских регионов Поволжья.

Результаты и научная новизна: было установлено, что в восточных областях Мещерского уезда вотчины являлись одной из старейших форм земельной собственности. Несмотря на то, что для изучаемого региона на сегодняшний день не удалось обнаружить каких-либо документов, относящихся к домосковскому времени, выполненный анализ письменных источников позволяет говорить о том, что отдельные действовавшие государственные институты Московского государства в отношении вотчинных владений местных народов могли быть переняты от прошлой ордынской или постордынской эпохи.

Ключевые слова: вотчины, Мещера, оброк, ясак, мордва, служилые татары, татарские князья, мурзы, Золотая Орда

Изучая историю восточных областей Мещерского уезда, располагавшихся в Цненско-Мокшанском регионе (в XVII веке входили в состав Шацкого, Кадомского, Темниковского и др. уездов), исследователи, как правило, имеют в своем распоряжении русские письменные источники московского периода. Причем даже для XVI века эти источники крайне редки. Среди наиболее ранних сохранившихся актов и делопроизводственных материалов в основном встречаются документы, так или иначе связанные с вотчинными сделками или спорами. Поэтому вотчинные документы остаются ключевым источником по изучению более ранней истории региона. Ярким примером являются выписки из темниковских писцовых книг 1620/21–1621/22 гг. для мурз Кутыевых, в которых отмечены факты покупки вотчин их предками еще в XV веке – самая ранняя дата относится к покупке бортного ухажея «за рекою за Сурою усть речки Инзы» в 1442/43 г. [5]. Причем мы можем предполагать, что такая купчая была составлена в период нахождения данных территорий под властью татарских ханов, поскольку в договорных грамотах 1447 г. «места татарские и места мордовские» упоминаются с оговоркой «а ци переменит бог татар» [22, с. 144].

Основной комплекс источников, включая доступные писцовые описания, сохранился только для периода, начиная с XVII века. Но и среди них, в отличие, например, от бывших земель Казанского ханства [16; 15; 29; 36, с. 232], мы не можем обнаружить каких-либо упоминаний или отсылок на прошлых татарских правителей. Видимо, связано это с тем, что включение данных территорий в состав Московского государства происходило относительно Казанского ханства в более отдаленное время – не позднее XV века. Дополнительную сложность для исследования представляют происшедшие к XVII веку – ко времени составления большинства доступных документов – значительные изменения в способах хозяйствования и административного управления. Несмотря на отсутствие прямых свидетельств, нам представляется, что определенные наблюдения можно сделать. Имеющиеся в историографии обширные материалы, непосредственно или косвенно связанные с вотчинами, охватывают много различных проблем (налогообложение, хозяйственная деятельность и т.п.), и уже давно изучаются исследователями. Нас в первую очередь будут интересовать те выявленные аспекты, которые отсылают к домосковскому периоду (ордынскому и постордынскому).

Краткая характеристика вотчин

Напомним, что из себя представляли вотчины в Восточной Мещере и прилегающих к ней территориях. Как показывают источники XVI–XVII веков, вотчины – это крупные лесные и лесостепные промысловые участки. Главными владельцами вотчин являлись мордва (мокша и эрзя) и татары, вотчинниками также были немногочисленные русские бортники. Основными промыслами считались бортничество (бортевое пчеловодство), а также звериная охота, рыбная ловля, добыча ловчих хищных птиц и др. Приведем в качестве показательного примера одно из подробных описаний вотчины из купчей 1620 г. темниковского татарина Утеша мурзы Исяшева сына князь Тенишева, который продал старинную вотчину «отца своего и деда и прадеда»:

«И им тою моею вотчиною проданою владети моим жеребьям всяким вотчинным угодем з деланым деревьям и не зделаным с чалиники и с меченики со пчелами и безо пчел, и с лежачею колодаю, и со пнем, и со всяким вотчинным угодем – зверем, с лосем, и с медведем, с волком, и с лисицаю, и с куницаю, и з белкою, и з рыбного ловлею, и з бобровыми гонами, и со птицаю с орловым гнездом и с ястреповым, и с перевесы и с истоки, и с полем, и с поляны, и з дубровами, и з борами» [21, с. 80].

Вотчины передавались по наследству, их можно было делить, покупать и продавать. Интересно, что в представленном примере ранним владельцем вотчины указан прадед Утеша, т.е. отец его деда, известного князя Тениша Кугушева. Значит, прадед Утеша владел этой вотчиной ранее 1528 г., когда впервые в источниках упоминается сам князь Тениш Кугушев [3, № 185, с. 155]. Подписи, оставленные на этой купчей свидетелями из татар, начинаются со слов «Бу йир-су купчая хатына...» [21, с. 80]. Здесь вотчинные угоды обозначены встречающимся в ордынских ярлыках термином «йир-су» (йер-су) [14] – по-русски «земля и вода».

Для Темниковского уезда термин «йир-су» в этом же значении еще раз встречается в отдельной записи, составленной на татарском языке в 977 году по мусульманскому летосчисления (соответствует 1569/70 г.)¹.

В вотчинах могло быть несколько совладельцев, они назывались «судеревщиками». Если вотчины были разделены между совладельцами, то части вотчин в документах обозначались словами «юрт» [7, № 3] или «жеребей», даже попало совместное использование этих терминов: «...в той вотчине в бортном ухोजье в Суразымкуртоме и в купленных жеребьях за Идеем мурзою Еникеевым з братьею *жеребей юрт же*»². Владельцев соседних вотчин называли «сумежчиками». Тюркский термин «юрт» использовался не только в Мещере, но и для бортных ухожеев в южнорусских степных районах [27; 44, с. 76].

Знамена, которыми помечались бортные деревья отдельных ухожеев, использовались в качестве личных подписей. Наверно, одним из самых заметных видов среди знамен был «орлов хвост» с «рубжеями», часто упоминается и у татар Темниковского, Кадомского и Шацкого уездов. В основе

этого знамени лежал знак «орлов хвост» – по предположению П.К. Напольниковой, знак мог иметь кипчакское происхождение [32, с. 169]. Индивидуальность знамени для конкретных ухожеев придавало различное размещение «рубжей» – дополнительных знаков в виде окружностей. На примере ниже можем увидеть, что дети Еникея Кильдишева, согласно писцовым книгам, владели отцовским ухожеем со схожим по описанию знаменем, которое он использовал в качестве личной подписи:

¹ Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГАРМ). Ф. 1. Оп. 6. Д. 62. Л. 1. Авторы выражают искреннюю благодарность за помощь в переводе к.и.н. Ильясу Альфредовичу Мустакимову (Казань).

² ЦГАРМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 98 об.–99.

<p>Фрагмент выписи из писцовых книг С. Хрущева 1621–1622 гг.</p>	<p>Подпись на обратной стороне татарской любовной раздельной записи 1569/70 г.</p>
<p>«...да у Идея, да у Алакая, да у Ртугана мурз Еникеевых отца их старинной в тех вотчинах орлов хвост с шестью рубежи...»³</p>	 <p>Перевод: «Мин Жаникэй танук, мин тамгам куйдым» – «Я, свидетель Жаникай (Еникей), я поставил свою тамгу»⁴</p>

В этом примере слово «знамя» по-татарски записано как «тамга».

Еще одной характеристикой многих вотчинных угодий является их зачастую значительная удаленность от мест проживания владельцев. Так, согласно писцовых книг начала XVII века для татар и мордвы Кадомского и Шацкого уездов вотчины распространялись далеко на юг до рек Хопра, Ворони и их притоков, где бортные ужожи были расположены уже с такими отражающими близость к кочевнической степи географическими названиями как «Ногайская степь», «Ногайский луг», «Ногайский брод» [8; 23, с. 31–32; 24, с. 178]. А для татар и мордвы соседнего Темниковского уезда вотчины простирались в Засурье и до Кадады, где они граничили с вотчинами мордовских жителей Алатырского уезда и «казанских» татар – видимо, татар Свяжского уезда⁵ [34, 5]. Таким образом, можно сказать, что огромное лесное и лесостепное пространство, пригодное для промысла, изначально было освоено и разделено между владельцами вотчин. Ничейным оставалось дикое поле – пространство между вотчинами и пашнями и полями с санными покосами. К слову, можно отметить, что в Уфимском уезде было несколько иначе – наряду с бортными и звериными угодьями дикое поле также являлось частью башкирских вотчин: «у них де в Уфимском уезде диких поль и порозжих земель нет; аз летнее время у них в тех своих вотчинах и угодьях на полянках кочуют с женами и с детьми и с конскими стадами» [26, с. 82]. Поэтому башкиры жаловались на пришлых людей, в том числе и переселившихся из мещерских уездов служилых татар, что те на якобы диком поле получали пашни «в службу и в ясаки», чем сильно притесняли местных башкир, лишая их кочевий [26, с. 82].

Исследователи, занимавшиеся анализом писцовых книг, подчеркивают, что на протяжении XVII века доля бортного промысла уменьшалась, для мордовского хозяйства большее значение приобретало пашенное земледелие [13, с. 43; 6; 9; 32, с. 184, 187; 12]. Также и для татар, находившихся в основном в служилом сословии, к середине XVI века стало активно распространяться поместное землевладение. Его развитие самым тесным образом связано с переселением русских крестьян в регион [38]. Мы можем предполагать, что в более ранние периоды вотчинные владения являлись главным источником дохода для жителей данных территорий. Все наши дальнейшие рассуждения будут исходить именно из этого допущения.

Тем не менее в XVI веке еще встречаются сообщения о купле-продаже вотчин в составе, которых также числятся пашни или санные покосы⁶. Видимо, как раз это и связано с незначительной долей такого вида хозяйствования по сравнению с промысловым. Еще до повсеместного введения у служилых татар поместного землевладения, исключаяющего сделок продажи, Барыш-мурза Мансырев

³ ЦГАРМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 100 об.

⁴ ЦГАРМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 62. Л. 1. Авторы выражают искреннюю благодарность за помощь в переводе к.и.н. Ильясу Альфредовичу Мустакимову (Казань).

⁵ «Темниковского уезду мордве Оксенского стану деревни Новаго Починку Мукодейку Андрееву, да деревни Тотушев Ваське Молчанову, да Емашке Вячкинзину, да Анамашу Васильеву на старинную их вотчину на бортной Кунаевской ужожи, ... нижней рубеж по Суре реке с свияжским татаринном деревни Борондукова с Тенишем Ченговатовым» (См. [34]).

⁶ См. документы: № 4 – купчая мордвина Ушмана 1569/70 г., № 5 – купчая мордвина Ирзимаса 1569/70 г., № 8 – купчая мордвина Петуя 1593/94 г. (См. [46]).

сын приобрел по купчей промысловые угодья вместе с пашней. Тем не менее, чтобы закрепить за собой пашню и расширить ее за счет леса, он отдельно подал великому московскому князю челобитную на получение жалованной грамоты, выданной затем Иваном IV в 1539 г.:

«...бил челом, а сказывает, что де он в Темникове купил себе у Янхози у Беряева ухозя его Маркунскую поляну да Ивделеву *пашню* со всем с тем, что к тем пашням изстари потягло, и с лесом и з бором, и с перевесьем, и с озериеми, и с рыбною ловлею по Мокше по реке от Городецкой стороны. И нам бы Барыш-мурзу пожаловати, на Муркунской поляне велети ему *лес сечи* и *поченок поставити* и грамота своя ему на Маркунскую поляну и на Ивделеву *пашню* жалованную дати. Да купчую свою перед нами Барыш-мурза положил» [3, № 233, с. 190].

Отметим, что ему разрешалось поставить починок (т.е. организовать выселку или создать новую деревню), видимо, для привлечения русских крестьян. Соответственно, его распаханые участки земли вместе с крестьянскими дворами с этого момента перейдут уже в другой вид собственности – поместья.

О вотчинном праве, назначении платежей и порядке их сбора

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, при перечислении налогов, выплачиваемых мордовскими владельцами вотчин, основными платежными статьями считались «государев оброк» и ясак (или «ясачные деньги»), вслед за которыми шли другие статьи, такие как куничные деньги, пошлина с меда и пошлина с куницы и др. [50; 32, с. 135; 8]. Оброк платился, как правило, в натуральном виде, а ясак в денежном [50; 32, с. 135–146; 8]. Если расценивать оброк, как платеж (арендную плату, а точнее ренту) за бессрочное пользование «государевыми» угодьями, которые жаловались в вотчинное владение, то значит **государь представлял собой единственного верховного собственника** всех этих вотчин. Таким образом, передача вотчинных прав татарам и мордве воспринималось как «государево жалование», причем как для унаследованных, так и для вновь купленных вотчин, о чем свидетельствуют многочисленные челобитные использующие, например, такие выражения:

– 1605 г., челобитная царю Б. Годунову от мордовского жителя д. Кулдым Темниковского уезда: «Есть, государь, у меня, сироты твоей, *твое царское жалованье моя вотчинка бортной ухोजей старинная* с тем Байняшем судерев... А я, государь, сирота твоя, *с тое вотчины платя твоей, государев, оброк и есак* в конец погиб...»⁷.

– 1605 г., челобитная царю Б. Годунову от темниковского посадского татарина Бабакайки Ателякова: «Есть, государь, у меня, холопа твоего, *твое царское жалованье, наша вотчинка, бортной ухोजей* на Суре на реке на Лапакуже, с тем Бурундуком, *усобная купленная...*»⁸.

– 1600 г., грамота царя Б. Годунова: «...били нам челом темниковские служилые Булай мурза князь Кудашев да Янтуда мурза Якшин з братьею, а сказали есть де за *ними наше жалованье в Темниковском уезде вотчина бортной ухोजей...* А в писцовых книгах Мещенина Морозова да Василия Симонова⁹ те вотчины написаны за ними *искони вечно отцов их и дедов и прадедов*, а oprичь их в те вотчины никому ходити не велено»¹⁰.

– 1619 г., челобитная царю М.Ф. Романову от арзамасской мордвы д. Кузятovy и д. Розодеевы: «Твоя государь *жалованья, а наша старинная вотчина* за речкою за Лиметью бортной ухोजей, по грехом, государь, по нашим та наша вотчина бортной ухोजей во 123-м году выгорела» [1, с. 148].

И поскольку государь являлся верховным владельцем всех вотчин, то **любые споры, связанные с вотчинами, решались только через государя**, независимо от статуса, происхождения или должности вотчинников. Можно обратить внимание, что, по крайней мере, с формальной точки зрения решение споров государь поручал проводить максимально беспристрастно с привлечением сторонних людей, как в споре между князем Тенишем и его братьями с темниковской мордвой:

«И вы б все, свестяся вместе, да к ним бы, есте их спорные ухोजей ехали. Взели с собою сотских и десяцких и людей добрых старожилцев с обе стороны, да того б есте, досмотрили и обыском обыскали, кто те ухोजей изстари ходит. И по ка места тем ухोजеем межа. А в чем ся соврут; и вы б их в том судили и управу им учинили безволокитно. А в чем буде управы им учинить не можно, и вы

⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1443. Л. 100–100 об.

⁸ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1443. Л. 81–81 об.

⁹ Мещенин Морозов «с товарищи» составлял писцовые книги в Мещерском уезде в 1562–1565 гг. (См. [3, № 26 с. 22, № 27 с. 23, № 38 с. 32, № 230 с. 189, № 470 с. 389]).

¹⁰ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 196. Оп. 2. Д. 3771. Л. 35–35 об.

б суд свой и обыск, написав на список подлинно да и на чертеж те их спорные ужожи вычертив, сказали мне, великому князю, поставя передо мною обоих истцев с очи на очи»¹¹.

Раздел вотчин между совладельцами, например, для дальнейшей продажи своих жеребьев, также осуществлялся по великокняжеским грамотам. Сначала между совладельцами составлялись раздельные любовные записи при участии свидетелей, включая официальных представителей (дьячков, абызов). Затем раздел уже подтверждался великокняжеской раздельной грамотой. Так, в 1575/76 г. между братьями Еникеем мурзой Кильдишевым и его братом Мешеем (Ишеем?) Енебаковым была разделена по «государеве разделной грамоте и по любовной раздельной записи вотчина бортной ужожей Желаны-помра»¹².

Согласно спорным делам, главными документами для обоснования прав собственности являлись купчие и писцовые книги («тою вотчиною владети по писцовым книгам и по их купчей» [7, № 3]), жалованные грамоты. Поэтому владельцы вотчин должны были быть заинтересованы в полной фиксации своих вотчинных владений во время составления писцовых книг [32, с. 135]. Государь выступал главным гарантом этих прав.

Самая ранняя известная великокняжеская грамота, связанная с выплатой налогов, датируется 1497/98 г. К сожалению, во время судебного разбирательства между мордовскими жителями деревень Норватовой, Станровой, Дракиной и окольничим И.С. Хитрово и Я.С. Вышеславцевым был приведен только ее короткий фрагмент: «а в жалованной грамоте 7006-го году, какову подал ответчик в суде, написано: Ирехтинские мордвы Шадыбеевы соцкому Иняхозе и всех Шадыбеевской мордве давати *оброку по 20 пуд меду*, а что они давали соцкому Иняхозе пошлин по чаше меду и по кунице, и тое пошлины им, мордве, тому соцкому и кто по нем будет, не давать» [20, с. 256]. Кстати, указанный размер оброка сопоставим с размером оброка, который, согласно писцовым книгам 1614 г., выплачивался в Кадомском уезде мордвой Ереклинского беляка – 21 пуд 15 гривенок (это без учета оброка с опустевших дворов – «8 пуд с четью пуда») [8]. Поэтому можно предположить, что указанная в грамоте 1497/98 г. «ирехтинская мордва Шадыбеева» – это мордва целого беляка со своим сотником. По нашему мнению, его название вполне могло звучать как «Шадыбеев беляк» (по аналогии с «ихретинской мордвой Кучукова беляка» [3, № 187, с. 156–157] на р. Суре¹³). Имея в виду, что оброки уже взимались в конце XV века, т.е. в период относительно недавнего вхождения мордовского населения в состав Московского государства, мы приходим к заключению, что существующий порядок владения вотчинами с большой долей вероятности мог быть унаследован с домосковского времени, а значит **верховными собственниками вотчинных угодий должны были являться ордынские ханы**. Соответственно, вотчины должны были являться ханскими пожалованиями, а за их пользование им выплачивалась рента.

Остановимся на второй после оброка платежной статье, собираемой с владельцев вотчин в денежном виде – ясаке. Здесь уже само название и назначение данного вида платежа свидетельствует о его унаследовании от предыдущей ордынской эпохи. Многие исследователи считают, что **ясак являлся пошлинной** [50; 32, с. 140–143]. Собственно, и для других территорий Московского государства разделение налоговых статей на оброки и пошлины было характерным явлением [11, с. 534]. По выражению С.Б. Веселовского вторая статья налогов состояла из «целевых налогов и повинностей, вытекавших из потребности покрывать по раскладке различные государственные и местные нужды» [11, с. 534]. В нашем случае часть **ясака выплачивалась в качестве пошлины татарским князьям за выполнение ими функций местного управления с условием нахождения на службе** [50; 32, с. 141]. Об этом прямо свидетельствует используемое в жалованной грамоте 1540 г. Кулаю Акчурину выражение «княжьи пошлины», относящееся к ежегодным выплатам подведомственного мордовского населения [4]. В других подобных грамотах эти выплаты назывались «ясаком» [3, №1, с. 4–5; 4]. Примечательно, что факт выплаты ясака татарским князьям становился маркером административной принадлежности плательщика – так, мы можем встретить в записи 1515 г. выражение «мордву Темиревых яшашников Якшенина» [43, с. 142–143], относящуюся, видимо, к мордве князя Темира Якшенина; в купчей 1570 г. упоминается «мордвин ирехтинского беляка князь Уразгильеева ясачник»¹⁴. Однако не весь или не всегда собираемый ясак выплачивался только князю [50; 32, с. 142].

¹¹ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 732. Оп. 3. Д. 1. Электронный ресурс: <http://archo73.ru/Russian/16vek/gauo/1.htm> [10.10.2019]

¹² ЦГАРМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 100.

¹³ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 3009. Л. 4–4 об.; см. также [35].

¹⁴ В публикации купчей дословно написано: «мордвин иретилского беляка князь Урозгивеева ясачик» (См. [46]).

Мы знаем, что князь Чет Аганин получал ясак с «чепчерской мордвы» [3, №1, с. 4–5], и в то же время темниковский Изекей мурза Акчурин «за немецкую службу» был пожалован ясаком с «чепчарянские мордвы, что за князем Чотом Аганиным», причем ранее этот ясак получал некий Немич Чураков [4]. В других грамотах получателями мордовского ясака «за службу» отмечены: с тядемской мордвы – в 1575 г. князь Тениш Омесев с братьями [3, №304, с. 247], с сурской мордвы Кучукова беляка – в 1576 г. дети Емаша мурзы князь Тенишева¹⁵. Напомним, что согласно жалованным грамотам, помимо фиксированного ясака князья в свой доход получали судебные пошлыны непосредственно за участие в судах, например, князь Ишмаммет Аганин получал «с суда пошлын по гривне» [3, №1, с. 4–5].

Пошлыны, видимо, шли не только татарским князьям и мурзам – из грамоты 1497/98 г. следует, что «шадыбеевская мордва» когда-то платила отмененную затем пошлыну «по чаше меду и по кунице» своему сотнику [20, с. 256], правда в натуральном виде. Тем не менее, нам представляется, что сотник должен быть получать жалование, возможно, в какой-то другой форме, иначе он исполнял бы возложенные функции себе в убыток.

Немного отвлекаясь от темы исследования, обратим внимание, что взимание с вотчин обеих статей, оброков и ясака, в качестве основных налогов происходило и в соседнем Казанском ханстве [18] – например, в тарханном ярлыке 1523 г. хана Сахиб-Гирея указано: «*ясака и калана* и подушного налога пусть не накладывают» [31; 28], где «калан» – это обозначение натурального оброка [10, с. 17; 42, с. 96]. Правда в некоторых местах бывшего Казанского ханства фиксируются оброки и пошлыны с нетипичными обозначениями. Так, согласно царскому наказу 1628 г. царевкокшайскому воеводе В.Я. Воронову кроме судебных пошлын черемисами выплачивалась «тюменская пошлына... как с них имано наперед сего» [18]. Денежная «тюменская пошлына» рассчитывалась из размера натурального «тюменского оброка» («тюменского меда») с черемисских вотчин [18]. Природа появления этой вотчинной пошлыны нам неизвестна, но можно предположить, что она или каким-то образом связана с городом Тюменью, что менее вероятно, или отражает в себе название старинной татарской должности темника (начальника «тумена» – административного округа в Золотой Орде), которое по-татарски так и звучит – «тюмен». Возможно, в ханское время такая **пошлына изначально выплачивалась для содержания татарских князей, занимавших должность темника**, как затем русских воевод, также исполнявших судебные функции. Пошлына за «тюменский мед» обнаруживается и в других областях. В 1678 г. ее платили черемисы волости Пинжан-Кукмор Галицкой дороги Казанского уезда [18], а также татары и черемисы других деревень («Починок по Тойме речке», Большие и Малые Метески, Иябаш, «починок на вершине реки Пшалыма», «починок на березнике на Нурминском устье», Кня, Байланлар, Малый Шинар, Наласа): «Всего в деревне Наласе шестнатцать дворов, людей в них дватцать человек недорослей пятнатцать человек. Платят... за *тюменской мед* два рубли шестнатцать алтын с денгою...»¹⁶.

Отметим еще, что, по словам С.Б. Веселовского, целевая (пошлинная) часть налогов ранее выплачивалась великими князьями в качестве ордынского «выхода» [11, с. 534]. Хотя, как показывает отрывок из уставной грамоты великого князя Василия Дмитриевича митрополиту Киприану, и оброки могли быть частью «выхода»: «А коли дань дати в татары, тогда и оброк дати церковным людям, а коли дани не дати в татары, тогда и оброк не дати церковным людям» [22, с. 147].

Возвращаясь к вопросу о вотчинных оброках и ясаках в мещерских уездах, обратим внимание на следующее обстоятельство. Несмотря на персонифицированный характер обложения мордовских владельцев угодий [32, с. 133], в казну засчитывалась передача суммарного фиксированного объема оброков и ясачных денег сразу со всех вотчинников беляка. Судя по всему, если мордовским сотникам с кого-то из своих «волощан» не удавалось собрать положенную долю налогов, то им в итоге приходилось компенсировать недодачу. В этих случаях дополнительная налоговая нагрузка ложилась на самих сотников и на других «волощан». Приведем примеры таких жалоб:

– 1605 г., из челобитной царю Б. Годунову от сотника Авкемана Кечатова: «заял, государь, я сирота твоя, государева, на тех своих волощан на твой, *государев оброк и ясак*, и сторожевые недоборные деньги, и в службу, и во всякия твои, государевы, подати недоборные деньги, и всего пять рублей денег. И оне, государь, мне *тех денег мне не платят*. И я, сирота твой... в конец погиб»¹⁷.

¹⁵ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 3009. Л. 4–4 об.; см. также [35].

¹⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6453. Л. 476–482, 720 об.–722, 778–799, 831. Авторы выражают искреннюю благодарность Руслану Камилевичу Шакирову (Казань) и Салавату Анваровичу Хусаинову (Н.Челны) за предоставленные материалы.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1443. Л. 112–112 об.

– 1604 г., из царю Б. Годунову от мордвы д. Изкермая: «жалоба, государь, нам на своих же волощан... не платили они из своево ж повытья *оброку* дву пудов меду да куницы. И мы, сироты твои, государевы, платили за них их повытье два года твой *государев оброк и ясак* своими денгами. В конец загибли»¹⁸.

Можно сделать еще один вывод: **административное деление мордовского населения на беляки также тесно связано с понятием вотчин**, т.к. беляки представляли собой объединение плательщиков вотчинных налогов. Сотники выполняли сбор ясака, а его учет и сдачу в государственную казну осуществляли в роли казначеев мордовские приказчики из числа русских дворян, фактически выполнявшие функции ордынских даруг. Сборщики (в нашем случае это мордовские сотники) и казначеи (в нашем случае это мордовские приказчики), очень вероятно, за выполнение своих функций также должны были получать некие пошлыны, но таких сообщение обнаружить не удалось. Татарские князья непосредственно в процедуре сбора не участвовали, они только получали причитающуюся долю – так, в грамоте Кулаю Акчурину 1540 г. сказано: «а имати им те свои пошлыны з году на год на срок на збор у *сотника* и у мордвы перед нашими *прикащики*» [4].

Для сравнения, покажем, что функции сборщиков и казначеев в других областях могли исполняться иными лицами. На Вятке, в отличие от Мещеры, сбор налога выполняли сами каринские князья и передавали его наместникам:

– В грамоте 1520 г. читаем: «...а корм дают наместником хлыновским и их тиуном по старине, а збирают тот корм Довлечьяр и его дети сами, дают наместником хлыновским, а наместничьим пошлынником с них того корму самим не брати. *А мою великого князя дань и ямские денги дают с тех арян и вотяков в мою казну по писцовым книгам*» [33].

– В грамоте 1551 г. Сейтяку Алисуфову и Кайсым Газыев: «...а тех вотяков велел ведать и доход с них имать по старине, как они ими владели наперед сего, а *оброку им давать с тех вотяков хлыновскому наместнику по тритцать куниц, да наддатку по пять куниц з году на год*» [33].

В Казанском уезде на роль татарских сборщиков оброков и ясака в сумме 10 рублей с четью в казну с жителей волости Терси были назначены Камай Смиленев, а затем с 1582 г. Бегиш мурза Яушев, причем через год сумма ясака увеличилась до 12 рублей и весь этот государственный ясак как исключительный случай был пожалован лично Бегишу мурзе «за службу» [49, с. 24–25]. Согласно писцовым книгам 1602/03 г., на более статусную роль казначея (даруги [30, с. 107]) для жителей марийской волости Нали Кукморы был назначен князь Башканда Нурушев, поскольку получал «дорогильные пошлыны» 14 рублей 18 алтын две деньги [37, с. 117].

Еще одной своеобразной платой за **вотчинное владение можно назвать участие в военных походах**. Такой вывод следует из записей в Сметном списке 1632 г., там указано, что в Кадоме и Темникове мордва привлекалась к службе в следующем порядке: «на службу хаживали с 3-х дворов человек» [45]. Точно так же привлекались к службе другие ясачные плательщики, например, «чуваши» и «черемисы» Казанского уезда, в то же время для удмуртов сказано: «вотяцких ясачных людей 1500 дворов, *на службу их не посылают*, потому что на них перед черемисою *положен ясак лишней*» [45]. Т.е. обязанность выхода на «службу» обеспечивала снижение суммы ясака. Фактически, если говорить в терминах более позднего времени, мордовское население формировало иррегулярное войско. Вспомним, что мордва еще ханом Узбеком привлекалась для походов на Тверь и на Смоленск [40, с. 190; 41, с. 211].

Вотчины служилых татар

Как правило, в грамотах, относящихся ко многим служилым татарам, перечисляются две категории владений: поместья (пашни, сенные покосы, помещиковы и крестьянские дворы) и вотчины (бортные ужожи и т.д.). Причем для поместий была характерна оговорка «а с поместий служба служить» – это и понятно, поскольку в этом заключалась природа появления поместий как основной формы оклада для служилых людей Московского государства в XVI веке. Однако для татарских вотчин таких оговорок не делалось, хотя они являлись более старой формой собственности. Тут возникает главный вопрос, для которого нет прямого ответа – можно ли считать такие вотчины источником жалования за службу?

Для решения этого вопроса остановимся на следующих наблюдениях. Во всех известных нам документах мы практически нигде **не встречаем указаний на обязанность служилых татар выплачивать оброки или ясаки со своих вотчин**. Но в то же время пока не обнаружены какие-либо

¹⁸ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1443. Л. 32–32 об.

грамоты, которые жаловали татарам освобождение от уплаты оброков или вообще жаловали новые вотчины. Хотя, судя по сохранившимся отрывкам из писцовых описаний, например, таких подробных как темниковские книги борным вотчинным ухажеям С. Хрущева 1621–1622 гг., татары и их предки обладали значительными вотчинными владениями¹⁹, являвшихся важной статьёй доходов. Если в выписях из этих книг обратить внимание на имена продавцов, сумежчиков, совладельцев, то можно сделать вывод, что вотчинами владели не только знатные князья и мурзы, но и значительное число рядовых служилых татар.

Существуют, по крайней мере, две грамоты, где татарские вотчины прямо названы служилыми, причем независимо от способа их приобретения:

– 1546 г., грамота братьям князя Тениша Кугушева: «А тот де Полжакурской ухажей *изстари их вотчина купля*. Да и купчюю на ту вотчину перед нами положили. Да тот же де Алюв Кичемирев с товарищи в *их вотчине в тарханной в служилой*, в мокшанском лугу в Келеверском ухажей старые их знамена стесывают, а свои накладывают»²⁰.

– 1686 г, купчая темниковских татар (без начала): «... *служилую свою отцовскую и дедовскую старинную вотчину* половину своего жеребья в урочищах около деревни Енолеевых и деревни Исенских полянок...» [2, с. 433].

Рассмотрим еще одну купчую 1569/70 г., точнее ее список 1630-х годов [46]. Купчая правда составлена не служилым татаринном, а служилым мордвином-тарханом Ирзеимасом Азарапиным сыном из д. Пурдышки, и в ней есть важные замечания. Про проданную вотчину Ирзеимас указал: «тот ухажей *не оброчной служивой тарханской*». Из чего мы сделаем такие выводы: поскольку вотчина названа «тарханской», то значит являлась освобожденной от уплаты налогов; и поскольку названа «служилой», то значит считалась жалованием за службу. Изучая текст документа, складывается впечатление, что переписчик выполнил копию небрежно, похоже какие-то слова пропускал, например, вместо обычного выражения «с бобровыми гоны, рыбною ловлею» записано «бобровою ловлею». Тем не менее интересно следующее место в купчей: «... *оброк своего знамени по розчету дати* и в службу что ся до вех взяли есми у Семена на том знамени полосма рубля...». Слова «оброк своего знамени по розчету дати», если они действительно так звучали в оригинале, могут свидетельствовать, что для нового владельца необрочная вотчина вновь становится оброчной, и теперь он должен был начать платить за нее оброк.

Перечисленные документы, позволяют нам высказать предположение, что до введения в середине XVI века для служилых татар системы поместного землевладения для многих из них основным видом жалования за службу считалось освобождение вотчинных владений от налогов. Другими словами, сумму причитающегося налога они оставляли себе, и ее можно было расценивать как жалованный оклад. Возможно, данное утверждение относится только к тем татарам, чьи предки жили на этих землях до присоединения к Московскому государству или успели стать обладателями вотчин, по крайней мере, до внедрения поместной системы. Таким образом, перед нами открывается еще один **ордынский институт – тарханство** [48, с. 124–127].

Само понятие «тарханы» во второй половине XVI – XVII веках употреблялось в Поволжье в основном для представителей нетатарских народов, и там не всегда «тарханство» передавалось по наследству или полностью освобождалось от уплаты оброков [19]. «Тарханы» или «тарханцы» встречаются и в Мещере, однако в этот период его смысл стал носить, по-видимому, более узкий и специфичный характер, который нам до конца неясен. Так, в дозорных книгах Темниковского уезда И. Усова 1614 г. он применялся к весьма малочисленной группе служилой мордвы или некоторым служилым татарам, не являвшихся при этом жителями Темникова, хотя в Темникове существовала целая Тарханская улица [38, с. 15], тогда кто стал причиной появления такого название улицы? «Тарханами» также в качестве некоего родового обозначения указывались представители темниковских фамилий Ефаевых, Кутыевых, Мамлеевых, Дулатовых – видимо, название д. Тарханы («Тарханская», «Тарханские станы») связано с этим обозначением, поскольку именно они были ее владельцами в XVII веке²¹.

¹⁹ Выписи для мурз Маметья и Усекая Исекеевых детей князь Тенишевых (См. [24, с.183–185]); выписи для мурз Гляша и Кузякая Кутыевых (См. [5]); выписи для Идея мурзы Еникеева (См. ЦГАРМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 98–100 об.); выписи для Чемодея Вергасова (См. РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1258. Л. 3–15).

²⁰ ГАУО. Ф. 732. Оп. 3. Д. 1. Электронный ресурс: <http://archo73.ru/Russian/16vek/gauo/1.htm> [10.10.2019]

²¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6457. Л. 239–246 об.

Возможно, служилые татары свои вотчины могли сдавать в оброк мордве, о чем свидетельствует запись о татарах Шацкого уезда из книги ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости воеводы М. Стрешнева 1622 г., где указано: «Деревни Чоркино... Петрушка Поланин с братею да Смирка Неверов... положили вотчинною купчую запись на Ломоиский ухोजей, что купили отцы их Поланко с братею у ценских татар у Енговатка да у Кудашка Кудяковых детей 94 (1585/86 – М.А, А.Б.) году. А про оброк сказали, что они тем торханам платили с того ухожеея по той по купчей по гривне на год денгами» (цит. по [32, с. 50]). Кстати, отметим, что и эти служилые татары здесь названы «тарханами».

Зададимся следующим вопросом, а насколько служилые татары были непосредственно вовлечены в промысловое хозяйствование? Некоторые наблюдения можно сделать из судебных дел Темниковской приказной избы. Из отдельных челобитных следует, что татары занимались охотой, а для выезда в дальние угодья предпочитали объединяться в группы. Так, в деле 1605 г. о поддельной проезжей грамоте говорится:

«...бьет челом холоп твой, государев, темниковской татарин Утемишко База[ев]. Жалоба, государь, мне деревни Адаевы на та[та]рина на Кострому на Исеева да [на его] товарищев на Армия Адушева, на [морд]двина деревни Алекина да на Куния Алекина сына... Были де [они] подали челобитную в Темникове государеву воеводе кня[зю] Ивану Дмитриевичю Болховскому, чтоб, государь, пожаловал, велел нас отпустить на *Сомару для зверованья*»²².

В другом деле 1605 г.: «жалоба государь, мне на темниковсково татарина на Дербыша Аткаева. Нонешнево, государь, 113-го году, в осень, *звер[овал]*, государь, сын ево в нашей усобной вотчине Сюунчалей *зверовал*. А сын ево, Урозай, рыбу ловил. А моево жеребью вотчинново в бобрах и в рыбе не дали»²³.

Из судебных дел следует, что для сбора меда татары в свои вотчины зачастую отправляли русских бортников. О том, что татары владели бортниками указано и в писцовой книге Кадомского уезда 1614 г. [8]. Отправлять бортников могли себе позволить и рядовые служилые татары. Приведем такие примеры:

– 1604 г. из челобитной царю Б. Годунову от темниковского Терегула мурзы Еникеева: «Жалоба, государь, мне на темниковскою мордву деревни Отиревы... они ж, государь, украли у меня два мерина. Да они ж, государь, у меня истерели безвесна *в той вотчине моей бортника моего*»²⁴.

– 1604 г. из челобитной царю Б. Годунову от темниковских татар: «...бьют челом холопи твои, государевы, темниковския татаровя Козяшь мурза Дулотов да Тляшь мурза Кутыев, да Томокай мурза княж Кудашов, да Чекашь мурза Мамлеев. Жалоба, государь, нам на [тем]никовского мордвина деревни Болшова Атирева на Сергомаса... Да тот жа, государь, мордвин изстерал безвестна *бортника нашева, Мартышка*»²⁵.

– 1605 г., из челобитной царю Б. Годунову от темниковского посадского татарина Бабакайки Ателякова: «Есть, государь, у меня, холопа твоего, твое царское жалованья, наша вотчинка, бортной ухोजей на Суре на реке на Лапакуже, с тем Бурундуком, усобная купленная. И я, государь, холоп твой, с тем Бурундуком в тое свою вотчину послал дубя делати и затворяти, и зверовати, и попошевати в нынешнем в 113-м году, за неделю до Покрова Светий Богородицы, *бортника* своего Игнатку Захарьева»²⁶.

Кстати, из последнего дела следует, что темниковский посадский татарин Бурундук с бортником выехал в свою вотчину также в группе с другими татарами, но они от них отстали – вот что написано в показаниях Байкея Кузякина: «ведаю, что они вместе ночевали, *и наутре де поехали мы наперед*, а они остались на заду»²⁷.

Видимо, **бортничество, по крайней мере, в течение XVI и первой половины XVII веков было наиболее удобным видом хозяйствования в малонаселенных прилегающих к степи лесных и лесостепных пространствах.** При этом несшие службу на южных границах Московского государства дети боярские, станичные атаманы, казаки, стрельцы, пушкари и др. также получали в вот-

²² РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1443. Л. 55–56.

²³ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1443. Л. 58–58 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1443. Л. 14–14 об.

²⁵ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1443. Л. 19–19 об.

²⁶ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1443. Л. 81–81 об.

²⁷ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1443. Л. 82–82 об.

чинное владение юрты бортных ухожеев, однако с них в отличие от служилых татар взымались оброки [39, с. 172–184].

Согласно дозорным книгам Темниковского уезда И. Усова 1614 г., многие татары, особенно наиболее знатные, стремились получить пашню в качестве поместного оклада в пределах своих вотчин и ставить там починки как в примере ниже:

«...за князем Булаем княж Кудашевым по купчим 90-го и 93-го году, что он купил у татар в бортном ухожее починок на речке на Шаврее... пашни паханые помещиковы *татарские*, добрые... да за князем Булаем же, да за братом иво, за Семенеем... в их *в вотчине, в бортном ухожее*, и промеж речки Чюкал и Тукшлеи, подле речки Уреи, займища князя Булая да Семеней мурзы. А в них живут люди их в дву дворех. Пашни паханые *татарские*, добрые земли, на *диком поле* сорок чети... да ниж Старого Городища, в их *вотчине, в бортном ухожее*, ниже Ишмарова, подле реки Мокши, сена пятьдесят копен... деревня Хаврина на речке на Ужове поставлена *их вотчинном в бортном ухожее причисти татарские* земли...» [38, с. 59–61].

Чем вызвано такое стремление определенно сказать пока затруднительно. Может связано с желанием разместить поместья ближе к месту жительства или с поиском более качественных участков земли под пашню. Можно еще предположить, что татары, располагая поместья в своих вотчинах, таким образом защищали их от дальнейшего изъятия, ведь поместьями можно было владеть только на период несения службы. Как видно из приведенного фрагмента дозорной книги, в периметре вотчинных угодий поместьями становились расчищенные земельные участки («причисти») или участки на «диком поле». И отметим, что некоторые поместные пашни, располагавшиеся в татарских вотчинах названы как «татарские земли» [38, с. 61].

В XVII веке, особенно после постройки новых крепостей, освоение южных районов стало носить все более интенсивный характер. Однако в этих районах по-прежнему располагались вотчинные владения. На примере жалованной грамоты 1697 г. можно наблюдать как в обширных вотчинах, принадлежавших татарам д. Тархань, была произведена раздача новых поместий. Так, «за Шатцим Большим Ценским лесом *в бортных и вотчинных* угодьях по речке Керше и по речке Ламоису в Кершенском и во Закрацком ухожье с урочищи» поместья по жалованной грамоте получили более ста человек мурз и служилых татар, а вскоре там возникла деревня Татаршино (ныне Рассказовский район Тамбовской области) [25].

* * *

Подводя итоги, еще раз отметим те государственные институты, которые могли быть связаны с вотчинами и могли существовать в ордынское время:

1) Верховный сюзерен являлся главным собственником всех угодий. Угодья жаловались в вотчинное владение, за пользование угодьями вотчинники должны были платить подати: оброки и ясаки (пошлину), и участвовать в военных походах. Соответственно, верховный сюзерен являлся главным гарантом вотчинных прав. По мнению В.В. Трепавлова, приобретение легитимности земельного владения именно в форме пожалования от монарха являлось одной из ключевых государственных традицией Золотой Орды [47].

2) Ясак с вотчин взымался с определенных групп их владельцев для содержания татарских должностных лиц, которым по грамотам (ярлыкам) жаловались полномочия управления. Эти группы плательщиков, составляли административные единицы – беляки (видимо, для других регионов Поволжья – сотни). Таким образом, с понятием «вотчины» также тесно связаны старые институты местного управления.

3) Фискальные функции исполнялись следующими категориями лиц:

Сборщики – мордовские сотники беляков, они непосредственно собирали вотчинные налоги со своих соплеменников.

Казначей – вели учет собранных налогов, ими являлись представители центральной власти – в ордынское время ими являлись даруги, а в московское время стали мордовские приказчики из русских дворян.

4) Тарханство – освобождение от уплаты налогов с вотчин за службу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 1: Акты 1587–1627 гг. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1913. 666 с.
2. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 2. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1864. 446 с.
3. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. III / сост. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2002. 689 с.
4. Акчурин М.М, Ишеев М.Р. Неизвестные грамоты потомков князя Акчуры Адашева // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. VII. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. С.11–18.
5. Акчурин М.М., Абдурахманов Т.А. Челобитная вдовы мурзы Тляша Кутыева // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Вып. II. Казань: ЯЗ, 2011. С.176–196.
6. Беляков А.В. Восточная Мещера рубежа XVI–XVII вв.: специфика расселения и хозяйственной деятельности татар и мордвы // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 2016. № 1. С. 65–72.
7. Беляков А.В. Документы XVI – начала XVII века из темниковской приказной избы // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. Вып. 8. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 39–48.
8. Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 154–210.
9. Беляков А.В. Служилые татары: правовое положение, численность и особенности хозяйственной деятельности // История татар с древнейших времен. В 7 т. Т. V. Казань, 2014. С. 228–236.
10. Березин И.Н. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам). СПб.: Типография АН, 1850.
11. Веселовский С.Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т.2. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. с. 726.
12. Видяйкин С.В. Налогообложение как механизм взаимодействия власти и крестьянства в XVII начале XVIII века (по материалам Алатырского уезда) // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2009. № 1. С. 23–29.
13. Гераклитов А.А. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII–XVIII вв. // Ученые записки Саратовского государственного университета. Т. 8. Вып. 2. Саратов: Правление Саратовского гос. ун-та, 1930. 152 с.
14. Григорьев А.П. Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука // Уч. зап. Лен-го унта. № 412. Серия востоковедческих наук. Вып. 25. Востоковедение 9. Филологическое исследование. Л., 1984. С. 124–143.
15. Дмитриев В.Д. Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI – начала XVII веков // Ученые записки ИЯЛИЭ Чувашии. Чебоксары, 1963. Вып. 22. С. 106–136.
16. Дмитриев В.Д. Земельный документ времен казанского хана Сафа-Гирея // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1966. Вып. XXXI. С. 266–277.
17. Дмитриев В.Д. Наказ царя Михаила Федоровича царевokokшайскому воеводе В. Я. Воронову 1628 года // Марийский археографический вестник. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1992. С. 62–71.
18. Дмитриев В.Д. О ясачном обложении в Среднем Поволжье // Вопросы истории. 1956. № 12. С. 107–115
19. Дмитриев В.Д. Разбор князя Ф.Ф. Бельского в Чебоксарах в 1679–1680 годах // Дмитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). Чебоксары, 1986. С. 326–383.
20. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. III. Ч. II. Саранск, 1953. 654 с.
21. Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII в.): Тексты и комментарии / сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. 206 с.
22. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей в XIV–XVI вв. / Под ред. Л. В. Черепнина. М., Л.: АН СССР, 1950. 587 с.
23. Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XXI. Тамбов: Типография губернского правления, 1888. 80 с.
24. Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XXXIV. Тамбов: Типография губернского правления, 1892. 220 с.
25. Ишеев М. Дело о дворянстве мурз Маматказиных, как источник информации по истории деревни Татаршино Тамбовской области. TatarGen.Ru, 2012. Электронный ресурс: <http://www.tatargen.ru/mamatkazins-tatarshchino.pdf> [10.10.2019].
26. Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Т. I. 631 с.
27. Мизис А.Ю. Бортные ухожья как форма заселения и освоения южно-русского пограничья в XVI–XVII вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 10 (126). С. 80–85.

28. Мустакимов И.А. Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. Вопросы источниковедения и историографии истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 31–47.
29. Мустакимов И.А. Некоторые замечания к чтению и интерпретации ярлыка хана Ибрагима // Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа: Материалы к учебным курсам: в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова. Казань, 2010. С. 155–180.
30. Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства Казань, Издательство "Ихлас", Институт истории им. Ш. Марджани 2012. 276 с.
31. Мухамедьяров Ш.Ф. Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н.Тихомирова. М., 1967. С. 104–109.
32. Напольникова П.К. Цнинская мордва. Вхождение в состав Московского государства в XVI – первой четверти XVII века: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2017. С. 135. Электронный ресурс: <http://disser.tsutmb.ru/uploaddocuments/na-rassmotrenii/napolnikova-dissertacia.pdf> [10.10.2019].
33. Новые грамоты арским князьям на Вятке / вступ. ст., коммент. и подгот. публ. М. В. Гришкиной // Советские архивы. 1989. № 4. С. 67–71.
34. Отказная книга Пензенского уезда (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 6492) / Сост: М.С. Полубояров (2003–2008) / Авторский портал Михаила Полубоярова «Суслоны». Электронный ресурс: www.suslony.ru/Otkaznye2.htm [10.10.2019].
35. Первушкин В.В., Шишлов С.Л. Эволюция представлений о средневековой политической истории Окско-Ценско-Сурского междуречья (Темниковской Мещёры) в XIX–XX вв. // Отечественная культура и развитие краеведения. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Пенза, 2000. С. 119–123.
36. Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (Очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. 399 с.
37. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. / сост. Р.Н. Степанов. Казань: Изд-во КГУ, 1979. 240 с.
38. Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. / сост.: М.М. Акчурин, А.В. Беляков. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 220 с.
39. Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. / Сост. С. Б. Веселовский. М.: Наука, 1983. 479 с.
40. Полное собрание русских летописей. Т. VII. Летопись по воскресенскому списку. СПб, 1856. 362 с.
41. Полное собрание русских летописей. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1885. 244 с.
42. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 279 с.
43. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 95. СПб., 1895. 786 с.
44. Семенов-Тянь-Шаньский В.П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 2. Среднерусская черноземная область: [Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская и Пензенская губ.] Ч. 2. СПб: Издание А.Ф. Девриена, 1902. 717 с.
45. Сташевский Е.Д. Смета военных сил Русского государства на 1632 г. (Сметный список 140 году) // Военно-исторический вестник. 1910. № 9–10. С. 49–85.
46. Тексты делового содержания XVI начала XVII в. из мокшанских мест / Публикация И.С. Филипповой // Памятники русского языка. Исследования и публикации. М., 1979. С. 76–98.
47. Трепавлов В.В. Тюркские народы Поволжья и Приуралья: от Золотой Орды к Московскому царству (проблемы адаптации) // Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант, 2011. С. 215–228.
48. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Московский университет, 1973 г. 181 с.
49. Шакиров Р.К. Спорные земли в низовьях реки Иж: Краеведческий очерк. Казань, 2009. 96 с.
50. Ямушкин В.П. О ясаке и мордовском беляке // Труды Мордовского НИИЯЛИЭ. Вып. 24. Саранск, 1963. С. 100–115.

Сведения об авторах: Максум Маратович Акчурин – соискатель Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская федерация). E-mail: bigeevo@yandex.ru

Андрей Васильевич Беляков – доктор исторических наук, научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация). E-mail: belafeb@gmail.com

**HEREDITARY LAND ESTATES AS A LEGACY OF THE HORDE'S STATEHOOD
(ON THE EXAMPLE OF DOCUMENTS OF THE MESCHERA COUNTIES
OF THE SIXTEENTH AND SEVENTEENTH CENTURIES)**

M.M. Akchurin

Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences

A.V. Belyakov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Objective: To study the information relating to the hereditary land estates of Tatars, Moksha and Erzya, who lived in the territories of the Meschera counties in the sixteenth and seventeenth centuries, in order to identify which Horde's institutions could be inherited after the inclusion of these territories in the Moscovite state.

Research materials: Published and unpublished sources related to hereditary land estates, first of all, act and clerical materials, as well as some materials relating to the neighboring and former Horde's regions of the Volga region.

Results and novelty of the research: It was found that hereditary land estates were one of the oldest forms of land ownership. Despite the fact that for the region under study today it is not possible to find any documents related to the pre-Moscovite time, the analysis of the written sources suggests that certain functioning state institutions of the Moscovite state in their relation to the patrimonial possessions of local peoples could be inherited from the previous Horde or post-Horde era.

Keywords: hereditary land estates, Meshchera, quitrent, yasak, Mordovians, serving Tatars, Tatar princes, mirzas, Golden Horde

About the authors: Maksim M. Akchurin – Applicant, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: bigeevo@yandex.ru

Andrey V. Belyakov – Dr. Sci. (History), Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: belafeb@gmail.com

ФРАНЦИСКАНЦЫ И ДОМИНИКАНЦЫ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ: РАЗВИТИЕ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XIV ВЕКА

Р. Хаутала

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Университет Оулу, Финляндия*

Цель исследования: установить дату появления латинских миссионеров в улусе Джучи и описать постепенный процесс нарастания проповеднической деятельности францисканцев и доминиканцев в Золотой Орде вплоть до правления хана Узбека.

Материалы исследования: отчеты латинских миссионеров, составленные на территории Золотой Орды и адресованные руководству их мендикантских орденов на западе; папские буллы, адресованные латинским миссионерам в Золотой Орде, как и местным правителям и жителям, обращенным в католичество благодаря деятельности европейских миссионеров; хроники францисканских авторов, составленные в Европе, но основывавшиеся на сведениях, полученных из Золотой Орды.

Новизна исследования: подробный анализ письменных источников, не использовавшихся ранее применительно к изучению религиозной политики золотоордынских правителей, как и сравнение сведений этих источников со средневековыми мусульманскими, армянскими и русскими источниками.

Результаты исследования: по всей видимости, впервые францисканцы обосновались в улусе Джучи около середины 70-х годов XIII столетия, хотя первое достоверное свидетельство об их интенсивной миссионерской деятельности относится к 1287 году. К этому времени латинские миссионеры основали свои конвенты в пяти городах Золотой Орды и несколькими годами позже им удалось обратить в христианство Кутукана, брата будущего хана Токты. Францисканцы, таким образом, пользовались протекцией представителей джучидской элиты и ко времени правления хана Узбека основали свои конвенты во всех главных городах Золотой Орды. Помимо протекции золотоордынских правителей, материальная помощь западных купцов и местных неофитов являлась важнейшим фактором, способствовавшим развитию латинского миссионерства в улусе Джучи.

Ключевые слова: история Золотой Орды, религиозная политика монгольских ханов, латинская миссионерская деятельность в Средневековье, мендикантские ордена на востоке, латинские источники

Создание Монгольской империи в первой половине XIII века позволило мендикантским орденам францисканцев и доминиканцев развернуть беспрецедентную по масштабам миссионерскую деятельность за пределами Европы и покрыть сеть своих конвентов всю территорию Азии, включая такие ранее не доступные регионы, как северный Китай и южная Индия. Братья-мендиканты (и, в частности, создатель ордена меньших братьев) приступили к проповедованию евангелия на востоке параллельно с началом западной монгольской экспансии¹ и рассматривали свои ордена, как духовные братства, ниспосланные Всевышним для спасения человечества в преддверии Конца Света, на чью близость не в последнюю очередь указывали слухи об ужасающих разрушениях, причиненных монгольским наступлением с востока². Приближение Второго пришествия Христа со всей очевидностью указывало на необходимость интенсификации проповедования среди «неверных» для воплощения евангелического пророчества – «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец»³, – и мендиканты приложили ряд усилий для то-

¹ См. о попытке проповедования Франциска Ассизского египетскому султану ал-Малик ал-Камилу в августе 1219 года, в ходе V Крестового похода [67, р. 158–159; 43, р. 17, 94].

² См. соответствующее замечание по этому поводу в «Книге паломничества» (1300) доминиканского миссионера Риккольдо да Монтекроче, противопоставлявшего разрушениям монголов созидательную деятельность доминиканцев и францисканцев [70, р. 94].

³ От Матфея 24: 14. См. также [76, р. 260]. Данный фрагмент из Евангелия от Матфея оставался актуальным для миссионеров на протяжении последующих столетий. Так, испанский францисканец Пасхалий из Витории приводил эту цитату в своем письме, написанном в Алмалыке (в совр. Синьцзяне) в 1338 году, в качестве главного обоснования своей проповеднической деятельности в Центральной Азии [17, р. 534–535; см. также 32, р. 77].

го, чтобы побудить жителей востока к духовному преобразению накануне грядущих потрясений [76, р. 260; 32, р. 12, 22, 25, 37].

Римские папы, разделявшие эсхатологические ожидания братьев-мендикантов, наделяли их буллами, которые должны были служить миссионерам охранными грамотами при их передвижении на востоке и одновременно отображали ту степень важности, с которой Святой престол относился к развитию католического миссионерства в Азии. Так, в наиболее стандартной булле этого типа, начинавшейся словами *Cum hora (jam) undecima* («поскольку уже настал одиннадцатый час»), понтифики уподобляли миссионеров работникам «одиннадцатого часа» в Евангелии от Матфея (20: 1–16), направляемым «к народам и племенам, и языкам и царям многим» (ср. Откровение 10: 11), поскольку спасение «Израиля», согласно апостолу Павлу, оказалось бы невозможным без того, чтобы в церковь «не вошло полное число язычников» (ср. К Римлянам 11: 25). Понтифики ясно определяли в этих буллах, кому братья должны были проповедовать евангелие, направляя их к «племенам, не знающим Господа Иисуса Христа», к «отступившимся сыновьям, не повинующимся святой Римской церкви» (то есть к восточным христианам), как и к католическим христианам, волею судеб оказавшимся на востоке, чьи сомневавшиеся души братья должны были укреплять и ободрять «светом проповеди»⁴.

Стремясь повысить эффективность миссионерской деятельности на востоке, папы предоставляли братьям ряд полномочий, наделяя их статусом легатов Святого престола. Призывая миссионеров «провозглашать слово Бога в землях, которые до сих пор не внимают поучению апостольского престола», понтифики позволяли миссионерам «причащать словом, службой и гостией» отлученных от Римской церкви и наделять их «милостью прощения»; приобщать их «к сыновьям церкви» и возводить в сан аколита⁵; утверждать в сане священников восточных христиан, рукоположенных ранее, и выносить им оправдательные приговоры в отношении их несоответствия каноническим нормам; выносить такие же приговоры в отношении браков жителей востока, заключенных в степени родства, запрещенной в Европе; прощать убийц клириков и монахов; основывать церкви⁶ и освящать заново оскверненные; служить мессы в этих церквях и предоставлять соответствующие индульгенции всем местным жителям, которые их посещали и выделяли материальные средства на содержание католических храмов; как и благословлять «священные одеяния, завесы алтарей и антиминсы» во всех тех восточных регионах, в которых «не было изобилия» в католических епископах.

Большая часть этих полномочий служили цели упорядочить взаимоотношения миссионеров с восточными христианами и особенно с их клиром и прелатами, которые выказывали явное стремление сблизиться с западными христианами в связи с монгольской экспансией. Так, приор доминиканцев в Святой земле по имени Филипп, перечислявший в 1237 году миссионерские успехи братьев-проповедников на Ближнем Востоке, описывал обстоятельства принятия унии с Римской церковью патриархом монофизитов Игнатием II и пояснял это значительное достижение доминиканцев тем, что земли и народы, находившиеся в каноническом подчинении патриарха, были по большей части опус-

⁴ Здесь следует ограничиться лишь перечислением тех булл *Cum hora undecima*, которые папы обнародовали с некоторыми изменениями с 1235 по 1321 год:

a) булла Григория IX, адресованная доминиканцу Гульельмо из Монферрато и его спутникам 15 февраля 1235 года [36, р. 286–287];

b) его же булла от 11 июня 1239 года, где впервые появляется перечисление восточных народов, к которым направлялись миссионеры [24, р. 269–270];

c) булла Иннокентия IV от 21/22 марта 1245 года с подробным уточнением задач и полномочий миссионеров [24, р. 360–361; см. также 63, р. 37];

d) его же булла от 23 июля 1253 года, где впервые упоминаются «тартары» в качестве объекта проповедования доминиканцев [28, р. 237–238];

e) схожая булла Александра IV от 19 апреля 1258 года, адресованная францисканцам [25, р. 285–286];

f) две следующие буллы Николая IV от 3 сентября 1288 года и 13 августа 1291 года [37, р. 142–144, 184–185];

g) булла Климента V от 23 июля 1307 года [26, р. 35–37];

h) и полностью воспроизводящая ее текст булла Иоанна XXII от 23 октября 1321 года [38, р. 94–98].

⁵ В данном случае папы ясно оставляли за католическими епископами право на рукоположение новых священников [55, р. 371].

⁶ Данное полномочие переставало действовать в тех регионах востока, в которых позже были основаны католические епархии, и становилось исключительной прерогативой местного епископа, на что ясно указывали в своем письме 1323 года францисканцы Каффы [61, р. 112].

тошены «тартарами»⁷. Также в своем послании, адресованном грузинской королеве Русудан 13 января 1240 года, папа Григорий IX указывал на то, что Русудан была готова принять унию в обмен на военную помощь против монголов, и понтифик (отказывая ей в этой помощи) пользовался случаем для того, чтобы направить в Грузию братьев-проповедников, основавших в Тифлисе свой конвент Святого гроба [28, р. 108–109; см. также 74, р. 55].

Развитию апостолата мендикантов на Ближнем Востоке, таким образом, способствовали политические причины, и католические миссионеры добились в дальнейшем еще более ощутимых успехов в связи со стремлением монголов Персии заключить военный союз с Западной Европой против мусульманских правителей Сирии и Египта. Начиная с посланий предводителя южнокавказских монголов Эльчигидея в 1248 году [64, р. 23–26] и ильхана Хулагу 1262 года [57, р. 252–259], адресованных французскому королю Людовику IX, монгольские правители Ирана настойчиво направляли дипломатические посольства в Европу с целью заключения военного союза, и параллельной деятельности миссионеров на Ближнем Востоке способствовал тот факт, что они нередко выступали посредниками в этих переговорах⁸.

В то время, как развитию апостолата мендикантов в границах Ильханата было посвящено значительное число публикаций⁹, в данной статье рассматриваются подробности миссионерской деятельности в Золотой Орде, которой было уделено значительно меньше внимания в исследовательской литературе. Но прежде, чем перейти к описанию развития апостолата в Золотой Орде в попытке объяснить причины, способствовавшие успехам мендикантов на ее территории, здесь следует отметить, что деятельность западных миссионеров в степях Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья стала возможна только после утверждения монгольской власти в этих регионах. Предшествующая проповедническая деятельность венгерских доминиканцев среди местных кочевников, увенчавшаяся основанием Куманской епархии в конце 1227 года¹⁰, ограничивалась южными территориями современной Молдавии, и единственная попытка братьев-проповедников продвинуться далее в степь закончилась смертью или пленением доминиканцев¹¹. Деятельность западных миссионеров и их значительные успехи стали возможны только с установлением централизованной власти потомков Джучи, предоставлявших, как будет показано далее, необходимую протекцию братьям-мендикантам.

Развитие апостолата в Золотой Орде

Приступая к описанию развития католического миссионерства в Золотой Орде, здесь следует отметить, что у нас нет ясных сведений о том, когда и где западные миссионеры впервые обосновались на ее территории и приступили к регулярной проповеднической деятельности. По всей видимости, первую попытку развернуть миссионерскую деятельность на постоянной основе предприняли те пять французских доминиканцев, которых Гийом де Рубрук встретил 2 февраля 1255 года в Ани в Великой Армении по пути своего возвращения из Монголии в Палестину. Эти доминиканцы были снабжены рекомендательными письмами папы Иннокентия IV, одно из которых, возможно, было адресовано принцу Сартаку (ум. 1256), первенцу правителя Золотой Орды Бату¹². Брат Гийом оповестил братьев-проповедников о своем довольно неудачном опыте проповедования евангелия как во владениях Бату, так и в Монголии. После чего доминиканцы направились в Тифлис, чтобы посовето-

⁷ См. копию письма Филиппа в «Великой хронике» Матвея Парижского [56, р. 397–398]. См. там же об успешных переговорах брата Гульельмо из Монферрато, получателя первой буллы *Cum hora undecima*, с несторинским католиком Сабришо V. См. также [75, s. 52].

⁸ См. краткий, но содержательный обзор этих переговоров, как и миссионерской деятельности в Ильханате [74, р. 98–116].

⁹ Во избежание многословности здесь не перечисляются многочисленные исследования, посвященные взаимоотношениям Латинского мира с Ильханатом, которые обильно цитируются как в указанной выше работе Жана Ришара, так и в отдельной главе монографии Питера Джексона [49, р. 165–195].

¹⁰ См. самое раннее упоминание основания этой епархии в булле папы Григория IX, адресованной эстергомскому архиепископу Роберту 21 марта 1228 года [36, р. 208].

¹¹ См. упоминание мученичества двух братьев-проповедников на берегу Днепра около 1223 или 1224 года неким Петром или Свипертом из Порроха в передаче Жерара из Фраше [58, р. 306]. Следует отметить, что знаменитая запись брата Рикардуса об открытии «Великой Венгрии» и соответствующем путешествии доминиканца Юлиана на территорию современного Башкортостана в 1234–35 годах не упоминает попыток проповедования евангелия среди кипчаков или аланов, встречавшихся Юлиану и его спутникам по пути их следования [34, s. 151–161].

¹² См. текст послания *Gratias et laudes* Иннокентия IV, адресованного Сартаку [53, s. 209–212].

ваться со своими собратьями из местного конвента об их дальнейших действиях; и он добавлял далее, что не знал, что они сделали после этого [46, р. 310–312; см. также 49, р. 257; 74, р. 78; 80, р. 163–164]. Возможно, они направились в Нижнее Поволжье, но уже не могли застать там Сартака, который направился в Монголию еще в июле 1254 года [64, р. 79]. По всей видимости, эта миссия не принесла никаких результатов, даже если доминиканцы смогли попасть на территорию Золотой Орды.

Вероятно, католические миссионеры (на этот раз, францисканцы) смогли обосноваться в Золотой Орде только в период правления хана Менгу-Тимура (1267–1282). Ярлык (дословно «привилегия») хана Узбека, пожалованный францисканцам в его владениях в 1314 году, является тому косвенным подтверждением, поскольку Узбек утверждал в этом ярлыке, что он пожаловал его францисканцам «в соответствии с тем же содержанием», что и предыдущие ярлыки, предоставленные меньшим братьям ханами Менгу-Тимуром¹³ и Токтой (1291–1312)¹⁴. Вполне возможно, что Менгу-Тимур предоставил францисканцам ярлык в начале своего правления, как он сделал это в отношении Киевского митрополита Кирилла, наделив его (так же, как и францисканцев) рядом привилегий и освобождением от серии налогов в своем ярлыке 1 августа 1267 года¹⁵. Однако эта датировка ярлыка Менгу-Тимура остается только гипотезой, и он мог пожаловать его францисканцам в течение всего своего правления, то есть между 1267 и 1282 годами.

Точная датировка начала францисканского апостолата в Золотой Орде представляла трудность и для средневековых хронистов ордена меньших братьев. В частности, францисканец Джованни Элемозина предполагал в своем «Хрониконе или Книге многочисленных историй» 1336 года, что «насажденная церковь правоверных стала расти в Северной Тартарии» после того, как послы Менгу-Тимура к папе Григорию X были крещены в рамках II Лионского собора 1274 года и вернулись «ликующими» в Золотую Орду [44, р. 125]. На самом деле это посольство было послано в Лион ильханом Персии Абагой (1265–82) с целью заключения военного союза между Западной Европой и Ильханатом против египетских и сирийских мамлюков¹⁶.

Возможно, посещение монголами Лиона и крещение трех из них в рамках Вселенского собора [44, р. 419–420]¹⁷ вызвали во францисканских кругах повышенный энтузиазм по отношению к восточному апостолату, и руководство ордена меньших братьев вполне могло направить на восток специальные миссии францисканцев для проповедования евангелия среди «тартар» Ильханата и Золотой Орды. Так, Мариано из Флоренции утверждал в своем «Сжатом изложении хроник меньших братьев» (около 1522 года), что Бонагратия из Болоньи направил в течение времени, когда он возглавлял орден меньших братьев, то есть между 1279 и 1285 годами, «многих братьев в северные края неверных и с большим усердием расширил Северный викариат¹⁸» [54, р. 465]; что предполагало постоянное присутствие в Золотой Орде францисканцев еще до отправления этих миссий.

Как бы то ни было, все упомянутые выше свидетельства являются косвенными по своему характеру, и лишь послание брата Ладислава, кустодия Газарии (то есть главы францисканцев Северного Причерноморья), содержит первое ясное свидетельство перманентной миссионерской деятельности францисканцев на территории Золотой Орды¹⁹. Брат Ладислав написал письмо в Каффе 11 апреля 1287

¹³ Узбек зовет своего «родоначальника» Менгу-Тимура по его прозвищу «Кулук», то есть «прославленный» в интерпретации Поля Пельо [65, р. 58–60]. В свою очередь Утемиш-хаджи утверждал в своем труде середины XVI века («Чингиз-наме» или «Кара таварих»), что Менгу-Тимур получил прозвище «Кулук» за свою доброту [10, с. 101; 9, с. 39]. Вероятно, это же имел в виду анонимный автор второй половины XV века, когда он утверждал в своем «Шаджарат ал-атрак» («Родословии тюрок»), что Менгу-Тимур был прозван «Келекханом», будучи «царем умным, справедливым, великодушным» [8, с. 205].

¹⁴ Данный ярлык сохранился в латинском переводе в кодексе D. II. 3.7 библиотеки университета Кембриджа (fol. 148^v–149^r). См. издание этого перевода [62, р. 65].

¹⁵ См. текст этого ярлыка Менгу-Тимура в русском переводе [3, с. 124–126 («пространная» редакция 40-х годов XVI века); 4, с. 467–468 (изначальный извод середины XV века)]. См. также соображения в отношении датировки ярлыка Менгу-Тимура, пожалованного францисканцам [13, с. 33–34].

¹⁶ См. соответствующее послание папы Григория X *Excellentiae tuae litteras*, адресованное ильхану Абаге 13 марта 1275 года [53, с. 231–232; см. также 16, р. 100; 71, р. 37; 42, р. 84].

¹⁷ За исключением двух доминиканцев, остальные 11 участников посольства ильхана Абаги, вероятно, были уже обращены в христианство одного из восточных толков.

¹⁸ То есть территориально-каноническое подразделение ордена меньших братьев, соответствовавшее францисканской провинции и теоретически покрывавшее всю территорию Золотой Орды.

¹⁹ Данное послание было издано Старцером и Редлихом [81, с. 248–250], после чего Конрад Ойбель сделал независимое издание текста [23, р. 165, nota 1], которое в свою очередь использовал Джироламо Голубович

года²⁰ и адресовал его брату Лаврентию, посланнику крымских миноритов к Маттео д'Акваспарта, избранному через месяц генеральным министром их ордена [50, р. 50, nota 20; 83, р. 295]. В своем письме брат Ладислав описывал события, произошедшие в Солхате (будущей столице Крыма) предыдущим летом 1286 года. По словам Ладислава, местное мусульманское население Солхата сорвало колокол с францисканской церкви, очевидно раздраженное его звоном. После чего минориты обратились с жалобой к двум главным правителям Золотой Орды, а именно к «императорам Телебуге и Ногаю»²¹. Со своей стороны, Телебуга и Ногай приняли сторону миссионеров, и каждый из них направил в Солхат «одного из своих наиболее выдающихся баронов», которые должны были выявить на месте обидчиков францисканцев. В свою очередь третий «особый посол» золотоордынских правителей должен был привести в исполнение приговор, и 4 августа 1286 года он вошел в Солхат с военной силой. После изгнания из Солхата главных притеснителей миноритов, золотоордынский посол повелел повесить три колокола на францисканской церкви вместо одного, снесенного ранее мусульманами. В конце концов обидчики францисканцев были вынуждены возместить им ущерб и выплатить еще более значительную сумму «императрице Яйлак, старшей и наиболее могущественной жене Ногаю», которая прибыла в Солхат вслед за представителями золотоордынской власти.

Помимо описания этих событий, брат Ладислав отражает размах францисканского апостолата в Золотой Орде. По словам Ладислава, к моменту описанных событий францисканцы уже имели по одному конвенту в Каффе и Сарае и одну церковь в Солхате, и это предполагало, что францисканцы должны были развернуть миссионерскую деятельность задолго до 1286 года. Со своей стороны, Яйлак, явно питавшая симпатии к францисканцам, изъявила желание принять из их рук католическое крещение и позволила миноритам основать церковь святой Девы в другом крымском городе – Кырк-Ере. Помимо этого, францисканцам удалось крестить татарского наместника далекой Вичины (в дельте Дуная) по имени Аргун «со всеми его подчиненными» в своей церкви, которая, судя по словам Ладислава, уже существовала там к этому времени.

Крещение жены Ногай очевидно отображало определенные симпатии, которые питали к католическому христианству некоторые представители правящей элиты Золотой Орды. Вероятно, после обращения в католицизм «императрицы» Яйлак францисканцы добились еще более значительного успеха, крестив «одного великого царя из тартар». По словам францисканца Джованни Элемозины, «упроченные его благосклонностью», меньшие братья «построили 10 местопребываний²² в той Тартарии: 5 постоянных огражденных местопребываний²³ в городах тартар и 5 подвижных местопребываний в шатрах или палатках среди множества тартар²⁴, которые пасут и взращивают почти бесчисленные стада на обширнейших пастбищах»²⁵. По всей видимости, этот же «царь из тартар» упоминался в анонимном францисканском перечислении «детей императоров»²⁶, которые были крещены

[44, р. 444–445], вероятно, не сверяясь с оригиналом текста в кодексе Оттобони 2115 из Секретного архива Ватикана (fol. 62).

²⁰ «Написано в Каффе в пятницу перед воскресеньем Октавы Пасхи, в год Господень 1287». Неясно, по какой причине Конрад Ойбель и следовавший ему Джироламо Голубович датировали составление данного письма 10 апреля. На самом деле Октава Пасхи в 1287 году приходилась на 13 апреля, и, соответственно, Ладислав написал свое письмо в пятницу 11 апреля.

²¹ Данное указание имеет первостепенное значение для изучения истории Золотой Орды по двум причинам. В первую очередь брат Ладислав уточнял, что к лету 1286 года Тула-Буга (ум. 1291) уже сместил бывшего хана Туда-Менгу (1282–86) и, соответственно, стал ханом Золотой Орды. Во-вторых, во всяком случае с точки зрения францисканцев, Ногай (ум. 1300) здесь звался «императором» наравне с Тула-Бугой, и, соответственно, он воспринимался его соправителем, если не независимым правителем той части Золотой Орды, которая располагалась западнее Днепра.

²² К сожалению, Джованни Элемозина не уточняет их местонахождение в Золотой Орде.

²³ Под местопребываниями во францисканских источниках могли пониматься как полноценные конвенты, так и более скромные резиденции, расположенные в городах Золотой Орды.

²⁴ В своем «Хрониконе» Джованни Элемозина пояснял, что под мобильными местопребываниями он подразумевал передвижные алтари, которые францисканцы перевозили на повозках, следуя за постоянно кочевывшими «тартарами» [44, р. 125; см. также 73, р. 352].

²⁵ См. «Книгу историй святой Римской церкви» (1335) Джованни Элемозины, как и его «Хроникон» (1336) [44, р. 107, 120].

²⁶ Под «императорами» здесь имелись в виду золотоордынский хан Менгу-Тимур и ильхан Аргун (1284–1291).

меньшими братьями» [44, р. 73]²⁷, где он зовется «Коктоганом» и где также сообщается, что вместе с ним крещение приняли три его сына: «Георгий, Курамас и Абузка», из которых только «Абузка» оставался в живых к моменту составления этого списка²⁸. И также вполне возможно, что ряд других францисканских источников указывали именно на этого монгольского принца в своих сообщениях о том, что он был захоронен во францисканском конвенте святого Иоанна в трех милях от Сарая²⁹.

Несмотря на относительно многочисленные упоминания этого монгольского принца³⁰ во францисканских источниках, его идентификация вызывает определенные трудности. Эта идентификация, однако, может быть значительно облегчена при сравнении уже упомянутого списка «детей императоров, крещеных меньшими братьями» из кодекса Negro A. IX из Британской библиотеки с «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина (генеалогическим дополнением к его «Джами ат-таварих», составленным Рашид ад-дином около 1306 года). В то время, как анонимный францисканец указывал, что именами сыновей «Коктогана» были «Георгий, Курамас и Абузка», Рашид ад-дин в свою очередь упоминал следующие имена сыновей чингизидского принца Кутукана: Курмас, соответствующий Курамасу; Кункиз или Куркиз – тюркский и монгольский эквивалент Георгию; и Абшеке, то есть Абушке, очевидно соответствующий латинскому написанию «Абузка» [33, р. 98, nota 65; 12, с. 873]³¹. Совпадения в этих двух совершенно независимых друг от друга источниках предполагают, что оба эти источника говорили об одном и том же Джучиде, а именно: о Кутукане – сыне хана Менгу-Тимура и младшем брате хана Токты.

По всей видимости, Кутукан был крещен после 1287 года, поскольку кустодий Ладислав не упоминал его в упомянутом выше письме от 11 апреля 1287 года; и столь же очевидно, что Кутукан крестился до 1291 года, то есть до того, как он был казнен Токтой в результате заговора, приведшего последнего к власти [7, с. 108 (Рукн ад-дин Бейбарс), 157 (ан-Нувейри)]³².

²⁷ Этот список содержится в кодексе Negro A. IX из Британской библиотеки [fol. 101^r] и упоминает ряд других правителей и прелатов в Золотой Орде и на Ближнем Востоке, крещеных миноритами, включая ильханидского принца Олджейту (ум. 1316 г.) в 1291 году; см. соответствующее послание *Exultat cor nostrum* папы Николая IV, адресованное 20 августа 1291 года Олджейту, принявшему в крещении имя Николая [19, р. 100]. Джироламо Голубович датировал этот список по упоминанию в нем последнего достижения францисканцев, а именно, по принятию унии с Римской церковью армянского архиепископа Захарии (с резиденцией в монастыре Святого Фаддея [Каракилисе, рядом с совр. Маку] на северо-западной оконечности современного Ирана) и считал, что уния этого армянского прелата имела место в 1329 году; см. соответствующую буллу папы Иоанна XXII, адресованную Захарии 11 сентября 1329 года [26, р. 404]. Однако, как указал позже Поль Пельо, тот же понтифик адресовал Захарии буллу со схожим содержанием 21 ноября 1321 года [20, р. 142–143], и соответственно, принятие унии Захарией имело место на восемь лет раньше [66, р. 151–152]. Таким образом, этот список должен был быть составлен около 1321 года.

²⁸ «Абузка» здравствовал и в 1323 году и был приближенным хана Узбека, судя по письму францисканцев Каффы 1323 года, которое упоминается ниже [61, р. 111].

²⁹ См. «Хронику 24 генеральных министров Ордена миноритов» анонимного аквитанского автора [17, р. 456; возможно, Арно де Сарран, министра францисканской провинции Аквитании 68, р. 20]; запись «О святых братьях, покоящихся в Северном викариате» из кодекса Canon. Misc. 525 Бодлианской библиотеки [41, р. 46]; и трактат «О подобии жизни Святого Франциска с жизнью Господа Иисуса» Бартоломея Пизанского [18, р. 557].

³⁰ Возможно, конечно, предположить, что здесь могла идти речь о нескольких представителях золотоордынской элиты. Однако, за исключением фрагмента из кодекса Negro A. IX, каждый отдельный из вышеназванных источников упоминает только одного высокопоставленного Джучида, крещеного францисканцами, что дает возможность предположить то, что все вместе они имеют в виду одно и то же лицо.

³¹ Вероятно, первые двое из них участвовали позже в борьбе за власть, разгоревшейся в Золотой Орде после смерти хана Токты в августе 1312 года, и, согласно посланию францисканцев Каффы 1323 года, были казнены новым золотоордынским ханом Узбеком, хотя францисканские авторы этого письма (или, скорее, британский переписчик их послания) выдавали их по неясным причинам за сыновей покойного хана Токты [61, р. 111]. Абушка же в свою очередь остался в стороне от борьбы за власть и, согласно тому же письму францисканцев, был приближен ханом Узбеком. Вероятно, именно ему папа Иоанн XXII адресовал две буллы в 1321 и 1322 годах, называя его «Абусканом, сыном светлой памяти Котогана, царя в краях Тартарии» [26, р. 214; 20, р. 186].

³² Неясным остается вопрос, почему Кутукан оказался захоронен во францисканском конвенте святого Иоанна рядом с Сараем только в период, когда францисканский орден возглавлялся Гонсальво Испанцем, то есть между 1304 и 1313 годами, на что указывают как запись «О святых братьях, покоящихся в Северном викариате» из кодекса Canon. Misc. 525 Бодлианской библиотеки [41, р. 46], так и трактат «О подобии жизни Святого Франциска с жизнью Господа Иисуса» Бартоломея Пизанского [18, р. 557]. Возможно, однако, что он был эксгумирован из своего первоначального захоронения и перезахоронен в названный конвент. Во всяком случае эти же источники указывают на то, что эксгумация Кутукана была допустимым действием, поскольку он был перезахоронен в Сарая через 30 или 35 лет после своего захоронения в конвенте святого Иоанна.

Несмотря на гибель своего высокопоставленного заступника, францисканцы, по всей видимости, не встретили каких-либо препятствий для своей проповеднической деятельности в связи с приходом к власти хана Токты. Тем не менее следующие сведения о каком-либо прогрессе в их миссионерской деятельности в Золотой Орде относятся уже к началу XIV века³³. В частности, Джованни Элемозина сообщает в своем «Хрониконе» о прибытии в Каффу около 1307 года группы проповедников, «несших с собой книги, алтарные чаши и покрывала» [44, р. 132], чтобы воспользоваться кратковременным периодом мира во всей Монгольской империи³⁴ и прибыть на помощь к латинскому архиепископу Ханбалыка (столицы Юаньской империи) Джованни да Монтекорвино³⁵. Однако прибывшие францисканцы были вынуждены остановиться в Каффе из-за начала неожиданного конфликта в самой Золотой Орде.

Как бы велики не были успехи католических миссионеров до этого времени, они должны были приостановить свою деятельность в Золотой Орде из-за конфликта, неожиданно вспыхнувшего между ханом Токтой и генуэзцами. В 1307 году Токта «повелел пленить всех генуэзцев во всей своей империи», и в ноябре того же года он послал своего сына Ильбасара в Крым с войсками, чтобы осадить Каффу. Генуэзцы держали оборону города с местными греками в течение восьми месяцев, но 20 мая 1308 года они были вынуждены покинуть и сжечь город [31, р. 500–501]. Не вдаваясь в объяснения причин этого конфликта³⁶, здесь следует констатировать, что основная часть францисканских конвентов в Золотой Орде, вероятно, опустели вследствие репрессий против генуэзских купцов, затронувших всех местных католических резидентов. Западные миссионеры должны были начинать свою деятельность заново, и ее успех зависел от благосклонности нового хана.

Уже послание генерального магистра доминиканцев Беренгера де Ландор, адресованное 20 октября 1312 года Франко да Перуджа, викарию «братьев, паломничающих среди народов», указывает на возможное присутствие доминиканцев в Каффе в том же году [59, р. 317–318]. И примерно в это же время там же должны были снова появиться францисканцы. Вслед за тем, 20 марта 1314 года новый хан Узбек пожаловал их ярлыком с рядом привилегий и послаблений: минориты получили полную свободу передвижения по Золотой Орде с целью проповедования местным жителям «христианского закона», были освобождены от военной повинности, как и налогов и податей, и им было позволено построить в Каффе свою церковь (святой Агнессы) и звонить на ней в колокол [62, р. 65].

Деятельность францисканцев в этот период возрождения католического апостолата в Золотой Орде непосредственно связана с именем их главы, Иеронима из Каталонии, кого папа Климент V назначил 19 февраля 1311 года епископом без резиденции «в домене тартар» в формальном подчинении архиепископу Ханбалыка Джованни да Монтекорвино [26, р. 74]. Очевидно, авиньонский папа предоставил Иерониму полную свободу в решении, в какой метрополии на востоке ему следовало основать

³³ В этом промежутке времени, однако, следует упомянуть подключение доминиканцев к «тартарскому» апостолату после того, как брат Франко из Перуджи прибыл в Каффу в качестве легата папы Бонифация VIII и основал там с другими братьями-проповедниками первый доминиканский конвент в Золотой Орде в 1299 году [52, р. 16].

³⁴ Наступившим в 1304 году в связи с параллельным замирением между чагатайским ханом Дувой (ум. 1307), Угедейдом Чапаром (1303–10) (оба были соправителями на территории Чагатайского улуса в Центральной Азии) и юаньским императором Тэмуром (1294–1307), как и между золотоордынским ханом Токтой и ильханом Олджейту (1304–16) [22, р. 71–72].

³⁵ По словам Джованни Элемозины, францисканцы устремились на помощь к архиепископу Ханбалыка в ответ на одно из его посланий, которые он адресовал им в 1305 и 1306 годах и в которых он призывал их добираться из Золотой Орды в Китай сухопутным путем, «бывшим ранее небезопасным длительное время из-за войн» [78, р. 349, 351–352; см. также 74, р. 147].

³⁶ Согласно продолжателю хроники Якопо да Вараджине, конфликт вспыхнул «по причине высокомерия, которое генуэзцы неоднократно выражали в империи Токты» [31, р. 500], что кажется попыткой найти хоть какое-то объяснение мотивации хана, очевидно, неизвестной анонимному генуэзскому хронисту. Согласно мамлюкским авторам Рукн ад-дину Бейбарсу и ан-Нувейри, Токта мстил «генуэзским франкам» за то, что они «овладевали тартарскими детьми» и переправляли их в качестве рабов в Египет [7, с. 120, 162]. Однако забота Токты о своих кочевнических подданных в данном случае кажется лишь поводом, обосновавшим изгнание итальянских купцов, поскольку генуэзцы непрерывно перепродавали кипчакских юношей в Египет на протяжении всего предыдущего правления Токты (то есть с 1291 года), как и при его предшественниках и преемниках. Гипотеза Вирджила Чокылтана (которой сложно найти прямое подтверждение в источниках), недавно представленная и Мари Фаверо, кажется более весомой: Токта мог прервать работорговлню, чтобы наказать египетского султана за его нежелание начать совместные военные действия против Ильханата [30, р. 170–171; 11, с. 343].

свой кафедру, и, как указывал Джироламо Голубович [45, р. 40], у нас нет конкретных сведений о том, куда в первую очередь направился Иероним и чем он занимался в течение последующих пяти лет. Однако можно с определенной уверенностью предположить, что он прибыл в Каффу сразу же после своего назначения или через какой-то промежуток времени³⁷. В любом случае, в следующий раз его имя упоминается в 1316 году в качестве главы францисканцев Каффы: одно из ранних распоряжений Оффиции Газарии (особого генуэзского ведомства, созданного в 1313 году и получившего эксклюзивное право в решении вопросов, связанных с торговлей в Черном море) упоминает наличие в Каффе «церкви и конвента меньших братьев Каффы на участке земли, где, как говорят, брат Иероним построил ранее некий дом по образу церкви, и где он живет» [47, col. 407]³⁸. По всей видимости, уже к этому времени Иероним носил титул «епископа Каффы», и именно под этим титулом он удостоверял в Пере буллу покойного папы Климента V *Cum hora undecima* 20 марта 1317 года [45, р. 40]³⁹.

В свою очередь папа Иоанн XXII именовал Иеронима епископом Каффы в одной своей булле от 6 февраля 1318 года [26, р. 143] и адресовал ему еще одну буллу 28 марта того же года, где понтифик указывал, что «епархия Каффы признавалась заново созданной для распространения веры во владении тартар, в краях севера», то есть в Золотой Орде [26, р. 148]. Эта последняя булла, однако, отображала довольно ограниченное присутствие католиков в Каффе: по словам понтифика, количество «язычников и схизматиков» в епархии Каффы еще значительно превышало число «приверженцев христианской церкви». В связи с констатацией этого факта папа упоминал беспокойство Иеронима в отношении распространенной там практики смешанных браков между католиками и «схизматиками и другими врагами веры»; и, уступая просьбам епископа Каффы, Иоанн XXII предоставлял позволение сочетаться браком тем местным католикам, которые были связаны друг с другом четвертой степенью родства. Решение понтифика было явным исключением из правил, не допускавших бракосочетание католиков со столь близкой степенью родства в Европе. Однако необходимость ограждения католиков от «тлетворного» влияния альтернативных религий или вероисповеданий, очевидно, оправдывало столь чрезвычайную меру.

Несмотря на ряд действий, предпринятых в 1316 году Оффицией Газарии в Генуе⁴⁰, повторная генуэзская колонизация Каффы разворачивалась в относительно замедленном темпе и достигла заметных успехов только примерно к 1321 году, о чем свидетельствует следующее послание Иоанна XXII. В своей булле, адресованной Иерониму 26 февраля 1322 года, папа констатировал, что «город Каффа, в свое время селение, находившееся в границах епархии Ханбалыка, стало теперь выдающимся местом, разросшимся изобилием множества людей и вещей». В связи с этим Иоанн XXII вынес решение возвести Каффу «в ранг [епархиального] города и украсить его наименованием города, приписав к нему епархию от селения Варна в Болгарии до Сарая, ограничивающих ее в длину, и от Черного моря до земли рутенов в ширину». В этой булле папа уточнял, что ранее Иероним был посвящен в сан епископа «без уточнения какой-либо церкви» (то есть за ним не была закреплена никакая-либо церковь в качестве кафедральной) и что только с этого момента он назначался во главе кафедральной церкви святой Агнессы в Каффе с ясно определенными границами ее территориальной юрисдикции [26, р. 142–143]⁴¹.

Вероятно, подчинение канонической юрисдикции Иеронима всей территории Золотой Орды являлось не только констатацией роста самой епархиальной митрополии Каффы, но и признанием

³⁷ Вероятно, хан Узбек предоставил упомянутый выше ярлык 1314 года именно Иерониму и подчиненным ему францисканцам с позволением управлять «людьми христианского закона» [62, р. 65; см. также 80, р. 476].

³⁸ См. там же упоминание участка земли, «обнесенного стеной», который принадлежал в Каффе доминиканцам.

³⁹ Судя по его дальнейшей деятельности, Иероним находился в постоянных разъездах между Авиньоном, Константинополем и Каффой.

⁴⁰ В частности, восемь «мудрецов», составлявших Оффицию Газарии, обязывали всех генуэзцев, купивших земельные участки внутри Каффы, построить на них на свои средства жилые здания [47, col. 409].

⁴¹ Конрад Ойбель считал, что Иоанн XXII издал эту буллу под датой, предшествовавшей булле от 6 февраля 1318 года, в которой папа впервые именовал Иеронима епископом Каффы [26, р. 143, nota 6]. Однако это наименование не обязательно означало то, что его епархия была утверждена в строго определенных границах ее канонической компетенции уже в 1318 году. В любом случае данная булла ясно датировалась «четвертыми календами марта шестого года» понтификата Иоанна XXII, что соответствовало 26 февраля 1322 года [82, р. 11, nota 30].

достижений местных францисканцев, сообщавших в своем послании 1323 года⁴² о предшествовавших обращениях в христианскую веру «более чем ста правителей, баронов и тысячников вместе с их семьями и бесчисленным простонародьем вольных». Далее францисканцы с сожалением сообщали, что «по причине малочисленности братьев» они были вынуждены покинуть 22 своих местопребывания (что, вероятно, имело место во время репрессий хана Токты 1307–1308 годов), но они имели два своих конвента в Каффе и один в Херсонесе, как и местопребывания «в некоторых других городах» [61, р. 106, 111]. Судя по списку «местопребываний меньших братьев» из кодекса Нега А. IX Британской библиотеки⁴³, к этим «другим городам», в которых меньшие братья заново основали свои опорные пункты, также причислялись Вичина (в дельте Дуная), Маврокастро (в устье Днестра), Чембало (современная Балаклава), Карасубазар (также в Крыму), Солдаи (современный Судак), Тана (в устье Дона), Маджар (современный Будённовск в Ставропольском крае), Сарай (как и отдельный конвент святого Иоанна в трех милях от Сарая), Укек (рядом с современным Саратовом) и, возможно, Болгар [44, р. 72]⁴⁴.

Как видно из этого описания, францисканцы основали свои опорные пункты в главных городах Золотой Орды. Меньшие братья, однако, не ограничивались проповедованием евангелия исключительно среди местного городского населения, но и совершали регулярные «выходы» в степь для разветвления прозелитической деятельности среди кочевников. Так, венгерский минорит Иоганка указывал в своем послании, адресованном в 1320 году главе ордена меньших братьев Микеле да Чезена, на значительные миссионерские успехи среди кочевников Золотой Орды [62, р. 66]. Тремя годами позже францисканцы Каффы сообщали в своем послании руководству ордена миноритов, как «некий немецкий брат вырвал 93 идола⁴⁵ из рук кочевников, крестил все их семейства и наставил их в вере» [61, р. 107]. Джованни Элемозина, со своей стороны, утверждал, что францисканцы пользовались повышенной популярностью у той части местных кочевников, которые, видимо, уже исповедовали христианство (несторианского или другого восточного толка) до прибытия миссионеров, поскольку минориты регулярно освящали их ритуалы, имевшие чрезвычайно важное значение для местных общин, и особенно свадьбы⁴⁶. Возможно, утверждение францисканцев Каффы, что благодаря их миссионерской деятельности почти треть Золотой Орды «благосклонно принимала свет христианской веры и изо дня в день его получала» [61, р. 107], кажется намеренным преувеличением⁴⁷. Тем не менее размах миссионерской деятельности францисканцев представлялся довольно впечатляющим, и она затронула даже такие отдаленные регионы Золотой Орды, как «Баскардия», то есть территорию современного Башкортостана [62, р. 67]⁴⁸.

Доминиканцы Франческо да Камерино и Ричард Англичанин внесли посильный вклад в дальнейшее развитие апостолата в Золотой Орде, добившись в 1332 году принятия унии с Римской церковью от правителя Воспро (современная Керчь) по имени «Миллен», как и «царя» зихов (населявших северо-восточное побережье Черного моря) по имени «Версакт». Оба доминиканца лично известили папу Иоанна XXII об этом достижении, привезя с собой в Авиньон послание последнего, о чем сви-

⁴² Точнее было бы сказать, что речь здесь идет о двух письмах францисканцев Каффы, сохранившихся в одном кодексе библиотеки университета Кембриджа (D II. 3. 7, fol. 146^v–148^r). Однако переписчик обоих писем обрезал окончание первого письма и поместил второе письмо без зазора непосредственно за первым, так, как если бы речь шла об одном письме. Оба письма, таким образом, приходится датировать по дате, указанной в конце второго письма, то есть 15 мая 1323 года [21, р. 89–92; 61, р. 112].

⁴³ Согласно Раймон-Жозефу Ленерцу, это описание было составлено местным доминиканцем между 1304 и 1318 годами [52, р. 74–75]. Однако указание на этом же рукописном листе [fol. 100^v] на мученичество трех францисканцев, имевшее место в Эрзинджане 15 марта 1314 года [45, р. 183], позволяет предположить, что это описание францисканских опорных пунктов было составлено после 1314 года и, скорее всего, около 1321 года.

⁴⁴ Доминиканцы в свою очередь имели два конвента в Каффе и Танае.

⁴⁵ Здесь имеются в виду онгоны, то есть антропоморфные фигурки из войлока или металла, изображавшие предков кочевников.

⁴⁶ См., соответственно, его «Книгу историй» и «Хроникон» [44, р. 107, 125]. По всей видимости, повышенная востребованность францисканцев была связана с нехваткой у кочевников собственных христианских священников.

⁴⁷ Как и заверение брата Иоганки в том, что «в некоторых краях» Золотой Орды «неверных оставалось немногим больше половины» [62, р. 66].

⁴⁸ По словам брата Иоганки, францисканцы получили приглашение основать свое местопребывание и в «земле Сибур», то есть на территории современной Тюменской области; однако минориты не смогли удовлетворить эту просьбу из-за своей малочисленности [62, р. 69].

детельствует ответ понтифика, адресованный «Версаку» 2 июля 1333 года [20, р. 525–526]. Иоанн XXII чрезвычайно высоко оценил этот успех проповедников среди «приверженцев греческой схизмы» и вынес решение об основании новой латинской архиепархии с кафедральной церковью архангела Михаила в Воспро во главе с Франческо да Камерино⁴⁹. Новой архиепархии были подчинены все черноморские епархии Трапезунда, Савастополя (современный Сухуми), Каффы и Перы, как и новая епархия Херсонеса⁵⁰. Иоанн XXII поручил управление последней из них Ричарду Англичанину, ожидая от него расширения проповедования унии с Римской церковью среди местного населения «Готии» (на юго-западе Крымского полуострова), исповедовавшего греческое православие⁵¹. Успехи этого проповедования, однако, оказались довольно ограниченными, поскольку они не упоминаются в известных на данный момент источниках⁵².

В свою очередь отдельная булла папы Иоанна XXII от 28 марта 1318 года указывает на значительный успех латинского епископа Каффы Иеронима из Каталонии, сумевшего, по словам понтифика, склонить к унии с Римской церковью армянского архиепископа Солхата Аракела [20, р. 78–79]. Однако, судя по содержанию буллы, адресованной ему 22 ноября 1321 года Иоанном XXII, тремя годами позже он столкнулся с резким сопротивлением со стороны армянского епископа Каффы и противника унии – «сына погибели по имени Фаддей, отступившегося от единства с церковью» [38, р. 99]. По словам папы, Тадэос был возведен в сан епископа «посредством какого-то своего католикоса», под которым, по всей видимости, имелся в виду армянский католикос Степанос, возглавлявший агванскую церковь (с центром в Гандзасарском монастыре на территории современной де факто Нагорно-Карабахской республики) до 1323 года и рукоположивший другого своего ставленника в Золотой Орде, а именно – армянского архиепископа Сарая по имени Погос⁵³. Погос также выступал яростным противником унии с Римской церковью, и, согласно булле *Doctor gentium egregius* папы Иоанна XXII от 22 ноября 1321 года, он изгнал из Сарая епископа Степаноса, бывшего, по всей видимости, ставленником солхатского архиепископа Аракела [26, р. 212]⁵⁴.

Как видно, политика папы, направленная на заключение унии между Римской и восточными церквями, вызвала раскол среди армян Золотой Орды. Однако дальнейшие переговоры восточных прелатов с местными францисканцами и доминиканцами привели к смягчению этого конфликта. Уже в 1322 году под влиянием местных доминиканцев Тадэос вступил в их орден, возможно, получив параллельно от латинского епископа Каффы Иеронима обещание занять его кафедру после его кончины. Таким образом, Тадэос принял унию с Римской церковью и в этом же году посетил папу в Авиньоне вместе с Иеронимом. В 1328 году он был вознагражден саном епископа Корикоса в Киликии и смог вернуться в Крым в 1334 году уже в качестве нового латинского епископа Каффы [74, р. 159; 72, р. 262–264; 51, р. 346–351]. В свою очередь Погос оказывал сопротивление несколько дольше, но, вероятно, принял в конце концов унию, судя по булле папы Иоанна XXII, адресованной 11 сентября 1329 года «любимому во Христе брату Павлу, епископу армян в империи Узбека» с выражением искренней радости в связи с его «воссоединением» с Римской церковью [38, р. 210; см. также 74, р. 159, nota 133]⁵⁵. «Армянский» апостолат францисканцев и доминиканцев в Золотой Орде, таким образом, оказался даже более успешным, чем «греческий».

⁴⁹ См. буллу Иоанна XXII, адресованную 1 августа 1333 года Франческо да Камерино [20, р. 524–525].

⁵⁰ См. соответствующую буллу папы от 5 июля 1333 года [85, р. 348–349].

⁵¹ См. постановление Иоанна XXII об основании епархии Херсонеса от 5 июля 1333 года [85, р. 347–348]; как и буллу от 5 августа 1333 года, где Ричард Англичанин именуется главой этой епархии [85, р. 350–351].

⁵² Кафедры Воспро и Херсонеса были упразднены после смерти Франческо да Камерино и Ричарда Англичанина [52, р. 32].

⁵³ В колофоне в армянском евангелии, переписанном в Сарая в 1319 году и хранящемся теперь в книгохранилище конгрегации Мхитаристов в Вене (NS 434, fol. 441^v), Погос упоминался в связи с прелатством католикоса Степаноса, чье имя предшествовало имени киликийского католикоса Костандина, что предполагало первичную зависимость армянской архиепархии Сарая от восточного католикоса. См. русский перевод этого колофона [6, с. 61].

⁵⁴ См. также другую буллу Иоанна XXII под тем же числом, обращенную к армянам Сарая с требованием принять назад Степаноса [20, р. 146].

⁵⁵ Поскольку армянское имя Погос соответствует Павлу, и в связи с отсутствием сведений о других армянских епископах в Золотой Орде с таким именем в это время, можно с относительной уверенностью утверждать, что данный прелат и был тем Погосом, который изгнал восьмью годами ранее из Сарая про-латинского епископа Степаноса.

Как следует из всего вышесказанного, католические миссионеры в Золотой Орде добились наибольших успехов в правление хана Узбека, и их деятельность продолжала развиваться более умеренными темпами вплоть до турецкого завоевания Каффы в 1475 году⁵⁶. Не вдаваясь в подробности описания этого дальнейшего развития⁵⁷, здесь следует уделить внимание обстоятельствам, способствовавшим развертыванию миссионерской деятельности в Золотой Орде.

Обстоятельства, способствовавшие развитию миссионерства

Содержание упомянутого выше послания кустодия Ладислава 1287 года отражало очевидную зависимость западных миссионеров в Золотой Орде от протекции местных монгольских правителей. Покровительство этих правителей играло решающую роль в нередких конфликтах миссионеров с мусульманскими резидентами золотоордынских городов⁵⁸, но оно не обязательно было следствием каких-то особых симпатий по отношению к христианству. Так, исполнитель вердикта против притеснителей францисканцев в Солхате в августе 1286 года был, по словам Ладислава, мусульманином [81, s. 248]. Его репрессии против своих единоверцев поэтому не были связаны с какими-либо личными предпочтениями, но отвечали требованию водворения прежнего порядка: монгольская администрация очевидно стремилась немедленно подавить всякие межконфессиональные конфликты в своих владениях. Политика конфессиональной терпимости золотоордынских правителей отмечалась рядом миссионерских источников, и, в частности, францисканцы Каффы сообщали в своем послании 1323 года, что «тартары прочат твердость, хоть и являются неверными, чтобы все придерживались той секты, которой в конечном счете придерживались их родители... Ибо они терпимо разрешают у них все секты, религии и духовников, так, чтобы те исполняли в своих земных делах то, к чему их обязывает [светский] закон этой земли» [61, p. 111]⁵⁹.

Как указывалось выше, католическое миссионерство в Золотой Орде достигло своего наибольшего размаха в правление хана Узбека, известного своими мусульманскими симпатиями, и, соответственно, его обращение в ислам не привело к каким-либо существенным изменениям в традиционной политике религиозной толерантности, практиковавшейся во владениях Узбека и его предшественников. В своих попытках восстановить традиционно дружественные отношения с мамлюками Египта (после заметного охлаждения этих отношений в последние годы правления хана Токты [30, p. 170–171; 11, с. 343]) хан Узбек мог позволить представлять себя фанатичным неопитом, готовым уничтожить всех приверженцев альтернативных религий и верований. Так, по словам мамлюкского автора ан-Нувейри, в марте/апреле 1314 года в Каир прибыло торжественное посольство хана Узбека к султану ан-Насиру с подарками и поздравлениями «с расширением ислама от Китая до крайних пределов Западных государств», как и с утверждением, что в государстве Узбека «оставалась еще шайка людей, не исповедовавших ислама, но он, воцарившись, предоставил им выбрать или вступление в мусульманскую религию, или войну», и уничтожил после этого всех отказавшихся выполнить это требование [7, с. 163].

⁵⁶ «Каталог провинций Ордена меньших братьев» 1334 года не упоминает основания других дополнительных местопребываний францисканцев, кроме Солхата [69, p. 73–74], в то время, как Бартоломей из Пизы указывает в своем трактате «О подобию жизни Святого Франсиска» (написанном между 1385 и 1390 годами) на основание новых местопребываний в Иличе (в устье Днепра), Хаджи-Тархане (рядом с современной Астраханью), Ак-Сарае (в дельте Волги) и Ургенче, помимо трех топонимов на Северном Кавказе, с трудом поддающихся идентификации, – Комук, Таркис, Мамукки [18, p. 557].

⁵⁷ См. детали этого развития [74, p. 230–255, 273–278].

⁵⁸ Мученичество францисканца Иштвана из Варада, казненного мусульманами Сарая 22 апреля 1334 года, представляет в данном случае исключение. Брат Иштван обратился в Сарая в ислам в стремлении избежать наказания от местного францисканского гвардиана (то есть главы конвента) по имени Генрих Богемский за какой-то проступок (согласно Бартоломею Пизанскому, за прелюбодеяние [18, p. 333]), но позже раскаялся и был казнен местными мусульманами после того, как выразил им свое намерение вернуться в свой орден, присоветовав вербальное поношение мусульманской религии. «Господин (эмир) Сарая», упомянутый в описании мученичества, предпочел не вмешиваться в этот вопрос посчитав его внутренним делом местной мусульманской общины. См. описание мученичества [18, p. 515–524 (с упоминанием «господина Сарая» p. 520, 521)].

⁵⁹ См. схожее по содержанию утверждение в письме францисканца Иоганки 1320 года [62, p. 66]; как и одобрительную характеристику религиозной толерантности во всей Монгольской империи у Джованни Элемозины в его «Книге историй» и «Хрониконе» [44, p. 107, 120].

Это утверждение послов Узбека, однако, было явным искажением реального положения дел в Золотой Орде, допускавшим дипломатическим этикетом⁶⁰. В том же месяце, когда послы хана Узбека уверяли мамлюкского султана в Каире в совершенном торжестве ислама в Золотой Орде, сам хан Узбек жаловал францисканцев Каффы упомянутым выше ярлыком, где он не только освобождал их от выплаты налогов и исполнения повинностей, но и предоставлял им позволение на беспрепятственное проповедование «христианского закона» во всех его владениях [62, р. 65]. Францисканцы, по всей видимости, немедленно воспользовались этим разрешением⁶¹, и источники, касающиеся их апостолата в Золотой Орде, не упоминают особенных препятствий, чинимых их деятельности местной администрацией⁶².

Католические миссионеры смогли заново развернуть свою деятельность в Золотой Орде только с позволения хана, и Узбек не отказывал им в необходимом покровительстве, судя по ряду благодарственных посланий авиньонских пап, содержащих призыв придерживаться этого отношения и в дальнейшем⁶³. Заступничество понтификов должно было играть не последнюю роль в благосклонном отношении хана Узбека к местным христианам, и, в частности, в своем послании *Laetanter et benigne*, адресованном Узбеку 17 августа 1340 года, папа Бенедикт XII утверждал, что золотоордынский хан отказался от гонений против христиан после покушения на свою жизнь (путем поджога ночью его дворца в Сарая), помня о предыдущих «мольбах и призывах» понтифика, несмотря на то, что вина трех христиан была доказана в ходе расследования [27, р. 78]⁶⁴. Это послание папы было следствием единственного известного посольства хана Узбека, направленного в Авиньон⁶⁵. Помимо двух генуэзских вельмож (Петрано дель Орто и некоего Альберто), членом этого посольства был францисканец Илия из Венгрии⁶⁶, кто передал папе озабоченность Узбека в связи с возросшим числом пограничных конфликтов между его подчиненными и подданными королей Польши и Венгрии [27, р. 78]⁶⁷. Золотоордынский хан, очевидно, угрожал вторжением в Польшу, и папа заверял Узбека в своем послании, что сделает все от него зависящее для умиротворения конфликта и возмещения хану возможных убытков. Папа, однако, тактично умалчивал в данном случае тот факт, что за две недели до составле-

⁶⁰ См. явные сомнения в достоверности слов послов Узбека [1, с. 7; 33, р. 94–95; 79, р. 111].

⁶¹ Так, брат Иоганка писал в своем послании 1320 года, что прибыл в далекую «Баскардию» (на территории современного Башкортостана) за шесть лет до написания самого письма [62, р. 67].

⁶² Лишь тот же брат Иоганка утверждал, что он был брошен в тюрьму по требованию мусульман после того, как в ходе религиозного диспута, организованного при дворе «правителя Баскардии», он пытался доказать, что мусульманская религия являлась «нелепой и нечестивой». Показательно, однако, что он избежал смертного приговора, которого требовали местные мусульмане, благодаря «тартарским судьям» (дзаргучи), назначенным из Сарая и испытывавшим явные симпатии по отношению к христианству [62, р. 68].

⁶³ См. соответствующие послания папы Иоанна XXII от 28 марта 1318 года [26, р. 148], от 27 сентября 1323 года [20, р. 202–203] и от 1 октября 1333 года [26, р. 558]; как и послания папы Бенедикта XII от 13 июня 1338 года [27, р. 60], от 31 октября 1338 года [27, р. 64] и от 17 августа 1340 года [27, р. 77–78]. Однако в «вопросе» о звоне христианских колоколов хан Узбек предсказуемо уступил требованиям мусульман и запретил христианам Солдайи звонить в свои колокола (хотя, очевидно, позволил им это делать в Каффе в упомянутом выше ярлыке 1314 года [62, р. 65]), на что указывают буллы Иоанна XXII от 28 марта 1318 года и 27 сентября 1323 года [26, р. 148; 20, р. 202–203]. В свою очередь Ибн Баттута, не упоминавший звона христианских колоколов в Солхате, косвенно свидетельствует, что этот запрет распространялся и на столицу Крыма. Однако, по словам того же Ибн Баттуты, звон колоколов был разрешен в генуэзской Каффе, несмотря на присутствие там мусульманских резидентов [84, р. 470–472].

⁶⁴ К сожалению, у нас нет других сведений об этом покушении, кроме этого письма.

⁶⁵ В своем послании двумя годами ранее (13 июня 1338 года) папа Бенедикт XII предлагал Узбеку организовать обмен посольствами между Золотой Ордой и Авиньоном на постоянной основе [27, р. 60]. Однако Узбек откликнулся на этот призыв только при появлении чрезвычайного для этого повода.

⁶⁶ Брат Илия был приближенным старшего сына Узбека, Тинибека, на что указывает булла папы Бенедикта XII, адресованная самому Илие 31 октября 1338, как и его послание, адресованное Тинибеку 17 августа 1340 года [27, р. 65, 79].

⁶⁷ Беспокойство хана было связано с экспансионистской политикой польского короля Казимира III Великого, стремившегося присоединить к своим владениям Галичину и прервать выплату ежегодной дани Узбеку с этой территории. См. о вторжениях польских войск в Галичину в первой половине 1340 года, как и о последующем карательном походе татар на Польшу в начале 1341 года: «Хроникон поляков» Яна из Чарнкова [60, р. 621–622], хроникера Франтишека из Праги [40, р. 430–431], «Книгу достоверных историй» Иоганна из Виктринга [48, р. 218], хроникера Леобенского анонима [77, col. 958] и послание папы Бенедикта XII, адресованное епископу Кракова 29 июня 1341 года [39, р. 111–112. См. также 49, р. 210; 14, с. 163–164; 2, с. 47–48, 51–52; 15, с. 38; 5, с. 391].

ния этого послания он обнародовал другую буллу, адресованную польскому королю Казимиру III Великому с уведомлением о начале проповедования крестового похода в Польше, Венгрии и Богемии «против упомянутых выше тартар и любых других неверных», желавших или задумавших, по словам понтифика, напасть на королевство Польши [39, р. 102–105]. Как бы то ни было, данное посольство представляет собой интересный случай, когда хан Узбек прибег к посредничеству католического миссионера из своих владений, чтобы вступить в дипломатический контакт с авиньонским папой, и потенциальная возможность использования западных миссионеров в дипломатических сношениях с одним из самых влиятельных правителей Латинского мира должна была послужить мотивацией хана для предоставления им покровительства в своих владениях.

Более веским основанием для выражения благосклонности к католическим миссионерам хана Узбека, вероятно, послужило его стремление привлечь в свои владения итальянских купцов, приносивших значительные доходы ханской казне при выплате таможенных пошлин и налогов с коммерческих транзакций, которые они осуществляли в Золотой Орде. Западные торговцы, регулярно посещавшие владения Узбека и нередко становившиеся постоянными резидентами золотоордынских городов, стремились основать там латинские церкви и напрямую способствовали развитию католического миссионерства в Золотой Орде. В первую очередь их вклад в это развитие заключался в том, что они наладили почти бесперебойное морское сообщение между Европой и Крымом, позволявшее западным миссионерам достигать Золотой Орды без особых затруднений. В своем послании 1338 года испанский францисканец Пасхалий из Витории предоставлял по этому поводу наиболее характерное описание своего путешествия из Испании в Сарай, сначала через Авиньон в Венецию с промежуточным посещением базилики Святого Франциска в Ассизи и далее на венецианском грузовом судне в Перу и генуэзском корабле в Тану, откуда испанский минорит достиг Сарая в сопровождении греческих купцов [17, р. 532]. Также и в своем послании 1323 года францисканцы Каффы рекомендовали своим собратьям на западе добираться до Крыма в сопровождении венецианских купцов морским, а не «крайне труднопроходимым и опасным» путем по суше [61, р. 110–111]. Морской путь также выбрал в 1339 году и францисканец Джованни де' Мариньолли, возглавлявший многочисленное посольство папы Бенедикта XII к юаньскому хану Тогон-Тэмуру (1333–70), хотя брат Джованни предпочел добираться из Неаполя в Перу и далее в Тану на генуэзских судах⁶⁸.

Как указывал Иоганн Хильдесхаймский в своем трактате «О деяниях и свершениях трех святых царей» (после 1364 года), итальянские торговцы не только привозили с собой миссионеров на «тартарские» территории⁶⁹, но и «основывали для них обители при поддержке других торговцев и правоверных», и щедро предоставляли миссионерам все необходимое, в зависимости от того, какому из орденов они отдавали предпочтение⁷⁰. Согласно некрологам доминиканцев Франко из Перуджи и Джакомо Уголини, отправленных папой Бонифацием VIII в Крым вместе с другими братьями-проповедниками, в 1299 году братья Франко и Джакомо получили от генуэзцев в дар участок земли в Каффе и, вероятно, с их же помощью основали там свой конвент и построили церковь «к великому благоговению всего христианского люда» [52, р. 67–68]. И, несомненно, благодаря такой же непосредственной поддержке итальянских купцов францисканцы смогли покрыть сеть своих конвентов почти всю территорию Золотой Орды. Так, рассмотрение упомянутого выше списка «местопребываний меньших братьев» из кодекса Negro A. IX Британской библиотеки [44, р. 72; см. также 74, р. 94–95] ясно указывает на то, что францисканцы основали свои опорные пункты в главных городах Золотой Орды, постоянно посещавшихся западными торговцами.

Западные купцы, как и местные неофиты, регулярно участвовали в мессах в латинских церквях в Золотой Орде и, по всей видимости, щедро одаривали меньших братьев и доминиканцев милостыней⁷¹, которой, по словам брата Иоганки, как и францисканцев Каффы, хватало даже на то, чтобы покупать во владениях Узбека мальчиков-рабов и образовывать из них будущих священников местного происхождения [62, р. 67; 61, р. 109]. Тот же Иоганн Хильдесхаймский утверждал, что братья

⁶⁸ См. его «Хронику богемцев» [78, р. 526–527].

⁶⁹ Иоганн Хильдесхаймский, очевидно, стремился описать здесь ситуацию в Юаньской империи начала 40-х годов XIV века, но использовал сведения из Золотой Орды.

⁷⁰ См. кодекс XV века из Амброзианской библиотеки Милана C 70 inf., fol. 475^v; а также издание трактата [35, р. 299–300].

⁷¹ В своей булле *Gratias agimus gratiarum*, адресованной прелатам и братьям ордена проповедников 1 октября 1329 года, папа Иоанн XXII наделял доминиканцев, направлявшихся на восток, полномочиями поощрять таких жертвователей прощением «ста дней из наложенных на них покаяний» [29, р. 185–186].

учили таких мальчиков латыни и «объясняли им книги, содержавшие всю путаницу иудеев и еретиков и их предрассудки и заблуждения», из кого после этого процесса обучения выходили «превосходные ученые, любезные самому императору и другим царям и народам»⁷².

Возможно, пожертвования западных купцов иногда преследовали более прагматичные цели, принимая во внимание требование генерального магистра ордена братьев-проповедников Беренгера де Ландор, обращенное в 1312 году к «братьям, паломничавшим среди народов», прекратить «легко и безудержно освобождать от приговора отлучения от церкви» тех купцов, которые были уличены в запрещенной торговле с мамлюкским Египтом [59, р. 314]⁷³. Таким образом, присутствие «сговорчивых» католических миссионеров на востоке могло быть выгодно для торговцев и для продвижения их коммерческих интересов. Более важным, однако, представляется стремление итальянских купцов участвовать в религиозных службах, проводившихся в католических церквях и католическими священниками, которые являлись официальными представителями Святого престола на востоке. Благодаря этому западные торговцы могли позволить себе претендовать на особый статус в Золотой Орде и отстаивать свою первичную зависимость от верховного понтифика, в отличие от прочих подданных местных правителей. И следствием этого их стремления была их склонность способствовать возведению католических церквей на востоке и широкому распространению миссионерской деятельности францисканцев и доминиканцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев Д. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань: Издательский дом «Астраханский Кремль», 2007. 170 с.
2. Волощук М., Стасюк А. Про похід палатина Віллерма in Ruteniam у квітні 1340 р. // Вісник Прикарпатського університету. Історія. Івано-Франківськ: Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника, 2010. № 17. С. 46–54.
3. Григорьев В.В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. Историко-филологическое исследование. М.: В университетской типографии, 1842. 132 с.
4. Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV–XV вв. / Черепнин В.Л. (ред.). М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955. 527 с.
5. Пашуто В. Образование литовского государства. М.: АН СССР, 1959. 531 с.
6. Саргсян Т. Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). Симферополь: Сонат, 2010. 312 с.
7. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1884. xvi + 563 с.
8. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том 2: Извлечения из персидских сочинений / Ромаскевич А.А., Волин С.Л. (ред.). М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. 306 с.
9. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Миргалеев И.М., Сайфетдинова Э.Г., Хафизов С.Т. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
10. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Юдин В., Баранова Ю.Г., Абусейтова М.Х. (ред.). Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.
11. Фаверо М. Золотая Орда и Мамлюки // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография / Хакимов Р.С. и др. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 334–353.
12. Хамидова Ч. Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (2) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 868–880.
13. Хаутала Р. Ярлык Узбека францисканцам Золотой Орды 1314 года: латинский текст, русский перевод и комментарии // Золотоордынское обозрение. 2014. № 3. С. 31–48.
14. Черкас Б. Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV ст.). К.: Інститут історії України, 2014. 386 с.

⁷² См. упомянутый выше кодекс из Амброзианской библиотеки С 70 inf., fol. 475^v–476^r; а также издание трактата [35, р. 300].

⁷³ Магистр Беренгер также обвинял доминиканцев на Востоке в том, что они использовали деньги, полученные от таких купцов, в своих собственных целях, и, вероятно, имел в виду, что братья-проповедники позволяли себя делать инвестиции в торговые операции.

15. Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. К.: Наукова думка, 1987. 182 с.
16. Amitai-Preiss A. *Mongols and Mamluks: The Mamluk-İlkhanid War, 1260–1281*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. xv + 272 p.
17. *Analecta Franciscana sive chronica aliaque varia documenta ad historiam fratrum minorum spectantia*. Vol. III: *Chronica XXIV Generalium Ordinis Minorum*. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1897. xxvii + 748 p.
18. *Analecta Franciscana sive chronica aliaque varia documenta ad historiam fratrum minorum spectantia*. Vol. IV: *De conformitate vitae Beati Francisci ad vitam Domini Iesu auctore Fr. Bartholomaeo de Pisa. Liber I. Fructus I–XII*. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1906. xxxv + 668 p.
19. *Annales ecclesiastici Caesaris Baronii*. Tom. XXIII: 1286–1312 / Rinaldi O., Laderchi G. (eds). Barri-Ducis, Parisiis, Friburgi Helv.: Ex typis consociationis Sancti Pauli, 1871. vi + 555 p.
20. *Annales ecclesiastici Caesaris Baronii*. Tom. XXIV: 1313–1333 / Rinaldi O., Laderchi G. (eds). Barri-Ducis, Parisiis, Friburgi Helv.: Ex typis consociationis Sancti Pauli, 1880. vi + 540 p.
21. Bihl M. *De duabus epistolis fratrum minorum Tartariae Aquilonaris an. 1323* // *Archivum Franciscanum Historicum*. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923. Tomus 16. Fasc. 1–2. P. 89–103.
22. Biran M. *Qaidu and the Rise of the Independent Mongol State in Central Asia*. Richmond: Curzon Press, 1997. x + 198 p.
23. *Bullarii Franciscani epitome, sive summa bullarum in ejusdem bullarii quattuor prioribus tomis relatarum* / Eubel K. (ed.). Apud Claras Aquas: Coll. S. Bonaventurae, 1908. 349 p.
24. *Bullarium Franciscanum Romanorum Pontificum constitutiones, epistolas ac diplomata continens tribus Ordinibus Minorum, Clarissarum et Poenitentium a Seraphico Patriarcha Sancto Francisco institutis concessa ab illorum exordio ad nostra usque tempora*. Vol. I: *Ab Honorio III. ad Innocentium III.* / Sbaralea J.H. (ed.). Roma: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1761. xlv + 798 p.
25. *Bullarium Franciscanum Romanorum Pontificum constitutiones, epistolas ac diplomata continens tribus Ordinibus Minorum, Clarissarum et Poenitentium a Seraphico Patriarcha Sancto Francisco institutis concessa ab illorum exordio ad nostra usque tempora*. Vol. II: *Referens ea, quae Alexandri et Urbani III. sunt* / Sbaralea J.H. (ed.). Roma: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1761. xxviii + 595 p.
26. *Bullarium Franciscanum Romanorum Pontificum constitutiones, epistolae, diplomata tribus Ordinibus Minorum, Clarissarum et Poenitentium a Seraphico Patriarcha Sancto Francisco ab eorum originibus ad nostra usque tempora concessa*. Vol. V: *Benedicti XI, Clementis V, Ioannis XXII monumenta* / Eubel C. (ed.). Romae: Typis Vaticanis, 1898. lii + 643 p.
27. *Bullarium Franciscanum Romanorum Pontificum constitutiones, epistolae, diplomata tribus Ordinibus Minorum, Clarissarum et Poenitentium a Seraphico Patriarcha Sancto Francisco ab eorum originibus ad nostra usque tempora concessa*. Vol. VI: *Benedicti XII, Clementis VI, Innocenti VI, Urbani V, Gregorii XI documenta* / Eubel C. (ed.). Romae: Typis Vaticanis, 1902. liv + 687 p.
28. *Bullarium Ordinis Fratrum Praedicatorum*. Vol. I: *Ab anno 1215 ad 1280* / Ripoll T. (ed.). Romae: Ex typografia Hieronymi Mainardi, 1729. lxxviii + 614 p.
29. *Bullarium Ordinis Fratrum Praedicatorum*. Vol. II: *Ab anno 1281 ad 1430* / Ripoll T. (ed.). Romae: Ex typografia Hieronymi Mainardi, 1730. xii + 746 p.
30. Ciocîltan V. *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries* / Willcocks S. (tr.). Leiden, Boston: Brill, 2012. 321 p.
31. *Continuazione della Cronaca di Jacopo da Varagine* / Promis V. (ed.) // *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. Genova: Tipografia del Reale Istituto sordo-muti, 1876. Vol. 10. Fasc. IV. P. 493–512.
32. Daniel E.R. *The Franciscan Concept of Mission in the High Middle Ages*. Lexington: University Press of Kentucky, 1975. 168 p.
33. DeWeese D.A. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. University Park: Pennsylvania State University Press, 1994. xvii + 638 p.
34. Dörrie H. *Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen: Die Missionsreisen des fr. Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234/5) und nach Russland (1237): und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tartaren* // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen; Philologisch-Historische Klasse*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1956. № 6. S. 125–202.
35. *An Early English Translation of the “Historia trium regum” by John of Hildesheim* / Horstmann C. (ed.). London: Published for the Early English Text Society by N. Trübner, 1886. xxi + 312 p.
36. *Fontes Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III. Vol. III: Acta Honorii III (1216–1227) et Gregorii IX (1227–1241)* / Täutu A.L. (ed.). Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1950. xxiv + 400 p.

37. Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III. Vol. V. Tom. 2: Acta Romanorum pontificum ab Innocentio V ad Benedictum XI (1276–1304) / Delorme F.M., Täutu A.L. (eds). Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1954. xvi + 295 p.
38. Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III. Vol. VII. Tom. 2: Acta Ioannis XXII (1317–1334) / Täutu A.L. (ed.). Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1952. xix + 302 p.
39. Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III. Vol. VIII: Acta Benedicti P.P. XII (1334–1342) / Täutu A.L. (ed.). Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1958. xv + 258 p.
40. Fontes rerum Bohemicarum = Prameny dějin českých. Vol. IV / Emler J. (ed.). V Praze: Nákladem nadání Františka Palackého, 1884. xxviii + 572 p.
41. Fragmenta minora: catalogus sanctorum fratrum minorum quem scriptum circa 1335 edidit notisque illustravit fr. Leonardus Lemmens. Romae: Typis Sallustianis, 1903. xvi + 54 p.
42. Franchi A. Il Concilio II di Lione (1274) secondo la Ordinatio Concilii Generalis Lugdunensis. Roma: Edizioni francescane, 1965. 188 p.
43. Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Tomo I: Il secolo decimoterzo (1215–1300). Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1906. viii + 479 p.
44. Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Tomo II: Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1913. iv + 641 p.
45. Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Tomo III: Dal 1300 al 1332. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1919. vi + 496 p.
46. Guglielmo di Rubruk. Viaggio in Mongolia / Chiesa P. (ed.). Milano: Fondazione Lorenzo Valla / Arnoldo Mondadori editore, 2011. xcvi + 530 p.
47. Imposicio Officii Gazariae / Sauli L. (ed.) // Monumenta Historiae Patriae. Leges municipales. Vol. I. Avgvstae Tavrino: E regio typographeo, 1838. Cols. 297–430.
48. Iohannis abbatis Victoriensis Liber certarum historiarum. Vol. II: Libri IV–VI / Schneider F. (ed.). Hannoverae, Lipsiae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1910. 343 p.
49. Jackson P. The Mongols and the West, 1221–1410. London and New York: Routledge, 2014. 449 p.
50. Kovács Sz. The Franciscans and Yaylaq Khatun // Acta Orientalia Vilnensia. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2016. Vol. 13. P. 45–59.
51. Loenertz R.-J. Deux évêques dominicains de Caffa. Frère Thaddée d'Arménie et Frère Matthieu Manni de Cortone // Archivum Fratrum Praedicatorum. Romae: Institutum Historicum Fratrum Praedicatorum Romae ad S. Sabinae, 1935. Vol. V. P. 346–357.
52. Loenertz R.-J. Les Missions dominicaines en Orient au XIVe siècle et la Société des Frères pèlerins pour le Christ // Archivum Fratrum Praedicatorum. Romae: Institutum Historicum Fratrum Praedicatorum Romae ad S. Sabinae, 1932. Vol. II. P. 1–83.
53. Lupprian K.E. Die Beziehungen der Päpste zu islamischen und mongolischen Herrschern im 13. Jahrhundert anhand ihres Briefwechsels. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1981. 328 s.
54. Marianus de Florentia. Compendium Chronicarum Fratrum Minorum / Domenichelli T. (ed.) // Archivum Franciscanum Historicum. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1909. Annus II. Fasc. IV. P. 626–641.
55. Matanić A. Bulla missionaria “Cum hora jam undecima” ejusque juridicum “Directorium apparatus” // Archivum Franciscanum Historicum. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1957. Vol. 50. P. 364–378.
56. Matthaei Parisiensis, monachi Sancti Albani, Chronica majora. Vol. III: A.D. 1216 to A.D. 1239 / Luard H.R. (ed.). London: Longman Publishing, 1877. xxx + 640 p.
57. Meyvaert P. An Unknown Letter of Hulagu, Il-khan of Persia, to King Louis IX of France // Viator: Medieval and Renaissance Studies. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1980. Vol. 11. No. 1. P. 245–263.
58. Monumenta Ordinis Fratrum Praedicatorum historica. Tomus I: Fratris Gerardi de Fracheto O.P. Vitae Fratrum Ordinis Praedicatorum necnon Cronica Ordinis ab anno MCCIII usque ad MCCLIV / Reichert B.M. (ed.). Lovanii: Typis E. Charpentier & J. Schoonjans, 1896. xxiv + 362 p.
59. Monumenta Ordinis Fratrum Praedicatorum historica. Tomus V: Litterae encyclicae magistrorum generalium Ordinis Praedicatorum ab anno 1233 usque ad annum 1376 / Reichert B.M. (ed.). Romae: Ex typografia polyglotta S.C. de Propaganda Fidei, 1900. 7 + 347 p.
60. Monumenta Poloniae historica = Pomniki dziejowe Polski. Tomus II / Bielowski A. (ed.). Lwów: Nakładem własnym, 1872. xxvi + 998 p.
61. Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323 // Archivum Franciscanum Historicum. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923. Tomus 16. Fasc. 1–2. P. 104–112.
62. Moule A.C. Textus trium novorum documentorum e Tartaria Aquilonari an. 1314–1322 // Archivum Franciscanum Historicum. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924. No. 17. P. 65–71.
63. Muldoon J. Popes, Lawyers, and Infidels. Liverpool: Liverpool University Press, 1979. xi + 212 p.

64. Pelliot P. Les Mongols et la Papauté // *Revue de l'Orient chrétien*. Paris: Bureau des Oeuvres d'Orient, 1931–1932. Vol. 28. P. 3–84 [141–222].
65. Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'or: suivies de quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en "ar". Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, Adrien Maisonneuve, 1949. 292 p.
66. Pelliot P. Zacharie de Saint-Thaddée et Zacharie Sэфѣдиніан // *Revue de l'histoire des religions*. Paris: Association de la Revue de l'histoire des religions, 1943. Vol. 126. P. 150–154.
67. Powell J.M. *Anatomy of a Crusade, 1213–1221*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1986. xix + 287 p.
68. Power A. *Roger Bacon and the Defence of Christendom*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. x + 303 p.
69. *Provinciale ordinis fratrum minorum vetustissimum secundum codicem Vaticanum nr. 1960* / Eubel C. (ed.). Apud Claras Aquas: Coll. S. Bonaventurae, 1892. 90 p.
70. Riccold da Monte Croce. *Pérégrination en Terre Sainte et au Proche Orient: texte latin et traduction. Lettres sur la chute de Saint-Jean D'Acre: traduction / Kappler R.* (ed.). Paris: H. Champion, 1997. 271 p.
71. Richard J. *Chrétiens et Mongols au Concile: La Papauté et les Mongols de Perse dans la seconde moitié du XIIIe siècle // 1274, année charnière: mutations et continuités: [actes du colloque international] Lyon–Paris, 30 septembre – 5 octobre 1974 / Mollat M.M.* (ed.). Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1977. P. 31–43.
72. Richard J. *Deux évêques dominicains agents de l'Union arménienne au Moyen Âge // Archivum Fratrum Praedicatorum. Romae: Institutum Historicum Fratrum Praedicatorum Romae ad S. Sabinae, 1949. Vol. 19. P. 255–265.*
73. Richard J. *The Missions to the North of the Black Sea (Thirteenth to Fifteenth centuries) // The Spiritual Expansion of Medieval Latin Christendom: The Asia Missions / Ryan J.D.* (ed.). Franham: Ashgate, 2013. P. 343–356.
74. Richard J. *La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Âge (XIIIe–XVe siècles)*. Rome: École Française de Rome, 1977. xxxiv + 331 p.
75. Schiel Ju. *Mongolensturm und Fall Konstantinopels: dominikanische Erzählungen im diachronen Vergleich*. Berlin: Akademie Verlag, 2011. 428 s.
76. Schmieder F. *Cum hora undecima: The Incorporation of Asia into the Orbis Christianus // Christianizing Peoples and Converting Individuals / Armstrong G., Wood I.N.* (eds). Turnhout: Brepols Publishers, 2000. P. 259–265.
77. *Scriptores rerum Austriacarum veteres ac genuini. Tomus I / Pez H.* (ed.). Lipsiae: Gleditsch, 1721. cxxiv p. + 1310 cols.
78. *Sinica Franciscana. Vol. I: Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV / Wyngaert A. van den. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1929. cxvii + 637 p.*
79. Sinor D. *Some Latin Sources on the Khanate of Uzbek // Essays on Uzbek History, Culture, and Language / Nazarov B., Sinor D., DeWeese D.A.* (eds). Bloomington: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 1993. P. 110–119.
80. Soranzo G. *Il Papato, l'Europa cristiana e i Tartari*. Milano: Vita e pensiero, Pubblicazioni dell'Università Cattolica del Sacro Cuore, 1930. xii + 624 p.
81. Starzer A., Redlich O. *Eine Wiener Briefsammlung zur Geschichte des Deutschen Reiches und der Österreichischen Länder in der zweiten Hälfte des XIII. Jahrhunderts*. Wien: In Commission bei F. Tempsky, 1894. lvi + 422 s.
82. Tanase T. *Frère Jérôme de Catalogne, premier évêque de Caffa, et l'Orient franciscain // Espaces et Réseaux en Méditerranée VIe–XVIe siècle. Vol. II: La formation des réseaux / Coulon D. et al.* (eds). Paris: Éditions Bouchène, 2010. P. 127–165.
83. Tanase T. *Le «khan» Nogai et la géopolitique de la mer Noire en 1287 à travers un document missionnaire: la lettre de Ladislas, custode de Gazarie // Annuario dell'Istituto romeno di cultura e ricerca umanistica di Venezia. Venezia, Bucarest: Casa editrice dell'Istituto culturale romeno, 2003. № 5. P. 113–131.*
84. *The Travels of Ibn Baṭṭūṭa, A.D. 1325–1354. Vol. II / Gibb H.A.R.* (tr.). Cambridge: Published for the Hakluyt Society at the University Press, 1959. xii + 286 p.
85. *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia. Vol. I: Ab Honorio PP. III. usque ad Clementem PP. VI, 1216–1352 / Theiner A.* (ed.). Romae: Typis Vaticanis, 1859. xlii + 837 p.

Сведения об авторе: Роман Хаутала – Ph.D. (история), старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу (Оулу, Финляндия), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107>, ResearcherID: H-9114-2016. E-mail: romanhautala@gmail.com

**THE FRANCISCANS AND DOMINICANS IN THE GOLDEN HORDE:
THE DEVELOPMENT OF MISSIONARY ACTIVITY
UNTIL THE MID-FOURTEENTH CENTURY**

Roman Hautala

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences,
University of Oulu, Finland*

Abstract. Research objectives: To both set the date for the appearance of Latin missionaries in the Jochid ulus and describe the gradual process of growth of the preaching activity of the Franciscans and Dominicans in the Golden Horde until the reign of Uzbek Khan.

Research materials: Reports of Latin missionaries compiled in the Golden Horde and addressed to the leadership of their mendicant orders in the west; papal bulls addressed to Latin missionaries in the Golden Horde and local rulers and residents converted to Catholicism through the work of European missionaries; chronicles of Franciscan authors compiled in Europe, but based on information from the Golden Horde.

Research novelty: A detailed analysis of written sources that were not previously used in the study of the religious policy of the Golden Horde rulers, as well as a comparison of information from these sources with medieval Muslim, Armenian and Russian sources.

Research results: Apparently, for the first time, Franciscans settled in the Jochid ulus around the mid-1270s, although the first reliable testimony of their intensive missionary activity dates back to 1287. By this time, Latin missionaries had established their convents in five cities of the Golden Horde, and several years later they were able to convert Kutukan, the brother of Toqta Khan, to Christianity. Thus, the Franciscans enjoyed the patronage of the members of the Jochid elite, and by the time of Uzbek Khan, they had established convents in all the main cities of the Golden Horde. In addition to the patronage of the Golden Horde rulers, the material support of Western merchants and local neophytes was a major factor contributing to the development of Latin missionary work in the Jochid ulus.

Keywords: Golden Horde history, religious policy of the Mongol khans, Latin missionary activity in the Middle Ages, Mendicant orders in the east, Latin sources

About the author: Roman Hautala – Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland); ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107>, ResearcherID: H-9114-2016. E-mail: romanhautala@gmail.com

МУСУЛЬМАНСКИЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СТАРОГО КРЫМА (XIII–XV вв.)

М.А. Усеинов

Крымский научный центр
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

В статье дается краткая характеристика эпитафических памятников Старого Крыма относящихся к XIII–XV вв. Исследование лапидарных памятников позволяет проследить отдельные аспекты социальных, экономических, религиозных, миграционных процессов протекавших на Крымском полуострове. Значительную часть эпитафики города Кырым/Солхат составляют надмогильные памятники различных типов. Приведена краткая типология надгробий, представлены образцы наиболее ранних мусульманских эпитафических памятников относящихся ко второй половине XIII в., примеры надгробий ученых нашедших последний покой на территории города. В работе отображены наиболее характерные эпитафии и некоторые особенности оформления памятников.

Ключевые слова: Старый Крым, Солхат, Золотая Орда, эпитафика, мусульманские надмогильные памятники

В изучении истории средневекового Крыма, наряду с письменными и археологическими источниками большую ценность представляют эпитафические памятники. В ряду эпитафического материала, среди которого встречаются надписи на металле, тканях, керамике, дереве, значительное количество составляют лапидарные¹ памятники. В данной работе рассмотрены лапидарные памятники, обнаруженные на территории города Старый Крым относящиеся к периоду Золотой Орды и раннего Крымского ханства (XIII–XV вв.)

Изучение лапидарных памятников позволяет пролить свет на некоторые подробности из жизни средневекового города, выявить особенности религиозных воззрений, обычаев и традиций, торговые и культурные связи жителей города. Большую ценность представляют памятники имеющие датировку. Они позволяют хронологически связать памятники с определенными событиями в истории города.

Эпитафические памятники Старого Крыма упоминали в своих работах исследователи конца XVIII–XIX века П.С. Паллас, П.И. Кёппен, Н.Н. Мурзакевич, В.Д. Смирнов, А.И. Маркевич, Ю.А. Кулаковский и др. Все авторы отмечали варварское разграбление и уничтожение памятников Старого Крыма, плачевное состояние сохранившихся развалин. Указывали на важность более детального изучения еще сохранившихся памятников города, в том числе эпитафического материала [8, с. 124].

Систематические исследования эпитафики Старого Крыма были начаты в 20-е гг. XX в. В экспедициях под руководством И.Н. Бороздина принимали участие А.С. Башкиров, У. Боданинский, О.-Н.А. Акчокраклы, П.И. Голландский, Н.Л. Эрнст и др., Параллельно раскопкам велась работа по сбору эпитафического материала. Экспедицией 1925–1926 гг. на территории города были собраны 145 экземпляров эпитафических памятников [1, с. 5], в 1928 г. были обнаружены и изучены 175 экземпляров лапидарных памятников [2, с. 152]. Археологические экспедиции 1925–1928 гг. собрали богатейший эпитафический материал, выявили огромный пласт материальной культуры связанный с золотоордынским периодом. О многих наиболее интересных эпитафических памятниках города, мы сегодня знаем, лишь благодаря работе этих экспедиций. После репрессий 30-х гг. XX в., а затем выселения крымских татар в 1944 г. работа по изучению лапидарных памятников полуострова прекращается, а памятники на долгие годы предаются забвению. В эти же годы теряются следы большей части эпитафической коллекции.

В 1978 году с началом работы в городе Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа (СКАЭ ГЭ) под руководством Марка Григорьевича Крамаровского исследование истории города Кырым/Солхат получает новый импульс. В первый же год раскопок экспедиция

¹ Лапидарный – (от лат. Lapidarius), каменный, высеченный на камне.

находит и извлекает из-под земли 83 экземпляра эпитафических памятников из коллекции собранной У. Боданинским в 20-е гг. XX в. За более чем 40 лет работы экспедиции СКАЭ ГЭ, в результате раскопок на территории мечетей, медресе, древних кладбищ были обнаружены десятки новых эпитафических памятников [6, с. 149].

Коллекция эпитафических памятников постоянно пополняется местными жителями, которые находят фрагменты лапидарных памятников во время земляных работ и при разборе ветхих строений. Эти памятники переносятся к мечети хана Узбека, где за многие годы сформировался импровизированный «лапидарий» под открытым небом.

До наших дней дошла лишь малая часть эпитафики Крыма. К сожалению, как отмечали еще исследователи XIX в., начиная с конца XVIII в. тысячи надгробных камней с кладбищ были уничтожены местными жителями. Хищническое разграбление местным населением особенно коснулось памятников и кладбищ Старого Крыма. Надгробия использовались для строительства домов, хозяйственных построек, лестниц. [8, с. 125; 11, с. 278]. Оно продолжалось и в XX веке, как писал О. Акчокраклы: «Тысячи надгробий с датами и надписями пошли на постройку заборов, лестниц, клозетов и в самое последнее довоенное² время на шоссирование феодосийского почтового тракта» [1, с. 8].

Характерен текст из акта обследования исторических мест и памятников Старого Крыма от 24 августа 1926 г. подписанный архитектором Б. Засыпкиным, проф. П. Голланским, членами научной экспедиции О. Акчокраклы и У. Боданинским и председателем КрымОХРИСа Э. Бэрмом. В заключение акта, ученые констатируют: «Общие впечатления от всех памятников, это невиданное хищничество местных жителей, которые до сих пор продолжают разбирать древние здания и увозить с кладбища надгробия...» [10, с. 137–138].

На сегодняшний день известно более 380 лапидарных памятников и их фрагментов, относящихся к периоду Золотой Орды и раннего Крымского ханства. Более 200 из них имеют надписи. К сожалению, большое количество надписей представляют собой лишь короткие фрагменты, состоящие из нескольких слов или даже букв. Значительную часть памятников составляют надмогильные камни различных типов (более 280), из них на 165-ти есть фрагменты текстов. Зафиксировано около сотни архитектурных фрагментов, многие из которых с эпитафикой, также закладные камни (*тари-хи*) мечетей, дюрбе, в том числе, надпись на портале и михрабе мечети хана Узбека.

Первые упоминания о мусульманских эпитафических памятниках Крыма мы находим у Эвлия Челеби. В 1666–1667 гг. при посещении Кырыма/Солхата он записал несколько посвященных надписей (*китабе*³) на постройках Старого Крыма. Одна из них оказалась самой древней известной мусульманской надписью в Крыму. Эвлия Челеби передает надпись над дверью мечети Эль-Хаджи Умара, находившуюся рядом со средневековым рынком:

«Приказал построить эту мечеть слабый раб Бей Хаджи Умар аль-Бухари, в месяце Зуль-када в году 661 (сент.-окт. 1263)» [14, с. 168].

Таким образом, в городе еще за несколько лет до прихода сюда Изз-ад-дина Кейкавуса II, с которым связывают распространение сельджукского культурного влияния на полуострове, существовала построенная выходцем из Бухары мечеть и мусульманская община.

Хронологические рамки датированных эпитафических памятников – последняя треть XIII–XV вв. Основная масса датированных эпитафических памятников относится ко второй пол. XIV – перв. пол. XV века.

Самая ранняя зафиксированная дата на надгробии, относится к 672 г. Х. (1274 г.). Памятник был обнаружен в 1925 г и представлял собой фрагмент саркофага с килевидным верхом и с одним сохранившимся полукруглым «рогом». В дневнике У. Боданинского сообщается, что надгробие было найдено «около руин между русской церковью и 7-летней школой» [13, л. 21]. Надпись на камне сообщает: **«Это могила славной и благородной женщины Иззун-Ниса, дочери Шейха Мушеррефа, Месяца Джамади Ахир, 672 г. (?) (1273)»** (Прочтение О.-Н. Акчокраклы, № 142 [1, с. 15]). Сохранился рисунок этого надгробия, сделанный Усеином Боданинским и запись в его дневнике (Рис. 1) [13, л. 21]. К сожалению, памятник утерян и проверить точность прочтения даты XIII в. пока не представляется возможным.

² Имеется в виду Первая мировая война (1914–1918).

³ Китабе (араб. كتابة – *надпись, письмо*) – прямоугольная или фигурная панель с надписями арабской графикой на стене здания, сообщающая о заказчике строительства, или строителе и дате постройки.

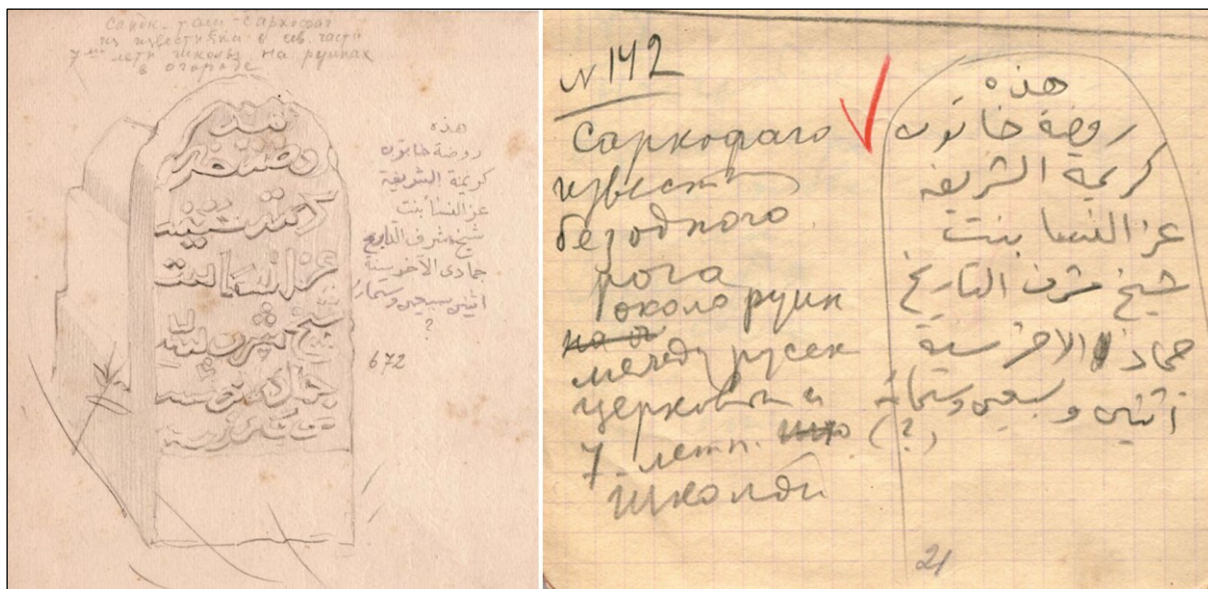

Рис. 1. Рисунок надгробия 1273 г. (№ 150) и запись в дневнике У. Боданинского (Из фондов БИКАМЗ)

Наиболее ранний сохранившийся до нашего времени памятник относится к 690 г. по хиджре (1291 г.). Фрагмент надгробия впервые упоминается в 1924 г. [12, с. 91], затем повторно фиксируется экспедицией У. Боданинского в 1928 г. в «подземном купольном погребальном склепе, на участке бывш. Араманова, в северной части линии городских стен» [2, с. 153]. Памятник представляет собой фрагмент саркофага с килевидным верхом. Текст расположен на верхних скатах саркофага, боковые стороны украшены орнаментом и розетками. Сохранилась часть текста на арабском языке:

... هذا روضة ال

Перевод: *Это могила (райский сад)*

[فى تا] ريخ تسعن و ستمائة

Перевод: *Дата 690 г. Х. (1291 г.)*

Памятник был повторно обнаружен экспедицией СКАЭ ГЭ в 1978 г. на территории медресе Инджи-бек хатун, хранится в «Литературно-художественном музее» г. Старый Крым (Рис. 2).

Рис. 2. Фрагмент саркофага с датой 690 г. Х. (1291 г.)
Литературно-художественный музей. г. Старый Крым. Фото 2019 г.

В работах О.-Н.Акчокраклы и У. Боданинского выделены некоторые типы старокрымских надмогильных памятников золотоордынского периода. Встречаются названия типов надгробий: саркофаг; круглые, шестиугольные, восьмиугольные тумбы; плоские надмогильные камни [1, с. 7; 3; 12]. «Плоские со стрельчатым, или килевидным верхом, женские надгробия». «Вертикальные круглые и восьмигранные с фигурным навершием, в виде остроконечной шапки (мужские)» [2, с. 153]. В дневниках У. Боданинского встречаются крымскотатарские названия некоторых типов надмогильных памятников: *чатал* – двурогие надгробия-саркофаги; *сандык-таш* – двурогие и безрогие саркофаги; *бешик* – небольшие двурогие надгробия, напоминающие детскую люльку(?) [12; 13]. Подробную эволюцию двурогих саркофагов Эски-Юрта (г. Бахчисарай) типологически схожих с надгробиями Старого Крыма приводят в своей работе А. Башкиров и У. Боданинский [3].

На сегодняшний день можно выделить краткую типологию надгробий:

I. Восьмигранные тумбы (мужские). Подтипы различаются как формой памятника, так и содержанием надписи: 1) с навершием, текст с именем погребенного; 2) без навершия, текст содержит только дату;

II. Цилиндрические тумбы (мужские) Подтипы: (с навершием в форме полусферы; без навершия).

III. Плоские стелы со стрельчатым верхом (в основном женские). Подтипы различаются содержанием надписи: 1) с именем погребенной; 2) текст содержит только дату.

IV. Саркофаги. Подтипы: (двурогие; безрогие).

V. Составные надгробия. Подтипы: (плоские стелы, скрепленные боковыми плитами, поставленными на ребро; плоские стелы, приставленные с торцов к горизонтальному саркофагу).

Встречаются как довольно грубо и примитивно сделанные надписи, часто из-за этого плохо читаемые, так и прекрасно скомпонованные, искусно оформленные надписи, восхищающие своим безупречным каллиграфическим исполнением.

Основная масса надписей на памятниках на арабском языке, есть некоторое количество на тюркском языке (чагатайском наречии).

Значительная часть текстов на надгробиях обычно более лаконична, чем на надгробиях Поволжья, Кавказа или Малой Азии, того же периода. Камни содержат стандартную эпитафию на арабском языке. Обычно эпитафия начинается со слов: «Это могила покойного(й), прощеного(й)...», дальше следует имя, отчество, иногда нисба и дата смерти, написанная прописью.

Однако имеются и достаточно пространные примеры эпитафических памятников, на которых высечены *аяты* из Корана или *хадисы*⁴. Чаще всего это аят «Аль-Курси» – 255-й аят из суры «Бакара» (2:255); 18–19-й аяты из суры «Али Имран» (3:18–19). 26–27-й аят суры «Рахман»: **«Все кто на ней (земле) тленны (смертны), вечен лишь Лик Господа твоего, обладающий величием и великодушием (щедростью). (55:26–27)»**.

Весьма распространено использование в текстах на надгробиях хадисов (высказываний Пророка Мухаммада с.а.с.), текст начинается словами:

قال النبي عليه و السلام الصلوة

Kalennebiyü Aleyhisselatü ves-selam

Перевод: «Сказал Пророк, да благословит его Аллах и приветствует...».

В большинстве случаев, далее вместо хадиса следует сильно перефразированное выражение, сохраняющее только часть смысла высказывания пророка Мухаммада (с.а.с.). Такие эпитафии чаще всего встречаются на цилиндрических надгробиях и саркофагах. Наиболее распространенный пример высказывания:

الموت كاسن كل ناس شاربه والقبر باب و كل ناس داخله

El-mevtu ke-sün külli nâsi şaribuhü ve'l-kabru bâbun ve külli nâsi dâhiluhu.

Перевод: «Смерть – чаши и каждый отпьет из нее, могила – дверь и каждый войдет в нее».

Содержание эпитафий показывает отношение жителей города к человеческой жизни, как чему-то мимолетному, скоротечному, временному. Делается акцент на неизбежности смерти, и на деяниях, которые могут иметь ценность после смерти.

⁴ Хадис (араб. الحديث) – переданное сообщение о словах и действиях пророка Мухаммада (с.а.с.), затрагивающее различные стороны жизни мусульманской общины.

На надгробиях встречаются как традиционные исламские имена, распространенные и сегодня, так и тюркские имена. Среди тюркских имен встречаются: *Байрам, Урус, Кутлу, Буджук, Лачин, Тутук, Бахиш, Тогай* и др.

Среди мусульманских имен, наиболее распространенные: *Абдулла, Мухаммед, Муса, Али, Ильяс, Ахмед, Махмуд, Айше, Девлет, Фатима* и др. Много памятников с достаточно редкими сегодня, но распространенными в средневековье именами с окончанием «эд-дин»: *Бага-уд-дин, Кутб-эд-дин, Шахаб-эд-дин, Тадж-эд-дин, Фахр-эд-дин, Хусам-эд-дин* и др. Есть примеры надгробий, на которых перед именем распространенная до сих пор у крымских татар приставка к имени – «*Сеид*» (в исламской традиции означающая принадлежность к потомкам рода Пророка Мухаммеда, через его внука Хусейна, либо иногда обозначающая высокий статус человека в обществе). Например, восьмигранное надгробие с именем *Сеид-Али сын Сеида*.

В Старом Крыму можно отметить целый ряд памятников, надписи на которых указывают на присутствие в городе людей обладавших религиозными знаниями. На надгробиях достаточно часто встречаются слова: *шейх* – почетное, уважительное звание учителя, либо главы религиозно-мистического братства; *ходжа* – учитель; *хаджи* – человек, совершивший важный элемент поклонения в Исламе – паломничество в Мекку; *ахи* – член религиозно-мистических течений (братств). Это подтверждает письменные источники о распространенности религиозных наук и ученых, а также учителей в городе Крым/Солхат.

Анализ эпитафического материала дает нам информацию о развитии не только религиозных наук. Один из интересных примеров – цилиндрическое надгробие астронома/астролога⁵ *Уруса хаджи бин Хасана* с загадочным рисунком на верхней полусфере наверху.

Текст на надгробии:

هذا قبر المرحوم المغفور منجم

اوروس خواجه بن حسن

Перевод: *Могила покойного астронома (астролога) Урус-хаджи, сына Хасана*

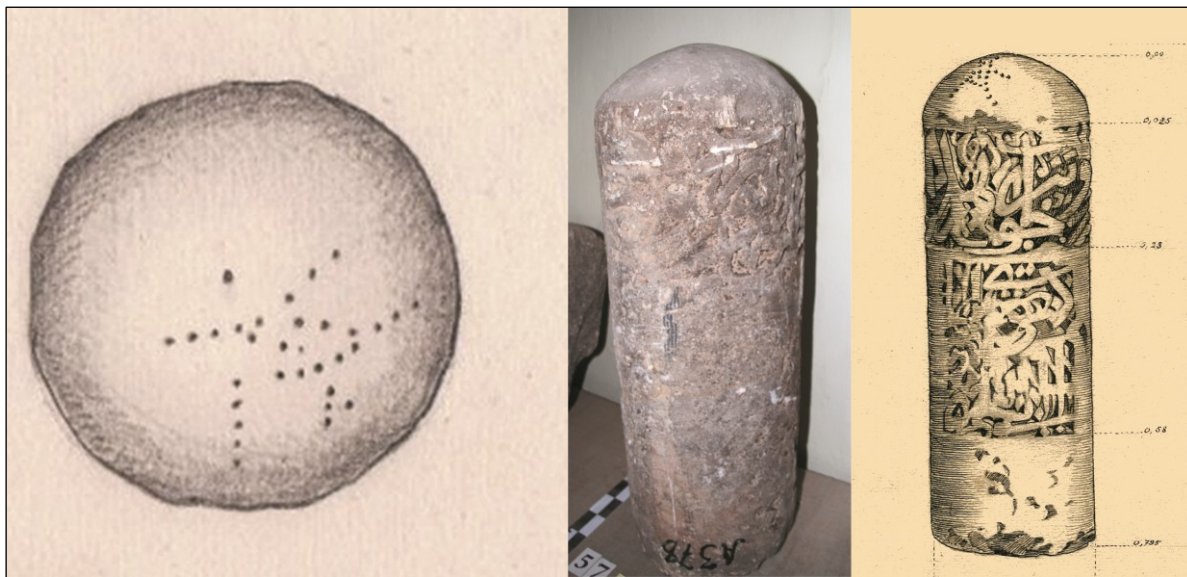

Рис. 3. Рисунки У. Боданинского № 145, 313 с изображением памятника астронома Урус-хаджи сына Хасана и узора на навершии (Из фондов БИКАМЗ), и современное состояние памятника (фото 2019 г.)

Сохранились рисунки Усеина Боданинского этого надгробия, с изображением маленьких углублений образующих определенный узор на навершии памятника (Рис. 3). Изображение ли это созвездия, или группы созвездий, неизвестно, и этот вопрос остается открытым. По крайней мере, отождествить этот рисунок с каким-либо известным созвездием пока не удалось. Возможно, это вид час-

⁵ В эпитафии используется слово – منجم (мунаджм). Наджм – (араб. звезда).

ти небесной сферы в определенный момент времени(?). Маловероятно, что цепочки углублений на камне – это разметка для нанесения орнамента незаконченная мастером-камнетесом, так как цепочки точек, проставленные на камне, не совпадают ни с радиальными, ни со спиральными линиями, характерными для наверхий подобных надгробий Старого Крыма.

В Старом Крыму присутствует ряд примеров надмогильных памятников ученых-богословов, которые были родом из различных уголков мусульманского Востока, но видимо прожили часть жизни и нашли последнее пристанище на кладбищах Крыма. Одним из таких примеров является мраморное цилиндрическое надгробие с навершием в форме полусферы *Эмира Омера (Умара) Халеби*.

Надпись расположена в боковой нише, текст рельефный, на арабском языке. Сохранность текста очень плохая, но сохранилась фотография 1925 г. по которой можно сверить надпись с прочтением О.-Н. Акчокраклы [9, с. 419].

Текст на надгробии:

توف المرجم ملك الخلفا
حلبى امير عمر طاب ثراه
فى ربيع الاول
سنت ست خمسن وسبعمانه

Перевод:

**Умер глава духовных подвижников Эмир Омер Халеппский,
Да будет земля его приятной. Месяца Раби уль-Авваль, 756 г. Х. (1355 г.)**

(Прочтение О.-Н. Акчокраклы, № 26 в статье Акчокраклы, приведен адаптированный вариант перевода) [1, с. 12].

Надгробие хранится во дворе мечети хана Узбека в г. Старый Крым (Рис. 4).

Рис. 4. Надгробие Эмира Омера (Умара) Халеппского. 756 г.х. (1355 г.)
Фото 1925 г. и современное состояние памятника (фото 2017 г.)

Нахождение города Крым/Солхат на интенсивных торговых путях неизбежно вело к значительным миграционным процессам, которые подтверждаются наличием на памятниках большого количества *нисб*⁶ не местного происхождения. Что позволяет проследить обширные связи средневекового города с далекими городами Малой Азии, Сирии, Ирака. На надгробиях встречаются *нисбы* жителей городов Средней Азии: *Бухара*; Малой Азии: *Конья, Ахлат, Токат, Тебриз, Кастамони, Сивас*; Северной Сирии и Ирака: *Халеб, Эрбель*. Самая распространенная *нисба* на памятниках – местная, «*Аль-Кырым*».

⁶ Нисба – часть имени, обычно обозначающая место рождения, или место продолжительного проживания человека

В оформлении надгробий распространенным элементом является стилизованное изображение горящей лампы, часто с двумя свечами в подсвечниках (Рис. 5).

Рис. 5. Примеры использования изображения лампы и свечей в оформлении надгробий

Лампада и свечи довольно распространенный элемент оформления сельджукских надгробий Малой Азии [15, с. 638–639]. По представлениям средневековой сельджукской традиции «зажженная лампада» символизировала «свет веры» данный Всевышним, который по их представлению должен был быть облегчением для покойного и «освещать мрак могилы светом, исходящим от его веры». [15, с. 640–641; 18, с. 121–122]. Вероятно, подобная трактовка заимствована из Корана: «Аллах – свет небес и земли. Его свет – точно ниша; в ней светильник; светильник в стекле; стекло – точно жемчужная звезда...» (сура Ан-Нур (Свет), 35 аят). [5, с. 242].

Один из вариантов трактовки символа две свечи в подсвечниках в сельджукской традиции – это свет знаний Корана и Сунны⁷ пророка Мухаммада (с.а.с.). Эти знания, согласно такой трактовке, также должны были помочь человеку после смерти «своим светом во мраке могилы, в ожидании Судного Дня» [16, с. 319].

Сельджукское влияние прослеживаются как в форме самих надгробий, так и в мотивах, используемых при оформлении лапидарных памятников. Орнаментальные мотивы, различного вида розетки (шестилепестковые, звездчатые, спиральные, вихревые), шестиконечные звезды (печать Сулеймана), «сельджукская плетенка» и другие элементы на надгробиях близки узорам на памятниках Малой Азии. Аналогичные памятники, как по стилю оформления, так и по содержанию надписей, мы встречаем в городах Малой Азии (Ахлат, Сивас, Кастамону, Изник и др.) [15; 16; 17; 19]. Значительное сельджукское культурное влияние на оформление лапидарных памятников Кырыма/Солхата отмечали отечественные исследователи [2, с. 153; 3, с. 301–302; 4, с. 301; 7, с. 67], это же подтверждает и сравнительный анализ с современными исследованиями турецких ученых [16; 18; 19].

⁷ Сунна (араб. سنة – «обычай; пример») – мусульманское предание, излагающее слова, дела, невысказанные одобрения, нравственные качества пророка Мухаммада, как образец и руководство для каждого мусульманина. Сунна является вторым после Корана источником исламского права (фикха), тесно взаимосвязана с ним, объясняет и дополняет его.

Исследование лапидарных памятников Старого Крыма позволяет проследить различные аспекты из жизни средневекового города. Появление мусульманских эпитафических памятников в городе Крым/Солхат отмечается со второй половины XIII века. Исследование эпитафики показывает наличие в средневековом городе ученых, учителей, последователей религиозно-мистических течений (братств), что косвенно указывает на уровень развития и распространения науки и религиозного знания. Наличие большого количества искусно изготовленных образцов лапидарных памятников, говорит о развитии в Крыму мастерства каллиграфии. Наличие на лапидарных памятниках города *нисб* людей из городов Малой Азии, Средней Азии, Северного Ирака и Сирии, дает определенную информацию о миграционных процессах, протекавших на полуострове. Сельджукские традиции в оформлении памятников, подтверждают культурные связи жителей города с городами Малой Азии.

В заключении хотелось бы сказать, что в последние годы процесс обнаружения и изучения лапидарных памятников в Крыму значительно активизировался. В ходе археологических исследований и строительных работ на территории города регулярно обнаруживаются новые эпитафические памятники золотоордынской эпохи. Дальнейшая работа по выявлению и изучению лапидарных памятников, даст новую информацию по многим аспектам истории средневекового Крыма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчокраклы О. [-Н. А.] Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // ИТОИАЭ. Симферополь, 1927. Т. 1(58). С. 5–17.
2. Акчокраклы О.-Н.А. Старо-Крымские надписи: по раскопкам 1928 года // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3. С. 152–159.
3. Башкиров А., Боданинский У. Памятники Крымско-Татарской старины. Эски-юрт. Новый Восток. 1925. № 8–9. С. 295–311.
4. Бороздин И.Н. Солхат // Новый Восток / Под ред. М. Павловича. М., 1928. № 13–14. С. 271–301.
5. Коран / перевод И.Ю. Крачковского. Душанбе, 1990. 447 с.
6. Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги археологических экспедиций. Л., 1989. С. 141–157.
7. Крамаровский М.Г. Крым и Рум в XIII–XIV столетиях (Анатолийская диаспора и городская культура Солхата) // Золотоордынское обозрение. Казань, 2016. № 1. С. 55–88.
8. Маркевич А.И. Старокрымские древности // Изв. Тавр. Уч. Арх. Ком., 1892. № 17. С. 124–129.
9. Мирас – Наследие. Том 2. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, ООО «Астер Плюс», 2016. 572 с.
10. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: Исследования и документы / Авт.-сост. А.В. Хливнюк; под ред. А.А. Непомнящего; вступ. ст. Н.О. Гриненко; комм. Н.В. Кармазина и др. Симферополь: ОАО Симферопольская городская типография» (СГТ), 2008. 240 с. (Библиография крымоведения; Вып. 11).
11. Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 г. // Зап. Вост. отделения РАО. 1886. Т. 1. Вып. 4. С. 273–304.
12. Усеин Боданинский. Собрание сочинений. Том II. Дневники: 1923–1926 гг. Казань-Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 264 с.: илл.
13. Фонды БИКАМЗ. КП–10180/401. Дневник У. Боданинского. Археологическая экспедиция 1926 г. г. Старый Крым. 1926. 24 л.
14. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь: «Доля», 2008. 272 с.
15. Biçici H. Kamil. İznik Müzesindeki Kandil ve Şamdan Motifli Mezar Taşlar // Turkish Studies – International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. Ankara, 2012. Volume 7/3. S. 637–661.
16. Çal Halit. Türklerde mezar-mezar taşları. // Aile Yazıları, 8, TC. Aile ve Sosyal Politikalar Bakanlığı Yayını. Ankara, 2015. S.295–332.
17. Çal, Halit. “Kastamonu Müzesindeki Türk Mezar Taşları”, İpekyolu Konya Ticaret Odası Dergisi Konya Kitabı, X, Prof. Dr. Rüçhan Arık – Oluş Arık Armağanı, 2007, S. 199–224.
18. Delikgöz Ömer, Fulya Aliç. Osmanlı İstanbul’unda bulunan bazı müslim ve Gayrimüslim mezarlıklarındaki kimi semboller // Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. 2010. № 13. S. 113–131.
19. Gürlevik Sebiha. Sivas mezar kitabeleri üzerine bir inceleme / (yüksek lisans tezi). Sivas. 2008. 258 s.

Сведения об авторе: Мемедулла Адилевич Усеинов – лаборант-исследователь Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Симферополь, Российская Федерация). E-mail: memedulla@list.ru

**MUSLIM EPIGRAPHIC MONUMENTS OF STARY KRYM /OLD CRIMEA/
(13th–15th CENTURIES)**

Memedulla A. Useinov

*Crimean Research Center,
Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences*

The article gives a brief description of the epigraphic monuments of Stary Krym (Old Crimea) belonging to the 13th–15th centuries. The study of lapidary monuments allows us to trace certain aspects of social, economic, religious and migration processes occurring on the Crimean peninsula. A significant part of the epigraphy of the city Qirim/Solkhat are tombstones of various types. A brief typology of tombstones, samples of the earliest Muslim epigraphic monuments, dating back to the second half of the 13th century, examples of tombstones of scholars having found their last rest in the city, are presented in this article. The most specific epitaphs, some peculiarities of monuments design are also found their place in the work.

Keywords: Stary Krym /Old Crimea/, Solkhat, Golden Horde, epigraphy, Muslim tombstones

About the author: Memedulla A. Useinov – research assistant of the Crimean Research Center of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: memedulla@list.ru

ОСОБЕННОСТИ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

Н.Ф. Лисова

Каждому исследователю археологической керамики необходимо знать технологию керамического производства, химический состав используемых материалов и температуру их обжига. Исследование находок археологической керамики находится на стыке различных отраслей наук: археологии, истории, искусствоведения и т.д. Все используемые термины и понятия, обозначающие материалы керамического производства, должны быть одни и те же, тогда они будут понятны для всех отраслей науки.

Почти вся золотоордынская керамика покрывалась глазурью, а орнамент может быть, как под глазурью, так и сверху по глазури. Подглазурная роспись чаще делается пигментами, разведёнными на воде, а надглазурная – это те же пигменты, но смешанные уже со стеклянным порошком. Надглазурная роспись более сложная в изготовлении и поэтому стоит гораздо дороже и встречается реже, чем подглазурная. В золотоордынской керамике есть два вида надглазурной росписи: «минаи» – роспись по белой «глухой» глазури и «лардварждина» – по синей «глухой» глазури.

Ключевые слова: керамика, производство, кашин, глазурь, пигмент, эмаль, обжиг

Создание керамических изделий это сложное технологическое производство. Изучая керамику необходимо разбираться в тонкостях его изготовления. Многие в керамике различных эпох и стран уже хорошо исследованно; химический состав материалов, технология производства и орнаментация изделий. Несмотря на это, все же возникают вопросы, при том на первый взгляд, элементарные и не только у начинающих исследователей, но и у именитых ученых. Причины лежат на поверхности; люди слишком далеки от производства, и не могут по книгам и статьям понять, как все выглядит, и как происходит процесс превращения кучки грязного песка или куска глины в красивую посуду. Ясность также не вносит путаница в обозначениях и терминах, используемых материалов. Если некоторые термины обозначающие одно и то же, но разными словами, вносят некоторую путаницу, но не являются принципиальными ошибками, к таким относится термин «кашин» традиционно используемый российскими археологами для обозначения формовочной массы при изготовлении восточной и золотоордынской, как бытовой так и архитектурной керамики. Российские археологи употребляют термин: «кашин», реже «полуфаянс», даже «фаянс», или «силикатный материал». западные ученые: искусственной пастой (artificial paste), каменной пастой (stonepaste), (gyartz-grit) кварц-фриттовой, составным материалом (composit), и тоже фаянсом (faience) и тд. Такие же разночтения с термином «глазурь» – это стекло, покрывающие изделие тонкой пленкой и которое делает его пригодным к использованию в качестве посуды. Однако, только у археологов глазурь почему-то может называться ещё и поливой. Вы удивитесь, но многие начинающие исследователи предполагают, что речь идёт о совсем разных веществах. Все эти термины, являются обозначением одного и того же материала, но разными словами и по сути не являются ошибкой.

Отдельно хотелось бы поговорить о глазури. В глазурь необходимо, в зависимости от конечной цели, добавлять небольшое количество различных наполнителей; для лучшей спекаемости с формовочной массой, для большей прозрачности и чистоты глазури, для придания какого-нибудь цвета, что бы цвет сделать прозрачным или непрозрачным (глухим). Например для голубого или бирюзового цвета надо в глазурь добавить окись меди, и для получения этого же цвета, но не прозрачного надо туда же добавить столько то окиси олова. Для многих все равно остаётся загадкой как же глазурь попадает на изделия. Очень просто, вначале варят само стекло (процесс сложный, но в литературе хорошо описанный), затем перетерают его в пудру, размешивают в воде (вода становится белой, как молоко) и быстро окунают туда изделие. Сырое изделие быстро впитывает воду со стеклянным порошком и становится белым, дав изделию хорошо просохнуть, а то вода в печи разорвёт изделие, ставят его в печь. Там под температурой от 700 градусов, стекло плавится и придает посуде прекрасный вид. У золотоордынских мастеров с прозрачностью глазурей часто случались неудачи, она у них получалась то просто мутная, а иногда ещё и с зеленовато-голубым оттенком. Чего-то им всегда не хватало, не то мастерства не то хорошего сырья. Все составы средневековых глазурей и их наполни-

тели хорошо исследованы Э.В. Сайко [4; 5], Н.С.Гражданкиной [3], Н.М. Булатовым [1; 2]. Особенно прекрасное исследование провёл Коваль В.Ю. [6], дав подробное процентное соотношения стёкла и различных добавок в глазурих на золотоордынских и средневековых восточных изделиях.

Как известно, в золотоордынской керамике есть изделия как с подглазурной росписью, так и с надглазурной. Самое большое отличие этих изделий состоит не только в способе нанесения орнамента под глазурию (под стеклом) или по глазури (по стеклу), а главное это состав красок. Вообще все краски, которые мы знаем состоят из одних и тех же веществ получаемых из окиси металлов или природных минералов стертых в порошок так называемых пигментов. Если в пигмент добавить воду и мёд получатся акварельные краски, если клей, то темперные краски, если масло, то масляные и т.д. В подглазурной росписи применяются краски из порошкообразного вещества-пигмента разведенного водой, которым затем кисточкой наносят узоры на сосуды. Эта краска, хоть и цветная, но все таки – вода. Совсем другой материал применялся для надглазурной росписи так называемые сосуды «минаи» и «ладжвардина». Роспись этих изделий делается цветными «эмальями» по непрозрачной, матовой (глухой) глазури уже прошедшей обжиг. Основа эмали – это стекло с добавлением красящего вещества (окиси металлов или минералы). Вы удивитесь ещё раз, но находятся некоторые, даже именитые ученые, которые считают, что эмалью расписывали изделие под глазурию! Возможно слово «эмаль» звучит гораздо красивее чем просто «краска», но руководствоваться только этим в выборе термина смешно. Если же на практике расписать сосуд эмалью, затем покрыть глазурию и поставить в печь, то получится следующее; вначале растает верхний слой прозрачной глазури, так как для его плавления достаточно 700 градусов, а затем начнёт плавиться нижний слой, из-за окраски эмалей окисями металлов температура его плавления становится гораздо выше. Эмаль медленно плавясь начнёт выходить через верхний слой глазури пузырями, большими и мелкими постепенно лопаясь, приводя изделие в непригодное для использования. Что же происходит в это время с орнаментом? Орнамент так же плывет и растекается, меняет форму до неузнаваемости. Следовательно – использование эмали при подглазурной росписи делает ее невозможной, а вот использование эмали при надглазурной росписи оправданно. Производство посуды с надглазурной росписью, является сложным и дорогостоящим из-за дороговизны материалов и сложности изготовления. К тому же никогда не знаешь наперед, как поведёт себя эмаль в печи. Это всегда непредсказуемо, любое нарушение технологии, малейшее изменение химического состава глазури или эмали – приведёт к изменению цвета или к ее растеканию. Изменение температуры обжига – низкая температура или слишком высокая изменит цвет и структуру глазури. При низкой будет мутной и с крупинками, а слишком высокая температура приводит к растеканию глазури и образованию проплешин на изделии. Брак в таком виде росписи частое явление. Мастер ставил в печь уже украшенное изделие, а что получится на выходе для него самого всегда сюрприз. Поэтому надглазурная роспись это почти ювелирная работа. Вначале надо правильно подобрать состав эмали, а во время росписи необходимо еще следить за толщиной красочного покрытия. Поэтому, что бы уменьшить риски в надглазурной росписи часто использовали контур из пастообразного вещества, делая как бы ячейки, которые затем заполняли эмалью, что бы плавясь эмаль не растекалась и не выходила за контур рисунка. В Золотой Орде пока нет никаких подтверждённых данных о производстве керамики «минаи», в отличии от «ладжвардина». Смущает одно, если «ладжвардина» все таки производили где брак? Брак в таком производстве был неизбежен. Это наводит на мысль, а было ли такое производство вообще. Хотя возможно, что просто еще пока не обнаружены, или автору еще не известны. Уровень жизни в городах Нижнего Поволжья, развитое керамическое производство, устойчивый рынок сбыта для дорогой посуды, близкорасположенные торговые пути, не очень сверепые налоги, к тому же наличие в Орде соотечественников, уже наладивших здесь успешное производство, все это говорит о том, что мастера владеющие надглазурной росписью, могли бы там появиться.

Все выше сказанное, говорит о том, что есть еще темы для исследования, и есть проблемы, которые надо решать, есть что узнать, есть где искать и что копать. При этом необходимо пользоваться теми терминами, которые уже есть и не придумывать новых, что бы не создавать проблемы на ровном месте. По большому счету, мы все делаем одно дело, ищем истину. К сожалению, одни ищут короткий путь к истине, а кому-то просто нравится блуждать в поисках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булатов Н.М. Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов // Советская археология. 1968. № 4.
2. Булатов Н.М. Классификация поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа: Дис. ... канд. ист. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
3. Гражданкина Н.С. К истории керамического производства в Средней Азии: (методы изготовления сероглиняной керамики в IX–XIII вв.) // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1965. Вып. 5.
4. Сайко Э.В. Среднеазиатская глазурованная керамика XII–XV вв. Душанбе: Изд-во АН Тадж. ССР, 1969. 179 с.
5. Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии М.: Наука, 1982. 212 с.
6. Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси: IX–XVII века. М.: Наука, 2010. 269 с.

Сведения об авторе: Наиля Фаритовна Лисова – кандидат исторических наук, археолог, доцент (Нью Йорк, США). E-mail: nailyalisova@gmail.com

FEATURES OF CERAMIC PRODUCTION

Nailya F. Lisova

Abstract. Every researcher of archaeological ceramics needs to know the technology of ceramic production, the chemical composition of materials used and their firing temperature. Study of archaeological ceramics intertwined with several branches of science; archaeology, history, art and etc. Terms and concepts used in denoting materials of ceramic production must be all the same, thus it will make it clear for all branches of science.

Nearly all ceramics of the Golden Horde is glazed, ornament may be placed under the glaze or on top of the glaze. Underglaze painting is made with pigments diluted in water, same pigment mixed with glass powder used in overglaze painting. Overglaze painting is more difficult to manufacture and therefore costs much more and is less common than underglaze painting. Ceramics of the Golden Horde consists of two types of overglaze painting: mina, painting on a white (deaf) glaze and larvardzhina, painting on a blue (deaf) glaze.

Keywords: ceramics, production, kashin, glaze, pigment, enamel, firing

About the author: Nailya F. Lisova – Cand. Sci. (History), archaeologist, Docent (New York, USA). E-mail: nailyalisova@gmail.com

ВТОРОЙ КЛАД ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТ XIII в. ИЗ КАЙБИЦКОГО РАЙОНА РТ**А.И. Бугарчев**

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

А.Е. Купцов

НКАО «Ветеран»

В статье приводится информация о новом кладе джучидских монет XIII в. Всего в кладе обнаружено 815 экземпляров. Авторы публикуют типологические и метрологические особенности кладовых монет, разделив их на две группы – имперского времени и золотоордынского времени. Отмечается, что данный комплекс является вторым кладом джучидских монет, найденных в Кайбицком районе Татарстана.

Ключевые слова: динар, дирхам, джучидские монеты, XIII век, Кайбицкий район, Татарстан

В 2010 г. в антикварных магазинах Москвы появилось несколько групп восточных серебряных монет. Предпринятые авторами усилия по выяснению их происхождения позволили установить, что все эти группы были привезены из Кайбицкого района Татарстана, и составляли клад монет. Авторам удалось сфотографировать и взвесить почти все монеты, привезённые в Москву. Состав клада приводится в таблице.

Таблица 1. Состав клада монет XIII в. из Кайбицкого района Татарстана

№	Эмитент	Монетный двор	Годы чеканки	Вес, г.	Примечание
1–6	С именем Ан-Насир ли-дин Аллаха	Булгар	(1230-е – 1251)	2,27; 2,02; 1,88–2; 1,80; 1,65	6 экз. С/1.
7–13	С именем Ан-Насир ли-дин Аллаха	Булгар	(1230-е – 1251)	2,56; 1,88; 1,83; 1,69; 1,61; 1,44; 1,39	7 экз. С/6.
14–16	С именем Ан-Насир ли-дин Аллаха	Не указан	(1230-е – 1251)	1,62; 1,58; 1,40	3 экз. С/4.
17–370	С именем Ан-Насир ли-дин Аллаха	Булгар	(1230-е – 1251)	2,37; 2,36; 2,11–2; 2,05–2; 1,99; 1,92; 1,90–2; 1,89–2; 1,88–2; 1,85–3; 1,84–2; 1,83; 1,81; 1,80; 1,79; 1,78–3; 1,77–3; 1,75; 1,74–6; 1,73; 1,72–2; 1,71–5; 1,70–4; 1,68–7; 1,67–11; 1,66–3; 1,65–6; 1,64–4; 1,63–3; 1,62–6; 1,61–9; 1,60–3; 1,59–6; 1,58–5; 1,57–9; 1,56–6; 1,55–7; 1,54–9; 1,53–7; 1,52–14; 1,51–5; 1,50–9; 1,49–6; 1,48–7; 1,47–8; 1,46–8; 1,45–6; 1,44–12; 1,43–5; 1,42–9; 1,41–12; 1,40–7; 1,39–11; 1,38; 1,37–3; 1,36–3; 1,35–4; 1,34–7; 1,33–5; 1,32–5; 1,31–2; 1,30–4; 1,29–2; 1,28–4; 1,27–3; 1,26–3; 1,25–2; 1,24–4; 1,22–3; 1,21; 1,20–2; 1,19–3; 1,18–2; 1,17–2; 1,16–3; 1,15; 1,14–3; 1,13–3; 1,12; 1,11;	354 экз. С/5.

				1,10; 1,09; 1,08; 1,07; 1,06-2; 0,97-2; 0,85	
371	Ан-Насир ли-дин Ал- лах	Не прочитан	(Не установ- лены)	2,17	Новый вари- ант?
372- 374	Мунке	Булгар	(1251-1259)	1,19; 1,14-2	3 экз. Вариант Мунке / кан / азам.
375- 649	Мунке	Булгар	(1251-1259)	1,33; 1,31; 1,30-3; 1,29; 1,27-5; 1,26-4; 1,24; 1,23-3; 1,22-2; 1,21-2; 1,20-6; 1,19-8; 1,19-6; 1,18-2; 1,17-2; 1,16-11; 1,15-8; 1,14-5; 1,13-11; 1,12-9; 1,12-4; 1,11-4; 1,10-12; 1,09-8; 1,08-2; 1,07-9; 1,06-5; 1,05-4; 1,04-2; 1,03-4; 1,02-3; 1,00-4; 1,00-2; 0,99-2; 0,98-6; 0,97-2; 0,96-2; 0,95-6; 0,94; 0,93; 0,92-3; 0,91- 3; 0,90-2; 0,89-6; 0,88-3; 0,87; 0,86-2; 0,85; 0,84-2; 0,82-2; 0,81-3; 0,80-2; 0,79-2; 0,78-5; 0,77-4; 0,76-4; 0,75-4; 0,74-5; 0,73-5; 0,72-2; 0,71-6; 0,70-4; 0,69; 0,68-2; 0,66-7; 0,65; 0,64- 2; 0,63-3; 0,62; 0,61-2; 0,60-3; 0,59; 0,58-2; 0,57; 0,55-2; 0,51; 0,41	275 экз. Вариант Мун- ке ка / н / азам.
650- 651	Мунке	Булгар	(1251-1259)	0,45; 0,33	Обломаны
652- 675	Арыг-Буга	Булгар	(1260-1266?)	0,83-2; 0,82; 0,80; 0,79-2; 0,78- 4; 0,77; 0,73; 0,71-2; 0,70-2; 0,69; 0,68-3; 0,67; 0,65; 0,63; 0,61	24 экз.
676- 687	Анонимная	Керман	(1266-1273)	1,68; 1,60; 1,59-3; 1,57; 1,51; 1,48; 1,47; 1,42-2; 1,36 обл.	12 экз. С/215
688- 689	Анонимная	Булгар	(1266-1273)	1,55; 1,43	2 экз. С/43.
690- 762	Анонимная	Не указан	(1266-1273)	1,62; 1,61; 1,60-4; 1,58-2; 1,57- 3; 1,56; 1,55-2; 1,54-5; 1,53; 1,52-5; 1,51-3; 1,50-6; 1,49-2; 1,48-6; 1,47-4; 1,46-2; 1,45; 1,44-5; 1,43-3; 1,42-7; 1,41; 1,40-3; 1,39; 1,37; 1,34; 1,33; 1,25	73 экз. С/79 «лебедь».
763- 767	Анонимная	«Булгар»	(1266-1273)	1,70; 1,60-2; 1,56-2	5 экз. С/49.
768- 777	Анонимная	Не указан	(1266-1273)	1,29; 0,99; 0,92; 0,90; 0,88; 0,86; 0,74; 0,73; 0,65; 0,63	10 экз. С/40- 42.
778- 812	Анонимная	Биляр	(1266-1273)	1,48; 1,34; 1,30; 1,29; 1,28; 1,26; 1,25; 1,18; 0,98; 0,93-3; 0,92-2; 0,90-4; 0,89-2; 0,88-2; 0,87; 0,83; 0,81-2; 0,80; 0,74 обл., 0,46 обл., 0,37; 0,36; 0,35; 0,33; 0,32	35 экз. С/216.
813- 814	Анонимная	Не указан	(1266-1273)	1,53; 0,88	2 экз. С/74 а, «лев влево- солнце».
815	(Стёрто)	(Стёрто)	(Не установ- лен)	1,05	Не- определённая.

Всего в кладе было не менее 815 экземпляров.

Весь комплекс можно разделить на две части – динары и монеты, чеканенные в период нахождения Булгарского вилайата в составе Монгольской империи, то есть – с конца 1230-х гг. до 1266/1267 г., а также дирхамы и их фракции, чеканенные в ранний период государства Золотая Орда, с 1266/1267 г. до 1271–1273 г. Количественно они разделяются на группы в 675 и 139 экземпляров соответственно.

Состав монет монгольского периода следующий – динары с именем ан-Насира ли-дин Аллаха – 370 монет, одна монета с именем ан-Насира и непročитанным МД, с именем каана Мунке – 280 монет, с именем каана Арыг-Буги – 24 монеты (не исключено, что монет Арыг-Буги было больше, чем 24 экземпляра).

Монеты раннезолотоордынского периода можно разделить по монетным дворам (далее – МД): Биляр – 35 экз., Керман – 12 экз., Булгар – 7 экз., без указания МД – 85 экз.

По составу Кайбицкий клад аналогичен Лаишевскому кладу [2, с. 79–84], который также состоял из динаров и монет Монгольского периода и дирхамов и фракций раннезолотоордынского времени. Однако представляемый клад превосходит Лаишевский клад в количественном отношении – 815 монет против 312.

Таблица 2. Сравнительная таблица составов Лаишевского и Кайбицкого кладов

Клад Тип монеты	Лаишевский		Кайбицкий	
	Кол-во в экз.	Кол-во в %	Кол-во в экз.	Кол-во в %
С именем ан-Насира, С/1-С/6	2	0,6	16	2,0
С именем ан-Насира, С/5	19	6,1	354	43,4
Мунке	55	17,6	280	34,4
Арыг-Буга	100	32,1	24	2,9
С/64	79	25,3	–	–
С/43	20	6,4	2	0,2
С/216	12	3,8	35	4,3
С/218	18	5,8	–	–
С/205	2	0,6	–	–
Z/118276	1	0,3	–	–
С/215	–	–	12	1,5
С/40–42	–	–	10	1,2
С/79	–	–	73	9,0
С/49	–	–	5	0,6
С/74	–	–	2	0,2
Прочие	4	1,3	2	0,2
Всего	312 ¹	100	815	100

Из таблицы 2 следует, что болгарские монеты имперского периода, 1240-х – середины 1260-х гг., представлены в обоих комплексах. В Лаишевском кладе преобладают дирхамы Арыг-Буги – 32,1% от всего состава клада, в Кайбицком больше всего отложились динары с именем ан-Насира – 45,4% от всего клада.

В золотоордынской части в Лаишевском кладе больше всего отложились фракции С/64 – 25,3%, которых не было в Кайбицком кладе. В последнем больше всего из золотоордынских монет представлены дирхамы с изображением лебедя, С/79 – 9,0%, которых, в свою очередь, не было в Лаишевском кладе. Мы пока не можем объяснить причины неравного представительства типов золотоордынских монет раннего периода в обоих кладах. Возможно, это было связано с разными территориями, где отложились данные комплексы.

Рассмотрим отдельные группы монет. Динары с именем багдадского халифа ан-Насира ли-дин Аллаха представлены всеми тремя типами, которые отличаются друг от друга легендами оборотной стороны. Самым ранними, по нашему мнению, чеканились динары с легендой «Жизнь есть час. Употребляй её на дела благочестия» (перевод Г.А. Фёдорова-Давыдова) (С/3–4) (фототаблица 1, №3).

¹ В монографии 2018 г. на с. 79 указано количество 313 экземпляров [2].

В кладе насчитывается 3 экземпляра данного типа. Следующими идут динары с легендой оборотной стороны «Динар. Чекан казны Булгарской» – 6 монет (С/1) (фототаблица 1, №1). Далее можно назвать динары с легендой оборотной стороны «Динар бит в Булгаре» и своеобразным написанием имени халифа ан-Насира (С/6) – 7 экземпляров (фототаблица 1, №2). Самая многочисленная группа монет с именем ан-Насира – это динары с легендой оборотной стороны «Динар бит в Булгаре» (С/5) – их в кладе находилось 353 монеты (фототаблица 1, №4–6). Можно отметить вариант с шнуровым орнаментом на оборотной стороне (фототаблица 1, №4). Подобный вариант был отмечен в статье А.Ф. Лихачёва [4, №4; 2, с. 66, №4]. В Кайбицком кладе была выявлена ещё одна монета с именем ан-Насира, однако монетный двор пока остаётся непрочитанным (фототаблица 1, №7). По нашему мнению, все динары с именем ан-Насир ли-дин Аллаха чеканились с конца 1230-х гг. до 1251 г.

Материалы Кайбицкого клада позволяют дополнить метрологическую информацию о динарах с именем ан-Насира. В статье 2017 г. нами были представлены гистограммы всех трёх типов динаров [1, с. 167–168]. Гистограмма монет С/1, с учётом 6 экземпляров Кайбицкого клада выглядит следующим образом (см. Приложение, гист. 1): мода $1,90 \pm 0,04$ г, средний вес 1,85 г. Наблюдается совпадение в показаниях среднего веса – 1,84 г у динаров Алексеевского клада и 1,85 – у динаров Кайбицкого клада. Теперь рассмотрим метрологию динаров С/5 и сравним гистограммы Алексеевского (Бугарчев, 2017, с. 168) и Кайбицкого кладов (Приложение, гист. 2). Очевидно, что моды обеих гистограмм соответствуют значению 1,53 г. Однако гистограмма Кайбицкого клада более информативна – здесь учтено 354 экземпляра (против 183 монет из Алексеевского клада) и точнее шаг гистограммы – 0,03 г против 0,05 г в Алексеевском кладе.

С приходом к власти в 1251 г. в Монгольской империи каана Мунке на монетном дворе Булгар стали чеканиться монеты от его имени. В нашем кладе насчитывается 280 таких дирхамов. Как вариант типа можно отметить монеты с легендой лицевой стороны «Мунке // кан // высочайший» и написанием топонима «Булгар» без буквы «алиф» – 3 экземпляра (фототаблица 1, №8). Из штемпельных вариантов можно назвать дирхамы с кружком, звёздочкой или точкой под вилообразной тамгой на лицевой стороне (фототаблица 1, №9 – с точкой, №11 – с кружком). После смерти Мунке в 1259 г. в Булгаре чеканились мелкие серебряные монеты с именем каана Арыг-Буги (фототаблица 1, №12). Скорее всего, они выпускались в 1260–1266 гг.

По метрологии монет Мунке построена гистограмма 3 (см. Приложение) – мода_{max} $1,13 \pm 0,02$ г, второстепенный пик – на значении $0,74 \pm 0,02$ г. Данные цифры сопоставимы, с учётом допуска, с результатами гистограммы Лаишевского клада: мода_{max} $1,06 \pm 0,04$ г, второстепенный пик – $0,81 \pm 0,04$ г [2, с. 83, гист. 10].

В 665/ 1266–1267 г. образовалось новое государство – Золотая Орда. Первым ханом стал Менгу-Тимур, с тамгой которого начали чеканиться серебряные и медные монеты. Классификация булгарских монет 1266–1330 гг. разработана в монографии А.З. Сингатуллиной, поэтому в дальнейшем мы будем придерживаться шифров монет из данной работы [5, с. 73–151]. В Кайбицком кладе ранний чекан Менгу-Тимура представлен семью типами дирхамов. Все они чеканились в 1266–1273 гг. На указанных монетах нет годов выпуска, поэтому нумерация в фототаблице проставлена произвольно. Анонимные типы С/43 и С/49 чеканились на МД Булгар (фототаблица 2, №2 и №3), причём на дирхаме С/49 монетный двор написан по-уйгурски. Также присутствует продукция МД Биляр, С/216 (фототаблица 2, №6) и МД Керман, С/215 (фототаблица 2, №7). Точное местонахождение этих монетных дворов до сих пор не установлено. Ещё на трёх типах монетный двор не указан, и данный факт позволяет предположить, что в период 1266–1273 годов в Булгарском вилайате, кроме Булгара, Биляра и Кермана, функционировал ещё какой-то монетный двор, а возможно, и не один.

Рассмотрим метрологические особенности некоторых типов золотоордынских монет.

Десять экземпляров С/40–42 позволили довести количество учитываемых монет данного типа до 40 экземпляров (Приложение, гист. 4). Однако даже такое количество учтённых экземпляров не позволяет однозначно установить истинную моду монет С/40–42. На гистограмме 4 мода_{max} – $0,90 \pm 0,04$ г – 6 экземпляров, второстепенные моды – $0,50 \pm 0,04$ г и $0,73 \pm 0,04$ г – по 5 экземпляров. И появление одного-двух новых дирхамов может изменить показания моды.

С/79 – дирхам с изображением лебедя. Данный тип рассматривался в статье 2017 г. [3]. Метрология известных на тот момент 24 экземпляров следующая – мода гистограммы $1,53 \pm 0,02$ г, средний вес 1,52 г. В Кайбицком кладе обнаружилось 73 экземпляра с лебедем. Нами построена гистограмма, из которой следует, что мода фиксируется на значении $1,43 \pm 0,02$ г, средний вес 1,48 г (Приложение, гист. 5).

Фототаблица 1

Фототаблица 2

Необломанные дирхамы Биляра можно разложить на три группы – весом 1,18–1,48 г, весом 0,80–0,98 г и мелкие фракции 0,32–0,37 г. Внешне они не отличаются друг от друга.

Ранее в Кайбицком районе уже находили клад с болгарскими монетами XIII в. В мае 1987 г. на окраине леса у села Бурундуки в красноглиняном керамическом сосуде был обнаружен клад из 906 серебряных монет [6; 2, с. 72–74]. Они были чеканены от имени ан-Насир ли-дин Аллаха (2 экз.), каана Мунке (609 экз.) и каана Арыг-Буги (291 экз., а также 4 стёртых монеты). В настоящее время Бурундуковский клад хранится в Музее археологии АН РТ.

Клады из Кайбицкого района Татарстана являются ценнейшими источниками по истории денежного обращения Среднего Поволжья в XIII веке и нуждаются в самом полном издании с приведением всех метрологических и штемпельных особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бугарчев А.И. О первых болгарских серебряных динарах XIII в. // Поволжская археология. Казань: Изд-во «Фэн», 2017. №4 (22). С. 165–174.
2. Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой четверти XIV вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 336 с., илл.

3. Бугарчев А.И., Степанов О.В., Дзюба Ю.В. К атрибуции болгарского дирхема XIII в. с изображением «лебедя» // Традиционная культура тюркских народов в изменяющемся мире: материалы I Международной научной конференции (12–15 апреля 2017 г.). Казань: Изд-во «Ак Буре», 2017. С. 66–68.

4. Лихачев А.Ф. Новый Болгарский клад 1887 года // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. III. СПб., 1889. С. 168–183: илл.

5. Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань: «Заман», 2003. 192 с.

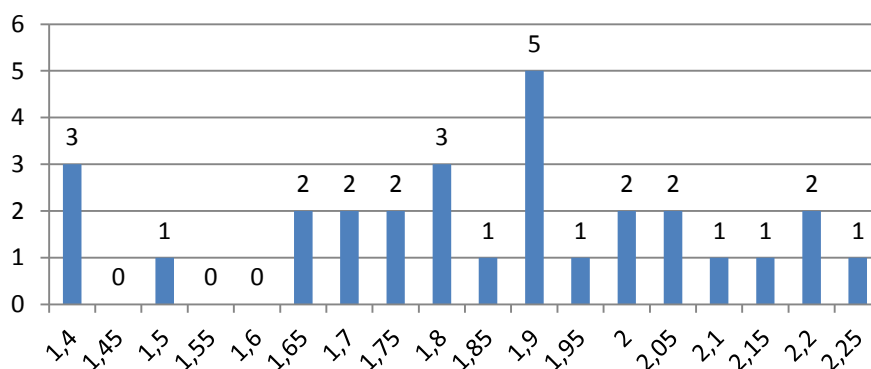
6. Федоров-Давыдов Г.А. Клад монет XIII в. из Волжской Болгарии // Проблемы археологии Евразии. М., 1991. С. 181–192: ил.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Гистограмма 1

Зависимость количества динаров C/1 от значения их веса. Учтено 29 экз. (каталог А.З. Сингатуллиной – 14 экз., Кайбицкий клад – 6 экз., Алексеевский клад и Зено – по 1 экз., фотоархив автора – 7 экз.).

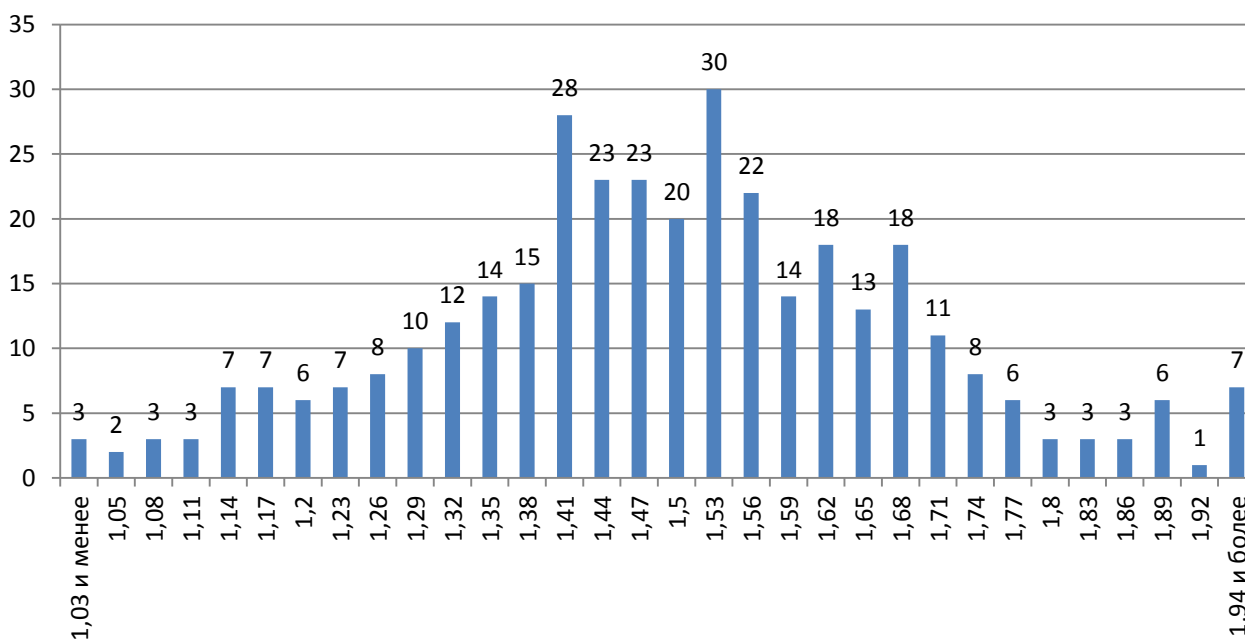
Шаг 0,05 г. Ось X – вес в г, ось Y – кол-во в экз.

Мода $1,90 \pm 0,02$ г, 5 экз. (17,2%). Средний вес 1,85 г.

Гистограмма 2

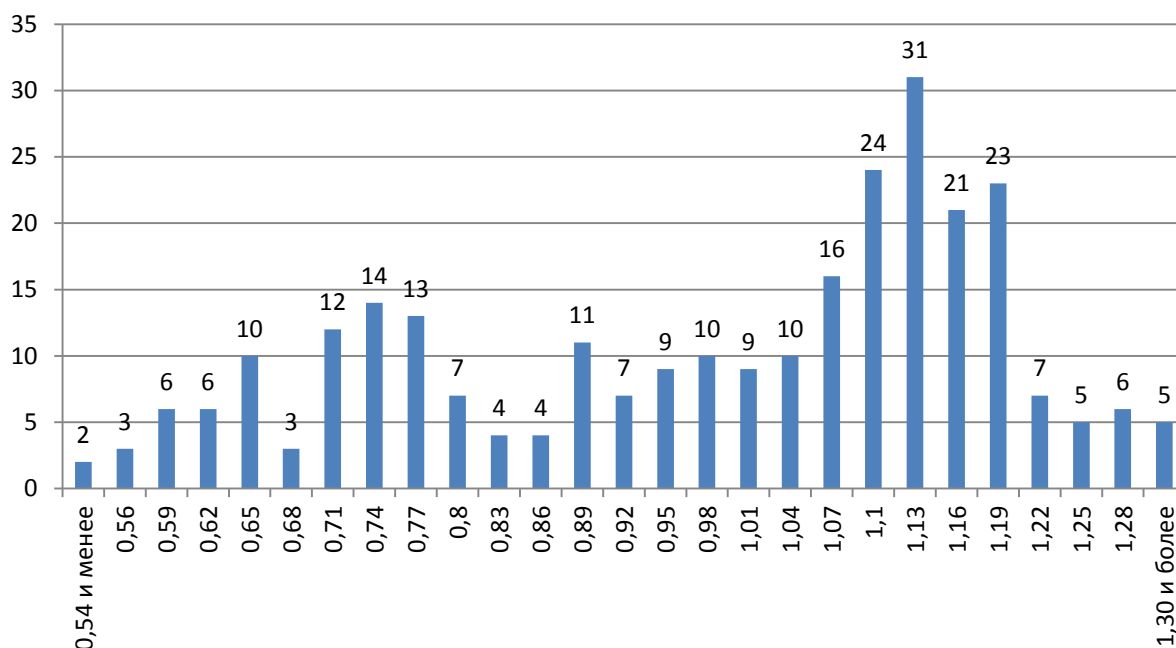
Зависимость количества динаров с именем ан-Насира (C/5) от значения их веса. Кайбицкий клад. Учтено 354 экз. Шаг 0,03 г. Ось X – вес в г, ось Y – кол-во в экз.

Мода_{max} $1,53 \pm 0,02$ г, 30 экз., 8,5% от всех кладовых динаров C/5. На суммарной гистограмме (здесь не приводится) такое же количество монет приходится на значение $1,40 \pm 0,02$ г.

Гистограмма 3

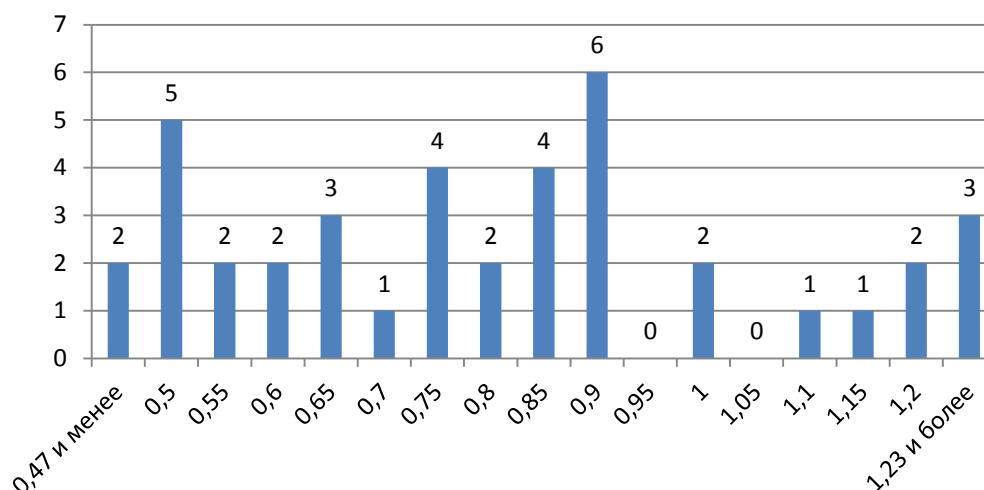
Зависимость количества монет Мунке от значения их веса. Кайбицкий клад. Учтено 278 экз. Шаг 0,03 г. Ось X – вес в г, ось Y – кол-во в экз.

Мода_{max} 1,13±0,02 г, 31 экз. (11,2%). Второстепенные моды отмечены на значениях 0,74±0,02 г (14 экз.) и 0,89±0,02 г (11 экз.).

Гистограмма 4

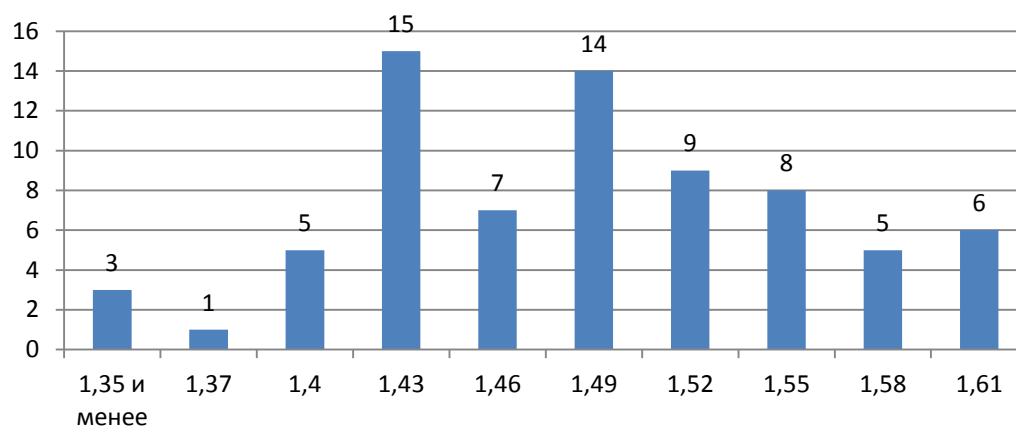
Зависимость количества монет С/40–42 от значения их веса. Учтено 40 экз. (Кайбицкий клад – 10 экз., каталог А.З. Сингатуллиной – 9 экз., фонды БГИАМЗ – 2 экз., С. Албум, лист 258 и статья А.Н. Нисифорова – по 1 экз., фотоархив автора – 17 экз.). Шаг 0,05 г. Ось X – вес в г, ось Y – кол-во в экз.

Мода_{max} 0,90±0,04 г, 6 экз. (15,0%). Второстепенные моды при построении суммарной гистограммы (здесь не приводится) – 0,50±0,04 г и 0,73±0,04 г (по 5 экз.).

Гистограмма 5

Зависимость количества монет С/79 от значения их веса. Кайбицкий клад. Учтено 73 экз. Шаг 0,03 г. Ось X – вес в г, ось Y – кол-во в экз.

Мода_{max} 1,43±0,02 г, 15 экз., 20,5% (от всех кладовых монет С/79). На суммарной гистограмме (здесь не приводится) второстепенная мода приходится на значение 1,51±0,02 г – 14 экз. Средний вес 1,484 г.

Сведения об авторах: Алексей Игоревич Бугарчев – лаборант-исследователь Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: abugar.61@rambler.ru

Андрей Евгеньевич Купцов – заместитель генерального директора НКАО «Ветеран» (Москва, Российская Федерация). E-mail: Kuptsov-an@mail.ru

**THE SECOND HOARD OF THE 13TH CENTURY JOCHID COINS
FROM THE KAYBITSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN**

Aleksey I. Bugarchev

A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of Tatarstan
Academy of Sciences

Andrey E. Kuptsov

NKAO "Veteran"

Abstract. The article contains information about the new hoard of the 13th century Jochid coins containing 815 items. The authors publish typological and metrological features of the hoard's coins dividing them into two groups – the imperial time and the Golden Horde time. This complex is the second hoard of the Jochid coins found in the Kaybitsky region of Tatarstan.

Keywords: dinar, dirham, Jochid coins, thirteenth century, Kaybitsky region, Tatarstan

About the authors: Aleksey I. Bugarchev – research assistant of the A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: abugar.61@rambler.ru

Andrey E. Kuptsov – deputy general director of NKAO "Veteran" (Moscow, Russian Federation). E-mail: Kuptsov-an@mail.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ
ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВО 2 ПОЛ. XIII – XIV ВВ.:
УНИВЕРСАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ В КОНТЕКСТЕ ТОРГОВЫХ КОНТАКТОВ
НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ (НА ПРИМЕРЕ БУЛГАРСКОГО УЛУСА)**

К.А. Руденко

Казанский государственный институт культуры

Булгарский улус Золотой Орды во второй половине XIII–XIV вв. развивался в рамках общеимперской культуры государства, но под сильным воздействием сложившихся ранее, в Волжской Булгарии традиций в бытовой сфере и ремесленном деле. Ярko демонстрируют это археологические материалы, один из важнейших источников по этой теме. Инновации проникали, прежде всего в городскую среду, что особенно заметно по находкам на Булгарском городище. С одной стороны, это предметы элитарной культуры: поясные золотые чаши, украшения парадного костюма высших сановников и сопутствующие им более простые украшения – выполненные в подражание последним. Также к этому кругу относится шелковые ткани и одежда распространившиеся у элиты Булгарского улуса и попадавшие сюда по сложившемуся задолго до этого торговым магистралям с Востока на Запад. Не менее интересными являются китайские и чжурчженьские мотивы на металлических зеркалах с поселений Булгарского улуса. Можно предполагать, как прямое заимствование готовых изделий (например, керамики), так и опосредованное воздействие имперской моды формировавшейся на обширных пространствах империи, например, в Хорезме на бытовую сферу жизни Булгарского улуса, выражавшуюся в ремесленных технологиях, дизайне украшений и декоре керамики, форме разнообразных поделок.

Ключевые слова: Булгарский улус, Золотая Орда, селадон, металлические зеркала, торговля, Великий Шелковый путь, нефрит

Монгольская империя, возникшая после завоеваний Чингисхана и его потомков, включала в себя обширные территории, на которых проживало большое количество народов со своими традициями, обычаями и культурой. Объединенные в рамках нового огромного государства, многие области сохранили свое своеобразие, и пережив серьезные трансформации, касавшиеся экономики и административного устройства, достаточно быстро продолжили свое развитие. Особенный интерес представляют периферийные районы монгольской империи, где процессы культурогенеза имели определенную специфику, обусловленную как устойчивостью местных традиций, так и отдаленностью от центра государства и как следствие последнего, менее явным воздействием новой власти.

Эти явления хорошо были заметны в Золотой Орде, в пределах которой процессы глобализации общеимперского характера столкнулись с особенностями местной культуры и издавна сложившихся исторических связей [9]. Ощущалось это и на землях завоеванной Волжской Булгарии, причем развитие Булгарской области шло практически параллельно с формированием новых столичных центров Улуса Джучи, ставшего затем самостоятельной западной части монгольской империи. Это очень интересный процесс, который вероятно в таком виде больше на территории монгольского государства нигде не повторился. Булгарская область Золотой Орды наследовала многие черты предшествовавшей ей Волжской Булгарии, тем не менее уже к концу XIII в. приобрела яркие черты новой быстро формирующейся материальной культуры, о чем говорят известные нам сегодня археологические данные [31, с. 19–41; 34, с. 107–149].

Чтобы понять, как шло развитие процессов формирования этих новых черт культуры Булгарского улуса, необходимо выяснить, что было универсальным в Золотой Орде в целом, что локальным – производным или гибридным явлением, родившимся на местной основе. Отметим, что чаще всего исследователи обращали внимание на общие, явления, которые были распространены на значительных территориях. Из всего разнообразия предметов материальной культуры в этом плане, обычно ученые выделяют глазурованную керамику, которая получила широкое распространение в Золотой Орде, причем здесь она утратила элитный статус и стала достаточно доступной для потребителя в

большинстве районов Золотой Орды ввиду ее массового производства. Также маркером новой эпохи стали чугунные котлы и другие предметы из этого металла (сковородки, подставки и т.п.) [37]. Далее следуют украшения костюма и прически (филигранные нашивки, накладки, серьги), предметы туалета (металлические зеркала), а также ряд других изделий узкофункционального назначения (перстни для стрельбы из лука, декорированные накладки на колчан и саадак). Подробно и аргументировано эти материалы освещены в статьях и монографиях Г.А. Федорова-Давыдова [47–48].

Благодаря исследованиям М.Г. Крамаровского, черты общеимперской культуры были продемонстрированы на примере ювелирных художественных украшений и парадной металлической посуды [17]. Им были выявлены хронологические особенности предметов и специфические черты торевтики раннежужидского (50-е гг. XIII в.) и последующих периодов истории культуры Золотой Орды, а также отмечены их вероятные истоки и источники формирования. К числу знаковых элитных артефактов М.Г. Крамаровский относит золотые и серебряные поясные чаши с ручками в виде протома дракона, пояса с художественной поясной гарнитурой, обкладки лук седла из золота и серебра, накладки на ремни конской упряжи. Из женских предметов он описывает навершия специфических головных уборов, а также украшения рук – серебряные и золотые браслеты с изображением маски льва-дракона.

В сущности, добавив к артефактам описанных М.Г. Крамаровским уже упоминавшиеся выше металлические зеркала и серьги в виде знака вопроса, мы получим практически полный набор типичных признаков универсальной общеимперской материальной культуры присущей как областям с оседлой, городской жизнью, так и населению степей. Причем если предметы художественного металла достаточно редки, то металлические зеркала и украшения были более демократичны, а находки их носят массовый характер. Также признаки унификации имеют и другие категории украшений, например, бусы и подвески из стекла и поделочных камней [24]. По мнению ряда исследователей в Золотой Орде были определенные универсалии и в предметах вооружения [8, с. 244–269].

К слову сказать, проблема локального и универсального уже затрагивалась в литературе по золотоордынским древностям Булгара. Правда в одном случае, это было в несколько ином контексте, касавшимся прежде всего терминологического аспекта. Речь идет о так называемых браслетах «булгарского типа», которые историографическая традиция двух первых третей XX в. связывала с Булгаром или, чуть шире – со Средним Поволжьем. М.Г. Крамаровский, исследовав их распространение на территории Восточной Европы, а также происхождение и декор, пришел к выводу, что они были рождены «в ремесленной среде кочевых ставок золотоордынских городов» и сам термин «булгарские браслеты» по его мнению не оправдан [16, с. 50]. Если Марк Григорьевич «вывел» браслеты с изображением маски льва-дракона из категории локального, то Г.Ф. Полякова на материалах металлических зеркал наоборот, пыталась сузить место изготовления и бытования некоторых их типов, например, с изображением драконов до вполне конкретного места, прежде всего мастерских Булгара [28, с. 216–219].

Казанские археологи, в большинстве работ подчеркивали специфику материальной культуры Булгарской области Золотой Орды и связь ее с культурой домонгольской Волжской Булгарии. Этот подход берет свое начало еще в исследованиях XIX в., когда разделить древности домонгольского и золотоордынского времени было еще невозможно и их рассматривали как единое целое. Парадоксально, но в середине – второй трети XX в., это видение проблемы во многом сохранилось, будучи подкрепленным уже археологическими исследованиями более высокого уровня и археологическими материалами, в том числе и с точной датировкой, полученными в результате широких археологических изысканий. Отчасти эта позиция была усилена концепцией булгарского этногенеза, разработанной ведущим исследователем булгарских древностей А.П. Смирновым, согласной которой предполагалось последовательное развитие булгарской культуры в средневековую эпоху [38–39].

В той или иной степени данная традиция сохранилась и в археологических штудиях 1980-х – начала 2000-х гг. Особенно это прослеживается в исследованиях по булгарской керамике [50, с. 8–102; 15]. Активное изучение ордынских древностей с начала 1990-х гг. стало вносить коррективы в общее видение проблемы, тем более что археологические материалы демонстрировали уникальное явление: с одной стороны монокультурный, а с другой – синкретичный пласт древностей близкий по своим характеристикам на большинстве исследованных памятников этой эпохи. Тем более, что в булгарском материале очевидную преобладание домонгольской и ордынской культур в других категориях артефактов было обнаружить существенно труднее как, например, в изделиях из кости и рога, где широко представлены универсальные серии изделий [10, с. 210–241].

Впрочем, проблема выявления локальных особенностей в ордынской культуре в конце XX – начале XXI в. и не ставилось учеными. Тем не менее, тема эта не была в полном забвении и в какой-то степени затрагивалась в контексте других научных изысканий, например, о торговых связях Булгарской области с остальными землями Золотой Орды [26, с. 26–102], что в свою очередь поднимало вопрос о роли внутренней торговли в формировании этих самых локальных традиций. Этот момент стоит отметить особо, поскольку как показали новые исследования, торговля основывалась на перемещении далеко не всех предметов, а только ряда особых категорий, чаще всего имевших высокую стоимость, реализация которых была максимально выгодной. Среди привозных изделий фигурировали и экзотические поделки, отличавшиеся уникальным дизайном или специфической символикой, имевшей важную знаковую сущность [42, с.124–125]. Такие находки известны, не только в Поволжье, но и за пределами границ основных земель Золотой Орды, например, в Новгороде [23, с. 141–152].

Насколько сегодня мы можем предполагать, процессы интеграции новых элементов культуры и трансплантации инновационных технологий, как и регенерация старых в большинстве случаев были связаны с городскими центрами. В Булгарском Улусе это был прежде всего город Болгар – центр ремесла, торговли и административного управления [30].

Новые черты материальной культуры Булгарской области Золотой Орды связаны, в первую очередь с украшениями парадного костюма высших сановников и носимых с ними важных статусных аксессуаров. К последним относятся поясные чаши из серебра и золота, одежда из шелка, женские головные уборы – бокки, а также специфические элитные мужские головные уборы – орбелге, с характерным завершением в виде металлического султанчика или «держателя», как писал М.Г. Крамаровский [17, с. 30–32]. Целых поясных чаш из Булгарской области не известно, хотя в целом, в Волго-Донском регионе они известны [11, с. 82–83, кат. №12,13], зато в Булгаре, пожалуй, единственном из городов Золотой Орды, найдена серия матриц для изготовления ручек подобных чаш в виде протом драконов. Они отлиты из бронзы и изображают разные типы этих существ, причем, известны чаши с ручками имеющие соответствия с этими матрицами [32, с. 287, 328, рис.83].

Встречены и бронзовые навершия шапки-орбелге, например из Карашамского клада [12, с. 116, рис.37]; филигранный султанчик имеется в Джукетауском клада [41, с. 23, фото 4]. Встречены аналогичные навершия из бронзы и даже литейные формы для их изготовления [29, с. 138–141, рис.1]. Такое навершие, датированное XIII–XIV вв. происходит из недавних раскопок в Булгаре (раскоп в северной части Болгарского городища, на краю верхней коренной террасы) [1, с.18]. То, что в Булгаре существовало производство разнообразных литых украшений в последние годы было подтверждено исследованием специализированных горнов и нескольких ювелирных мастерских, причем в одной из них было обнаружено несколько десятков литейных форм для производства различного рода украшений [3, с. 270–289; 2, с.13].

К этому стоит добавить и статусные мужские пояса, украшенные накладками из драгоценных металлов, с черневым узором. Такие серебряные накладки найдены на Булгарском городище. Аналогии им, выполненные в золоте имеются в Белореченских курганах [32 с. 384, 385, №№84,89; 11, с. 384, 385, №296].

У городской элиты Булгара широкое распространение получили шелковые одеяния, включавшие как верхнюю плечевую одежду, так и головные уборы. Показателен в этом отношении головной убор, состоявший из шелкового платка шитого золотой нитью и сетчатого вязаного покрывала с золотой каймой из женского захоронения XIV в. в Булгаре. Исследователи полагают, что ткани были восточным или средиземноморским импортом [43, с. 225, 226]. Вполне вероятно, что этот драгоценный материал дошел до Булгара по хорошо известному Великому Шёлковому пути, который функционировал со времен античности [52, р.151–158; 51].

Трудно сказать поступал ли шелк в Булгар во второй половине – конце XIV в. непосредственно из Китая, однако по этому транзитному пути его могли привозить с Кавказа или Ирана. Об этом косвенно свидетельствуют другие находки из Булгара, например, шелковые платки, расшитые узорами из золотых и серебряных нитей и тонкие шелковые покрывала из женских захоронений в некрополе «Греческой палаты», по мнению, А.П. Смирнова привезенные из Армении [39, с. 189–191; 5, с. 112–117]. Показательно, что в это же время на Русь 70% шелка поступало из Византии, хотя импортировали и среднеазиатский, иранский и испанский шелк [45, с. 69]. В XV – XVI вв. на Русь шелк-сырец ввозился из Азербайджана (Ширван, Гилян, Шемаха) и Ирана [44, с. 79]. Скорее всего на Среднюю Волгу привозили шелковую материю, а кройку и шитье одежды, как и головных уборов делали уже в швейных мастерских Булгара.

Тем не менее отрицать возможность прямого поступления других изделий и сырья (помимо шелка) из Китая не стоит. Речь идет о украшениях и деталях поясного гарнитура из нефрита, найденных также в Булгаре¹. К этому можно добавить и селадоновую посуду, представленную достаточно большой серией изделий в Булгаре [26, с. 75–77; 14, с. 93–99], что в целом, не редкость на крупных золотоордынских городищах, например, на Маджаре или Селитренном [7, с. 210–212, рис. 74, 75; 48, с. 218, 219].

Таким образом, общеимперская культура Золотой Орды определяла статусный комплекс украшений, регалий и предметов представительского характера (керамика) знати Булгарского улуса, предполагая использование изделий высшего качества исполнения особо значимыми персонами, а для чиновников и представителей правящего сословия рангом ниже – реплики или подражания раритетам. При этом, золотоордынская эпоха произвела на свет не только культуру провинциальной элиты, но и, проникнув практически во все слои общества, создала феноменальный эффект переформатирования культурных ориентиров и эталонов значительной части рядового населения. Это стало основой складывания локальных культурных особенностей в Золотой Орде в том числе и в Булгарской области.

Что же стало определяющей частью новой общественной культуры, каково ее конкретное воплощение? Если не касаться массового производства керамики и металлической посуды, которая как правило доставлялась из различных центров производства, и утилитарных предметов: инструментов, ремесленного и бытового инструментария и конского снаряжения, достаточно универсальных, то локальное выражалось, чаще всего в особенном дизайне женских украшений и предметов туалета. На наш взгляд, наиболее показательны в этом отношении серьги и металлические зеркала.

Серьги в виде знака вопроса, со второй половины XIII в. получившие широчайшее распространение в пределах Золотой Орды и даже за ее пределами [6; 46, с. 38, 39, рис. 6], для булгарской области стали инновацией. Появляются они в захоронениях кочевников со второй половины XIII в. [18 с. 199, рис. 43]. С рубежа XIII–XIV вв. в Булгарском улусе они стали встречаться практически повсеместно – у жителей городов, сел и кочевников. Изготавливались они в золоте, чаще всего с прикрепленной жемчужиной, из серебра и из меди, последние несколько иного оформления [32, с. 456, 457, 459, 461, 463, 465]. Несмотря на общий стандарт формы и дизайна: изогнутая проволока с вертикальным стерженьком («ножкой», по терминологии Е.П. Мыськова) на который внизу крепится бусина или жемчужина, зафиксированная навитой провололочкой, были некоторые варианты, например, стерженек делали не единым, а двухчастным нижняя половина которого превращалась в подвеску с бусиной или жемчужиной или даже с филигранным шариком и соединялась с неподвижной частью петелькой [32, с. 459, кат. №289, 290].

Такие по конструкции серьги встречались у кочевников восточноевропейских степей и степного Приуралья (тип VIa, по Г.А. Фёдорову-Давыдову) [20, с. 181, рис. 94, 10]. В Булгаре они редки, как и трехчастные серьги – с двумя подвесками [32, с. 499, кат. №396]. Последние в захоронениях кочевников не встречены [46, рис. 6; 21, с. 164, табл. XXVIII; 18, с. 191, рис. 35: 1–11].

В Булгаре распространение получили литые серьги в виде знака вопроса изготовленные из серебра, нижняя часть стерженька которых была украшена кубическим или многогранным грузиком, с плотно навитой провололочкой; такого же оформления, только без проволоочки, были и кольцевые серьги из захоронений некрополя у «Греческой палаты» в Булгаре [32, с. 269, 460–465, рис. 68, кат. №№291, 292, 293, 297, 298, 300, 302, 310–312, 321–323].

Аналогичный тип серег, судя по публикациям, встречается преимущественно у кочевников Волго-Донских степей, причем серьги здесь провололочные с напускными бусинами, а не цельнолитые, как в Булгаре. И материал, из которого изготавливались серьги кочевников, в основном медь, а не серебро или белая бронза. Интересно, что у кочевников Булгарского улуса серьги этого типа не встречены, как и у тех, кто обитал южнее, там встречены другие варианты сережек в виде знака вопроса [4, с. 223, рис. 12-V]. Серебряные серьги встречены преимущественно в Булгаре, где, очевидно, пользовались спросом у состоятельной части горожан. На селищах, обнаружены, в основном, бронзовые поделки этого типа. Можно предположить, что этот вариант серег в виде знака вопроса сформировался в Булгарской области Золотой Орды, хотя привести абсолютные доказательства этого практически невозможно, поскольку изготовление таких украшений не требовало ни специальных знаний, ни умений. Можно только быть уверенным, что здесь они были распространены шире, чем в других частях Золотой Орды.

¹ Коллекция Национального музея РТ (НМ РТ), инв. №№7719.

Аналогичная ситуация сложилась и с золотыми, серебряными, медными браслетами с изображением масок льва-дракона. Несмотря на высказанные М.Г. Крамаровским аргументы, с которыми по части происхождения таких браслетов можно согласиться, тем не менее, сравнивая те из них, которые бытовали в Булгарском улусе [32, с. 342–343, рис. 100, 101] и вне его пределов, например, в степи [21, с. 164, табл. XXVIII–1], без труда увидим разницу.

Еще одной категорией изделий, ставших для Булгарского улуса символом новой эпохи, стали металлические зеркала. В домонгольское время они булгарами не использовались, хотя с XI–XII вв. такие изделия достаточно широко распространились в странах ислама. Но с конца XIII в., металлические зеркала прочно заняли место в бытовой культуре населения Булгарского улуса. Сначала это были простые по дизайну поделки: без рисунка или с простейшими геометрическими мотивами. С середины XIV столетия в Булгарской области стали популярными новые варианты изделий, сформировавшиеся в самой Золотой Орде: они украшались изображениями цветов, или стилизованных растений.

Зеркала местного производства в Булгарском улусе достаточно многочисленны, и Г.Ф. Полякова, вполне справедливо считала, что их могли производить в самом Булгаре, поскольку известны и литейные формы для их отливок. Представление о местном типе этих артефактов дает находка зеркала из клада 2013 г. на раскопе CLXXXV Болгарского городища. Это изделие с невысоким вертикальным бортиком, украшенное с тыльной стороны изображениями тюльпанов. Клад и, соответственно, зеркало, датирован XIV в. В нем были: 35 серебряных монет, стеклянные и янтарные бусы, бронзовое зеркало, серьги и копоушки, завернутые в ткань [2 с. 14–15].

Однако, весомую долю зеркал составили изделия, оформленные в традициях Китая, Дальнего Востока, Центральной Азии и Ирана. Шелковый путь на просторах монгольской империи давал возможность беспрепятственно распространяться новым культурным явлениям, в числе которых оказались и металлические зеркала. Не останавливаясь подробно на всем весьма солидном массиве данных по этой теме, отметим, что в Булгарскую область поступали не столько оригинальные изделия, а уже «преображенные» в культурном пространстве монгольской империи образцы [35, с. 270–301]. Это хорошо прослеживается по ряду деталей на этих артефактах, отмеченных в исследованиях Ю. Кадои, занимающемся анализом взаимодействия культур Китая и Ирана в монгольскую эпоху [53, р.76–79; 54, р. 20–23].

В чем обнаружилась местная специфика в бытовании и производстве металлических зеркал в Булгарском улусе? Это, прежде всего, внимание, с одной стороны, к популярным, можно сказать типовым сюжетам и мотивам, не имевших для потребителя ни смысловой, ни даже художественно-эстетической нагрузки. Данный факт означает, что это были сугубо утилитарные предметы, использовавшиеся исключительно функционально, но представлявшие определенную материальную ценность, а также как гендерный атрибут в погребальной практике. Среди мотивов и сюжетов, снижавших такую популярность в Булгарском улусе, были уже упоминавшиеся зеркала с тюльпанами, с «кнопками», чуть меньше, с парой рыб, а также с композицией из аморфных фигур, напоминающих человеческие, расположенных по кругу и получившие в литературе название «мудрецов».

С другой стороны, редко, но все же встречались среди пользователей в Булгаре и те, кто обращал предпочтение оригинальности дизайна и сложности оформления зеркал. Они заказывали копии зеркал с необычными сюжетами, например, с изображением драконов с пылающей жемчужиной, буддийских святых или героев притч и стихотворных сюжетов из китайской поэзии, а также символических рисунков [33, с. 135–152]. Маловероятно, что заказчики вдавались в смысл скопированных сюжетов, но предрасположенность владельцев к художественной эстетике здесь очевидна. У кочевников зеркала со сложной композицией практически, не встречаются или встречаются редко².

Локальные особенности металлических зеркал становятся заметными при анализе всего комплекса находок. Так, более представительная серия зеркал с исламскими мотивами встречена в Маджаре, а в Увекке – немалая доля зеркал дальневосточными мотивами в оформлении [19, с. 78–89; 22, с. 67].

Но, как бы то ни было, в рамках Булгарской области сформировался особый потребительский вкус, определявший как запросы на импорт тех или иных товаров, а также на ассортимент изделий, которые производились местными мастерами. Элитные украшения и шелковая одежда с аксессуарами, как и предметы, обозначавшие социальный и общественный статус, были практически идентич-

² Стоит сказать, что зеркала использовались и как ценная лигирующая добавка при изготовлении собственных поделок, поэтому нередко привозили не только целые изделия, но и зеркальный лом. Эти фрагментированные зеркала иногда могут ввести в заблуждение исследователя относительно бытования тех или иных типов изделий в месте, где они были обнаружены.

ными тем, что и на все территории Золотой Орды, а на раннем этапе и монгольской империи в целом. Это сохранялось на протяжении, практически всей истории Золотой Орды у высшей аристократии и бюрократии Булгарского улуса. Людям этой социальной страты принадлежали и оригиналы редких изделий с Востока: селадоновая посуда, нефритовые поделки и т.п.

А вот потребности местной знати и состоятельных горожан были весьма разнообразны и отражали помимо тяги к самовыражению высшей аристократии, также и особенности собственного менталитета. Первая выражалась в копировании статусных предметов только в ином исполнении (без пышного и дорогого оформления и сделанных из бронзы, а не из золота), например, наверхий шапок-орбелге. Вторая тенденция формировалась на основе культурных заимствований из ассортимента поступающих по торговым путям импортных изделий, например, иранских [36]. Это относится, например, к оформлению серебряных браслетов с масками львов-драконов. Причуды местной моды выражались и в копировании необычных по дизайну, но уже прочно вошедших в обиход бытовых предметов – металлических зеркал с дальневосточными и китайскими сюжетами или в изготовлении украшений из необычных материалов, например, перстеньков из цветного стекла, в подражание, например, зеленому цвету нефрита.

Складывание этих вкусов было во многом спонтанным и зависело от многих факторов, в том числе и от эволюции аристократической прослойки Булгарского улуса, ее культурного уровня, обусловленного происхождением, религиозными воззрениями и политической конъюнктуры в столице области. Последнее связано с наличием внутри города Булгара различных диаспор, например, армянской, русской или хорезмийской, что хорошо документировано материалами раскопок [40, с. 330–359; 27, с. 154–179; 49, с. 141–147; 50, с. 8–102].

Население этого крупного города, было весьма пестрым и включало массу людей разных национальностей и культурных традиций, живших вне диаспор чересполосно [25]. Эта ситуация создавала низовой уровень культурных трансформаций, образующих собственно региональные особенности материальной культуры Булгарского улуса как городского населения, так и сельского. Этот уровень характеризуется массовым потреблением тиражируемых реплик изделий, прежде всего украшений, имевших популярность у знати. Это отлитые из свинцово-оловянистого сплава в жестких (каменных) формах перстни, кольца, подвески, медные или бронзовые браслеты, причем, последние зачастую не просто воспроизводили серебряные образцы, но и получали своеобразное оформление, иногда весьма далекое от оригинала. Эта продукция как кустарного производства, так и городских мастерских, как показали недавние раскопки в Булгаре. Также практиковалось и копирование популярных изделий из доступных и дешевых материалов, например из кости и рога³. Из них изготавливались, например, перстни.

Таким образом, региональные особенности материальной культуры периферийных районов Золотой Орды, в частности Булгара складывались иерархично – от аристократии и знати, пользовавшихся высшими достижениями цивилизации как самой Золотой Орды, так и восточных стран в устройстве собственной жизни, а уже в упрощенном виде, согласно статусному регламенту – к состоятельным горожанам и далее, – как отзвук роскоши, – к городским низам. Через систему ярмарок и крупных торгово-ремесленных поселений городская культура распространялась и на сельскую местность. Интенсивность контактов и степень проникновения инноваций, да и потребность в продукции городских ремесленников, зависела от конкретного района Булгарской области, близости ее к крупному городу или рынку (торговым путям), а также местных традиций, которые зависели от образа жизни и занятий людей там проживавших.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Археологические исследования 2011 г. Болгар и Свияжск – Казань: ИА АН РТ, 2012. 36 с.
2. Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свияжск / авторы-составители: Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2014. 32 с.

³ Исключение составляют изделия из слоновой кости которые принадлежали состоятельным людям. В отдельных случаях, костяные изделия могли входить в комплект особого назначения, например, кольца для стрельбы из лука, которые встречаются очень редко, поскольку использование этого приспособления было не характерно для булгарской воинской или охотничьей традиции, и вследствие этого, широкого распространения в Булгарском улусе такие кольца не получили.

3. Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Исследования ремесленно-торгового района средневекового Болгара // Поволжская археология. 2018 №2(24). С. 270–289. DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2018.2.24.270.289>.
4. Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья / отв. ред. С. Г. Басин. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского пединститута, 1979. С. 202–40 (ТКГПИ. Том 230).
5. Видонова Е. Ткани и шитье XIV в. из раскопок в Великих Булгарах // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1947. Вып. XXI. С. 112–117.
6. Владимиров Г. Серьги в виде знака вопроса из Болгарии (XIII – XIV вв.): о материальных следах куманов и Золотой Орды в культуре Второго Болгарского царства. Казань: ИА АН РТ, 2018. 128 с.
7. Волков И.В. Керамика золотоордынского города Маджара // Материалы Первого Маджарского археологического форума. Пятигорск-Будёновск–2012 год / ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Изд-во «Казанская недвижимость», 2016. С. 139–222 (Археология евразийских степей. Вып. 23).
8. Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (материалы юбилейной научной конференции) / гл. ред. Б.А. Рыбаков. М.: изд-во ун-та, 1983. С. 244–269
9. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: «Наука», 1985. 245 с.
10. Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 218–241.
11. Золотая Орда и Причерноморье: уроки чингизидской империи. Каталог выставки. М.: Изд-во Фонда Ш. Марджани, 2019. 504 с.
12. Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ 1945–1952 гг. Казань. Татгосиздат, 1954. 125 с.
13. Коваль В.Ю. Испанская керамика в средневековом Болгаре // От Руси до Китая: из новых археологических исследований. К юбилею Ю.Ю. Моргунова / отв. ред. В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2017. С. 74–92.
14. Коваль В.Ю. Привозились ли в Европу корейские селадоны // От Руси до Китая: из новых археологических исследований. К юбилею Ю.Ю. Моргунова / отв. ред. В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2017. С. 93–100.
15. Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 383 с.
16. Крамаровский М.Г. «Булгарские» браслеты: генезис декора и локализация // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XLIII. Л., 1978. С. 46–51.
17. Крамаровский М.Г. Золото Чингизидов: Культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
18. Кригер В.А. Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X–XIV вв.). Уральск, 2012. 200 с.
19. Лопан О. В. Новые находки металлических зеркал с Маджарского городища // Материалы Первого Маджарского археологического форума. Пятигорск-Будёновск–2012 год / ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Изд-во «Казанская недвижимость», 2016. С. 79–89.
20. Матюшко И.В. Погребальный обряд кочевников Степного Предуралья IX–XIV вв. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. 211 с.
21. Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Изд-во Волгоград. филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 484 с.
22. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Издат. фирма «Восточная литра», 2000. 224 с.
23. Олейников О.М., Руденко К.А. Металлическое зеркало китайского типа из Великого Новгорода // Российская археология. 2018. № 3. С. 141–152.
24. Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: Эвтектика, 1991. 112 с.
25. Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.
26. Полубояринова М.Д. Торговля Болгара // Город Болгар: Культура, искусство, торговля. М.: Наука, 2008. С. 26–102.
27. Полубояринова М.Д. Жилища Болгара // Город Болгар. Жилища и жилая застройка. М.: Наука, 2016. С. 5–191.
28. Полякова Г.Ф. Зеркала с драконами из Болгар // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 216–219.
29. Полякова Г.Ф. Бляхи-навершия головных уборов // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ) / отв. ред. С.В. Студзитская. М.: ГИМ, 1990. 152 с. (Труды ГИМ. Вып. 74). С. 138–141.
30. Руденко К.А. Древний Булгар. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. 60 с.
31. Руденко К.А. История Волжской Булгарии в свете археологических исследований // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 19–41.
32. Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015. 528 с.

33. Руденко К.А. Трансформация китайских и чжурчженских изобразительных сюжетов на металлических зеркалах Поволжья эпохи Золотой Орды // Средневековые древности Приморья / отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2015. С.135–152.
34. Руденко К.А. Булгарский улус Золотой Орды во второй половине XIII – начале XV века: историко-археологический очерк // *Stratum plus: Pax Mongolica* и евразийские потрясения XIII–XIV веков. 2016. №6. С. 107–149.
35. Руденко К.А. Металлические зеркала из Волжской Булгарии и Булгарского Улуса Золотой Орды как отражение трансконтинентальных связей в Евразии эпохи средневековья // Средневековые древности Приморья / отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 270–301 (Вып. 4).
36. Руденко К.А. О связях Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды с Ираном в X–XIV вв. (по археологическим материалам) // *Золотоордынское обозрение*. 2018. Т. 6, №3. С. 472–488. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.472-488
37. Рязанов С. В. Чугунолитейное ремесло в городах Золотой Орды (итоги предварительного исследования). Уфа: УНЦ РАН, 1997. 68 с.
38. Смирнов А.П. Волжские булгары // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1946. Вып. XIII. С. 158–159.
39. Смирнов А.П. Волжские булгары. М.: Изд-во ГИМ, 1951. 295 с.
40. Смирнов А.П. Армянская колония города Болгара // *Материалы и исследования по археологии СССР*. – № 61 / отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 330–359 (Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II).
41. Смолин В.Ф. Клад восточных золотых предметов из болгарского города Джукетау // *Вестник научного общества Татароведения*. 1925. №3. С.16–28
42. Турилов А.А., Чернецов А.В. Следы знакомства с восточным двенадцатилетним циклом в славянской традиции // *От Руси до Китая: из новых археологических исследований. К юбилею Ю.Ю. Моргунова* / отв. ред. В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2017. С. 120–126.
43. Федотова Ю. В., Валеева-Сулейманова Г.Ф., Визгалова М.Ю. Головной убор из погребения женщины XIV в. на территории г. Болгара (тюрбан с золотым шитьем и сетчатым покрывалом) // *Поволжская археология*. 2017. №2(20). С. 224–237. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.224.237>
44. Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М.: Госкультпросветиздат, 1956. 123 с. (Труды ГИМ. Вып. 31).
45. Фехнер М.В. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // *Советская археология*. 1982. № 2. С. 57–70.
46. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во московского ун-та, 1966. 276 с.
47. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 228 с.
48. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.: Изд-во МГУ, 2001. 256 с.
49. Хлебникова Т.А. Древнерусское поселение в Болгарах // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.-Л.: АН СССР, 1956. Вып. 62. С. 141–147.
50. Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // *Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности* / ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 8–102.
51. Xinru Liu *The Silk Road in World History*. L.: Oxford University Press, 2010. 168 p.
52. Frye Richard N. *The Heritage of Central Asia: From Antiquity to the Turkish Expansion* (Princeton Series on the Middle East). Princeton: Markus Wiener Publishers, 1996. 264 p.
53. Kadoi Y. *Islamic Chinoiserie: The Art of Mongol Iran* (Edinburgh Studies in Islamic Art). Edinburgh: University Press, 2009. 320 p.
54. Kadoi Y. *Islamic art at the crossroads: Iran and China under the Mongols* // *Hadeeth ad-Dar*. 2011, no 34, pp. 20–23.

Сведения об авторе: Константин Александрович Руденко – доктор исторических наук, профессор, доцент Казанского государственного института культуры (Казань, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4067-9287>. E-mail: murziha@mail.ru

**THE FORMATION OF REGIONAL FEATURES OF THE GOLDEN HORDE CULTURE
IN THE SECOND HALF OF THE 13TH – 14TH CENTURY: UNIVERSAL AND LOCAL
IN THE CONTEXT OF TRADE CONTACTS ON THE GREAT SILK ROAD
(ON THE EXAMPLE OF THE BOLGHAR ULUS)**

Konstantin A. Rudenko

Kazan State Institute of Culture

In the second half of the thirteenth and in the fourteenth century, the Golden Horde's Bolghar ulus developed within the framework of the general imperial culture of the state, but under the strong influence of the traditions of the Volga Bulgaria, which had developed earlier in the domestic sphere and craftwork. The most important sources on this subject – archaeological materials – clearly demonstrate this. Innovation penetrated primarily in the urban environment, which is especially noticeable in the finds on the Bolghar ancient settlement. On the one hand, these are objects of elitist culture: golden belt bowls, jewelry of the ceremonial costume of the highest dignitaries and simpler jewelry that imitate the latter. Silk fabrics and clothing popular among the elite of the Bolghar ulus also belonged to this environment and were brought here along trade routes from East to West, functioning long before this period. Chinese and Jurchen motifs on metal mirrors from the settlements of the Bolghar ulus are no less interesting. One can assume both the direct borrowing of finished products (for example, ceramics), and the indirect effect of the imperial fashion formed in the vast expanses of the empire, for example, in Khwarezm, on the everyday life of the Bolghar ulus, expressed in craft technologies, jewelry design and ceramic decoration, the form of various crafts.

Keywords: Bolghar ulus, Golden Horde, celadon, metal mirrors, trade, Silk Road, jade

About the author: Konstantin A. Rudenko – Dr. Sci. (History), Professor, Kazan State Institute of Culture (Kazan, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4067-9287>. E-mail: murziha@mail.ru

«ШУАБ-И ПАНДЖГАНА» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ «ПЯТИ НАРОДОВ»

Ч.И. Хамидова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан*

Статья посвящена общему обзору одного из сочинений средневекового персидского историка Рашид ад-дина – Шуаб-и панджгана, являющегося важным источником по истории Золотой Орды. Труд, известный в одном списке и хранящийся в музее библиотеки Топкапы в Стамбуле, содержит генеалогические таблицы правящих династий тюрко-монголов, евреев, арабов, франков, китайцев. Рашид ад-дин во введении к генеалогическому сочинению сообщает, что у него была цель написать историю всего человечества, однако, поскольку невозможно «описать родословную каждого народа и каждого племени», пришлось сконцентрировать внимание на роде пророка Мухаммада, Адама, отца рода человеческого и на правящих династиях. Тюрко-монгольская часть генеалогии, являющаяся неким приложением к основному историческому сочинению Рашид ад-дина «Джами ат-таварих», при сопоставлении данных ясно показывает соотношение двух сочинений Рашид ад-дина: генеалогические таблицы в «Джами ат-таварих» выступили в качестве «тренировки» перед сочинением «Шуаб-и панджгана», в котором генеалогические данные были представлены в обновленном, дополненном виде, о чем мы более подробно писали в ряде статей. Арабо-еврейская часть – это классическая генеалогия авраамических пророков с подробным описанием их потомков, с подробным указанием родоначальников древних поселений, изобретателей письма, наук (медицины, астрономии и пр.). Во франкской части Рашид ад-дин дает последовательный список пап Священной Римской империи и правителей Римской империи. Сопоставительное изучение этой недавно введенной в научный оборот рукописи может обогатить научные представления об истории Золотой Орды и Средневековья в целом.

Ключевые слова: Рашид ад-дин, Шуаб-и панджгана, Сборник летописей, Джами ат-таварих, генеалогия Джучидов

Шуаб-и панджгана известен как дополнение к основному историческому труду Рашид ад-дина «Джами ат-таварих». О генеалогической работе Рашид ад-дина имеется незначительная историография [12, с. 50–56]. В историографию рукопись вошла под названием «Шуаб-и панджгана», в библиотеке Стамбула рукопись хранится под названием «Китаб насабнаме-и мулюк», поскольку на переплете дано именно это название – «Книга родословий правителей», однако оно в тексте сочинения не встречается.

Рашид ад-дин во введении к генеалогическому сочинению сообщает, что у него была цель написать историю всего человечества, однако, поскольку невозможно «описать родословную каждого народа и каждого племени», пришлось сконцентрировать внимание на роде пророка Мухаммада, Адама, отца рода человеческого и на правящих династиях. Автор выделил пять основных народов, чьи главные на его взгляд династии он описал, снабдив комментариями: 1. Арабы, 2. Тюрко-монголы, 3. Сыны Исаи, 4. Христиане и франки, 5. Китайцы.

При оформлении текста рукописи, Рашид ад-дин использует свою систему, которую, по его словам, никто ранее не использовал [11, с. 8–14]. Организация текста в тюрко-монгольской части подробно описана нами в других публикациях [8]. Что же касается имен еврейских патриархов и китайских правителей, то они вписаны в сложную фигуру, состоящую из соединенных треугольника и круга, нижнее основание треугольника – часть окружности. В случае с Римскими императорами и папами эта фигура еще более усложняется: снизу добавляется прямоугольник, верхняя грань которого составляет часть окружности. Сама окружность оставлена пустой, в треугольник вписаны имена, в прямоугольник – информация биографического характера. Круги оставлены пустыми, вероятно, для миниатюр. Последние два раздела не являются генеалогией по сути, это просто список правителей, хоть и чаще всего соблюдается принцип отец-сын в переходе власти от одного правителя к другому.

При этом весь текст рукописи заключен внутри двух красных линий, идущих справа и слева текста и нисходящих от Адама, отца рода человеческого. На наш взгляд, такое оформление символи-

зирует родство всего человечества и его единоначалие. В этом символизме проступает важная идея Рашид ад-дина, заставившая его писать всемирную историю человечества: есть не отдельные истории разных государств, но единый взаимосвязанный исторический процесс всего человеческого общества. Отсюда интерес Рашид ад-дина не только к государству, в котором он жил, или к родословиям пророков и халифов, что естественно для ученого, живущего в мусульманском ареале, но и к другим государствам, с которыми соприкасается Иран.

Тюрко-монгольская часть генеалогии, являющаяся неким приложением к основному историческому сочинению Рашид ад-дина «Джами ат-таварих», при сопоставлении данных ясно показывает соотношение двух сочинений Рашид ад-дина: генеалогические таблицы в «Джами ат-таварих» выступили в качестве «тренировки» перед сочинением «Шуаб-и панджгана», в котором генеалогические данные были представлены в обновленном, дополненном виде, о чем мы более подробно писали в ряде статей [1], [9].

Что касается других частей сочинения, то арабо-еврейская часть – это классическая генеалогия авраамических пророков с подробным описанием их потомков, с подробным указанием родоначальников древних поселений, изобретателей письма, наук (медицины, астрономии и пр.). Во франкской части Рашид ад-дин дает последовательный список пап Священной Римской империи и правителей Римской империи. Список правителей начинается с имени Валериана и его сына Галлиена и заканчивается правителями династии Габсбургов. Вероятно, изначально список начинался с имени Октавиана Августа и Тиберия, которого Рашид ад-дин называет вторым правителем франков. Список пап начинается с Дионисия и заканчивается именем Бенедикта XI. Всего Рашид ад-дин приводит имена сто одного правителя (при этом первые двадцать шесть из них отсутствуют из-за потерянных листов) и двухсот двух пап (первые двадцать пять отсутствуют). Однако самих фигур с именами намного больше: это связано с оригинальным способом организации данных о правителях франков. Рашид ад-дин не просто дает список в хронологической последовательности, но еще и располагает в одном ряду тех пап римских и кайзеров, что оказались у власти в одно и то же время. Если папа римский оказывается современником большого количества правителей, его имя приходится повторять в новом ряду пап. Например, имя последнего в списке папы – Бенедикт XI – указано дважды: в ряду современников Адольфа вместе с папами-предшественниками Бонифацием VIII и Святым Целестином V. Также Рашид ад-дин указывает количество дней их папства при определенном правителе вплоть до количества дней. В информации о правителях Рашид ад-дин также указывает количество лет их правления и значимые исторические события, случившиеся при их правлении. В предисловии Рашид ад-дин указывает, что подобно тому, как арабские халифы – наместники пророка Мухаммада, так и папы римские – наместники Иисуса, поэтому его генеалогии должны продолжить именно папы.

Китайская часть генеалогии, по словам Рашид ад-дина, – это история правителей Чина и Хитая, «от правителя по имени Нику», «до конца эпохи Шули Су Су, который был правителем Хитая из племени джурдже, и до конца эпохи правителя Чин, которого звали (*пропуск в тексте*), который правил во время Кубилай каана». На взгляд исследователей, китайская часть «Шуаб-и панджгана» не отличается от китайской части в «Джами ат-таварих» по содержанию [10, 513]. Однако все же мы должны отметить одно важное отличие текста по китайской истории в «Шуаб-и панджгана», присутствующее этому генеалогическому сочинению в целом: списки династий китайских правителей даны в специфических таблицах, отражающих наличие нескольких одновременных линий власти на территории Китая, современного Рашид ад-дину. При этом указана своеобразная классификация правителей, данная в самих китайских источниках, где правители разделяются на более или менее важных. Это отражается в наличии их изображения, в цвете чернил при написании их имен, в наличии корон на изображении, в цвете самой короны. Рашид ад-дин постарался сохранить эту классификацию и отразить ее в виде таблиц [5].

Тюрко-монгольская часть сочинения уже была опубликована в виде серии статей в разделе «Наследие» «Золотоордынского обозрения» [3], [4], [5], [6], [7], другие же части были опубликованы впервые в полной версии перевода в виде книги [2] и представлены суду читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миргалеев И.М., Хамидова Ч.И. Генеалогия предков Узбек-хана по данным «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина // Золотоордынская цивилизация / Ред. издания и составитель И.М. Миргалеев. Выпуск 6. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 22–25.

2. Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана (Пять родословий) / Перевод с персидского языка Ч.И. Хамидовой; науч. и отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 228 с.
3. Хамидова Ч.И. Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (1) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 668–680.
4. Хамидова Ч.И. Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (2) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 868–880. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.868-880
5. Хамидова Ч.И. Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (3) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 846–865. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.846-865
6. Хамидова Ч.И. Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (4) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 168–180. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.168-180
7. Хамидова Ч.И. Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (5) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 409–421. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.409-421
8. Хамидова Ч.И. Структура генеалогических сочинений по истории Чингизидов // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 4. С. 696–706. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.696-706
9. Хамидова Ч.И. Эмиры правителей Чингизидов по данным «Шу’аб-и панджгана» Рашид ад-дина // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 132–134.
10. Binbas I. E. Structure and function of the genealogical tree in Islamic historiography (1200–1500). *Horizons of the World. Festschrift for Isenbike Togan*. Istanbul: Ithaki, 2011. Pp. 465–544.
11. Lataif al-haqaiq. Ed. Ghulam-Riza Tahir (Tehran: Intisharat-I Kitabhana-yi Markaz-I va Markaz-I Asnad, 2535 Shahi/1976). Vol. 2. 144 p.
12. Mirgaleev I.M., Khamidova Ch.I. The study of Juchids genealogy according to Rashid al-Din’s “Shuab-i Pandjghana” // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4(6). С. 50–56.

Сведения об авторе: Чулпан Ильдаровна Хамидова – старший научный сотрудник Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: zahragizza@gmail.com

THE “SHUAB-I PANJGANA” AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE “FIVE PEOPLES”

Chulpan I. Khamidova

*Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of Tatarstan Academy of Sciences*

The article is dedicated to a general review of one of the works of the medieval Persian historian Rashid al-Din – Shuab-i panjgana, which is an important source on the history of the Golden Horde. The work, known in one copy and stored in the museum of the Topkapi library in Istanbul, contains genealogical tables of the ruling dynasties of the Turkic-Mongols, Jews, Arabs, Franks, and Chinese. Rashid al-Din, in the introduction to the genealogical composition, reports that he had the goal of writing the history of all mankind, however, since it was impossible to “describe the genealogy of every nation and every tribe,” he had to concentrate on the kind of prophet Muhammad, Adam, the father of the human race, and the ruling dynasties. The Turkic-Mongolian part of the genealogy, which is a kind of appendix to Rashid al-Din’s main historical work “Jami at-tavarikh”, clearly shows the correlation of the two Rashid ad-din’s works: the genealogical tables in “Jami at-tavarikh” appeared in as a “training” before the composition of “Shuab-i Panjgana”, in which the genealogical data were presented in an updated, supplemented form, which we wrote about in more detail in a number of articles. The Arab-Jewish part is a classic genealogy of the Abramic prophets with a detailed description of their descendants, with a detailed indication of the founders of ancient settlements, inventors of writing, sciences (medicine, astronomy, etc.). In the Frankish part, Rashid al-Din gives a consistent list of Popes and the Holy Roman Emperors. A comparative study of this recently introduced manuscript can enrich research ideas about the history of the Golden Horde and the Middle Ages as a whole.

Keywords: Rashid al-Din, Shuab-i panjgana, Compendium of chronicles, Jami at-tawarih, Jochid genealogy

About the author: Chulpan I. Khamidova – Senior Researcher Fellow of the Center for the written and musical heritage, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: zahragizza@gmail.com

НОВЫЕ НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ЛИМАНСКОМ РАЙОНЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

А.В. Пачкалов

Финансовый университет при Правительстве РФ

Темой исследования являются монетные находки на территории Лиманского района Астраханской области, относящиеся в основном к золотоордынской эпохе. Целью работы является изучение специфики монетного обращения Лиманского поселения, а также других монетных находок. В статье рассматриваются известные на сегодняшний день монетные находки, сделанные на поселении. Эти находки рассмотрены в контексте находок, сделанных в этом регионе ранее. Научной новизной исследования является информация о новых, неопубликованных находках монет. Результаты исследования позволяют датировать денежное обращение Лиманского поселения периодом от времени правления хана Узбека до 1360-х гг. Распределение монетных находок в целом напоминает распределение находок на памятниках Нижнего Поволжья (преобладание основных нижне-волжских монетных дворов – Сарая, Сарая ал-Джедид, Гюлистана). Наибольшее количество монет (около половины находок) приходится на время правления ханов Узбека и Джанибека (1340–1350-е гг.). Населенный пункт был оставлен в результате гражданской войны в Золотой Орде в начале 1360-х гг. Монеты позже начала 1360-х гг. на поселении не встречаются. Помимо монет Золотой Орды в Лиманском районе была найдена монета Древнего Рима и монеты России XVIII–XX вв.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, Поволжье, нумизматика, монеты

Темой исследования являются монетные находки на территории Лиманского района Астраханской области, относящегося в основном к золотоордынской эпохе. Целью работы является изучение специфики монетного обращения Лиманского поселения, а также других монетных находок. Основные задачи – изучение источниковой базы (опубликованные и неопубликованные монетные находки), рассмотрение динамики монетного обращения, сопоставление с монетным обращением на других археологических памятниках.

Лиманский район Астраханской области остается одним из наименее изученных в археологическом отношении среди других районов Нижнего Поволжья. В литературе XIX–XX вв. имеются немногочисленные упоминания памятников, расположенных в этом районе. Так, по сведениям И.А. Житецкого какое-то поселение располагалось в семи верстах к северу от с. Яндыки (Лиманский р-н) в урочище Башта (Башня) [3, с. 12]. Следы поселения неизвестного времени были зафиксированы близ с. Басы [3, с. 12; 9, с. 93]. Золотоордынская керамика на площади примерно 300 x 500 м. была встречена при разведочных работах экспедиции Ленинградского отделения Института археологии РАН в 1967 г. в 5 км. северо-западнее станции Зензели. Следы золотоордынского поселения в 0,6 км. от с. Николаевки, у жел.-дор. Астрахань-Минеральные Воды были обследованы в 1979 г. Е.В. Шнайдштейн (керамика была собрана на площади 250 x 1000 м.). В 2003 г. подъемный материал золотоордынского времени был встречен у с. Оля. Однако, находки средневековых монет на этих памятниках не фиксировались.

Торговые пути тесно связывали территорию Кавказа с Поволжьем, где располагались столичные города Золотой Орды, а также Хаджи-Тархан и другие. По данным персидских источников, «из Сарая-Берке до Махмудабада Арранского и Гуштасфи ездили на арбах» [10, с. 99]. Очевидно, что рассматриваемое поселение располагалось недалеко от торгового пути, соединявшего Нижнее Поволжье и Закавказье. Недалеко располагалась и дорога, связывавшая Хаджи-Тархан и Маджар [о локализации этой дороги см.: 1, с. 6–8].

Немногочисленные золотоордынские монеты (остались в основном неопределенными) были встречены на станциях XVIII–XIX вв., располагавшихся на дороге Астрахани – Кизляр¹ На месте

¹ Автор выражает признательность П. Бобровническому (п. Промысловка, Астраханская обл.), за предоставленную информацию о находках в Лиманском районе. С помощью П. Бобровнического удалось собрать сведения о монетах, собранных разными находчиками.

почтовой станции Баткалинская (около 11 км. южнее с. Промысловка) был найден анонимный пул Сарая ал-Джедид 768 г.х. (с изображением зверя).

На почтовой станции Башмачаговская (в 17 км. западнее с. Басы) была найдена чрезвычайно редкая медная моноэпиграфная монета с именем правителя Мохши(?) 1360-х гг. Пулада б. Тукана(?) (или Нукана? Букана?) шаха(?) (рис. 2). Мне известен только один экземпляр подобной монеты, опубликованный кратко А.К. Марковым в приложении к каталогу мусульманских монет Эрмитажа [5, № 777а, с. 860].

Указанные находки позволяют предполагать, что почтовые станции, функционировавшие в XVIII–XIX вв., расположились на местах средневековых караван-сараев.

На месте бывшего с. Ясин (около 15 км. к востоку от с. Промысловка) был найден пул времени правления хана золотоордынского Токтамышша (с цветочным орнаментом, чекан Сарая ал-Джедид, с надчеканкой в виде рыбы).

В 2010 г. золотоордынская медная монета (осталась неопределенной) была найдена коллекционером у с. Вышка, примерно в 2 км. к северо-западу от маяка, на месте распаханного бугра (ранее на этом бугре располагалось село Разбугорье)². Здесь же была обнаружена денга 1730-х или 1740-х гг., а также копейка времени правления Петра I.

В 2010 г. был найден ордынский пул (остался неопределенным) напротив с. Оля [на поселении «Ракуша», восточный берег р. Бахтемир].

Несколько лет назад коллекционерами из Лимана было обнаружено большое поселение золотоордынского времени на склоне бэровского бугра примерно в 3 км. к северу от пос. Лиман, южнее ильменя Чживого 2-й. Протяженность поселения около 1 км., ширина – около 300 м. Отмечено большое количество поливной и неполивной керамики, плинфы, фрагментов чугунных котлов, монет. Было найдено зеркало, золотой перстень, большое число золотоордынских монет³.

К сожалению, весь комплекс найденных на Лиманском поселении монет (как минимум 2000 экз. золотоордынских монет) разошелся по рукам между находчиками и покупателями, состав найденных монет не был детально зафиксирован⁴. По имеющейся информации, только весной в 2010 г. на поселении было найдено не менее 8 серебряных монет (Узбек: Сарай – 1; Джанибек: Сарай ал-Джедид – 3; Джанибек: Гюлистан 752 г.х. – 1, 753 г.х. – 1, 750-е гг.х. – 1; Бердибек: Гюлистан 759 г.х. – 1).

Больше всего монет относится ко времени правления ханов Узбека (Сарай 721 г.х., 737 г.х.), Джанибека (пулы Сарая ал-Джедид с изображением двуглавого орла и с цветочным орнаментом), а также к началу «великой замятни» (среди последних монеты Хызра 762 г.х. и Кильдибека 763 г.х.). Имеются также монеты Хайр-Пулада (Сарай ал-Джедид 764 г.х.). Есть единичные находки анонимных монет ал-Джедида (с изображением тамги), хана Абдаллаха без обозначения места и года чекана (с изображением зверя), этого же правителя, но чекана Азака (с треугольником в центре). Можно отметить также находки пулов с маджарской надчеканкой 1360-х гг. (были надчеканены медные монеты Сарая ал-Джедид с изображением цветочного орнамента, встречено не менее 6 экз.). Находки монет с маджарской надчеканкой достаточно редки за пределами Маджарского городища, т.е. находки целой серии таких монет свидетельствуют о связях Лиманского поселения с Маджарским городищем. Преобладают монеты нижеволжской чеканки, но также встречаются, относящиеся к территории к западу от Волги (Азак, Маджар). В 200 метрах ниже этого бугра было обнаружено много монет относящихся к периоду с 1760-х гг. до начала XX в.

Время существования поселения может быть определено периодом 1320–1360-гг. Монет XIII в. и монет времени правления хана Токтамышша на Лиманском поселении не было встречено. Можно считать наиболее вероятным, что поселение возникло в период роста городов в период правления хана Узбека, а прекратило свое существование в 1360-е гг., в период гражданской войны в Золотой

² Недалеко от с. Вышка располагается залив Мечетный проран. Золотоордынское поселение в этой местности неизвестно, но название Мечетный проран может указывать на наличие средневекового поселения, т.к. названия «Мечетный», часто встречающиеся на юге России, обычно служат маркерами наличия построек золотоордынского времени. Ниже Мечетного прорана находится водная гладь под названием Татарская бороздина. Бороздина тянется до г. Лагань (Калмыкия).

³ Примерно в 1 км. к северу от этого поселения, на другом бэровском бугре, вероятно, располагалось буддийское культовое место. Здесь найдено большое число русских монет XVIII в. (какое-то количество килограммов медных монет). Также было встречено и несколько серебряных золотоордынских монет.

⁴ Были встречены также русские монеты XVIII–XIX вв.

Орде, т.е. относится к периоду расцвета Золотой Орды, как и большинство золотоордынских памятников Нижнего Поволжья.

На т.н. Каталонском атласе 1375 г. (рис. 1), на Лесинском портолане (XV в.?), а также и других западноевропейских картах отмечено большое количество имен городов вдоль северо-западного побережья Каспийского моря (особенно, между Волгой и Терекком) [11; 12]. Идентификация этих топонимов представляет собой сложность. Очевидно, что некоторые имена переданы с ошибками. В некоторых названиях прослеживается элемент «tube» (тюркск. «тепе» – «холм»). Наличие большого числа топонимов в регионе на средневековых западноевропейских картах также говорит о посещениях этих мест торговцами из Западной Европы. Археологическим подтверждением таких контактов может являться находка в Дагестане монеты, чеканенной в Бургундии не позже конца XV в. [6, с. 70, № 1198]. Золотоордынское название Лиманского поселения неизвестно, но можно считать очень вероятным, что этот топоним должен был быть отмечен на Лесинском портолане.

На Лиманском поселении был найден клад золотоордынских монет. С фотографиями монет которого мне удалось ознакомиться (уже после его продажи находчиком). В кладе было не менее 94 экз. серебряных монет. Состав: Токта: Сарай ал-Махруса – 2; Узбек: Сарай – 10; Сарай ал-Махруса – 2; Джанибек: Сарай ал-Джедид – 29; Гюлистан – 7; Бердибек: Сарай ал-Джедид – 6; Гюлистан – 7; Кульпа: Гюлистан – 4; Хызр: Сарай ал-Джедид – 5; Гюлистан – 3; Орду-Мелик: Азак – 1; Кильдибек: Сарай ал-Джедид – 15; подражание(?) монетам Джанибека чекана Сарая ал-Джедид – 1; неопределенные Сарая ал-Джедид – 1, неопределенная Сарая ал-Джедид 761 г.х. – 1. Преобладает чекан Сарая ал-Джедид, а монет более удаленного Гюлистана значительно меньше. В кладе содержится много монет хана Кильдибека, вероятно, в период правления Кильдибека или Мюрида (предположительно около 763 г.х. или 764 г.х.) и был зарыт клад. Интересно отметить, что ранее у соседнего с. Промысловка был найден клад серебряных (с примесью медных) монет Золотой Орды (точной информации о месте находки нет). Неясно также, полный ли это состав клада или только его часть. В Астраханском историко-архитектурном музее заповеднике хранятся (№ 40115/1–40) 40 серебряных и 3 медные монеты (начиная от времени Джанибека и до монеты Мюрида 763 г.х.) [7, с. 159, № 1]. Сокрытие клада из Астраханского музея относится к тому же времени, что время сокрытия нового клада, найденного на Лиманском поселении⁵. В отличие от Лиманского клада, содержавшего большое количество монет хана Кильдибека, в кладе из Промысловки отмечен только один пул хана Кильдибека, а серебряные монеты этого правителя не были отмечены вовсе.

В 5 км. к югу от с. Промысловка на бэровском бугре также было найдено поселение времени Золотой Орды, меньшее по размерам, чем Лиманское. Керамика встречается на площади примерно 250 x 100 м. На поселении было найдено не менее двух сотен медных и серебряных золотоордынских монет. Сохранились определения следующих монет: серебро: Джанибек: Сарай ал-Джедид 748 г.х. – 1; медь: анонимные: Сарай 730-е гг.х. – 6 (с изображением льва и солнца); Сарай ал-Джедид 740-е гг.х. – 5 (с изображением двуглавого орла). Еще один пулов с джучидской тамгой относится к крымской чеканке.

Немногочисленные монеты Золотой Орды были встречены на бугре, расположенном примерно в 4 км. к юго-западу от с. Бударино и 4 км. к западу от залива Харбата.

Примерно в 6 км. к северо-западу от указанного места, на Филькином бугре, также часто находили монеты Золотой Орды (как серебряные, так и медные).

На небольшом поселении XIX в., расположенном примерно в 30 км. к югу от с. Промысловка (территория Республики Калмыкии), был найден денарий римского императора Траяна (97 г.) (рис. 3). Находки античных монет на территории Нижнего Поволжья не являются частыми (в Астраханской области известны, например, на Селитренном городище). Монеты императора Траяна в Нижнем Поволжье были встречены в начале XX в. на Водянском городище и у с. Саломатино (Волгоградская обл.) [3, с. 44; 4, с. 47–48]. На этом же поселении XIX в. было встречено несколько монет Золотой Орды и поздняя китайская монета (династия Цинь). Монета императора Траяна может быть связана как с периодом начала нашей эры, так и с золотоордынским периодом, т.к. в Поволжье античные монеты встречаются преимущественно на территории поселений Золотой Орды, в слоях золотоордынского времени [8]. Вместе с тем эта находка может отражать контакты Нижнего Поволжья с античным миром и свидетельствовать о локализации торговых путей, проходивших через территорию Нижнего Поволжья в это время.

⁵ Можно предполагать, что клад у с. Промысловка был найден на одном из тех золотоордынских поселений у с. Промысловки, которые рассматриваются в данной работе.

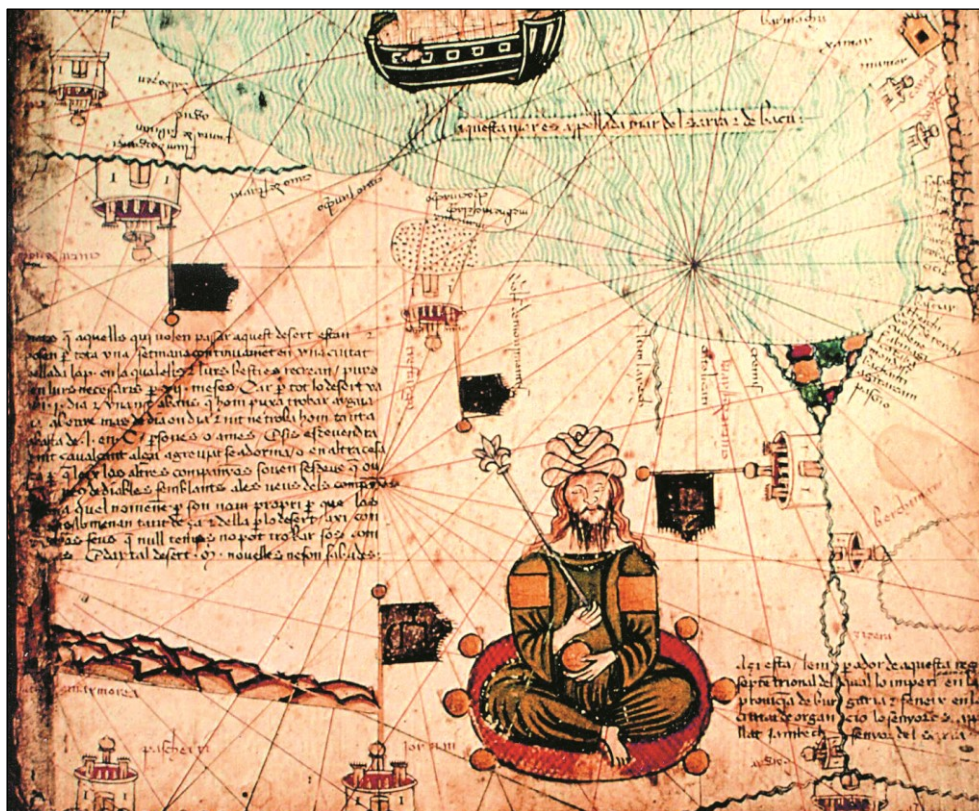

Рис. 1. Фрагмент Каталонского атласа 1375 г.

Рис. 2

Рис. 3

Имеется также информация о находках в 1980–1990-е гг. на острове Чистая банка в северо-западной части Каспийского моря большого числа русских монет XVIII в. (тысячи экземпляров).

Результатами исследования являются ввод в оборот новых нумизматических источников (монеты, найденные на Лиманском поселении и на соседних археологических памятниках), изучение истории монетного обращения Лиманского поселения и его сопоставление с монетным обращением других памятников Нижнего Поволжья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барбот-де-Марни Н. Геолого-орографический очерк Калмыцкой степи и прилежащих к ней земель (с геологической картой) // Записки Императорского русского географического общества. Кн. 3. Отд. 2. СПб., 1862. С. 4–92.
2. Житецкий И.А. Астраханские калмыки // Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань, 1892. С. 3–173.

3. Зайковский Б.В. Из монетной летописи Нижне-Волжской области. Топография наиболее достоверных монетных находок древнего времени до XIII в. включительно // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Вып. 35. Ч. 1 (Археологический сборник). Саратов: Полиграфпром, 1926. С. 41–50.
4. Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР. М.: Академия Наук СССР, 1961. 119 с.
5. Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. Дополнение первое. СПб., 1898. 20 с.
6. Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 4. Баку: АзФАН, 1949. 116 с.
7. Пачкалов А.В. Новые находки кладов золотоордынских монет // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. Нижний Новгород: «Информэлектро», 2004. С. 158–171.
8. Пачкалов А.В. Находки античных и раннесредневековых монет на поселениях Золотой Орды // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. № 2/2008. Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2008. С. 219–224.
9. Спицын А.А. Отчет о поездке члена Археологической комиссии А.А. Спицына летом 1893 года на Жареный бугор и некоторые приволжские золотоордынские города // Отчет Императорской Археологической комиссии за 1893 г. СПб.: Типография главного управления уделов, 1895. С. 76–97.
10. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.-Л: АН СССР, 1941. 307 с.
11. Freiesleben H.-Ch. Der Katalanische Weltatlas von Jahre 1375. Stuttgart, 1977. 120 s.
12. Goldschmidt E.P. The Lesina portolan chart of the Caspian Sea with a commentary by G.R. Crone // Geographical Journal. Vol. 103. № 6. L., 1944. P. 272–278.

Сведения об авторе: Александр Владимирович Пачкалов – кандидат исторических наук, доцент, директор Музея финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Российская Федерация). E-mail: zolornum@mail.ru

NEW COIN FINDS IN THE LIMAN DISTRICT OF THE ASTRAKHAN REGION

A.V. Pachkalov

Financial University under the Government of the Russian Federation

The topic of the article is a study of coin finds in the Liman district of Astrakhan region (mainly of the Golden Horde period). The aim of the article is a study of specific of coin circulation of the Golden Horde's Liman settlement. The research materials is represented by the known coin finds from the Liman settlement. The novelty of the research is information about new unpublished coin finds from the Liman settlement. The results of research enable us to date the coin circulation of the Liman settlement from Uzbek Khan's rule (1320–1330s) to the 1360s. The content of coin finds is similar to the finds' content of the Lower Volga's settlement (the prevalence of the main Lower Volga mints – Sarai, Sarai al-Jadid, Gulistan). The main part of coins (more than half of finds) date to Uzbek Khan and Janibek Khan's rule (1340–1350s). The Liman settlement was abandoned during the civil war in the beginning of the 1360s. In addition to the coins of the Golden Horde, a coin of Ancient Rome and coins of Russia of the 18th–20th centuries were found in the Liman region.

Keywords: Golden Horde, Jochid ulus, Volga region, numismatics, coins

About the author: Aleksandr V. Pachkalov – Cand. Sci. (History), Assistant Professor, Director of Financial Museum, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: zolornum@mail.ru

НОВЫЕ ШТЕМПЕЛЬНЫЕ СВЯЗИ СЕВЕРСКИХ ДВУХСТОРОННИХ ПОДРАЖАНИЙ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIV ВЕКА

В.Г. Шапошник, Ю.В. Зайончковский, О.В. Овсянников

Статья посвящена анализу группы монет, выпускавшихся на территории Северских княжеств в последней трети XIV века и представляющих из себя двухсторонние подражания серебряному джучидскому чекану. Эта группа до недавнего времени оставалась наименее изученной среди трёх типологических групп монет северского чекана. Для этих монет авторы соединили ранее выявленные другими исследователями несколько узлов штемпельных связей в единую схему и существенно дополнили её. Теперь внутри массива монет третьей группы выделяется обширная подгруппа, объединённая не только технологическими и стилистическими особенностями, но и штемпельными связями. На текущем этапе исследования эта подгруппа включает 48 штемпелей, образующих 53 сочетания (общее количество учтённых монет, отчеканенных штемпелями, входящих в выделенную подгруппу, достигло 250 экземпляров).

Ключевые слова: нумизматика, Великое княжество Литовское, северские двухсторонние подражания, Дмитрий Ольгердович Брянский

Изложение темы представляется правильным начать с объемной, но очень содержательной, цитаты из работы В.В. Зайцева, вводящей читателя в проблематику предлагаемой статьи: «В последней трети XIV в. многие из владетельных князей, обладавших уделами на территории исторической Черниговской земли, начинают изготавливать свою монету. В силу объективных обстоятельств денежный чекан этих княжеств, особенно на раннем этапе, находился под сильным влиянием монетного дела Золотой Орды. Зачастую местные монетные выпуски представляли собой двусторонние подражания джучидским дирхамам различных ханов, более или менее искусно копируя свой прототип. И только со временем на одной из сторон некоторых монет появляются изображения или даже русские надписи, содержащие имена князей... Однако в целом монетное дело княжеств, сформировавшихся в XIV в. на обломках Чернигово-Северской земли, остается практически не изученным» [5, с.103].

За десятилетие, прошедшее после публикации процитированных строк, нумизматами были достигнуты успехи в исследовании становления денежного дела в русских землях юго-восточной части Великого княжества Литовского. Отметим, что для монет, отчеканенных на этих территориях, прочно закрепилось название «северские», предложенное Г.А. Козубовским [10, с.27–29]. Наибольшее внимание исследователи уделили монетам с кириллическими легендами (первой из трёх типологических групп северских монет, выделенных К.К. Хромовым [14, с. 158]). Для них были выполнены графические реконструкции оттисков штемпелей, предложено прочтение легенд, составлены схемы основных штемпельных связей, обоснована датировка и последовательность их чеканки, предложена географическая локализация монетных дворов [7, с. 41–55, 72–79]. Значимые достижения есть и в изучении второй группы северских монет – с «княжеским знаком». Для большей части из них также были выполнены графические реконструкции оттисков штемпелей и составлены схемы основных штемпельных связей, обоснована датировка для части монет, но место чекана и принадлежность, по-прежнему, являются дискуссионными [7, с. 56–71]. Для двухсторонних подражаний (третьей, самой обширной, группы северских монет, выделяемой по характерным технологическим и стилистическим особенностям) остаётся ещё широкое поле для исследований, хотя и существует ряд научных работ, в разной степени затрагивающих эту тему. В основном, это публикации с описанием и анализом монетных комплексов из разных регионов и находок единичных монет с ограниченных территорий или определённых типов. В них присутствуют значительное количество фотоизображений монет, относящихся к третьей группе северского чекана, а также описаны один большой блок и несколько узлов их штемпельных связей [2, с.60; 4, с.214; 7, с.64, 90; 9, с.114; 13, с.102, 117–119].

Перейдем к краткому историографическому обзору научных публикаций (в хронологическом порядке), включавших в себя фотоизображения (прорисовки) и информацию о монетах исследуемой подгруппы (без включения монет с кириллической легендой, типа «карачевский всадник» и типа

двойной «символ веры», которым посвящены специальные пространственные исследования других авторов, с присутствующими в них обзорами публикаций монет таких типов).

Впервые прорисовка монеты из выделенной подгруппы (A17-P1) была опубликована П.С. Савельевым в 1858 году. Она входила в состав клада, найденного в 1856 году в Тетюшском уезде Казанской губернии и включавшего в себя не менее 10000 монет, младшая из которых была отчеканена в 795 г.х. (Савельев, 1858, таб. VI–86). При этом автор, исходя из прочтения легенды, отнес монету к официальному чекану Токты 681 г.х. и с опорой на эту дату изложил своё видение политической истории Золотой Орды после смерти Менгу-Тимура. [12, с.182–184].

В 1992 году вышел в свет снабженный иллюстрациями основополагающий труд А.Г. Козубовского, посвященный северскому чекану и основанный на изучении состава Борщевского клада [10].

В 2007 году З.А. Зразюк и К.К. Хромовым была осуществлена подробная публикация этого интереснейшего комплекса, найденного в 1949 году в селе Борщев Барышевского района Киевской области и состоявшего из 113 монет и двух частей серебряного платёжного слитка. Младшие монеты сокровища были отчеканены в 782 г.х. В публикации присутствуют фотоизображения всех монет клада, указан их размер, вес и пробирные данные. Среди многочисленных подражаний присутствовали и северские монеты всех трёх типологических групп, в том числе – три экземпляра, отчеканенные штемпелями, входящими в изучаемую подгруппу: №№ 92 (A1-A3), 93 (A1-P8), 95 (A3-P3). К сожалению, в тексте не было указано на наличие штемпельных связей между тремя последними монетами, а качество фотоизображения монеты № 92 оказалось неудовлетворительным, что в дальнейшем помешало другим нумизматам, обращавшихся к этой публикации при исследовании северских монет третьей группы, выявить связь между штемпелями A1 и A3 [9, с.99–118].

В 2010 году в статье В.В. Зайцева, посвящённой именным монетам Дмитрия Ольгердовича Брянского, было опубликовано фотоизображение (найденной у с. Лески Навлинского района Брянской области) монеты штемпельной пары A3-P3, определённой автором как анонимная денга Брянского княжества, изготовленная в начале правления Дмитрия Ольгердовича Брянского [6, с.13, рис.9].

В 2012 и 2016 году были изданы две работы С.Ю. Грачёва, посвящённые двухсторонним подражаниям с «символом веры». Автору удалось выявить технологическую связь между 11 штемпелями, использовавшимися для чеканки таких монет; из 45 экземпляров, вошедших в его базу данных, 38 были отчеканены штемпелями выделенной подгруппы. В публикациях приведены фотоизображения всех учтённых автором монет, для большинства из них даны весовые характеристики и географическая привязка (с нанесением на карту), указан источник информации. На основе анализа топографии единичных находок центр чеканки был локализован в Брянске [3, с.112–117; 4, с.212–217].

В 2012 году была опубликована статья Ю.О. Коваленко, посвящённая находкам джучидских монет и северских подражаний в окрестностях г. Глухова Сумской области (Украина). В ней присутствуют фотоизображения трёх монет (вероятно происходящих из одного комплекса), входящих в исследуемую подгруппу: 6-а,б (A2-P2), 6-в,г (A4-P6), 6-г,д (A20-A21) [11, с.132].

В 2012 году А.О. Амелиным, Ю.В. Селезнёвым, В.П. Лебедевым была осуществлена публикация части (477 из 603 монет и 11 платёжных серебряных слитков), комплекса, найденного «в западных уездах Воронежской губернии в 1915 г.» Младшие джучидские монеты клада были датированы 809 г.х. Среди подражаний, входивших в состав этого комплекса, присутствовала монета штемпельной пары A12-P9 [1, стр.7, рис.4–54].

В 2013 году на проходившей в г. Одесса (Украина) конференции РАСМИР был представлен доклад Ю.Г. Тигунцева, посвящённый денежному обращению Черниговской земли XIV – начала XV веков. Автор обобщил известные ему сведения о монетах этого периода, происходящих из сборов на территории Брянской области. В опубликованном в 2016 году тексте доклада присутствуют фотоизображения 13 монет из выделенной подгруппы (с указанием топографии находок и весовыми характеристиками), представленные на рисунках В–2 (P4-P5), 3–10 (A16-P2), 4–8 (B-H), 4–12 (A5-P3), 4–13 (A5-P3), 4–14 (A5-P3), 4–15 (P3-P4), 4–16 (A12-P9), 4–17 (A12-P8), 4–18 (A12-P10), 4–19 (A12-P8), 5–15 (D-E), 5–16 (E-F). Исследователь указал на наличие штемпельного узла A12-P8, P9, P10; штемпельной цепочки A5-P3-P4-P5 и выявил их штемпельную связь с северскими монетами из Борщевского клада штемпельных пар A1-P8 и A3-P3. В качестве возможного места их чекана был предложен Стародубский удел. Описан в этой работе и комплекс монет начала XV века, включавший в себя два подражания с «символом веры» [13, с.102–119].

В 2015 году Ю.В. Зайончковским и В.П. Шептухой был опубликован фрагмент комплекса (27 из более 360 монет), найденного в 2008 г. у с. Лески Черкасского района Черкасской области (Ук-

раина). Младшие джучидские монеты опубликованной части комплекса датированы 794 г.х. В ней присутствовала уникальная монета штемпельной пары А1п-А10 (с изображением меча (?) на одной из сторон). Обращает на себя внимание вес монеты – 1,67 г, являвшейся самой тяжеловесной в опубликованной части комплекса. Авторы предположительно отнесли этот нумизматический памятник к раннему чекану Дмитрия-Корибута Ольгердовича [8, с.40–45].

В 2015 году Р.А. Беспалов ввел в научный оборот две части (в совокупности 91 экз.) монетного комплекса (?), найденного у села Голошапово Щёкинском районе Тульской области в 2012–2014 годах (из-за возможной примеси посторонних монет – точная дата сокрытия не определена). В статье присутствуют фотоизображения и анализ подражаний из комплекса, а также фотоизображения одноштемпельных с ними монет из других находок. Пять монет комплекса входят в исследуемую подгруппу: две одноштемпельные монеты с кириллической легендой на одной из сторон Т1–3, Т2–3 (А20-А21), для этой штемпельной пары автором была сделана графическая реконструкция оттисков; двухстороннее подражание Т2–2 (А22-Р14), при этом автор указал на наличие связи этой штемпельной пары с предыдущей через опубликованную ранее другими исследователями монету штемпельной пары А20-Р14; Т1–1 (Р4-Р5) и Т2–1 (Р3-Р4), здесь автор также указал на наличие штемпельной связи этих монет между собой и с ранее опубликованной В.В. Зайцевым монетой штемпельной пары А3-Р3 [2, с.50–63].

В 2016 году В.В. Зайцев опубликовал качественные изображения и весовые характеристики [7, с. 64, рис. 10-а,б,в] монет штемпельных пар А3-Р3 (из Борщёвского клада), Р3-Р4 (из Голошаповского клада) и А5-Р3 (из Белёвского района Тульской области). Исследователь отметил наличие штемпельной связи между этими монетами и возможность появления отдельных типов таких монет еще до отъезда Дмитрия Ольгердовича в Москву, состоявшегося зимой 1379–1380 гг. [7, с. 64].

В 2018 году авторами этой статьи был издан комплекс из 33 монет, найденный в 2016 году в с. Заудье Чугуевского района Харьковской области (Украина). Его младшие датированные джучидские монеты были отчеканены в 788 г.х. В состав комплекса, кроме двух северских монет второй группы (с княжеским знаком), входила монета штемпельной пары А1п-Р1 [16, с. 180, таб. 3–32].

Констатируем, что монеты изучаемой подгруппы представлены изображения и на электронных ресурсах, в частности, на сайте zeno.ru: №№ 153162 (А1-Р0), 210125 (А2-А18), 35110 (А3-Р2), 78779 (А5-Р3), 153166 (А5-Р3), 153164 (А6-Р3), 171128 (А8-А11), 42004 (А12-Р11), 153168 (Р3-Р4), 30792 (Р8п-Р12) [17].

С 2015 года наш авторский коллектив начал работу по изучению этих безусловно интересных, но явно недостаточно исследованных монет. В результате анализа изображений монет третьей группы (опубликованных в печатных научных изданиях, размещённых на различных нумизматических Интернет-ресурсах, хранящихся в частных коллекциях) авторам удалось соединить в единую схему ранее выявленные другими исследователями узлы штемпельных связей и существенно дополнить её. Теперь внутри массива монет третьей группы выделяется обширная подгруппа, объединённая не только технологическими и стилистическими особенностями, но и штемпельными связями. Текущие промежуточные результаты этой работы уже дважды публиковались в 2018 году.

В первой публикации была представлена схема связей, включавшая 23 штемпеля, образующих 23 сочетания [15, с. 29–32]. Отметим, что в неё, кроме стилистически близких между собой подражаний монетам Мухаммада чекана Орды, вошли подражания монетам Узбека и Джанибека, подражания с деградированными изображениями, а также привлекающий особое внимание исследователей монетный тип, известный как «карачëвский всадник» и уникальная монета с изображением меча (?), ранее предположительно отнесенная к чекану Дмитрия-Корибута Ольгердовича [8, с.40, рис. 1]. Для этих штемпелей, на основе имеющихся в распоряжении у авторов изображений отчеканенных ими монет (на тот момент – более 100 экземпляров), были впервые (за исключением одного) выполнены графические реконструкции оттисков. Было отмечено, что в процессе эксплуатации многие штемпели подвергались правкам, иногда – существенно изменявшим их первоначальный облик (особенность, характерная и для северских монет из других типологических групп [7, с.49]). Также было отмечено наличие в выделенной подгруппе монет, демонстрирующих в своём оформлении значительное сходство с монетами из первой и второй групп. В следующей публикации обновлённая схема включала уже 27 штемпелей, образующих 28 сочетаний [16, с.172–180].

За непродолжительное время в работе произошли существенные подвижки. Определенным успехом можно назвать ожидаемое выявление связи выделенной подгруппы с одним из штемпельных узлов северских монет с кириллической легендой, относимых к чекану Дмитрия Ольгердовича Брян-

ского (экземпляр, демонстрирующий такую связь (Рис.2–1), входил в состав комплекса, найденного в марте 2019 года в Полтавской области (Украина) и включавшего в себя не менее 237 монет, младшая из которых была отчеканена в 783 г.х.). Второе, не менее важное, достижение: это выявление связи с обширным блоком двухсторонних подражаний (копирующих характерный реверс монет с символом веры, которые массово выпускались в конце правления Узбека и оставались в обращении продолжительное время), являющихся темой углублённого изучения С.Ю. Грачёвым и относимых нумизматами к чекану Брянского княжества (экземпляр, демонстрирующую такую связь, входил в состав распроданного в мае 2016 года на одном из Интернет-ресурсов комплекса, происходящего, вероятно, из Черкасской области (Украина) и состоявшего из многих сот монет, младшие из которых были отчеканены в первые годы правления Шадибека).

В итоге, на текущем этапе исследования выделенная подгруппа включает в себя уже 48 штемпелей, образующих 53 сочетания (общее количество учтённых монет, отчеканенных этими штемпелями, достигло 250 экземпляров). Для всех новых включенных штемпелей были выполнены графические реконструкции оттисков (за исключением четырёх штемпелей – впервые), а также по новым зафиксированным экземплярам монет были дополнены многие ранее выполненные прорисовки. Целью предлагаемой статьи является публикация обновлённой схемы штемпельных связей выделенной подгруппы монет (Рис. 1, числа на линиях связей – количество учтенных авторами монет, отчеканенных этой штемпельной парой) и её предварительная интерпретация. На Рис. 2 воспроизведены впервые публикуемые фотоизображения монет анализируемой подгруппы.

Авторы решили отказаться от подверженной изменениям ситуативной сквозной нумерации штемпелей, применявшейся в предыдущих публикациях. Здесь использованы постоянные рабочие буквенно-цифровые индексы, а также сохранены буквенные индексы С.Ю. Грачева, составившего для группы подражательных монет, относимых к чекану Брянского княжества, схему связей, включающую 11 (без учёта правки) штемпелей [3, с.214, рис. 2]. Отметим, что на новой схеме отсутствует связь между штемпелями С и Е, присутствующая на схеме штемпельных связей в исследовании С.Ю. Грачёва, так как на фотоизображении единственной известной ему монеты, подтверждающей такую связь (№ 43 в приложении 1), представлена монета, отчеканенная не штемпельной парой С-Е, а штемпельной парой D-E (допускаем, что монета С-Е в действительности может существовать, а при составлении фото-таблицы для приложения 1 могла закрасться ошибка, что позволяет предположить наличие в этой же публикации явной ошибки на рисунке 2 в схеме штемпельных связей: вместо изображения монеты, отчеканенной штемпелем D, продублировано изображение монеты, отчеканенной штемпелем H). Ещё на новой схеме по аналогичной причине отсутствует связь между штемпелями В и С: авторам не известны монеты, отчеканенные такой штемпельной парой, а на фотоизображениях № 5 и № 25 из базы брянского нумизмата представлены монеты, отчеканенные не штемпельной парой В-С, а штемпельной парой В-Н. Ранее В.В. Зайцев уже отмечал, что «типология, метрология, а также технология изготовления подражаний с «символом веры» не имели ничего общего с чеканом Дмитрия Ольгердовича Брянского» [7, с.122]. По современным представлениям, существует между этими монетами и определённый хронологический разрыв, но, бесспорно общей является привязка к Брянскому княжеству. Связующим звеном между ними служит блок близких (по типологии и технологии) к монетам с «символом веры» тщательно исполненных подражаний, копирующих массовые выпуски времени Узбека и Джанибека, к которому примыкает хорошо изученный монетный тип «карачёвский всадник». То есть, теперь, после выявления новых штемпельных связей, для объяснения обновлённой схемы можно предложить как один из возможных вариантов развития событий следующее: все эти монеты могут являться продукцией одной региональной монетной мастерской, функционировавшей более двадцати лет, либо нескольких взаимосвязанных мастерских, между которыми происходило перемещение штемпелей. Начальный этап чеканки вероятно относится к первым годам правления Дмитрия Ольгердовича Брянского; продолжилась она и после его отъезда уже в интересах новой администрации (с возвратом на выпуск двухсторонних подражаний), при этом, в зависимости от политической ситуации, на монетах периодически размещались элементы зарождающейся литовской геральдики (меч (?), всадник с копьём).

Авторы продолжают работу по изучению монет северского подражательного чекана и обращаются ко всем заинтересованным читателям с просьбой присылать фотоизображения монет всех трёх типологических групп и известную информацию об их находках (как единичных, так и в составе комплексов) на электронный адрес: mih24@rambler.ru

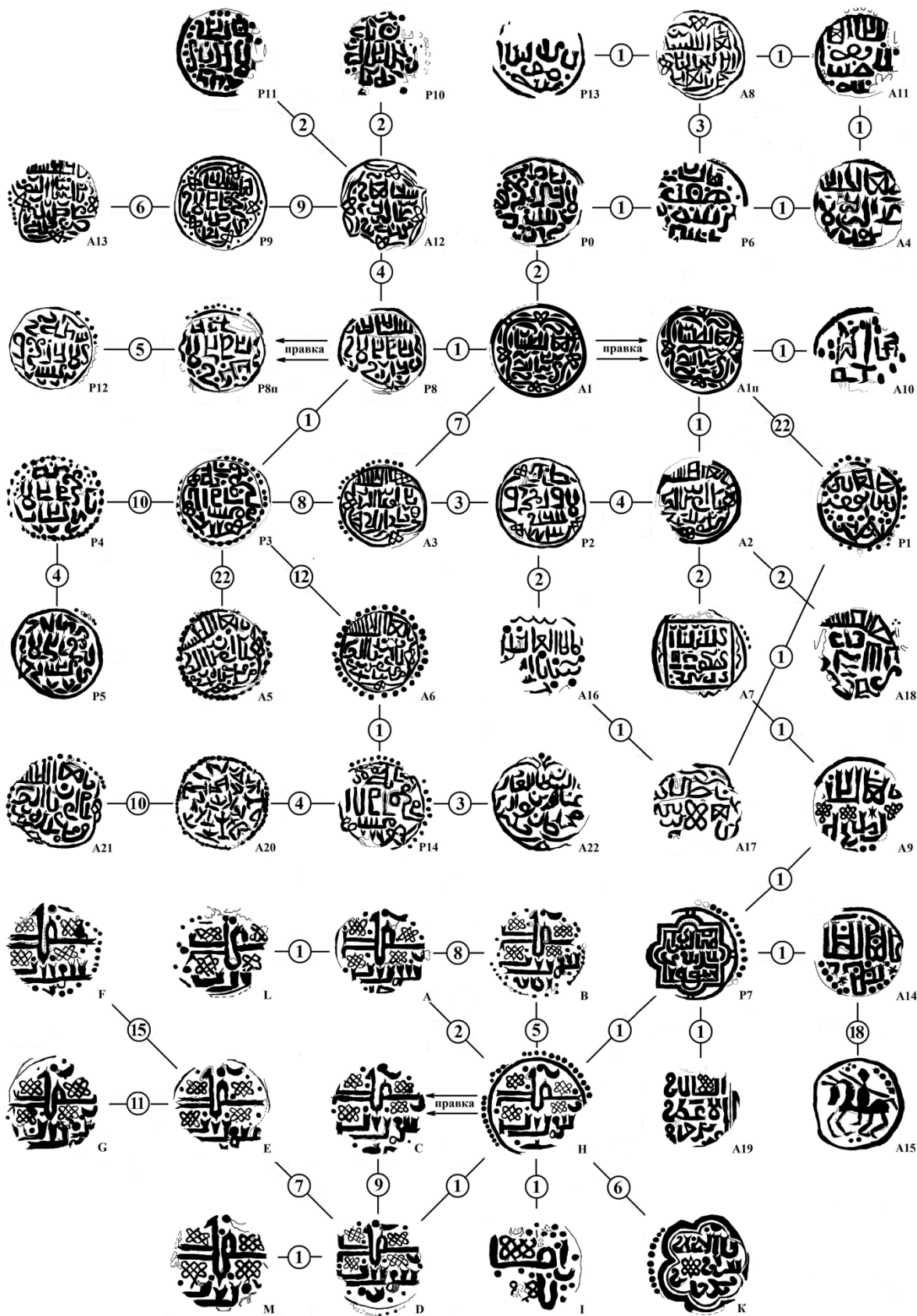

Рис. 1. Схема технологических штемпельных связей северских двухсторонних подражаний и реконструкция оттисков штемпелей

Рис. 2. Фотоизображения ранее не публиковавшихся экземпляров монет изучаемой подгруппы: №1 – А6-Р4, №2 – А20-А21, №3 – А6-Р3, №4 – А5-Р3, №5 – А3-Р3, №6 – Р3-Р4, №7 – Р8п-Р12, №8 – А2-А18, №9 – А1п-Р1, №10 – Е-Г. Изображения монет №№ 1, 2, 4 любезно предоставлены авторам Дворичанским Александром Николаевичем (г. Харьков, Украина), они происходят (как и монета №9) из Полтавской области (Украина), монеты №№ 5–7, 10 найдены в Харьковской области (Украина), монета №3 происходит из Черкасской области

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амелькин А.О., Селезнёв Ю.В., Лебедев В.П. Воронежский клад джучидских монет рубежа XIV–XV веков // Вестник ВГУ. Серия: история. политология. социология. 2012. № 2. С. 5–13.
2. Беспалов Р.А. Комплекс монет из села Голошапово Щёкинского района Тульской области // Русское денежное обращение в X–XVII вв. Нумизматический сборник к 60-летию Петра Григорьевича Гайдукова. М., 2015. С. 50–63.
3. Грачёв С.Ю. Новая группа подражательных монет из Подесенья // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 4. М., 2012. С. 112–117.

4. Грачёв С.Ю. Монеты Брянского княжества // Русский сборник. Выпуск 8, том 1. Брянск, 2016. С. 212–217.
5. Зайцев В.В. Монеты Карачёвского княжества // Русский сборник. Выпуск 5. Брянск, 2009. С. 103–109.
6. Зайцев В.В. Монеты Дмитрия Ольгердовича Брянского (1372–1379) // Нумизматика. 2010. № 1(24). Февраль. С. 10–13.
7. Зайцев В.В. Русские монеты XIV–XVII вв. Очерки по нумизматике. М., 2016.
8. Зайончковский Ю.В., Шептуха В.П. Фрагмент комплекса из-под села Леськи Черкасского района Черкасской области // Русь, Литва, Орда. Вып. 1. Минск, 2015. С. 40–44.
9. Зразюк З.А., Хромов К.К. Борщевский клад // Восточная нумизматика в Украине. Часть II. Монеты Джучидов и сопредельных государств в XIII–XV вв. Киев, 2007. С. 99–118.
10. Козубовський Г.А. Сіверські монети XIV ст. Київ, 1992.
11. Коваленко Ю.О. Джучидські монети та їх сіверські наслідування з літописного Глухова і його округи // Ніжинська старовина. Збірник регіональної історії та пам'яткознавства. Вип. 14 (17). Київ, 2012. С. 128–133.
12. Савельев П.С. Монеты джучидские, джагатайские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. Часть третья. СПб., 1858.
13. Тигунцев Ю.Г. Денежное обращение в центральных уделах Черниговской земли с начала XIV – до начала XV вв. (по монетным сборам в Брянской области) // РАСМІР: Східна нумізматика. III Міжнародна наукова конференція: збірник наукових праць конференції. Київ, 2016. С. 96–123.
14. Хромов К.К. Новое в изучении Новгород-северских подражаний джучидским дирхемам третьей четверти XIV века // Международная нумизматическая конференция, посвященная 150-летию Национального музея Литвы, Вильнюс, 26–28 апреля 2006 г. Тезисы докладов. С. 158–159.
15. Шапошник В.Г., Зайончковский Ю.В., Овсянников О.В. О штемпельных связях двухсторонних северских подражаний последней трети XIV века // Трєція науковоя чытанні пам'яті прафесара Валянціна Наву-мавіча Рабцэвіча (1934–2008). Тэзісы дакладаў. Мінск, 2018. С. 29–32.
16. Шапошник В.Г., Зайончковский Ю.В., Овсянников О.В. Комплекс серебряных монет XIV века из села Заудье Чугуевского района Харьковской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Выпуск 7. М., 2018. С. 172–180.
17. zeno.ru. Режим доступа: <https://www.zeno.ru>

Сведения об авторах: Владимир Гаврилович Шапошник – нумизмат-исследователь (Харьков, Украина). E-mail: mihias24@rambler.ru

Юрий Валентинович Зайончковский – доцент кафедры общественно-гуманитарных наук Харьковского национального университета строительства и архитектуры (Харьков, Украина). E-mail: zyv_kharkov@gmail.com

Олег Владимирович Овсянников – нумизмат-исследователь (Челябинск, Российская Федерация). E-mail: olegov2003@mail.ru

NEW DIE-LINKS OF THE SEVERSKYI TWO-SIDED IMITATIONS DATED TO THE LAST THIRD OF THE 14th CENTURY

V.G. Shaposhnik, Yu.V. Zayonchkovskiy, O.V. Ovsyannikov

The article discusses the group of coins (which are in fact two-sided imitations of the silver Jochid dangs) issued in the territory of the Severskyi principalities in the last third of the fourteenth century. Until recently, this group remained the least studied among the three typological groups of coins of the Severskyi coinage. The authors have connected several die-link junctions of these coins previously identified by other researchers into a single graphic scheme and substantially complemented it. Now, among the third group of Severskyi coinage, a large subgroup is distinguished, united not only by technological and stylistic features, but also by die-links. At the present stage of the research, this subgroup includes 48 dies, forming 53 combinations. The total number of examined coins of this subgroup numbers 250 items.

Keywords: numismatics, Grand Duchy of Lithuania, dangs, two-sided imitations, Dmitry of Bryansk

About the authors: Vladimir G. Shaposhnik – numismatist-researcher (Kharkov, Ukraine). E-mail: mihias24@rambler.ru

Yuriy V. Zayonchkovskiy – Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Kharkov National University of Construction and Architecture (Kharkov, Ukraine). E-mail: zyv_kharkov@gmail.com

Oleg V. Ovsyannikov – numismatist-researcher (Kharkov, Ukraine). E-mail: olegov2003@mail.ru

КЛИМАТ И ЭПИДЕМИИ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ В ПЕРИОД С 1280 ПО 1313 ГОДЫ

А.А. Порсин

Автор рассматривает сообщения письменных источников о климатических изменениях и проявлениях эпидемий в период с 1280 по 1313 годы в западной части Золотой Орды и на сопредельных с ней территориях. Он приходит к выводу о том, что можно выделить три условных пика, когда эпидемическая и климатическая ситуация была наиболее неблагоприятна: все 80-е годы, вторая половина 90-х годов XIII века, и, по всей видимости, конец первого десятилетия XIV века. Длительные и засушливые осенне-летние периоды и зимы, сопровождающиеся погодными аномалиями (внезапные сильные морозы, бури, дождь и град), а также эпидемии и эпизоотии, наносили серьезный урон кочевому хозяйству. Каждое обострение климатической и эпидемической ситуации сопровождалось усилением политических противоречий между отдельными монгольскими группами и общим политическим кризисом.

Ключевые слова: Золотая Орда, Венгрия, Польша, Русь, эпидемия, эпизоотия, климат

Данные климатологии позволяют исследователям предполагать, что в последние десятилетия XIII века начался переход от периода глобального потепления к периоду похолодания. Началом его условно является 1280 год, а его пик пришелся на 1330 год. Исследования донных отложений озера Саки в Крыму показывают, что начало 80-х годов XIII века является началом очень засушливого периода в этом регионе [22, с. 670–671].

Не углубляясь в естественнонаучный аспект проблематики, мы бы хотели рассмотреть два вопроса: 1 – возможность реконструкции климатических и эпидемических феноменов, имевших место на территории Золотой Орды в период с 1280 по 1313 годы, по данным письменных источников; 2 – анализ влияния климатических и эпидемических факторов на политическую жизнь Улуса Джучи в указанный период. Стоит оговориться, что в силу характера дошедших до нас источников в основном будут рассматриваться события и процессы в западной части Золотой Орды, так как о климатической и эпидемической обстановке в Хорезме, улусе Орду или в Сибири практически ничего не известно.

Данные письменных источников

В 1278 году летописи фиксируют вспышку какой-то эпидемии с неясной симптоматикой на Руси: «Тое же зимы мнози человеци умираху различными недуги» [3, с. 174]. Галицко-Волынская летопись говорит о голоде на Руси, в Польше и в Литве в 1279 году¹ [7, с. 600]. В феврале 1285 года про-

¹ Датировка Галицко-Волынской летописи Ипатьевского свода условна, и была выставлена позднее написания самого текста. Однако в данном случае речь идет именно о начале 80-х годов XIII века, так как в предыдущем сообщении под 1277 годом послы с грамотами к галицко-волынским князьям посылает уже Ногай, а в 1274 году Лев Данилович «посла в Татары ко великому църви . Меньгоутимереви проса собѣ помочи» [7, с. 598]. Поход на Венгрию 1285 года в летописи датирован 1282 годом, а поход в Польшу 1287–1288 года – 1283 годом. Если допустить, что примерная сбивка хронологии в этой части Галицко-Волынской летописи – три или четыре года, то получится, что Ногай отправлял «послы своѧ с грамотами Тегичага . Коутлоубоугоу . и Ешимоута» к галицко-волынским князьям в 1280 или в 1281 году. Это полностью соответствует одной из предполагаемых дат смерти Менгу-Тимура.

Как известно источники называют временем его смерти либо 1280, либо 1282 год. Известны монеты Менгу-Тимура чеканенные в 1281–1282 году, но и они не могут однозначно разрешить этот вопрос, так как нет гарантии, что чеканка не производилась после его смерти, в период междуцарствия [13, с. 276]. Здесь может помочь соотнесение данных Рашид ад-Дина и Юань Ши. Рашид ад-Дин говорит о том, что после смерти Менгу-Тимура и интронизации Туда-Менгу, новый правитель Золотой Орды вместе с Кониичи и Ногаем, отправили к Хубилаю его сына Нумугана, находившегося в золотоордынском плену, и заявили: «Мы покоряемся и все явимся на курилтай». Подчинение не состоялось из-за отказа Кайду участвовать в соглашении [17, с. 171]. Факт ведения этих переговоров подтверждается Юань Ши, согласно которой, в 1281 году Хубилай значительно увеличил джучидские владения в Китае [23, р. 183–184]. Столь щедрое отношение к недавним врагам, очевидно, было связано с предложением золотоордынской элиты о подчинении. Датировка переговоров с Туда-Менгу 1281 годом подтверждает ран-

исходит вторжение войск Ногая и Тола-Буги в Венгрию. Монгольские войска двигались двумя группами: армия Ногая шла с юга, а войско Тола-Буги с востока. Галицко-Волынская летопись сообщает о голоде и массовой смертности в войске Тола-Буги, возвращавшемся из похода². Эту же информацию подтверждает и Рукн ад-Дин Бейбарс ал-Мансури, согласно которому, эта монгольская армия сильно пострадала от холода и голода, который доводил людей до каннибализма³. «Нидеральтайхские анналы», по всей видимости, описывают положение именно войска Тола-Буги, сообщая, что оно было побеждено благодаря Божественному вмешательству, выразившемуся в граде, снеге и ливне⁴.

Но, если Бейбарс противопоставляет положение войск Тола-Буги и Ногая, то европейские источники говорят об обратном. Интересно послание эстергомского пресвитера Бенедикта, согласно которому подразделения Ногая нападали в основном на беззащитных, то есть крестьян, а вооруженные люди и знать от них практически не пострадали⁵. «Рочник Траски» сообщает о больших потерях Ногая не только от сопротивления жителей Семиградья, но и от голода, и какого-то эпидемического заболевания⁶ – «чумы»⁷.

Крайне интересная информация, касающаяся симптоматики заболевания, содержится в труде Яна Длугоша. Он приводит два сообщения, отмечая, что события произошли одновременно. Сначала, речь идет о появлении в Пруссии странных насекомых, с хвостом похожим на хвост рака, «касание жала» которого было смертельно ядовито, и убивало человека за два или три дня. Далее сообщается о вторжении монголов в Венгрию, и о том, что они пребывали там до Пасхи, после чего вынуждены были уйти из-за разразившейся эпидемии «чумы» [24, с. 466–467]. Естественно, речь не идет о нашествии на Пруссию полчищ скорпионов. По всей видимости, имела место вспышка какого-то неизвестного местным жителям смертельного эпидемического заболевания, основными симптомами которого были единичные поражения кожи, внешне способные вызвать ассоциацию с укусом огромного насекомого, и смерть в течение двух или трех дней после их появления. Так как заболевание в этой местности ранее не появлялось вообще или появлялось очень давно, возникло мифологизированное представление о нашествии скорпионов.

ную дату смерти Менгу-Тимура – 1280 год. Если Ногай отправил послов с грамотами (по всей видимости, ярлыками) в 1280 году, следовательно голод произошел позже – в 1281 или в 1282 году.

² «быс̄ идоушоу вканымоу и безаконноу Ногаеви . и Телебоузъ с нимъ воевавшима землю Оугорскоую . Нога поиде . на Брашевъ . а Телебоуга поиде . поперекъ Гору . што башеть переити . треими . днѣми и ходи . по . л̄ . днѣи блоуда в горахъ . водимъ гнѣвомъ Бжѣимъ . и быс̄ в них̄ голодь великъ . и начаша людие . ѣсти . потом же начаша и сами измирати и оумре их̄ бесчисленое множество . самовидчи же тако рекоша . оумерших̄ бѣс̄ сто . тысячъ . вканыныи же и безаконныи Телебоуга вьиде пѣшь . со своеюженоу . вб̄ одной кобылѣ . посрамлень ѿ Ба̄» [7, с. 607–608].

³ «Между тем уже настала зима, выпало много снега, и стали затруднительны пути... Тулабуга же пошел по бесприютным пустыням и непроходимым степям и сбился с главной дороги. Его (самого) и войско его постигли чрезвычайное затруднение и бедствие; большая часть их погибла от сильной стужи и недостатка сил... его постигла сильнейшая беда, которая довела их до того, что они ели мясо животных, служивших им для верховой езды, и собак, которых они взяли с собой, да мясо тех из них, которые умирали от голода» [8, с. 96].

⁴ «во время короля Венгрии Ласло, сына короля Иштвана, тартары в огромном множестве вторглись в Венгрию, так что говорилось, что их войско занимало одиннадцать миль. Наконец, они погибли не человеческим содействием, а Божьим гневом. Ибо нахлынули на них град, снег и ливни в большом количестве, так что они не могли сдвинуться с места. И так, окруженные христианами, они были убиты, и праведные завладели доспехами нечестивых» [26, р. 414; 21, с. 490].

⁵ «тартары, дошедшие вплоть до Пешта в их бесчисленном множестве, полностью опустошили землю, начиная от Семиградья вплоть до Дуная. Однако из знати и способных к оружию они смогли убить очень немногих. Но из простых людей, а именно, крестьян, слабых и больных, они предали острию меча добрых 7 тысяч человек» [25, р. 419; 21, с. 488].

⁶ «В этом же году тартары вторглись в землю Венгрии, которую называют Семиградьем, и взяли в плен и убили многих христиан. Однако Христос, защитник христиан, ниспослал на них великий голод и чуму. Услышав об этом, жители Семиградья одержали с Богом победу, говоря: «Лучше погибнуть от меча, чем сгинуть от голода в городах из-за тартар». Клятвы исполняет дело. Услышав об этом, тартары окружили себя [пленными] христианами, сделав из них как бы хоровод, чтобы увидевшие их христиане пожалели своих братьев и по этой причине не мешали этим язычникам сражаться. Но христиане говорили: «Лучше пусть кто-нибудь из наших будет освобожден, чем мы умрем все вместе с ними». И, в конце концов, с Божьей помощью, они одолели язычников и вернулись с победой, освободив пленников» [27, р. 850; 21, с. 489].

⁷ Термин «чума» надо понимать не как сообщение о вспышке *Yersinia pestis*, а как указание на какое-то эпидемическое заболевание, влекущее массовую смертность.

То, что эпидемия незнакомого заболевания могла восприниматься сквозь призму мифологического сознания, подтверждается описанием вспышки какой-то болезни, которая возникла в Полоцке⁸. Там эпидемия воспринималась как результат атаки демонических сил, причем не как абстрактное воздействие злых духов, а как нападение вполне конкретных существ, которые разъезжали невидимыми по городу на конях и поражали людей язвой. Примечательно, что в той же летописной статье есть и вполне реалистичное описание эпидемии, лишённое какого-либо мистического оттенка⁹. Конечно, легендарность сообщения и поздний характер источника снижает его доказательную ценность, и его можно использовать только в качестве косвенного аргумента.

Куда больше информации дошло до нас о вторжении в Польшу, которое Тола-Буга и Ногай осуществили зимой 1287–1288 года¹⁰. Этот поход описан в Галицко-Волынской летописи куда более подробно. Золотоордынское войско проходило через Юго-западную Русь, и к участию в походе были привлечены галицко-волыньские князья. Для нашей темы описание содержит несколько важных деталей. Напряжение между Тола-Бугой и Ногаем существовало уже в самом начале похода: «блше же межи има нелюбовье велико». Оно ощущалось не только между ними, но и между людьми Тола-Буги и русскими князьями. На Бужевском поле был проведен смотр войск, при этом князья ожидали, что их убьют, и что их города будут взяты: «кнази же надѣахоутьс избитьæ . собѣ и городомъ взатьæ». Далее ситуация продолжала обостряться. Летописец с нескрываемым облегчением сообщает, что Владимир, мимо которого проходило монгольское войско, не был захвачен «но насилье велико творахоу в городѣ . и пограбиша товара бещисленое множество и конии». Армия Тола-Буги ушла в Польшу, но около Владимира осталась часть его воинов для того, чтобы откормить коней. В это время в городе началась эпидемия¹¹. Монгольский отряд, оставшийся у города, организовал что-то вроде блокады, грабя, избивая или убивая горожан, стремившихся выйти «в зажитье», то есть для пополнения припасов. Ситуация полностью повторилась во Львове, рядом с которым армия Тола-Буги стояла две недели на обратном пути из Польши¹². Указание на города во множественном числе, которые находились в осаде¹³, и жители которых пытались бежать в села, подтверждает, что процесс был единым. Ситуация осложнялась тем, что стояли сильные морозы, чем пользовались монголы, раздевая пленных и отпуская их на верную смерть. Хотя, по словам летописца, горожане стремились выйти «в зажитье», указание на то, что многие из них умерли в селах, до которых добрались после снятия осады и ухода монголов, говорит о том, что основной целью выхода было именно бегство из охваченных эпидемией городов, чему, по всей видимости, и противодействовали воины Тола-Буги.

Вторжение в Польшу для Тола-Буги не было особо удачным. Он хотел с армией перейти реку Вислу, но она еще не покрылась льдом. Монгольская армия двинулась к Сандомиру и перешла реку Сан по льду. Далее, выше Сандомира, она перешла уже замерзшую Вислу и осадила город, но взять

⁸ «В лѣт . ꙗко . ꙗ . ꙗ . [6600 (1092)] Предивно быс [чюдо] Полотьскѣ въ мечтѣ ны бываше в ноци тутънь станаше по улици . ꙗко члѣци рищоще бѣси . аще кто вылѣзаше ис хоромины . хотя видѣти . абыс оуазвень будаше невидимо ꙗ бѣсовъ . азвою и с того ўмираху . и не смаху излазити ис хоромъ . посемь же начаша в днѣ азлатиса на конихъ и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ . но конь ихъ видѣти копыта . и тако ўазвлаху люди Плотьскыæ и него вблать . тѣмъ и члѣци глѣху . ꙗко наæвѣ бьютъ Полочаны» [9, с. 150].

⁹ «в си же времена мнози члѣци оумираху различнымі недугы . ꙗкоже глѣху продающе корсты . ꙗко продахомъ корсты . ꙗ Филипова днѣ до масопуста .» [9, с. 151].

¹⁰ Согласно «Житию Святой Кунигунды», монгольские войска появились в Польше 6 декабря 1287 года и находились там до 11 февраля 1288 года [27, р. 715; 21, с. 492].

¹¹ «всташа же Татаровѣ друзии оу Володимѣра . кормити либывѣи . конѣ . си же оучиниша . поусту землю Володимерьскоую . не дадахоуть бо из города ны лѣсти в зажитье . аще ли кто выѣхашеть ввы избиша . а другииæ поимаша . а ныæ лоупахоуть . и конѣ вимахоуть . и во городѣхъ изомре въ встою Биймъ гнѣвомъ . бещисленое множество» [7, с. 609].

¹² «поиде назадъ . на Лвоу землю . на городъ на Львовъ и стоаша . на Львовѣ землѣ . в . недли . кормачесь . не воуюче и не дадахоуть . ни из города вылѣсти . в зажитье . кто же выѣхашеть из города . ввы избиваша . а друзии поимаша а инъæ излоупивше . поущахоу нагы . а тѣи . ꙗ мороза изомроша . зане быс . зима люта велми . и оучиниша землю поустоу всю . се же наведе на ны Бѣ грѣхъ ради нашихъ . казна ны а быхомъ са покаелѣ . злыхъ своихъ незаконныхъ дѣлъ и еше же и на конѣчъ исполни на насъ . гнѣвъ . и измре в гордѣхъ во встою бещисленое множество . друзии же изомроша в селѣхъ . вышедше из городовъ . по вѣшествои незаконныхъ Агаранъ . . Тое же зимы и в Ляхохъ быс морь великъ . изомре ихъ бещисленое множество По вѣшествои жие Телебоужинѣ и Ногаевѣ . Левъ князь соче колко погигло воѣ его землѣ людии што поимано . избито и што ихъ Бжиною волею измерло . поль трѣты . падесать . тысачѣ» [7, с. 609–610].

¹³ Осто|а – осада, осадное положение.

его не смогла и ограничилась грабежом окрестностей. Тола-Буга хотел двинуться на Краков, но, узнав, что туда уже подошел Ногай, решил вернуться оттуда на Русь, где его армия две недели грабила окрестности Львова, попутно, устроив его блокаду. Примечательно, что в этом же году летописец фиксирует эпидемию в Польше¹⁴.

Эти события достаточно своеобразно отразились в поздней Густынской летописи, согласно которой, эпидемия на Руси стала результатом осознанных действий со стороны монголов, которые вырезали человеческое сердце, вымачивали его в яде и помещали в водные источники, тем самым отравляя их¹⁵. Считается, что это первый в русской истории случай попытки объяснения эпидемии материальными причинами, а не Божественной волей или воздействием злых сил, и что речь может идти о какой-то кишечной инфекции [2, с. 25].

Однако неясно, почему более ранний и откровенно антимонольский рассказ Галицко-Волынской летописи не сохранил таких ярких подробностей. Густынская летопись – это поздний и достаточно сложный по составу источник, автор которого пользовался и польскими сочинениями. Одним из них, по всей видимости, был труд Яна Длугоша. По крайней мере, в двух важных для данной темы сообщениях Густынской летописи прослеживается его прямое влияние. Во-первых, под 1284 годом сообщается о монгольском вторжении не только в Венгрию, но и в Византию. Эта информация отсутствует в Галицко-Волынской летописи, но есть у Яна Длугоша [24, s. 467]. Во-вторых, рассказ о воинах Тола-Буги, отравляющих водоемы на Руси во время возвращения из Польши, у него также присутствует, но он куда более логичен, и носит откровенно «педагогический» характер. Согласно Длугошу, эпидемия была Божьим наказанием, которое обрушилось на русских за то, что они, будучи христианами, участвовали в нападении монголов на своих братьев по вере. Когда войско Тола-Буги возвращалось из похода, монголы решили навредить русским, но не могли сделать это открыто, так как им бы не позволили их предводители. Тогда они начали убивать польских пленников, а их сердца монгольские колдуны стали использовать для отравления водных источников. Только после ухода войска Тола-Буги русские поняли, что происходит, и перестали использовать отравленную воду [24, s. 478–479]. Суть рассказа очевидно нравоучительная. По всей видимости, до Длугоша дошли какие-то слухи о вспыхнувшей на Руси эпидемии и о блокаде монголами русских городов, которые он встроил в откровенно вымышленное повествование. Вымышлено оно не потому, что такой способ организации эпидемии технически не осуществим. Монголы об этом не знали, а следовательно, могли совершать какие-то магические манипуляции, реагируя на появившиеся признаки «мора». Но вряд ли бы эти манипуляции были оставлены без внимания автором Галицко-Волынской летописи, учитывая его отношение к действиям Тола-Буги и его людей.

Галицко-Волынская летопись неверно датирует этот поход 1283 годом. В следующем 1284 году она опять сообщает об эпидемии в Польше и на Руси, а так же эпизоотии в Золотой Орде. Однако неясно, идет ли речь о новой вспышке, непрерывном продолжении старой эпидемии, или же это сообщение кратко повторяет описание событий предыдущего года¹⁶.

Есть основания полагать, что эпидемическая активность в конце 80-х годов XIII века затронула Крым. Прямых указаний на это нет, но одно косвенное свидетельство позволяет сделать такое предположение. В «Судакском синокаре» есть две приписки, в которых речь идет о храме святого Афанасия в городе Судак. Первая приписка, датированная 1214 годом, гласит: «В тот же день празднуется в городе Сугдее обновление храма святого Афанасия, который выстроен был народом ради большой смертности и умилостивился (Бог) и перестала язва со дня того. Месяца января 18, 1214 года». Вторая относится к 1289 году: «Освящен храм святого Афанасия». Первая приписка однозначно объясняет постройку храма в честь святого Афанасия¹⁷ в 1214 году вспыхнувшей в Судак эпиде-

¹⁴ «Телебуга же хоташе ити . ко Краковоу . и не дошедъ его воротиса во Торжькоу . вѣсть бо приде к нему . вже Ногаи передилъ его . ко Краковоу прити . и про се быс̄ межю има болше нелюбие . и тако не снѣмавшас̄ с Ногаемъ . и поиде назадъ . на Львоу землю . на городъ на Львовъ» [7, с. 609].

¹⁵ «Иземце бо сердце человеческое мочаху во яду аспидном и полагах в водах, и от сего воды вся в яд обратишася и аще кто от них пияще, абие умираше, и от сею великий мор бысть по всей Русской земле» [6, с. 126–127].

¹⁶ «Тое же зимы не токмо и во вдинои Роуси быс̄ гнѣвъ Бий . моромъ . но и в Ляхохъ тое же зимы и в Татарехъ . изомре все кони и скоти . и вѣцѣ . все изомре не встася ничего же» [7, с. 611].

¹⁷ Афанасий от др. греч. Αθανάσιος: «thanatos» – «смерть», «а» – «бес», то есть «бессмертный». На Руси, как один из способов избавления от эпидемии, практиковали постройку «обыденной церкви», то есть церкви, которая строилась «по обету» местными жителями за один световой день. Интересно, что первые три зафиксиро-

мией. На ее основании можно сделать вывод о том, что православные жители города связывали прекращение «язвы» с его постройкой. Архимандрит Антонин (А.И. Капустин) заключил, что речь идет о повторном освящении храма, по всей видимости, разрушенного монголами [1, с. 598–600]. Идет ли речь о постройке нового храма или об освящении старого, так или иначе, вполне логично будет предположить, что это событие было связано с обстоятельствами, аналогичными той ситуации, которая сложилась в городе в 1214 году, то есть эпидемии заболевания, вызывающего массовую смертность.

Следующий эпизод хотя и косвенно относится к данной теме, но все же дает ценную информацию об эпидемиологических представлениях золотоордынской элиты того времени.

В 1291 году царевич Ногай осуществил заговор, в ходе которого были схвачены и казнены несколько видных Джучидов, в том числе и его основной противник – Тола-Буга. Для этого ему пришлось имитировать симптомы некоего заболевания. Интересы сторон и политическая ситуация, завершившаяся падением коалиции царевичей во главе с Тола-Бугой и приходом к власти Токты, подробно рассмотрена нами в другом исследовании [12, с. 12–54]. Сам этот эпизод проанализирован в специальной работе [11, с. 63–74]. Поэтому здесь мы приведем наиболее существенные выводы, касающиеся его и характеризующие эпидемиологическую ситуацию в Золотой Орде.

Рашид ад-Дин достаточно подробно описывает произошедшее¹⁸. Во-первых, основным симптомом заболевания являлось харканье кровью. Во-вторых, представители золотоордынской элиты считали, что заболевание с такими симптомами влекло за собой неминуемую гибель. Встреча с Ногаем, который на тот момент был «ака», то есть старшим в роду Джучидов, для Тола-Буги была жизненно необходима, и Ногай понимал это, планируя переворот. Тола-Буга и другие царевичи согласились на встречу, так как были уверены, что Ногай скоро умрет. О том же говорила и анонимная «мать» Тола-Буги, под которой, по всей видимости, надо понимать бывшую жену Берке и Менгу-Тимура и мать другого члена коалиции, Алгюя – Джиджек-хатун. В-третьих, приводимая в источнике последовательность событий позволяет предположить, что, в представлении действующих лиц, данное заболевание развивалось относительно быстро, и между началом недомогания, «харканьем кровью» и смертью, проходил относительно небольшой промежуток времени. В-четвертых, в среде золотоордынской знати было известно о том, что это заболевание является заразным и контакт с заболевшим не желателен. Именно поэтому царевичи выехали на встречу Ногаю, а не он заехал в их ставку. В отчете Плано Карпини описаны элементы одного из наиболее древних средств борьбы с эпиде-

ванные обывденные церкви, построенные ради избавления от «мора», были посвящены святому Афанасию: в Новгороде в 1390 и 1417 годах, и в Пскове в 1407 году [10, с. 376, 405; 15, с. 43]. Учитывая, что уже в XV веке четкой закономерности в выборе святых, которым посвящались обывденные храмы, не наблюдается, можно предположить, что выбор святого Афанасия в первых трех случаях отражал какое-то крымское или греческое влияние.

¹⁸ «Когда Нокай [об этом] узнал, в нем заговорили ревность и негодование. Притворившись больным, он выступил из областей Урус и Кехреб, которые он сам завоевал и сделал [своим] юртом и местопребыванием, переправился через реку Узи и склонял на свою сторону каждую тысячу и каждого эмира, к которым приходил, и говорил [им]: «Подходит пора старости, я оставил споры, распри и смуты, ни с кем не ссорюсь и не помышляю воевать. Однако есть у меня от Саин-хана указ, что если кто-либо в его улусе совершит непутевое и расстроит улус, то чтобы я расследовал это [дело] и склонил их сердца к согласию друг с другом». Тысячи и воины, слыша эти наставления и видя с его стороны участие к себе, все покорились и подчинились ему. Когда он приблизился к орде упомянутых царевичей, то притворился больным – пил свежую кровь и остаток изрыгал из горла обратно. Он шел по пути дружбы и приязни, а тайком послал Токтаю весть: «Тебе надо быть готовым и после извещения прибыть [ко мне] с войском, которое [тебе] удастся собрать». Когда мать Тола-Бука услышала об умеренности и бескорыстии Нокая и о том, что он харкает кровью, она обзала сыновей; «Как можно скорее удостойтесь беседы с тем немощным старцем, оставляющим [сей] мир и твердо решившим отправиться в другой мир. Если вы допустите [в этом деле] небрежность и нерадивость, то молоко [ваших] матерей да не будет вам впрок!» Царевичи по совету [своих] матерей неосмотрительно и неблагоприятно прибыли к Нокаю, чтобы навестить его. Он сказал им в виде назидания: «Дети, я служил отцам нашим, и в старину и в недавние времена устанавливал всяческую справедливость, поэтому вам необходимо выслушать мое нелицеприятное слово, дабы я [мог] сменить ваши распри на истинное согласие. Ваше благо – в мире, устройте курилтай, дабы я дал вам мир». И он беспрерывно выплевывал из горла запекшуюся кровь. Известив Токтая [об их прибытии], он таким умасливанием усыплял бдительность царевичей, пока неожиданно не подоспел Токтай с несколькими тысячами и захватил тех царевичей и немедленно их умертвил. Нокай сейчас же повернул обратно и, переправившись через реку Итиль, направился к своему постоянному юрту» [17, с. 83–84; 28, р. 363].

миями – карантин, при котором жилище больного закрывается для посещения, и который был распространен у монголов¹⁹.

Ногай имитировал смертельное и очень заразное заболевание, чем добился сразу нескольких целей. С точки зрения Тола-Буги и других царевичей, Ногай умирал, а следовательно политически был уже не опасен. Спешка, которую продемонстрировала мать Тола-Буги, может свидетельствовать о том, что заболевание должно было прогрессировать очень быстро, и, если члены коалиции действительно хотели встретиться с Ногаем, у них не было времени для принятия дополнительных мер безопасности. Стоит еще раз подчеркнуть, что политические причины, вынуждавшие Тола-Бугу на эту встречу, как и подробная аргументация приведенных выводов, разобраны нами в отдельном исследовании.

Ключевой же целью, достигаемой при помощи этой имитации, было то, что заразность заболевания «не позволяла» Ногаю заехать в орду и провести переговоры там. Судя по сообщению Плано Карпини, в середине XIII века норма, предписывающая изоляцию заразного больного, была распространена и известна. Вряд ли спустя сорок пять лет ситуация сильно изменилась. Больной Ногай не имел права въехать в орду, да и члены коалиции не могли так рисковать. Именно поэтому он просил о встрече, а матери Тола-Буги пришлось убеждать принцев отправиться на нее. По этой причине встреча проходила за пределами орды, что и позволило Токте незаметно окружить и схватить своих противников. Более того, согласно Бейбарсу, царевичи при общении с Ногаем даже не слезли с коней [8, с. 98; 19, с. 193].

Следующее обострение климатической и эпидемической ситуации в Золотой Орде фиксируется во второй половине – конце 90-х годов XIII века. Ал-Макризи сообщает, что в 1302–1303 году в Египте стало известно о засухе, эпизоотии среди домашнего скота и голоде в Золотой Орде²⁰. Данные русских летописей позволяют заключить, что эти сведения в Египет пришли с серьезным опозданием. Лаврентьевская летопись под 1298 годом лаконично сообщает: «Тогожъ лѣтъ . Морь на скоть быс . Тогожъ . лѣтъ . Сухмень быс . загархутса болота . и борове» [9, с. 337]. Ян Длугош говорит о сильной эпизоотии среди различных видов домашнего скота в Польше в том же 1298 году [24, s. 526–527]. Так же интересно указание Рашид ад-Дина на то, что когда в 1298–1299 году армия Токты двинулась против Ногая, она не смогла перейти Днепр, так как он не замерз [17, с. 85; 28, р. 364].

По косвенным указаниям источников можно предположить, что 1298 год был пиком процесса ухудшения климата, начавшегося ранее. В 1296 году происходит сильный пожар в Твери, что, по всей видимости, говорит об усилении засухи [9, с. 337]. Венецианский адмирал Джовани Соранцо с двадцатью пятью галерами вынужден был провести зиму 1296–1297 годов в Крыму. Зима была очень суровой, из-за чего он лишился припасов и части флота, вернувшись в Венецию в 1297 году с шестнадцатью галерами [4, с. 83–84]. По всей видимости, в 1298–1299 был пройден только пик засухи, но неблагоприятная климатическая ситуация сохранялась: в 1300 году был пожар в Новгороде, в 1301 году горел Торжок [14, с. 349].

О климатической и эпидемической ситуации в начале XIV века, во второй период правления Токты информации еще меньше. Согласно летописи, в 1309 году: «Того же лета бысть мор на люди и на кони и на всякий скот, и жито всякое мышь поела, и того ради и дорогов бысть велика и глад велик бысть по всеи земли русскои» [3, с. 185].

Климатическая и эпидемическая ситуация в Золотой Орде в рассматриваемый период

Основная проблема в реконструкции климатических и эпидемических явлений в этот период, заключается в том, что источники освящают его крайне не равномерно. Во многом благодаря Галицко-Волынской летописи у нас есть достаточно подробное описание 80-х годов, отдельные краткие сообщения о второй половине 90-х годов, и, по сути, единственное известие, описывающее вспышку 1309 года. В такой ситуации, любые предполагаемые закономерности могут рассматриваться исключительно в качестве рабочих моделей, подверженных значительной корректировке.

¹⁹ «Когда кто-нибудь из них смертельно заболит, то на ставке его выставляют копые и его обвивают вокруг черным войлоком; и с того времени никто чужой не смеет вступить в пределы его ставок; и когда у больного начнется агония, то почти все удаляются от него, потому что никто из присутствующих при его смерти не может входить в орду какого-нибудь князя или императора до новой луны» [16, с. 32].

²⁰ «В 702 году (1302–1303 г.) пришло известие о засухе в землях Токтайа, которая продолжалась три года и за которой последовал падеж лошадей и овец, дошедший до того, что у них (жителей) нечего было более есть и они продавали детей и родичей своих купцам, которые повезли их в Египет и другие места» [8, с. 308].

Описание климатической ситуации о время похода 1287–1288 года позволяет заключить, что имел место очень длительный и засушливый летне-осенний период. Висла не замерзла, а указание на это в контексте похода имело смысл только, если ледяной покров для водоема в это время бы нормальной. Ту же ситуацию мы видим зимой 1298–1299 года, когда незамерзший Днепр помешал армии Токты двинуться на встречу Ногаю. И ал-Макризи, и Лаврентьевская летопись говорит о сильной засухе в это время, что подтверждают и пожары в русских городах. В то же время, в зимние периоды могли происходить различные аномалии. В 1285 году – это дождь, снег, град и сильные морозы, которые нанесли большой урон монгольской армии. В 1287–1288 году – это резко наступившие морозы. Лед на Висле встал во время похода, а блокада городов в Галицко-Волынском княжестве происходила в ситуации сильных холодов. В 1296–1297 году – это плохие погодные условия, по всей видимости, сильные бури, уничтожившие часть флота адмирала Джовани Соранцо.

Выводы, касательно эпидемической ситуации в регионе, также могут быть самыми приближительными. Судя по всему, в этот период можно выделить три этапа эпидемической активности.

Первый этап приходится на 80-е годы. Во-первых, все источники дают наиболее яркую его характеристику – высокую смертность. Во-вторых, эпидемией были затронуты сразу несколько регионов: Русь, Венгрия (с учетом того, что пострадали вторгшиеся монгольские войска, а данных о смертности среди местного населения нет), возможно, Пруссия, Польша и Крым. В-третьих, кроме неясного в хронологическом плане сообщения Галицко-Волынской летописи от 1284 года, не один источник не говорит о сопутствовавших вспышках эпизоотии. Судя по всему, в 80-е годы речь идет исключительно об эпидемии с большой смертностью. В-четвертых, о симптоматике заболевания есть лишь косвенные данные, достоверность которых может быть подвергнута сомнению.

Случай с Ногаем говорит о том, что Тола-Буга и его окружение явно боялись кровохарканья, считая его предвестником скорой смерти. Если наша трактовка сообщения Длугоша о событиях в Пруссии верна, то там имела место вспышка заболевания, для которого были характерны поражения кожи, визуально напоминающие укус огромного насекомого, и смерть в течение двух или трех дней. Оба описания хорошо подходят к чуме, в ее легочной и карбункульной формах. Стоит отметить, что под симптоматику чумы, в принципе, подходит и описание смерти Менгу-Тимура, которая по времени соотносится со вспышкой «мора» на Руси: «Причиною смерти его был нарыв, соскочивший у него в горле. Он (Менгутемир) проколол его и умер» [8, с. 79]. Конечно, речь может идти и о других заболеваниях. Но, в то же время, под описание вполне подходит бубонная чума, при условии, если бубон подчелюстной. Подходит и метод лечения, так как в более поздние времена вскрытие назревшего бубона являлось крайне опасным и часто ведущим к смерти, но единственным действенным способом медицинской помощи. К тому же, больные часто испытывали в бубонах сильную боль или зуд, толкавшие их к хирургическому вмешательству²¹. Сам по себе вариант вспышки чумы в западной части Золотой Орды в 80-е годы XIII века не является невозможным, особенно, если исходить из природно-очаговой концепции распространения этого заболевания, но, безусловно, пока он не может рассматриваться иначе, нежели острожная гипотеза.

Ко второму этапу можно условно отнести вторую половину 90-х годов. И ал-Макризи, и Лаврентьевская летопись описывают схожую картину событий: засуха и «мор» среди домашнего скота. Речь идет именно об эпизоотии, приведшей к голоду, что подтверждается сведениями Длугоша. Учитывая, что не один источник не сообщает о распространении болезни на людей, можно исключить сибирскую язву.

Третий период, о котором есть только одно летописное упоминание под 1309 годом, по понятным причинам, описать достаточно сложно. Учитывая, что «мор» затрагивал как животных, так и людей, считается, что в данном случае речь идет о сибирской язве [20, с. 186–187].

²¹ «Гюи де Шольяк вскрывал бубоны и прижигал открытые раны раскаленной кочергой. Этот примитивный способ «очистки» организма действительно давал результат, если человек, по отношению к которому он был применен, не умирал от сердечного приступа, не впадал в необратимый шок, не сходил с ума от боли...

Бубоны «затвердевали» настолько, что их не брали хирургические инструменты. Они имели больший размер, чем в начале чумы, не «размягчались» и не вскрывались. Люди испытывали такую мучительную боль в бубонах, что полностью теряли самообладание, становились полоумными и зачастую накладывали на себя руки: выбрасывались из окон, стрелялись» [18, с. 100, 179]

Влияние климата и эпидемий на социальную и политическую ситуацию в Золотой Орде

Благодаря крайне подробному описанию Галицко-Волынской летописи мы можем себе представить положение ордынского войска, во время вторжения в Венгрию и Польшу и предположить, что в аналогичном состоянии оно находилось во все кризисные периоды. Иногда военные акции 1285 и 1287–1288 годов характеризуются, как «карательные». Однако все доступные нам сообщения, дающие информацию о мотивах не только простых воинов, но и руководителей похода, говорят о том, что их интересовал только грабеж. Причем кочевники находились в настолько плохом состоянии, что им было уже практически все равно кого грабить. Это стало ясно русским князьям во время смотра на Бужевском поле. Примечательно, что люди Тола-Буги не смогли удержаться во Владимире, и начали грабить своих «компаньонов» еще до начала совместной военной акции. По всей видимости, ситуация стала окончательно выходить из под контроля в Польше. Когда Тола-Буга узнал, что окрестности Кракова, куда он с войском собирался направиться, уже разорены Ногаем, он двинулся ко Львову, где и простоял две недели «кормачесь . не воююче... и оучиниша землю поустоу всю». Указание на то, что монголы «не воевали», скорее всего, говорит о существовании прямого запрета на активные насильственные действия в отношении собственных оседлых подданных. На наличие такого запрета указывал и Длугош. Но, все же, основной их целью было получение продовольствия и откорм коней. Неслучайно монголы, устроив блокаду русских городов, жестоко расправлялись с теми, кто отпралялся «в зажитье», то есть для добычи провизии. Указание на добычу провизии, как одну из целей выхода из города, может говорить о том, что голод затронул не только кочевников, и ситуация с продовольствием в Галицко-Волыньских городах также оставляла желать лучшего. Возможно, горожане пытались бежать не только из-за эпидемии, но и из-за недостатка продовольствия.

Другие детали описания походов говорят о том, что монгольская армия была сильно ослаблена. Особенно примечательно сообщение из послания пресвитера Бенедикта, согласно которому, войска Ногая избегали прямых столкновений с вооруженными подразделениями венгров, убивая только безоружных. В тоже время монгольский тумен, видимо, так же подчиненный Ногаю, вторгся в Византию, но был разбит в Месембрии [5, с. 185]. Это само по себе является ярким показателем уровня боеспособности золотоордынской армии, учитывая, что за два года до этого, четыре тысячи воинов Ногая во главе с Карабаши, отправленные на помощь к Михаилу VIII Палеологу, стали для его сына Андроника серьезной угрозой, которую пришлось устранять при помощи сербов [19, с. 187–188; 29, р. 102]. Еще одним ярким показателем состояния золотоордынского войска и кочевой экономики является то, что Тола-Буга оставил часть воинов под Владимиром для откорма отощавших коней. Именно они осуществляли блокаду города.

Блокада Владимира и Львова может быть объяснена двояко. С одной стороны, у нее была вполне очевидная экономическая необходимость, так как, по крайней мере, в первом случае, нападениям подвергались люди, отправлявшиеся за продовольствием, то есть способные в этом вопросе составить конкуренцию кочевникам. С другой стороны, это не может служить исчерпывающим объяснением произошедшего. Во-первых, люди, бежавшие из городов от эпидемии, были в этом плане для монголов не опасны. Во-вторых, странно, что нет упоминаний о требованиях выкупа, за попавших в руки к золотоордынским воинам горожан, или о том, что они уводились в рабство. Это было бы, безусловно, экономически более целесообразно. В-третьих, сообщения Лаврентьевской летописи и Длугоша говорят о том, что запрет на насильственные действия в отношении русского населения все-таки существовал. И если в случае с Владимиром, происходящее еще можно объяснить инициативной оставшихся в тылу воинов, то под Львовом находился лично Тола-Буга. Тем не менее, покинувшие город люди либо подвергались избиению, либо убивались. Способ убийства (их без одежды отпускали на свободу), по всей видимости, подтверждает факт достаточно жесткого формального запрета на убийство оседлых подданных. Но, тогда как объяснить саму блокаду, очевидно ведущую к их гибели? Вполне возможно, формальной ее причиной была эпидемия, факт которой зафиксирован в обоих городах. Это хорошо согласуется как с тем, что в среде золотоордынской элиты существовало представление об обязательном карантине, которым впоследствии воспользовался Ногай, так и нашей гипотезой о том, что в 80-е годы в западной части Золотой Орды эпидемически распространялось одно заболевание, симптомы которого к 1287–1288 году кочевникам были уже хорошо известны.

Очевидно, что климатические и эпидемические феномены влияют на социум. В случае с Золотой Ордой это влияние можно проследить. Была ли смерть Менгу-Тимура связана с эпидемией, зафиксированной на Руси в конце 70-х, или нет, но 80-е годы XIII века стали для джучидского государства временем тяжелого кризиса. Наиболее остро он ощущался в вопросах, связанных с легитимно-

стью государственной власти. Как известно, Менгу-Тимур был первым самостоятельным ханом Золотой Орды. Сразу после его смерти, посаженный на его место Туда-Менгу вместе Ногаем и Коничи, отправляют к Хубилаю Нумугана, и сообщают о желании вернуться в состав единой Монгольской империи. Судя по увеличению джучидских владений в Китае, результаты переговоров к 1281 году были многообещающими. Но уже в 1283–1284 году Туда-Менгу чеканит собственную именную монету (по крайней мере, известные датированные именные монеты этого правителя относятся только к этому году) и присылает к египетскому султану посольство, сообщавшее, что хан принял ислам и просит себе знамя от халифа и султана для ведения джихада²². Но, вскоре Туда-Менгу оказывается свергнут, и к власти приходит коалиция царевичей во главе с Тола-Бугой. На наш взгляд, Тола-Буга не был общепризнанным ханом, так как не получил санкции старшего в роду, которым на тот момент являлся Ногай, с чем и были связаны их сложные переговоры в начале 90-х, закончившиеся гибелью царевичей и приходом к власти Токты [12, с. 12–54]. Походы в Венгрию и Польшу, имевшие целью поддержание экономического положения кочевого войска, как и неудавшееся вторжение в Иран в 1290 году, по всей видимости, являлись попытками правящей коалиции хоть как-то укрепить свое положение. Но, если причина поражения на Кавказе не до конца ясна, то венгерская и польская кампании закончились неудачей из-за противоречий, возникших между Ногаем и Тола-Бугой.

Примечательно, что после определенного затишья первой половины 90-х годов, на засуху, эпизоотию и голод 1298 года, накладывается активная фаза противостояния Токты и Ногай, судя по Рашид ад-Дину, начавшаяся в том же году. Она сопровождалась все тем же кризисом государственной легитимности, ярким признаком которого являлось то, что Ногай просил Хулагуида Газана, не только о помощи, но и принять его в подданство [17, с. 83–84; 28, р. 366].

Вспышка 1309 кажется не сопровождалась какими-то яркими политическими событиями. По всей видимости, это было связано с тем, что на тот момент власть Токты в Золотой Орде просто некому было оспаривать. Альтернативный политический центр на западе был уничтожен, а остальные конкуренты были слишком слабы, чтобы противоречия выплеснулись в открытое противостояние. К тому же, мы слишком мало знаем о самом «море» и голоде, и не можем с уверенностью заключить, что они распространялись на значительную часть территории Золотой Орды и не ограничивались русскими княжествами. Правда, согласно Бейбарсу, в 1309 году умирают сразу два крупных представителя золотоордынской элиты – сын Токты Ильбасар и его брат Бурлюк [8, с. 111]. Их смерть окажет значительное влияние на дальнейшие события, прежде всего, облегчив приход к власти Узбека. Но была ли она связана с «мором» 1309 года сказать невозможно.

В заключение стоит отметить, что, хотя нам не известна климатическая и эпидемическая обстановка на востоке Золотой Орды в это время, можно предположить, что она была значительно лучше, чем обстановка на западе. Каждый рассмотренный выше кризис заканчивался усилением именно восточных аристократических групп и Джучидов, на них опирающихся. В 1291 году уничтожение коалиции царевичей, привело к власти Токту, которого поддерживал Биликчи – внук Беркечара, имевшего владения где-то на востоке Золотой Орды. Страшим эмиром Токты был кунграт Салджидай-гургэн, владения которого находились рядом с Хорезмом, и который был Токте «как отец и воспитатель» [17, с. 84; 28, р. 366]. Именно конфликт с хорезмийским кунгратом, «повелевавшим на престоле» Токты, стал для лидера западной части джучидских владений началом конца. Приход к власти Узбека в 1313 году, по сути, являлся переворотом, осуществленным хорезмийцем Кутлуг-Тимуром. Примечательно, что силы, противостоящие Узбеку и Кутлуг-Тимуру, возглавляли бывшие приближенные Ногай Таз и Тунгуз. Таз перешел под руководство к сыновьям Ногай от Токты и, возможно, происходил из центральных регионов государства. Тунгуз же, по всей видимости, происхо-

²² «В джумада ал-ахире 682 года (27 августа – 24 сентября 1283 г.) прибыли (в Египет) послами Кипчакские правоведы: один из них – правовед Маджд ад-дин ‘Ата со своим спутником Нур ад-дином и другим товарищем. Они представили собственноручно послание на монгольском языке от Тутамengi, содержащее (известие), что он принял ислам, вступил на престол и установил (у себя) законы мусульманские. Правоведы эти сказали: «Он (Тутаменгу) послал нас просить для него у владыки нашего, султана, прозвище из имен мусульманских, которым он мог бы называться, знамя от халифа и знамя от султана да накары (трубы), чтобы он мог двинуться с ними в поход и выступить навстречу врагам религии». В послании намекалось (также) на ласковый прием этих правоведов и что они совершат хадж (путешествие в Мекку). Владыка наш, султан, устроил это дело и снарядил их в Мекку вместе (с обычным) караваном со всем необходимым им (для путешествия). Когда они явились (обратно), то он написал ответ, который вручил им, оказал им чрезвычайный почет и отправил их затем (восвояси) в наилучшем и прекраснейшем виде» [8, с. 80].

дил из западных регионов Золотой Орды. О том, что он был куда влиятельнее Таза и глубже включен в политическую структуру, выстраиваемую Ногаем, говорит его положение в орде Джеки, где он был «наместником царства из старших эмиров» [8, с. 105].

За враждой Ногай против Салджидай-гургэна, а так же Таза и Тунгуза против Кутлуг-Тимура, кажется скрывается более глобальное противостояние западных и восточных улусов Золотой Орды. Запад в этом противостоянии очевидно проигрывал, и, по всей видимости, не последней причиной в этом процессе было его более неблагоприятное положение, связанное с изменением климата и сильными эпидемиями и эпизоотиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архимандрит Антонин (Капустин А. И.). Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Судее (Судаку), приписанные на греческом Синакаре // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 595–628.
2. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М., 1960. 397 с.
3. Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 7. СПб., 1856. 358 с.
4. Гейд В. История торговли Востока в средние века. Перевод Л.П. Колли // ИТУАК. 1915. №52. С.137–185.
5. Гръцки извори за българската история. Т. X. София: Българската академия на науките, 1980. 412 с.
6. Густинская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 40. СПб., 2003. 549 с.
7. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб., 1908. 638 с.
8. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 713 с.
9. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. 2-е изд. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928. Т. 1. Вып. 1: Повесть временных лет; Вып. 2: Суздальская летопись. Вып. 3: Приложения. 379 с.
10. Новгородская летопись по синодальному харатейному списку. // Полное собрание русских летописей. СПб., Археогр. комисс., 1888. X, 490 с.
11. Порсин А.А. Заговор Ногай против Тула-Буги в контексте эпидемиологической ситуации в Золотой Орде последней четверти XIII века // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.). Сборник научных статей. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 63–74.
12. Порсин А.А. История Золотой Орды конца XIII – начала XIV веков в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-фикра». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 276 с.
13. Почекаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010. 406 с.
14. Приселков М.Д. Троицкая летопись. М., Л., 1950. 518 с.
15. Псковская летопись, изданная на иждивении Общества истории и древностей российских при Московском университете М. Погодиным. Москва: Унив. тип., 1837. 281 с.
16. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Редакция, вступительная статья и примечания Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры. 1957. 272 с.
17. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л.: Издательство Ака-демии наук СССР, 1960. 214 с.
18. Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы: В 2-х кн. М.: Вузовская книга, 2006. 468+696 с.
19. Узелац А. Под сенком пса: Татары и јужнословенске земље у другој половини XIII века. Београд: Утопија, 2015. 321 с.
20. Хайдаров Т.Ф. Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII–первая половина XV вв.). Казань: Институт истории им. Марджани АН РТ, 2018. 304 с.
21. Хаутала Р. От Бату до Джанибека: Военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией (2) // Золотоордынское обозрение. 2016. №3. С. 485–528.
22. Шамильоглу Ю. Изменение климата в Центральной Евразии и Золотой Орде // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 665–678.
23. Allsen T. Sharing out the Empire: Apportioned Lands under the Mongols // Anatoly M. Kazanov et André Wink, eds., Nomads in the Sedentary World, Curzon, 2001. P. 172–190.
24. Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. Т. 3, 1868.
25. Monumenta ecclesiae Strigoniensis. 4 Vols. Strigonii, Budapestini: Typis descripsit Aegydius Horák. Archivum Primatiale. 1874–1999.
26. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Vol. XVII. Pertz G.H. Hannover, München. 1861.
27. Monumenta Poloniae historica. Pomniki dziejowe Polski. 6 Vols. Bielowski A. Warszawa: Państwowe Wydawn Naukowe, 1960–1961.
28. Rashiduddin Fazlullah's Jami' u't-Tawarikh Compendium of Chronicles: a History of the Mongols, v. 1, 2, 3, trans. by Wheeler Thackston, Cambridge, 1998–1999. 819 p.

29. Vasary I. Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge University Press, 2005. 230 p.

Сведения об авторе: Артем Александрович Порсин – кандидат исторических наук (Магнитогорск, Российская Федерация). E-mail: porsinart@gmail.com

CLIMATE AND EPIDEMICS IN THE GOLDEN HORDE IN THE PERIOD FROM 1280 TO 1313

A.A. Porsin

The author considers information from written sources on climate change and epidemics in the western part of the Golden Horde and in adjacent territories in 1280–1313. He identifies three conditional peaks of deterioration of the epidemic and climatic situation: all of the 1280s, the second half of the 1290s, and, most likely, the end of the first decade of the fourteenth century. Long and arid autumn and summer periods and winters, accompanied by weather anomalies (sudden severe frosts, storms, rain and hail), as well as epidemics and epizootics caused serious damage to the nomadic economy. Each aggravation of the climatic and epidemic situation was accompanied by an intensification of political contradictions between individual Mongol groups and the general political crisis.

Keywords: Golden Horde, Hungary, Poland, Russia, epidemic, epizootic, climate

About the author: Artem A. Porsin – Cand. Sci. (History) (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: porsinart@gmail.com

УБИНСКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Е.И. Нарожный

Непубличное акционерное общество «Наследие Кубани»

В статье анализируются разрозненные сведения об археологических памятниках – курганном и грунтовым могильниках с прилегающими к ним двумя или тремя селищами. Исследованные в июне 1941 г. и до сих пор неопубликованные в специальной литературе памятники предлагается рассматривать как единый археологический комплекс, основное время бытования которого относится к эпохе Золотой Орды. Неудачные попытки увязки части населения со славянами или с абазинами привели к его отождествлению с предками современных адыгов. Однако, несмотря на дискуссионность и этой версии, упор нами делается на архивные описания различных деталей погребальных обрядов и вещевого инвентаря, на наш взгляд, свидетельствующие об инфильтрации в местную, характерную для Северо-Восточного Причерноморья, кочевую среду представителей кочевого населения, вытесненного сюда монголо-татарским вторжением, преимущественно кочевников из южнорусского Поросья.

Ключевые слова: Убинский могильник, предки средневековых адыгов, кочевники, южнорусские степи, Поросье, этнокультурное взаимодействие

Актуальность рассматриваемой проблемы представляется очевидной и давно назревшей, продиктованной, как минимум, двумя обстоятельствами. Во-первых, комплекс интересующих нас археологических объектов был открыт достаточно давно: археологические работы на нем проводились еще в 1941 г., но до сих пор полученные тогда археологические материалы в научный оборот так и не были введены. Во-вторых, а это вытекает из предыдущего пункта, в специальной литературе накопилось немало разнотолков, всевозможных «нагромождений» из самых разных предположений, утверждений и, даже, «аксиом», среди которых наиболее важными являются относительная датировка объектов и этнокультурная атрибуция населения, оставившего их. Опираясь на доступные, порой отрывочные и противоречивые, сведения, попытаемся их насколько будет возможным обобщить и определить место данных объектов в исторической эпохе, включая и Золотую Орду.

Обычно в литературе речь ведут об одном «Убинском могильнике». На самом деле, речь должна идти о комплексе из нескольких «Убинских средневековых памятников» – курганном и грунтовым могильниках, рядом с которыми располагались два или даже три обширных селища [49, с. 302]. Все указанные археологические объекты были исследованы «Шапсугской археологической экспедицией, организованной краевым бюро по охране памятников старины Краснодарского края и Краснодарским краевым историко-краеведческим музеем. Работы эти проводились с 14 апреля по 24 июня 1941 г. Возглавила экспедицию учёный секретарь бюро по охране памятников Нина Николаевна Анфимова (Вашкова) (24.03.1904 г. – 08.04. 1978 г.)» [49, с. 302; 62, с.26; 65, с. 94].

Все упомянутые выше археологические памятники находились в створе строительства Шапсугского водохранилища между р. Афипис и балкой Бзюк на территории плавней, которые намеревались осушить. Затянувшееся строительство водохранилища продолжалось до весны 1942 г. Рекордно короткие сроки стройки¹ значительно ускорили и работу археологов. По итогам археологических работ тех лет, «в архиве Краснодарского музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына» ныне хранятся различные материалы. Это «дневники, чертежи, планы курганов и могильника, рисунки предметов, фото погребений и предметов, фотодневник», а также «документы об организации и проведении экспедиции», газеты «с заметками о работах на могильнике и находках, сметы и приказы, тексты лекций». Наряду с ними – «таблицы с описанием погребений, рукопись Н.Н. Анфимовой», представляющая собой «краткое описание могильника, погребального обряда, материалов погребений» [65, с.94].

¹ Выемка грунта под водохранилище производилась вручную. Для этого использовали труд «12 тыс. колхозников, собранных со всего края», а также «6 тыс. лошадей и 150 грузовых автомобилей» [65, с. 94].

Уже в 1948 г. археологические материалы Убинского могильника использовались А.П. Смирновым, высказавшим предположение о возможности увязки трупосожжений из курганов Убинского курганного некрополя со славянскими погребальными памятниками периода Тмутараканского княжества [52, с.65–90]. Но наибольшую важность имела чуть более поздняя точка зрения А.Л. Монгайта, опубликованная им в 1955 г. и сыгравшая, как представляется, определяющую роль в дальнейшем восприятии тех материалов, что вполне оправданно заставляет максимально полно ее цитировать ниже. А.Л. Монгайт справедливо подчеркивал: «могильник, раскопанный Н.Н. Анфимовой», представляет большой научный интерес, попутно выразил и свое сожаление по поводу того, что «результаты раскопок до сих пор не опубликованы». Этот тезис исследователя продолжает оставаться актуальным и сегодня.

А.Л. Монгайт привлекал внимание и к тому, что вся «коллекция, находящаяся в Краснодарском музее, за годы, истекшие с момента раскопок ..., пришла в беспорядок и изучение комплексов могильника с течением временем все больше затрудняется. По его подсчетам, раскопки Убинского могильника дали «300 погребений X–XIV вв.», из них «30 трупосожжений». «Курганы с трупосожжениями, – продолжал он, – иногда окружены каменными обкладками. Погребения обычно на горизонте в двухручных и одноручных урнах». Указав на выше уже упоминавшееся предположение А.П. Смирнова, отождествившего подкурганые кремации Убинского могильника со славянскими, А.Л. Монгайт по этому поводу заметил: «Здесь, как и в других случаях, единственной основой для этнического определения, по-видимому, послужил обряд трупосожжения, т.к. во всем инвентаре, кроме, может быть, нескольких сосудов ..., нет ничего связывающего Убинский могильник со славянской культурой». Перечисляя основные группы погребального инвентаря из погребений могильника, А.Л. Монгайт полагал: они «рисуют нам обычную *адыгскую или черкесскую средневековую культуру* (здесь и далее выделено мной –Е.Н.) с земледельческой основой хозяйства» [34, с. 331– 332]. Это, хотя и предварительное, определение исследователя впоследствии и стало генеральным для многих из его последователей.

Рядом с могильником, по информации того же автора, находилось и два селища – «Убинское № 1 и №2». С селища №1 в Краснодарском музее «находятся крышки сосудов красной глины и ручки сосудов, ряд высокогорлых кувшинов хорошей формовки и обжига, обычных для средневековой керамики XII–XIV вв. Несколько иную картину представляет керамика, собранная на селище № 2, расположенном вблизи Шапсугского водохранилища. Здесь, наряду с красной и черной залощенной поверхностью, встречается керамика серая с линейным орнаментом и поздняя золотоордынская (XIV–XV вв.) – поливная и красноглиняная [34, с.332]. По информации, опубликованной гораздо позднее, упоминается еще одно, уже третье по счету, селище, находившееся на другом, противоположном берегу р. Убин [49, с. 302].

Трупосожжения Убинского могильника, совершенные в амфорах, как их оценивал А.Л. Монгайт, «по инвентарю датируются XII–XIV вв. В это время нигде у славян уже не существовал обряд трупосожжения, а погребения в амфорах (в т.н. «полях погребений») совершаются у славян почти за тысячу лет до амфорных погребений Убинского могильника. Амфоры (погребальные) представляют собой высокие широкогорлые сосуды, обычно с двумя ручками, с черной поверхностью и лощением на стенках и плечиках. ... Вся остальная посуда Убинского могильника – из красной глины, тонкостенная, сделанная на кругу, с клеймами на днищах или с подсыпкой песком ... Формы сосудов – кувшины с носиками (как у чайника), с одной ручкой, кувшины с носиком типа ойнохойи, кувшины без ручек и т.п. Некоторое исключение из этих типов представляют небольшие сероглиняные лепные сосуды, по форме напоминающие славянскую, т.н. курганного типа, но в отличие от последней, сделанные не на кругу, а от руки, имеющие обычно ручки. Некоторые из этих горшков были определены А.П. Смирновым как славянские. Действительно они представляют некоторое исключение среди посуды Убинского могильника и, казалось бы, привнесены сюда каким-то другим населением» [34, с. 332–333]. В итоге вновь подчеркнув исключительную важность материалов Убинского могильника, А.Л. Монгайт отметил, что являясь «интереснейшим памятником адыгейской культуры», он «вряд ли может служить источником для изучения славяно-адыгских связей» [34, с. 334]. А.Л. Монгайт указал и «сходные с Убинским могильником адыгские могильники XIII–XIV вв., известные в междуречье Зеленчуков и Кубани (раскопки Т.М. Минаевой 1950–1951 гг. у сел. Ново-Кувинского), западнее на Урупе, в окрестностях Пятигорска и в др. местах [34, с. 334].

В начале 1960-х гг. археологические материалы Убинского могильника становятся предметом специального изучения М.Л. Стрельченко, защитившего по этой теме кандидатскую диссертацию [53, с. 140–157; 54, с. 3–16]. Современные авторы именно М.Л. Стрельченко приписывают то, что, якобы, он дал «импульс» для трактовки Убинского могильника как сугубо «адыгского» «X–XIV вв.».

Однако вышеприведенные цитаты из наблюдений А.Л. Монгайта свидетельствуют о том, что М.Л. Стрельченко лишь воспринял эти идеи.

В 1964 г. эти же материалы рассматриваются и Е.П. Алексеевой, упомянувшей их как происходящие не из одного, а из нескольких «Убинских могильников» [1, с. 203–205]. Впоследствии этот же автор отстаивал идею о том, что трупосожжения данного региона, включая и кремации Убинского некрополя, это погребальные объекты, оставленные предками современных абазинцев.

В последующее время материалы Убинских могильников и прилегающих селищ привлекали внимание целого ряда исследователей, хотя этот интерес был либо тематическим (рассматривались лишь предметы вооружения), либо же спорадическим, когда к его материалам обращались, что называется, «по случаю», хотя был и момент, когда небольшой авторский коллектив наших коллег получил даже «грант РГНФ и администрации Краснодарского края – проект № 08-01-38108 а/10 «Научная обработка и подготовка к публикации материалов Убинского могильника XIII–XV вв.», при поддержке которого было опубликовано несколько небольших заметок, к сожалению, так и не приведших к полной публикации всех архивно-музейных материалов памятника. Тем не менее, на сегодняшний день мы имеем, как правило, не всегда связанную между собой систему представлений о комплексе памятников на р. Убин, на основе которых по-прежнему речь идет о выводах, сделанных А.Л. Монгайтом и впоследствии развитых М.Л. Стрельченко. Эта последовательность определила, на наш взгляд и последовательность в отнесении интересующих нас древностей к сугубо «адыго-черкесским», хотя ныне, как представляется, существуют и другие сведения, не ставшие предметом рассмотрения. Но именно они позволяют Убинский археологический комплекс рассматривать и под другим углом зрения.

Сегодня Убинский курганный могильник описан следующим образом: некрополь состоял из двух курганных групп, одна из которых включала в себя 21 курган, и была вытянута длинной, узкой грядой на 680 м с юга на север, начинаясь в двух км севернее хут. Коваленко². Вторая группа состояла из 40 курганов на площади 360х340 м севернее хут. Коваленко, в излучине реки, на ровном, пока том к реке поле, заросшем деревьями и заболоченном. При сооружении новой дамбы был обнаружен грунтовый могильник, границы могильного поля которого не были определены. Наиболее насыщенная его часть располагалась в южной от хут. Коваленко излучине р. Убин. На севере грунтовые могилы подходили к селищу, юго-восточная часть которого перекрывала грунтовый могильник или же «подстинала его».

Курганы Убинского могильника имели «от 11 до 31 м в диаметре, высотой 0,5–0,6 м», большей частью были распаханы, вершины у них были сглажены. Лишь курган № 17 был диаметром 28 м и высотой 2 м. Многие из этих курганов были ограблены, о чем свидетельствовали многочисленные грабительские ямы. Всего на могильнике были раскопаны 300 погребений³, совершённых по обряду трупоположения; еще 30 по обряду трупосожжений (кремации) [65, с. 94] в урнах и «какое-то количество кремаций, в которых урны не использовались».

Высказано предположение о том, что кремации в урнах и без них синхронны и отнесены к «второй: пол. XII – середине XIII вв.» (сабли, тисненные бубенчики, браслеты и т.д.)» [49, с. 302].

Трупоположения – с разной ориентировкой, хотя «преобладала западная ориентировка» погребенных [49, с. 302], захоранивались они в грунтовых ямах, нередко, с деревянными гробами. Изредка перекрывались досками, поставленными под углом [49, с. 302].

На этом фоне по-прежнему речь ведут о том, что «Убинский некрополь относится к «адыгской средневековой культуре X–XIV вв.», о чем свидетельствуют погребальный обряд и инвентарь захоронений» [55, с.58]. Другие авторы внимание заостряют на том, что «на протяжении четырех–пяти столетий долина р. Убина была территорией проживания черкесских племен «хатукаевцев. (собайцев)» и по этой причине, дескать, «нельзя не обращать внимание на Убинский биритуальный могильник XIII–XVI вв., который совершенно определенно относят к кругу адыгских древностей» [66, 46]. Однако с приведенными утверждениями соглашаться сложно уже хотя бы потому, что отсутствие полной публикации захоронений начисто лишает возможности любого читателя самостоятельно убедиться в сказанном или сформировать свое личное впечатление. К тому же, существующие, даже отрывочные свидетельства, встречающиеся в литературе, заставляют полагать, что нет никаких осно-

² В литературе, правда, на примере курганной группы у МТФ №3 ст. Старокорсунской [13, с. 115–120] Краснодарского края уже указывалось на то, что втянутость курганов в длинную цепочку не характерна для черкесских курганов [42, с. 22–24].

³ Информация по работе Е.А. Хачатуровой, хотя в другом случае их упоминается 330 [65, с.94 и ср.: 49, с. 302].

ваний считать погребальный обряд Убинских могильников однообразным. Здесь будет уместным сослаться на мнения других авторов. В.В. Верещагин и Л.Э. Голубев, недавно публикуя захоронения из-под Анапы (захоронения типов БХIII–БХIV по типологии Г.А. Федорова-Давыдова), совершенно справедливо указывают на наличие точно таких же всаднических захоронений «на Убинском могильнике» [9, с.413], которых, по сведениям А.Л. Монгайта, там было не менее трех. Отдельные захоронения этих типов ранее были зафиксированы и в кочевнических погребениях под Анапой и Новороссийском, не совсем точно идентифицированные как «половецкие» [3, с. 37–41; 5, с. 11]. Обычно кочевнические захоронения этих типов, основываясь на кочевнических захоронениях южнорусского Поросья, связывают с погребальным обрядом, характерным для черных клобуков [64, с. 147]. Наличие погребений этого типа на Северном Кавказе, на наш взгляд, демонстрирует не только их миграции сюда, но и постепенное «вливание» в местную этнокультурную среду. На возможность присутствия в материалах Убинского могильника других примеров этнокультурного воздействия на население, оставившего его со стороны иных кочевников Восточной Европы, могут свидетельствовать и другие данные. Например, наличие среди его погребений, скорее всего, парного захоронения [39, с. 718–719], но опубликованного как два разных – «погребения №1 и №2 кургана №42 площадка 68» [65, с. 97, рис. 4, 1]. Аналогии ему ныне известны не только из уже упоминавшего Цемдолинского курганно-грунтового могильника под г. Новороссийском [4, с. 13], но и в виде еще двух коллективных, пока неопубликованных погребений – грунтовые ямы № 105 и №111 могильника поселения «Железнодорожное–2» в Крымском районе Краснодарского края [39, с. 718–719]⁴. Они восходят к точно таким же парным захоронениям, в отличие от указанных с сопровождавшими их скелетами лошади,⁵ которые также пока немногочисленны. Такие парные захоронения известны на территориях «от Волги до Поднестровья», Одессчины, Побужья и Поднестровья [23, с. 153–159; 30, с. 178–185], также связываются не только с притоком в указанные районы черноклобуцкого населения, но и с его участием в этнокультурном смешении с местным кочевым населением.

Наибольший интерес среди суммарно обобщенных сведений о погребальных обрядах населения Убинского могильника представляет еще одна группа захоронений – она была совершена в грунтовых ямах, нередко с остатками деревянных гробов внутри таких ям. А.В. Пьянков и Е.А. Хачатурова отмечают, что изредка такие ямы перекрывались досками, поставленными под углом [49, с. 302]. Действительно такая деталь погребального обряда являлась характерной для мусульманских захоронений [35, с.159–172], хотя «довольно поздние погребения» Убинского могильника, совершавшиеся там «вплоть до первой пол. XIX в. были выявлены не по остаткам дополнительных деревянных конструкций, а были определены «по монетам» [49, с. 302]. По этой причине, грунтовые ямы с плашками или досками, поставленными под углом, можно рассматривать и как характерные для средневековых кочевнических древностей, которые Г.А. Федоров-Давыдов, например, включал в *отдел А* (скелет человека уложен головой на запад, без скелета или костей лошади), тип II: «в яме с уступом вдоль северной стенки». В 4-х из учтенных им 8-ми случаев, «могилы были перекрыты плахами, лежащими одним концом на уступе, другим на краю могилы [64, с. 124, с.126]; или же в других типах грунтовых ямах отделов А и В, а также и в ямах с подбоями с немусульманскими обрядами, закладывавшимися косо поставленными деревянными плахами и досками.

Любопытно, что в материалах Убинского могильника были встречены и коллективные захоронения, насчитывавшие «иногда до нескольких десятков» скелетов [49, с. 302]. По наблюдениям Г.А. Федорова-Давыдова, в кочевнических древностях Восточной Европе, как и в материалах Убинского могильника, также были известны коллективные захоронения, в т.ч. и с «несколькими захоронениями в одной могиле», хотя географически они тяготели «только к Поволжью» [64, с. 131].

Развивая мысль о значительной связи населения, оставившего Убинский археологический комплекс золотоордынского времени с поздnekочевническим миром Золотой Орды, в границах которой он существовал, необходимо указать и на другие артефакты: А.В. Пьянков и Е.А. Хачатурова, публикуя, к примеру, захоронение «половчанки» (погребение №3 кургана №6 у ст. Новотитаровской), да-

⁴ С большой долей вероятности, к этой серии комплексов следует относить и разрушенные захоронения из-под ст. Староминской Краснодарского края [2, с. 144–146] и из сел. Терекли-Мектеб в Северо-Западном Прикаспии [41, с.138–150].

⁵ Одной из ранних аналогий таким захоронениям следует назвать подкурганное захоронение из-под сел. Каменка на Донбассе [31, с.257–261], датировка которого явно занижена [40]. По всей вероятности, точно такое же, но к сожалению, пока еще не опубликованное, парное захоронение с лошадей Е.А. Армарчук и А.В. Дмитриев указывают среди раскопанных материалов А.В. Шишлова в материалах курганного могильника «Кедрова роща».

тированное ими «XII – первой пол. XIII вв.», указывают на бронзовое височное украшение из него, которому они приводят прямые аналогии из пока неопубликованных погребальных комплексов «Убинского могильника» и «Бжид–1» [50, с.155, рис.1,3]. Точно такие же украшения ныне хорошо известны и из других «половецких» захоронений в т.ч. и золотоордынского времени [11, с.249–253; 24, с.130, рис. 64, 4–5; 25, с. 355–357; 27, с. 209–212; 40 и др.].

Помимо отмеченных височных украшений в составе погребального инвентаря Убинского могильника были и др. интересные артефакты. И.В. Волков, например, основываясь на «фото целой амфоры из Убинского могильника», обнаруживает ее «сходство с прикубанской керамикой домонгольского времени, другие их образцы, как отмечалось выше А.Л. Монгайтом – золотоордынского времени. И.В. Волков предположил: в районе Кубани должен был существовать еще один центр производства «варварских» амфор, т.к. эта область была одним из экспортеров икры на рынки Причерноморья и далее на запад (города Матрега, Копа). В пользу этого, помимо убинской амфоры, считает он, свидетельствует находка очень близкой по пропорциям и технологии плоскодонной амфоры на могильника Южная Озерейка (погр. №14)» [10, с. 59]. Вполне вероятно, что производство таких амфор могло быть связано с одним из упоминавшихся выше Убинских селищ, а одним из основных занятий части их населения, что вытекает из обобщений И.В. Волкова, являлась не только рыбная ловля, но и производство и экспорт ее икры.

В описаниях погребального инвентаря некоторых убинских погребений были и другие категории вещевого инвентаря, «узнаваемого» по его описаниям хотя бы в общих чертах. Среди таковых упомянуты находки «стеклянной посуды», в т.ч. и в виде «стакановидных» предметов. Аналогии им уже достаточно многочисленные есть в синхронных средневековых курганных памятниках Северо-Восточного Причерноморья⁶.

В свое время, уже Н.В. Анфимов передал Г.А. Федорову-Давыдову сразу 7 золотоордынских монет из погребального инвентаря погребения №70 Убинского могильника. По их определению – это монеты, чеканенные от имени Бирдибека, Кульны, Хызра, Ордумелика и Кильдибека [63, с. с.151]. Монеты – серебряные и, возможно, от одного мониста (?) и их набор может, вероятно, указывать и на относительную датировку – предтимуловская эпоха, если не всего могильника, то – основной его массы [36, с.97].

Определенный интерес представляют и немногочисленные шлемы из погребений Убинского могильника. После публикации М.Л. Стрельченко (53, с. 140–157), еще один шлем из того же могильника был опубликован Р.Б. Схатумом [58, с.341, рис. 1 а-в]. В качестве аналогии ему гамии был указан близкий образец с территории Келийского могильника в горной Ингушетии [51, с.183–185, рис. 4,2]. На внешней поверхности убинского боевого наголовья фиксировались следы ткани, как полагает Р.Б. Схатум, эти отпечатки могли относиться, якобы, к несохранившемуся головному убору типа, вероятно даже, к мусульманской чалме, по его мнению, носившейся воином поверх шлема [58,с.341]. Предположение нельзя назвать новым, поскольку задолго до Р.Б. Схатума такая же идея была опубликована, например, Д.Ю. Чахкиевым, опиравшимся на уже упоминавшиеся археологические материалы Келийского могильника в высокогорной Ингушетии. Однако, по тем же аналогиям из Келийского могильника, такие отпечатки тканей фиксировались не только на шлемах, но и на саблях, керамике и т.п. Другими словами, они могли являться и остатками матерчатого покрытия скелета – савана (?), которым покрывался покойник. В проработанных нами сведениях об Убинском могильнике, надежно документируются мусульманские погребения лишь XIX в., не раньше. К тому же, как известно, в «погребении 2 кургана 1» Убинского могильника была обнаружена и «стеклянная иконка XII–XIV вв. византийской работы с рельефным изображением Богородицы с младенцем» [65, с. 94, с.97, рис.4, 2]. Находка эта вряд ли может являться свидетельством в пользу определения «христианской принадлежности» основной массы кочевого населения, оставившего некрополь. Она же делает сомнительным возможность «сосуществования» на одном некрополе христиан и мусульман.

Не оспаривая реальность того, что иконка из Убинского некрополя, действительно, «византийской работы», отмечу, что она вполне может быть сопоставлена с близкой, но из меди иконкой с изображением Богородицы, происходившей с территории золотоордынского города Маджары [45, с.400–407; 46, с. 501–504].

⁶ Только из погребений Убинского могильника происходят не менее 10-ти стеклянных стаканов, украшенных «красной, желтой и синей красками с арабскими надписями», об этом см.: [65, с. 94]. Помимо Убинского могильника подобные изделия из стекла ныне хорошо известны и в погребальных комплексах курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья [42, с.141–148].

Среди немногих шлемов Убинского могильника было еще одно реконструированное боевое наголовье, составленное из 4-х пластин, которое его публикаторы сопоставили с типом «черкасских шлемов», якобы, упоминавшихся в «Задонщине» [60, с. 29–35]. Сегодня, несколько вариантов шлемов этого типа, хорошо известны не только на побережье Северо-Восточного Кавказа⁷. Если учитывать ныне их известные находки, обнаруженные на пространстве от Сочи до Новороссийска, а также в округе г. Геленджика. Под Геленджиком достоверно известны, как минимум, два таких шлема. Первый – из раскопок В.Саханева [51, с. 196, рис. 50, 13, 199]. Вторым шлем – из курганного могильника «Молоканова щель» [22]. Еще два таких же боевых наголовья происходят из района Сочи [29, с. 15–18; 14, с. 168, рис. 8, 5]. Известен такой шлем и из района Анапы [20, с. 18–30; 56, с. 89–201 и сл.], а также и из-под Новороссийска – в погребениях Цемдолинского курганно-грунтового могильника [5] и из курганов могильника «Сидоренкова щель» [21, с. 348–367]. По данным специалистов, к 2012 г. таких шлемов было учтено около 40. И в основном, они связаны с непрекращающимися грабительскими раскопками на территории Краснодарского края [20, с. 11]. Сегодня, незначительно отличающиеся друг от друга варианты четырехчастных шлемов известны и из кочевнических погребений Восточного Приазовья [24, с. 32, рис. 7, 2, 93, рис. 38, 1] и из кочевнического захоронения №1 кургана №3 могильника Маяки II на территории Ростовской области [48, с. 312–324]. Еще один экземпляр такого шлема происходит из ближайшей округи Верхнего Архыза (КЧР) [33, с. 119, рис. 3] и не только.

Не соглашаясь с предположением о том, что именно данные шлемы могли явиться основным прототипом упоминавшихся в «Задонщине» «черкасских шлемов» [36, с. 83–100; 38, с. 42–54], в интересующем нас контексте сошлемся и на точку зрения Л.А. Боброва и А.В. Сальникова. Придавая чуть ли не превалирующее значение роли именно черкесского вооружения в позднем средневековье, авторы отмечают: «Не гнушались черкесским защитным вооружением и представители российской знати. Так например, на страницах пространной редакции «Задонщины» (**написанной, предположительно, в 20–30-е гг. XVI в.**) отборные русские воины вступают в бой одетые в «золоченые доспехи», с «московскими» щитами, но имея на голове «шоломы чиркаския»» (т.е. **высокие черкесские шлемы** – выделено мной – Е.И.) [67, с. 728]. Другими, словами, в «Задонщине» хотя и упоминались «черкасские шлемы», но под ними подразумевались значительно более поздние шлемы совершенно иного типа, к которому все ныне известные, включая и убинский, приземистые варианты четырехчастных шлемов никакого отношения не имели. Достаточно сложно речь вести и о генезисе интересующих нас четырехчастных шлемов. Напомним: О.В. Двуреченский, А.В. Барышев и П.В. Бирюков, ссылаясь на изображение близкого шлема с головы одной из каменных «половецких» статуй, хранящейся в лапидарии Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына [20, с. 44–45, рис. 2 9–30], настаивают на возможно «половецком» их происхождении. Тем самым они солидаризируются и с более ранним предположением Ю.В. Зеленского 1997 г. [26]. Указанная выше аналогия с краснодарской «половецкой» скульптурой далеко не единственная. Ныне можно указать на еще одну каменную скульптуру из станичного музея в Белоглинском районе Краснодарского края [44, с. 123, рис. 12, а-б]. Типологически близкие шлемы, кроме того, изображены и на многих других «половецких» каменных изваяниях, в свое время опубликованных С.А. Плетневой. Основная масса именно этих скульптур происходит с территории современной Украины. [44, с. 108]. Но нельзя исключать и того, что у таких же шлемов мог быть и совершенно иное направление генезиса, на что, к примеру, может указывать «коническо-полусферическое» боевое наголовье с территории «Восточных Балкан», ныне хранящееся в одной из европейских «частных коллекций» [68, р. 51, 1, 1- б]. Автор публикации этого шлема – Р. Д'Амато относит его к «7 в. н.э.». В любом случае, приведенные выше аргументы, на наш взгляд, не дают никаких серьезных оснований в пользу трактовки убинского шлема из кургана №24 сугубо «адыгским», как его представляют Р.Б. Схатум и В.М. Дымченко и др.

⁷ В литературе появилось утверждение о том, что «внимание к шлемам подобного типа было привлечено совместной публикацией Р.Б. Схатума и В.М. Дымченко [60, с. 29–35]. А в 2008 г. Е.И. Нарожный вновь обратился к рассмотрению четырехчастных шлемов» [20, с. 10]. На самом деле – это не совсем так: справедливости ради укажем на публикацию кочевнического захоронения из степного Прикубанья, в погребальном инвентаре которого был четырехчастный шлем. Он в составе инвентаря всего захоронения был введен в научный оборот Ю.В. Зеленским. Этот шлем был не только изготовлен из четырех подтреугольных секторов (т.е., был 4-частным), но и имел дополнительные детали, отсутствующие на упомянутом выше шлеме из Убинского могильника [26, с. 90]. Еще один такой шлем. (округа совр. г. Геленджика), в конце XIX в. был опубликован В.В. Саханевым [51, с. 196, рис. 50, 13, 199]. Не согласившись с сугубо «половецким генезисом» этих вариантов шлема и их сопоставлением с «черкасскими шлемами» из «Задонщины», мы еще в 2005 г. высказали свои соображения на этот счет [36, с. 93–100], в 2008 г. лишь продублировав их [38, с. 42–54].

Еще одним аргументом в пользу «адыго-черкесской» атрибуции захоронений на Убинских могильниках являются остатки железных пластин и умбонов от щитов. Одним из первых публикаторов таких остатков щита из этого некрополя стал М.Л. Стрельченко [53, с. 156, рис. 6, 1]. Затем остатки разных деталей близкого щита были зафиксированы в окрестностях аула Ленинохабль Теучежского района Адыгеи [61, с. 164–173]. Впоследствии подобные находки были встречены еще несколько раз. Почти одновременно они были подготовлены и введены в научный оборот в виде исчерпывающей на то время сводки предметов с территории Краснодарского края [59, с. 223–234; 57, с. 58–69; 16, с. 293–300; 17, с. 158–189; 18, с. 73–88; 19, с. 280–302], одна из аналогий которым была обнаружена в более раннем кургане на территории Южной Руси [47, с. 50–52]. Р.Б. Схатум и М.В. Горелик вскоре атрибутировали это захоронение в «адыгское» на территории Южной Руси.

Еще позднее остатки интересующих нас щитов были выявлены при исследовании нескольких курганов под г. Сочи [7, с. 276–278, рис. 10, 1, рис. 11, 1, рис. 12, 1]. В другом случае остатки щита находили в одном комплексе с четырехчастным шлемом [14, с. 168, рис. 8, 1.3–4; 29, с. 15–18]. Ныне остатки щита известны из Апшеронского района Краснодарского края [12, с. 34–36, рис. 1, 1], а также в одном из погребений могильника «Молоканова щель» под Геленджиком [22]. Несколько фрагментов от щита были обнаружены и на территории поселения «Железнодорожное–1» в Крымском районе Краснодарского края [8, с. 186–187]. Несмотря на то, что практически все, выше перечисленные авторы – М.Л. Стрельченко, М.В. Горелик, В.А. Тарабанов, Д.Э. Василенко, Л.Э. Голубев, М.Ю. и Ю.Н. Федосовы – одни, следуя уже сложившейся традиции, другие, «по инерции», презентуют интересующие нас предметы защитного вооружения, как сугубо «адыгские». Но при этом, кроме того, что интересующие нас предметы зафиксированы на территории Северо-Западного Кавказа, никак других, «адыгских» аргументов не приводят. По этой причине сегодня есть все основания усомниться в ее реальности и в качестве альтернативы высказать иную точку зрения. Дело в том, что помимо уже упоминавшегося выше щита из погребения Яблоновского могильника на территории Южной Руси, коллегами с Украины первоначально датированного «XI–XIII вв.», но ныне отождествляемого с «традиционным» предметом защитного вооружения «адыгского» воина, якобы оказавшегося на территории Южной Руси, ныне необходимо учитывать остатки еще одного, второго такого же щита с территории Южной Руси. В принципе, к этому подталкивает не только относительно недавние наблюдения Л.Э. Голубева: реагируя на одну из моих публикаций, в которой речь идет о возможном привнесении на Северо-Западный Кавказ интересующих нас щитов извне, что стало возможным в результате миграции сюда кочевников, переселившихся в наш регион, скорее всего, из южнорусских степей (Поросья) сначала в Поднестровье, а уже оттуда, во главе с Ногаем (1260-е гг.), на Северный Кавказ (под Дербент). Не увидев в этой версии каких-либо «особых аргументов», Л.Э. Голубев предложил вновь обратить внимание на еще две находки остатков интересующих нас щитов. Первая из них – это «умбон щита» из «кургана 7 могильника «Rassawski» [69, s. 164, tabl. V, 1], находившегося по его мнению «в Поднепровье (Польша)» (? – Е.Н.). Вторая находка – «из впускного погребения 2 кургана 1 группы «Дмитриевская–1» в Прикубанье [6, рис. 31, 1]» [12, с. 34]. Поскольку атрибуция упомянутого выше предмета из погребения 2 кургана 1 группы «Дмитриевская–1 на Кубани как умбона щита не совсем соответствует реалиям [22], остановимся на первом предмете. Следует заметить: упомянутые Л.Э. Голубевым археологические материалы, как происходящие «из Польши», почерпнуты им из статьи, которую Э. Домбровская опубликовала под названием «Россовские курганы» [69]. Материалы эти, на момент ее публикации, действительно, длительное время хранились и, кажется, хранятся по сей день в «Археологическом музее» польского Кракова. Однако своим происхождением они были связаны с одним из нескольких разрушенных кочевнических погребений «курганного могильника в урочище «Лучки»; судя по лаконичной информации Э. Домбровской, указанная местность находилась в непосредственной близости от г. Канева», т.е. на р. Росс (Поросье). Оттуда, еще в конце XIX в., эти материалы, на что уже обращалось внимание [8, с. 186] и были вывезены в Польшу. Э. Домбровская суммарно датировала опубликованные ею предметы, в т.ч. и интересующие нас остатки щита в рамках «XII–первой пол. XIII вв.» [69, s. 158–159]. Сегодня в научный оборот введены и другие артефакты из тех же курганов указанного могильника с территории Южной Руси [15, с. 179–202; 32, с. 153–178; 70, s. 116–135]. Вне зависимости от того с кем идентифицируются кочевники из этих курганов – с половцами или с черными клобуками [22], оба щита с территории Южной Руси – наиболее ранние и, вероятнее всего, были занесены на Северо-Западный Кавказ через Поднестровье вместе с перемещением сюда (1260-е гг.) черных клобуков.

Таким образом, рассматривая ныне относительно хорошо известные артефакты из Убинского могильника вместе с отдельными погребальными обрядами, достоверно зафиксированными на нем,

вполне очевидно не только подтверждают ранее высказывавшиеся предположения о сильном, культуровоздействующем влиянии разноэтничных кочевников Восточной Европы на местную этнокультурную среду [37–41; 3, с. 28, с. 186–190 и др.], основная масса которых по всей видимости, была представлена тюрками.

Не менее очевидно и другое: основная масса погребенных в Убинских могильниках, золотоордынского времени, а сами некрополи, как и большинство других, синхронных им курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья – «Криница», «Молоканова щель», Цемдолинский курганно-грунтовый могильник, «Лобвнова щель», «Гостагаевская–1», «Пос. №258», «Сидоренкова щель» и др., находятся в пределах границ Золотой Орды. И наглядно демонстрируют сильное, культуроформирующее воздействие на них, шедшее со стороны не только Золотой Орды, но и со стороны находившихся неподалеку итальянских торговых факторий. Подобное влияние, шедшее со стороны разноэтничных кочевников Восточной Европы, в разное время и в силу различного рода обстоятельств оказавшихся здесь, на Северо-Западном Кавказе. Находясь с ними в прямых, самых тесных и непосредственных взаимоотношениях, включая и т.н. этномиксационные, эти процессы так или иначе «откладывались» в археологических материалах, ныне наглядно демонстрирующих и иллюстрирующих признаки явных, этнообразующих (этноформирующих) процессов в регионе. Убинские могильники и синхронные с ними селища, вряд ли являли собой исключения. Остается лишь сожалеть о том, что столь масштабно исследованный археологический комплекс по-прежнему остается неопубликованным, чему мешает в значительной мере и сохранность полевой документации. Тем не менее, остается уповать на то, что все-таки, Убинские материалы будут опубликованы. Хотя бы в тех рамках, которые позволят имеющиеся музейные материалы. А такая работа, вне всякого сомнения, ныне актуальна как никогда, в т.ч. и в связи с выполнением всех обязательств, обеспечивших в свое время получение под них уже упоминавшегося гранта. Такая публикация приведет к полной публикации лишь погребального инвентаря и планов немногих захоронений. Но это делать надо безотлагательно, вкуче со всеми сохранившимися полевыми документами, описями и другими всевозможными описаниями хотя бы в том виде и объеме, в котором они дошли до настоящего времени. Такая публикация вполне позволит *объективно* всем заинтересованным исследователям оценивать данные материалы с собственных позиций и в контексте исторической эпохи, позволяя определить и место данного археологического комплекса в системе золотоордынских владений региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Е.П. Материальная культура черкесов в средние века (по данным археологии) // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Т. IV. Серия историческая. Ставрополь, 1964. С. 146–252.
2. Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В. К вопросу о датировке предметов из разрушенного позднекочевнического захоронения у станицы Староминская // МИА Кубани. Вып. 2 / Под ред. И.И. Марченко. Краснодар: КубГУ, 2002. С. 144–147.
3. Армарчук Е.А. О половцах на Северо-Западном Кавказе // Поволжье в средние века. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000 гг.). Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2001. С. 37–41.
4. Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Цемдолинский курганно-грунтовый могильник. М.-СПб.: «Нестор-история», 2014. 132 с.
5. Армарчук Е.А., Малышев А.А. Средневековый могильник в Цемесской долине // ИАА. Вып. 3. Армавир-М., 1997. С. 92–114.
6. Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. Средневековые рыцари Кубани // МИА Кубани. Вып. 3 / Под ред. И.И. Марченко. Краснодар: КубГУ, 2003. С.184–208.
7. Василенко Д.Э. Средневековый курганный могильник «Медовеевка» в долине р. Мзымта (г. Сочи) // Наследие Кубани. Вып. 1 / Под ред. Е.И. Нарожного. Краснодар: ГУП «Наследие Кубани», 2008. С. 258–279.
8. Василенко Д.Э., Нарожный Е.И., Соков П.В. Комплекс предметов вооружения из культурного слоя поселений Железнодорожное, Железнодорожное №1 и №2 XIII–XV веков (Крымский район Краснодарский край) // V (XXI) Всероссийский Археологический съезд. Сборник научных трудов. Барнаул: АлтГУ, 2017. С.186–187.
9. Верещагин В.В., Голубев Л.Э. Воинские погребения с лошадьми из курганных могильников «Гостагаевская–1» и «Пос.№258» // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции (г. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.). Карачаевск, 2018. С.411–414.
10. Волков И.В. Местные амфоры Азака // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Под ред. В.Л. Егорова и Ю.А. Зеленева (Тр. ГИМ. Вып. 135). М.: ГИМ, 2002. С.55–63.

11. Голубев Л.Э. Новые погребения половецкого времени из степного Прикубанья // МИА Кубани. Вып.4 / Под ред. И.И. Марченко. Краснодар: КубГУ, 2004. С. 249–253.
12. Голубев Л.Э. Умбон щита из разрушенного погребения средневекового курганного могильника «Самурские озера-1» // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси. Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 27–29 мая 2013 г.) / Под ред. В.В. Улитина. Краснодар: «Вика-Принт», 2013. С.34–36.
13. Голубев Л.Э. Группа позднесредневековых погребений из могильника МТФ-3 близ станицы Старокорсунской // ИАА. Вып. 3 / Под ред. Р.М. Мунчаева. Армавир-М.: ИА РАН, 1997. С.115–120.
14. Голубев Л.Э., Федосов М.Ю., Федосова Ю.Н. Раскопки двух средневековых курганов группы «Джубга» // ИАА. Вып. 11 / Под ред. Р.М. Мунчаева. Армавир-Москва-Краснодар, 2012. С. 154–174.
15. Голэмбовская-Тобиаш А. Позднекочевнический могильник в Росаве. Новая интерпретация. Сравнительный анализ // *Colljqua Russica. Series I, vol. 7: Rus' and the world of the Nonads (the second half of 9th–16th century)* / Ed. Vitaliy Nagirnyu. Krakow, 2017. S.178–202.
16. Горелик М.В. Адыги в Южном Поднепровье (2-я пол. XIII – 1-я пол. XIV вв.) // МИАСК. Вып. 4 / Под ред. Е.И. Нарожного. Армавир: РИЦ АГПИ, 2004. С.293–300.
17. Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник КБИГИ. Вып. 15 / Гл. ред. Б.Х. Игажников. Нальчик, 2008. С.158–189.
18. Горелик М.В. Погребение черкесского воина 2-й пол. XIII – 1-й пол. XIV вв. в Поросье // *Історія давньої зброї. Дослідженні* (зб. наук. пр.). Киев, 2014. С. 73–88.
19. Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // *Археология евразийских степей.* № 5 / Отв. ред. вып. И.Л. Измайлов, Е.И. Нарожный, В.Н. Чаидзе. Казань: ИА АН РТ, 2017. С. 280–302.
20. Двуреченский О.В., Барышев А.В., Бирюков П.В. «Шелом черкасский». М.-Тула: Гос. военно-ист. и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2012. 55 с.: ил., цв. ил.
21. Дмитриев А.В., Дружинина И.А. Предметы вооружения из курганного могильника Сидоренкова щель // КСИА. Вып. 253. М.: ИА РАН, 2018. С. 348–367.
22. Дмитриев А.В., Нарожный Е.И. Два захоронения воинов-кочевников XIII–XIV вв. из Северо-Восточного Причерноморья (к истории формирования комплекса вооружения Золотой Орды) // *Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2* / Под ред. А.Г. Ситдикова и С. Г. Бочарова. Казань-Кишинев, 2019 (в печати).
23. Добролюбовский А.О. Черные клобуки в Побужье и Поднестровье // *Древности степного Причерноморья и Крыма.* Вып.1 / Отв. ред. Г.Н. Тоцев. Запорожье: ЗГУ, 1990. С. 153–159.
24. Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье / Под ред. М.В. Горелика. Армавир-М., 2011. 266 с.
25. Жилина Е.В., Нарожный Е.И. О датировке половецких погребальных памятников Северного Кавказа // МИА Северного Кавказа. Вып. 4 / Под ред. Е.И. Нарожного. Армавир: РИЦ АГПИ, 2004. С. 355–357.
26. Зеленский Ю.В. Позднекочевническое захоронение со шлемом из степного Прикубанья // ИАА. Вып.3 / Под ред. Р.М. Мунчаева. Армавир-М., 1997. С. 89–91.
27. Зеленский Ю.В., Цокур И.В. Погребение половчанки из Прикубанья // МИА Кубани. Вып.3 / Под ред. И.И. Марченко. Краснодар: КубГУ, 2003. С. 209–212;
28. Зеленский Ю.В., Пьянков А.В., Схатум Р.Б. К вопросу о присутствии кочевников в Северо-Восточном Причерноморье и Западном Закубанье в XI–XV вв. // *Проблемы археологии Кавказа. Сб. материалов международной научной конференции, посв. 70-летию Ю. Н. Воронова* (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум, 2011. С. 186–190.
29. Ильюков Л.С. Шлем и щит из окрестностей пос. Головинка // *Былые годы.* Сочи, 2010. №1 (15). С. 15–18.
30. Корецкий А.В. Позднекочевнические погребения на могильнике у сел. Глинное // *Древнее Причерноморье.* Вып. VIII. Одесса, 2008. С. 178–185.
31. Косиков В.А., Гриб В.К. Парное кочевническое из кургана у села Каменка в Донецкой области // *Советская археология.* 1985. № 2. С.257–261.
32. Ливох Р. Позднекочевнический могильник в Росаве. Новая интерпретация. Каталог артефактов // *Colljqua Russica. Series I, vol. 7: Rus' and the world of the Nonads (the second half of 9th–16th century)* / Publication from the 7th International Scientific Conference (Plzeň 23th–26th November, 2016). Krakow, 2017. S. 153–178.
33. Макласов В.Ю., Макласова Л.Э., Кравцова С.Л. Золотоордынские шлемы из коллекции Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве // *Археология евразийских степей. Материалы VIII международной научной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова.* Казань, 2018. №4. С. 113–119.
34. Монгайт А.Л. Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа // *Советская археология.* М., 1955. Вып XXIII. С. 331–332.
35. Нарожный Е.И. К этносоциальной атрибуции городского населения Терско-Кумского междуречья (По материалам мусульманских захоронений Золотой Орды) // *Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа* / Под ред. Т.Б. Тургиева. Орджоникидзе: СОГУ, 1988. С.159–172.

36. Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа / Под ред. В.Б.Виноградова. Армавир: АГПИ, 2005. 180 с.
37. Нарожный Е.И. Новые находки предметов средневекового вооружения с территории Северного Кавказа // МИА Северного Кавказа. Вып. 6 / Под ред. Е.И. Нарожного. Армавир, 2006. С.182–193.
38. Нарожный Е.И. О некоторых типах средневековых шлемов с территории Северного Кавказа // Военная археология. Сборник материалов семинара при ГИМе. Т. 1. М.: ГИМ, 2008. С. 42–54.
39. Нарожный Е.И. Об «этнокультурных», «этномиксационных» и «этноформирующих» процессах XIII–XV вв. в Северо-Восточном Причерноморье (дискуссионные аспекты проблемы) // Этногенез и этническая история народов Кавказа. Материалы I-го международного нахского научного конгресса (г. Грозный, 11–12 сентября 2018 г.). Грозный: АН ЧР, 2018. С. 718–730.
40. Нарожный Е.И. Парное кочевническое захоронение у сел. Каменка на Донбассе: его датировка, аналогии и этнокультурная атрибуция // История Донбасса: анализ и перспективы. Донецк: ДонНУ, 2019 (в печати).
41. Нарожный Е.И. Черные клобуки на Северном Кавказе: о времени и условиях перемещения // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14 / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. С.138–150.
42. Нарожный Е.И. Позднесредневековые захоронения из –под ст. Старокорсунской: предки адыгов, или поздние кочевники? // Седьмые чтения по археологии Средней Кубани: Краткое содержание докладов. Армавир: АГПИ, 2000. С. 22–24.
43. Нарожный Е.И., Тищенко И.Б., Грунтовый могильник XIII–XIV вв. поселения Железнодорожное–2 (Крымский район Краснодарского края // Средневековая археология евразийских степей. №4: Материалы VIII международной научной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань, 2018. С.141–148.
44. Нарожный Е.И., Соков П.В. Каменные изваяния из Белоглинского района Краснодарского края // МИА Северного Кавказа. Вып. 15 / Под ред. Е.И. Нарожного. Армавир–Краснодар, 2015. С. 120–126.
45. Обухов Ю.Д. Иконка с изображением Богоматери с Маджарского городища // Донские древности. Вып. 10: Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV международной научной конференции памяти проф. МГУ Г.А. Федорова-Давыдова (г. Азов, 30 сентября – 3 октября 2008 г.) / Под ред. Л.Т. Яблонского. Азов: АКМ, 2009. С.400–407.
46. Охов Ю.Д., Полубояринова М.Д. Иконка с изображением Богоматери с Маджарского городища // Великий Новгород и средневековая Русь. Сб. ст. к 80-летию В.Л. Янина. М., 2009. С.501–504.
47. Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М. Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей // Земли Южной Руси IX–XIV вв. (История и археология). Сб. научных трудов. Киев: «Наукова Думка», 1985. С. 30–62.
48. Парусимов И.Н. Воинские позднекочевнические погребения с левобережья и дельты Дона // Средневековые древности Дона // МИА Дона. Т. 2. Москва-Иерусалим, 2007. С.312–324.
49. Пьянков А.В., Хачатурова Е.А. К вопросу о хронологии Убинского могильника // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (г. Магас. 26–30 апреля 2010 года). Тезисы докладов. Магас, 2010. С.301–303.
50. Прошлое Кубани. Из наследия Н.В. Анфимова / Составители: Е.А. Хачатурова и А.В. Пьянков. Краснодар: «Перспективы образования», 2010. 364 с.
51. Саханев В.В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // ИАК, 1914. Т. 56. Петроград, 1914. С. 75–219.
52. Смирнов А.П. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным // Ученые записки Кабардинского НИИ. Нальчик, 1948. Т.IV. С.65–90.
53. Стрельченко М.Л. Вооружение адыгейских племен в X–XV вв. (По материалам Убинского могильника) // Наш край. Вып. 1. Краснодар, 1960. С. 140–157.
54. Стрельченко М.Л. Материальная культура адыгейских племен Северо-Западного Кавказа в XIII–XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1969.
55. Схатум Р.Б. Предметы вооружения Убинского могильника (общая характеристика и датировка) // Вторые «Анфимовские чтения» по археологии Северо-Западного Кавказа / Под ред. В.В. Саханева. Краснодар, 2012. С. 58–69.
56. Схатум Р.Б. Защитное вооружение адыгов в золотоордынское время (вторая пол. XIII–XIV вв.) // Военная археология. Т. 2. М.: ГИМ, 2011. С.89–201.
57. Схатум Р.Б. Предметы вооружения Убинского могильника: общая характеристика и датировка // Первые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. К 70-летию исследования Убинского могильника Материалы межрегионального круглого стола (г. Краснодар, 9 июня 2011 г.). Краснодар, 2012. С.58–69.
58. Схатум Р.Б. Шлемы из Убинского могильника // МИА Кубани. Вып. 5 / Под ред. И.И. Марченко. Краснодар: КубГУ, 2005. С.334–342.
59. Схатум Р.Б. Щит в системе вооружения оседлых племен Северо-Западного Кавказа в золотоордынский период // МИА Кубани. Вып. 3 / Под ред. И.И. Марченко. Краснодар: КубГУ, 2003. С.223–234.

60. Схатум Р.Б., Дымченко В.М. Шлем из кургана № 24 Убинского могильника: атрибуция, реставрация, реконструкция // Магистерיום. Сборник научных трудов аспирантов и студентов кафедры истории и музееведения КГУКИ. Вып. 1. Краснодар: Изд-во КГУКИ, 2003. С. 29–35.
61. Тарабанов В.А. Средневековые погребения Ленинохавльского могильника (по раскопкам 1975 года) // Вопросы археологии Адыгеи / Под ред. Н.В. Анфимова и П.У. Аутлева. Майкоп: Адыг. НИИ экономики, яз., лит. и истории, 1984. С.164–173.
62. Ткачев А.Н. Археологи Кубани и Северо-Западного Кавказа (1917–1991 гг.). Библиографический словарь-справочник. Краснодар, 2016. 346 с.
63. Федоров-Давыдов Г.А. Клады Джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Вып.1. М.: Наука, 1960. С. 94–192.
64. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов Археологические памятники. М.: МГУ, 1966. 276 с.
65. Хачатурова Е.А. К истории исследования Убинского могильника по материалам архива Краснодарского музея-заповедника // Первые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. К 70-летию исследования Убинского могильника Материалы межрегионального круглого стола (г. Краснодар, 9 июня 2011 г.). Краснодар, 2012. С 92–97.
66. Хотко С.Х. Черкесия: генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII–XVI вв.) / Науч. ред. Э.А. Шеуджен. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2017. 544 с.
67. Bobrov. L.A., Salmikov A.V. «Circassian Armor» in the System of Defensive Weapons of the Peoples of the Muslim East XV – mid XIX centuries // Bylye Gody. 2017. Vol. 45. Is. 3. С.727–753.
68. D’Amato R. Old and new Evidence on the East-Roman Helmets from 9th to the 12th Centuries // Acta Militaria Mediaevalia, 2015. № XI. S. 27–157.
69. Dąbrowska E. Kurhany Rassawskie // Archeologia. Warszawa, 1958. VIII. S. 132–161.
70. Głębiowska-Tobiasz A., 2014. Kontakty połowieckiej arystokracji rodowej z Rurykowiczami w świetle źródeł archeologicznych. In: V. Nagirny (Editor) // Contacts between the Polovtsian aristocracy and the Rurikids in the light of archaeological sources. Colloquia Russica. Series 1– Vol. 4: Rurikids in Dynastic relations: politics, customs, culture, religion (10th–16th c.). Publication after 4th International Conference (Mogilno, 14–16th November 2013). Krasow, 2014. S.116–135.

Сведения об авторе: Евгений Иванович Нарожный – доктор исторических наук, главный специалист НАО «Наследие Кубани» (Краснодар, Российская Федерация). E-mail: zai_ein@mail.ru

UBINSKIY MEDIEVAL ARCHAEOLOGICAL COMPLEX: ACTUAL PROBLEMS OF STUDY

Evgeniy I. Narozhnyi

Non-Public Joint stock Company “Nasledie Kubani” (“Kuban Legacy”)

Abstract. The article analyzes disparate information about archaeological sites – the mound and soil burial grounds with two or three adjacent settlements. The author proposes to consider these monuments, studied in June 1941 and still not published in special literature, as a single archaeological complex, the main time of existence of which dates back to the Golden Horde. Unsuccessful attempts to connect part of the population with Slavs or with Abazins led to its identification with the ancestors of modern Adygs. However, despite the debatability of this version, we focus on archival descriptions of the various details of funeral rites and material items. In our opinion, these details indicate the infiltration of representatives of the nomadic population, driven out here by the Mongol-Tatar invasion, mainly of the nomads from the South Russian Ros’ region, into the local nomadic environment characteristic of the North-Eastern Black Sea.

Keywords: Ubinskiy burial, ancestors of the medieval Adygs, nomads, south Russian steppes

About the author: Evgeniy I. Narozhnyi – Dr. Sci. (History), Chief specialist of Non-public Joint-stock company “Nasledie Kubani” (“Kuban Legacy”) (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: zai_ein@mail.ru

МАДЖАРЫ – ПУТЬ ОТ НАРОДА К ГОРОДУ**А.В. Шумкин***Министерство просвещения Российской Федерации*

Статья посвящена проблеме миграции средневековых венгров на Северный Кавказ. На основе материалов латинских и арабских источников в ней прослеживаются отдельные свидетельства присутствия венгров в этом регионе, первое из которых было оставлено Г. де Рубруком в середине XIII века. После тщательного разбора историографии этой проблемы, ведущей свой отсчет с момента обнаружения А. де ла Мотрэ руин золотоордынского города Маджар в начале XVIII века, делается вывод о недостаточной обоснованности существующих предположений о районе Маджар как о перевалочном пункте на пути древних венгров в Паннонию. В то же время аргументируется альтернативная теория переселения части угорского населения из Великой Венгрии на Кавказ в ходе монгольского завоевания Восточной Европы. Значительное внимание в статье уделено истории города Маджар, а также «маджарской» номенклатуре ряда предметов ремесленного производства (телег, оружия). Вместе с тем в основном фокусе внимания статьи находится генеалогическая легенда о «маджарском» происхождении некоторых малкарских и дигорских знатных фамилий, которая позволяет сделать предположение о генеалогической связи между их основателями и жившим в эпоху Золотой Орды венгерским князем Йере-Тамиром, известным по корреспонденции папы Иоанна XXII. В то же время довольно неожиданным оказывается вывод о том, что литературным источником «маджарской» легенды послужило историко-фольклорное сочинение Дафтар-и Чингиз-наме, составленное в конце XVII века анонимным поволжским татаринном.

Ключевые слова: Маджар, венгры, мадьяры, балкарцы, дигорцы

Любому исследователю фольклора народов Северного Кавказа рано или поздно приходится столкнуться с преданиями о легендарном народе «маджары», к которому восходят генеалогии некоторых знатных осетинских и малкарских родовых объединений. В данной работе автор предпринял попытку дать ответ на следующие вопросы: действительно ли в этом регионе в средние века обитал народ «маджары» и правомерно ли его отождествление с венграми (мадьярами)?

Первенство письменной фиксации предания о маджарах принадлежит посетившему в 1781 г. Осетию подполковнику российской армии Л. Штедеру [96, с. 59–60]. Впоследствии записи этого предания публиковались в книгах и статьях Г.Ю. Клапрота, И.Ф. Бларамберга, Я.К. Бешше, А.М. Шёгрена, К. Коха, К. Красницкого, П.И. Головинского, В.Б. Пфаффа, Н.Ф. Дубровина, В.Ф. Миллера, М.М. Ковалевского, Н.Н. Харузина, Н.П. Тульчинского, Б.А. Ланге, М.С. Туганова, М.К. Абаева, В.Н. Кудашева, У.Д. Ездиева. Отдельные аспекты легенды затронуты в творчестве И.П. Горича, П.С. Палласа, Ш.Б. Ногмова, К.Ф. Сталя, К.Ф. Гана, А. Абрамовича, Б.К. Далгата, В.А. Потто, П.С. Уваровой, В. Линдена, С.О. Шахмурзаева, О.М. Отарова [48, с. 160–161; 11, с. 139–240, 308, 320; 94, с. 221; 2, с. 249–250, 331–333; 52; 22; 69, с. 85; 32, с. 354–355; 61, с. 215, 791, 839, 852–853; 60, с. 78–80; 50, с. 173, 223, 226–227; 93, с. 192; 86; 87, с. 279; 56; 85; 100, с. 141–143; 53, с. 157; 63, с. 61; 33, с. 95; 10, с. 86; 80, с. 93; 16, с. 29; 29; 88, с. 115; 66, т.5, с. 326, 335; 57, с. 261–262; 73, с. 33, 41, 96]. Кроме того, персонажи легенды о маджарах упоминаются в осетинской исторической песне о правителе Дигории Айдаруке Кабанове. Среди современных авторов предания о маджарах привлекли внимание Ф.Х. Гутнова, Х.Х. Малкондуева, В.М. Батчаева и М.И. Барасбиева [25, с. 6, 16–18, 65; 26, с. 71, 88–89; 7, с. 160–180; 8, с. 86–99; 59, с. 110–136; 92, с. 154].

Прежде чем приступить к подробному изложению и разбору предания, необходимо обратиться к географической локализации расселения маджар, по словам баксанского князя Мурзакула Урусбиева «господствовавших... над краями от Кумы до Каспийского моря и в северной и западной частях Кавказа вплоть до побережья Черного моря» [2, с. 331]. Дело в том, что локализация маджар на реке Куме совпадает с местонахождением золотоордынского города Маджар, известного науке по средневековым источникам, который также неоднократно становился объектом археологических исследований. Собственно, историография рассматриваемой проблемы насчитывает уже около трёх столетий, с тех пор как развалины Маджара были обнаружены А. де ла Мотрэ.

Вскоре после публикации путевых записей А. де ла Мотрэ офицер российской армии, венгр Ш. Туркай, обозначил проблему присутствия «маджар» (под этим названием в средние века на Востоке были известны венгры-мадьяры) на Кавказе в своём письме, составленном в 1725 г. в Астрахани [109, р. 75–76].

Другой европейский офицер на российской службе, полковник И.Г. Гербер, в 1728 г. писал о развалинах города Маджара следующее: «Магиары, или лучше сказать маджары жили в степи к северу над черкесскими горами... Нет никакого сомнения, что маджары... основали Венгерское королевство, ибо венгерцы называют сами себя маджарами, да и турки и поляки их так именуют» [19, с. 316, 318].

Разделял подобную точку зрения и астраханский губернатор В.Н. Татишев, который извлёк соответствующие сведения у местных информаторов: «Имя Маджары какого языка и что значит, я изведать не смог, но что он был жилищем тех угров, то уверяет: турки и татары сей град именуют Старые, а Венгрию – Новые Маджары» [83, с. 338].

«Маджарская» гипотеза получила широкую популярность в научных кругах XVIII–XIX вв. В частности И.Э. Фишер посвятил Маджару §16 своей диссертации «О происхождении венгров», где подтверждал, что азиатские народы называют венгров маджарами. В итоге он пришел к следующему выводу: «Что касается вышеупомянутого города Маджар, лично я не стал бы оспаривать, что это название было дано ему из-за маджаров. Но какими же доводами доказывается, что либо маджары не венгры, либо тот город был основан маджарами? Вероятно, что они силой оружия захватили этот город, который, как я догадываюсь, был некогда возведён персами и имел другое название, и по праву победы изменили его название» [105, р. 32].

А.Ф. Бюшинг в ответ на размышления И.Э. Фишера написал статью, в которой впервые была дана попытка обзора сведений средневековых источников, касающихся маджар. В результате Бюшингу пришлось резюмировать, что «маджары доходили и до страны, где находится Маджар. Это доказывается и именем города, и войною, которую маджары или венгры вели с персами» [103, р. 533–536; 110, р. 90].

Д.А. Рицци-Заннони на опубликованной им карте северной части Османской империи пометил пункт Маджар следующим замечанием: «Разрушенный город маджаров, откуда родом венгры» [114].

Значительный интерес для историографии проблемы представляют мнения участников «академической» экспедиции 1768–1774 гг., среди которых особой оригинальностью отличалась точка зрения Г.С. Гмелина. Посетив развалины Маджара в 1772 г., Гмелин подчеркнул, что слишком несведущ в средневековой истории, но заключил: «Вероятно, здесь жило скифское племя, носившее имя маджар, и интересно знать: не потомки ли их кавказский народ, именно ингуши» [107; 95, с. 12].

И.А. Гильденштедт, осмотрев руины города в 1773 г., пришёл к выводу о его принадлежности мусульманам (как он считал, ногайцам). Исходя из этого, он сделал соответствующее замечание: «Современные маджары, или венгерцы, теряют таким образом право, которое им предоставлялось, на эти развалины; вероятно их уже раньше прогнали татары, если, с другой стороны правда, что они жили в этой местности» [20, с. 291].

П.С. Паллас, побывавший на городище значительно позже своих товарищей по «экспедиции», также связал Маджар с мусульманами (как он предполагал, татарского происхождения) и отметил, что «если судить только по традиционному названию Маджар, данному этому месту, то оно, возможно, было раньше местопребыванием венгров или куманов». Он также обратил внимание на Маджарское озеро и на другие «маджарские» развалины в бассейне р. Зеленчук [112, р. 305, 327–328].

Крайне противоречиво высказался Я. Рейнеггс, который считал, что город был основан монголами, и поэтому привёл пару народных этимологий его названия, соответствующих такой гипотезе. Однако в другом месте своей книги, в пересказе дагестанского исторического сочинения Дербендаме, он написал (явно намекая на венгров), что «жители Маджара, уставшие от беспрестанных войн, в которые они были втянуты хаканом Дешт-и Кыпчака, покинули это место и переселились в западном направлении со всеми своими пожитками и собственностью» [113, р. 66, 78].

Не обошел «маджарскую» проблему вниманием в своих воспоминаниях и генерал С.А. Тучков: «Однако венгры и поныне на природном языке не называют себя ни венграми, ни хунгурами, но мажар. На Кавказской же линии между Кизляром и Моздоком есть селение, называемое Мажары». Далее Тучков привёл ту этимологию, которая впоследствии в искаженном виде была использована Г.Ю. Клапротом и сам же ее отверг: «Скажу только, что все доказывает, что венгры, гунгары или угры имели там древнее свое жительство» [42, с. 503].

Первым исследователем, предпринявшим попытку обзора историографии и последовательной критики «маджарской» гипотезы, стал Г.Ю. Клапрот. На основании данных архитектуры, эпиграфики и собранного им на городище нумизматического материала он пришёл к выводу, «что Маджар был городом, построенным и населенным кыпчакскими татарами», и «ни в коем случае это название не может намекать на венгров, или мадьяр» [48, с. 76, 84].

Однако, несмотря на критику Клапрота данная гипотеза в те времена ничуть не утратила своей популярности. В частности, И.А. Фесслер использовал факт существования Маджара на Куме в своей реконструкции движения венгров в Европу [104, р. 223–225].

Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» описал Маджар, как «город торговый (на реке Куме, в Кавказской Губернии), где, как вероятно, обитали некогда Угры, изгнанные Печенегами из Лебедии». Кроме того Карамзин ввёл в научный оборот важные для решения «маджарской» проблемы сведения Г. де Рубрука о венграх [43, с. 112, 270]. Г.Ю. Клапрот не смог остаться в стороне от полемики и возразил Карамзину, что венгры двигались из Лебедии на запад через Киев [78, с. 132].

В 1829 г. начатая Г.Ю. Клапротом полемика побудила венгерского исследователя Я.К. Бешше совершить экспедицию на Кавказ в поисках следов венгров. Бешше собрал богатейшую информацию по проблеме и пришел к твердому убеждению, что местность у Кумы была местопребыванием его соплеменников не только в прошлом, так как их потомки всё ещё обитали в окрестных горах и в современную ему эпоху [2, с. 331–333; 65, с. 222].

В свою очередь, А. де Жерандо счел необходимым опубликовать выдержки из «Путешествия» Я.К. Бешше в качестве приложения к собственному «Историческому сочинению о происхождении венгров», солидаризуясь с высказанными венгерским автором взглядами [106, р. 15, 53, 129, 135–149].

В Венгрии примерно в это же время появилась посвященная проблеме связей венгров с Маджаром на реке Куме работа Й. Эрнеи, в которой освещалась и история зарождения «маджарской» концепции [109, р. 75–76].

Один из первых историков Золотой Орды, Й. фон Хаммер-Пургшталь придерживался точки зрения, высказанной А.Ф. Бюшингом и Н.М. Карамзиным, утверждая, что «город Маджар, на Куме... так же как замок Маджаров в арабском Ираке, получил название от венгров, которые ушли из Лебедии на юг против Персии» [108, р. 290].

А.П. Берже также недвусмысленно выразил свою точку зрения, отметив в комментариях к «Истории адыгейского народа», что «Маджарами или мадиарами называют себя венгры, которые под этим же именем известны и у восточных писателей. На Кавказе, на р. Куме, видны развалины, называемые Маджарами» [63, с. 61].

Апогей популярности «маджарской гипотезы» пришёлся на время проведения четвертого археологического съезда, в ходе которого П.Д. Шестаков зачитал доклад, посвященный городу Маджару. Сославшись на мнения ряда ученых по «маджарской» проблеме и сведения некоторых исторических источников (Шестаков придерживался мнения, что свидетельство о пребывании маджар между Волгой и Доном содержится в сочинении Ахмеда ибн Руста), он в заключение сказал: «Едва ли подлежит сомнению, что в прекрасной местности на берегах Кумы, в этом древнем славном городе, развалины которого теперь, к сожалению, сравниваются с землей, жили маджары, мадьяры, угры, нынешние венгры, что они воевали с персами и татарами» [95, с. 14].

Взгляд Ф.К. Бруна был уже достаточно традиционным. Между прочим, он сообщил, что «следы пребывания Савартиасфалов на северной стороне Кавказа, именно при Куме, поныне сохранились в развалинах «большого, красивого» города Маджар Ибн-Баттуты и Абульфеды, Моджжъ-горы современных им русских летописцев». Сведения о пребывании маджар на Кавказе он пытался отыскать в крайне противоречивом отрывке из сочинения ‘Абд Аллаха ал-Бекри [15, с. 329].

Присоединился к числу сторонников «маджарской» концепции и известный специалист в области статистических исследований Кавказа И.В. Бентковский [9].

В конце XIX столетия «маджарская» гипотеза обрела нового последовательного критика в лице К.Я. Грота. Поскольку его взгляды сформировались под сильным влиянием творчества Г.Ю. Клапрота, К.Я. Грот безоговорочно принял фантастическую этимологию названия Маджар, предложенную немецким ориенталистом. Маджар на Куме он считал основанным «каким-то племенем Монгольской орды» и далее развил свою мысль следующим образом: «Однако сближение этого города с именем мадьяр не имеет другого основания, как только подобие звуков. Подобие же это следует счи-

тать совершенно случайным, и ни о каком действительном соотношении между мадьярами и г. Маджаром не может быть и речи».

Именно К.Я. Грот разработал используемую до сих пор реконструкцию миграции венгров на запад, в которую их пребывание на р. Куме не вписывалось. Он раскритиковал тех авторов, которые отстаивали эту концепцию, считая, что она особенно популярна среди сторонников турецкого происхождения мадьяр. К числу своих основных оппонентов он отнёс венгерских историков Л. Залаи и М. Хорвата, а также австрийского этнографа К. Чернига [24, с. 151, 169]. Поскольку разработки К.Я. Грота до сих пор пользуются заслуженным признанием, можно сказать, что именно благодаря его критике «маджарская» гипотеза быстро превратилась из популярной научной теории в малоизвестную концепцию.

Впрочем, Кавказ еще посетили экспедиции М. Дечи (1884 г.), Ф. Гауча и Е. Зичи (1895 г.), основной задачей которых было найти следы пребывания венгров в этом регионе [98, с. 236; 115, р. xxxv–xxxvi].

Однако на момент издания энциклопедии Брокгауза и Ефрона был очевиден спад популярности венгерской гипотезы. Статья «Маджары» энциклопедии гласит: «В конце прошлого и начале текущего столетий господствовало мнение, основанное на простом созвучии названий, что М. были жилищем венгров (мадьяр)». Тем не менее, автор другой статьи той же энциклопедии, ссылаясь на П.Д. Шестакова, всё ещё считал маджар, «племя, жившее близ устьев Волги, на берегу р. Кумы», непреложным историческим фактом [12, с. 942; 13, с. 591].

Уже В.А. Потто относился к «маджарской» тематике с глубоким скепсисом, и, рассказывая об экспедиции Я.К. Бешше, отнёс добытые им этнографические данные на счёт мнительности венгра (впрочем, он никак не аргументировал свою точку зрения и, по-видимому, считал научную критику гипотезы, «разгромленной» К.Я. Гротом, излишней) [66, т. 5, с. 326].

Следует отметить, что большинство авторов, осуществивших записи предания о «маджарах», не принадлежали к числу сторонников «маджарской» гипотезы (за исключением, пожалуй, выходцев из Западной Европы).

В XX веке данная тематика перешла в разряд курьёзных, а её сторонники сосредоточились почти исключительно в Венгрии. Например, 1904 г. на этом вопросе остановился Б. Мункачи. Он объяснял соседством венгров с аланами на Кавказе осетинские заимствования в венгерском языке [111, р. 2]. Впрочем, эта лексика не обязательно должна была быть заимствована именно на Кавказе, так как известно о заселении в XIII в. венгерской области Ясшаг аланами, бежавшими от монгольских завоеваний.

Л. Бендефи посвятил «маджарской» проблеме специальную монографию «Прародина венгров на Кавказе» и впоследствии опубликовал важные для ее решения документы из архива Ватикана [101, р. 160; 102, р. 254–263].

Значительное внимание уделил проблеме И. Эрдели. Он считал исходным пунктом поиска следов древних венгров на Кавказе (у Меотиды) предание об их родоначальниках братьях Гуноре и Могоре, которому он придал значение достоверного исторического свидетельства, несмотря на наличие для него очевидного источника в сюжетах раннесредневековой латинской литературе (легенда о происхождении хуннов, изложенная Иорданом) [98, с. 236]. Предание обязано своим происхождением традиции отождествления хуннов-оногуров и венгров-мадьяр, закрепившейся в средневековых латиноязычных произведениях [40, с. 84–85].

В отечественной науке концепция связи Маджар с венграми была поддержана В.П. Шушариным. Согласно его мнению «этот топоним – след пребывания группы восточных венгров в иноязычной среде» [97, с. 164–165].

Довольно своеобразную работу написал В.П. Кобычев, который пытался связать с венграми довольно обширный круг топонимов Кавказа [49, с. 10–36].

Последнюю известную автору публикацию данной проблеме посвятил В.А. Кузнецов, который указал ряд предметов венгерского происхождения, обнаруженных на Кавказе и датированных VIII–XII вв. Однако он упустил из вида, что эти артефакты разбросаны по слишком обширной территории и не образуют единого археологического комплекса, следовательно, скорее всего, являются предметами импорта, полученными в ходе алано-венгерской торговли. На свидетельство 'Али ал-Мас'уди, как очевидца бытования таких торговых связей, Кузнецов сам же и сослался в своей статье [54, с. 205–218].

Если авторы XVIII века интересовались лишь фактом принципиального наличия связи между Маджаром и венграми, подчас пытаясь увязать противоречивые археологические и исторические факты (их смущала явная принадлежность развалин Маджара к числу памятников золотоордынского круга), то, начиная со следующего столетия, для большинства исследователей характерны были попытки обратиться к свидетельству Константина Багрянородного о родстве венгров с савартами, переселившимися в Персию [51, с. 159]. Даже указание М.И. Артамонова на то, что Константин Багрянородный «смешал мадьяр с савирами» не помешало попыткам современных сторонников «маджарской» гипотезы объяснить присутствие маджар на реке Куме движением савиров на юг [4, с. 349]. Хотя, в общем-то, присутствие в восточном Предкавказье V-VI вв. кочевого племени савиров никак не объясняет возможного расселения маджар на реке Куме в классическом Средневековье.

Маджары в источниках золотоордынского периода

Прежде всего, следовало бы поставить вопрос, существуют ли исторические свидетельства обитания венгров на Куме в средние века? В 1253 г. французский дипломат Гильом де Рубрук покинул ставку монгольского царевича Сартака, находившуюся в трёх днях пути к западу от нижнего течения Волги и, направившись в кочевье его отца Бату, отметил следующее: «А на пути между ним и его отцом мы ощущали сильный страх: именно русские, венгры и аланы, рабы их, число которых у них весьма велико, собираются зараз по 20 или 30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают всякого, кого только застают ночью. Днём они скрываются, а когда лошади их утомляются, они подбираются ночью к табунам лошадей на пастбищах, обменивают лошадей, а одну или двух уводят с собою, чтобы в случае нужды съесть. Наш проводник сильно боялся такой встречи» [68, с. 115].

Сообщение Рубрука можно дополнить сведениями египетского автора конца XIII – начала XIV вв. ал-'Омари, по словам которого «хотя они (монголы. – *А.Ш.*) одержали верх над ратями черкесов, русских, маджаров и асов, но эти народы похищают детей и продают их купцам» [74, с. 213]. В изложении ал-'Омари название Маджар также встречается в географическом описании улуса Джучи: «границы этого государства со стороны Джейхуна: Хорезм, Сыгнак, Судак, Яркенд, Дженд, Сарай, город Маджар, Азак, Акчакерман, Кафа, Судак, Саксин, Умук, Булгар, области Сибир и Ибир, Башкырды и Чулыман» [74, с. 215]. Как можно заметить, во втором процитированном отрывке арабский автор специально подчеркнул, что речь идёт именно о городе Маджар, а не об области обитания народа, которую он упомянул в числе прочих территорий улуса Джучи: «с севера страны Хифджах, то есть племени кыпчаков и страны славян, черкесов, русских, маджар и соседних с ними различных народов, населяющих север» [74, с. 225]. В отрывке ал-'Омари словосочетание город Маджар – построенное в соответствии с грамматической конструкцией *удафа*, или *status constructus* – одновременно служит как названием города, так и обозначением его принадлежности маджарам¹.

Косвенные сведения об итогах исторического сюжета, нарисованного по данным Рубрука и ал-'Омари, можно извлечь из хроник Руки ад-Дин Бейбарса и Ахмеда ан-Нувеири: «В 707 г. (1308 г. н.э. – *А.Ш.*) от Токты, царя татарского, пришли известия о том, что он отомстил генуэзским франкам, которые находятся в Крыму, в Кафе и в Северных областях, за дела, которые о них рассказывают, как-то: за овладение татарскими детьми, за отсылку их в эти края и за разные другие вещи» [74, с. 120, 162].

Соединив все три текста, можно нарисовать следующую карту расселения маджар во второй половине XIII – начале XIV в. В это время венгры, по-видимому, обитали на реке Куме и, совершая разбойничьи набеги в междуречье Волги и Дона, уводили в плен молодых татар, чтобы продать их в Крыму генуэзцам, пока хан Токта не укрепил около 1308 г. в описанном регионе золотоордынскую власть. Именно на монетном чекане этого хана в начале XIV в. впервые появилось название города Маджар [91, с. 87]. Следует отметить, что факт основания города Токтой подтверждается нумизматическими находками с Маджарского городища, ранний слой которых представлен его же монетами, отчеканенными в других городах.

¹ В изданном В.Г. Тизенгаузеном тексте сочинения ал-'Омари название народа маджары пишется через две буквы алиф и с определенным артиклем *الماجار*, а города через один алиф и без артикля *ماجر*. Но как можно убедиться, артикль используется ал-'Омари вообще крайне непоследовательно. В частности, в упомянутом списке все названия городов и областей оставлены без артикля, хотя далее по тексту встречаются случаи употребления тех же самых названий с артиклем. *ماجر* и *ماجار* – обычные разночтения наименований соответствующих города и народа, встречающиеся в арабских текстах.

От эпохи правления преемника Токты Узбека дошёл документ, который достаточно уверенно можно связать с Маджаром. В 1329 г. папа римский Иоанн XXII, удовлетворяя просьбу чагатайского хана Илчигидея, принял решение учредить в Самарканде католическую епархию, во главе которой поставил доминиканца Томмазо Манказоле. В 1330 г. Манказоле прибыл в порт Таны, чтобы проследовать транзитным путём через Золотую Орду в Чагатайский улус (из сочинения современника описанных событий Мухаммеда ибн Баттуты известно, что путь этот вёл по маршруту Азак – Маджар – Сарай – Сарайчик – Хорезм). Среди сопроводительных писем, врученных Иоанном XXII Манказоле, было послание от 29 сентября 1329 г., адресованное князю «Йеретамиру и всем христианским венграм, мелькитам и аланам» [102, р. 254]. В письме папа сообщал: «неизмеримую радость нам доставило узнать то, что ты, сын Йеретамир, приходишь из рода католических повелителей, королей Венгрии».

Синхронная временам путешествия Манказоле информация содержится в анонимном отчёте о деятельности восемнадцати францисканских миссий на территории Аквилонского викариата за 1320–1330 гг. В городе Кум Маджаре (именно под таким названием Маджар был известен ‘Абу-л-Фиде Исма’илу ибн ‘Али), который входил в состав Сарайской кустодии этого викариата, располагались тогда два францисканских монастыря [102, р. 258; 17, с. 292]. Чтобы уяснить важное значение Маджара для общины золотоордынских христиан, надо учесть, что на территории улуса Джучи в те годы это был единственный такой пункт. Для сравнения следует указать, что сразу двумя миноритскими монастырями на тот момент располагала лишь традиционно христианская Грузия.

Очевидно, что определение «Кумский», которое придавали городу как латинские, так и арабские источники, несёт особую семантическую задачу – дифференцировать Маджар на реке Куме из числа множества топонимов, носивших имя соответствующего народа. В этой связи любопытно, что в ярлыке, выданном золотоордынским ханом Улуг-Мухаммедом братьям Туглу-баю и Хызру, также упомянута местность Маджар, причисленная, однако, к Керченскому элю [23, с. 121].

В русской «Книге Большому Чертежу» по отношению к городу Маджар употреблено выражение близкое тому, что использовал ал-Омари: «...и реку Куму, а по ней Можаров Юрт... А по реке Куме, с правые стороны, 7 мечетей татарских Можаров Юрт, да мечеть на другой стороне Кумы Арак-Кешень» [72, с. 109, 111]. Слово юрт передает на тюркских языках понятие «дом», следовательно, словосочетание Можаров Юрт следует понимать, как «дом маджаров».

Следует отметить, что практика наименования города по населяющей его народности в золотоордынской практике не единична. Аналогичным образом Токта нарёк другой основанный им город (Мохши), населённый мордовским племенем мокша [35, с. 105–106].

Итак, поскольку письменные источники дают вполне надёжные свидетельства расселения венгров на территории Волго-Донского междуречья в XIII–XIV вв., закономерным становится вопрос о времени появления маджар в Кумских степях. Если в 1253 г. Рубрук был очевидцем их набегов на земли, лежавшие западнее Волги [68, с. 115], то за восемнадцать лет до его путешествия, в 1235 г. венгерские миссионеры не обнаружили в этом регионе ни малейшего следа своих собратьев. В том году брат Юлиан, прибыв морским путём в Матрегу в поисках восточных венгров, отправился из этого порта прямо на восток. Как повествует отчёт о путешествии миссионеров, по пути в Аланию «они в течение 13 дней прошли через пустыню, где не нашли ни людей, ни домов». Чтобы достигнуть мест обитания венгров «близ большой реки Этиль», им пришлось совершить поездку с Центрального Кавказа в Волжскую Булгарию [39, с. 78, 81].

В следующем году территория обитания заволжских венгров была захвачена монгольской армией, выступившей в великий поход на запад. Однако, по информации, полученной миссионерами от местных жителей, их знакомство с монголами состоялось несколько ранее, причём «те же татары, столкнувшись с ними, не могли победить их на войне, наоборот, в первой битве были побеждены ими». Действительно, в монгольских источниках содержится рассказ о том, как после взятия Ургенча монголами Чингиз-хан отправил одного из своих сподвижников Субетай-багатура в поход против одиннадцати народов, среди которых упомянуты и маджары [77, с. 433]. Сохранились сведения и о поражении, которое войска Субетая потерпели в Волжской Булгарии.

Отчёт миссионеров следующим образом рисует события, последовавшие за победой монголов Субетая над кипчаками: «Оттуда они воротились в Великую Венгрию, из которой происходят наши венгры, и напали на них четырнадцать лет, а на пятнадцатый год завладели ими, как нам сообщали словесно сами язычники-венгры» [39, с. 85]. Таким образом, со времён первого столкновения венгров с монголами Субетая до их полного покорения армией Бату прошло четырнадцать лет. Венгерские проповедники следующим образом изобразили отношения, установившиеся между венграми и их

завоевателями-монголами во времена западной кампании Бату: «Поэтому избрали их себе в друзья и союзники, и таким образом, соединившись вместе, они совершенно опустошили 15 царств»

В связи с тем, что брат Юлиан перед монгольской войной нашёл в Кумских степях лишь пустыню, напрашивается вывод, что чуть позже эти места были колонизированы заволжскими маджарами, принявшими участие в монгольских завоеваниях.

Маджары в топонимике и предметной номенклатуре Кавказа

Поздняя традиция также зафиксировала отдельные весьма полезные для разрешения исследуемой проблемы языковые материалы. Так, Г.Ю. Клапрот в результате ознакомления с устной традицией тюркоязычных жителей Северного Кавказа обнаружил следующее: «Имя бассианов, которое не включает в себя карачаевцев, произошло от главного среди них рода... Их старики рассказывают, что в давние времена они обитали в степях Кума близ Дона, но когда точно, сказать они не могут. Их столица, которая как говорят, была очень величественна, называлась Кирк Маджаром, что на их языке означает "Сорок каменных строений" или "Сорок четырехколесных телег", следуя двойному толкованию, что может быть применено к Маджару. Они утверждают, что руины Маджара, всё ещё сохраняющиеся, являются остатками этого города» [48, с. 160]. То же название отметил Г.Н. Прозрителев, обнаруживший, что «все эти развалины народ называет почему-то "кирками"» [67, с. 10].

В этой связи Г.Ю. Клапрот посчитал необходимым уточнить перевод заинтересовавшего его названия с помощью следующего разъяснения: «Здесь, как и в турецком языке, "кирк" означает не только "сорок", но и является числом, указывающим на огромное множество». Вместе с тем он попытался установить синонимию слова *маджар* с тюркским выражением *таштан* «построенный из камня», и, напротив, решил, что слово *мажара* в значении телега в данном случае «выглядит абсолютно неприменимым. Ни в коем случае это название не может намекать на венгров, или мадьяр» [48, с. 90].

Отвергая общепринятое толкование слова маджар, как «венгр», Клапрот сделал неутешительный вывод о местном населении, что «они уже были проинформированы своими предшественниками и путешественниками, что здесь вероятно жили и венгры; а один полковник незадолго до моего посещения Маджара подтвердил им это предположение» [48, с. 98]. Таким образом, местные легенды о венграх он посчитал привнесенными из внешнего источника.

Рассматривая этимологические соображения Клапрота с позиций современного языкознания, приходится констатировать, что его выкладки по поводу «каменного строения» обязаны своим возникновением сложной цепи случайных совпадений. Во-первых, источником предложенной им этимологии, по-видимому, являлся русский термин «мажары», означающий «старое кладбище», который представляет собой фонетическую адаптацию арабского *мазар* [90, с. 557]. Во-вторых, так уж сложилось, что развалины Маджара выделялись именно своим мусульманским некрополем с кирпичными (отчасти каменными) мавзолеями, которые некий информатор, судя по всему, описал Клапроту как «постройки из камня».

Как таковая, этимология Клапрота является искаженной версией того объяснения, которое чуть раньше привёл в своих воспоминаниях С.А. Тучков: «Слово мажар есть татарское и значит молитвенное место или кладбище» [42, с. 503]. Ошибка Клапрота перешла в другие издания – сочинения Я. Потоцкого, И.Ф. Бларамберга, энциклопедию Брокгауза и Ефрона и т.д. [78, с. 131; 11., с. 308; 12, с. 942].

Что же касается слова *мажара* в значении «телега», то авторитетный М.Р. Фасмер этимологизировал его от этнонима маджар (венгр) [90, с. 557]. Если внимательно исследовать ареал распространения этого термина, то его можно обнаружить в лексиконе донских казаков, а также в крымско-татарском, караимском, карачаево-балкарском, кумыкском, ногайском и калмыцком языках, т.е. в области, расположенной вокруг города Маджара на Куме. Причём в калмыцком языке он приобретает форму *madjar tergn*, а в кумыкском *маджар арба*, т.е. «маджарская телега» [45, с. 456; 90, с. 557; 99, с. 260]. Уже из наличия этих архаичных сочетаний следует сделать вывод, что термин в значении «телега» вторичен по отношению к городу или скорее к народу его населявшему.

В этой связи попробуем прояснить смысл словосочетания Кирк Маджар. Ближайшую аналогию можно найти в Польше, где до сих пор существует село Сорок Татар (Кирклёны), основанное литовскими татарами [62, с. 90, 133–134]. Поскольку в обоих случаях речь идёт о поселениях, созданных в этнически чуждой среде, то значение названий можно объяснить примерно следующим образом: [место, где живёт] огромное множество татар (маджар).

Если рассмотреть карту соответствующего региона, то можно прийти к выводу о том, что топонимы и гидронимы с названием *маджар* широко в нём распространены. Помимо упомянутого ранее комплекса из трёх городищ на реке Куме – Улу (Большой) Маджар, Кичи (Малый) Маджар и Боргон Маджар – существовала устойчивая тенденция связывать с маджарами и другие археологические памятники региона. В частности П.С. Паллас, Г.Ю. Клапрот и Ф. Дюбуа де Монпере обнаружили, что в черкесской традиции развалины долины Зеленчука также принято было атрибутировать как «дома маджаров» (по адыгски Маджар-уна) [112, р. 328; 48, с. 107; 34, с. 252]. Впрочем, чаще адыги приписывали постройку этих памятников старины нартам.

Исследователь фольклора народов северо-восточного Кавказа Н. Семенов также обнаружил, что «ногайцы, впрочем, почему-то полагают, что Джулат Манджурия» [75, с. 456]. Его этнографическое замечание находит себе логичное объяснение в переводе Дербенд-наме, выполненном М. Алихановым-Аварским, согласно которому «Уллу-Маджар и Кичи-Маджар называются теперь Джулад и Татар» [31, с. 41]. Сходным образом перевел тот же отрывок из Дербенд-наме А. Бакиханов: «Улу-маджар, названный впоследствии Татартоп, а ныне это минарет в Малой Кабарде» [6, с. 44]. Очевидно, имело место неправильное истолкование текста исторического сочинения обоими переводчиками, так как в классическом переводе Г.М.-Р. Оразаева названия этих городов просто перечислены одно вслед за другим [28, с. 18]. Тем не менее, отождествление ногайцами Джулата с Маджаром могло опираться как на знакомство с искаженным текстом сочинения Мухаммеда Аваби Акташи, так и на то, что в XIX веке жители Дагестана могли по традиции всё ещё причислять Джулат и Татартуп к округу Маджара. Во всяком случае, В.Н. Татищев также приписывал строительство Татартупа и Джулата маджарам (что опять же могло объясняться и его знакомством с искаженным переводом Дербенд-наме) [83, с. 338].

Внимательный исследователь найдёт и другие случаи употребления «маджарской» номенклатуры. Например, С.М. Броневский Азовское море называл «Мажурским» [14, с. 301]. Недалеко от Кумы также было известно Маджарское озеро (Маджар Су). Путь из Царицына на Северный Кавказ (пролежавший в направлении Маджарского городища на реке Куме) ещё в 18 веке назывался «Маджарским трактом». А 19 апреля 1793 г. русской православной церковью было учреждено Моздокско-Можарское викариатство с кафедрой в Моздоке [41, с. 326].

Вероятно, распространение маджарской номенклатуры на весьма обширной территории может свидетельствовать как о присутствии в Средние века «маджар» на Северном Кавказе, так и о существовании в золотоордынской административной системе Маджарского вилайета с центром на реке Куме, охватывавшего значительную часть Северного Кавказа. Именно в этом смысле Джулат мог считаться «Манджурией» (очевидно, что в Манджурии Н. Семенова, также как и в Мажурском море С.М. Броневского следует видеть искажённую передачу названия Маджар). Видимо, это название было очень архаичным, и как наименование улуса употреблялось персидскими авторами XV – первой половины XVI в. [38, с. 310, 363, 394, 406]. Авторами XVI–XVII вв. упоминались только «страны черкесов и асов», «черкесский вилайет» и «юрт черкесов», что было вызвано занятием региона Кабардой после падения Большой Орды [46, с. 120; 89, с. 101; 70, с. 44]. Тем не менее, в местной номенклатуре старое название долго сохранялось, и отсюда, вероятно, появились «Мажурское» море, упоминание Можар в названии Моздокского викариата и т.д.

Обширная местная топонимическая и предметная номенклатура, несомненно, свидетельствует в пользу присутствия в Средневековье на берегах реки Кумы некой этнической группы, носившей имя маджар.

Маджары в историко-генеалогических преданиях

Чтобы всесторонне обрисовать те представления, которые на Кавказе связывались с маджарами, необходимо изучить легенду о двух братьях (Басе и Бади́ле). Для реконструкции предания о братьях-маджарах роль первоисточников играют записи Л. Штедера, Я.К. Бешше, А.М. Шёгрена, К. Красницкого, П.И. Головинского, В.Ф. Миллера, Н.Н. Харузина, М.К. Абаева, Н.П. Тульчинского, М.С. Туганова и У.Д. Ездиева, а также некоторые архивные документы [96, с. 59–60; 94., с. 221; 2, с. 331–333; 52; 22; 61, с. 791, 839, 852–853, 60, с. 78–80; 50, с. 173, 223, 226–227; 93, с. 192; 86; 87, с. 279; 85, с. 3; 100, с. 141–143; 25, с. 6, 16–18]. Условно «маджарское» предание можно разбить на три части, которые композиционно представляют собой самостоятельные сюжеты:

1. Своеобразная прамбула, в которой рассказывается о происхождении двух братьев-маджар.

2. Рассказ о прибытии братьев в ущелье реки Урух, где произошла их ссора. После расставания младший брат был нанят дигорцами на службу и стал основателем рода местных алдаров-бадилят².

3. Повествование о приходе в горы малкарцев и последовавшем вслед за тем утверждении над ними княжения Мысаки. Старший из двух братьев присоединился к Мысаке, чтобы положить начало роду малкарских таубиев-басиат³.

Первая часть известна в рассказах князей Мурзакула Урусбиева и Хаджи-Ханмурзы Шаханова, записанных соответственно Я.К. Бешше и Н.Н. Харузиным (полная версия записи Харузина опубликована В.Ф.Миллером), хотя намёки на существование такого повествования содержатся и в других редакциях легенды [2, с. 331–333; 60, с. 78–80; 93, с. 192]. Согласно этим записям у стамбульского падишаха была дочь Алемелия, которую он спрятал на острове Мраморного моря, намереваясь сберечь её невинность, что, однако, не помешало девушке зачать ребёнка от солнечных лучей. Разгневанный отец посадил её вместе с прислужницами на корабль, который отправил дрейфовать в открытое море. Корабль прибило ветром к черноморскому побережью, где её нашёл и взял в жёны охотившийся там «маджарский хан» Тума-Мариен. Рождённого от солнечных лучей Чингиз-хана он сделал своим наследником, после чего Алемелия родила ему ещё двух сыновей, Баса и Бадила, которые после смерти отца вступили в борьбу за власть со старшим братом (в рассказе Алимурзы Абаева их враг – дядя со стороны отца). В результате проигранной борьбы им пришлось выселиться в поисках новых земель.

Достоин внимания то, что этот эпизод легенды был лапидарно знаком ещё Г.Ю.Клапроту, который упомянул об изгнании двух братьев Чингиз-ханом из Маджар [11, с. 239; 65, с. 250]. К тому же фольклорному сюжету восходят указания, что Бадил появился в Дигории при втором поколении после татаро-монгольского нашествия, которые Ф.Х. Гутнов нашёл в одной из редакций сказания [25, с. 65]. К числу тезисных обозначений указанного сюжета принадлежит также и замечание Ш.Б. Ногмова про «остатки маджаров, бежавших с берегов Кумы на Урал от завоеваний Ховарезмийского хана» [63, с. 61]. Разумеется, эти записи повествуют не о реальных событиях монгольских завоеваний, а всего лишь передают эпизод легенды о вражде Чингиз-хана со своей родней. Особый сюжетный поворот представляет рассказ Х.-Х. Шаханова, в котором Чингиз-хан вместо того, чтобы изгнать братьев, оказывается их прадедом через деда Барак-хана и отца Джанибек-хана (видимо в версии, отмеченной Ф.Х. Гутновым, употреблена похожая схема).

Эта преамбула демонстрирует своеобразный синтез двух известных фольклорных сюжетов. Первым из них является родословие Чингиз-хана и входящее в его состав нарративное повествование о предке основателя Монгольской империи Добун-Мергене, который был прототипом Тума-Мариена [77, с. 285–287; 58, с. 53–55]. Вторым стал фольклорный рассказ о непорочном зачатии, восходящий к греческой легенде о Данае и Персее (этот миф помогает восстановить внутреннюю логику данного сюжета, в котором замалчивается мотив убийства деда своим внуком) [3, с. 28]. Эти сюжетные линии были агрегированы в конце XVII в. анонимным татарским автором в историко-фольклорном сочинении Дафтар-и Чингиз-наме, которое и послужило литературным источником этой генеалогической легенды [30, с. 3–19]. Причём в легенде Бас и Бадил заняли то место, которое в Дафтар-и Чингиз-наме отведено младшим сыновьям Тумаул-Маргана и Аламалым, Бильгутаю и Буденатаю. Таким образом, сюжет полностью заимствован из позднесредневековой тюркской письменной традиции, а идея соединить родословие Чингиз-хана с историей двух братьев родилась благодаря фонетическому сходству их имён, известных малкарцам лишь в осетинской патронимической форме (Басиат и Бадинат), с именами Бильгутаю и Буденатаю.

Дополнительно следует отметить, что согласно редакции предания о «маджарах», переданной Касаем Кубатиевым и записанной А.М. Шёгреном, «их предки ещё раньше ушли из Константинополя или Крыма к немцам» [94, с. 221]. Похожий оборот встречается в версии М.К. Абаева, в соответствии с которой «два брата Басиат и Бадилят прибыли на Кавказ из Венгрии (по другому преданию – Крыма)» [100, с. 139]. В рассказе Х.-Х. Шаханова отец братьев Тума-Мариен также обитал в Крыму. Этот факт представляет интерес ввиду того, что Крым вместе со Стамбулом неоднократно фигурирует в фольклоре тюрков Северного Кавказа в качестве их прародины.

После ухода братьев от маджар они направились с дружиной в Дигорию, причём Бас, как старший, ехал на коне, а Бадил на муле. На подходе к дигорскому аулу младший брат уговорил старшего

² Алдар – в Осетии представитель княжеского сословия. Бадилята – арвадалта (несколько фамилий, объединённых общим происхождением) дигорских алдаров, правивших в Тапан-Дигории и Уаллагкоме.

³ Таубий – в Балкарии представитель высшего сословия, буквально «горский князь». Басиата – арвадалта балкарских таубиев.

уступить ему коня и пересесть на мула. Из-за этого дигорцы, приняв Бадила за старшего, так как он прибыл к ним верхом на коне, оказали ему почет, обделив вниманием Баса, что и послужило поводом к раздору между ними. У братьев были фитильные ружья, о которых дигорцы того времени не имели ни малейшего представления. Поэтому дигорский князь Айдарук Кабанов нанял Бадила охранять свои стада, чтобы он защищал их с помощью огнестрельного оружия от враждебных дигорцам соседей. В вознаграждение за это жители дали ему небольшой земельный надел и платили за службу сначала по мере зерна, а потом по барану с дыма. Когда Бадил умер, его потомки присвоили себе княжеские права. Он оставил после себя семерых сыновей, от которых произошли фамилии бадилят Кубатиевых, Тугановых, Караджаевых, Бетуевых, Кабановых, Чегемовых и Абисаловых [96, с. 59–60; 52; 22; 61, с. 215, 791, 853; 86; 87, с. 279; 100, с. 143; 25, с. 6, 16–18].

Сюжет о коне и муле встречается в записях Л. Штедера, В.Ф. Миллера, М.К. Абаева и Н.П. Тульчинского [96, с. 60; 61, с. 853; 86; 87, с. 279; 100, с. 143]. При этом сюжетная линия посвящена архетипной истории обмана старшего брата младшим с целью присвоения права первородства, древнейшей параллелью к которой служит библейский рассказ про Исава и Иакова, считавшихся основателями двух соседних политических образований (Эдома и Израиля). Впрочем, в отличие от Библии судьёй спора двух братьев за старшинство здесь выступил не отец, а сельский сход – нагиш [Бытие 27: 1–42]. В редакции Н.П. Тульчинского старшим братом представлен Бадил, и соответственно весь порядок повествования построен в зеркальном отображении. Впрочем, рассказ Хаджи-Ханмурзы Шаханова, по-видимому, также был построен таким образом, что малкарцы имели полученное обманом старшинство над дигорцами. Нейтральный характер носит редакция предания, зафиксированная Комиссией по разбору сословных прав, которой явно пытались придать рационалистический характер. В этой редакции братья «покорив жителей гор от истоков Хуламского Черека до истоков Сангуты-дон, покоренную землю разделили между собой, причем Бадил взял Дигорию, а Бассият – Балкарию» [73, с. 96]. На этом сюжете заканчивается чисто фольклорная часть легенды («близнечный миф») и начинаются предания, носящие ярко выраженную социальную подоплеку.

Л. Штедер и В.Ф. Миллер сообщили об участке земли, который был известен в их время под названием «поле Бадила» (согласно первому, у дороги в Гарниске, а по версии второго, близ аула Махческа) [96, с. 59; 61, с. 791]. Ничего невероятного в истории наделения Бадила землей на первый взгляд нет, но Ф.Х. Гутнов в XX веке не нашёл такого поля в указанном месте, зато обнаружил участки земли с аналогичным названием рядом с другими дигорскими аулами, из чего становится ясным их фольклорный характер [25, с. 74].

В чём же подоплека истории с участком земли? Безусловно, поле Бадила – это земельный надел, пожалованный алдаром своему узденю⁴ (необходимое условие вхождения последнего в сельское общество в качестве полноправного его члена). Надо учесть, что, согласно сообщению П.И. Головинского, в собственной версии легенды бадиляты позиционировали своего предка Бадила как основателя дигорского общества [22]. В исторических условиях, сложившихся ко временам Л. Штедера и В.Ф. Миллера, сюжет с земельным наделом, вероятно, был ответом народа на аристократическую версию легенды. Ведь рассказывая о земельном наделе Бадила, дигорцы подразумевали, что предок алдаров когда-то был в их среде простым узденем.

Подобную же роль играл сюжет с наймом Бадила охранять дигорские стада, в котором представлен мотив службы героя дигорцам (причём в песне об Айдаруке Кабанове и в записи У.Д. Ездиева назван символический семилетний срок её несения) [25, с. 6]. В награду за службу он получил от дигорцев алдарскую привилегию облагать их натуральной рентой. По этой же причине в большинстве версий предания, записанных в Дигории, близнечный миф оттеснён на второй план или вовсе отсутствует (ведь в нём априори заложена концепция наделения братьев привилегиями власть имущих по праву рождения). Лишь Л. Штедер в наиболее ранней редакции предания, записанной в 1781 г., зафиксировал сюжет с конём и мулом, но и от него, судя по всему, скрылось то, что второй брат стал основателем рода малкарских князей.

В записи 1835 г., выполненной А.М. Шёгреном, мотив родства князей Малкара и Дигории присутствует (вторым братом, основателем рода бассаиат, назван сам Чингиз-хан), но при этом надо принять во внимание, что источником этой версии был глава бадилят Касай Кубатиев [94, с. 221]. В более поздних записях К. Красницкого, П.И. Головинского и В.Ф. Миллера второй брат не упоминается

⁴ Уздень – на Кавказе член военно-служилого сословия.

[52; 22.; 61, с. 791]. Он вновь появляется лишь в редакции М.С. Туганова (также происходившего из рода бадилят) [85, с. 3].

В ситуации, когда бадиляты чуть не лишились власти в 1781 г., а тем более в ходе длительного поземельного спора между ними и остальными сословиями дигорцев, возникшего после того, как администрация князя Воронцова в 1837 году наделила бадилят (особенно Тугановых) обширной земельной собственностью, для представителей простого народа, конечно же, были нежеланны воспоминания о родственных связях бадилят с соседствующими аристократическими фамилиями [22; 50, с. 240].

Завязкой третьего сюжета служит рассказ о прибытии в горы малкарцев и их противоборстве с местными жителями-таулы (горцами). Затем от маджар (или же из владений брагунских князей Таймазовых) в те же места переселился Мысака. Сначала он поселился отдельно от малкарцев на равнине в урочище Кашка-Тау, впоследствии помог им покорить туземцев и, в конце концов, захватил власть над ними. Вскоре Мысака снова отправился к маджарам и привёл с собою своего князя, Баса, при котором он раньше состоял узденем. Однако, не желая оставаться на новом месте в прежнем статусе, при въезде в Малкар, в теснине Джилги-Тар Мысака взял с Баса клятву, что отныне оба они станут таубиями. Туземцы были у них *джасакчи* (данниками) и с тех пор выплачивали их потомкам натуральную ренту. Бас, поселившись в Малкаре, оставил сыновей Абая и Темрюка. Дети Абая Алибек и Кансау стали родоначальником фамилий таубиев Абаевых, Кучуковых, Амирхановых и Боташевых. Первый сын Темрюка Таукан стал родоначальником таубиев Шахановых и Джанхотовых, а второй (Газрит) – Айдебуловых (Биевых) [61, с. 839–840, 852–853, 60, с. 78–80; 93, с. 192; 100, с. 141–143].

Последний сюжет знаком нам в рассказах Алимурзы и Мисоста Абаевых, а также в сильно сокращенной по сравнению с ними редакции Хаджи-Ханмурзы Шаханова. Впрочем, все три версии представляют собой родовую традицию басаит, хранившуюся в их собственной семейной среде.

Согласно легенде, местное население (горцы) было завоевано пришельцами и превращено в податное сословие. Туземцы также известны в легенде под названием сауту, которое, очевидно, является малкарской передачей осетинского саута («чёрные»). Вероятно, осетинское название туземного населения также указывает на социальную нишу «чёрного» (простого) народа, занятую им в малкарском обществе.

Предание насчитывает три волны переселенцев, из которых название малкарцев носила только первая. Причём Алимурза Абаев сочинил народную этимологию этого этнонима от слов бар-кал (иди-оставайся), которая должна была подчеркнуть то, что малкарцы являлись пришельцами на новых местах, а Мисост Абаев попытался представить его личным именем [61, с. 839, 852; 100, с. 141–142]. Соответственно предводитель второй волны Мысака в более ранней версии получил княжеский сан от малкарцев за помощь в покорении туземцев, а в более поздней отравил сыновей Малкара и женился на их сестре, завладев, таким образом, всем их имуществом [100, с. 142].

Несложно убедиться, что хотя легенда и повествует о происхождении дигорского и малкарского правящих кланов, но сами эти горские общества на момент прихода Баса и Бадила уже сформировались. В частности дигорским обществом управлял местный алдарский род гагуат, из которого происходил князь Айдарук Кабанов. Однако со временем бадилятам удалось отнять у гагуат все владения кроме территории одного лишь аула Донифарс. Похожая ситуация сложилась и в малкарском сельском обществе, где местные владельцы Мысаковы признали верховенство басаит. И лишь благодаря тёмной судьбе первых владельцев Малкара отсутствовало специальное предание о них, и поэтому в «маджарскую» легенду был инкорпорирован сжатый пересказ событий начальной истории этого сельского общества.

Легенда эта была настолько хорошо известна в окрестных землях, что кабардинский публицист Ш.Б. Ногмов посчитал необходимым кратко резюмировать её в своей «Истории адыгейского народа»: «Хотя остатки маджаров, бежавших с берегов Кумы на Урал от завоеваний Ховарезмийского хана, ушли в Нагорный Дагестан, где они носят название *андийцев*, а другая часть у дигорцев, наших близких соседей, составляет дворянское сословие; но по преданиям известно, что некоторые из маджар соединились с нашими предками» [63, с. 61].

В документе, поданном начальнику Кавказской линии, он несколько подробнее остановился на судьбе последней упомянутой им части маджар: «Входящие в состав народов, обитающие в Большой Кабарде, некоторые называются малкарцами, а другие балкарами, а эти племена составились из остатка болгарских народов, и между ними находится несколько из мажарского племени, и они до учреждения в Кабарде крепостей платили дань кабардинцам, но никогда не были с ними единого племени и разделяются на общества Балкарское, Чегемское, Хуламское и Безенгиевское» [33, с. 95; 10, с. 86].

Впрочем, ещё в 1970-х гг. Х.Х. Малкондуев застал в Балкарии случаи употребления выражение «Сен не дукъум мажарлыса?», т.е. «Какой фамилии ты маджар?». Эта словесная формулировка очень показательна в плане того, что с маджарами ассоциировались именно определённые *тукумы* (фамилии).

Характерно, что осетинские, малкарские и кабардинские рассказчики на русский язык обычно переводили термин маджар этнонимом «венгр». Именно так передали его не только малкарские князья Абаевы, но и дигорский алдар Касай Кубатиев (представители родов басаит и бадилят) [100, с. 139]. Последний сообщил А.М. Шёгрёну «что фамилия Бадигата действительно происходила из Маджар... Их предки еще раньше ушли из Константинополя или Крыма к немцам, в страну, где они находились некоторый период и где до сих пор есть их люди, как, впрочем, и в Маджаре» [94, с. 221]. Разумеется, под немцами в рассказе Кубатиев подразумевалось население Австрийской Империи, с представителем которого, Я.К. Бешше он уже успел познакомиться к тому времени.

Особняком от остальных редакций предания стоит рассказ Х.-Х. Шаханова, в котором Маджару отведено всего лишь место перевалочного пункта на пути переселения двух братьев из Крыма. Также оригинальностью отличалось мнение ряда бадилят, считавших, что «маджарцами именовались высшие сословия у аверов» [73, с. 41].

Что же касается маджар из сочинения Ногмова, бежавших на Урал, то нетрудно понять его намёк на Великую Венгрию европейских авторов (Югру русских источников). Следует отметить, что в современных карачаево-балкарском и кабардино-черкесском языках слово *маджар* до сих пор применяется по отношению к венграм наряду с новым их обозначением *мадьяр*, привнесённым в языковой лексикон во времена СССР. Собственно говоря, этот термин впервые появился в арабской географической литературе X века, а оттуда попал сначала в персидский, а затем в тюркский, монгольский и другие восточные языки. Таким образом, несмотря на наличие в генеалогических преданиях княжеских фамилий дигорцев и малкарцев позднейшего фольклорного пласта, их изучение также говорит в пользу присутствия в регионе «маджар».

Проблема «маджарского» оружия

Важной деталью легенды о братьях-маджарах является упоминание о появлении фитильных ружей. В частности, князь М.К. Абаев описал это событие следующим образом: «является воин по имени Басаит верхом на лошади и с огнестрельным оружием, о котором в то время горцы не имели понятия. Басиата сопровождали люди, которые ему прислуживали. Порох в его ружье воспламенялся, и раздавался выстрел, когда он подносил к дырочкам ствола ружья огонь (надо полагать, это было фитильное ружье)» [100, с. 139]. В.Ф. Миллер записал у дигорцев аналогичные сведения: «Бадила стал гостем у дигорцев. До него не знали ружья и пороха, а бились саадаком. Он принес с собой ружье и стал отбивать отгоняемый соседями дигорский скот. Своим ружьем он защищал дигорцев лучше, нежели они сами себя луками» [61, с. 215, 791].

Ф.Х. Гутнов попытался объяснить эту деталь легенды социальной подоплёкой (тем, что алдары якобы бились огнестрельным оружием, в то время как простой народ – холодным). Однако в действительности обычное право кабардинцев, широко применявшееся в Дигории, под страхом наказания предписывало простолюдинам использовать огнестрельное оружие, в то время как право владения луками (которые специально ввозились из Турции) оставалось исключительной привилегией знати.

В этой связи достойно внимания то, что в осетинском языке употребительно выражение *мадзайраг топ* «маджарское ружье» [64, с. 285]. Аналогичные словосочетания (*маджар топ*, *маджар ушкок*, *маджар тюбек*) применяются в языках тюрков Северного Кавказа для обозначения хорошего, меткого ружья. В ингушском, чеченском, даргинском, табасаранском, лакском языках само слово маджар трансформировалось в название огнестрельного оружия (сравните похожий фразеологизм, обозначающий «маджарскую телегу») [76, с. 156–157; 81, с. 221; 47, с. 247]. Известны были маджарские ружья и в адыго-абхазской среде.

В дагестанской песне, записанной в XIX веке, среди ценившихся на Кавказе оружейных брендов названа «крымская или можарская винтовка с голубым прикладом» [66, т. 2, с. 144]. Любопытно, что первый из двух названных популярных брендов изготавливался в Крыму, который в позднем Средневековье был для Кавказа основным поставщиком огнестрельного оружия. До захвата Крыма Россией Бахчисарай ежегодно поставлял черкесам тысячу ружейных стволов [37, с. 24]. Несмотря на то, что ещё У. Лаудаев попытался аналогичным образом объяснить «маджарскую» номенклатуру кавказских ружей их ввозом из Венгрии, ряд соображений заставляет предполагать, что она носит более

древний характер и отражает реальный исторический факт появления огнестрельного оружия на Кавказе благодаря братьям-маджарам Басу и Бадилу.

Справедливости ради следует указать на то, что В.А. Потто и С.М. Броневский обнаружили свидетельства распространения в среде адыгов не только огнестрельного оружия с подобной номенклатурой, но и «маджарских» сабель. Однако С.М. Броневский был уверен в том, что речь идёт о холодном оружии венгерского происхождения. Между прочим, В.А. Потто описал имевшие хождение на Кавказе клинки с выгравированными на них изображениями гусар и латинскими надписями «Vivat Nusar!», которые он без затруднений атрибутировал как венгерские [66, т.4, с. 485, 488; 14, с. 164].

Из наличия у народов Кавказа рассмотренной оружейной номенклатуры напрашивается вывод об историчности событий, легших в основу предания о введении Басом и Бадилом в употребление огнестрельного оружия. Впрочем, ещё В.Б. Пфаф, подчёркнувший сведения об использовании маджарами ружей из статьи П.И. Головинского, высказал соображение, что Бадил не мог жить раньше XVI в., принимая во внимание эволюцию конструкции кавказских башен в этот период времени (появление бойниц, специально приспособленных под использование огнестрельного оружия) [69, с. 85].

Значительный интерес в этой связи приобретает рассказ Ш.Б. Ногмова о первом знакомстве адыгов с огнестрельным оружием. Событие это произошло в годы правления верховного князя Кабарды Темрюка Айдарова. Одним из предводителей оппозиции при Темрюке был кабардинский князь Кошкао Гиляхстанов, недовольный тем, что младший брат верховного князя Биту Айдаров занял часть его удела. Чтобы разрешить земельный спор с родственниками Гиляхстанов призвал на помощь союзников из прикаспийского Дагестана. Во время своего совместного похода на Кабарду (в нём приняли участие Авар-хан и шамхал Кумука, а согласно устным источникам Ногмова также и уцмий) они встретили объединённое ополчение кабардинцев, бесленеевцев и абазин, во главе которых стояли Темрюк Айдаров, Эльжеруко Канокон и Лев Ачба. Перед столкновением дагестанское войско успело переправиться через Терек у Джулата, поэтому их противники отступили к высотам между реками Чегемом и Баксаном, где они заранее вырыли ров. Во время завязавшегося затем боя кабардинцы заметили грохот и дым, поднимавшиеся с противоположного берега Чегема, занятого неприятелем. Тогда они послали в стан врага лазутчика по имени Вартан, который добыл ружье, состоявшее из ствола и ложа, но без замка. После сокрушительного поражения дагестанцев, потерявших две трети своих сил, Вартан за свой подвиг был возведён в уздени [63, с. 115–117].

На сегодняшний день накоплено достаточно исследовательских данных для того чтобы датировать это сражение. На кладбище Гази-Кумука сохранилась надгробная эпитафия «мученика, убитого в сражении с неверными черкесами», датированная месяцем мухаррам 960 г.х. (27 декабря 1552 г. – 24 января 1553 г.). Этим шахидом был брат Будай-шамхала Мухаммед, сын Умал Мухаммеда [47, с. 123]. Отголоском этих событий было прибытие в июле 1557 г. к Ивану Грозному посольства черкасского мурзы Кавкльча Канукова, который «пришел от братии от кабартынских князей черкасских от Темрюка да от Тазрюта-князя бити челом, чтоб их государь пожаловал, велел им себе служити и в холопстве их учинил, а на Шавкал бы им государь пожаловал, астороханьским воеводам велел помощь учинити». В ответ на дипломатический демарш кабардинцев в 1559 г. к Ивану Грозному прибыло посольство «от Шавкалов (Шахехалов) с просьбою, дабы российский государь защитил их от подданных ему князей черкасских». Грозный, рассмотрев прошение, однако решил что «сами шавкальские народы делают обиды черкесам» [14, с. 279–280].

Действительно, из исторических источников известно, что первое полномасштабное применение огнестрельного оружия в регионе Северного Кавказа относится ко времени похода крымского хана Сахиб-Гирея на Астрахань в 1547 г. Город был захвачен именно благодаря полевой артиллерии и отрядам тюфенгчи [36, с. 174]. Надо полагать, события, описанные в «маджарской» легенде, также имели место примерно в 50-х годах XVI в. Чуть позже, к началу XVII в., «огненный бой» получил повсеместное распространение на Кавказе, при этом фитильное оружие в те времена было окончательно вытеснено кремневым [72, с. 46].

Хронология событий

По поводу хронологической привязки описанных событий высказывалось немало противоречащих друг другу выводов. Г.Ю. Клапрот в своём сочинении отнёс их ко второму веку хиджры, что в переводе на григорианский календарь соответствует 719–816 гг. [48, с. 160]. Предложенная им датировка опирается на упоминание городищ Улу-Маджар и Кичи-Маджар в повествовании Мухаммеда Аваби Акташи о войне между хазарами и Масламой ибн 'Абд ал-Маликом [28, с. 18; 31, с. 41]. Впро-

чем, как ныне известно, время жизни Акташи приходилось на вторую половину XVII в. Соответственно в составленное им Дербенд-наме автор интерполировал современную ему географическую номенклатуру.

В примечаниях к законченному в 1833 г. сочинению И.Ф. Бларамберга, одного из компиляторов Г.Ю. Клапрота, предложена другая попытка датировки: «По некоторым другим указаниям, это переселение произошло не более 460 лет тому назад» [11, с. 320]. Та же дата фигурирует в статье К. Красницкого, опубликованной в 1865 г.: «Назад тому лет 500, как говорит народное предание» [52]. Эту дату скопировал Н.Ф. Дубровин, переложивший в своей книге содержание статьи Красницкого, ею же воспользовался некий Д.А., автор статьи «Об узденстве в Осетии»: «Баделиата... пришли они в Осетию приблизительно в XIV веке» [32, с. 354; 27].

В рассказе Алимурзы Абаева, записанном В.Ф. Миллером и М.М. Ковалевским, отец братьев жил «при Джамбек-хане маджарском», что как будто бы согласуется с приведенными выше датами (в версии Хаджи-Ханмурзы Шаханова их отец – одно лицо с Джанибеком) [61, с. 852]. Следует отметить, что хан Золотой Орды Джанибек действительно жил в XIV в., но, как правило, в фольклоре тюркских народов упоминание его имени служит апелляцией к представлениям о «золотом веке». Ведь с подобной же формулировки начинаются и родословные казахов, каракалпаков и т.д.

Попробуем проследить историю взаимосвязей между вышеприведёнными текстами и предположительно определить первоисточник указанной даты. Сочинение И.Ф. Бларамберга является наиболее ранним из упомянутых сочинений. Однако формулировка «не более 460 лет тому назад» выглядит наименее целостной. Проблема заключается в том, что работа Бларамберга сразу же после её завершения была засекречена, и, таким образом, использовалась одним лишь Н.Ф. Дубровиным при составлении его компилятивного труда в 1871 г. Вместе с тем в труде Дубровина предложена вполне цельная и ясная дата. Всё это заставляет предположить, что примечание было внесено самим же Дубровиным в рукопись Бларамберга после ознакомления с ней, с поправкой на то, что это сочинение было написано за сорок лет до момента его работы с рукописным текстом.

Д.А., видимо, был знаком со статьёй Красницкого, изданной, как и его собственная, во Владикавказе, но писал через значительный отрезок времени, поэтому и выбрал нейтральное выражение «в XIV веке». При этом исходная дата, предложенная Красницким, приходится примерно на 1365 год, за восемь лет до которого умер Джанибек-хан. Автор этих строк полагает, что столь близкое совпадение вряд ли может быть случайным. Очевидно, информатором Красницкого был человек, не чуждый книжной учености. По всей видимости ему было известно, что фольклор приурочивал легенду ко временам Джанибека, в связи с чем он не поленился найти в сочинении одного из российских историков XIX века сообщение о смерти этого хана в 1357 г.

Позже баделяты утверждали, что событие это произошло 80 лет назад [73, с. 41]. Причём эта дата неясного происхождения сходится с записью У.Д. Ездиева, согласно которой Бадил прибыл в Северную Осетию приблизительно в XVII–XVIII вв. [25, с. 6].

Другую попытку датировки предпринял Л.И. Лавров. Он попытался связать с правящим родом Малкара (басиата по-осетински, басиани по-грузински) следующую надпись на так называемом цховатском кресте: «Спас цховатский, я, Квенипневели эристав Ризия, пожертвовал Цховатской пречистой Богоматери имене двух дымов в Зенубане с его горами и равнинами. Попал в плен в Басиане и выкупился твоими вещами. Пусть никакой владетель не изменит». Поскольку надпись была выполнена письмом мхедрули в XIV–XV вв., как определил по её палеографическим особенностям Е.С. Такайшвили, то и малкарское горское общество, по мнению Л.И. Лаврова, должно было существовать уже в это время [55, с. 77–78].

Имеет ли такая датировка достаточные основания под собой? Первым, кто попробовал дать научно обоснованную хронологию описанных событий, был П.И. Головинский. В 1870 г. он подсчитал, что Бадила от времени самого Головинского отделяло 10–11 поколений. Приняв за поколение средний отрезок времени в 25 лет, он отнёс время жизни Бадила к концу XVI столетия [22]. Вслед за ним М.М. Ковалевский в процессе изучения генеалогий малкарских таубиев и дигорских бадилят пришёл к выводу, что и те, и другие «начинаются всего-навсего с 16-го века» [50, с. 50].

Рассмотрим генеалогии баделят, опубликованные Ф.Х. Гутновым (см. приложение) [26, с. 71, 88–89]. Всего в 1859 г., когда они были составлены, насчитывалось до десяти поколений баделят. В частности представитель восьмого поколения Бахта Кубатиев родился в 1796 г. Даже если увеличить среднюю продолжительность семи поколений предков Бахта вдвое по сравнению с отрезком времени, предложенным П.И. Головинским, это не позволит отнести эпоху жизни Бадила к XV веку.

Не следует забывать о том, что согласно легенде до прибытия братьев Баса и Бадила в горы дигорским обществом управлял род гагуат, а малкарским Мысаковы. Чтобы наименование фамилии басаит закрепилось в Осетии и Грузии за обществом Малкар как политоним, должно было наступить время жизни как минимум следующего после Баса поколения, что приводит исследователя к его сыновьям Абаю и Темрюку. Однако известно, что сын Абая Алибек был жив ещё в середине XVII века.

Приходится констатировать, что гипотеза Лаврова о существовании горского общества Малкар в XIV–XV вв. обоснована недостаточно убедительно. Дело в том, что Е.С. Такайшвили, скопировавший и опубликовавший надпись с Цховатского креста, определил Басиан, упомянутый в ней, как одноименную местность в Грузии, в верховьях р. Аракс [82, с. 105–106; 5, с. 150]. Однако Л.И. Лавров предпочёл отождествить этот Басиан с Малкаром. В защиту своей идеи он привёл следующие аргументы. Во-первых, земли Ксанского эриставства отделяет от Малкара меньшее расстояние, чем от Басиана в верховьях Аракса. Во-вторых, из исторических источников хорошо известны набеги, совершавшиеся племенами Северного Кавказа на Грузию (в одном из которых, по его мнению, и был захвачен в плен Ризия).

Тем не менее, Лавров сам поставил под сомнение убедительность своей аргументации, отметив, что земли Ксанского эриставства не имеют прямого сообщения с долиной Черека, в которой был расположен Малкар [55, с. 77–78]. Не обратил он внимания и на то, что фраза «Пусть никакой владетель не изменит», завершающая надпись, совершенно явно намекает на обстоятельства пленения Ризии Квенипевели в результате предательства грузинских владетелей.

Попробуем уточнить время событий легенды при помощи анализа описанной в ней политической ситуации. В частности в легенде значительное место отведено взаимоотношениям «маджар» с Кабардой. Согласно Г.Ю. Клапроту басаиани из Маджар «ушли в Большую Кабарду, откуда впоследствии были изгнаны черкесами и, будучи разделенными на отдельные группы, вынуждены были устраивать свои жилища на самых высоких горах» [48, с. 160–161]. Та же самая ситуация описана в других словах Б.К. Далгатом: «Предание гласит, что предки нынешних балкарцев пришли сюда с Малки из Маджар, будучи теснимы многочисленными кабардинцами» [29]. Сходным образом обрисовал время появления Басиата в горах и В.Ф. Миллер [61, с. 853]. В записке, представленной сословной комиссией в конце 1860-х гг., также сохранилось сообщение малкарских князей об этих событиях: «Горские племена с незапамятных времен, далеко ещё до появления адыге, жили сначала в предгорьях, а когда явилось так называемое адыгейское сильное племя... оно заставило первых (горцев) удалиться в верховья разных ущелий для самостоятельного и дальнейшего существования» [53, с. 240–241].

Таким образом, приход «маджар» в горы, описанный в легенде, был вызван переселением кабардинцев с морского побережья на восток. Однако до 1502 г. район Маджар контролировала Большая Орда – там находились просяные поля, которые татары регулярно засеивали, и, опираясь на эту область, вели военные действия против черкесов [36, с. 206–208]. Следовательно, до этого времени Кабарда не могла добиться гегемонии в этом регионе. Вместе с тем, согласно родословной, уже внуки Бадила – Тенгизби и Смайли Кубадиевы были женаты на дочерях кабардинских первостепенных узденей Куденетовых и Дзаниуковых (Женоковых) [26, с. 88]. Следовательно, уже во времена жизни сыновей Бадила Кабарда добилась полного господства над плоскостью, что могло иметь место не ранее разгрома Большой Орды в 1502 г. и не позднее начала 1530-х гг., когда кабардинцы уже заняли Центральный Кавказ и усилились настолько, что начали возводить на престол астраханских ханов (в те времена ханы Астрахани считали престижным для себя брать замуж кабардинских княжён) [36, с. 115, 139, 158].

«Маджары» между тюрками и осетинами

По поводу этнической и языковой принадлежности маджар из Кумских степей высказывались разные предположения. Например, Ф.Х. Гутнов обратил внимание на обнаруженное при раскопках Маджара пряслице со средневековой осетинской надписью, выдержанной в нормах дигорского диалекта, и поэтому сделал вывод, что город был населён аланами [25, с. 65]. Напротив, В.М. Батчаев и Х.Х. Малкондуев обнаружили в письменных источниках указание на то, что в состав государства кочевых узбеков Абу-л-Хайр-хана входила племенная община маджар, которую они, разумеется, отнесли к числу тюркских народностей [7, с. 162, 167–168; 59, с. 120–121].

Автор этих строк склонен предполагать, что братья Бас и Бадил принадлежали к роду того самого князя Йеретамира, которому Томмазо Манказоле передал послание Иоанна XXII. Во всяком случае, достоин внимания тот факт, что папа считал своего адресата отпрыском «рода католических

повелителей, королей Венгрии». Едва ли может быть простым совпадением то, что в записях М.С. Туганова также сохранился намёк на родство басаит и бадилят с династией Арпадов.

Выше уже была описана история захвата маджарами верховной власти в дигорском и малкарском горских обществах. До тех пор основным населением Малкара были туземцы-таулы, которых пришельцы обратили в данников-джасакчи. Для понимания этнологической составляющей легенды принципиальным вопросом является национальная принадлежность таулы. Ещё в последней трети XVIII в. И.А. Гильденштедт указал, что в его времена под названием таулы были известны осетины и кисты [20, с. 228; 18, с. 162; 48, с. 29]. Впрочем, словом *таулы* тюркские народы Северного Кавказа обозначали вообще всех горцев инородного происхождения (например, Хаджи-Ханмурза Шаханов считал туземцев-таулы сванами). Впоследствии, после ассимиляции местного населения, тюркоязычные малкарцы стали употреблять этот термин в качестве самоназвания.

В 1743 г. кабардинские князья М. Атажукин, А. Гиляксанов и костековский владетель А. Хамзин следующим образом охарактеризовали языковую ситуацию, сложившуюся на тот момент в горах: «Третьей народ – харачай, живёт в кубанских вершинах, имеет татарский язык... Пятый народ состоит в разных пяти волостях, а общего всему народу звания нет, из оных: 1. Волость Чегем... 2. Волость Безенге. 3. Волость Хулам. 4. Волость Хусурь. 5. Волость Млкарь... а язык у них особый, они ж употребляют и татарский язык... Шестой народ – дюгор. Седьмой народ – сюрдигор... язык имеют особый» [71, с. 37]. Таким образом, в середине XVIII в. были актуальны представления о карачаевцах как тюркоязычном народе, а в то же самое время в Малкаре осетинский язык был распространён наравне с тюркским.

Впрочем, ещё в 1829 г. уже знакомый читателю Касай Кубатиев заявил Я.К. Бешше, что «5 племен – дигорцы, балкары, хулиамы, бизинги и оруспиэ – являются истинными потомками мадьяр; эти 5 племен называются по имени своего вождя, но все вместе называются маджарами; они известны, как таковые всем жителям Кавказа и даже русским... его соотечественники не знают, какой был их первоначальный язык, но все 5 племен пользуются одинаковым наречием, значительно отличающимся от языка других жителей Кавказа» [65, с. 222].

Аналогичную информацию удалось получить Я.К. Бешше и у карачаевцев: «Но ещё больше меня поразили их заверения в том, что они вовсе не принадлежат к племени древних мадьяр... Они сказали далее, что в трёх днях пути от нашего лагеря есть пять деревень, или народностей, которые происходят от мадьярского корня: это Орусписе, Бизинги, Хулиам, Балкар и Дугур; что эти народности говорят на языке, совершенно отличающемся от языка других обитателей Кавказа» [2, с. 330].

Вероятно, к числу свидетельств о дигороязычности населения Малкара в конце XVIII в. можно отнести и сообщение генерала С.А. Тучкова, что язык небольшого народа, обитающего у Эльбруса «имеет некоторое сходство с осетинским» [42, с. 244].

В 1883 г. в ходе своей поездки в Малкар В.Ф. Миллер и М.М. Ковалевский нашли в нём уже абсолютно тюркоязычных жителей, хотя и обнаружили многочисленную осетинскую топонимику и лексику, а также общность этнонимов, под которыми осетины и малкарцы были известны другим народам Кавказа, что заставило их сделать заключение об осетинской этнической принадлежности прежнего населения общества [61, с. 852].

Едва ли в 1829 г. информация об «одинаковом наречии», на котором говорили дигорцы и малкарцы, была ещё актуальна. Но если принять во внимание преклонный возраст Касая Кубатиева на тот момент, то можно предположить, что во времена его молодости среди малкарцев действительно было широко распространено двуязычие.

Любопытно то, что представители различных этнополитических образований склонны были по-разному интерпретировать языковую принадлежность маджар. Если карачаевские информаторы Я.К. Бешше, отрицая свою связь с маджарами, указали на «особый», общий с осетинами язык «потомков маджар», то Касай Кубатиев предпочёл отметить, что первоначальный язык маджар неизвестен. Наоборот, автор статьи «Об узденстве в Осетии», публиковавшийся под инициалами Д.А., со своей стороны писал, что «Баделиата выходцы из недр средней Азии... С течением времени они ассимилировались; стали говорить по-осетински, переняли нравы и обычаи осетин... Они даже начали приписывать себе осетинское происхождение, тогда как они происхождения татарского, на что указывают исторические данные о них, а также и их внешность» [27].

Таким образом, осетины были склонны видеть в маджарах чужестранцев «татарского происхождения». В первую очередь этот взгляд, разумеется, был связан с «монгольской» генеалогией двух братьев и их «родством» с Чингиз-ханом. Характерно, тем не менее, что как карачаевцы, так и осети-

ны ассоциировали героев маджарской легенды с этнически чуждым населением. Поэтому карачаевцы давали отсылку к «особому языку потомков маджаров», а осетины к их «татарскому происхождению». В частности культурное противопоставление осетин и маджар прослеживается в рассказе Л. Штедера, когда дигорцы смеются над одним из братьев, так как ездить на муле «приличествовало только маджарам» [96, с. 60].

Другую сторону проблемы представляют свидетельства источников об употреблении в Дигории тюркского языка. В частности Я. Рейнеггс сообщил, что «уйтигуры говорят на самом старом известном татарском наречии». Однако в процитированном отрывке речь идёт, прежде всего, о Стурдигории (владениях алдарской фамилии царгасатов). Специальных ассоциаций с бадилятами «татарское наречие» не вызывало, а об их подданных Рейнеггс посчитал необходимым уточнить, что они говорили «на своём собственном осетинском наречии» [65, с. 101]. Впрочем, ещё за столетия до Рейнеггса грузинский царевич Вахушти Багратиони отметил, что жители Осетии, «сносящиеся с Черкесией владеют черкесским и татарским-чагатайским» [5, с. 138, 141]. Вероятно, для конца XVIII в. определение «самое старое известное татарское наречие» довольно точно описывает чагатайский язык.

Следует констатировать, что замечание Багратиони о «татарском-чагатайском» прежде всего касается области Басиани (Малкар), население которой он считал «более прочих овсов знатным». Также как и другие цитированные авторы грузинский царевич считал население Малкара XVIII в. осетинским, не выделяя их в особый народ.

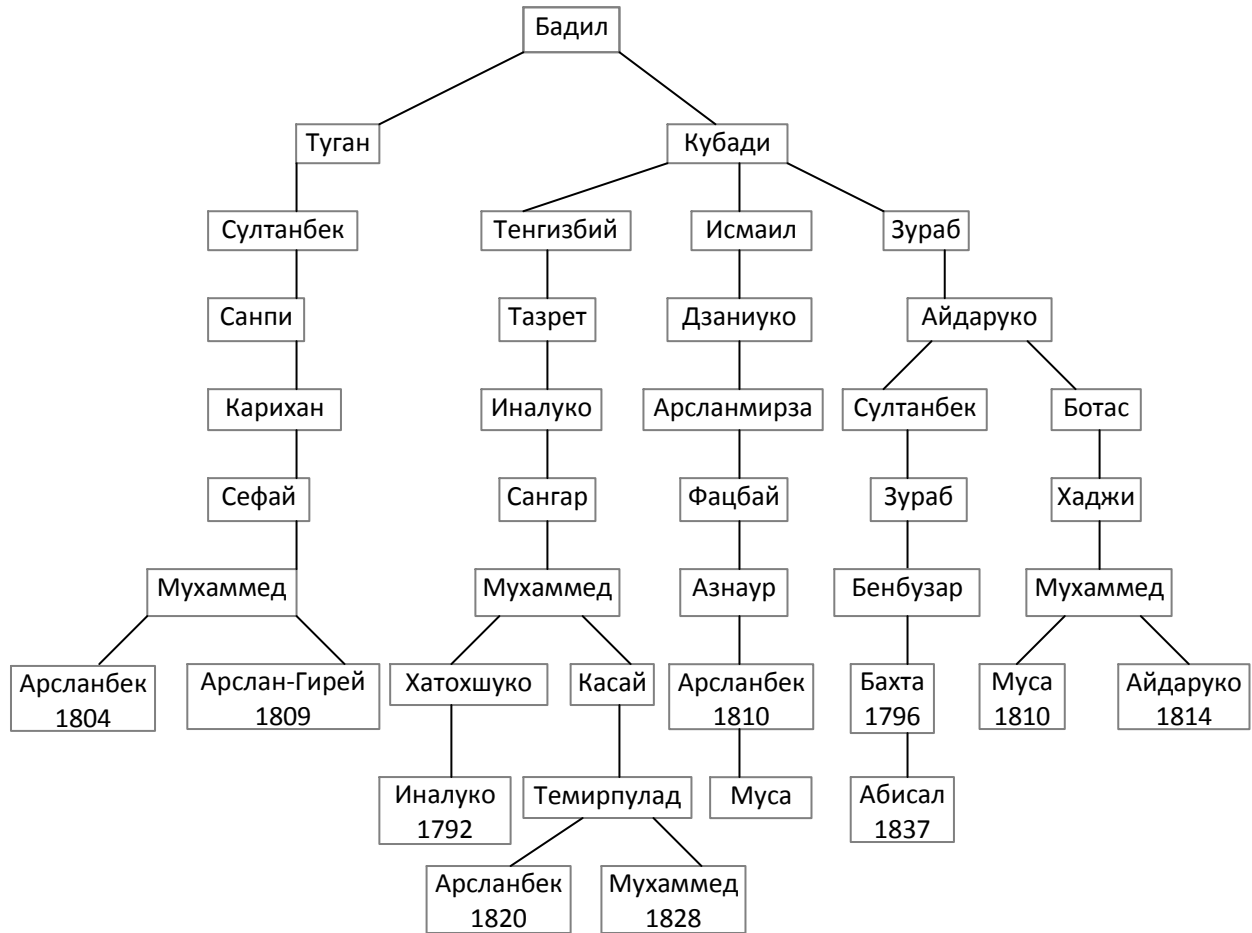
В целом отсылка Д.А. к «татарскому происхождению» бадилят осталась единичной, хотя и логично было бы предположить, что за два с половиной века, прошедших со времён монгольского завоевания, «маджары» частично ассимилировались среди татарского населения и пришли на территорию Малкара, уже будучи носителями тюркского языка. Тем не менее, намёков на язык, который использовали маджары, фольклор не сохранил. При переселении они застали там других новых поселенцев.

Тот факт, что в других двух значимых тюркских обществах Центрального Кавказа – Карачае и Чегеме – не зафиксировано генеалогических преданий, связанных с маджарами, свидетельствует о миграции другой – исконно тюркоязычной группы населения в горы примерно в одно время с маджарами. В частности, тот факт, что имена братьев Баса и Бадила известны малкарцам в осетинской патронимической форме Басиат и Бадинат, говорит о том, что первоначально они опирались именно на осетинское население (таулы). Ведь тюркам имена братьев стали известны от осетин, несмотря на то, что имя Бадил имеет арабское происхождение («замена»), а у имени Бас по-видимому тюркская этимология («голова»).

Очевидно, что на территории Малкара в Средние века происходили сложные демографические и этнические процессы при его крайне запутанной политической истории. Попробуем реконструировать хотя бы общие вехи этнической истории этого горского общества по данным диалектологии.

На территории современной Балкарии распространены три тюркских диалекта. Баксаночегемский в общих чертах схож с карачаевским языком. От него отличается малкарский, в котором звукам /tʃ/, /z/ и /p/ баксаночегемского диалекта соответствуют фонемы /ç/, /z/ и /f/. Хуламобезенгиевский диалект представляет собой смешанный говор, в котором сочетаются оба признака. Ещё В.Я. Тепцов попытался объяснить трансформацию согласных звуков малкарского диалекта иноязычным воздействием. При этом источником такого воздействия он считал кабардинский язык [84, с. 199]. Но уже Н.А. Караулов вполне справедливо указал на дигорский диалект осетинского языка как на источник специфических инноваций малкарского говора [44, с. 133]. Позже В.И. Абаев развил мысль о том, что эти особенности вызваны воздействием «дигорского» субстрата [1, с. 43, 47, 51].

Переход /tʃ/ > /ç/ и /z/ > /z/ также свойственен галицкому диалекту караимского и мишарскому диалекту татарского (ближайшим генетическим родственникам балкарского языка). Причём в обоих случаях это результат приспособления носителей тюркского языка к произносительному узусу славянских говоров [79, с. 250]. Иначе говоря, специфические особенности малкарского говора объясняются длительным сохранением двуязычия жителей Малкара. Видимо, тюркский язык был привнесён в это общество извне и стал доминировать сравнительно поздно. Напротив, Баксанское ущелье было до конца XVII в. занято карачаевцами, а история в нём пошла преимущественно по моноэтническому сценарию. Похожая ситуация, очевидно, сложилась и в Чегеме. Лежавшие между Малкаром и Чегемом небольшие общества Хулам и Безенги были пограничной территорией между этими двумя диалектными зонами.

В этой связи значительный интерес приобретает отчёт французского консула в Крыму Ксаверио Главани, завершённый 20 января 1724 г., который может пролить свет на этнические границы, сложившиеся на Кавказе в то время. В этом документе перечислены зависимые от Кабарды горские общества Чегем, Дюгер-Талкареки и Каракай [21, с. 155]. Нетрудно узнать среди перечисленных наименований Дигорию, Чегем и Карачай, а вот слово Талкареки Е. Вейденбаум, опубликовавший русский перевод отчёта Главани, не смог объяснить.

Можно предположить, что Главани использовал при составлении своего описания крымский документ на османском или чагатайском языке, в которых буквы ба ب и та ت отличаются лишь диакритическими знаками. При этом условии наименование Балкареки совпадает с осетинским названием малкарцев – балкайраг. В самом деле, в начале XVIII в. Дигорию и Малкар объединяла общность как политической элиты (правившая в них династия приписывала себе происхождение от Тума-Мариена), так и этнического состава населения, среди которого преобладали дигорские элементы. Вероятно, об этом хорошо знали в Крыму, поэтому в своём отчёте Главани объединил эти сельские общины, так же, как и абазинские племена Баг и Баракай, которые он обозначил как общество Эбаги-Бараки. В то же время общества Чегем и Карачай упомянуты в отчёте особняком от Малкара [21, с. 155].

Как представляется автору, остатки маджар из степей Предкавказья мигрировали на Центральный Кавказ в то время, когда там столкнулись две этнические группы – ираноязычные аланы и мигрировавшие в горы татары Большой Орды. В этой ситуации им удалось захватить власть и основать правящие кланы в недавно возникших горских обществах Дигории и Малкаре. В пределах подвластных им обществ эти фамилии распространили «маджарскую» легенду. На практике их вклад в процессы этногенеза народов Центрального Кавказа можно свести к политическому и генеалогическому. Несмотря на определенную популярность «маджарской» легенды, большая часть ирано- и тюркоязычного населения этого региона осознавала чуждое этническое происхождение «маджар». Это наводит на мысль, что отождествление «маджар», известных из кавказских генеалогических преданий, с угорскими народами имеет вполне веские основания.

Данная статья ни в коем случае не может претендовать на полный обзор всех аспектов, связанных с рассмотренными выше событиями XIII–XVI вв. Это лишь попытка интерпретации данных фольклора, и тех отрывочных сведений, которые известны из письменных источников. Этих сведений достаточно, чтобы положительно разрешить проблему присутствия в Предкавказье во второй половине XIII–XV вв. группы этнических венгров и проследить их участие в последующем этногенезе народов Северного Кавказа XVI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.
2. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.
3. Аполлодор. Мифологическая библиотека. М., 1993.
4. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
5. Багратиони Вахушти. География Грузии. // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. XXIV, вып. 5. Тифлис, 1904.
6. Бакиханов Аббас-Кули-ага. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991.
7. Батчаев В.М. «Мы пришли из Маджар»: факт или вымысел? // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск, 1988.
8. Батчаев В.М. Маджарцы (к проблеме золотоордынского этапа этнической истории Северного Кавказа) // Проблемы этнографии осетин, Вып.2. Владикавказ, 1992.
9. Бентковский И.В. Очерки исследований древнего города Маджара. «Заштатный город Святого Креста» // Ставропольские губернские ведомости. № 46–50, 52, 53. Ставрополь, 1878 г.
10. Битова Е.Г. Балкарские общества в административно-политической системе Российской империи XIX века // Кавказский сборник. Т.1(33). М., 2004.
11. Бларамберг И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999.
12. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXXV. СПб., 1896.
13. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXXVIII. СПб., 1896.
14. Броневский С.М. Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. СПб., 2004.
15. Брун Ф.К. Черноморье. Ч.2. Одесса, 1880.
16. Ган К.Ф. По долинам Чорока, Уруха и Ардона // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.25. Тифлис, 1898.
17. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник, 2001. М., 2002.
18. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 2007.
19. Гербер И.Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Куром народах и землях и о их состоянии в 1728 году // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760.
20. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002.
21. Главани Ксаверию. Описание Черкесии 1724 г. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 17. Тифлис, 1893.
22. Головинский П.И. Осетины // Терские ведомости, № 48. Владикавказ, 1870.
23. Григорьев А.П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник 2005. М., 2006.
24. Грот К.Я. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб., 1881.
25. Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989.
26. Гутнов Ф.Х. Века и люди. Владикавказ, 2004.
27. Д.А. К вопросу об узденстве в Осетии // Казбек, № 986. Владикавказ, 1901.
28. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.
29. Далгат Б.К. Поездка к Чегемским ледникам (Центральный Кавказ) // Казбек, № 29. Владикавказ, 1896.
30. Даль В.И. Жизнь Джингиз-Хана. Татарская сказка // Сын отечества. СПб., 1835, т. 47, № 4.
31. Тарихи Дербенд-наме. / Ред. и предисл. М. Алиханова-Аварского; вступ. ст. и коммент. А.Р. Шихсаидова. Махачкала, 2007.
32. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. Кн.1. СПб., 1871.
33. Думанов Х.М. Ногмов о происхождении балкарцев // Этнографический сборник. Нальчик, 1984.
34. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Нальчик, 2002.
35. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
36. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2006.

37. Западно-Кавказские горцы и ногайцы в XVII столетии по Пейсонелю. Материалы для истории Западно-Кавказских горцев // Кубанский сборник. Т.2. Екатеринодар, 1891.
38. Золотая орда в источниках. Т. 1. М., 2003.
39. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и восточной Европе // Исторический архив, № 3. М., 1940.
40. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. СПб., 1997.
41. Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. М., 2008.
42. Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб., 2002.
43. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.4. М., 1992.
44. Караулов Н.А. Болкары на Кавказе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.38. Тифлис, 1908.
45. Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989.
46. ал-Карши Джамал. Ал-мулхакат би-с-сурах. Алматы, 2005.
47. Каяев А. Лакский язык и история. М., 2006.
48. Клапрот Г.Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008.
49. Кобычев В.П. Некоторые вопросы этногенеза и ранней этнической истории народов Кавказа: финно-угры на Кавказе // Кавказский этнографический сборник. Вып.9. М., 1989.
50. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Майкоп, 2006.
51. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
52. Красницкий К. Кое-что об Осетинском округе и правах туземцев его // Кавказ, № 31. Тифлис, 1865.
53. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991.
54. Кузнецов В.А. Были ли древние венгры на Кавказе? // Актуальные проблемы иранистики и теории языкознания. Владикавказ, 2002.
55. Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Вып.4. М., 1969.
56. Ланге Б.А. Балкария и балкарцы. Нальчик, 2009.
57. Линден В. Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916.
58. Лубсан Данзан. Алтан тобчи. М., 1973.
59. Малкондуев Х.Х. К вопросу о самоназвании карачаевцев и балкарцев // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М., 2001.
60. Миллер В.Ф. Терская область. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. Вып.1. М., 1888.
61. Миллер В.Ф. Фольклор народов Северного Кавказа. М., 2008.
62. Михалон Литвин О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.
63. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1994.
64. Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе, 1970.
65. Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967.
66. Потто В.А. Кавказская война. тт. 1–5. М., 2007.
67. Прозрителев Г.Н. Мажары. Один из древнейших городов Северного Кавказа // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 1. Ставрополь, 1906.
68. Путешествия в восточные страны. М., 1997.
69. Пфаф В.Б. Материалы для истории осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1871, вып. 5.
70. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского. Пер. А.Н. Кононова. М., 1958.
71. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Т.1. Орджоникидзе, 1976.
72. Русско-чеченские отношения. (Вторая половина XVI–XVII в.). М., 1997.
73. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. Т. 1. Нальчик, 2003.
74. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
75. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.
76. Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики. М., 2003.
77. Сокровенное сказание монголов. Рязань, 2009.
78. Соснина Е.Л. Ян Потоцкий и его «Путешествие в астраханские и Кавказские степи». Пятигорск, 2003.
79. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М., 2002.
80. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа. Составил генерального штаба подполковник барон Сталь в 1852 году // Кавказский сборник, Том 21. Тифлис, 1900.
81. Табасаранско-русский словарь. М., 2001.
82. Такайшвили Е.С. Археологические путешествия, разыскания и заметки // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.44. Тифлис, 1915.

83. Татищев В.Н. История Российская, Т.1. М., 2005.
84. Тепцов В.Я. По истокам Кубани и Терека // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 14. Тифлис, 1892.
85. Туганов М.С. Сказание о Бадели. // Северная Осетия. № 98. Владикавказ, 1994.
86. Тульчинский Н.П. Маленький фельетон. // Казбек, № 563. Владикавказ, 1899.
87. Тульчинский Н.П. Предание о происхождении балкарских таубиев // Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1983.
88. Путевые заметки графини Уваровой // Кавказ. М., 1904. Ч.3.
89. Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммад Дост. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992.
90. Фасмер М.Р. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1986.
91. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.
92. Хамицаева Т.А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1973.
93. Харузин Н.Н. По горам Северного Кавказа // Вестник Европы. Т.6. СПб., 1888.
94. Шёгрэн А.М. Путевые записки // Дарьял. Владикавказ. 2002. № 2.
95. Шестаков П.Д. Напоминание о древнем городе Маджаре // Труды четвертого археологического съезда. Казань, 1884.
96. Штедер Л. Осетины во второй половине XVIII в. по наблюдениям путешественника Штедера. Орджоникидзе, 1940.
97. Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров // Проблемы этнического самосознания. М., 1997.
98. Эрдели И. Поиски следов древних венгров на Кавказе // IX «Крупновские чтения». Элиста, 1979.
99. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1997.
100. Этюды о Балкарии. Нальчик, 2007.
101. Bendefy Z. A Magyarok kaukaszusi oshazaja, Jyeretyan orszaga. Budapest, 1942.
102. Bendefy Z. Sources concenant les Hongrois Orientaux aux archives du Vatican // Studia Archaeologica. VI. Budapest, 1977.
103. Magazin fur die neue Historie und Geographie angelegt von Dr. A.F.Busching. Funfter Theil. Hamburg, 1777.
104. Fessler I.A. Die Geschichten der Ungern und ihrer Landsassen. Vol.1. Leipzig, 1815.
105. Fischer I.E. De origine Ungorum // Quaestiones Petropolitanae. Gottingae, 1770.
106. Gerando A. de. Essai historique sur l'origine des hongrois. Paris, 1845.
107. Gmelin S.G. Reise durch Russland zur Untersuchung der drei Natur-Reiche. Vierter Theil, Reise von Astrachan nach Zarizyn und von da durch die kumanische Steppe uber Mosdok zuruck, imgleichen zweite Persische Reise in den Jahren 1772 und 1773 bis im Fruhling 1775. SPb., 1784.
108. Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist der Mongolen in Russland. Pesth, 1840.
109. Jerney J. A Kumamelluki. Magyar Városrol. Nudomanytar 2, Pest, 1843.
110. Lerche I.J. Lebens-und Reise-Geschichte von ihm selbst beschrieben und mit Anmerkungen und Zusätzen herausgegeben von Busching. Halle, 1791.
111. Munkacsi B. Alán hyelvetlekek szyrinssünkben Etnographia. XV. 1–2 szam. Budapest, 1904.
112. Pallas P.S. Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire, in the Eears 1793 and 1794. Vol. I. L., 1802.
113. Reineggs J. Allgemeine historische-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha und Gt. Petersburg, 1796.
114. Rizzi-Zannoni G.A. Carte de la partie septentrionale de l'empire Otoman contenant la Crimée, la Moldavie, la Valakie, la Bulgarie, avec la nouvelle Russie, les gouvernement d'Astracan, et de Voronez, les Tatares, Cosaques & Venedig. Paris, 1774.
115. Zichy J. Kaukaszusi es Kozepasziai utazasai. Budapest, Rauschburg, 1897.

Сведения об авторе: Арсений Вячеславович Шумкин – Министерство просвещения Российской Федерации (Москва, Российская Федерация). E-mail: arsen1293@rambler.ru

MAJARS: THE WAY FROM THE PEOPLE TO THE CITY

Arseniy V. Shumkin

Ministry of Education of the Russian Federation

Abstract. The article is dedicated to the problem of migration of medieval Hungarians to the North Caucasus. Based on materials from Latin and Arabic sources, it traces some evidence of the presence of Hungarians in this region, the first of which was left by G. de Rubruk in the middle of the 13th century. After a thorough analysis of the historiography of this problem, which dates back to the moment A. de la Motre discovered the ruins of the Golden Horde city of Majar at the beginning of the 18th century, it is concluded that there is insufficient validity of the existing assumptions about the Majar region as a transit point on the way of the ancient Hungarians to Pannonia. At the same time, an alternative theory is being argued for the resettlement of part of the Ugric population from the Greater Hungary to the Caucasus during the Mongol conquest of Eastern Europe. Significant attention in the article is given to the history of the city of Majar, as well as to the “Majar” nomenclature of a number of objects of craft production (carts, weapons). At the same time, the main focus of the article is on the genealogical legend about the “Madzhar” origin of some Malkar and Digor noble families, which allows us to make an assumption about the genealogical relationship between their founders and the Hungarian prince Jere-Tamir, who was known by correspondence of Pope John XXII. It is rather unexpected to conclude that the literary source of the “Madzhar” legend was the historical-folklore composition of the *Daftar-Genghis-name*, compiled at the end of the 17th century by an anonymous Volga Tatar.

Keywords: Majar, Hungarians, Magyars, Balkars, Digorians

About the author: Arseniy V. Shumkin – Ministry of Education of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: arsen1293@rambler.ru

МОНЕТНЫЕ ЭМИССИИ ПОЗДНЕДЖУЧИДСКОГО ХАНА ГИЯС АД-ДИНА II

Ю.В. Зайончковский, В.Г. Шапошник, Т.В. Арзуманова

Предметом статьи являются монетные эмиссии золотоордынского хана Гияс ад-Дина II. Анализируются исторические и нумизматические публикации по теме, публикуются (в большинстве – впервые) нумизматические источники эпохи правления Гияс ад-Дина б. Шадибека. Приведены фотоизображения, графические реконструкции оттисков штемпелей, реконструкции и перевод легенд именных монет этого хана, несущие на реверсах обозначения места чеканки Булгар, Иль уй-Муаззам, Махмуд Бек-Базар, Орду-Базар, Сарай, Хаджи-Тархан. Данги, несущие на себе имя Гияс ад-Дина II, изготовлены из низкопробного биллона (часто с покрытием серебром) большим количеством штемпелей, что позволяет интерпретировать их эмиссию как чрезвычайную (военную). Установлено, что имя хана Гияс ад-Дином на его монетах могло писаться по-разному – с высказанной версией о Гийас ад-Дин Сар(?) хане как новом золотоордынском эмитенте XV века согласиться нельзя.

Нумизматические источники позволяют рассматривать Гияс ад-Дина II не как крупного и влиятельного феодала Среднего Поволжья, а как золотоордынского хана, на определенном этапе весьма успешно борového за верховную власть и контролировавшего обширные территории государства.

Ключевые слова: нумизматика, Золотая Орда, монетные эмиссии, Гияс ад-Дин II

В 20-х годах XV века процесс ожесточенной борьбы за власть в Золотой Орде достиг своего апогея – все «противоборствующие стороны постоянно перемещались по территории некогда единого государства, захватывали друг у друга города и ставки, не забывая при этом незамедлительно отчеканить монету с именем «своего» хана» [14, с. 74]. Фрагментарность наших знаний об этой борьбе объясняется в частности тем, что золотоордынские хроники не сохранились, иностранные же письменные источники изобилуют ошибками и противоречиями, что вызвано как слабой информированностью их составителей, так и, зачастую, политической ангажированностью хронистов, принадлежностью к одному из противоборствующих лагерей. В этой ситуации информация, содержащаяся в нумизматических источниках, крайне актуальна: «сопоставление сведений из иностранных источников и привлечение новых нумизматических данных, которые в такой ситуации приобретают статус основного источника информации, позволяет постепенно, шаг за шагом, восстанавливать драматическую картину событий, происходивших на территории Улуса Джучи» [14, с. 74].

В конце XX – начале XXI века были достигнуты определенные успехи в изучении позднеджучидских монет. Однако необходимо констатировать, что до сих пор, к сожалению, не опубликованы и не изучены многие монетные типы.

Предлагаемая статья посвящена обзору монетных эмиссий золотоордынского хана Гияс ад-Дина II. Авторы ставят задачу проанализировать исторические и нумизматические публикации по теме, обобщить имеющуюся информацию и опубликовать новые нумизматические источники эпохи правления Гияс ад-Дина б. Шадибека.

Изложение темы начнем с краткого обзора сведений, сообщаемых письменными источниками и давно уже известных исследователям.

Гияс ад-Дин, сын хана Шадибека, по информации, содержащейся в «Родословии тюрков», анонимном сочинении, написанном во владениях Тимуридов не ранее середины XV века, правил между Бораком и Мухаммадом б. Тимуром [19, с. 209].

Шейбанидский историк Утемиш-хаджи в труде «Кара таварих», написанном в середине XVI века в Хиве на тюркском языке, сообщает следующую информацию о Гияс ад-Дине II. После смерти Идегея его сыновья «Мансур, Кади и Невруз и сыновья Шадибек хана Гийазетдин поехали в Московский вилайат» [20; с. 72]. После пребывания там, «назначив главным Гийазетдина, выехали к истокам реки Яик». Мансур-бек «поднял Гийазетдина ханом» [20; с. 73]. Затем состоялось сражение с войском Мухаммад хана. «Не было еще такого большого сражения в народе Узбекском» [20; с. 76]. Поле боя осталось за потомками Идегея и Шадибека. «Гийазетдин хан отправился на Идиль, покорил там

эли и стал там ханом. Мухаммад хан взял эли с другой стороны Идиль и отправился в вилайат Крыма. Прошло два года. Гийазетдин умер. Сын Тимур хана Кичик Мухаммад хан в то время был главным. Мансур бек сделал его ханом...» [20; с. 76].

Крымско-татарский историк XVIII века Абдулгаффар Кырыми в своем труде «Умдет аттаварих» сообщил: «На престол Саин-хана, на Идиль-реке воссел Гийас ад-Дин – сын Шадибека. Однако все дела ногай-татаров вязал и разрешал Мансур-мирза. Через два с половиной года Гийас ад-Дин умер. Мансур провозгласил ханом малолетнего сына Тимур-хана, Кучук-Мухаммада» [6, с. 209].

Что касается нумизматических источников, то монеты Гияс ад-Дина были впервые изданы А.Г. Мухамадиевым в 1966 году. В публикации были даны прорисовки штемпелей двух типов серебряных монет этого хана: с тарак-тамгой на анэпиграфном реверсе и с обозначением места чеканки Булгар, предложена датировка эмиссии 1422 – 1425 годами [10; с. 265, рис. 2 № 54–58].

В своей монографии «Булгаро-татарская монетная система», изданной более чем полтора десятилетия спустя (1983 г.), исследователь датировал правление хана уже 1422 – 1445 годами и предположил: «судя по тому, что монеты Гияс ад-Дина в других центрах, кроме Казани (Булгара), не чеканились, он был первым суверенным правителем Казани» [9, с. 125].

А.Г. Мухамадиев считал Гияс ад-Дина отцом основателя Крымского ханства Хаджи-Гирея [9, с. 125–126]. Его монеты, «по всей вероятности, стали чеканить именно с 1422 г.» [9, с. 127]. В кладе из села Караульная Гора монеты Гияс ад-Дина представлены 857 экземплярами (т.е. 33,1% всего состава клада) и имеют всего пять типов. «Такое большое количество монет при немногочисленности типов говорит об интенсивной чеканке их в сравнительно небольшие отрезки времени», что позволило нумизмату высказать предположение о проведении Гияс ад-Дином денежной реформы «на ограниченной территории – в Казани и прилегающих к ней районах» [9, с. 128].

А.Г. Мухамадиев полагал, что, судя по монетам, Гияс ад-Дин еще в конце 30-х годов выпускал монеты в Казани от своего имени. «Остается только неясным, каким образом ему удавалось удерживаться у власти. Можно предположить, что он был одним из крупных и влиятельных феодалов Среднего Поволжья, и поэтому Улу-Мухаммеду до определенного момента приходилось считаться с ним» [9; 134].

Однако, в конце 30-х – начале 40-х гг. XV века положение Гияс ад-Дина пошатнулось, он был вынужден признать себя вассалом Улу-Мухаммада. Но и это его не спасло – в 1445 году «царь Маометек, Улу-Магометов сын» взял Казань и убил ее правителя, «т.е. Гияс ад-Дина» [9; с. 134–135].

Приведенные выше исторические реконструкции А.Г. Мухамадиева основаны, как представляется, во многом на нумизматических источниках: «Казанские монеты Гияс ад-Дина делятся по весу на две группы чеканки... Весовая норма чеканки первого периода 0,55 – 0,57 г, а второго – 0,48 – 0,53 г» [9; с. 126].

В 2002 г. основные тезисы А.Г. Мухамадиева были подвергнуты критике А.Г. Гаевым. По его мнению, отцом Хаджи-Гирея был Гияс ад-Дин б. Гаш-Тимур, тогда как Казанью правил Гияс ад-Дин б. Шадибек [1, с. 33].

Основанная на весовых данных разных типов монет Гияс ад-Дина и Улу-Мухаммада гипотеза А.Г. Мухамадиева о двух правлениях Гияс ад-Дина в Булгаре, между которыми приходится правление Улу-Мухаммада, не находит, по мнению А.Г. Гаева, опоры в нумизматическом материале: «монеты всех вышеназванных типов относятся к одному и тому же весовому стандарту чеканки. Разница в весе для всех типов невелика и близка к естественной погрешности данного метода определения среднего веса» [1, с. 35].

Опираясь на интерпретацию нумизматических источников, А.Г. Гаев пришел к выводу, что «правление хана Гийас ад-Дина должно датироваться в интервале между 824 г.х. (зафиксированное источниками начало борьбы Улу- Мухаммада с появившимися претендентами на престол Улуса Джучи) и 831 г.х. (оттеснение Борака, монеты которого в кладе младшие)» [1, с. 36]. Как итог – в подготовленных им генеалогических таблицах А.Г. Гаев предлагает датировать правление Гияс ад-Дина в Булгаре «ок. 826 – 828 г.х.» [1, с. 54].

В 2003 году И.В. Евстратов выступил на Одиннадцатой Всероссийской нумизматической конференции с интересным докладом «Гийас ад-Дин Сар(?) хан – новый золотоордынский эмитент XV в.» [2; 3]. В Интернете размещен полный текст этого исследования [2; 3].

Нумизмату удалось обработать 41 монету данной группы, «большинство из них происходят с Селитренного городища в Нижнем Поволжье и Камаевского городища в Татарстане», для их чеканки

использовались 13 штемпелей лицевой стороны и 12 – оборотной. «Несмотря на графическую вариативность, легенды лицевой и оборотной сторон неизменны, за исключением написания даты» [2; 3].

Монеты медные, но на большинстве экземпляров сохранились следы поверхностного серебрения. В докладе было высказано предположение, что монеты на ханском монетном дворе сознательно изготавливались из меди, серебрились и предназначались для использования в сфере серебряного денежного обращения. Для 22 экземпляров И.В. Евстратову был известен вес, сосредоточенный в пределах 0,65 – 0,85 г, на основании чего он допустил, что где-то в этом интервале и находится величина, отражающая законный вес монет этого типа [2; 3].

Монетные легенды были реконструированы исследователем так. «На лицевой стороне надпись в три строки: «Султан/Гийас ад-Дин/» [на третьей строке – сначала – значок, буква или короткое слово, в своем начертании схожее с арабской буквой «син» и в конце строки – слово] «Хан». На оборотной стороне, так же в три строки: «Чекан/Ас-Сарая/ [и две цифры года чеканки]». И.В. Евстратов предполагает, что наиболее вероятные даты чеканки – 820 и 829 годы хиджры [2; 3].

Что касается прочтения легенды аверса, то по утверждению нумизмата, первое имя – Гийас ад-Дин – сомнений не вызывает. «Предположение некоторых моих коллег о том, что рассматриваемый значок есть не что иное, как ненормативно и не на месте прописанное окончание слова «Гийас», снимается наличием нормативного «са» на своем месте – над лигатурой «гайна» и «йа». Точно в таком же графическом виде «са» прописано, например, в аналогичном лакабе Токтамышша, на некоторых его монетах» [2; 3].

В итоге И.В. Евстратов предлагал реконструировать полное имя эмитента как «Гийас ад-Дин Сар хан» и склонялся к мысли, что этот сарайский правитель не тождественен Гийас ад-Дину, чеканившему монеты в Булгаре [2; 3].

Ж.М. Сабитов в своей, опубликованной в 2013 году статье «Мангытский юрт: от Мансура до Ваккаса» датировал период правления Гийас ад-Дина 1423 – 1425 годами [16, с. 53]. «Согласно Кырьми он правил два года, а потом умер... нигде в 1430-х годах Гийас ад-Дин не упоминается как живой правитель» [16, с. 54]. Историк полагал, что этого хана возвел на престол в Булгаре Мансур б. Идигей [16, с. 53].

Основные вехи ханствования Гийас ад-Дина II были рассмотрены в публикациях Р.Ю. Ревы. В статье, изданной в 2013 году в соавторстве с А.А. Казаровым, на основании анализа доступных нумизматических источников была сформулирована ключевая проблема: «Либо хан Гийас ад-Дин правил два раза – в 819 г.х. и в следующем десятилетии, либо существовало два одноименных правителя» [14, с. 73].

На основании изучения свидетельств письменных источников Р.Ю. Рева пришел к выводу, что Гийас ад-Дин I, сын Таш-Тимура, отец Хаджи-Гирея чеканил данги с обозначением монетного двора Орду-Муаззам в 819 г.х [13, с. 54]. По его мнению, Гийас ад-Дин I после недолгого правления был смещен ставленниками Идигея Саид-Ахмадом I и Дервишем, в ходе этого противостояния отец Хаджи-Гирея и погиб [14, с. 73].

Р.Ю. Рева предположил, что Гийас ад-Дин II, сын хана Шадибека и отец хана Мустафы, был лидером проидегеевской партии. В качестве хана этот джучид отмечен уже в 1421 году (824 – 825 гг.х.), когда прибыл в Тану вместе со своим визирем Базар-огланом. В 826 г.х. после смерти хана Хаджи-Мухаммеда, убитого Бараком, к нему прибыл Мансур, сын Идигея. Гийас ад-Дин овладел Булгаром, а позже и другими частями государства. В 828 г.х. он сумел уже захватить Сарай, откуда был выбит в 829 г.х. войсками Улу-Мухаммада [5, с. 718]. После этого поражения Гийас ад-Дин исчез с политической арены навсегда [12, с. 94].

По мнению Р.Ю. Ревы, Гийас ад-Дин б. Шадибек чеканил монеты в Булгаре (в 826–827 гг.х.) и в Сарае в 829 г.х [12, с. 94].

Подводя итог рассмотрению исторических и нумизматических публикаций по теме, можно констатировать, что нахождение хана Гийас ад-Дина II на золотоордынском престоле можно «в первом приближении» датировать 826–829 гг.х. (1423–1426 гг.). Этот джучид правил, опираясь на поддержку Мансура б. Идигея, пик его успехов приходится на 829 г.х., после чего он был разгромлен войсками Улу-Мухаммада и, судя по всему, убит.

Переходя к анализу монетных эмиссий золотоордынского хана Гийас ад-Дина II, констатируем, что, как было сказано выше, в научной литературе были опубликованы его булгарские и сарайские монеты.

Р.Ю. Савоста опубликовал выполненные им прорисовки штемпельных оттисков хаджигарханских дангов этого хана [17, с. 91] (фотоизображений монет не приведено). В электронной базе восточных монет zeno.ru размещены изображения нескольких дангов Гияс ад-Дина II с обозначением монетного двора Орду-Базар [23].

Ниже будут рассмотрены серебряные монеты Гияс ад-Дина II, систематизированные по монетным дворам в порядке кириллического алфавита.

1. Булгар (Рис. 1)

Рис. 1.1. 0.58 г.

58

Рис. 1.2.

Рис. 1.3. 0.57 г.

54

Рис. 1.4.

Рис. 1.5. 0.49 г.

55

Рис. 1.6.

Рис. 1. Булгарские данги Гияс ад-Дина II и прорисовки их лицевых и оборотных сторон из статьи А.Г. Мухамадиева [10, с. 265, рис. 2]

На монетах на Рис. 1.3 – 1.6 место выпуска на реверсе не указано, там размещена «трехзубая» тамга.

Легенда типа на Рис. 1.3 может быть реконструирована как

السلطان لا عظم خان غياص الدين

Султан верховный хан Гияс ад-Дин.

Обращает на себя внимание тот факт, что слово «Гияс» написано как غياص, причем буква س написана с одним «зубчиком» вместо двух. Как уже отмечалось, подобное каллиграфическое «упрощение» бытует на позднеджучидских дангах [4, с. 138, 139].

Легенда типа на Рис. 1.5 может, как представляется, выглядеть так

السلطان خان غياص الدين

Султан хан Гияс ад-Дин.

Нужно отметить, что никакого «нормативного «са» на своем месте» – над «гайн» и «йа», о котором писал И.В. Евстратов применительно к сарайским монетам [2; 3], здесь нет.

Монетный тип, воспроизведенный на Рис. 1.1 – 1.2, несет на оборотной стороне обозначение места выпуска

ضرب بولغار

Чекан Булгара.

Легенда же лицевой стороны («Султан Гияс ад-Дин?») дана в «отзеркаленном виде».

2. Махмуд Бек-Базар (Рис. 2)

Данги с обозначением места выпуска как Махмуд Бек-Базар не были встречены авторами на страницах нумизматических публикаций во время подготовки статьи. После завершения работы над текстом им стало известно содержание тезисов доклада Р.Ю. Ревы на апрельской 2019 года XX ВНК, где шла речь в т.ч. и об этом монетном типе [15].

Рис. 2.1. 0.76 г, 15.7x14.2 мм

Рис. 2.2. 0.79 г, 17.8x14.5 мм

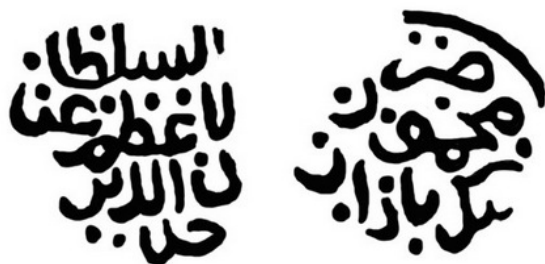

Рис. 2.3.

Рис. 2. Данги Гияс ад-Дина II прорисовка оттиска их штемпельной пары с обозначением места выпуска как Махмуд Бек-Базар

Монетные легенды типа, воспроизведенного на Рис. 2 таковы.

A.: السلطان لا عظم غياص الدين خان

Султан верховный Гияс ад-Дин хан.

P.: ضرب محمود بيك بازار

Чекан Махмуд Бек-Базар.

Предваряя планируемую публикацию, отметим, что в составе комплекса из 39 монет, обнаруженного в 2018 году в Кировоградской области, 14 оказались дангами Гияс ад-Дина чекана Махмуд Бек-Базара. Все монеты изготовлены из очень низкопробного сплава, но имеют следы поверхностного серебрения, которое ныне фактически сошло. Фотоизображение еще одного экземпляра дангов этого типа было встречено нами на одном из нумизматических интернет-ресурсов.

Весовые характеристики 14 монет комплекса из Кировоградской области приведены на диаграмме на рис 3. Средний вес монет составляет (с округлением до третьего знака после запятой) 0,762 г.

А.В. Пачкалов в 2007 году правильно, на наш взгляд, предположил, что чеканка монет с указанием места выпуска «Бек-Базар» «производилась в базарах беков (биев)... при ханах Джучидах» [11, с. 129].

Некоторые беклербеки достигали при дворе хана столь высокое положение, что «персонифицировали» название своего Бек-Базара – чеканка там монет с обозначением названия их ставки могла служить демонстрацией и пропагандой высокого статуса «эмира эмиров» в государстве [22].

Авторы, к сожалению, пока не могут выдвинуть в достаточной степени аргументированную версию персонификации публикуемого Махмуд Бек-Базара.

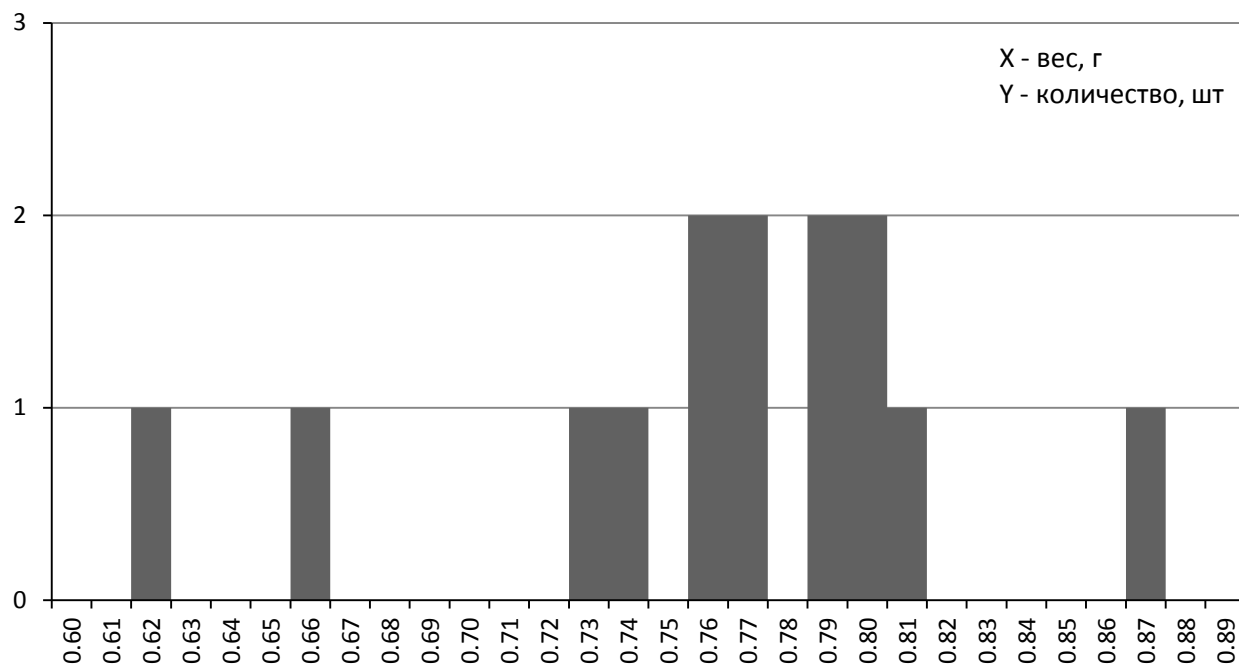

Рис. 3. Распределение веса монет чекана Махмуд Бек-Базара

3. Орду-Базар (Рис. 4)

Рис. 4.1. 0.63 г

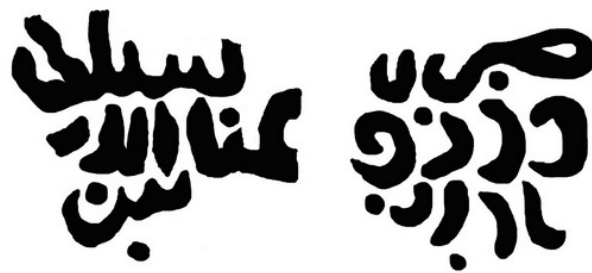

Рис. 4.2.

Рис. 4.3. 0.79 г

Рис. 4.4. 0.73 г

Рис. 4. Данги Гияс ад-Дина II и прорисовка оттиска штемпельной пары с обозначением места выпуска как Орду-Базар.

Легенды монет на Рис. 4 авторы видят следующим образом.

A.: السلطان غياص الدين خان

Султан Гияс ад-Дин хан.

P.: ضرب اوردو بازار

Чекан Орду-Базар.

Отметим, что на монетах Махмуд Бек-Базара и Орду-Базара слово «Гияс» так же написано как غياص. «Нормативное «са» на своем месте» здесь также отсутствует.

Данги Гияс ад-Дина II чекана Орду-Базар, судя про опубликованной прорисовке (Рис. 5), были впервые изданы В.П. Лебедевым и В.Б. Клоковым в 2001 году [7, с. 42; рис. 1, № 24–25]. Неполная атрибуция, данная ими: «[Джелаль?] ад-Дин, Орда» [7, с. 22], не позволила ввести эту интересную эмиссию в полноценный научный оборот еще восемнадцать лет назад.

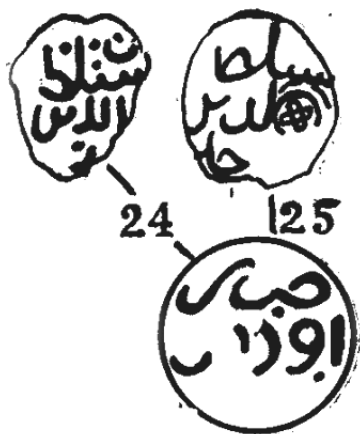

Рис. 5. Прорисовки штемпелей дангов Гияс ад-Дина II с обозначением места выпуска как Орду-Базар из статьи В.П. Лебедева и В.Б. Клокова

В.П. Лебедеву и В.Б. Клокову был так же известен «надчекан из двух скрещенных овалов в кружке» [7, с. 23] (Рис. 4.3 и 5), что в сочетании с информацией собранной авторами, позволяет говорить о системном характере процесса надчеканивания дангов Гияс ад-Дина II такой контрамаркой. Варианты интерпретации этих «скрещенных овалов в кружке» будут приведены ниже.

Учитывая тот факт, что значение термина «Орда» – «ставка хана правителя» [21, с. 22], указание места выпуска на реверсах позднеджучидских дангов «Чекан Орду-Базара» можно понимать как констатацию выпуска этих монет в кочевых ставках ханов-джучидов, при которых находился, в том числе, и монетный двор. В.В. Майко корректно предположил, что монетный двор Орду-Базар «кочевал» вместе со ставкой хана и находился в разное время в регионах с различными традициями монетной чеканки [8, с. 139–140].

4. Сарай (Рис. 6)

Рис. 6.1. 0.79 г

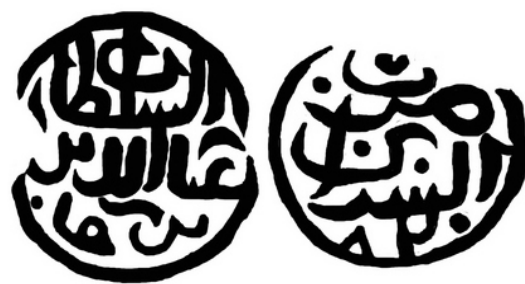

Рис. 6.2.

Рис. 6.3. 0.72 г

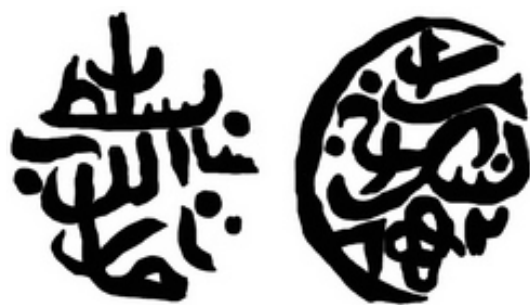

Рис. 6.4.

Рис. 6.5. 0.79 г

Рис. 6.6. 0.72 г

Рис. 6.7.

Рис. 6. Данги Гияс ад-Дина II и прорисовки оттисков штемпельных пар с обозначением места выпуска Сарай.

Легенды монеты на Рис. 6.1 могут быть реконструированы так.

А.: السلطان غيا (ث?) الدين س خان

Султан Гияс ад-Дин хан.

Р.: ضرب السراى ٨٢٠

Чекан ас-Сарай 820.

При анализе легенды лицевой стороны монет на Рис. 6 обращают на себя внимание несколько моментов. На большинстве лицевых штемпелей «са» действительно размещено над «гайн» и «йа» (Рис. 6.1, например), о чем и писал И.В. Евстратов. Буква, стоящая под غيا, может писаться либо как س (Рис. 6.5), либо с одним «зубчиком» вместо двух (Рис. 6.2). Наше мнение по интерпретации написания имени хана будет высказано ниже.

Наиболее интересным в легенде оборотной стороны является обозначение года. На монете на Рис. 6.2 он читается как 820. На большинстве же штемпелей однозначно прочесть дату, по мнению авторов, не представляется возможным.

Привлекает внимание также символ, повторяемый на многих штемпелях (Рис. 6.3 и Рис. 6.5, например) и расположенный в центре нижнего края реверса между цифрами даты. Это может быть либо украшение поля («узел счастья»), весьма часто встречаемое на джучидских монетах, либо тамга.

Отметим, что на монетах Гияс ад-Дина II чекана Орду-Базара (Рис. 4.3 и 5) и Сарая (Рис. 6.7) встречается очень похожий надчекан.

На Рис. 7 представлены прорисовка штемпельной пары дангов и серебряная монета хана Мухаммада чекана Орду-Базар.

Рис. 7.1.

Рис. 7.2. 0.95 г

Рис. 7. Прорисовка штемпельной пары и данг и хана Мухаммада чекана Орду-Базар

Легенды на штемпелях первой монеты (Рис. 7.1) выполнены грамотно, красивым почерком (что встречается относительно редко на позднеджучидском серебре), благопожелание написано полностью. На монете на Рис. 7.2 благопожелание сокращено «бесцеремонно вторгшимся» в его пространство на монетном кружке графическим элементом, очень похожим на символ с дангов Гияс ад-Дина II, обсуждавшийся выше.

Приведя этот факт, авторы не дают ему окончательной интерпретации, для которой нужен еще новый материал и новые исследования. Безоговорочно утверждать, что это тамга пока нельзя, как и нельзя со всей уверенностью отвергать эту версию.

5. Хаджи-Тархан (Рис. 8)

Рис. 8.1. 0.6 г

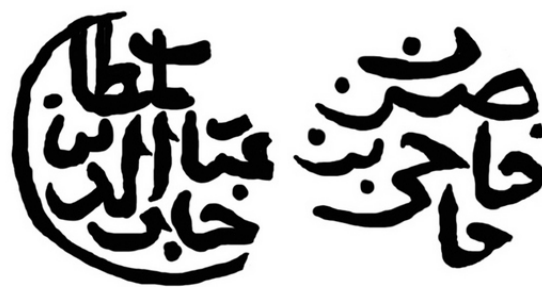

Рис. 8.2.

Рис. 8.3. 0.8 г

Рис. 8. Данги Гияс ад-Дина II и прорисовка оттисков штемпельной пары с обозначением места выпуска Хаджи-Тархан

Монетные легенды дангов на Рис. 8 могут быть расписаны следующим образом.

А.: السلطان غياث الدين خان

Султан Гияс ад-Дин хан.

Р.: ضرب حاجي ترخان

Чекан Хаджи-Тархан.

Констатируем, что на большинстве лицевых штемпелей хаджи-тарханских монет слово «Гияс» написано как غياث, с «нормативным «са» на своем месте» – над «гайн» и «йа».

Завершив рассмотрение монетных эмиссий золотоордынского хана Гияс ад-Дина II, подведем итоги.

1. На настоящий момент известны данги этого хана, несущие на реверсах обозначение пяти монетных дворов.

У авторов есть основания полагать, что с большой степенью вероятности в будущем могут быть обнаружены и монеты Гияс ад-Дина II, выбитые на монетных дворах, дополняющих приведенный выше список.

Аргументируя данный тезис, приведем фотоизображение монеты из упомянутого выше комплекса из Кировоградской области (Рис. 9.1). Этот тип был опубликован В.П. Лебедевым и В.Б. Клоковым с прорисовкой [7, с. 23] (Рис. 9.2) и атрибуцией «[Джелаль?] ад-Дин хан, Иль Уй Муаззам, не издан. В=0.72 г» [7, с. 23].

Рис. 9.1.

Рис. 9.2.

Рис. 9. Данг Гияс ад-Дина II (?) и прорисовка оттисков штемпельной пары, выполненная В.П. Лебедевым и В.Б. Клоковым, с обозначением места выпуска как Иль уй-Муаззам

На экземпляре из Кировоградской области начало второй строки разглядеть нельзя, однако есть все основания полагать что легенда лицевой стороны монеты выглядит как ... السلطان غياص الدين, причем буква, стоящая под غيا (на монете она видна), написана как и на многих дангах Гияс ад-Дина II с одним «зубчиком» вместо двух. В пользу такого прочтения говорит состав Кировоградского комплекса, тезаврированного в конце 820-х гг.х. – в нем, в частности, нет ни одной монеты 810-х гг.х.

Авторы полагают, что тип на Рис. 8 может быть отнесен к эмиссиям Гияс ад-Дина II на монетном дворе Иль уй-Муаззам. Невозможность рассмотреть начало второй строки аверса и окончание строк на оборотной стороне (вкпе с общеизвестным тезисом о том, что атрибуция джучидских дангов без полной реконструкции оттисков их штемпелей чревата ошибками) не позволили пока разметить этот тип в приведенном обзоре монет Гияс ад-Дина II, систематизированных по монетным дворам.

Изложенное выше заставляет нас рассматривать Гияс ад-Дина II не как «крупного и влиятельного феодала Среднего Поволжья», как в свое время делал А.Г. Мухамадиев [9, с. 134], а как золотоордынского хана, на определенном этапе весьма успешно боровшегося за верховную власть и контролировавшего обширные территории государства.

2. Авторы считают очевидным фактом, что данги, несущие на себе имя Гияс ад-Дина II, изготовлены из низкопробного биллона (часто с покрытием серебром) большим количеством штемпелей, что позволяет интерпретировать их эмиссию как чрезвычайную (военную). Это касается выпусков всех названных монетных дворов за исключением, возможно, болгарского. Констатированная низкопробность позволяет на нынешний момент отказаться от однозначного прочтения даты на монете на Рис. 5.1 как 820 и попыток ассоциировать эту эмиссию с Гияс ад-Дином I, который чеканил данги в 819 г.х с обозначением монетного двора Орду-Муаззам из гораздо более высокопробного серебра.

3. Как уже было показано, имя хана Гияс ад-Дином на его монетах могло писаться по-разному:

- غياص الدين (Булгар);
- غياص الدين (Махмуд Бек-Базар);
- غياص الدين (Орду-Базар);
- غيا (ث?) الدين س (ас-Сарай);
- غياث الدين (Хаджи-Тархан).

Известно что, в XV веке имена ханов на монетах могли писаться поливариантно [18, с. 27–29]. Это полностью относится, по мнению авторов, и к написанию имени суверена на монетах Гияс ад-Дина – т.е. с версией И.В. Евстратова о «Гийас ад-Дин Сар(?) хане – новом золотоордынском эмитенте XV в.» согласиться нельзя.

В завершение авторы высказывают искреннюю благодарность нумизмату-исследователю В.Е. Тишкину за оказанную помощь в подготовке статьи к печати.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаев А.Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов: Нумизматический сборник. Вып. IV. Т. 3. М.: Информелектро, 2002. С. 9–55.

2. Евстратов И.В. Гийас ад-Дин Сар(?) хан – новый золотоордынский эмитент XV в. // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2003. С. 91–93.
3. Евстратов И.В. Гийас ад-Дин Сар (?) хан – новый золотоордынский эмитент XV века // Полный текст доклада на 11-й Всероссийской нумизматической конференции в Санкт-Петербурге, 2003 г. Режим доступа: <http://archeologia.narod.ru/sarhan.htm>
4. Зайончковский Ю.В. Данги джучидского хана Дервиша чекана Орду // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 2. М.: Патриот, 2016. С. 135–141.
5. Золотая Орда в мировой истории: коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 968 с.
6. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 375 с.
7. Лебедев В.П., Клоков В.Б. Монеты с юго-восточных окраин Сарая // Татарская археология. Казань, 2001. № 1–2. С. 19–46.
8. Майко В.В. Кырк-Ерский клад городища Чуфут-Кале в Юго-Западном Крыму. К.: Академперіодика, 2007. 190 с.
9. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 166 с.
10. Мухамадиев А.Г. Два клада татарских монет XV века // Советская археология. 1966. № 2. С. 259–273.
11. Пачкалов А.В. О монетах «Бик-Базара» и «Тимур Бик-Базара» (Джучиды, XV в.) // Российская археология. 2007. № 2. С. 128–133.
12. Рева Р.Ю. Мухаммад-Барак и его время. Обзор нумизматических и письменных // Нумизматика Золотой Орды. Научный ежегодник. 2015. № 5. С. 80–104.
13. Рева Р.Ю. Сайид-Ахмад I и Гийас ад-Дин I (историография открытия, генеалогия, новообнаруженные монетные выпуски) // Нумизматика Золотой Орды. Научный ежегодник. 2014. № 4. С. 48–60.
14. Рева Р.Ю., Казаров А.А. Улус Джучи в 817–819 гг. Реконструкция событий с учётом новых нумизматических данных // Восточная нумизматика в Украине. Сборник публикаций. Часть 3. Улус Джучи, Крымское ханство и сопредельные государства в XIII–XVIII вв. / Под ред. К.К. Хромова. Киев: Логос, 2013. С. 60–75.
15. Рева Р.Ю., Леонов Б.И. В поисках Махмудов (первые 30 лет XV в.) // Двадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16–20 апреля 2019 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2019. С. 73–75.
16. Сабитов Ж.М. Мангытский юрт: от Мансура до Ваккаса // Научный Татарстан. 2013. № 2. С. 53–62.
17. Савоста Р.Ю. Монеты Хаджи-Тархана 813 – 831 гг. Серебряные и медные монеты Золотой Орды. Каталог. Николаев: Шамрай П.М., 2016. 112 с.
18. Савоста Р.Ю., Зайончковский Ю.В. Неизвестные страницы нумизматики Золотой Орды: азакские данги 814–820-х годов хиджры. Харьков: Коллегиум, 2015. 55 с.
19. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды [сост. и обраб. В.Г. Тизенгаузен, А.А. Ромаскевич, С.Л. Волин]. Том 2. Извлечения из персидских сочинений. Москва; Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1941. 307 с.
20. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
21. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме/ Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П. Юдина. Комментарии и указатели М.Х. Абусейтовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. С. 14–56.
22. Zayonchkovskiy Yuriy, Tishkin Vladimir Regarding the Issue of Personified Names of Mints on the Late Jochi Silver Coins // Актуальні проблеми нумізматик у системі спеціальних галузей історичної науки: тези доповідей V міжнародної науково-практичної конференції, 21–22 червня 2018 р. Меджибіж – Переяслав-Хмельницький – Кропивницький – Київ, 2018. С. 72–75.
23. zeno.ru – Oriental Coins Database. Режим доступа: <http://www.zeno.ru>

Сведения об авторах: Юрий Валентинович Зайончковский – доцент кафедры общественно-гуманитарных наук Харьковского национального университета строительства и архитектуры (Харьков, Украина). E-mail: zyv_kharkov@gmail.com

Владимир Гаврилович Шапошник – нумизмат-исследователь (Харьков, Украина). E-mail: mihhas24@rambler.ru

Татьяна В. Арзуманова – нумизмат-исследователь (Харьков, Украина).

COIN EMISSIONS OF THE LATE JOCHID KHAN GHIYAS AD-DIN II

Yuriy V. Zayonchkovskiy, Vladimir G. Shaposhnik, Tat'yana V. Arzumanova

Abstract. The article discusses the coin emissions of the Golden Horde Khan Ghiyas ad-Din II. The authors analyze historical and numismatic publications on the topic and publish (mostly for the first time) numismatic sources of the reign of Ghiyas ad-Din b. Shadibek. The article contains photographs, graphic reconstructions of stamps, reconstructions and translation of legends of this khan's coins, indicating the place of minting on their reverse – Bolghar, Il-ui-Muazzam, Mahmud Bek-Bazar, Ordu-Bazar, Sarai, Haji-Tarkhan. Dangs with Ghiyas ad-Din II's name are made of low-grade billon (often silver plated) with a large number of stamps, which allows interpreting their emission as extraordinary (military). The name of Ghiyas ad-Din Khan could be written differently on his coins. It is impossible to agree with the version that Ghiyas ad-Din Sar (?) Khan was the new Golden Horde emitent of the fifteenth century.

Numismatic sources make it possible to consider Ghiyas ad-Din II not as a great and influential feudal lord of the Middle Volga region, but as the Golden Horde khan who at some point very successfully fought for supreme power and controlled vast territories of the state.

Keywords: numismatics, Golden Horde, coin emissions, Ghiyas ad-Din II

About the authors: Yuriy V. Zayonchkovskiy – Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Kharkov National University of Construction and Architecture (Kharkov, Ukraine). E-mail: zyv_kharkov@gmail.com

Vladimir G. Shaposhnik – numismatist-researcher (Kharkov, Ukraine). E-mail: mihas24@rambler.ru

Tat'yana V. Arzumanova – numismatist-researcher (Kharkov, Ukraine).

ЗАГАДКИ «ТАМГИ МАМАЯ» (ПО МАТЕРИАЛАМ НУМИЗМАТИКИ)

И.Е. Алексеев

*Управление по взаимодействию с религиозными объединениями
Департамента Президента Республики Татарстан
по вопросам внутренней политики*

В статье рассматривается знак (символ) – так называемая «птицеобразная тамга», помещавшаяся на монетах (типах монет) Золотой Орды (Улуса Джучи) и «Мамаевой Орды» в XIV в. На основе анализа нумизматического материала делается предположение о том, что ему сознательно придавались черты птицы или некоего мифологического существа, обладающего признаками птицы (либо, одновременно, птицы и человека). С привлечением письменных источников обосновывается ранее выдвигавшаяся гипотеза о том, что «птицеобразная тамга» является тамгой эмира Мамая, принадлежавшего к роду Киятов, сульде («духом-хранителем») которого был сокол. Одновременно проводятся параллели между ней и мифологическими «птицебогами» и «птицами-предками» из разных культур, а также изображениями существ, помещавшимися на некоторых монетах (типах монет), отчеканенных в период поздней античности в Северном Причерноморье и в средневековой Руси.

Ключевые слова: Золотая Орда (Улус Джучи), «Мамаева Орда», монеты (типы монет), «птицеобразная тамга», эмир Мамай, сульде («дух-хранитель») рода Киятов, «тамга Мамая»

Исследователям, изучающим нумизматические памятники Золотой Орды (Улуса Джучи), хорошо известны монеты (типы монет) XIV в. с изображением загадочного знака (символа), который определяется как «птицевидная тамга» [18, с. 81], «трёхногая тамга с птичьей головкой» [3, с. 94–95], или – как «трёхзубцовая тамга с шипом у головки» [39, с. 55–56]. Отличительной чертой этой тамги является то, что в большинстве случаев она имеет ярко выраженный птицеобразный (орнитоморфный) или человекообразный (антропоморфный) вид.

Несмотря на ряд интересных предположений, сделанных в последнее время, значение, происхождение и принадлежность данного знака остаются не прояснёнными. Необычность самого образа, а также предполагаемая связь этого знака с известной исторической личностью Золотой Орды (Улуса Джучи) и средневековой Руси – золотоордынским эмиром, беклярбеком (темником) Мамаем (годы жизни – ок. 1330–1380), указывают на необходимость его более подробного изучения.

Помимо этого, обращают на себя внимание и другие монеты (типы монет), отчеканенные в период поздней античности в Северном Причерноморье (III – V вв.) и в средневековой Руси (XV в.), на которых также присутствуют изображения птицеобразных существ, что, вкупе с изучением других источников, наталкивает на предположение о возможной связи данных образов.

К сожалению, многие из опубликованных прорисовок монет носят неточный, искажённый или схематичный характер. В данной связи, в целях всестороннего изучения и сопоставления штемпельных изображений, мною была произведена дополнительная точная (детальная) прорисовка увеличенных снимков различных сторон ряда монет и надчеканов (как размещённых в сети Интернет – на тематических сайтах, так и находящихся в моём распоряжении).

«Верхнюю часть оной можно принять за голову птицы, а нижнюю за два ея крыла»

Известны следующие монеты (типы монет), на которых помещены изображения «птицевидной» («птицеобразной») тамги (в том числе, в виде надчеканов).

1. Тип медных монет (пулов) с надписью (легендой), содержащей имя хана Абдуллаха (Абдаллаха) (годы правления: в качестве хана «Мамаевой Орды» – с 1362, в качестве хана Золотой Орды, на Сарайском престоле, – с 1367 по 1369 или 1370). На лицевой стороне (аверсе) данного типа монет размещена арабографическая легенда: «Хан / Абдаллах / Да продлится его правление (царствие)», на обратной стороне (реверсе) – узор из четырёх пересекающихся и загнутых на концах вовнутрь линий, создающих посередине рамку (квадрат), в который заключена «трёхногая» тамга с «клювом», повернутым влево.

Описания этих монет (типа монет) с их прорисовкой содержатся, в частности, в статье Н.М. Фомичёва «Джучидские монеты из Азова» (1981 г.) – под №№ 132 и 133, а также – со ссылкой на неё – в каталоге Р.Ю. Савосты «Медные монеты Золотой Орды, Западная часть Улуса Джучи» (2013 г.) – в разделе «Чекан Азака» под № 19 (см. рис. 1: а – прорисовка лицевой стороны, б – прорисовка обратной стороны) [39, с. 49]. В первой из них значится: «Л[ицевая] с[торона]. Хан / Абдуллах / Да продлится его царствие. О[братная] с[торона]. Ромб с завитками на углах. В ромбе тамга» [43, с. 233], во втором: «А[верс]: Хан / Абдаллах / да продлится его правление. Р[еверс]: Тамга, орнамент [...]» [39, с. 49].

При этом, хотя Р.Ю. Савоста и разместил изображение и описание такой монеты (типа монет) в разделе «Чекан Азака», он указал там же, что «этот тип пулов массово встречается в Крыму, вероятнее всего крымский чекан». [39, с. 49]

В рамках означенного типа монет выявлены несколько разновидностей рисунков тамги и обрамляющего её узора, отличающихся мелкими деталями: степенью искривлённости «ножек» тамги (срединная из которых – всегда прямая – напоминает «туловище» птицеоголового существа, а две крайние – загнутые наружу – условные крылья или руки), наличием или отсутствием на «головке» тамги «хохолка», количеством и расположением точек в узоре и т.п. (см. рис. 2 и 3: а – снимки и б – прорисовки обратных сторон монет из моего собрания).

2. Тип медных монет (пулов), чеканившихся с легендой «Чекан ал-Джадид». В разных публикациях упоминаются монеты этого типа (отличающиеся мелкими деталями), которые датируются 772 (٧٧٢), 773 (٧٧٣), а также предположительно 774 (٧٧٤) и 777 (٧٧٧) годами хиджры (соответственно, 1370/1371, 1371/1372, 1372/1373 и 1375/1376 гг.), или не имеющие обозначения года. [39, с. 55–56; 43, с. 225, 233] Таким образом, они относятся ко времени правления второго хана «Мамаевой Орды» и Золотой Орды (Улуса Джучи) Мухаммада (Мухаммеда Булака) (годы правления: в качестве хана «Мамаевой Орды» – с 1370 или 1371 по 1380, на Сарайском престоле – с 1371 или в 1372, 1374–1375).

Место выпуска монет с легендой «Чекан ал-Джадид» точно не определено. «Начало выпуска пулов с легендой “чекан ал-Джадид” – “Новый чекан”, – указывает, в частности, Р.Ю. Савоста, – связано с правлением хана Абдаллаха. Выпуск осуществлялся на территории так называемой Мамаевой Орды, и после Абдаллаха продолжался при хане Мухаммеде, а затем – и при хане Токтамыше.

По датам выпуска эти пулы можно поставить в один ряд с монетами, на которых место выпуска указано как «чекан Орды». В этом случае получается не только общий хронологический ряд, но и общая территория выпуска этих монет. Можно заключить, что пулы чекана ал-Джадид чеканили на передвижных монетных дворах при временной ханской ставке, а также на монетных дворах крупных золотоордынских поселений.

Пулы 770-х г.х. массово встречаются на обширных территориях Нижнего Приднепровья, Северного Причерноморья и Приазовья». [39, с. 54]

На лицевой стороне (аверсе) монет данного типа в квадратной рамке с «петлями» на углах или без таковых, по сторонам которой расположены узоры из «узлов», либо «цветов» (в некоторых случаях – с добавлением точек), размещена арабографическая легенда – «Чекан / ал-Джадид / год / [...]» (или: «Чекан / ал-Джадид / [...] / год»), при этом написание годов в некоторых случаях – правильное, а в некоторых – «перевернутое»: «٧٧٧», «٧٧٣», «٤(?)٧٧», «٧٧٧(?)». На обратной стороне (реверсе) – также в квадратной рамке – с «узлами» на углах (иногда отличающимися в деталях), по сторонам которой расположены узоры из «узлов», завитков и точек, размещена «трёхногая» тамга с «клювом», повернутым вправо, вокруг которой наличествуют точки (в различном количестве и сочетаниях).

Описания монет этого типа с их прорисовками содержатся, в частности, в вышеуказанных: статье Н.М. Фомичёва – под № 134 и № 135 – 140 – и в каталоге Р.Ю. Савосты – в разделе «Чекан ал-Джадид» под №№ 5, 6, 7 и 8 (см.: рис. 4 – монета № 5, рис. 5 – монета № 7, рис. 6 – монета № 8: а – прорисовки сторон с изображением тамги, б – прорисовки сторон с легендой) [39, с. 55, 56].

При этом Р.Ю. Савоста определяет воспроизведённую тамгу как «трёхзубцовую тамгу с шипом у головки», хотя точная прорисовка некоторых монет этого типа наглядно свидетельствует о том, что это не «шип», а именно изображение птичьего клюва (см. рис. 7: а, б – снимки лицевой и обратной сторон, в – прорисовка обратной стороны монеты с легендой «Чекан ал-Джадид» из моего собрания). Помимо этого, помещённые на некоторых монетах данного типа изображения «птицеобразных тамг» имеют раздвоенную срединную «ножку».

3. Тип анэпиграфных (не имеющих надписей) медных монет (пулов), на одной стороне которых в обрамлении линий, «узлов», завитков и точек помещена «птицеобразная тамга» с выгнутыми боковыми «ножками» (имеющими направленные вверх и загнутые вовне «отростки»), а на другой стороне – сложный узор, состоящий, согласно описанию известного учёного-нумизмата Г.А. Фёдорова-Давыдова, «из двух пересекающихся розеток и множества точек» [42, с. 227].

Исследователи В.П. Лебедев и Э.Е. Кравченко в своей статье «Джучидский анэпиграфный пул с птицевидной тамгой на памятниках с Днепро-Донского междуречья» (2016 г.) отмечают, в частности, что «этот не редкий пул известен давно».

Его описание и прорисовку можно обнаружить уже в классической работе по золотоордынской (джучидской) нумизматике Х.М. Френа (1782–1851) «Монеты Ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных Мухаммеданских Династий в прибавлении...» (1832 г.) под № 358–361, где отмечается, что монета «без надписи, а только с разного рода украшениями», причём: «Одно из оных придало такой вид Тамге, что верхнюю часть оной можно принять за голову птицы, а нижнюю за два её крыла» (см. рис. 8: а – прорисовка стороны с изображением сложного узора, б – прорисовка стороны с изображением тамги). [45, с. 35, таб. IX (СССVIII)] Действительно, на приведённой Х.М. Френом точной прорисовке одной из разновидностей монет данного типа видно, что тамга превращена уже по сути в изображение «идущей» птицы, имеющей крупную голову с острым клювом.

Как отмечают В.П. Лебедев и Э.Е. Кравченко, монеты данного типа, «обычно в нескольких экземплярах», встречаются «на всех крупных и длительно существовавших средневековых центрах урбанизации в центральных регионах Золотой Орды» – в г. Булгаре (Болгаре), на Селитренном городище (предположительном месте расположения г. Сарай или г. Сарай-Бату), на Водянском городище (предположительном месте расположения г. Бельджамен), в г. Азаке, г. Маджаре, в Низовьях рек Днепра и Днестра, в Северном Приазовье и т.д. [18, с. 81–82]

При этом обращает на себя особое внимание многообразие вариантов начертания «птицеобразной тамги», которая изображена с левым или правым «поворотом» головки («клюв» направлен влево или вправо), различными изгибами боковых «ножек» («крыльев») и идущих от них отростков, с разной степени раздвоенностью срединной «ножки», различной толщиной образующих линий и т.д.

Необходимо отметить, что изображения «птицеобразной тамги» на монетах данного типа заметно отличаются от изображений на монетах двух ранее рассмотренных типов своей «художественной завершенностью» (рис. 9: а – снимок, б – прорисовка стороны монеты с изображением тамги, из моего собрания). Показательно также, что в ряде случаев срединная «ножка» тамги раздвоена настолько, что придаёт данному знаку (символу) вид идущего мифического существа с птичьей головой, прямым туловищем, «руками-крыльями» и «человеческими» ногами (см. рис. 10: а – снимок, б – прорисовка стороны монеты с изображением тамги, в – снимок, г – прорисовка стороны монеты с изображением сложного узора, из моего собрания).

В.П. Лебедев и Э.Е. Кравченко определяют указанную раздвоенность как «ласточкин хвост», отмечая, однако, что «для памятников Северного Кавказа (Маджар и Нижний Джулат)» характерен «вариант без чётко раздвоенного “ласточкина хвоста”» [18, с. 83] (см. рис. 11: а – прорисовка стороны с изображением тамги, б – прорисовка стороны с изображением сложного узора) [19, с. 471]. Вместе с тем, на некоторых монетах рассматриваемого типа, снимок одной из которых приводится в статье Е.Ю. Гончарова (см. рис. 12: а – снимок стороны с изображением тамги, б – снимок стороны с изображением сложного узора), явно обнаруживается идущее вправо «существо» (см. рис. 13: а, б – снимки лицевой и обратной сторон, в – прорисовка стороны монеты с изображением тамги, из моего собрания), у которого наличествует скорее не «ласточкин хвост», а «ноги».

То же самое можно сказать и об изображении на одной из монет, снимки которой помещены в «Базе данных восточных монет» «ZENO.RU» – в разделе джучидских (золотоордынских) монет, относимых к чекану г. Маджар и Северного Кавказа (с неидентифицированными монетными дворами) (см. рис. 14: а – снимок, б – прорисовка стороны монеты с изображением тамги, в – снимок, г – прорисовка стороны монеты с изображением сложного узора) [51]. Эта монета и ей подобные обсуждалась на Нумизматическом форуме «Исламская нумизматика» (Rasmircoins.ucoz.ru) в 2012 г. [32]

На основе сопоставления повторяющихся разновидностей рисунков с географией находок монет данного типа исследователь С.А. Бурковский выдвинул предположение о том, что анэпиграфный пул с «птицеобразной тамгой» мог чеканиться одновременно на разных монетных дворах, которое, в свою очередь, поддержали В.П. Лебедев и Э.Е. Кравченко, обратившие также внимание на метрологию пулов [18, с. 83]. С учётом этого отнесение Р.Ю. Савостой такового (с наиболее распространён-

ным начертанием) к «Чекану ал-Джадид» (см. рис. 15: а – прорисовка стороны с изображением тамги, б – прорисовка стороны с изображением сложного узора) [39, с. 56] представляется вероятным, но не исчерпывающим.

Известны также монеты данного типа с различными надчеканами: в том числе, с так называемым «малым порталом» («решёткой», «воротами») – стилизованным изображением крепости с тремя башнями, который наносился на монеты в генуэзской колонии Каффа (Феодосия) в Крыму. [8, с. 36–37, 63 (табл. 1, ил. 4)]

4. Тип анэпиграфных (не имеющих надписей) медных монет (пулов), на одной стороне которых (предположительно в рамке) помещена «птицеобразная тамга» с небольшим «клювом» (повёрнутым влево), выгнутыми боковыми «ножками» и раздвоенным «хвостом» (с завитками вовнутрь – к срединной «ножке» и несколькими точками около них), а на другой – четырёхконечный равносторонний крест в обрамлении и с «вкраплением» точек.

Снимки нескольких монет данного типа имеются в «Базе данных восточных монет» «ZENO.RU» – в разделе джучидских (золотоордынских) монет, относимых к чекану г. Маджар и Северного Кавказа (с неидентифицированными монетными дворами) [55; 56; 57] (см. рис. 16: а, в – снимки лицевой и обратной сторон, б, г – их прорисовки, из «Базы данных восточных монет» «ZENO.RU») [57]. Причём, там же указывается, что некоторые из монет этого типа были найдены на Северном Кавказе [55], а одна – в Западном Казахстане [57].

5. Надчеканы на серебряных монетах (дангах или дирхемах) времени правления хана Золотой Орды (Улуса Джучи) Узбека (годы правления: 1313–1341), воспроизводящие изображение «птицеобразной тамги». Большинство из монет, на которых нанесены данные надчеканы, содержит указание на место выпуска – «Чекан Крыма ал-Махруса» и датировано 720 (٧٢٠) годом хиджры (1320/1321 г.).

Как отмечает В.П. Лебедев: «Этот тип дирхема – самый массовый в чекане Крыма. Наряду с экз[емплярами] хорошего качества и безошибочными легендами встречается много монет грубого чекана с различными искажениями в легендах. Дирхемы 720 г.х. находились в обращении более 100 лет [...]» [17].

Целью нанесения надчеканов являлись узаконивание и продление срока хождения монет, отчеканенных от имени прежних правителей (ханов). «Надчеканы, – указывает В.П. Лебедев, – продлевали обращение старых дирхемов 720 г.х., к тому же сильно потёртых и существенно потерявших в весе, по новому курсу, очевидно разному с разными н[ад]ч[еканами]» [17].

При этом представляется, что в рассматриваемом случае надчеканы, воспроизводящие «птицеобразную тамгу», делали ранее отчеканенные и успевшие по большей части заметно «поизноситься» серебряные монеты законным платёжным средством на территории, контролируемой «носителем» данной тамги.

Как и в случае с медными монетами (типами монет), изображения «птицеобразной тамги» на надчеканах имеют несколько разновидностей: левый или правый «поворот» головки («клюв» направлен влево или вправо) (см. рис. 17 и 18: а – снимки, б – прорисовки сторон с надчеканом «птицеобразной тамги», из «Базы данных восточных монет» «ZENO.RU») [53; 54], различные изгибы боковых «ножек» («крыльев») (см. рис. 19: а – снимок, б – прорисовка стороны с надчеканом «птицеобразной тамги», из «Базы данных восточных монет» «ZENO.RU») [52], длина «клюва», отсутствие, наличие и расположение точек, и т.д.

Показательным также является то, что нередко на одной монете, рядом с надчеканом (или даже в одном с ним «поле»), воспроизводящим изображение «птицеобразной тамги», присутствуют другие надчеканы – в том числе надчекан, воспроизводящий один из вариантов арабографического слова «хан» (см. рис. 20: а – снимок, б – прорисовка стороны монеты с надчеканом «птицеобразной тамги» и надчеканом «хан», из моего собрания). Логичным будет предположить, что нанесение последнего означает нелегитимный «не ханский», или же переставший быть таковым, характер «птицеобразной тамги» (которую необходимо было «подтвердить» либо «перебить»), иначе не понятен смысл подобного рода «дублирующих» действий с надчеканами (смысловых повторов).

С учётом всего вышеизложенного можно предположить, что «птицеобразной тамге» (которую правильнее было бы определить как тамгообразный знак) сознательно придавались черты птицы или некоего мифологического (сказочного) существа, обладающего признаками птицы (либо, одновременно, птицы и человека).

Рис. 1

Рис. 2

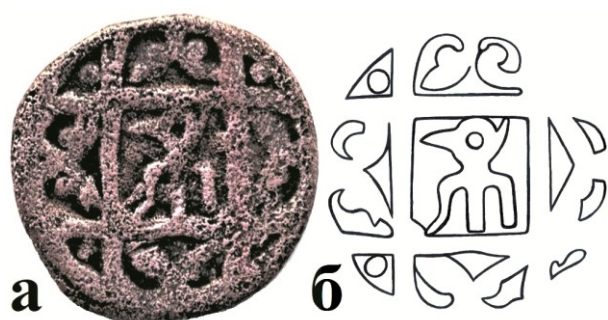

Рис. 3

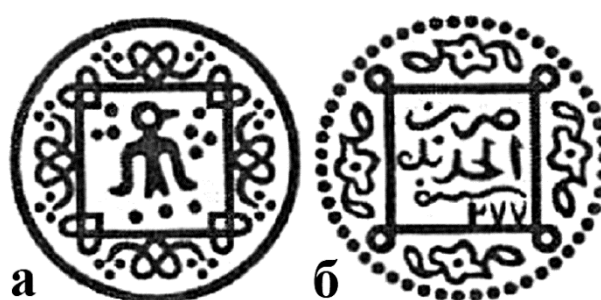

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

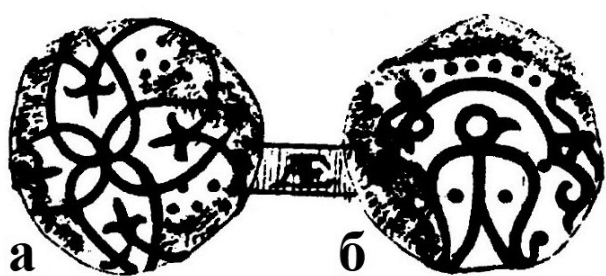

Рис. 8

Рис. 9

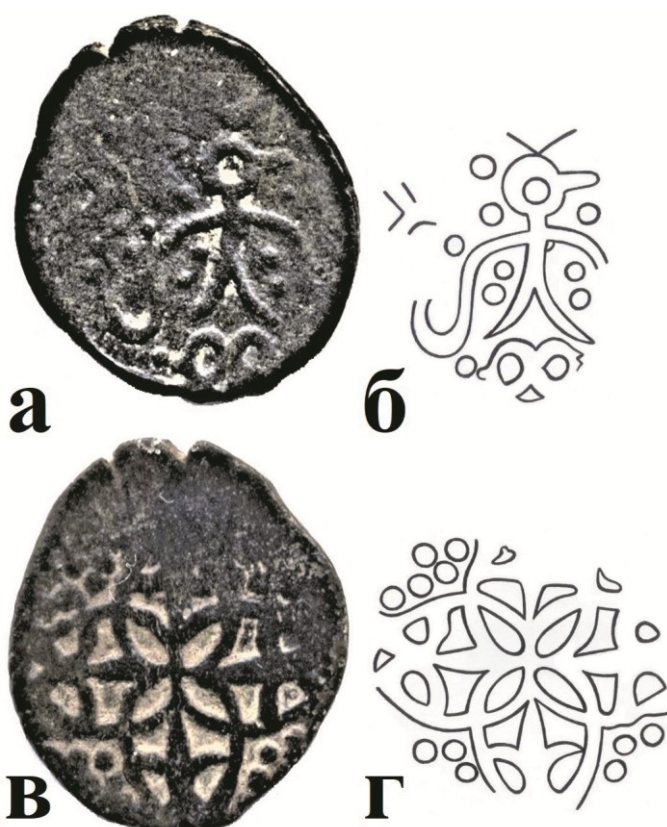

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

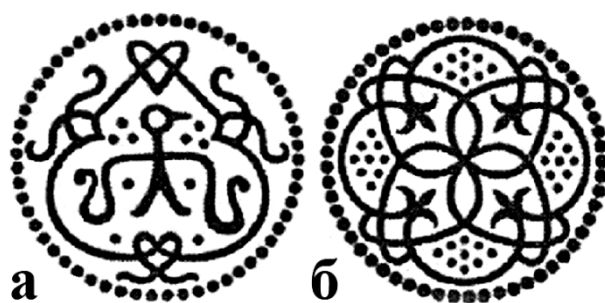

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Рис. 20

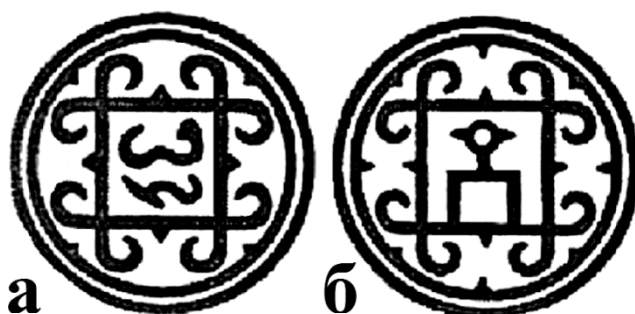

Рис. 21

Рис. 22

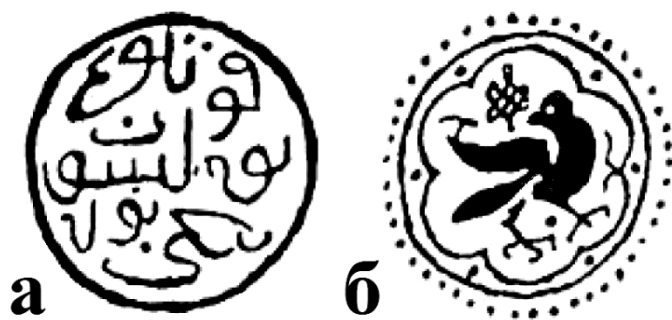

Рис. 23

Рис. 24

Рис. 25

Рис. 26

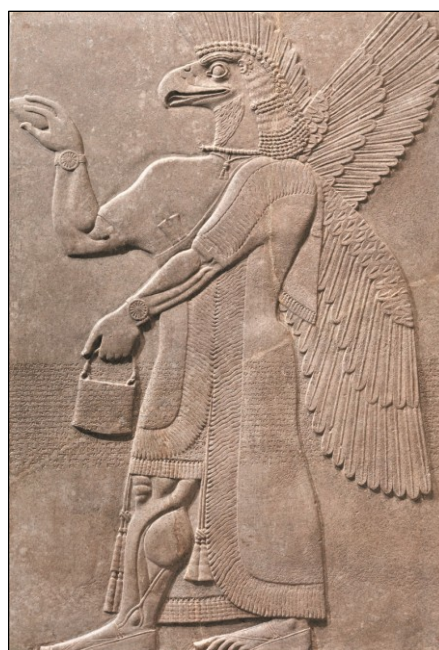

Рис. 27

Рис. 28

Рис. 29

Рис. 30

Рис. 31

Рис. 32

Рис. 33

Рис. 34

Рис. 35

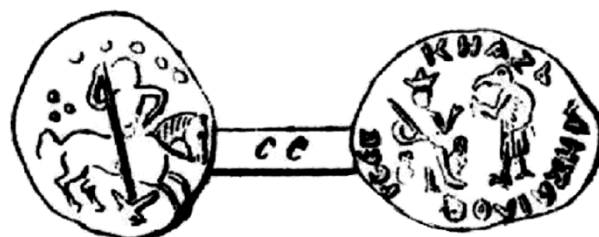

Рис. 37

Рис. 38

Справедливости ради следует отметить, что в разное время на золотоордынских (джучидских) и чагатаидских монетах также помещались «трёхногие» и «двуногие» тамги, похожие на «птицеобразную тамгу».

Одну из них («двуногую»), принадлежавшую, как предполагается, хану Золотой Орды (Улуса Джучи) Тула-Буге (годы правления: 1287 или 1288–1290 или 1291), Р.Ю. Савоста описывает как «тамгу с двумя шипами у головки» (см. рис. 19 – монета № 24 из раздела «Чекан Крыма»: а – прорисовка лицевой стороны, б – прорисовка обратной стороны) [39, с. 13]. Другую («трёхногую»), помещавшуюся на золотоордынских (джучидских) монетах (типах монет) предположительно в период правления того же хана, историк А.З. Сингатуллина в своём исследовании «Джучидские монеты поволжских городов XIII века» (2003 г.) характеризует как «тамгу с “усиками” на круглой головке». [41, с. 91]

Однако, помимо двух острых «шипов» с обеих сторон «головок» тамг, не идущих ни в какое сравнение с чётко выраженными «клювами» на рассматриваемой «птицеобразной тамге», иных признаков «птицеподобия» у таковых не имеется.

«Не иначе, что это вы – духом своего Киятского племени – являлись во сне моём и предрекали!»

В связи с изучением «птицеобразной тамги» неизбежно возникают вопросы, связанные с происхождением, значением и ролью восточных тамг вообще и монгольских в частности.

Кандидат исторических наук П.Н. Петров, обобщая имеющуюся на сей счёт научную литературу, указывает в своей диссертации «Нумизматическая история Чагатаидского государства 668/1270 – 770/1369 гг.» (2007 г.), что: «Тамги использовались многими народами на земле с древности. Тамга – это знак. И у разных народов эти знаки имели различное употребление. Таврами с изображением тамг помечался скот кочевым населением, тамги ставились на монетах, на пломбах [...], на кайраках [...], на межевых камнях, известны их изображения на печатях [...], а также на многих других предметах. [...] Знаки первоначально изображали тотемы – покровителей родов. Потеряв своё тотемное значение в ходе развития родовых, родоплеменных и межплеменных взаимоотношений, они могут быть переосмыслены и отождествлены с предметами окружающей действительности. Это переводит их в ранг пиктограмм [...]» [27, л. 60 – 61].

Венгерский и американский востоковед-монголист Дьёрдь Кара отмечал в своём исследовании «Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности)» (Москва, 1972 г.), что: «Тамги, знаки собственности, которыми скотоводы клеймили свой скот, также имели связь с магическими знаками, “приносящими счастье и защищающими от злых сил”. Среди тамг монголов встречались такие буддийские символы, как “три сокровища”, тибетские буквы, стилизованные китайские иероглифы, обозначающие счастье. Многие из этих знаков стали элементами орнаментики монгольских народов» [13, с. 89].

В процессе распада родовых связей тамги (как родовые знаки) преобразовывались сначала в общинные, затем – в семейные, потом – в личные, превращаясь, главным образом, в знаки собственности.

К.К. и И.К. Хромовы в статье «Элементы кочевнической протогеральдики на монетах Улуса Джучи (от Арала до Дуная)» делают вывод о том, что на золотоордынских (джучидских) монетах могут быть представлены все варианты знаков: «знак, как условное обозначение», «знак, как тамга, протогеральдический элемент» и «знак, как сакральный символ» [46].

Нумизмат-востоковед Е.Ю. Гончаров в статье «Тамги эмиров на пулах Улуса Джучидов, XIV–XV вв. (Постановка вопроса)» (2015 г.), обращая внимание на ряд типов медных золотоордынских (джучидских) монет (пулов), имеющих изображения «*нишанов* – тамг разных форм» (происхождение которых считается спорным), утверждает, что таковые являются тамгами влиятельных эмиров (амиров). Ссылаясь на установленные в процессе изучения нумизматических памятников случаи передачи в XIV в. права сикка (чеканки монет) некоторыми ханами-чингизидами – чагатаидами и джучидами – соответственно, амиру Тимуру (Гамерлану) и эмиру Ибрагиму, Е.Ю. Гончаров отмечает, что: «Наличие этих двух прецедентов позволяет поставить вопрос об осуществлении чеканки и другими золотоордынскими эмирами» [3, с. 94].

При этом, в первую очередь, он обращает внимание на «трёхногую тамгу с птичьей головкой», определяя её как тамгу эмира (беклярбека) Мамая, установившего в второй половине 1360-х гг. контроль над значительной частью Золотой Орды (Улуса Джучи), которая в современной историографии получила условное название «Мамаевой Орды».

Не будучи чингизидом (джучидом), Мамай не имел законного права занимать ханский престол и помещать своё имя – в качестве верховного правителя (хана) – на деньгах (монетах). Ещё в 1825 г. женеваский востоковед Ф.-Я. Соре упомянул о существовании серебряной монеты чекана Азака 763 (٧٦٣) года хиджры (1361/1362 г.) с именем Мамаю, которая затем была описана Х.М. Френом с прочтением арабографической легенды на лицевой стороне как «Мамай Хан, правосудный» [45, с. 20]. Однако до настоящего времени монет такого типа удалось выявить лишь считанные единицы. Помимо этого, не существует общего мнения по поводу правильности прочтения в легенде имени «Мамай» [26, с. 117–118].

Однако, как отмечает Р.Ю. Почекаев, даже если предположить правильность такового и принадлежность монеты Мамаю, «следует учесть, что монета датирована 1361 г. – временем глубочайшего политического кризиса в Золотой Орде». «Многие удельные правители, – уточняет исследователь, – были одержимы сепаратистскими устремлениями, и Мамай имел немалые шансы на создание независимого государства в Крыму. Упомянутая монета позволяет сделать такое предположение. Однако после 1361 г. Мамай ни разу не чеканил монет со своим именем, поскольку до конца своего правления и жизни последовательно поддерживал легитимных ханов из дома Бату – в отличие от Пулад-Тимура в Булгаре или Хаджи-Черкеса в Астрахани, чеканивших монеты с собственным именем» [30, с. 187–188].

Вместе с тем, практически безграничная власть Мамаю на подконтрольных ему территориях предполагала её провозглашение (обозначение) в той или иной форме, что проще и действеннее всего можно было сделать посредством размещения на монетах соответствующих легенд, либо знаков (символов).

«Первую группу монет, которую, на мой взгляд, возможно рассматривать как эмирскую чеканку, – пишет Е.Ю. Гончаров, – составляют пулы с *трёхногий тамгой с птичьей головкой*. Известны два их основных типа: чеканившийся в ал-Джадиде в течение десятилетия, начиная с 1370 г., и анэпиграфный, выпускавшийся в Азово-Днепровском регионе и на Северном Кавказе в 1360–1370-х гг. (точное время начала и окончания эмиссии не определяется) [...]. Указанные десятилетия известны в Золотой Орде как период правления в западной (от р. Волги) её части темника Мамаю, титулованного в письменных источниках как *эмир* и *беклярбек*. Номинальными султанами при нём были чингизиды Абдаллах и Мухаммад Туляк, но реальную власть осуществлял именно эмир Мамай, происходивший из Киятов, одного из самых влиятельных монгольских родов. На дангах с именами султанов, чеканенных в Азаке, орде, Сарае ал-Джадиде, Хаджи-тархане, Янги-шехре, тамги отсутствуют. На маджарских дангах 774 и 775 г.х. с именем хана Мухаммада стоит нишан другой формы. Выведение ханского знака из главных элементов монетного типа произошло при хане Узбеке (1312–1341) и после, до эпохи Великой Замятни, он нигде не фигурирует. Значение тамги восстановилось только при Мамае, и только на медных монетах, но это был знак уже другой формы, существенно отличающийся от тамги с дирхемов и дангов времён от Менгу-тимура (1267–1280) до Узбека. Таким образом, эмитентом пулов с *трёхногий тамгой с птичьей головкой*, вероятно, является эмир Мамай, получивший монетную регалию от ханов-чингизидов» [3, с. 94–95].

Рядом учёных (А.П. Григорьевым, В.В. Трепавловым, Д.М. Исхаковым, И.Л. Измайловым, И.В. Зайцевым и др.), на основании изучения выявленных источников, было установлено наличие родственных связей Мамаю с представителями тюрско-монгольского рода (племени) кият (кыйят), судьба которого самым непосредственным образом была связана с Крымом. Обобщая результаты их исследований, специалист по истории Золотой Орды (Улуса Джучи) Р.Ю. Почекаев своей работе «Мамай. История “антигероя” в истории» (2010 г.) делает однозначный вывод о том, что Мамай принадлежал именно к этому роду (племени), сделавшему к XIV в. Крым своим «доменом». По мнению Р.Ю. Почекаева, Мамай являлся внуком Исы б. Тулук-Тимура (которого он отождествляет с Исатаем киятом – «наместником Узбека в Синей Орде») и сыном Алибека б. Исы б. Тулук-Тимура («имя которого в более поздних исторических сочинениях трансформировалось в Алиш / Алаш / Алача-бек») [30, с. 29].

При этом известно, что сульде (сульдэ), то есть «духом-хранителем», рода (племени) кият (кыйят) являлся сокол. На данное обстоятельство – со ссылкой на средневековые монгольские (в русском переводе – «Сокровенное сказание» или «Тайная история монголов») и татарско-башкирские источники – указывают, в частности, современные исследователи – доктора исторических наук Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова (авторы известного труда «Империя Чингис-хана») [15, с. 182, 189, 208] и Д.М. Исхаков [11, с. 121–124; 12, с. 29].

Так, например, в «Сокровенном сказании» хонхиратский вождь Дай Сэчэн (Дэй-Сечен) говорит своему свату Есугэю (Есугаю): «Снился мне, сват Есугай, снился мне этою ночью сон, будто снишел (так в оригинале перевода. – И.А.) ко мне на руку белый сокол, зажавший в когтях солнце и луну. По поводу этого своего сна я говорил людям: Солнце и луну можно ведь видеть только лишь взглядом своим; а тут вот прилетел с солнцем и луной в когтях этот сокол и снишел (так в оригинале перевода. – И.А.) ко мне на руку, белый спустился. Что-то он предвещает? – подумал лишь я, как вижу: подъезжаешь, сват Есугай, ты со своим сыном. Как случиться такому сну? Не иначе, что это вы – духом своего Киятского племени – являлись во сне моем и предрекали!» [14, с. 86].

С учётом всего вышеизложенного, на мой взгляд, становится очевидным, что «тамга Мамаю» является упрощённо-схематическим изображением сульде рода кият (кыйят). Вместе с тем, нельзя не принимать во внимание и то обстоятельство, что в своей основе – без «птичьих украшений» – рассматриваемая тамга во многом тождественна тамгам различных монгольских (в частности, джучидских и чагатаидских) правителей (ханов), в связи с чем «птицеобразную тамгу» иногда определяют как «тамгу Абдаллаха» (в период правления которого она впервые появилась на монетах) или «тамгу и Абдаллаха и Мухаммеда» [31].

При этом необходимо вспомнить, что беклярбек Мамай, несмотря на своё собственное нечингизидское (неджучидское) происхождение, имел с «правящим домом» тесные родственные связи, будучи женатым на дочери хана Золотой Орды (Улуса Джучи) Бердибека (годы правления: 1357–1359) Тулунбек-ханум, от имени которой (выступавшей предположительно в качестве временной «регентши» золотоордынского престола) в 773 (᠑᠑᠑) году хиджры (1371/1372 г.) в «Сарае ал-Джадиде» чеканились медные монеты (пулы). Не имея возможности лично утвердиться на ханском престоле и посадить на него свою жену-чингизидку, кият Мамай вряд ли мог открыто «покуситься» и на символы (знаки) власти и собственности джучидов, каковыми и являлись их тамги, но вполне мог видоизменить их в целях узнаваемости собственных «родовых признаков». Исходя из этого, на мой взгляд, «птицеобразную тамгу» вполне можно считать одновременно и тамгой Абдуллаха (Абдаллаха), и тамгой хана Мухаммада (Мухаммеда Булака), и «тамгой Мамаю». Вероятно также, что в итоге «птицеобразная тамга» стала прочно отождествляться только с самим Мамаем и киятами, в связи с чем надчеканы на серебряных монетах, содержащие её изображение, впоследствии пришлось «перебивать» однозначными надчеканами «хан».

Следует отметить при этом, что изображения птицы, похожей на сокола, присутствуют на некоторых типах медных золотоордынских (джучидских) монет (пулов): типах пулов времени правления хана Токты (Тохты) чекана Крыма 690 (᠙᠑᠐) и 692 (᠙᠑᠒) годов хиджры (1290/1291 и 1292/1293 гг.) (шесть видов рисунков – по каталогу Р.Ю. Савосты «Медные монеты Золотой Орды. Западная часть Улуса Джучи») и 702 (᠑᠐᠒) года хиджры (1302/1303 г.) (три разновидности одного рисунка – по тому же каталогу) [39, с. 14 – 17]; одном из типов анонимных пулов чекана Крыма конца VII – начала VIII веков хиджры (конца XIII – начала XIV вв.) [39, с. 20]; одном из типов пулов времени правления хана Узбека – чекана Сарая 726 (᠑᠒᠙) года хиджры (1325/1326 г.) (см. рис. 22: а, б – снимки лицевой и обратной сторон, в – прорисовка обратной стороны монеты, из моего собрания); одном из типов анонимных пулов чекана Сарая 760-х – 770-х годов хиджры (1360-х – 1370-х гг.) [49; 50] (см. рис. 23: а – прорисовка лицевой стороны, б – прорисовка обратной стороны монеты) [33, с. (57) (№ 388)]; одном из типов анонимных пулов чекана Азака 787 (᠑᠕᠑) года хиджры (1385/1386 г.) [39, с. 51]; одном из типов пулов без указания места выпуска (предположительно чекана Крыма) [39, с. 31–32] и др.

Сакральный, покровительствующий образ сокола самым тесным образом связан со всем монгольским народом (народами) и непосредственно с основателем и первым Великим ханом Монгольской империи Чингисханом (Тэмуджином) (ок. 1555 или 1162–1227), и есть основания утверждать, что таковой изначально являлся одним из тамгообразующих элементов (по крайней мере, в отношении «трёхногий тамги»).

Вместе с тем, рассматриваемый птицеобразный знак, помещавшийся на монетах ханов «Мамаевой Орды», в силу своей выраженной аллегоричности, можно признать исключительными в своём роде. Причём, в связи с одновременным наличием у некоторых изображений «птицеобразной тамги» человеческих признаков («туловище», «ноги» и «руки») следует предположить, что изображаемый «дух-хранитель» представлял собой существо более сложного (высокого) порядка, чем «обычная» птица.

Как указывается в академической энциклопедии «Мифы народов мира» (1991–1992 гг.), сульде («дух», «жизненная сила») – это «в мифологии монгольских народов одна из душ человека, с которой

связана его жизненная и духовная сила», а сульде правителя «является духом-хранителем народа» [23, с. 475]. Иными словами, сульде были присущи также вполне определённые сверхъестественные, «божественные» свойства.

Птицелюди-птицебоги

Обожествление птиц, наряду с обожествлением целого ряда других представителей животного мира, свойственно практически всем культурам. Как отмечается в энциклопедии «Мифы народов мира»: «В различных мифопоэтических традициях П[тицы] выступают как непрменный элемент религиозно-мифологической системы и ритуала, обладающий разнообразными функциями. П[тицы] могут быть божествами, демиургами, героями, превращёнными людьми, трикстерами, ездовыми животными богов, шаманов, героев; тотемными предками и т.п. Они выступают как особые мифопоэтические классификаторы и символы божественной сущности, верха, неба, духа неба, солнца, грома, ветра, облака, свободы, роста, жизни, плодородия, изобилия, подъёма, восхождения, вдохновения, пророчества, предсказания, связи между космическими зонами, души, дитяти, духа жизни и т.п. Типология птичьих образов в мифах охватывает не только реально существующие виды П[птиц], но и фантастических П[птиц] (Анзуда в Месопотамии, Гаруды у индийцев, Симурга, Варагны у иранцев, летающего Танифы у маори, Руха у арабов, Страха-Раха, Стратим-птицы, Ноготь-птицы, Ворона Вороновича, жар-птицы в русской традиции), или существ гибридной природы (сфинкс, химеры, сирены, горгоны, Пегас, грифоны, анчутка и т.п.), обладающих признаками П[птицы] (крылья, перья, умение летать)» [10, с. 346].

Пожалуй, самыми известными «птицебогами» (или «богоптицами»), изображавшимися с птичьей головой, являются: многочисленные древнеегипетские боги – в частности, бог солнца Ра (Re) [36, с. 359], отождествлявшийся, помимо прочих, с богом-соколом (в ранней ипостаси – богом охоты) Гором (Хором) [35, с. 310], которые часто изображались в облике человека с головой сокола (см. рис. 24: изображение Ра-Гарахути на стеле ок. 1100 г. до н.э., хранящейся в Музее Лувра в г. Париже) [36, с. (358)], а также бог мудрости, счёта и письма Тот (Джехути), который обычно изображался в виде человека с головой ибиса (см. рис. 25: изображение бога Тота XIII в. до н.э. в храме Рамсеса II в Фивах /Египет/) [37, с. 521]; древнеиндийский царь птиц (в буддизме – сверхъестественная птица, вечный враг змей – наг) Гаруда, в котором сочетались черты человека и птицы (часто изображался существом с человеческим туловищем и орлиной головой, крыльями, когтями и клювом) [5, с. 266] (см. рис. 26: изображение Гаруды на рельефе из Культурного парка «Гаруда Вишну Кенсана» на о. Бали /Индонезия/); шумеро-аккадские и ассирийские божества, изображавшиеся в виде человекообразных птиц с орлиными или ястребиными головами и крыльями (см. рис. 27: изображение сверхъестественного существа на панели ок. 883–859 г. до н.э. из Северо-Западного дворца в г. Нимруд /Кальху/, хранящейся в Метрополитен-музее г. Нью-Йорк /США/) [58]. В христианстве также известны изображения евангелистов и святых в образе зверей и птиц (см. рис. 28: изображение из франкского «Геллазианского сакраментария» /«Sacramentarium gelasianum»/ ок. 780 – 800 г., хранящегося в Национальной библиотеке Франции в г. Париже) [59].

Весьма примечательно, что изображение Гаруды, по мнению Е.Ю. Гончарова, присутствует и на золотоордынских (джучидских) монетах (типах монет), которые большинство исследователей относят ко времени правления хана Тохтамыш (1380–1395). [2] При этом образ Гаруды предстаёт здесь скорее в буддийско-ламаистской ипостаси, вследствие чего многие нумизматы определяют данное изображение (сюжет) как «дракона со змеей» или «птицу со змеей». Такие изображения помещены на медных монетах (пулах) чекана «Сарая ал-Джадида», выпускавшихся с 776 (٧٧٦) года хиджры (1374/1375 г.) до, предположительно, 780 (٧٨٠) года хиджры (1378/1379 г.).

Как отмечается в энциклопедии «Мифы народов мира», Гаруда – это «популярный персонаж в фольклоре народов Центральной Азии и Южной Сибири (Хан Гаруди, монг[ольский] Хангарид, бурят[ский] Хэрдиг, калм[ыцкий] хэрд, алт[айский] Кереди, тув[инский] Херети, якут[ский] Хардай)» [5, с. 267]

Верования в «птицебогов» («птиц-предков»), нередко соседствовавших с «человеколосьями» и причудливо переплетавшихся с ними в загадочный культ «людей-лосей-птиц», были издревле присущи проживающим на европейской территории современной России финно-угорским народам, что, в частности, нашло своё отражение в изделиях так называемого «Пермского звериного стиля». Многочисленные литые изображения этих существ, найденные в Верхнем Поволжье, появившиеся уже в I тыс. до н.э., стоят в одном ряду с древнейшими памятниками из Малой Азии и Индии.

Следует отметить, что изображения многих этих сверхъестественных существ обнаруживают заметное сходство с «птицеобразной тамгой» с золотоордынских (джучидских) монет. Сюда можно отнести, например, медные и бронзовые птицевидные (птицеобразные) образы идолов из жертвенных мест, принадлежащие к т.н. Иткульской культуре горнолесного и лесостепного Зауралья и Приуралья VIII/VII – III вв. до н.э. (см.: рис. 29 – «орнитоморфные идолы» [20]; рис. 30 – «птицевидный идол», из частной коллекции [44]), изображение идущих человекообразных существ с острыми «клювами» на обломке бронзовой пластины – «собирающего» священного образа медведя 2-й половины I тыс. н.э., найденном в Ямало-Ненецком автономном округе (см. рис. 31) [1, с. 128], и т.п.

Весьма показательно, что изображения «птицелюдей» («птицбогов») присутствуют на современных гербах двух регионов Российской Федерации – Республики Коми (см. рис. 32) и Удмуртской Республики (см. рис. 33).

Как явствует из описания первого из них, размещённого на «официальном портале» Республики Коми, герб этого региона представляет собой «исполненное по мотивам пермского звериного стиля изображение золотой хищной птицы на красном геральдическом щите: на груди птицы – лик женщины в обрамлении шести лосиных голов». «В композиции “птица – человек – лось”, выполненной в стиле культового литья, – сообщается там же, – нашли отражение мифологические воззрения коми.

В традиционном толковании хищная птица с приоткрытыми крыльями является образом солнца, власти, верхнего мира. Лик женщины на груди птицы соответствует образу Зарни Ань (Золотой Бабы), жизнедающей солнечной богини, матери мира. Образ лося связан с идеей силы, благородства, красоты. В космологических представлениях он несёт в себе синтез гармоничного строения мира. Сочетание золотого и красного, положенное в основу цветового решения герба, символизирует в коми фольклоре утреннее, весеннее, теплое солнце, материнство и рождение. Наряду с этим, в современной общественно-политической трактовке красное поле (фон) означает деятельность, активность народа и власти, а в сочетании с формой щита может ассоциироваться с исторической судьбой коми народа, входящего в состав многонационального Российского государства. При этом сама фигура птицы с полураскрытыми крыльями приобретает форму креста, что может трактоваться как символ духовной и государственной власти» [4].

В статье 1 Закона Удмуртской Республики № 52-РЗ от 18 сентября 2002 г. «О государственном гербе Удмуртской Республики» указывается, в частности, что: «Обобщённый образ белого лебедя, или человеко-птицы, является символом возрождения, мудрости, мужества и совершенства. Его основа – мифология удмуртского, русского, татарского и других народов Удмуртской Республики.

Соляные знаки, по преданию, оберегают человека от несчастий. Большой соляной знак является земным воплощением оберегающих сил, малые – космическим» [9].

Призраки «идушего Марса» и «беседа» князя с «птичеловеком»

В данной связи, помимо золотоордынских (джучидских) монет с изображениями «птицеобразной тамги», обращают на себя внимание также некоторые другие нумизматические памятники, относящиеся к иным историческим эпохам и государственным образованиям, существовавшим на территории современной России.

Весьма примечательным в этом отношении представляется изображение, помещавшееся на одном из подтипов так называемых «таманских денариев» с «идушим Марсом» – «варварских подражаний» монетам Римской Империи, которые находят в основном в Северном Причерноморье – на Таманском полуострове. Как отмечает исследователь А.Я. Сергеев, «таманский денарий» – это «самая обильная и интересная варварская эмиссия на территории России» [40, с. 33].

Проблемы происхождения, принадлежности и распространения «таманских денариев» рассмотрены, в частности, в статье кандидата исторических наук М.М. Чорефа «“Монеты неизвестного народа”, или к вопросу об атрибуции “таманских денариев”» (2016 г.), отмечающего, в частности, что, по мнению разных исследователей, их чеканили «синды или какой-то иной кубанский этнос», «варвары, населявшие окрестности Керчи», славяне, «готы и родственные им германские племена», сармато-аланы или кельты [48, с. 81–82, 84].

Рассматриваемый тип биллонных и бронзовых «таманских денариев» (датируемых разными исследователями во временном промежутке III–V вв.: например, А.В. Орешниковым – IV–V вв., А.Я. Сергеевым – началом III – серединой IV вв. и т.д.) [40, с. 34; 48, с. 81–82], по мнению большинства авторов, несёт на себе подражательные изображения лицевой и обратной сторон распространённого типа монет с изображением идущего бога войны Марса (по мнению М.М. Чорефа – мифологического

героя Геракла) [48, с. 83] и профилем императора. При этом А.Я. Сергеев выделяет среди них два необычных даже для подражаний подтипа – «“Марс” с птичьим клювом» (голова развёрнута анфас – влево) (см. рис. 34: а, б – снимки лицевой и обратной сторон, в – прорисовка обратной стороны, из моего собрания) и «“Марс” анфас с бараньими рогами» (см. рис. 35: а, б – снимки лицевой и обратной сторон, в – прорисовка обратной стороны, из моего собрания). [40, с. 33–34]

Известно, что «варвары» (обычно упоминаемые под собирательным именем «кельты») нередко придавали на монетах подражаемым образам черты своих богов и героев, помещали на них священные знаки и изображения тотемных животных. [28] В случае с упомянутыми «таманскими денариями» – монетами-подражаниями «неизвестного народа», судя по всему, также имело место «замещение» римских (или греческих) богов божествами кельтского, готского, славянского или сармато-аланского происхождения. И если имя бога с птичьим клювом остаётся неизвестным, то по поводу «рогатого бога» можно предположить, что под таковым подразумевался Цернунн (или его местное подобие), известный у кельтов Галлии как господин подземного царства, связанный с циклами умирания и возрождения природы [38, с. 617].

В средневековой русской нумизматике, чрезвычайно богатой на разнообразные изображения сверхъестественных существ, также известен весьма загадочный сюжет, на котором присутствует «птичеловек» (причём не один, а в обществе самого князя). Речь идёт о серебряной монете (типе монет) Верейского княжества времени правления князя Михаила Андреевича (1432–1485), схожие описания которой содержатся во многих исследованиях и каталогах.

Так, в «Описании древних русских монет» А.Д. Черткова (1834 г.) значится (монета № 245): *«На одной стороне: всадник, скачущий направо, колет копьём голову змея. На другой: Князь на престоле с мечом, перед ним человеческая фигура с головою и ногами птичьими. Вокруг: КНАЗЬ МИХАИЛО [непонятный знак. – И.А.] РЪЕВ [...] Примечание. Странная фигура, кажется, подаёт что-то Князю: левая рука его протянута к ней»* (см. рис. 36) [47, с. 123, таб. XIX (12)]. Как «человеческую фигуру, с птичьей головою и ногами», протягивающую левую руку к князю (монета № 178), определил загадочное существо и граф Э.К. Гуттен-Чапский в своём труде «Удельные, великокняжеские и царские деньги Древней Руси» (1875 г.). [7, с. 39] Известный нумизмат А.В. Орешников в исследовании «Русские монеты до 1547 года» (1896 г.) также описал его как «фигуру с человеческим туловищем, но с птичьими головою и ногами», которая «протягивает руку» к «человеку (князю?) на сиделище», изображённому с «протянутою левою рукою и с мечом или жезлом в правой» (монета № 775). [24, с. 152, рис. 25 (629)]

В современном каталоге Д.В. Гулецкого и К.М. Петрунина «Русские монеты 1353–1533» (2013 г.) аверс данного типа монет описан под №№ 1413А – 1413D следующим образом: «Князь на троне → ← человек с головой птицы и кубком / Круговая легенда КНАЗЬ МИХАИЛО [(два непонятных знака. – И.А.)] ДРЪЄВНЪИ», реверс: «Св. Георгий → Голова змеи внизу». [6, с. 171]

Действительно, на прорисовках монет данного типа (см. рис. 37 и 38: а, б – снимки лицевых и обратных сторон, в – мои прорисовки лицевых сторон монет с сайта «Центральный Форум Нумизматов СССР») [21] видно, что напротив сидящего на «троне» в «княжеской шапке» («короне») князя (образа, хорошо известного по другим типам средневековых русских монет) изображено обращённое к нему – предположительно сидящее – человекообразное существо с круглой головой, имеющей длинный приоткрытый клюв, которое держит перед собой в полусогнутой «руке» (или, скорее, протягивает князю) кубок (чашу). При этом чётко прорисованы птичьи (четырёхпалые – с отставленным «задним» пальцем) ноги существа, на что указывали многие исследователи.

По сути, на данной монете (типе монет) изображена некая «встреча на высшем уровне», «беседа на равных» птицеобразного существа с «первым лицом» государства (княжества), что само по себе выглядит крайне необычно. Причём, князь изображён с протянутой к «предлагаемому» ему кубку (чаше) рукой, однако из-за схематичности изображения не представляется возможным понять – принимает он его или, напротив, отвергает.

На сайте «Центральный Форум Нумизматов СССР» предпринимались попытки объяснить природу (происхождение) этого сверхъестественного существа и смысл означенного действия: в частности, указывалось на его сходство с изображением древнеегипетского бога Тота, с ведическим богом Варуной, управляющим в древнеславянской мифологии человеческими судьбами (помощником Варуны является ворон), делались предположения, что этот «птичеловек» является олицетворением чумы или тем же вороном, который, «помимо прочих своих сказочных свойств, приносил живую и мёртвую во-

ду». [21; 22] Однако данные объяснения (прежде всего, по причине присутствия рядом с «птичеловеком» или «птицебогом» князя в полном облачении) представляются малоубедительными.

Вместе с тем, с учётом национально-религиозного состава населения Верейского княжества (где, помимо русских, проживало балтоязычное племя голядь и представители других народов), а также важных исторических событий, происходивших во время правления князя Михаила Андреевича (разорения г. Вереи литовцами в 1445 г. и его пленения после Суздальского сражения с войском хана Улу-Мухаммеда, вместе с Великим князем Московским и Владимирским Василием II, участия Верейского князя Михаила Андреевича в походе на г. Новгород и битве на р. Шелони в 1471 г. и т.п.), следует предположить, что рассматриваемый рисунок отражал реальное историческое событие, связанное с подписанием некоего договора (например, заключением мира) или соглашения с государственным образованием, народом (племенем), олицетворением которого служило данное существо.

Возможно также, что этот образ являлся прямой отсылкой к их языческой (или шире – нехристианской) природе (например, он мог напоминать о «татарском пленении» князя и его освобождении из него). Он вполне мог указывать на некоего правителя как на противоположность православно-христианскому князю. Так или иначе, появление на русском нумизматическом памятнике «птичеловека» или «птицебога», безусловно, не было случайным.

«Мамай же, видев беду свою, нача призывати боги своя Перуна и Савата, Ираклия и Гурса и великого своего пособника Магмета...»

В связи с последним обстоятельством и всем вышеизложенным относительно «птицеобразной тамги» представляется необходимым вернуться к личности беклярбека Мамаю и, в первую очередь, к вопросу о его религиозных воззрениях.

Хорошо известно, что в русских письменных «памятниках Куликовского цикла» Мамай часто называется язычником. Так, в основной редакции по Ермолаевскому списку «Сказания о Мамаевом побоище» XVI в. («ПОВѢСТЬ О ПОБОИЩИ МАМАЕВЫМ С КНЯЗЕМ ДИМИТРИЕМ ИВАНОВИЧЕМ ВОЛОДИМЕРСКИМ В ЛѢТО 6889, ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА 1381») говорится, в частности, что: «Попущением божиим, навождением диаволским воздвижеса царь от восточныя страны, именем Мамай, еллин сый вѣзлый х ,иконоборец ,идоложрец ,роюристианский укоритель» [25, с. 226]. В другом месте сообщается: «Мамай же, видѣв бѣду свою, нача призывати боги своя Перуна и Савата, Ираклия и Гурса, и || великого своего пособника Магмета. И не бысть ему помощи от них, силою бо святого духа, яко огнем, татарский полки пожигаются, рускими мечы посѣкаются» [25, с. 247]. Как отмечает Р.Ю. Почекаев: «По мнению исследователей, в “Сказании о Мамаевом побоище” Мамай вообще представлен волхвом-оборотнем» [30, с. 115].

Образ «поганого» Мамай присутствует в статьях Рогожского летописца и Симеоновской летописи («злочестивый ординский князь Мамаю поганый») [25, с. 9], Софийской I летописи старшего извода («сего оканнаго и безбожнаго, и нечестиваго и темнаго сыроядца Мамаю») [25, с. 32], «Задонщине» («поганый царь Мамаю») [25, с. 99] и других летописях и литературно-художественных произведениях. При этом очевидно, что большинство «определений», которыми их авторы награждали беклярбека Мамаю, носили обличительно-ругательный характер и преследовали цель показать его противохристианскую сущность.

В данной связи, если судить по именам «богов», которых, согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», призывал Мамай, не делалось особых различий между древнегреческим, монголо-тюркским и славянским «язычеством», с одной стороны, язычеством и исламом, с другой. Автор этого произведения, как полагают современные исследователи, упоминал: Геракла («Ираклия», «Ираклия», «Раклея», «Раклия»), что соответствует наименованию Мамаю «еллиным ... верою» (язычником в Евангельском значении); славянских богов Перуна, Хорса («Гурса», «Гурка»), в одной из летописных редакций – ещё и Мокоши («Мокоша») [29, с. 103]; пророка Мухаммеда («Магмета», «Махомета», «Махмета», «Бахметя», «Бахмета») и некоего Салавата («Соловата», «Савата», «Сауата», «Савита»), в одном из списков «Сказания о Мамаевом побоище» – «Кавата» [29, с. 150]), которого иногда отождествляют с арабским словом صلوات «благословение» (употребляемым в значении молитвенного восхваления пророка Мухаммеда), а иногда – в качестве некоего подобия бога Сварога у тюрков Поволжья.

Вместе с тем, в «Сказании о Мамаевом побоище» более поздней редакции – конца 1640-х гг. – Летописца князя И.Ф. Хворостинина имена «богов» были опущены: «И безбожныи царь Мамаю, –

сообщается там, – видево побѣду свою на себя, и нача призывати царь Момаи боги своя к себѣ на помочь, и не бысть ему помощи от них» [25, с. 288].

Учитывая это, многие современные исследователи решительно не приемлют версию о язычестве Мамаю, приводя в качестве доказательств того, что он был мусульманином, сведения о полученном им при рождении имени Мухаммад (или Султан-Муххаммад, с последующим прозвищем – «Кичиг», то есть «малый, маленький»), его предполагаемом месте погребения, совершённому по мусульманскому обряду (в захоронении в окрестностях «Старого Крыма» конца XIV в. – так называемой «могиле Мамаю»), а также упоминания о пророке Мухаммеде, к которому зывал Мамаю, почерпнутые из тех же критикуемых ими летописных источников и литературно-художественных произведений [30, с. 119].

Однако история Золотой Орды (Улуса Джучи) и других созданных монголами государств знает немало примеров того, как их правители (в том числе и главный насадитель ислама хан Узбек) [16, с. 70], несмотря на принадлежность к данной религии и громкие исламские титулы (звания) и «величания», сами были достаточно далеки от того, чтобы считаться «образцовыми» мусульманами.

Как отмечает, в частности, в своей статье «Ибн Баттута о тюркском исламе» (2014 г.) один из признанных специалистов по истории Золотой Орды (Улуса Джучи) М.Г. Крамаровский: «Узбек в стремлении ускорить процесс исламизации страны действительно умертвил множество шаманов и буддийских лам. После него среди правителей Золотой Орды уже нет чистых язычников. Однако тенгрианство как система верований остаётся. Оно очевидно в оформлении пайцз – официальных документов, вышедших из ханских канцелярий, начиная со времени Узбека и до времени Абдуллаха, мамаевского назначенца из рода Узбека. Здесь вместе с исламскими именами правителей остаются языческие символы и старые формуляры обращений с упоминанием Великого Неба, подтверждающие незыблемость парадигмы власти, сохранившейся неизменной со времени Бату. Ханафитская модель ислама, распространившаяся в Золотой Орде, способствовала утверждению терпимости к показной роскоши: в ставке Узбека пировали за золотыми и серебряными столами, ели с золотых блюд, а кара-кумыс разливался по золотым и серебряным кубкам. Сам нередко полупьяный, правитель имел обыкновение надолго запаздывать в учреждённую им же соборную мечеть к пятничной молитве». [16, с. 70]

Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что кият Мамаю, как типичный представитель «степной аристократии», даже являясь формально мусульманином, мог оставаться приверженцем и древних семейно-родовых культов (в духе религиозного синкретизма или «двоеверия»), одним из косвенных свидетельств чего является и «птицеобразная тамга».

В данной связи уместным было бы, по моему мнению, упомянуть также о достаточно любопытной «расшифровке» В.А. Романовым приведённого выше отрывка из «Сказания о Мамаевом побоище» с упоминанием «богов», к которым зывал беклярбек Мамаю. Обратив внимание на достаточно странное чередование и звучание их имён, этот исследователь пишет в своей статье «Об одном фрагменте “Сказания о Мамаевом побоище”» (2001 г.), что «в этом отрывке наличествует тайнопись, и его можно прочесть следующим образом»: «Согласно “Лексикону словеноросскому” Памвы Берынды начала XVII в., слово “Перун” означает “Гром”. В соответствии с “обратной” тайнописью слово “Салават” следует читать справа налево (с заменой русского “в” на латинское “б”) – “Табалас”, что значит “Таблица” (лат. – tabulae, греч. – τὰβλα, польск. – tabela). “И Раклиа” объединяется в одно слово – “Ираклиа”. Слово “гурс” означает “круг” (греч. γῦρος). Кроме “обратной” тайнописи в этом фрагменте использована также тайнопись “фигурная”, когда допускалось чтение “скачками” от буквы к букве и от слова к слову. Из сказанного следует, что слова “Перун” (“Гром”) и “Ираклиа” вместе означают “Громник Ираклиа”, а “Табалас” и “гурс” – “Таблица круглая”.

Такое прочтение рассматриваемого фрагмента подкрепляется материалом рукописей. “Громник Ираклиа” был известен А.Н. Пыпину, который издал его в 1862 г. под заглавием “Громник дванадцатимь месяцамь, събрано Ираклиемь царемь от звѣздозакониа” (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 762, XV в.). Этот “Громник” и ещё целый ряд громников с аналогичным названием приводит в своей книге “К истории Громника” В.Н. Перетц: “Громовникъ угатания имуще о звѣздочьтии извѣдени от Раклиа царя” (РГБ, собр. П.И. Севастьянова, № 43 (20), XV в.), “Kniga Gromnic, творение премудраго Ираклиа, царя перскаго” (из собр. Тверск. Музея, № 131 (3172), XVIII в.) и др. Как следует из книги А.И. Соболевского “Переводная литература Московской Руси”, среди переводов, сделанных в Московской Руси, существовали сборники астрологических статей. В одном из таких сборников XVIII в. (ГИМ, собр. Уварова, № 561 (1865)) находилась “Книга Громник, творение премудраго Ираклиа, царя перскаго” и “Tablica Pitagoresowa”, т.е. “Таблица Пифагора”. В “Сказании” “Таблица”

названа “круглой”. Но как следует из рукописи XVIII в. РНБ, Ф. III. 11 (л. 25 об.–26), где находится “Таблица философа Пифагора гадательная”, эта “таблица” действительно круглой формы [...].

На славянской почве “Громник” (предположительно византийского происхождения) известен с XIV в., значительная же часть его списков относится к XV–XVI вв. “Таблица Пифагора”, как считает А.И. Соболевский, – западноевропейского происхождения.

И “Громник”, и “Таблица Пифагора” – памятник гадательной литературы. “Громник” входил в индекс отреченных книг.

Таким образом, богами Мамаю оказались гадательные книги. Предстоит решить – какая связь между ними и Мамаем – главным героем “Сказания?” [34, с. 599].

Если принять доводы В.А. Романова, то можно считать, что здесь имел место скрытый намёк на то, что Мамай был не только «идоложрец», но и «чернокнижник», а это, в свою очередь, предполагает наличие у него, помимо прочего, определённых знаний в части использования тайных знаков.

Безусловно, столь зыбкое предположение не может служить основанием для сколь-нибудь серьёзных утверждений, но оно, по крайней мере, может стать одним из направлений для дальнейших поисков. Тем более, что монеты, относимые ко времени правления ханов «Мамаевой Орды», а также «наследовавшие» им монеты периода правления золотоордынского хана Тохтамыша, помимо «птицеобразной тамги» и её вероятных производных, несут на себе ещё немало загадочных знаков и изображений «неопознанных» животных.

Помимо всего прочего, обильный выпуск монет (типов монет) Золотой Орды (Улуса Джучи) и «Мамаевой Орды» с «птицеобразной тамгой», а также присутствие изображений похожих сверхъестественных существ на нумизматических памятниках Северного Причерноморья и средневековой Руси, соотносимых с памятниками материальной и духовной культуры славян, скифо-сарматов, финно-угров, балтов, тюрок, монголов и др., наводит на мысль об устойчивом бытовании на территории современных России, Украины, Белоруссии и сопредельных стран образа «птичеловека» («птицебога»). Корни этого необходимо искать в древних верованиях наших предков.

В данной связи возникает необходимость в осуществлении дальнейшего сбора и обобщения знакового материала, археологических и письменных источников о природе этих образов, что позволит более точно определить их происхождение, смысловое наполнение и причины использования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауло А.В. Предметы-загадки из археологических памятников и этнографических комплексов севера Западной Сибири // Наука из первых рук (г. Новосибирск). 2015. № 5/6 (65/66) (декабрь). С. (126) – 135.
2. Гончаров Е. Джучидские монеты в контексте тюркской и мусульманской культур [Электронный ресурс] // Сайт города Кунград: сайт. URL: <http://kungrad.com/history/st/moneti/> (дата обращения: 13.04.2019).
3. Гончаров Е.Ю. Тамги эмиров на пулах Улуса Джучидов, XIV–XV вв. (Постановка вопроса) // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2015 года. Памяти Нины Андреевны Фроловой (24.01.1936 – 20.10.2015). Москва, 30 ноября – 1 декабря 2015 г. Материалы докладов и сообщений. Москва: ФГБУК «Государственный Исторический музей», 2015. С. 93–97.
4. Государственный герб Республики Коми [Электронный ресурс] /// Государственные символы Республики Коми // О Республике Коми / Республика Коми (официальный портал): сайт. URL: http://tkomi.ru/left/info/gos_simv/gerb/ (дата обращения: 9.04.2019)
5. Гринцер П.А., Л.М., Неклюдов С.Ю. Гаруда // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1991. Т. 1. А – К. С. 266–267.
6. Гулецкий Д.В., Петрунин К.М. Русские монеты 1353–1533. Минск: УП «Рифтур», 2013. 511 с.: ил.
7. [Гуттен-Чапский Э.К.] Удельные, великокняжеские и царские деньги Древней Руси. Собрание Графа Э.К. Гуттен-Чапского. Санкт-Петербург (Санктпетербург): Типография Императорской Академии Наук, 1875. IV, 184, (1) с.
8. Евдокимов В.Н. Медные монеты генуэзской Каффы. Б.м. [«Отпечатано и издано в Канаде»], 2003. 111 с.: табл.
9. Закон УР «О Государственном гербе Удмуртской Республики» [Электронный ресурс] //// Герб /// Символика /// Республика // Главная / Официальный сайт Главы Удмуртской Республики и Правительства Удмуртской Республики: сайт. URL: <http://www.udmurt.ru/region/gerb/gerb/zakon/index.php> (дата обращения: 9.04.2019)
10. Иванов В.В., Топоров В.Н. Птицы // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1992. Т. 2. К – Я. С. 346 – 349.

11. Исхаков Д.М. В поисках истоков и смысла изображения двуглавых птиц (орлов) на золотоордынских монетах // Нумизматика Золотой Орды (Golden Horde Numismatics) (научный ежегодник). 2013. № 3. С. 120–127.
12. Исхаков Д.М. Клановая принадлежность «дома Чингиз-хана» (Алтын Урука) и его атрибуты (постановка проблемы) // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса; Казань, 14–16 февраля 2007 г. Т. II. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. С. (28) – 30. (Археология евразийских степей. Выпуск 2).
13. Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). Москва: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1972. 193, [3] с., [25] вкл. л. (Культура народов Востока: материалы и исследования).
14. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol-un niġuġa tobġuan. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник / Ответственный редактор: академик А.П. Баранников. Том I. Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии. Москва – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1941. 619 с.
15. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингиз-хана. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. 557 с.
16. Крамаровский М.Г. Ибн Баттута о тюркском исламе // Золотоордынское обозрение (Golden Horde Review). 2014. № 1 (3). С. 64–74.
17. [Лебедев В.П.] Серебряные монеты чекана г. Крым времени ханов Токта и Узбека (690–740 / 1291–1340) [Электронный ресурс] // Музей денег: сайт. <http://muzeydeneg.ru/research/serebryaniye-monetyi-chekana-g-kyim-vremeni-hanov-tokta-i-uzbeka-690-740-1291-1340/> (дата обращения: 26.03.2019)
18. Лебедев В.П., Кравченко Э.Е. Джучидский анэпиграфный пул с птицевидной тамгой на памятниках с Днепро-Донского междуречья // Нумизматика Золотой Орды (Golden Horde Numismatics). 2016. № 6. С. 81–86.
19. Лебедев В.П., Павленко В.М. Монетное обращение золотоордынского города Маджар // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 6. Донецк: Донецкий национальный университет, 2008. С. 415–486.
20. Макеев М. Некоторые аспекты орнитоморфного образа в культовой металлопластике народов Сибири и Урала [Электронный ресурс] // История и археология / Культурология.РФ (Kulturologia.Ru): сайт. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/120713/18542/> (дата обращения: 7.04.2019)
21. Монеты Василия Дмитриевича, Василия Тёмного и современные им (страница 11) [Электронный ресурс] // Избранные темы / Допетровская нумизматика / Центральный Форум Нумизматов СССР: сайт. URL: <http://coins.su/forum/topic/181036-monety-vasiliya-dmitrievicha-vasiliya-temnogo-i-sovremennye-im/?page=11> (дата обращения: 9.04.2019)
22. Монеты Василия Дмитриевича, Василия Тёмного и современные им (страница 12) [Электронный ресурс] // Избранные темы / Допетровская нумизматика / Центральный Форум Нумизматов СССР: сайт. URL: <http://coins.su/forum/topic/181036-monety-vasiliya-dmitrievicha-vasiliya-temnogo-i-sovremennye-im/?page=12> (дата обращения: 9.04.2019)
23. Н.Ж. Сульде // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1992. Т. 2. К – Я. С. 475.
24. [Орешников А.В.] Русские монеты до 1547 года. Описание составил хранитель музея А. Орешников // Императорский Российский Исторический Музей имени Императора Александра III. Описание памятников. Выпуск I. Москва: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1896. XX, 232, (3) с., XXI с. ил.
25. Памятники Куликовского цикла / Гл. ред. академик РАН Б.А. Рыбаков, ред. доктор ист. наук В.А. Кучкин. Санкт-Петербург: Институт Российской Академии наук; Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1998. 410, (1) с.
26. Пачкалов А.В. К вопросу об именных монетах Магая // Нумизматика Золотой Орды. Сборник научных статей. Выпуск 2. Казань: Издательство «ЯЗ»; Институт истории им. Ш. Марджани, 2012. С. 117–119.
27. Петров П.Н. Нумизматическая история Чагатаидского государства 668/1270 – 770/1369 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Казань, 2007. 379 л.
28. Платов А. Сакральные изображения на кельтских монетах [Электронный ресурс] // Школа Северной Традиции Нордхейм: сайт. URL: <http://www.nhs.sleipnir.ru/files/CCoins-pdf-1.pdf> (дата обращения: 8.04.2019)
29. Повести о Куликовской битве / Изд. подготовили М.Н. Тихомиров, В.Ф. Ржига, Л.А. Дмитриев. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1959. 511, (1) с., ил. (Академия наук СССР. Литературные памятники)
30. Почекаев Р.Ю. Магая. История «антигероя» в истории. Санкт-Петербург: ООО «Издательство «ЕВ-РАЗИЯ»», 2010. 288 с.
31. «Птицеобразная» триногая тамга (попытка разобраться со временем её нанесения) // Надчеканки на серебряных монетах // Монеты Золотой Орды – Наша Галерея // Форум Нумизматики Крыма [Электронный ресурс] / Портал Нумизматики и Истории Крыма: сайт. URL: <http://coins.ucoz.ru/forum/139-1204-1> (дата обращения: 31.03.2019)

32. Пул Мухаммада-Магая /// Монеты Золотой Орды /// Восточные монеты: обсуждение, помощь в определении // Нумизматический форум «Исламская нумизматика» / Исламская нумизматика (Islamic numismatics) – Rasmircoins.ucoz.ru: сайт. URL: <https://rasmircoins.ucoz.ru/forum/18-8214-1> (дата обращения: 24.06.2019)
33. Пырсов Ю.Е. Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения. Казань: Издательство Казанского университета, 2002. 64 с.
34. Романов В.А. Об одном фрагменте «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды Отдела древнерусской литературы / Российской академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Д.С. Лихачёв. Санкт-Петербург: Издательство «Дмитрий Буланин», 2001. Т. 52. С. (596) – 599.
35. Рубинштейн Р.И. Гор // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1991. Т. 1. А – К. С. 310–311.
36. Рубинштейн Р.И. Ра // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1992. Т. 2. К – Я. С. (358) – 360.
37. Рубинштейн Р.И. Тот // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1991. Т. 1. А – К. С. 521–522.
38. С.Ш. Цернунн // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1992. Т. 2. К – Я. С. 617.
39. Савоста Р.Ю. Медные монеты Золотой Орды. Западная часть Улуса Джучи. Каталог. Луганск: ООО ПЦ «Максим», 2013. 73, (1) с.
40. Сергеев А.Я. Таманский денарий // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Ярославль. 19 – 23 апреля 1999 г. Тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. А.С. Беляков. Москва: Издательство «Нумизматическая литература», 1999. С. 33–34.
41. Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII века. Казань: Издательство «Заман», 2003. 192 с.
42. Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. Москва: «Палеограф», 2003. 352 с. и 40 с. ил.
43. Фомичёв Н.М. Джучидские монеты из Азова // Советская археология. 1981. № 1. С. 219–241.
44. Фото 117 из 185 (обратная сортировка) /// Большой маленький мирь // Василь / Gallery.ru: сайт. URL: <http://alexandrov-vasil.gallery.ru/watch?ph=bzfs-e39cw> (дата обращения: 26.06.2019)
45. Френ Х.М. Монеты Ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных Мухаммеданских Династий в прибавлении; из прежнего собрания Г-на Профессора, Статского Советника и Кавалера К. Фухса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому Университету, с краткими объяснениями и указаниями Х.М. Френа (с восемнадцатью таблицами и четырьмя виньетами) / Пер. с немецкого М. Волкова. Санкт-Петербург: «Печатано в Типографии Императорской Академии Наук», 1832. XVI, 80, (17) с.: таб.
46. Хромов К., Хромова И. Элементы кочевнической протогеральдики на монетах Улуса Джучи (от Арала до Дуная) [Электронный ресурс] / Academia: сайт. URL: https://www.academia.edu/29158979/Элементы_кочевнической_протогеральдики_на_монетах_Улуса_Джучи_от_Арала_до_Дуная (дата обращения: 29.03.2019)
47. [Чертков А.Д.] Описание древних русских монет. Москва: «В Типографии С. Селивановского», 1834. X, (2), 224, (1) с., 28 (I – XX, A – H) табл.
48. Чореф М.М. «Монеты неизвестного народа», или к вопросу об атрибуции «таманских денариев» // Вестник Нижневартговского государственного университета. 2016. № 3. С. 80–88.
49. #9836: Bird to right type. ND. Pul. Anonymous issue. [Saray] mint // Anonymus pul of 760s – 770s // Saray // Lower Volga // Juchid (Khans of the Golden Horde), ca. 650–886 // ISLAMIC WORLD // Home [Электронный ресурс] / ZENO.RU – Oriental Coins Database: сайт. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=9836> (дата обращения: 17.03.2019)
50. #53095: Bird to right type. ND. Pul. Anonymous issue. [Saray] mint // Там же. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=53095> (дата обращения: 17.03.2019)
51. #98047: Imitation anepigraphic pul with three-dent tamgha // AE // Unidentified mints // Major and Northern Caucasus // Juchid (Khans of the Golden Horde), ca. 650–886 // ISLAMIC WORLD // Home [Электронный ресурс] / ZENO.RU – Oriental Coins Database: сайт. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=98047> (дата обращения: 24.06.2019)
52. #111978: 1 c/m. «Tamgha» // Countermarked // AR // Uzbek 712–741 // Qrim // Black Sea region // Juchid (Khans of the Golden Horde), ca. 650–886 // ISLAMIC WORLD // Home [Электронный ресурс] / ZENO.RU – Oriental Coins Database: сайт. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=111978> (дата обращения: 28.03.2019)
53. #140100: 1 c/m. «Tamgha» // Countermarked // AR // Uzbek 712–741 // Qrim // Black Sea region // Juchid (Khans of the Golden Horde), ca. 650–886 // ISLAMIC WORLD // Home [Электронный ресурс] / ZENO.RU – Oriental Coins Database: сайт. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=140100> (дата обращения: 28.03.2019)
54. #161397: 1 c/m. «Tamgha» // Countermarked // AR // Uzbek 712–741 // Qrim // Black Sea region // Juchid (Khans of the Golden Horde), ca. 650–886 // ISLAMIC WORLD // Home [Электронный ресурс] /

ZENO.RU – Oriental Coins Database: сайт. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=161397> (дата обращения: 28.03.2019)

55. #164368: Two tamghas anepigraphic type // AE // Unidentified mints // Major and Northern Caucasus // Juchid (Khans of the Golden Horde), ca. 650–886 // ISLAMIC WORLD // Home [Электронный ресурс] / ZENO.RU – Oriental Coins Database: сайт. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=164368> (дата обращения: 24.06.2019)

56. #169407: Two tamghas anepigraphic type // AE // Unidentified mints // Major and Northern Caucasus // Juchid (Khans of the Golden Horde), ca. 650–886 // ISLAMIC WORLD // Home [Электронный ресурс] / ZENO.RU – Oriental Coins Database: сайт. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=169407> (дата обращения: 24.06.2019)

57. #212653: Two tamghas anepigraphic type // AE // Unidentified mints // Major and Northern Caucasus // Juchid (Khans of the Golden Horde), ca. 650–886 // ISLAMIC WORLD // Home [Электронный ресурс] / ZENO.RU – Oriental Coins Database: сайт. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=212653> (дата обращения: 24.06.2019)

58. Relief panel, ca. 883–859 B.C. [Электронный ресурс] // The Met Collection / The Metropolitan Museum of Art: сайт. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/322614> (дата обращения: 5.04.2019)

59. Sacramentarium gelasianum [Sacramentaire gélasien, dit de Gellone (Saint-Guilhem-le-Désert)] [Электронный ресурс] // Gallica / Bibliothèque nationale de France: сайт. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b60000317/f92.item.zoom> (дата обращения: 7.04.2019)

Сведения об авторе: Игорь Евгеньевич Алексеев – кандидат исторических наук, главный советник Управления по взаимодействию с религиозными объединениями Департамента Президента Республики Татарстан по вопросам внутренней политики (Казань, Российская Федерация). E-mail: alekse-igor@yandex.ru

RIDDLES OF THE “MAMAI’S TAMGHA” (BASED ON NUMISMATICS)

Igor’ E. Alekseev

Directorate for interaction with religious organizations,
Department of the President of the Republic of Tatarstan on domestic policy

The article discusses the sign (symbol) – the so-called tamgha in the form of a bird, placed on coins (coin types) of the Golden Horde (Ulus Jochi) and “Mamai Horde” in the fourteenth century. Based on the analysis of numismatic material, the author makes the assumption that this tamgha was consciously given the features of a bird or some mythological creature with the characteristics of a bird (or, at the same time, a bird and a man). Using written sources, the author substantiates the earlier hypothesis that tamgha in the form of a bird is the tamgha of amir Mamai, belonging to the Kiyat clan, whose *sulde* (“spirit-patron”) was the falcon. At the same time, parallels are drawn between it and mythological “birds-gods” and “birds-ancestors” from different cultures, as well as images of creatures that were placed on some coins (types of coins) minted in the period of late antiquity in the Northern Black Sea region and in medieval Rus’.

Keywords: Golden Horde (Ulus Jochi), “Mamai’s Horde”, coins (coin types), tamgha in the form of a bird, amir Mamai, sulde (“spirit-patron”) of the Kiyat clan, “tamgha of Mamai”

About the author: Igor’ Evgen’evich Alekseev – Cand. Sci. (History), Chief Adviser of the Directorate for interaction with religious organizations, Department of the President of the Republic of Tatarstan on domestic policy (Kazan, Russian Federation). E-mail: alekse-igor@yandex.ru

НАХОДКИ ДЖУЧИДСКИХ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ XV в. НА ТЕРРИТОРИИ ИСКИ-КАЗАНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

А.И. Бугарчев

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

О.В. Степанов

Всетатарское общество краеведов при Всемирном конгрессе татар

В своей статье авторы рассматривают нумизматические находки с территории Иски-Казанского археологического комплекса. Привлекается информация, опубликованная в литературе XIX–XX вв., исследуются находки XXI в. Установлено, что количество монет, чеканенных в 805–822 гг. не превышает 22 экземпляров. Сравнение кладов из Иски-Казани и из Малоатряского комплекса приводит авторов к версии о разновременности чеканки болгарских монет с именами ханов от Шадибека до Кадыр-Бирди и монет с именами Мухаммада и Гийас ад-дина.

Ключевые слова: дирхам, находки монет, монетный двор, Булгарский вилайат, Иски-Казань, XV в.

В начале XV в., с приходом к власти хана Шадибека, в Улусе Джучидов была проведена денежная реформа – так называемая «реформа Шадибека». В Булгарском вилайате первые дирхамы с именем нового правителя стали выпускаться с 805 г.х. [12].

После бегства Шадибека на Кавказ в Среднем Поволжье продолжилась чеканка «серебра» с именами последующих ханов: Пулада, Махмуда, Тимура, Джалал ад-дина, Кибака, Чекре, Дервиша, Кадыр-Бирди, «Мухаммада» (Хаджи-Мухаммада?). Все указанные правители чеканили монету со своим именем в Булгарском вилайате в 810–822 / 1407–1420 гг.

Однако до настоящего времени остаётся один главный вопрос, касающийся ордынской нумизматики XV в. – где находился монетный двор с топонимом «Булгар»? О том, что это не может быть Булгар XIII–XIV вв., свидетельствуют находки серебряных монет XV в. на территории Болгарского городища, а точнее, их отсутствие – здесь обнаружено не более одного десятка экземпляров. По мнению А.Г. Мухамадиева, дирхамы XV в. чеканились в Казани [8; 9, с. 139]. Однако данная точка зрения также не подтверждается нумизматическими находками.

Ещё одним местом чеканки называлась Иски-Казань, расположенная севернее современного города Казань, в Высокогорском районе Татарстана. Отсюда известны находки сотен джучидских монет XIV–XV вв. Но все ли ордынские монеты чеканились здесь? В какой период, какие типы? В поисках ответов на данные вопросы мы сначала разложили весь известный нумизматический фонд на отдельные блоки. Напомним, что ранее авторами уже были изданы работы, посвящённые находкам монет, чеканенных конкретно в XV в., на территории комплекса [13, с. 106–109; 2, с. 98–102; 1, с. 310–321; 5, с. 128–129; 3, с. 72–75].

Приведём опубликованные в XIX–XX вв. материалы о нумизматических находках в Иски-Казани.

Первая работа о монетах из Иски-Казани была издана в 1853 г. В статье священника П. Малова сообщались следующие сведения: «доставленные в Общество 4 из них [монет – А.И. Бугарчев, О.В. Степанов] весьма худо сохранились, и, по объяснению П.С. Савельева, принадлежат Хану Пуладу..., на одной сохранилось название места чеканки – Булгар» [7, с. 117, примечание]. Как следует из отчёта Императорской археологической комиссии за 1898 г., в Иски-Казани были найдены 3 серебряные золотоордынские монеты XV в., позже переданные в Казанский Городской музей [10, с. 70]. Летом 1904 г. памятник в однодневной поездке посетил П.А. Пономарёв, который приобрёл коллекцию предметов, в том числе 42 серебряные и 8 медных монет, чеканенных с именами ханов от Токтамышша до Улу-Мухаммада. По замечанию Р.Г. Фахрутдинова, «все эти находки происходили с городища» [17, с. 129–130].

С 1972 г. начались раскопки Иски-Казанского комплекса под руководством Р.Г. Фахрутдинова – в 1972, 1979 и 1981 гг. исследовалось городище, в 1976–1977 гг. – селище. Всего было найдено 77 джучидских монет – 75 серебряных и 2 медных. Из данного сбора 69 экземпляров относятся к XV в., 2 монеты – к XIV в., остальные точно не атрибутированы. В 18 случаях на монетах проставлено место чеканки Булгар, в одном – Новый Булгар (Булгар ал-Джадид), в 4-х случаях – Хаджи-Тархан, по 2 раза – Сарай (Новый Сарай) и Орду-Базар. С именем хана Мухаммада («Улу-Мухаммед») определено 16 экземпляров, с именем Гийас ад-Дина – 4 монеты, 2 экземпляра – с именем Мухаммад-Барака, по одному – Давлет-Бирди, Дервиша и Чекре. На остальных 44 экземплярах имена отсутствуют или не прочитаны. Все атрибуции проводил Герман Алексеевич Фёдоров-Давыдов [17] (однако из описания 77 монет, приведённого Р.Г. Фахрутдиновым, невозможно точно идентифицировать экземпляры, относящиеся к чеканке 805–822 гг.х. и выпущенные в Булгарском вилайате).

На 1983 год число находок возросло до 103 монет: «Общее количество джучидских монет за шесть лет раскопок составило уже 103 экземпляра, из которых три относятся к XIII в., три – к XIV в., а все остальные – к XV в.» [18, с. 181–182]. В отчёте за 1988 г. было указано, что в раскопе XVI обнаружены пять монет: Давлет-Бирди, 1428 г.; Гийас ад-дина; Улу-Мухаммада; неопределённая (все четыре – серебряные); медная с именем Хызра, Гулистан, 1360/61 г. Как подъёмный материал – анонимная медная монета Гулистана 1362/63 г. [19].

В результате археологических работ с участием А.А. Бурханова в Заказанье были найдены различные монеты, в том числе – в 1996 г. во внутренней части крепости Камаевского–1 городища найдены 10 серебряных и 1 медная джучидская монеты XV в. [4, с. 139–141].

Нами ранее были изданы следующие сведения: с территории Иски-Казанского археологического комплекса (далее – ИКАК) происходят не менее 17 монет с «солярным» знаком [1]; тип «Зарб / Сикка / Булгар» – 34 экземпляра [13]; 79 монет чеканки южных монетных дворов [2]; один пул XV в.. За последнее время были обнаружены ещё 3 монеты с «солярным» знаком и 4 дирхама типа «Зарб / Сикка / Булгар».

Для болгарских монет, найденных на территории ИКАК, составлена таблица.

Таблица 1

Находки монет XV в. с территории ИКАК. Чеканка болгарских монетных дворов

№	Эмитент	МД*	Время чеканки, г.х.	Вес, г	Примечание
1	Шадибек	Булгар	(805–810)	0,72	
2	Шадибек	Булгар	(805–810)	0,77	
3	Пулад	Булгар	(810–812)	Не сохранился	[7]
4	Пулад	Булгар «ал-Джадид»	(810–812)	0,79	
5	Пулад	«Раджан»	(810–812)	0,58	
6	Пулад	«Раджан»	(810–812)	0,66	
7	Пулад	«Раджан»	(810–812)	Не сохранился	
8	Пулад	Булгар	(810–812)	0,59	
9	Пулад	Не сохранился	(810–812)	0,65	
10	Тимур	Булгар	(813)	0,46	
11	Тимур?	Булгар	(813)	0,81	
12	Тимур?	Не сохранился	(813)	0,45	Обломана
13	Джалал ад-дин	Булгар	(814–816)	Не сохранился	
14	Кибак	Булгар	(816)	0,66	
15	Дервиш	Булгар	(818–822)	0,67	«Квадратный» почерк
16	Дервиш	Булгар	(818–822)	0,55	
17	Дервиш	Булгар	(818–822)	0,69	
18	Дервиш	Булгар	(818–822)	0,67	
19	Кадыр-Бирди	Булгар	(822)	0,63	
20	Кадыр-Бирди?	Булгар	(822)	0,36	Обломана
21	Кадыр-Бирди	Булгар	(822)	0,73	
22	Анонимная	Булгар	(822)	0,63	

* Здесь и далее МД означает монетный двор.

Готовя материал для данной таблицы, авторы обнаружили, что точно атрибутируемых болгарских монет, чеканенных в 805–822 гг., и найденных на территории комплекса, неожиданно мало. Исходя из приведённой выше таблицы, насчитывается всего 22 экземпляра с именами ханов от Шадибека до Кадыр-Бирди. Остаётся неизвестным состав комплекса в 103 экземпляра, собранный Р.Г. Фахрутдиновым в 1970-е – 1980-е гг. Не издан сбор в 11 монет А.А. Бурханова.

В то же время, к периоду после 822 г.х. относятся, по предварительным прикидкам, не менее 150 монет с именами Мухаммада, Мухаммада Барака, Гийас ад-дина, с непрочеканенным именем эмитента и с топонимом «Булгар», а также с «трёхногой» тамгой на оборотной стороне.

По нашему мнению, на территории Иски-Казани находился монетный двор, где чеканились монеты «Зарб Сикка Булгар» и с солярным знаком. В сумме находки монет данных двух типов составляют 58 экземпляров, что почти в два раза больше количества монет 805–822 гг.х.

Теперь рассмотрим клады монет XV века, найденные в Иски-Казани и в окрестностях.

1. Г. Иски-Казань, Казанский уезд, 1856 г. Атрибутировано 22 плюс 60 монет, старшая – Шадибека, младшая – Мухаммада и Ахмада (МД Хаджи-Тархан). МД – Булгар и южные [20, №194].

2. Д. Русский Урмат, урочище Чекмасы (в 3 км к юго-востоку от деревни). 1830-е гг. Крестьянин Егор Григорьев Воронин нашёл клад в кувшине, мелкие серебряные татарские монеты [7, с. 5; 16, №1428].

3. Г. Иски-Казань, Казанский уезд, 1850 г. Монеты 802–822 г.х. [20, №193]. МД не указаны.

4. Округа Камаевского городища, 2004 г. Кладик из 7 монет XV в. (после 822 г.х.) и одной серебряной накладки [15, с. 148–152].

5. Камаево, 2002 г. Около 1000 экз. монет XV в., в том числе русские монеты (из контекста следует, что большинство составляли джучидские монеты). Известно о трёх экземплярах: Юрий (1389–1434), Галицкое княжество – 1, Даниил (ок. 1400 – ок. 1425 гг.), Нижегородское княжество – 2 [11, с. 165, №34 а].

6. Камаевское городище, Высокогорский район, 2003 г. Клад из около 40 экз., в т.ч. 2 нижегородские денги Даниила Борисовича (1) и Юрия Дмитриевича (1) [14, с. 155, №12].

7. Высокогорский район, окрестности Камаевского городища, до 2002 г. Клад из примерно 60 экз. – около 40 золотоордынских (МД остались неизвестны) и более 20 русских монет [14, с. 155, №12 в].

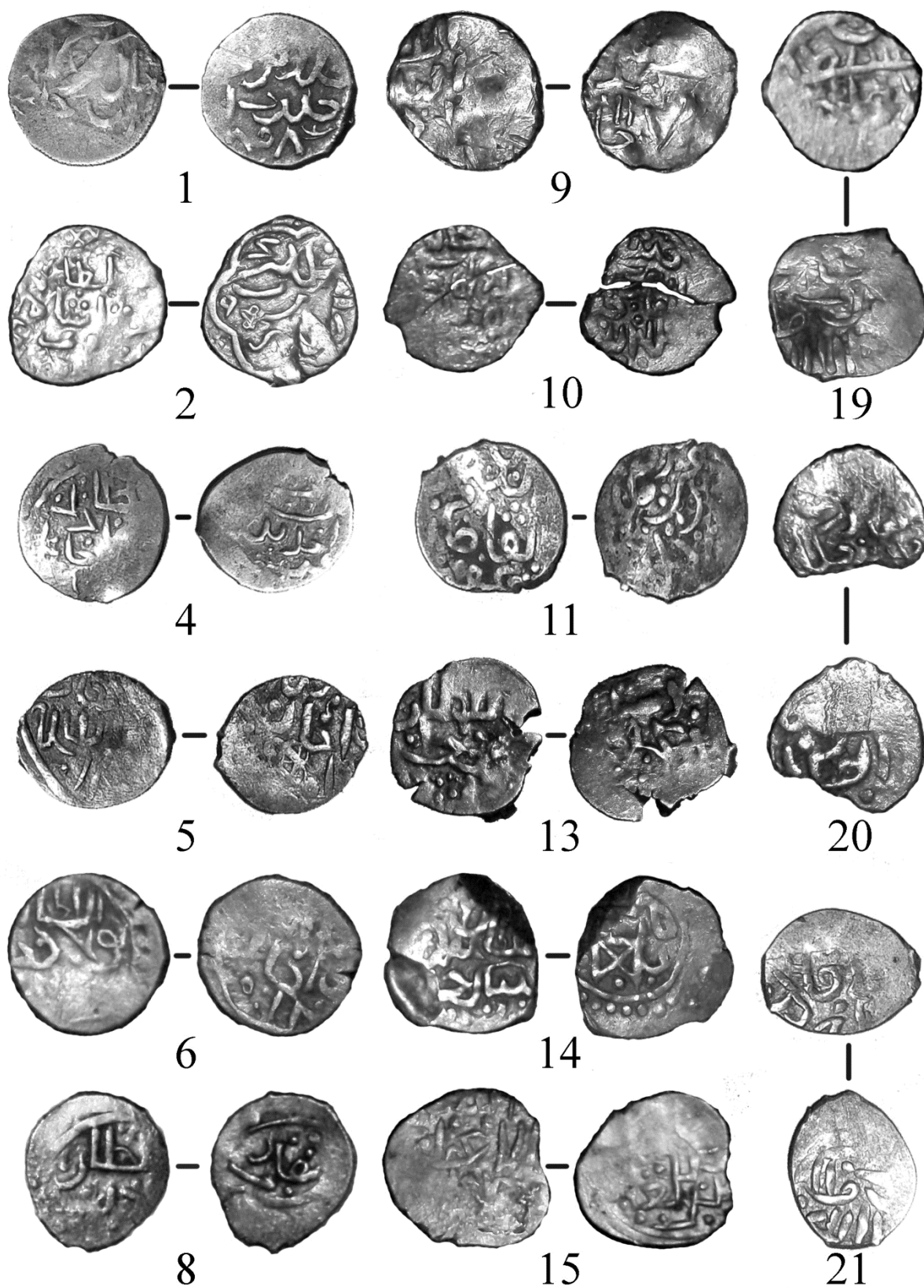
Из перечисленных семи кладов один включал в себя около 1000 монет, четыре клада – менее ста монет, у двух кладов количество осталось неизвестным. Для сравнения можно указать на Малоатрясский археологический комплекс (расположен в Тетюшском районе Татарстана), где было найдено восемь кладов с монетами первой четверти XV в. Нами была выявлена следующая закономерность – в атрясских кладах отсутствуют болгарские монеты, чеканенные после 822 г.х., то есть, монеты второй четверти IX в.х., в том числе с «трёхногой» тамгой.

При сравнении обоих нумизматических комплексов – Иски-Казанского и Малоатрясинского – возникла версия, что болгарские монеты первых двух десятилетий, с именами ханов от Шадибека до Кадыр-Бирди, чеканились на территории Малоатрясского комплекса, а монеты с именами Мухаммада и Гийас ад-дина 1420-х – 1430-х гг. могли выпускаться в Иски-Казани. Безусловно, нельзя исключать и такие археологические памятники с многочисленными нумизматическими материалами XV в., как Рождественский комплекс, Торецкое поселение, сборы с Войкинского комплекса.

Безусловно, это всего лишь рабочая версия. Авторы планируют подготовить к публикации нумизматический комплекс, относящийся к 1420-м – 1430-м гг. И только после этого возможно будет делать выводы о существовании в Заказанье монетных дворов.

Для дальнейшей работы необходимо также продолжать публиковать и изучать нумизматические находки со всех археологических памятников Татарстана.

Номера монет в фототаблице соответствуют номерам в таблице 1.

Фототаблица. Булгарские монеты из находок на территории ИКАК

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бугарчев А.И. Монеты XV века с солярным знаком // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 4. М.: РИА Внешторгиздат, 2017. С. 310–321.
2. Бугарчев А.И., Степанов О.В. Джучидские монеты ханов XV в. из находок на территории Иске-Казанского археологического комплекса (Татарстан) // Нумизматика Золотой Орды. №6. Казань, 2016. С. 98–102.
3. Бугарчев А.И., Степанов О.В. Находки монет русских княжеств из Иске-Казанского археологического комплекса // Сборник материалов III–IV Региональной научно-практической конференции «Болгарский музей-заповедник – хранитель культурного наследия». Казань: ООО «Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2018. С. 72–75.
4. Бурханов А.А. Новые археологические исследования в Закавказье и Казани (предварительное сообщение) // Tatarica. 1997/ 1998. №1. Казань, 1997. С. 137–144.
5. Емельянов В.П. О топографии находок монет XV в. с «солярным знаком» // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2017 года. Мат-лы докладов и сообщений. Москва, 23 и 24 ноября 2017 г. М.: РИА Внешторгиздат, 2017. С. 128–129.
6. Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времён до XVII в. I–V главы. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Машинопись с авторской правкой и подписью. Архив ИЯЛИ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 202, 203. На 433 листах (1960). Казань.
7. Малов П. Городище Старая Казань и город Арск // Записки Императорского Археологического общества. Том пятый. СПб., 1853. С. 116–123.
8. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Изд-во «Наука», 1983. 168 с.: XXI табл. ил.
9. Мухамадиев А.Г. Новый взгляд на историю гуннов, хазар, Великой Булгарии и Золотой Орды. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 159 с.
10. Отчеты Императорской Археологической комиссии. 1901.
11. Пачкалов А.В. Новые находки кладов золотоордынских монет // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Том 4. М.: Нумизматическая литература, 2004. С. 158–171.
12. Рева Р.Ю. Поштемпельный анализ болгарских монет Шадибека (новый взгляд) // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 511–539.
13. Степанов О.В., Бугарчев А.И. Об одной группе болгарских монет второй четверти XV в. // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2015 года. М., 2015. С. 106–109.
14. Тростьянский О.В. Монеты Великого Княжества Нижегородско-Суздальского 1410–1431 гг. М.: Нумизматическая литература, 2009. 180 с.
15. Тростьянский О.В. Монеты Казанского ханства. Монетный комплекс XV в. из окрестностей Камаевского городища // Нумизматика Золотой Орды. №4. Казань, 2014. С. 148–152.
16. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и её территория. Казань, 1975.
17. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984.
18. Фахрутдинов Р.Г., Кокорина Н.А. Исследования Старой Казани // Археологические открытия 1983 года. М.: Изд-во «Наука», 1985. С. 181–182.
19. Фахрутдинов Р.Г. Отчет о раскопках Старой Казани (Камаевское городище) в 1988 г. Казань, 1989. Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан, ф. 17, оп. 1, дело 52.
20. Фёдоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. 1960. С. 94–192: 5 карт.

Сведения об авторах: Алексей Игоревич Бугарчев – лаборант-исследователь Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: abugar.61@rambler.ru

Олег Витальевич Степанов – нумизмат-исследователь Всетатарского общества краеведов при Всемирном конгрессе татар (Казань, Российская Федерация). E-mail: Vorchun_65@mail.ru

**FINDS OF JOCHID SILVER COINS OF THE 15TH CENTURY
FROM THE TERRITORY OF ISKI-KAZAN ARCHAEOLOGICAL COMPLEX**

Aleksey I. Bugarchev

A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of Tatarstan Academy of Sciences

Oleg V. Stepanov

All-Tatar Society of Local History at the World Congress of Tatars

The article discusses numismatic finds on the territory of the Iski-Kazan archaeological complex and analyzing information in the literature of the 19th–20th century and finds of the 21st century. The authors use information in research literature of the 19th–20th centuries and analyze findings of the 21st century. It is established that the number of coins minted in 805–822 AH does not exceed 22 items. Comparison of the hoards from Iski-Kazan and the Maloatryassky complex indicates that the minting of the Bolgharian coins with the names of khans from Shadibek to Kadyr-Birdi and coins with the names of Muhammad and Ghiyas ad-Din took place at different times.

Keywords: dirham, finds of coins, mint, Bolghar vilayat, Iski Kazan, 15th century

About the authors: Aleksey I. Bugarchev – research assistant of the A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: abugar.61@rambler.ru

Oleg V. Stepanov – numismatist-researcher of the All-Tatar Society of Local History at the World Congress of Tatars (Kazan, Russian Federation). E-mail: Vorchun_65@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ТУЛЬСКОГО БАСКАЧЕСТВА**А.А. Майоров***Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева*

Цель исследования: выявление причин исчезновения ордынских управленческих структур Тульского баскачества. Материалы исследования: средневековые русские летописи – Воскресенская, Никоновская, Рогожский летописец. Договорные грамоты русских князей, результаты археологических исследований, результаты исторических исследований. Анализ полученного материала показывает, что прекращение существования «баскачества» могло быть вызвано ордынской Великой замятней второй половины XIV в., воздействием последствий эпидемии чумы («Чёрной смертью») контакты и последствиями военной атаки со стороны Великого княжества литовского и его следствием стало разрушение сложившихся здесь производственных и торговых структур, практически полная депопуляция региона.

Ключевые слова: Золотая Орда, управление землями, баскаки, Тульское баскачество, донской торговый путь, товарное ремесленное производство, Великая замятня, эпидемия чумы

Для изучающих историю Орды и особенностей её взаимодействия с русскими землями скорее всего известен небольшой, но загадочный сюжет, связанный с реальностью так называемого Тульского баскачества. Мелькнув в договоре великих князей московского Дмитрия Донского с рязанским Олегом Ивановичем под 1381 г. в виде «...место кн(я)зя великог(о) Дмитрия Ивановича на рязанской стороне Тулы, как было при ц(а)р(и)це при Таидуле и коли ее баскаци ведали», эти территории больше не фигурировали в письменных документах столь явно [7, с.344]. Приняв за основу факт существования ситуации, специалисты схватились в выявлении подлинного значения слова «ведали». Различные способы его толкования определяли его значение и как «управляли» и как «судили» и как «осуществляли фискальные функции» [8, с.31–32]. Для нас важно, что каждое из значений этих слов подразумевает исполнение функций, присущих управленческой системе в различных её вариантах, а уж в средние века, в ситуации единства большинства властных функций и их консолидации у одних и тех же полномочных лиц, подобные споры выглядят не столь актуально.

В данном случае стоит соглашаться с А.Н.Насоновым, который говорил, что в интересующий нас период времени Тула и прилегающие территории (далее мы увидим, что они протянулись полосой к югу и включили в себя современный Елец) «...были на особом положении, находясь в непосредственной зависимости от татар» [10, с.78, сноска 1]. Современные исследователи согласны с ордынской принадлежностью здешних мест и в момент, непосредственно предшествующий Куликовской битве [1, с.213–216].

Нельзя забывать и о практически полном молчании в письменных источниках о судьбе этих территорий с момента Кыпчакского похода монголов и до сражения войск Донского и Мамай, что, при наличии княжеской администрации и близости к Дону, издавна выступавшего в качестве важного торгового пути, выглядит несколько непонятно. Остаётся предполагать, что Рюриковичи всех кланов (черниговского, рязанского и др.) потеряли здесь прежний административно-территориальный контроль.

Археологи подтверждают, что в момент прихода монголов здесь были разрушены и не были восстановлены более десятка древнерусских городищ. Об этом можно узнать, просто пролистнув обе книги Археологической карты России, имеющие отношение к современной Тульской области [2, с.208–209, 221–222; 3, с.21–22, 22–23, 35–36, 62, 102, 122–123, 131, 151]. А ведь древнерусский город, как мы знаем, был не столько ремесленным и торговым, но, в первую очередь, военным, административным и идеологическим центром окружающей его волости.

Об идеологическом равнодушии говорит наличие признаков выполнения местными жителями явно языческих ритуалов при совершении захоронения, что подтверждено здесь археологическими находками М.И.Гоняного [6, с.149]. Крайне любопытны археологические же данные, говорящие о возникновении на этих землях новых славянских поселений, имеющих признаки наличия крупных и явно не соразмерных местным нуждам ремесленных производств [3, с.15–17, 87, 109–111]. Не вовлеченным в товарообмен и живущим преимущественно натуральным хозяйством крестьянам не на что покупать либо обменивать ремесленную продукцию.

Археологами же выявлено значительное (не менее чем в полтора раза) увеличение количества мастерских и сопровождающих их деятельность производственных инфраструктурных единиц, нацеленных на добычу, выработку и обработку железа [11, с. 9]. Для удовлетворения локальных потребностей подобная активность явно избыточна и реальным объяснением может быть выстраивание производства товарного, для удовлетворения внешнего спроса. Резкий рост (не менее чем в 4 раза) доли населения занятого железоделательным производством по сравнению с домонгольским периодом, говорит о принципиальном изменении ситуации [12, с.102–103]. Местное население, помимо непосредственно переработки железа, занималось и сопутствующими заготовкой и подработкой сырья и расходных материалов, необходимых для обеспечения бесперебойной деятельности указанных производств.

Логично искать торговые маршруты по Дону и по Волго-Окскому маршруту, что естественно в рамках единой ордынской административно-управленческой системы [6, с.204].

Производственная активность на поселениях, согласно результатам археологических исследований, была завершена в конце 60-х гг. XIV в. [6, с.209]. Тогда же наблюдается и резкая депопуляция региона, похожая на бегство местных жителей.

Изыскания Н.А.Тропина в елецкой округе демонстрируют аналогичные и синхронные процессы: постоянный рост числа памятников с конца XIII в., установление тесных торговых связей с Причерноморьем и Северным Кавказом, что подтверждает прочность торговых и экономических связей с прочими регионами Улуса Джучи [16, с.21, 31, 35].

Прямые аналоги сложившегося устройства мы можем наблюдать на территории Волжской Булгарии как домонгольского, так и ордынского периода, где существовали целые поселения и их группы, специализировавшиеся на производстве и переработке сырья, полуфабрикатов и готовых изделий [4, с.64; 5, с.232]. Обычно их называют ремесленными слободами. По всей видимости, такого рода комплекс и возник на Верхнем Дону, на территории под контролем баскаков.

Поняв суть явления, можно попытаться выяснить и причины его исчезновения. Традиционно его связывают с последствиями Великой замятни [6, с.209]. Не оспаривая важное значение этого политического катаклизма, сводить всё только к нему представляется поспешным.

Судя по всему, явно недооценённой является прямое и косвенное воздействие эпидемий чумы, проявившей себя в середине XIV столетия. Летописи упоминают её первый приход на ордынские причерноморские, прикаспийский и кавказские земли [13, с. 210]. Вскоре болезнь «ушла» в Западную Европу, не задев русские земли. Но торговые связи и экономические контакты, привязавшие производственные комплексы «Тульского баскачества» к ордынской торговой системе, она не задеть не могла. Опустошение территорий, гибель потенциальных потребителей и торговых партнеров, страх поддержания старых связей не могли не повлиять на продуктивность и прибыльность предприятий [11, 96].

Второй удар, таким образом, это – косвенные последствия «Черной смерти». Основным для производств и торговли явно выступал Донской торговый путь, принявший на себя главные негативные последствия эпидемии [17; 19].

Затем чума ударила прямо по местному населению. Летописи упоминают о море в Орде, Новосиле и Корчеве (вероятнее всего – современный поселок Чернава на притоке Дона р.Сосне) [15, стб. 73]. Баскачество как раз находилось между указанными точками.

Полное уничтожение и управленческой и производственной инфраструктуре принёс на эту землю победоносный поход великого князя Ольгерда в 1362 г. (возможно 1363), сопровождавшийся взятием всё того же многострадального Коршева [15, стб.75]. Прежняя управленческая структура территории была полностью уничтожена и к предпоследнему десятилетию XIV в., к моменту собственно Куликовской битвы, данная «территория становится незаселенной, что согласуется со сведениями текста «Хождение митрополита Пимена в Царьград» [6, с. 209].

Таким образом, причиной исчезновения Тульского баскачества и повторной депопуляции его земель, по всей видимости, выступает многофакторное комплексное воздействие, включившее в себя административно-управленческие, экономические и военные аспекты внешнего характера.

После Куликовского сражения 1380 г. эти земли вновь вошли в сферу административного контроля русских княжеств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и потомков. М.: Квадрига, 2011. 384 с.
2. Археологическая карта России. Под ред. Ю.А.Краснова. Тульская область. Часть 1. М.: Институт археологии РАН, 1999. 304 с.

3. Археологическая карта России. Под ред. А.В.Кашкина. Тульская область. Часть 2. М.: Институт археологии РАН, 2002. 272 с.
4. Бургачев А.И., Руденко К.А. Нумизматические находки с селища Чакма (р.п.Лаишево, Республика Татарстан) // Поволжская археология. 2013. № 4(6). С.64–78.
5. Валеев Р.М. Предметы внутренней торговли Волжской Булгарии в X–XIV веках (по археологическим данным) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 5: Археология и этнография. С. 225–234.
6. Гоняный М.И. Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й четверти XIV вв. района Куликова поля. Дис. ... к.и.н. М., 2003. 538 с.
7. Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М.: «Древлехранилище», 2003. 368 с.
8. Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы: Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. / А.В. Лаврентьев. М.: Квадрига, 2011. 256 с.
9. Макэведи Колин. Бубонная чума. В мире науки. 1988 №4. С.68–74
10. Насонов А.Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. 178 с.
11. Наумов А.Н. Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – середине XV вв. Автореф. дис. ... к.и.н. М., 2004. 16 с.
12. Наумов А.Н. Черная металлургия на древнерусских сельских поселениях Куликова поля. Краткие сообщения Института археологии/ Ин-т археологии РАН. Вып.220 / гл. ред. Н.А.Макаров. М.: Наука, 2006. С.101–111.
13. ПСРЛ. Т. 7. Воскресенская летопись. СПб.: тип-я Э.Праца, 1856. 356 с.
14. ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Тип-я И.Н.Скорородова, 1897. 258 с.
15. ПСРЛ. Т. 15. Изд. 2-е. Вып. первый. Рогожский летописец. Петроград. 1922. 132 с.
16. Тропин Н.А. Южные территории чернигово-рязанского порубежья в XII–XV вв. Автореф. дис. ... д.и.н. М., 2007. 44 с.
17. Хайдаров Т.Ф. Рубикон Золотой Орды. Золотоордынское обозрение 2016. Том 4, №2. С.314–335.
18. Emmeluth Donald. Plague. Philadelphia: Chelsea house publishers, 2005. 100 p.
19. Herlihy D. The Black Death and the Transformation of the West. New York: Harward University Press, 1997. 117 p.
20. Schamiloglu Uli. The impact of the black death on the golden Horde: politics, economy, society, civilization. Золотоордынское обозрение 2017. Том 5, №2. С.325–345.

Сведения об авторе: Анатолий Александрович Майоров – кандидат исторических наук, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Орел, Российская Федерация). E-mail: aamajorov@rambler.ru

ON THE CAUSES OF THE DISAPPEARANCE OF THE TULA BASQAQS

A.A. Mayorov

Orel State University named after I.S. Turgenev

Research objective: identification of the reasons for the disappearance of the Horde management structures of the Tula's basqaqship.

Research materials: Medieval Russian chronicles – Voskresenskaya, Nikonovskaya, Rogozhsky chronicles. Contractual charters of Russian princes, the results of archaeological research, the results of historical research.

Research results: An analysis of the material obtained shows that the end of the existence of the “basqaqship” could have been caused by the Horde's Trouble Times of the second half of the 14th century, the effects of the plague epidemic (“Black Death”) and the military attack by the Grand Duchy of Lithuania. The consequence of these factors was the destruction of production and trade structures and the almost complete depopulation of the region.

Keywords: Golden Horde, land management, basqaqs, Tula's basqaqship, Don Trade Route, commodity handicraft production, Trouble Times, plague epidemic

About the author: Anatoliy A. Mayorov – Cand. Sci. (History), Orel State University named after I.S. Turgenev (Orel, Russian Federation). E-mail: aamajorov@rambler.ru

**ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ВЛИЯНИЕ
НА РУССКУЮ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПРАВО XV–XVII вв.:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Р.Ю. Почекаев

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург*

Статья посвящена анализу представлений отечественных исследований о влиянии Золотой Орды (Улуса Джучи) на развитие государственности и права Московской Руси XV – XVII вв. Эта проблема привлекала специалистов самых различных наук и дисциплин – историков России, историков права, востоковедов, начиная с XIX в. и до настоящего времени. Некоторые авторы ограничиваются высказыванием самого общего мнения о степени влияния золотоордынской государственности и права на русскую, другие обращаются к анализу сфер правоотношений, которые, по их мнению, испытали такое влияние. Внимание ученых привлекали такие аспекты, как система органов власти и управления, административно-территориальное устройство, система и виды источников права, правовой статус различных социальных групп, система налогов, сборов и повинностей, а также иммунитетов, уголовно-правовые и семейно-правовые отношения. В процессе исследований авторы нередко демонстрируют либо знание только права Московской Руси или Золотой Орды, либо приверженность определенным стереотипам и установкам, которые не позволяют достаточно объективно провести анализ степени ордынского влияния на русскую государственность и право, приводят исследователей к противоречивым или неубедительным (предположительным) выводам. Также проблемой является одинаковая возможность заимствования Московской Русью одних и тех же государственных или правовых институтов как с Востока (из Золотой Орды), так и с Запада (от европейских соседей) – наряду с возможностью возрождения таких институтов из опыта Древней (домонгольской) Руси. Автор приходит к выводу, что на степень проработки тем или иным исследователем проблемы не влияла принадлежность его к исторической или историко-правовой науки или востоковедению – ее определяло наличие (или отсутствие) знаний как о золотоордынском, так и о русском праве, способность к объективным выводам, учету всех условий развития государственности и права в рассматриваемый период. Дальнейшее изучение ордынского влияния на русскую государственность и право, по мнению автора, невозможно без взаимодействия специалистов по истории, государству и праву Древней Руси, Золотой Орды и Московской Руси.

Ключевые слова: Московская Русь, Золотая Орда, тюрко-монгольское обычное право, государство и право Древней Руси, государство и право Московской Руси, история русского законодательства

История русско-ордынских отношений, безусловно, относится к числу наиболее популярных тем отечественной истории и уже на протяжении многих веков привлекает внимание исследователей. Одним из важнейших аспектов этой темы является влияние Золотой Орды на Русь (сначала удельную, затем – Московскую) в правовой сфере, и практически все историки русско-ордынских отношений, равно как и многие историки государства и права России, в той или иной степени обращались к его изучению.

При этом значительное число авторов ограничивается рассмотрением этого вопроса применительно к периоду собственно пребывания Руси в вассальной зависимости от Золотой Орды (в частности, В.В. Григорьев, М.Д. Приселков, С.Н. Жаров, А.А. Горский, Ю.В. Кривошеев, С.А. Маслова, И.И. Назипов, Ю.В. Селезнев и др.) сосредотачиваются на проблеме ордынского политико-правового влияния на Русь в эпоху вассальной зависимости русских земель от Золотой Орды. Наше же внимание привлекло отражение в отечественной историографии влияния ордынских правовых традиций на Московскую Русь уже пост-ордынского периода, т.е. в XV–XVII вв.

Надо сказать, что этой проблемой в той или иной степени занималось достаточно большое количество исследователей – представителей самых разных наук. Среди них – историки права (И.Д. Беляев, М.Ф. Владимирский-Буданов, Ф.И. Леонтович, Д.Я. Самоквасов, В.И. Сергеевич, В.В. Еремян, Э.В. Георгиевский и др.), историки России (Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев, Г.В. Вернадский и др.), востоковеды (С.С. Аверкиев, И.Н. Березин, А.П. Григорьев, В.В. Трепавлов и др.).

Считаем целесообразным проанализировать степень проработанности темы ордынского влияния на право Московской Руси на примере освещения специалистами отдельных аспектов этой проблемы.

Своеобразной «отправной точкой» дискуссии о степени влияния Золотой Орды на Русь (как в политическом, так и в государственно-правовом отношении) послужило небезызвестное утверждение известного отечественного историка Н.М. Карамзина о том, что своим величием Москва обязана ханам. Последующие историки России и русско-ордынских отношений считали своим долгом либо поддержать, либо опровергнуть это утверждение, порой даже не слишком задумываясь, что же имел в виду «последний русский летописец». При этом некоторые авторы (как правоведы, так и историки, и востоковеды) ограничиваются самыми общими выводами относительно влияния ордынских правовых традиций на московское право.

Целый ряд авторов отвергает какое бы то ни было влияние Золотой Орды на государственность и право Московской Руси в целом, приводя при этом самые разные обоснования своей позиции. Так, например, С.М. Соловьев объясняет отсутствие влияния тем, что монголы не стремились изменить политико-правовую систему Руси, а русские князья, в свою очередь, использовали ханов-сюзеренов как инструмент политической борьбы, также не пытаясь что-то заимствовать из ордынского опыта; все новые государственные и правовые институты и явления, возникшие на Руси в ордынский период и позднее, по мнению историка, «обнаруживаются независимо от монголов» [21, с. 192–193].

Востоковед И.Н. Березин полагает, что отсутствие значительных заимствований на Руси из ордынского правового опыта объясняется двумя причинами: во-первых, отсутствием постоянных контактов Руси и Орды, во-вторых – более низким уровнем развития русского общества, которое, по мнению исследователя, было просто неспособно эффективно использовать ордынские государственные и правовые институты [4, с. 97]. Аналогичной точки зрения придерживается и современный российский востоковед Д.Ю. Арапов [2, с. 84].

Прямо противоположная точка зрения высказана современным российским правоведом В.В. Еремяном: по его мнению, Золотая Орда не могла ничему научить Русь именно потому, что ее уровень политико-правового развития был намного ниже русского. Правда, единственным аргументом этого автора является то, что ордынцы были «скотоводами-кочевниками» – этот «неотразимый довод» исследователь приводит многократно на протяжении всего своего обширного трехтомного труда [14, т. 1, с. 138; т. 2, с. 6, 8, 122, 157; т. 3, с. 7, 27, 29]. Легко заметить, что приведенные мнения в большей степени опираются на некие стереотипы или даже эмоциональные оценки, поэтому не выглядят достаточно убедительными. В связи с этим более продуктивным представляется анализ мнений авторов, сосредоточившихся на более конкретных аспектах возможного влияния Золотой Орды на правовое развитие Московской Руси, и здесь мы можем сформировать более четкое представление о степени этого влияния. Для этого считаем целесообразным использовать не хронологический, а именно поаспектный подход, при этом обращая в необходимых случаях внимание не только на сами упоминания исследователями тех или иных проявлений ордынского правового влияния в Московской Руси, но и на убедительность приводимых доводов.

В первую очередь, остановимся на ордынском влиянии на систему органов власти и административно-территориальное устройство Московской Руси. С.С. Аверкиев полагает, что приказная система в Московской Руси стала складываться в качестве подражания золотоордынской системе диванов (своеобразных «министерств» при ордынских ханах); связывает он с ордынским влиянием появление институты государственной казны и должности казначея – вплоть до заимствования самих названий [1, с. 56, 64]¹.

В системе административно-территориального устройства ряд исследователей также пытается найти влияние Золотой Орды. Так, Г.В. Вернадский полагает, что десятичная система, широко использовавшаяся в Золотой Орде и распространенная на Русь, сохранилась в русских землях и после освобождения от ордынской зависимости. В качестве примера он приводит сохранение десятичной системы в Южной Руси в XV–XVI вв. [6, с. 229 и след.]. При этом исследователь не принимает во внимание, что такая система еще с эпохи раннего средневековья была широко распространена отнюдь не только в тюрко-монгольском мире, но также в славянских и германских государствах Европы.

¹ Своеобразное «доведение до абсурда» попыток обнаружить «ордынские корни» в московской системе управления являет собой работа американского русиста Д. Островски, который, в частности, даже должность тысяцкого (хорошо известную в домонгольской Руси) считает калькой с золотоордынского бекляри-бека (своего рода премьер-министра и военного министра при хане Золотой Орды) [17, с. 149].

Известный дореволюционный историк Н.И. Костомаров полагал, что появление вотчины также было связано с влиянием Орды на Русь и выводится из «пожалования» ордынскими ханами русским князьям их собственных княжеств в наследуемое владение. Впрочем, эта позиция еще в XIX в. вызвала критику со стороны выдающегося историка права М.Ф. Владимирского-Буданова [8, с. 190–191]. С.С. Аверкиев вслед за известным исследователем права восточных народов Ф.И. Леонтовичем полагал, что ордынским влиянием объясняется и возникновение системы кормлений в Московской Руси [1, с. 56].

Обращают исследователи внимание на заимствование отдельных видов источников права из Золотой Орды. Наиболее ярко это проявилось в факте использования ярлыков – указов, которые могли выдавать только ордынские (или иные тюрко-монгольские) верховные правители-ханы. Ученые указывают, во-первых, на то, что ярлыки самих золотоордынских ханов, выданные русской церкви, признавались источником права на Русь в XV–XVII вв. (в качестве таковых они фигурируют даже в сочинениях патриарха Никона) и даже задействовались в качестве основания защиты прав церкви перед светскими правителями [см., напр.: 9, с. 25; 11, с. 104–111]. Во-вторых, и сами русские цари выдавали ярлыки своим восточным вассалам – ногайским и сибирским правителям, а также одному хану-Чингизиду – Ураз-Мухаммаду, правителю небольшого Касимовского ханства, изначально созданного как вассальное образование по отношению к Московскому царству [19, с. 242–243, 334; 24].

К числу важных наблюдений отечественных исследователей следует отнести изменения в правовом статусе отдельных сословных групп русского населения под влиянием ордынских правовых традиций. Так, историк русского права И.Д. Беляев обращает внимание на тот факт, что в процессе обложения данью и другими налогами русских вассалов происходит стирание границ между привилегированной дружиной и земщиной (в чем он сам видит первый шаг на пути к будущему самодержавию) [3, с. 252–253]. Некоторые авторы склонны объяснять введение крепостного права в России также ордынским влиянием – правда, почему-то связывая его с переписями населения, активно применявшимися в эпоху ордынского сюзеренитета [см., в частности, 1, с. 51]².

Весьма противоречивой представляется позиция исследователей по поводу происхождения местничества в Московской Руси. Вышеупомянутый Ф.И. Леонтович прямо заявляет, что местничество пришло в Москву из Орды, в качестве основания указывая лишь «явное сходство» этого института с порядком рассаживания представителей монгольской знати на официальных мероприятиях (съездах-курултаях, пирах и пр.) [16, с. 268–269]. Неубедительность такого аргумента оказала влияние на С.С. Аверкиева, который по многим другим аспектам склонен соглашаться с Леонтовичем, однако в отношении местничества все же осторожно отмечает возможность заимствования этого института как из Орды, так и с Запада [1, с. 66–67]. Примечательно, что и Г.В. Вернадский, также отстаивавший точку зрения о многочисленных заимствованиях в русском праве из Орды, охарактеризовал местничество как московское пост-ордынское явление довольно нейтрально, без прямых утверждений об ордынском его происхождении [6, с. 376–377].

Большое внимание уделяют исследователи вопросам налогообложения в Московской Руси, нередко и в этой сфере обнаруживая заимствования из золотоордынского правового опыта и порой даже прямо говоря о преемственности налогово-правовой сферы Руси XV–XVI вв. от Золотой Орды [см., напр.: 22, с. 72–73]. К числу таковых, в частности, относится ясак (ясачный сбор), который взимался московскими царями, а затем – и российскими императорами с кочевых подданных вплоть до начала XX в. [1, с. 54]³.

Одним из наиболее известных ордынских налогов, безусловно, являлся торговый сбор тамга, заимствованный на Русь и положивший начало организации таможенного дела в России, где первые таможи появляются уже в конце XV в. [см., напр.: 15]. Однако этот налог прошел интересную эволюцию. Поначалу он использовался московскими властями исключительно в отношениях с пост-ордынскими государствами (Сибирским и Крымским ханствами, Ногайской Ордой и др.) [18, с. 15]. Непосредственно же на территории Московского государства тамга трансформировалась в целый ряд разнообразных торговых сборов – таких как поворотное, гостиное, порядное, отвоз, свальное. Явка, привязная пошлина, роговая, пятно. М.Ф. Владимирский-Буданов склонен объяснять эту тенденцию

² Стоит отметить, что и Г.В. Вернадский в свое время отметил существование «крепостного устава» у монголов эпохи Чингис-хана, приняв за «крепостное право» приписывание всего мужского населения к тому или иному воинскому подразделению [7, с. 121–122].

³ В частности, сибирские кочевые и бродячие «иностранцы» платили ясак «рухлядь», т.е. мехом, вплоть до 1917 г. [13, с. 256–271].

тем, что тамга была «ненавистна» русским, и они постарались избежать ее упоминания и употребления. Однако, продолжает исследователь, неэффективность новой системы вскоре стала очевидна, и уже в Торговом уставе 1653 г. вновь восстановили единый торговый налог, а в Новоторговом уставе 1667 г. разработали целую систему таможенных пошлин [8, с. 249].

Еще одним проявлением ордынского влияния С.С. Аверкиев считает существование системы откупов в налоговой сфере (печально известных на Руси по событиям 1250–1260-х гг. с участием откупщиков)–бесермен»). В качестве примера исследователь приводит откупы, существовавшие в питейном деле еще и в XVII в. [1, с. 55].

Помимо налогов, из Золотой Орды были позаимствованы и некоторые повинности. Наиболее известная из них, рассматриваемая целым рядом исследователей, была ямская повинность – обязанность содержания почтовых станций. В Московском государстве, как отмечает большинство исследователей, она появляется во второй половине XV в., что и является основанием считать ее заимствованием из Орды [8, с. 252; 12, с. 29–44; 20, с. 190]. При этом интересно отметить, что в эпоху Ивана Грозного натуральная повинность трансформировалась в очередной денежный налог – так называемые ямские деньги, на которые местное население фактически содержало «ямских охотников», т.е. почтовых служащих [8, с. 247; 20, с. 196].

Также к числу повинностей, заимствованных от ордынцев, С.С. Аверкиев относит «караул», т.е. обязанность горожан охранять порядок в городе по ночам [1, с. 68–69]. Правда, при этом сам же исследователь отмечает, что эта деятельность окончательно оформилась в России не ранее XVIII в., так что его утверждение о заимствовании этой повинности в Московской Руси выглядит не вполне убедительным.

Интересным представляется наблюдение современного нижегородского исследователя Ю.В. Сочнева, активно занимающегося изучением как исторических, так и историко-правовых аспектов русско-ордынских отношений о том, что заимствованием из золотоордынского опыта является выделение различных категорий налогоплательщиков [22, с. 72; 23, с. 131–135]. Однако, полагаем, этот аспект нуждается в более глубокой проработке, чтобы точно выяснить, какие из подобных категорий плательщиков существовали на Руси еще до установления зависимости от Орды, а какие действительно являются «монгольскими прецедентами», по выражению исследователя «мимикрировавшими под русскую правовую норму».

В связи с этим приходится отметить, что и при анализе заимствований в налоговой сфере не обходится без недоразумений. Так, например, И.Н. Березин к числу налогов, появившихся на Руси под влиянием Золотой Орды, относит и мыт, аргументируя свое мнение тем, что он, наравне с тамгой, упоминается в документах даже XV в. [4, с. 94]⁴. Вероятно ему, как востоковеду, было неизвестно, что мыт существовал еще в Древней Руси, в эпоху Русской Правды. Противоположный пример являет исследование известного историка права В.И. Сергеевича, который, говоря о дани (ордынском выходе) отождествляет ее с «запросами», т.е. подношениями представителям знати населением городов и селений, через которые они проезжали [20, с. 182]. Подобные примеры, как представляется, отражают односторонность знаний специалистов, что препятствует делать им объективные выводы в рамках рассматриваемой проблематики.

Впрочем, вместе с тем, нельзя не отметить, что тот же В.И. Сергеевич занял, пожалуй, наиболее рациональную позицию в вопросе о заимствованиях из Орды в налоговой сфере, отметив, что многие налоги, применявшиеся в Орде (и в вассальных русских княжествах), были известны на Руси и в домонгольский период [20, с. 164 и след.].

При анализе заимствований из Орды на Руси в налоговой сфере исследователи нередко упоминают об институте тарханов, т.е. лиц, обладающих налоговым иммунитетом. При этом важно отметить, что исследователи подчеркивают «живучесть» этого института. Формально он, как известно, был отменен в Московской Руси еще Судебником 1550 г., однако отдельные наследственные тарханы продолжали пользоваться своими льготами вплоть до принятия специальных указов царями Алексеем Михайловичем и его сыном Федором Алексеевичем в 1650–1670-е гг. [1, с. 53; 8, с. 248]. Сами же исследователи подчеркивают, что Судебник и указы касались отмены привилегий тарханов русского происхождения, тогда как в отношении восточных кочевых подданных российские правители практиковали пожалование тарханства еще в 1730-е гг. [5].

⁴ Примечательно, что в качестве одного из документов, подтверждающих его точку зрения, Березин приводит ярлык хана Узбека митрополиту Петру, который исследователями признается подложным.

Еще одна сфера заимствований Московской Руси из Золотой Орды – уголовно-правовая. Интересным представляется наблюдение современного правоведа Э.В. Георгиевского о том, что через ханские ярлыки на Руси были введены в оборот такие составы преступления как взяточничество, посягательство на порядок управления, некоторые составы религиозных преступлений (трансформировавшиеся в русском праве в посягательство на церковное имущество, хуление православия и т.п.) [10].

Однако гораздо больше внимания исследователи уделяют вопросам появления на Руси смертной казни и жестоких наказаний за уголовные преступления. И в этом вопросе исследователи не находят единства, были ли такие наказания однозначно заимствованы из Золотой Орды. Так, например, М.Ф. Владимирский-Буданов допускает, что смертная казнь могла придти из Орды, а болезненные наказания прямо характеризует как «развившиеся непосредственно под влиянием татарщины». Однако сам тут же отмечает, что смертная казнь была известна на Руси до монголов по византийскому праву, с которым князья знакомились через посредство православного духовенства, а жестокие наказания «и в Европе появились без всякого влияния со стороны Востока, и у нас начались еще до татар» [8, с. 389, 421]! С.С. Аверкиев, в свою очередь, соглашается с мнением ряда исследователей, что можно найти немало параллелей в наказаниях, применявшихся в Золотой Орде и в Московской Руси, однако подчеркивает, что большинство таких наказаний появляется в России уже тогда, когда она «повернулась лицом к Западу, завершив процесс заимствования восточных традиций» [1, с. 72–78]. Сходной позиции придерживается и Г.В. Вернадский, допуская, что жестокие наказания и пытки, появившиеся на Руси в XV–XVI вв., могли быть позаимствованы из Золотой Орды, однако отмечает при этом, что примерно в то же время пытки и мучительные наказания были законодательно закреплены во Франции и Германии, и, учитывая активизацию связей с Западом в данный период времени, можно равным образом предполагать подобные заимствования и из европейского опыта [6, с. 364–365].

Наконец, еще одна сфера правоотношений Московского государства, по мнению исследователей, испытала влияние со стороны Золотой Орды – семейно-правовая. Так М.Ф. Владимирский-Буданов считает, что «покупка» невесты была заимствованием из золотоордынской брачно-семейной практики. Правда, при этом, стремясь сохранить объективность, исследователь не может не отметить, что эта традиция имела широкое распространение у славян еще в языческие времена. Однако он сам же «устраняет» собственное противоречие, заявляя, что под влиянием монголов она получила «позднейшее вторичное распространение» [8, с. 482–483]! Также он объясняет ордынским влиянием затворнический образ жизни русских женщин, отмечая при этом, что это правило распространялось лишь на жен и дочерей представителей русской знати, испытавшей большое влияние со стороны Орды, тогда как представительницы простого населения, не затронутого этим влиянием, пользовались большей свободой [8, с. 483].

Вышеприведенные наблюдения позволяют сделать вывод, что вопрос о влиянии золотоордынского права на право Московского государства, несмотря на его давнюю историографическую традицию, до сих пор не является проработанным в достаточной степени. Логично было бы предположить, что историки права более предметно и корректно исследовали данный вопрос и пришли к более объективным выводам. Однако, к удивлению автора настоящей статьи, принадлежность того или иного ученого к соответствующей области знания отнюдь не всегда влияла на глубину и качество исследования. Главной проблемой в большинстве случаев является неравномерное представление у исследователей о правовых системах домонгольской Руси, Золотой Орды и Московского государства XV–XVII вв., проявляющееся в недостаточном знании как конкретных источников, так и основных принципов права (либо древнерусского, либо тюрко-монгольского). В результате многие построения и выводы в их работах носят преимущественно гипотетический характер и могут быть легко опровергнуты другими учеными, специализирующимися на изучении истории государства и права иных периодов. В некоторых случаях очевидно наличие у исследователя определенной изначальной установки – на наличие или отсутствие золотоордынского влияния на развитие русской государственности и права (основанного на неких стереотипах русско-ордынских отношений), – и в своих изысканиях он отталкивается именно от нее, нередко пытаясь «притянуть» факты к своей заранее определенной позиции.

При такой ситуации взаимодействие, с одной стороны, историков и востоковедов с одной стороны и, с другой стороны, правоведов – специалистов по истории государства и права Древней Руси, Московской Руси и Золотой Орды представляется не просто данью современной тенденции (популярности междисциплинарных исследований), но и необходимостью, единственным возможным средством для продолжения изысканий в области ордынского влияния на государство и право Московского государства XV–XVII вв., получения новых знаний, проверки ранее высказывавшихся предпо-

ложений и прояснения некоторых вопросов дальнейшего политико-правового взаимодействия Российского государства с наследниками Золотой Орды – вплоть до XVIII–XIX вв. Осуществление такого взаимодействия в форме проведения специализированных научных мероприятий, реализации совместных проектов, подготовки коллективных монографий и пр. выглядит вполне возможным, учитывая многочисленность примеров подобного рода взаимодействия в области истории Золотой Орды и русско-ордынских отношений, существенно активизировавшегося в последние годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверкиев С.С. Влияние татар на жизнь русского народа / Сост. И.В. Зайцев, отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: ЯЗ, 2015. 292 с.
2. Арапов Д.Ю. Русь и Восток в XIII в.: к вопросу о возможностях русского влияния в монгольской истории // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 29–31 января 1996 г. М.: Российский государственный гуманитарный ун-т, 1996. С. 82–84.
3. Беляев И.Д. История русского законодательства. СПб.: Лань, 1999. 640 с.
4. Березин И. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1863. 112 с.
5. Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями (Приложение к IV-му тому Записок Императорской Академии наук. № 6). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1864. 48 с.
6. Вернадский Г.В. История России: Монголы и Русь. Тверь: Леан; М.: Аграф, 2000. 480 с.
7. Вернадский Г.В. О составе Великой Ясы Чингисхана // Вернадский Г.В. История права. СПб.: Лань, 1999. С. 112–148.
8. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 800 с.
9. Воробьева Н.В. «Царские ярлыки» московских митрополитов в полемическом дискурсе патриарха Никона // Вестник Киргизско-Российского Славянского университета. 2015. Т. 15. № 10. С. 24–26.
10. Георгиевский Э.В. Общая уголовно-правовая характеристика ярлыков татарских ханов русским митрополитам // Право и политика. 2017. № 2. С. 67–77.
11. Григорьев А.П. Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 8. 1985. С. 93–134.
12. Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль: Типография губернского правления, 1900. 339 с.
13. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного ун-та, 2014. 303 с.
14. Еремян В.В. Ордынская Русь (от общины-государства к уделу-вотчине): очерки муниципальной историографии: в 3-х т. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2015. Т. 1. 432 с.; Т. 2. 408 с.; Т. 3. 396 с.
15. Кистерев С.Н. Таможенные правила на Белоозере в конце XV – середине XVI в. // Вестник Нижегородского государственного гуманитарного университета. 2009. № 2. С. 48–53.
16. Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев: Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик) // Записки Императорского Новороссийского университета. Т. XXVIII. 1879. Приложение. 282 + VI с.
17. Островски Д. Монгольские корни русских государственных учреждений // Американская русистика. Самара: Самарский ун-т, 2001. С. 143–171.
18. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.) / Подгот. к печ., введ. и коммент. В.В. Трепавлова. М.: Ин-т российской истории РАН, 2003. 93 с.
19. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / Подгот. текста В.В. Трепавлова, Д.А. Мустафиной. Казань: Татарское книжное изд-во, 2006. 391 с.
20. Сергеевич В.И. Древности русского права. Т. III. Землевладение. Тягло. Порядок обложения. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1903. XII + 496 с.
21. Соловьев С.М. Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого // Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. С. 159–203.
22. Сочнев Ю.В. К изучению ярлыка Менгу-Тимура и оценке его влияния на русские великокняжеские акты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 2. С. 65–73.
23. Сочнев Ю.В. Золотоордынский правовой прецедент в царской грамоте 1606 г. // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности. Вып. 5. Нижний Новгород: НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, 2018. С. 126–136.
24. Трепавлов В.В. Царские ярлыки. Наследие монгольской государственности в Московской Руси // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 21–23 ноября 2007 г. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. С. 104–113.

Сведения об авторе: Роман Юлианович Почекаев – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4192-3528, ResearcherID: K-2921-2015. E-mail: rpochekaev@hse.ru

INFLUENCE OF THE GOLDEN HORDE ON THE RUSSIAN STATE AND LAW OF THE 15TH–17TH CENTURY: ISSUES AND PERSPECTIVES

R.Yu. Pochekaev

National Research University
Higher School of Economics – St. Petersburg

Abstract. The article is dedicated to the analysis of ideas of Russian scholars on the influence of the Golden Horde (Jochi Ulus) on the state and legal development of the Moscow Rus of the 15th–17th centuries. This problem attracted specialists in different fields of knowledge, including historians of Russia, orientalists and historians of state and law since 19th century to present day. Some authors expressed their general view on degree of influence of the Golden Horde state ad law on Russian ones, another tried to study the specific fields of law and legal relations which, as they considered, were under influence of the Golden Horde traditions. Scholars paid attention to such aspects as state authorities and government institutions, administrative-territorial system, sources of law, legal status of different social groups, system of taxes, duties, obligations and tax immunities, criminal law, family legal relations. During the research process, authors often demonstrate either knowledge only of the law of Muscovite Russia or the Golden Horde, or adherence to certain stereotypes that put obstacles in the way of analysis of degree of the Golden Horde’s influence on the Russian state and law, which in turn made researchers to draw the contradictory or unconvincing (hypothetical) conclusions. One of the problems is equal probability of reception by the Muscovite Rus of the same state or legal institutions from East (the Golden Horde) or West (European neighboring states) as well as of restoration during the Muscovite period of some institutions of the Ancient (pre-Mongolian) Rus. The author finds that the degree of study of the problem by one or another scholar was not influenced by their belonging to specific field of knowledge, but only by their knowledge of the Golden Horde or Muscovite Rus state and law, ability to impartial conclusions and taking into account of all circumstances of the development of the Russian state and law during the concerned period. Further research of the Golden Horde’s influence on the Russian state and law, as author supposes, is impossible without cooperation of specialists on history, state and law of the Ancient Rus, Golden Horde and Muscovite state.

Keywords: Muscovite Rus, Golden Horde, Turkic-Mongol customary law, state and law of Ancient Rus, state and law of Muscovite Rus, history of the Russian legislation

About the author: Roman Yu. Pochekaev – Cand. Sci (Jurisprudence), Associate professor, Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4192-3528, ResearcherID: K-2921-2015. E-mail: rpochekaev@hse.ru

**ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБРАЗЫ В ПОЗИЦИОНИРОВАНИИ
ЭЛИТЫ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА XVI ВЕКА:
НИКТО НЕ ВЕРИТ, НО ВСЕ ИСПОЛЬЗУЮТ**

С.А. Чернышов

Новосибирский государственный технический университет

В статье рассматривается вопрос активного использования золотоордынских политических образов в самопозиционировании элиты Русского государства XVI – начала XVII веков, символического и технологического оформления верховной власти Русского государства посредством апелляции к татарским мотивам в экономических, дипломатических, политических взаимоотношениях. На примере царского двора и «особого рода» Строгановых показано, что такое позиционирование элиты Русского государства рассматриваемого периода, как правило, носило технологический характер, и рассматривать его необходимо не с точки зрения отношения к реальности («верил ли сам царь, что он является потомком Чингисхана?»), а с точки зрения решаемых элитами текущих задач. В условиях затянувшегося строительства «модернового государства» технология властвования посредством апелляции к золотоордынским образам стала наиболее эффективным механизмом взаимодействия центральной власти и элит – причем как для той, так и для другой стороны.

Ключевые слова: Золотая Орда, Иван Грозный, Строгановы, политические коммуникации

Использование золотоордынских (и шире – «татарских») образов в позиционировании и технологиях властвования довольно поздно стало предметом обсуждения у исследователей. Фактически, в таком ключе вопрос впервые системно был поставлен только в начале 1990-х годов, но до сих пор так и не стал предметом для развернутых дискуссий. Технологические особенности организации верховной власти Русского государства постзолотоордынского периода, особенности ее позиционирования и взаимодействия с элитами – все это перспектива, пока еще неблизкая для широкого обсуждения, а потому данная тематика представляется перспективной для анализа.

Основной тезис, по существу, был сформулирован почти три десятилетия назад Р. Пайпсом (то что Москва признавала Казанское, Астраханское и Сибирское ханства своими вотчинами «могло означать лишь одно – он смотрел на себя как на наследника Золотой Орды» [16, с.25]), Г.В. Верданским («с основанием в 1452 году вассального татарского княжества в Касимове, Москва продемонстрировала, что она принимает на себя роль наследника Золотой Орды» [7, с.32]) и другими авторами. И в общем это утверждение вполне соотносилось и с тем, что Москва реально консолидирует большие этнические группы на постзолотоордынском пространстве, вводя в собственные элиты правящие круги Казанского, Астраханского, Сибирского ханств. В результате к XVIII в., согласно вычислениям Н.П. Загоскина, 156 русских дворянских семей были татарского или иного восточного происхождения [7, с.36].

Примечательно, что открытая апелляция к золотоордынским образам по отношению к верховной власти Русского государства присуща в основном «для внешнего пользования». Так, за исключением откровенно языческих ритуалов, посольский церемониал в московский период русской истории носил, по выражению историка, «татарский или вернее азиатский характер» [8, с.1]. А в середине 1550-х годов именно взятие Казани (как символического правопреемника Золотой Орды) как аргумента в пользу царского титула Ивана Грозного активно использовалось в сношениях с европейскими дипломатами – кстати, к вящему недоумению последних. Так, в 1554 году посольству к полякам царский двор дает такой наказ: «А наши государи от начала по своему государству по Русскому зовутца цари, которые венчаютца; ... и государь наш ныне, з Божьею волею пишетьца царем Русским и Казанским, и то, панове, место Казанское, и сами знаете извечное царьское потомуж, как и Русское» [18, с.188]. А преемство Ивана Грозного по отношению к Чингисхану в XVI–XVII вв. опосредованно используется как аргумент для легитимизации взятия Сибирского ханства и делигитимизации властителей Искера – через идею о завещании власти над Сибирью Тайбуге [13, с.15] и обоснование прямого родства Глинских и Чингисханом в «Подлинном родослове Глинских князей» [19, с.215].

Аналогичный конструкт мы видим и по отношению к роду, занимавшему особое, едва ли не ключевое положение в российской элите конца XVI – начала XVII вв. – Строгановым. Кроме того, эта фамилия – одна из немногих (если не единственный) в Русском государстве, которая, с одной стороны, имеет «некое обобщенное восприятие рода в целом» [14, с.100], с другой же – фактически «представляет собой перечень версий, гипотез, переходящих в научные способы нарративизации» [15, с.153].

Для историков XVIII – первой половины XIX вв. было очевидно, что род Строгановых происходит от татарского мурзы Золотой Орды. Ныне нам известен и источник этой легенды – это, скорее всего, голландский географ Исаак Масс, писавший о России в 1609 году, повествование которого заимствовал в своих рассказах в 1670-х годах Николай Витзен [1, с.34]. Идея довольно лаконична: родоначальником Строгановых был мурза (или даже один из сыновей) татарского хана, который в XIV веке был послан на службу к Дмитрию Донскому, там пожелал принять христианство, был наречен при крещении Спиридоном и скончался в 1395 году из-за мученической казни («строгания») унававшего об этом хана. Эту легенду затем повторит Г.Ф. Миллер, М.М. Щербатов, а за ними – Н.М. Карамзин. Последний, впрочем, уже подвергает эту версию некоторому сомнению [17, с.2].

Однако уже в начале 1840-х годов собственная официальная версия происхождения Строгановых меняется. В 1842 году служащий графики Софьи Владимировны Строгановой Н. Устрялов издает книгу «Именитые люди Строгановы», в которой пишет, что, изучив «более 100 документов, в том числе 20 жалованных царских грамот подлинных с 1517 по 1700 год», делает вывод, что «гораздо вероятнее другое предание, сохранившееся в одном сборнике кирилло-белозерского монастыря, о происхождении их из дома Добрыниных от стародавней фамилии новгородской» [9, с.2]. Другой представитель рода – граф Сергей Григорьевич Строганов вскоре дает публичный ответ на книгу Устрялова, в котором вроде бы отвергает, но на самом деле – ретуширует обновленную родовую легенду: «с чего это ваш Устрялов вздумал придавать фамилии Строгановых значение феодальных баронов? Ничего подобного не было. Напротив, Строгановы были русского происхождения, посвятившие себя промыслам, сначала соляному, а потом железному и вообще рудному... и теперь в Вологодской губернии, откуда собственно и вышли Строгановы, есть люди, носящие также фамилию Строгановых и не менее древнего происхождения, как и я сам, с ними я лично знаком и считаю свое происхождение, а равно и их, от одних и тех же предков» [28, с.21]. Именно эта – «северная» версия происхождения Строгановых (уже неважно – вологодская или новгородская) к концу XIX века станет «наиболее правильной» [17, с.11].

Итак, мы видим, что центральная власть и один из ключевых родов Русского государства в течение, по меньшей мере, полутора-двух столетий активно эксплуатируют тему собственной преемственности «из Золотой Орды». Если мы принимаем за отправную точку тезис, что в идею такой трактовки преемственности собственной власти/происхождения никто всерьез не верил [27, с.169], возникает резонный вопрос – чем идея самопозиционирования через золотоордынские образы была так привлекательна для русского общества XVI–XVII вв.? Для того, чтобы выдвинуть те или иные версии ответа на этот вопрос, установим, прежде всего, что Московская Русь XV–XVI вв. постепенно начинает превращаться в «modern state» («модерное» или «модерновое» государство, термин Джозефа Стрейера). То есть, начинает обретать признаки устойчивости в пространстве и времени, формирования безличных, постоянных политических институций, переноса лояльности с местного сообщества на государство в целом [12, с.16]. Отсюда же – идея «изначальности» Русского государства. Поэтому, когда в 1489 году посол императора Фридриха III Николай Поппель предлагает Ивану III (кстати, первому из московских великих князей, ни разу не посетивших Орду) от имени своего государя королевскую корону, тот отвечает: «а что еси говорил нам о королевстве, есди нам любо отцесаря хотети кралем поставлену быти на своей земле, и мы Божию милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители» [12, с.75].

Но если так, то как понимать довольно емкое выражение историка и этнографа Н.И. Костомарова, который в 1870 году писал о том, что «старейший князь заменил собой хана со всеми его атрибутами верховного государя и собственника русской земли» [12, с.95]? Притом, что русские князья и цари очевидно были далеки от веры в реальную собственную преемственность от «бусурманских» ханов [26, с.200].

Представляется, что при первом приближении ответ на этот вопрос состоит в поиске конкретной проблемы, которую субъект коммуникации (иного социального воздействия) решает за счет соответствующего позиционирования. Так, упоминания особенной родовитости и, напротив, сомнительных прав Кучума и Кучумовичей на сибирский трон в Есиповской летописи и других источниках, решают задачу обоснования легитимности «сибирского взятия» [10, с.45]. Именно поэтому, уже в августе 1585 года в инструкции русским послам в Швецию, формируется следующая официальная

позиция относительно событий в Зауралье: «А нечто спросят про Сибирь, а хотя и не спросят, и имь в розговорах про Сибирь гоорити, что на Сибирскомъ царстве цари сидели ихъ рукъ государей нашихъ прежнихъ и дань давали государямъ нашимъ, а последней Сибирской Кучюмъ царь посаженикъ был на Сибири изъ рукъ государя нашего блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии» [21, с.129]. По существу, это наглядный пример, как основательное «заменял собой хана» де-факто является псевдополитическим конструктом, позволяющим решать известные задачи Русского государства в Западной Сибири. Кстати, в противоположном лагере использовалась ровно та же технология (что только подтверждает ее очевидную эффективность для современников. Так, татарский историк Абул-Гази, описывая родословную хана Кучума, напрямую выводит его от Чингиса через 11 колен[2, с.63].

Кроме того, апелляция к золотоордынскому наследию для верховной власти – это еще и возможность легитимизации в общем устаревающих к XVII в. отношений с элитами, которые характеризуются ярко выраженным индивидуализированным, а не институциональным подчинением. «Полная покорность аристократии и дворянства царской воле» [12, с.237], которую называют едва ли не самой выразительной чертой, отличающей Московию от ее соседей на западе, ровно как и подданство лично «белому царю» через шертные грамоты[26, с.200], – все это характеристики одного и того же процесса. По сути, на фоне затянувшегося строительства современного государства, центральная власть воспроизводит архаичные формы и технологии властвования, которые идеологически довольно удачно ложатся на символы золотоордынского наследия и находят там отражение.

Выгодно ли это центральной власти? Безусловно, поскольку в краткосрочной перспективе позволяет решать текущие задачи с меньшими издержками (например, связанными с поддержанием парламентаристской системы сдержек и противовесов). Верят ли в такую постановку вопроса сами подданные? Скорее всего, не верят, играя в идеологическую преемственность золотоордынскому наследию, признавая «право сильного». Так, в начале 1550-х годов двое мурз поволжского крыла Ногайской орды Белек-Пулад б. Хаджи-Мухаммед и Арслан б. Хаджи-Муххамед, обращаясь к Ивану Грозному, пишут, соответственно, следующее: «в той земле он [«белый царь»] сказываецца Чингисовымъ прямымъ сыномъ.... Брат мой Дервиш царь к Чингимову сыну Белому царю, православному государю и жалостивому государю Белому царю в ноги ево пасти идемъ»; «Ты Чинников сын, а я Кошумов сын, и ныне нам меж себя не дружбу оставити» [25, с.202]. Заявления, сделанные явно под воздействием политических реалий, символически закрепляли притязания на преемственность московских царей золотоордынским ханам.

В том же ключе разворачивается и идея о преемственности золотоордынскому наследию со стороны Строгановых. 30 мая 1574 года царь Иван Грозный выпускает грамоту, согласно которой Строгановы получают право «ха Югорским Камнем, в Сибирской Украине, между Сибирью, Нагай и Тахчей и Тобол реку с реками и озерами с учтя до вершин, где принимать всяких чинов людей, города и крепости строить» [1, с.44]. В такой постановке вопроса по тем временам не было ничего особенного – по таким же принципам, к примеру, действовали торговые компании Англии и Голландии в Ост-Индии и Вест-Индии. Особенностью Строгановых было то, что в их случае апелляция к золотоордынскому наследию, на наш взгляд, де-факто заменяла институциональную легитимность – каковая имела бы место в случае успешного развития современного государства. Отсюда стремление Строгановых в «торговых отношениях с татарами выглядеть своим и на этой базе заключать наиболее выгодные сделки» [20, с.20]. Отсюда и царская грамота от 5 марта 1578 года, адресованная местным властям в Казань и требовавшая беспрепятственного пропуска судов Никиты, Семена и Максима Строгановых для поставок «государева хлеба» в Астрахань[11, с.189].

«Сочетание феодала и купца, промышленного предпринимательства и крепостнической лати-фундии» [23, с.202] – этот путь, по существу, оказался наиболее жизнеспособным в российских условиях рассматриваемого периода. Строгановым де-факто было выгодно исполнять роль, своего рода, улусников московского царя в условиях недоразвитости, а затем (во времена «смутного времени») и развала государственных институтов. В результате именно в отношениях с этим родом у центральной власти складывается «натуральный товарообмен», который лаконично можно легитимизировать через апелляцию к золотоордынскому наследию. Так, по расчетам А.А. Введенского, в 1608 году Строгановы фактически содержали правительство Шуйского, ссудив ему до 6 тысяч рублей (для сравнения – весь Пермский край платил в тот же период 300 рублей в год) [5, с.125]. Из чрезвычайного пятинного налога в 1614 году Строгановы заплатили 16,8 тысяч из 190 в целом по стране, в 1616 – 40 из 200 тысяч[5, с.125]. Отметим, что именно в этот период появляется конструкт «Строгановы – выходцы из Золотой Орды», который периодически выручает московских князей XIV–XV вв.

В результате реальной финансовой поддержки центральной власти и соответствующего идеологического оформления уже в Соборном уложении 1649 года появляется беспрецедентная для своего времени статья: «а будет кто обесчестит имянитых людей Строгановых... им правити за бесчестье. Строгановым по сту рублей человеку; гостю по пятидесят рублей, гостинья сотни большой статьи по дватцати...» [3, с.111]. То есть, честь Строгановых «стоит» в два раза больше самых крупных купцов – это льгота, немыслимая в регулярном государстве середины XVII века. Как можно лаконично обосновать такие преференции при условии, что ссылка на посильную финансовую помощь на протяжении предыдущих десятилетий совершенно точно не будет способствовать усилению авторитета центральной власти? Как вариант – через обращение к золотоордынскому наследию рода и его исконной роли «спасителя» верховной власти.

Такое сакральное восприятие собственной роли в целом присуща «татарскому» миру. Так, например, исследователи описывают конструкции, которые для легитимизации своей власти использовал Чингисхан: «будучи встроенным в генеалогию, то есть, принадлежа потомкам Бортэ-Чино и Бодончара, он не мог претендовать на власть ни по прямо-, ни по ультимогенетурному принципу. Поэтому при узурпации власти активно использовались как мировоззренческие идеологемы легитимации власти – покровительства неба (обозначение его как сына неба), так и личные качества, что обеспечивало ему харизматическое лидерство» [22, с.80].

Если угодно, человек постзолотоордынского пространства – это «человек сакральный», а человек современного государства – это «человек системный». Поэтому, например, обряд коронации в Польше в XV–XVI вв. начинается с присяги, а в Русском государстве того же времени ключевой элемент принятия власти – миропомазание, никакой присяги здесь нет [4, с.104–106]. Именно поэтому, с одной стороны, следует согласиться с «постепенным угасанием татарских политических традиций в Московском государстве», с другой же признать, «что на практике русские власти пользовались татарскими управленческими приемами в отношениях с присоединенными народами (...) московское правительство брало на вооружение не идеологию, но технологию власти» [24, с.94]. К тому же, как тонко замечает А.Филюшкин, «ослабление Орды (...) ликвидировало источник системы отношений, но не саму систему (...) преодолеть вековой комплекс неполноценности можно было только одним способом: побить былых господ и самим стать «царством».

Таким образом, апелляция к золотоордынским образам в самопозиционировании центральной власти и элит Русского государства XVI–XVII вв., как показано на примере коммуникаций Ивана Грозного и Строгановых, может трактоваться как компенсаторная функция для пробуксовывающего процесса строительства «modern state». Решая тактические задачи на промежутке 5–15 лет, центральная власть и элиты фактически искусственно воскресили золотоордынские технологии властвования и коммуникативной легитимизации власти, что в условиях кризиса системных государственных институтов стали оказалось эффективным и взаимовыгодным механизмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов / Сост., вступ. ст., примеч. О. Платонова. М.: Современник, 1995. 479 с.
2. Абул-Гази. Родословное дерево тюрков. Казань, 1914. 111 с.
3. Акты Земских соборов. В 9 томах. Том 3. Отв. ред. тома А.Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1985. 512 с.
4. Бычкова М.Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М., 1996. 158 с.
5. Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. 308 с.
6. Вернадский Г.В. История России. Московское царство. М., Тверь: ЛЕАН/АГРАФ, 1997. 511 с.
7. Вернадский Г.В. Русская история. М.: АГРАФ, 1997. 542 с.
8. Веселовский Н.И. Татарское влияние на русской посольский церемониал в московский период русской истории. СПб, 1911. 19 с.
9. Именитые люди Строгановы. СПб, 1842. 128 с.
10. Исааков Д.М. Сибирский юрт в конце XV века – начале 1560-х гг.: ханство или княжество? // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. №2. С. 43–47.
11. Каштанов С.М. Строгановы и Казань в 16 веке // Источники и исследования по истории татарского народа. Казань, 2006. С. 188–198.
12. Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.

13. Маслюженко Д.Н. Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизации генеалогии // Средневековые тюрко–татарские государства. 2010. № 2. С. 9–21.
14. Мезенина Т. Г. Строгановы: Реализация антропологического подхода в исследованиях XIX–XXI вв. // Актуальные проблемы современного социально-гуманитарного знания. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Тагил. 11 декабря 2015 года. С. 95–103.
15. Никитин А.С. Династический миф в уральском тексте // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2010. Т. 76. №2. С. 145–155.
16. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. 424 с.
17. Пермская старина. Выпуск 4: Дмитриев А. Строгановы и Ермак. Пермь, 1892. 11 с.
18. Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. 336 с. Полное собрание русских летописей: в 43 т. / под ред. С.Л. Пташицкого, А.А. Шахматова. Т. 17. Западнорусские летописи. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1907. 384 с.
19. Рябов В. Строгановы или поиски пути развития капитализма в России. СПб, 2011. 140 с.
20. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 129: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством: Ч. 1: 1556–1586 гг. СПб., 1910. 585 с.
21. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб.: Евразия, 2013. 380 с.
22. Собственность в России: Средневековье и раннее новое время. М.: Наука, 2011. 283 с.
23. Трепавлов В.В. «Белый царь» Образ монарха и представления о подданстве у народов России 15–18 вв. СПб.: Издательство Олега Обышко, 2017. 320 с.
24. Трепавлов В.В. История и историческое время в представлениях позднесредневековых кочевников Евразии // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год : Историческая память и формы ее воплощения. М.: Вост. Лит., 2003. С. 191–203.
25. Трепавлов В.В. Присоединение народов к России и установление российского подданства (проблемы методологии изучения) // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 2006. 341 с.
26. Чернышов С.А. Иван Грозный – потомок Чингиз-хана или Августа: легитимизация верховной власти Московского царства в коммуникационных практиках XV–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 159–174.
27. Шилов В.В. Строгановы: из истории рода // Страницы истории Урала: Сб. статей. Пермь, 1995. С. 19–32.

Сведения об авторе: Сергей Андреевич Чернышов – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета, директор АНО СПО «Новосибирский городской открытый колледж» (Новосибирск, Российская Федерация). E-mail: 1502911@mail.ru

THE GOLDEN HORDE IMAGES IN THE POSITIONING OF THE ELITE OF THE RUSSIAN STATE OF THE 16TH CENTURY: NO ONE BELIEVES, BUT EVERYONE USES

S.A. Chernyshov

Novosibirsk State Technical University

The article discusses the issue of the active use of the Golden Horde political images in the self-positioning of the elite of the Russian state of the 16th – early 17th centuries, the symbolic and technological design of the supreme power of the Russian state through an appeal to Tatar motives in economic, diplomatic, political relations. Using the example of the tsar's court and the “special kin” of the Stroganovs, it was shown that such positioning of the Russian state's elite as a rule was of a technological nature, and it was necessary to consider it not from the point of view of relation to reality (“did the tsar himself believe that he was a descendant of Chinggis Khan?”), but from the point of view of current tasks being solved by the elites. In the context of the protracted construction of a “modern state”, the rule of power through appeal to the Golden Horde images became the most effective mechanism for the interaction of central authorities and elites – both for one and the other.

Keywords: Golden Horde, Ivan the Terrible, Stroganovs, political communications

About the author: Sergey A. Chernyshov – Cand. Sci. (History), Senior Lecturer, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: 1502911@mail.ru

БЕЗЫМЯННОЕ ГОРОДИЩЕ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ПОСТЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ВРЕМЯ

О.В. Белецкая

Осичковская ООШ, Украина

Исследование посвящено изучению одного из семи причерноморских городищ, упомянутых в монографии В.Л. Егорова «Историческая география Золотой Орды», – Безымянному. Источниковая база весьма скудна, поскольку археологические исследования не проводились, а из документов было задействовано всего шесть нарративных работ. В статье также рассмотрены все основные точки зрения ученых относительно локализации этого золотоордынского безымянного населенного пункта. И хотя название этого городища не сохранилось в источниках, все же автор пришла к выводу, что он был расположен на р. Южный Буг. Спустя некоторое время, именно на этом месте великий князь литовский Витовт, скорее всего, использовал золотоордынские строения (мост и баню). Трансформация названия выглядит, пожалуй, следующим образом: [неизвестное золотоорд. название] – Витовтов Мост/Витовтова Баня – Витовтов Брод – Брод (Первомайского района Николаевкой области). Здесь были церковь, мечеть, гробницы, захоронения («кешени»), таможня. Возможно, что в золотоордынское время это был город. Однако, в отличие от бывших золотоордынских городов Маяка и Балыклея, названия которых указываются в ханских ярлыках, упоминания о Витовтовом Мосте (или о Витовтовой Бане) в этой группе документов – в постзолотоордынское время – нам не известно. Изучаемый объект, скорее всего, занимал важное место в регионе (по крайней мере, как переправа (брод) через реку), поскольку сохранилась его фиксация в работах (1587, 1648, 1650, 1681, 1742, 1790, 1791 годов) западноевропейских картографов.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Золотая Орда, Польское государство, Великое княжество Литовское, великий князь литовский, Витовт, историческая география, Витовтов Мост, Витовтова Баня, Витовтов Брод, Безымянное городище, Южный Буг

Данное исследование является продолжением серии наших работ¹, посвященных изучению золотоордынских городов Северного Причерноморья в междуречье Днестра и Южного Буга [4; 6]. Цель этой работы – собрать и проанализировать информацию о населенном пункте на р. Южный Буг, название которого не сохранилось в источниках, однако имеет географические привязки; установить бытовые и культовые постройки, речные сооружения и т.д., существовавшие в золотоордынское время.

Письменные источники XIII–XV веков, несущие информацию об интересующем нас объекте, нам не известны. Археологические артефакты отсутствуют, поскольку исследования не проводились [12, с.83]. В основном, в работе будут задействованы нарративные и картографические материалы XVI–XIX веков, а также один архивный источник – «Метрическая книга церкви с. Иоанна Богослова, 1771 г.» села Витольдов Брод Балтского уезда Подольской губернии [17].

С нарративных источников для нас важны шесть работ. Наиболее ранний – это классический труд польского посла Мартина Броневского «Описание Татарии» (1578 г.) [1; 9]. Он ценен наличием фиксации интересующего нас населенного пункта, а также указанием на развалины некогда важных сооружений. Второй – анонимный труд «Мечети в полях, по-татарски кешени» (середины XVI века) – стал известен исследователям относительно недавно. Десять лет назад (в 2009 г.) его опубликовал о. Ю.Мыщык, однако более глубокий источниковедческий анализ провел И.В.Сапожников [20]. Автор этого документа указывает на мечеть и «божницу» возле Витовтова (дословно «Витультовео») моста на Южном Буге. Важен для нашего исследования и компендиум польского хрониста Станислава Сарницкого «Описание Старой и Новой Польши» 1587 года [2]. В нем есть упоминание о Витовтовом мосте («*Pons Vitoldi*») и Витовтовой бане («*Balneum Vitoldi*») на р. Южный Буг. Кроме того, этот труд имеет карту с указанием обеих объектов [22]. Будет задействована также реляция экспедиции Стефана Хмелецкого с Мухаммедом-мурзой (1629 г.), в которой указывается Витовтов мост [3].

¹ Автор благодарит Станислава Белецкого (Одесса), Романа Хаутала (Оулу, Казань), Римвидаса Петраускаса (Вильнюс), Владислава Гулевича (Киев), Романа Захарченко (Киев), Илью Литвинчука (Львов), Олега Дячка (Днепр), Василия Селявина (Николаевская область) за помощь, оказанную во время написания статьи.

«Разграничение владений Речи Посполитой и Османской империи в 1633 году» было опубликовано Н.Г.Крикуном и относительно недавно (в 2008 г.) переиздано [16]. Важные моменты для нашего исследования сохранились в стихотворном произведении о походе князя Самуила Кароля Корецкого в 1644 г., работу над публикацией документа провел Д.С. Вирский [10].

В нашем арсенале также немало картографического наследия. Укажем, пожалуй, на самые главные в хронологическом порядке. Карта Сарницкого 1587 г. с указанием на «*Pons Vitovdi*» и «*Balneum Vitovoi*» [22], карта Г.Л. де Боплана 1650 г. с обозначением «*Witulek B.*» [24], карта 1657, на которой указаны кешени «*Cessennia olim Pons Lapideus et Balneum Vitoldi Mag. D. Lituaniae*» [25], карта 1681 г. с «*Wituleik B.*» [26], карта 1742 г. «*Wituleik B.*» [27], карта Брацлавского воеводства 1790 с указанием на «*Witudow brod*» [28], карта Савранского ключа 1791 г. «*Witoldow Brod*» [29] и карта трехверстовка Шуберта-Тучкова 1868–1869 гг. с селом «Витулдовъ Бродъ» [30].

Поиски локализации и идентификации этого бывшего золотоордынского населенного пункта начались еще в конце XIX века. Украинский исследователь запорожского казачества Дмитрий Иванович Яворницкий в одном из своих исследований пытался локализовать эту местность и привязывал ее к Витовтому Броду. И хотя на Южном Буге было село Витольдов Брод Балтского уезда Подольской губернии, вместе с тем ученый почему-то искал этот населенный пункт ниже устья речки Синюхи [32, с.259]. Если посмотреть на современную карту, то увидим, что это разные местности, поскольку Синюха впадает в Южный Буг в районе современного города Первомайск Николаевской области, в то время как Витовтов Брод находился выше по реке.

Одесский историк Федор Ефстафьевич Петрунь, изучавший татарские древности Юга Украины, хотя и ссылался на труды Д.И. Яворницкого, однако не дал точной географической привязки этого населенного пункта, упоминаемого Мартином Броневским [19, с.162–163]. В своих замечаниях к статье Ф.Е. Петруня, С. Должевский упомянул Витовтов Брод, который, по мнению ученого, как раз и таил в себе память татарского времени².

Идентификацию Д.И. Яворницкого воспринял Вадим Леонидович Егоров, указав, что Безымянное золотоордынское городище находилось в районе слияния Кодымы и Синюхи [12, с.83]. Вслед за В.Л. Егоровым, Михаил Васильевич Ельников перечислил населенные пункты золотоордынского периода в междуречье Днестра и Днепра [13, с.123]. И, как и Д.Яворницкий, указал, что это городище, название которого не сохранилось, было расположено в районе слияния Кодымы и Синюхи в Южный Буг. Хотя дальше в исследовании указывает на переправу через Буг под названием Витовтов Брод [13, с.123]. Тактично подошел к локализации этого городища Борис Владимирович Черкас. По мнению ученого, «Безымянное городище» это ни что иное как переправа Витовтов Брод³. Нами также было упомянуто Безымянное городище [7, с.75; 5, 14–17].

С целью понять, какая информация зафиксирована относительно этого безымянного населенного пункта в источниках, обратимся к самому раннему – к труду Мартина Броневского. Польский посол записал, что после Савранских степей (*campi Sauranensis*)⁴, он увидел каменный мост, баню, какие-то каменные развалины, склепы, гробницы и кешени на р. Южный Буг:

«Demum in Bogo *pons lapideus et balneum*, quod Vitoldi magni ducis celeberrimiac bellicosissimi Principis Lithuaniae quondam fuisse perhibetur, ruinae lapideae, testudines et sepulchra, quae Turcica vel Tartarica fuisse dicuntur ac vulgo Cessennia quasi monumenta appellantur, visuntur» [1, с.243–244].

«Далее виден на Боге **каменный мост и баня**, которая, как уверяют, была некогда построена великим и знаменитым полководцем Витолдом, воинственным князем литовским. Там же видны каменные развалины, склепы и гробницы, которые, говорят, принадлежали туркам или татарам и обыкновенно называются цессени, т.е. памятники» [9, с.333–334]

² «Другий важливий район становить комплекс: Витовтів Брід – Люшневата-Казавчин, який, можливо, заховав пам'ятки ранішої татарської доби». [11, с.175]

³ «На Южном Буге недалеко от устья Синюхи с древности существовала переправа Витовт Брод (золотоордынское «Безымянное городище». [31, с.316]

⁴ «*Proinde ad Trestenetium, Bersadum, Olsancam, Sauranam, (unde campi Sauranensis dicuntur,) rivulos, Onissionis cuiusdam ignobilis Rusci alvearium, in quo altissimae quercinae arbores apparent*» («Откуда до речек Трестенет, Берсада, Ольшанка и Саврань (по которой зовутся Савранские степи), до пасеки некоего незнатного русина Онисия, где виднеются высочайшие дубы»). – Для сравнения см. перевод И.Г.Шершеневича: «Сначала речками Трестенетом, Берсадою, Ольшанкою и Савранью (откуда Савранские степи получили название) дойдём до пасеки какого-то Онисия, где растут очень высокие дубы», см.: [9, с.334].

Как указывает Мартин Броневский, каменный мост и баня были «*in Bogo*» т.е. на современной реке Южный Буг, ниже по течению относительно современного пгт Саврань Одесской области. Здесь очень важным и уместным есть замечание посла о том, что эти строения (каменный мост и баня) были возведены некогда князем Витовтом [5, с.14–17]. Однако, посол, скорее всего, ошибался в своем утверждении. И, наверное, прав Б.В. Черкас, который предположил, что мост был построен еще во времена Золотой Орды [31, с.316]. Более точно локализовать их (мост и баню) нахождение, используя только этот источник, который свидетельствует о проживании здесь некогда татарского населения, практически невозможно. Мало помогает и обозначение *кешень* (*cesesnnia*) на карте 1657 г.: «*Cesesnnia olim Pons Lapideus et Balneum Vitoldi Mag. D. Lituaniae*» [25]. Тем более, что Савранских степей сейчас уже нет – вскоре началась посадка будущего Савранского леса, сведения, о котором есть в источниках середины XVI в.

После прочтения этого пассажа работы Мартина Броневского, может возникнуть правомерный вопрос: зачем нужна эта «баня» Витовту, тем более, так далеко от столицы? Отметим, что на сегодняшний день уже ни у кого из специалистов нет сомнений, что под словом «баня» следует понимать совсем не парную баню, а таможенную, несмотря на то, что ни один словарь не дает такой перевод [5, с.10–11]. Сделаем предположение, что для устройства таможни князь распорядился использовать оставшиеся «сооружения со сводчатым (купольным) потолком, характерным для восточной архитектуры», сохранившиеся со времен Золотой Орды [5, 10–11]. Известно, что в украинском и русском языках слово «баня» используется также и для обозначения куполов церквей. Э. Зивилинская, исследуя бани в западном регионе Улуса Джучи (в частности, в Старом Орхее), писала, что «перекрытия в бане не были возведены... По аналогии можно предположить, что над большими, квадратными мыльнями, центрами крестообразных залов и угловыми мыльнями, были купола» [15, с.76; 14; 18, 45]. Итак, здания бывших золотоордынских бань, скорее всего, во времена правления великого князя литовского Витовта были использованы как таможни. Данное же сооружение, наверное, было на левой (северной стороне) реки, где, возможно, брали плату за проезд через мост. Нужно также отметить, что на данный момент Витовтова Баня на Южном Буге в системе таможен Великого княжества Литовского должным образом не изучена.

После того, как мост разрушился, эта местность использовалась как брод. Поэтому вскоре на картах (например, на карте Г.Л. де Боплана 1650 г.) появилось название – «*Witulek B.*», которое можно прочитать как «Витуллек Б[род]» [24]. Если посмотреть на спутниковое фото с изображением р. Южный Буг возле современного с. Брод (Витовтовым Бродом оно называлось до 01.02. 1945) (см. рис. 10), то становится понятным, почему здесь в золотоордынское время был построен мост. В этом месте на реке сосредоточено очень большое количество маленьких островов, которые можно было использовать для воздвижения моста. Кстати, на другом, противоположном (правом), берегу реки Южный Буг располагается село Великая Мечетня. И, судя по названию, также очень давнее.

Предполагаем также, что об этом же мосте говорится и в источнике «Мечети в полях, по-татарски кешени» [20]. Неизвестный автор указывает не просто на мост, а на Витовтов (дословно «Витультовео») мост, мечеть и небольшую церковь – «божницу» («*boznica*»). А значит это было место компактного проживания мусульманского и христианского населения. В источнике указывается расстояние от одного объекта до другого:

«Od Piszczanego do *Witultoweo mostu* mil szesc tam...mieczet i boznica.

Od Witultowa do Nijkowi Szaiki (?) mil dwie meczet» [20, с. 111].

«От Пещаного [брода] до Витовтого моста шесть миль, там мечеть и божница...»

От Витовтового [моста] до Нижковой Шайки (?) за две мили мечеть».

Как видим, появляется дополнение к списку построек. Кроме моста и бани, оказывается, были еще и культовые сооружения – мусульманская мечеть и христианская церковь. А значит, здесь была не только таможня с мостом, но и поселение с разным религиозным (и, наверное, этническим) населением. Мартин Броневский также посчитал нужным упомянуть, что здесь, кроме моста и бани (таможни), были еще склепы, гробницы и кешени.

Витовтов мост («*Pons Vitoldi*») (как и Витовтова баня («*Balneum Vitoldi*»)) зафиксирован в компендиуме Станислава Сарницкого «Описание Старой и Новой Польши» (1587 г.). Относительно моста хронист указал, что тот недалеко от бани («*Pons Vitoldi: non procul a balneo*»), а о бане:

«Balneum Vitoldi: Nunc fons tantus amoenus, ubi miles stativa habere atque corpus recipere habet. Adest atque Oratorium ceruie dirutum» [2, с.1889].

«Сейчас [это] только красивый источник, где, обычно, воины имеют военный стан и тела обновляют. Находится и укрепление там отечественное, разрушенное...»

Упоминание о Витовтовом мосте можно увидеть и в реляции военного деятеля Речи Посполитой Стефана Хмелецкого. Известно, в 1621 г. Стефан перешел на службу к киевскому воеводе Томашу Замойскому, у которого затем служил как командир пограничных отрядов. Осенью 1629 г. татарские войска в очередной раз напали на украинские земли, которые входили в состав Речи Посполитой, и войску Хмелецкого пришлось противостоять противнику. В октябре 1629 г. в битве на Гнилой Липе Хмелецкий разгромил основное турецкое войско. Описывая события 1629 г., Хмелецкий указывал, что:

«... od Humania dzień i noc idąc, na drugi dzień wziąłem o nim wiadomość nad **Witoldowym-mostem**, stę tam stronę Bohu a szlakiem za nim idąc w pultoru mil od tego miejsca, dla obsaczenia sie nieprzyjacielowi, i dla snadniejszej bez przeszkody przeprawy na Bohu, powróciwszy się z **szlaku tatarskiego** wyżej w Kamionski na Bohu bród, który w mili od **Witoldiwego-mostu** jest, przeprowiło sie wojsko...» [3, с. 85].

«...Од Гуманя (совр. г. Умань Черкасской обл. – О.Б.) идя днем и ночью, на другой день получил о нем [неприятеле] известие над Витольдовым мостом, [что он находится] там [на] том берегу Бога (совр. р. Южный Буг. – О.Б.). И [тем] путем за ним следуя в полутора милях от того места, с целью окружить врага, а также переправиться на Боге без препятствий [и] удобнее, свернув с **татарского пути** в Каменский брод на Боге, войско переправилось...»⁵.

В документах, начиная с последней трети XIV в., мы видим упоминания о «*татарском пути*» («*via Tartarica*»). Этой дорогой пользовались не только купцы [8, 60–62], но и послы, следовавшие с Польского королевства к татарским ханам. В данной работе мы не ставим цель восстановить весь «татарский путь», который, скорее всего, начинался во Львове и имел восточное направление – к ставкам ханов. Однако, поскольку он проходил через Витовтову Баню (иначе Витовтов Мост, Витовтов Брод), рассмотрим лишь отрезок пути, близлежащий возле него. Для этого опять обратимся за помощью к воспоминаниям Мартина Броневского, а именно к пассажу: «*Proinde ad Trestenetium, Bersadum, Olsancam, Sauranam, (unde campi Sauranensis dicuntur,) rivulos, Onissionis cuiusdam ignobilis Rusci alvearium, in quo altissimae quercinae arbores apparent*» [1, с.243–244] («Откуда до речек Трестенет, Берсада, Ольшанка и Саврань (по которой зовутся Савранские степи), до пасеки некоего незначительного русина Онисия, где виднеются высочайшие дубы»). Итак, посол двигался реками, или возле них («*proinde ad ...rivulos*»). Первой указана река «*Trestenetium*». Скорее всего, это современная речка Недотика (иначе Недотека), на которой находится пгт Тростянец (Тростянецкого района Винницкой области). Далее М. Броневский упоминает «*Bersadum*». Это или современная р.Бершадка, у которой есть параллельное название – Бершадка, или р.Дохна, на которой расположен г.Бершадь (Бершадского района Винницкой). Затем указывается речка «*Olsancam*». На данный момент ее – р. Ольшанку – трудно идентифицировать. И наконец, «*Sauranam*» – современная р. Савранка, притока Южного Буга. Кстати, все эти населенные пункты (*Troczaniecz, Bercad, Sawran R., Wituleik B.*) указаны на карте Г.Л.де Боплана 1648 г. (см. рис.3). Затем посол ехал вдоль речной магистрали Южного Буга. Вполне может быть, что он использовал часть дороги, которая существует до сих пор, имеется ввиду выезд (Саврань-Ольшанка-Дубиново) к трассе Одесса-Киев. Затем упоминается пасека какого-то Онисия. Сейчас есть с. Ониськово на южном (правом) берегу Южного Буга. Поэтому, вполне возможно, что маршрут посла пролегал через южный берег Южного Буга. И как раз отсюда (с южного берега) он увидел каменный мост и баню («далее виден на Боге **каменный мост и баня**...»). Возможно также, что Мартин Броневский всю эту картину наблюдал издали, находясь на противоположной стороне от современного с.Брод (т.е. на территории современного с. Великая Мечетня), поэтому и указал «там же видны каменные развалины, склепы и гробницы, которые, говорят, принадлежали туркам или

⁵ «Следуя денно и ночью с Гумани (совр. г. Умань Черкасской обл. – О.Б.) за каковым, известие о нем [неприятеле] получил на следующий день, [что он находится] близ Витольдова моста, на том берегу Бога (совр. р. Южный Буг. – О.Б.). И от места сего в полутора милях следуя за ним по шляху (пути), войско – имея целью врага окружить, а также переправиться на Боге и без препятствий [и] удобнее – переправилось, свернув с татарского шляха в брод Каневский, [что] выше на Боге...» (перевод Р.С. Захарченко).

татарам...»). Посол затем, скорее всего, спустился вдоль р. Южный Буг к устью р. Кодыма. Сейчас недалеко есть село, современное название которого Каменный Мост (Первомайского района Николаевской области), но было ли оно во время путешествия М. Броневского, неизвестно.

Вероятнее всего, Витовтов мост зафиксирован и в документе, который условно можно назвать «Разграничение владений Речи Посполитой и Османской империи в 1633 году». В нем также упоминается топоним, несущий отпечаток времен, когда там был мост (укр. міст) – Мистовская долина:

«Itaque per edita montium progressi consideravimus vallem, dictam olim *Mistowska Dolina*, ubi nonnulla signa lateritia indicant fuisse aliquid considerabile. Quam itidem intersigna metalia ponere non abs re iudicavimus, et vertice eius iam manifestum erat tendere ad terrena moenia *castelli*, quondam per Vitoldum, principem, famosissime extracti, cuius etiam nunc recentissima memoria hominum optime antiqua famosaque retinens, *Horodysze Witolda* nuncupat augetque fidem fama magnitudo operis exposita oculis lustrantium» [16, с.321].

«Итак, шагая взгорьям, мы заметили долину, когда прозванную *Мистовской долиной*, где несколько кирпичных остатков указывают на то, что было в определенной степени достойное внимания. Там таким же способом мы решили, не без причины, положить металлические знаки. И на повороте ее было решено двигаться к земляным укреплениям *крепости*, некогда сооруженной славным князем Витольдом; ее даже сейчас свежая память людей, которая прекрасно сохраняет старину и славу, именуется *городищем Витольда*, и она умножает веру в славу, а величие дела открыта глазам тех, кто (ее) осматривает» (Перевод М. Крикуна на украинский см.: [16, с.325].

Поэтому, сделаем предположение, что под Мистовской долиной следует понимать изучаемый нами объект – Витовтов мост. Скорее всего, он (Витовтов мост) и баня упоминаются и в стихотворном произведении о походе князя Самуила Кароля Корецкого 1644 г. [10, с. 36]. В «Погони» упоминается о «давно построенном» Витовтовом мосте, который, возвел великий князь литовский, «когда татар давил». А также указывается, что возле моста была «баня», однако на тот момент это уже было опустевшее место. Остается только сожалеть, что автор этого сочинения не указал через какую реку это было сооружение. Далее анонимный автор зафиксировал, что об этом «широко написано» в «хрониках», потому что этим он «достойных сарматов в чужинцев прославил». Украинский ученый Д. Вирский считает, что этот мост находился там, где сейчас расположено село Каменный Мост Первомайского района Николаевской области, и с ним следует отождествлять и «Мистовскую Долину» с разграничения 1633 г. [10, с. 36]. Однако, современное село Каменный Мост, как уже было сказано, расположено на р. Кодыма, а не на р. Южный Буг. Возможно, был еще один каменный мост, сооруженный великим князем литовским Витовтом, и на этот раз – на р. Кодыма? Интересно, что на картах Станислава Сарницкого (1587 г.) и Риччи Заннони (1767 г.) «*Balneum Vitovto*» и «*Vitold Hammami*» – указаны на р. Южный Буг.

Можно предположить, что, когда мост (Витовтов Мост) разрушился, это место стали использовать как брод. Вместе с тем сменилось и название, и вместо «Витовтов Мост» в документах появилось новое название – «Витовтов Брод». Когда это произошло, точно ответить сложно. Однако, на картах, начиная с середины XVII века, мы видим названия: «*Witulek B.*» (1650 г.), «*Wituleik B.*» (1681 г.), «*Wituleik B.*» (1742 г.) [24; 26; 27]. Поэтому, возможно, это произошло в сер. XVII ст. – с момента первой фиксации на карте Г.Л. де Боплана. С архивных документов хотелось бы отметить «Метрическую книгу церкви с. Иоанна Богослова» села Витольдов Брод (*sic!*) Балтского уезда Подольской губернии за 1771 г. [17], а также обозначения «*Witudow brod*» на карте 1790 г., «*Witoldow Brod*» на карте 1791 г., «Витольдов Брод» на карте Шуберта-Тучкова 1868–1869 г. [28; 29; 30]. Под названием Витольдов Брод село упоминается и в «Археологической карте Подольской губернии» за 1901 г. [21].

Итак, нами была собрана и проанализирована вся известная информация о золотоордынском безымянном населенном пункте. Название его, увы не сохранилось в источниках. Однако, благодаря записям Мартина Броневского 1578 г., это поселение все же имело географическую привязку: оно находилось на р. Южный Буг и в этом месте впоследствии великий князь литовский Витовт, скорее всего, использовал (а не построил) мост и баню. Трансформация названия выглядит, пожалуй, следующим образом: [*неизвестное золотоорд. название*] – Витовтов Мост/Витовтова Баня – Витовтов Брод – Брод. Здесь были церковь, мечеть, гробницы, захоронения (кешени), таможня. Однако, в отличие от бывших золотоордынских населенных пунктов Маяка и Балыклея, названия которых указываются в ханских ярлыках, упоминания о Витовтовом Мосте (или о Витовтовой Бане) в постзолото-

ордынское время мы не нашли. Несмотря на это, изучаемый объект, скорее всего, занимал важное место в регионе (по крайней мере, как переправа через реку), поскольку сохранилась его фиксация в работах западноевропейских картографов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рис. 1. Фрагмент карты Станислава Сарницкого, 1587 г.

Рис. 2. Фрагмент карты Г. Л. де-Боплана, 1648 г.

Рис. 3. Фрагмент карты Г. Л. де-Боплана, 1650 г.

Рис. 4. Фрагмент карты, 1681 г.

Рис. 5. Фрагмент карты, 1742 г.

Рис. 6. Фрагмент карты, 1790 г. (автор благодарит Р. Захарченко за предоставленную карту)

Рис. 7. Фрагмент карты Савранского ключа, 1791 г.
(автор выражает благодарность И. Литвинчуку за предоставленную карту)

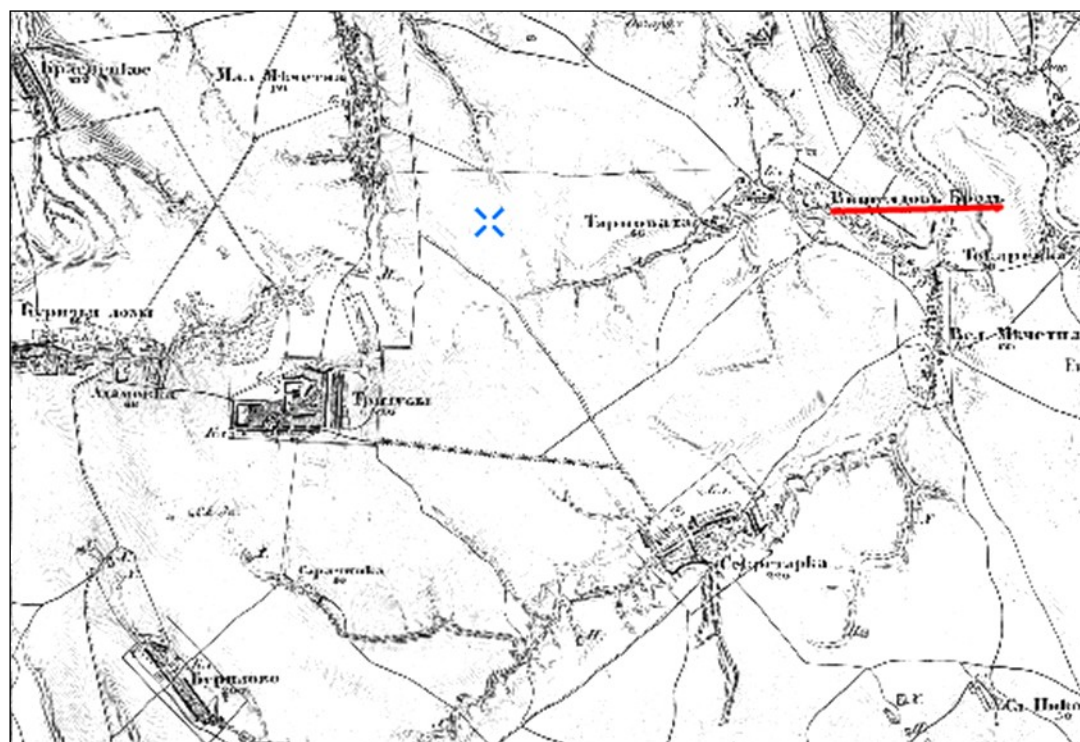

Рис. 8. Фрагмент карты 1868–1869 г.

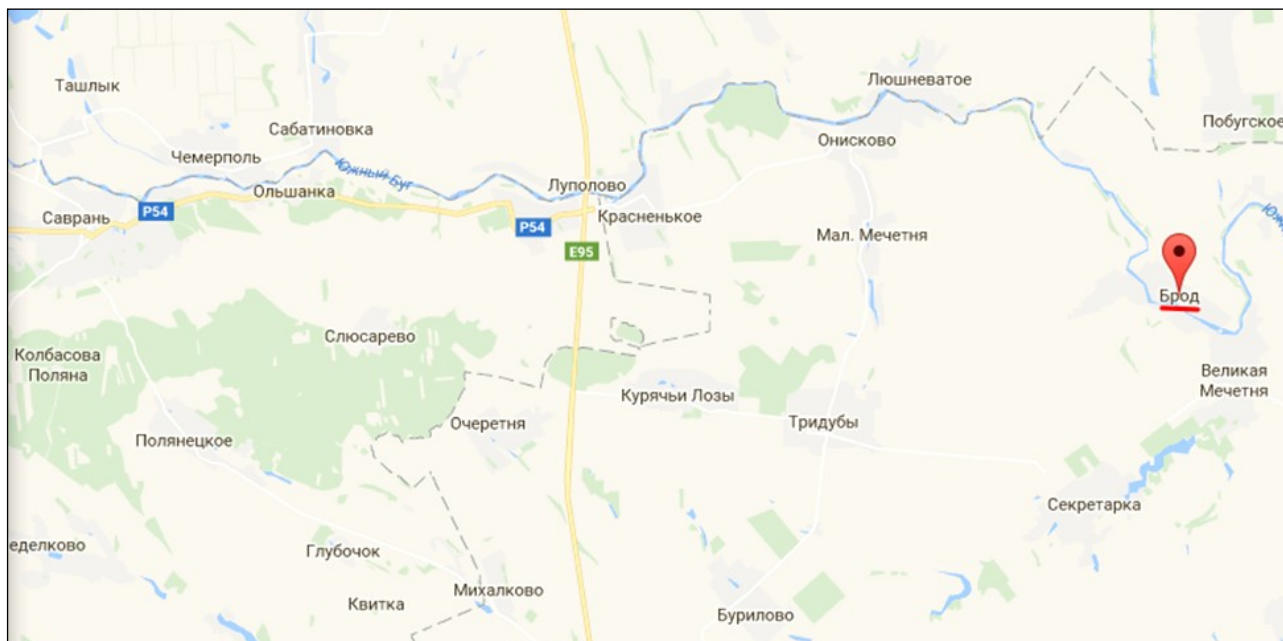

Рис. 9. Фрагмент современной карты Украины

Рис. 10. Фото со спутника. Село Брод Первомайского района Николаевской области

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bronovius M. Tartariae descriptio. Russia seu Moscovia itemque Tartaria. Commentario topografico atque politico illustratae [Textus]/ Martinus Bronovius. Lugdunum Batavorum: Ex officina Elzeriana, 1630.
2. Sarnicius S. Descriptio veteris et novae Poloniae cum di visione eiusdem veteri et nova // Długossus I. Historiae Polonicae libri XII, quorum sex posteriores nondum editi, in lucem prodeunt et cum praefatione Henrici L. V. ab Huyssen. Francofurti et Lipsiae, 1712. Т. 2. Р. 1873 –1944.
3. Ukraine sprawy. Przyczynek do dziejów polskich, tatarskich i tureckich XVII wieku / Wyd. S. Przyłęcki. Lwów 1842. S.84–86
4. Белецкая О.В. Балыклей в XIV–XVI веках (материалы к изучению исторической географии Подолии и Северного Причерноморья) // Золотоордынская цивилизация. Вып.10. Казань, 2017. С. 398–408.
5. Белецкая О.В. Имя великого князя литовского Витовта в названиях Северного Причерноморья XVI–XVIII веков // Lietuvos Istorijos Studijos. Vilnius, 2018. №42. P.7–28.
6. Белецкая О.В. Маяк в XIV–XVI веках (материалы к изучению исторической географии Подолии и Северного Причерноморья) // Золотоордынская цивилизация. Вып.9. Казань, 2016. С.186–196.
7. Білецька О. В. Поділля на зламі XIV–XV ст.: до витоків формування історичної області. Одеса, 2004.
8. Білецька О. В. Роль зовнішньої торгівлі в польсько-татарських відносинах у другій половині XIV–XV ст. // Історія торгівлі, податків та мита: зб. наук. праць. Дніпропетровськ, 2010. №1 (1). С. 57–64 (226 с.). (Школа-семінар, 23–24 жовтня 2008 р.)
9. Броневский М. Описание Крыма [Текст] / пер. И.Г. Шершеневича, комм. Н.И. Мурзакевича // Записки Одесского общества истории и древностей. 1865. Т. 6. С. 333–367.
10. Вирський Д.С. Виправа князя С.К. Корецького у Степове Побужжя [серпень–жовтень 1644 р.] // Український історичний журнал. 2015. №1. С. 36 (26–38).
11. Должевський С. Зауваження до статті проф. Ф.Петруня// Східний світ. 1928. №6. С. 172–175.
12. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. / Отв. ред. д.и.н., проф. В.И.Буганов.М., 1985.
13. Сльников М.В. Золотоордынські часи на українських землях. Київ, 2008.
14. Зивилинская Э.Д. Бани Золотой Орды, in: Практика и теория археологических исследований. М., 2001.
15. Зивилинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды, Астрахань, 2011.
16. Крикун М. Розмежування володінь Речі Посполитої та Османської імперії у 1633 році // Крикун М.Г. Брацлавське воєводство у XVI–XVIII століттях. Статті і матеріали. Львів, 2008. С. 302–326.
17. Метрическая книга церкви с. Иоанна Богослова села Витольдов Брод Балтского уезда Подольской губернии за 1771 г. ЦДИА в г. Киев. Ф. 224. Оп.1. Спр. 144. (1771–1801) –н., (1787–1797) –ш., (1783–1788) –с. См: http://cdiak.archives.gov.ua/baza_geog_pok/church/vito_001.xml
18. На розі двох світів. Історична спадщина України та Литви на території Херсонської області / С.О. Біляєва, К.С. Гуленко, О.Є. Фіалко, М.М.Івлєв, О.В. Грабовська, О.В. Манігда, О.В. Чубенко, О.В. Симоненко, О.С. Дзনেладзе, Д.М. Сікоза. Київ – Херсон: Гілея, 2018. 72 с.
19. Петрунь Ф. Нове про татарську старовину Бозько–дністрянського степу // Східний світ. 1928. №6. С. 155–171.
20. Сапожников І. Нове письмове джерело сер. XVI ст. з історії та археології Північного Причорномор'я // Київська старовина. Київ, 2002. №5, с. 110–119.
21. Сіцінський Ю. Археологічна карта Подільської губернії. Кам'янець-Подільський, 2004.
22. Фрагмент карты, 1587 г. – Карта Станислава Сарницкого, 1587. Stanislai Sarnicii Annales, sive de Origine et Rebus Gestis Polonorum et Litvanorum, Libri Octo. Habes hic priorem partem horum Chronicorum, hactenus omissam et neglectam ab alijs authoribus: quae incipit ab Asarmoth conditore Sarmaticorum populorum, et continuatur ad Lechum ipsum, rerum ordine secundum temporum seriem seruato. Et tandem a Lecho ad nostra tempora, quid in istis terris actum sit fideliter exponitur. Caetera, quae in hoc libro continentur, ipsius libri argumentum eidem praefixum indicabit. Anno Domini M.D.LXXX.VII. [Kraków], [Mikołaj Szarfenberger?]. 425 s. (вкладка)
23. Фрагмент карты, 1648 г. – Фрагмент карты Г.Л. де- Боплана, 1648, in: http://likbez.org.ua/wp-content/uploads/2015/03/Beauplan_Ukraine_XVII_map.jpg
24. Фрагмент карты, 1650 г. – Фрагмент карты Г.Л. де- Боплана, 1650, in: <http://papacoma.narod.ru/maps/kordt1/kordt1-maps/kordt1-map32b.jpg>
25. Фрагмент карты, 1657 г. – «Totius Regni Hungariae Maximae acque Parti Danubii Fluminis...», 1657, in: <http://vkraina.com/ru/maps#1657>
26. Фрагмент карты, 1681 г. – «Typus Generalis Ukrainae sive Palatinatum Podoliae, Kioviensis et Braczlaviensis», 1681, in: <http://vkraina.com/ru/maps#1681>
27. Фрагмент карты, 1742 г. – Карта 1742, in: <http://vkraina.com/ru/maps#1742>
28. Фрагмент карты, 1790 г. – Карта 1790, in: <https://polona.pl/item/mappa-geograficzna-województwa-braclawskiego-dla-wygody-przeswietney-komissyi,MTU5MjM4MjU/#info:metadata>

29. Фрагмент карты, 1791 г. – Карта 1791, in: РГВИА (Российский Государственный Военно-Исторический Архив), ф. 846, оп 16, дел. 20925.
30. Фрагмент карты, 1868–1869 г. – Карта Шуберта-Тучкова, 1868–1869, in: <http://www.etomesto.ru/shubert-map/27-9>
31. Черкас Б. Західні володіння улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV) ст. К., 2014.
32. Эварницкий Д. Вольности запорожских казаков. СПб., 1898.

Сведения об авторе: Ольга Валерьевна Белецкая – кандидат исторических наук, учитель Осичковской ООШ I–III ст. (с. Осички, Савранский район, Одесская обл., Украина). E-mail: osychkypodolianska@ukr.net

NAMELESS ANCIENT SETTLEMENT IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION OF THE POST-GOLDEN HORDE TIME

Ol'ga V. Beletskaya

School of Osichki village, Ukraine

The article is dedicated to the study of one of the seven settlements, mentioned in V. Egorov's "Historical Geography of the Golden Horde" (1985). This is Biezymiannoie (Nameless) hillfort. The source base is very scarce, because the archaeological research was not conducted. We have only six narrative documents. These are Martin Bronevsky's "Description of Tartary" (1578); anonymous work "The Mosques in the fields, in Tatar 'kesheni'" (the mid-16th century); Stanislav Sarnitskiy's "Description of Old and New Poland" (1587); relation of the expedition of Stephen Khmeletsky to Mohammed-Murza (1629); "The delimitation of the possessions of the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Ottoman Empire in 1633" and the poem about the campaign of Prince Samuel Karol Koretsky in 1644. Also, we used 8 maps and one archive source ("The Metric Book of John the Divine's Church, 1771").

The author studied all the papers, in which all the main points of view of scholars were seen regarding the localization of this nameless settlement. Although the name of this settlement was not preserved in the sources, we can affirm that it was on the River Southern Bug. Probably, after a while, the Grand Duke of Lithuania Vitovt used this Golden Horde's settlement (proper remains from these buildings, e.g. the bridge and the bathhouse). Perhaps, the transformation of the name is follow: [Unknown Golden Horde's name] – Vitovt's Bridge / Vitovt's Bathhouse – Vitovt's Brod (as Ford) – Brod: "*in Bogo pons lapideus et balneum, quod Vitoldi... fuisse perhibetur*" (1578); "*Pons Vitoldi*" and "*Balneum Vitoldi*" (1587), "*Balneum Vitovoi*" (map, 1587); "*do Witultoweo mostu*" (midl. 16th century); "*nad Witoldowym-mostem*" (1629); "*Mistowska Dolina*", "*castelli, quondam per Vitoldum*", "*Horodyszcze Witolda*" (1633); "*Witowtov most*" (1644); "*Witulek B.*" (map, 1650); "*Cessennia olim Pons Lapideus et Balneum Vitoldi ...*" (1657); "*Wituleik B.*" (map, 1742); "*Vitold Hammami*" (map, 1767); "*Vitold Brod*" (1771); "*Wituleik B.*" (map, 1681); "*Witadow brod*" (map, 1790); "*Witoldow Brod*" (map, 1791); "*Витольдов Брод*" (map, 1868–1869); "*Витольдов Брод*" (1901).

As a result of the analysis of sources, the author concluded that it was located, probably, in the territory of the modern Pervomaisky district (Nikolaev region). Most likely, there was a border place on it. There was a church, a mosque, tombs, burials (*kesheni*), a custom. It is possible that there was the Golden Horde town. However, mentions about Vitovtov's Bridge (or about the Vitovt's Bathhouse) in the khan's yarliq, unlike the former Golden Horde towns Mayak and Balykley, whose names are indicated in this group of documents, are not known in the post-Golden Horde time. Despite this, the inhabited locality was an important place in the region (at least as the ford across the river). That's why it was indicated in the maps of 1587, 1648, 1650, 1681, 1742, 1790, 1791.

Keywords: Podolia, Northern Black Sea Region, Golden Horde, Polish Kingdom, Grand Duchy of Lithuania, Grand Duke of Lithuania, Vitovt, historical geography, Tatars, kesheni, Vitovt's Bridge, Vitovt's Bathhouse, Vitovt's Ford, Nameless ("Bezzymiannoie") Town, Southern Bug

About the author: Ol'ga V. Beletskaya – Cand. Sci. (History), teacher at the School of Osichki village (Osichki village, Savran district, Odessa region, Ukraine). E-mail: osychkypodolianska@ukr.net

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ХРОНИКИ «ТАРИХ-И САХИБ ГЕРАЙ ХАН» РЕММАЛЯ ХОДЖА

Р.Р. Абдужемилев

Крымский инженерно-педагогический университет

Крымский научный центр

Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Проведено комплексное исследование художественной и нарративной специфики панегирической хроники «Тарих-и Сахиб Герай хан», принадлежащей перу Кайсуни-заде Нидаи-эфенди (литературный псевдоним Реммаль Ходжа). Данное произведение не представлено в современных литературоведческих исследованиях, а поэтому введение его в научный оборот является приоритетной задачей для специалистов, работающих в области крымскотатарской литературы.

Материалы исследования: текст хроники «Тарих-и Сахиб Герай хан» на оригинальном языке, вместе с переводом на русский язык. Исторические сведения, связанные с периодом правления крымского хана Сахиб Герая, легли в основу хроники.

Результаты и научная новизна: обозначены устные и письменные источники произведения, сформировавшие содержание. Хроника анализируется сквозь призму восточного повествовательного искусства и традиций османской историографии. Примечателен взгляд автора статьи на жанрово-стилевые особенности хроники в контексте установления цели написания произведения. Определены композиционные элементы хроники: завязка, микросюжеты, кульминация, развязка. Композиционный каркас произведения создают описания ханских походов. Изложен синопсис хроники. Значительное внимание уделяется функционированию риторических фигур: меджаз (метафора), тешхис (персонификация), тешбих (сравнение), тельмих (антономазия), мубальяга (гипербола) и пр. Отмечена героическая риторика произведения, представленная в повсеместном выделении образов богатырей. В контексте анализа художественного пространства выявлены и исследованы детали пейзажных описаний (горный пейзаж, благоустройство сада в Бахчисарае). В хронике среди прочих характеристик нарратива значимы и эпизоды церемоний в произведении, служащие фоновым обрамлением событий: мотив пиршества, аудиенция, отправление в поход, прибытие в Бахчисарай.

Ключевые слова: изобразительно-выразительные средства, композиция, крымскотатарская литература, пейзаж, повествование, Реммаль Ходжа, «Тарих-и Сахиб Герай хан», хроника, церемониал

«Тарих-и Сахиб Герай хан» [تاریخ صاحب کرای خان] («История хана Сахиб Герая») Кайсуни-заде Нидаи-эфенди (литературный псевдоним Реммаль Ходжа [رمال خواجه], полное имя Бедреддин Мухаммед ибн Мухаммед Кайсуни-заде Нидаи-эфенди, умер в 975/1567–1568 г.) представляет собой один из ярких образцов художественной литературы ханской эпохи, написанных в стиле средневекового монументального искусства. По своему характеру хроника, посвященная событиям ханства Сахиб Герая и представляющая собой биографический опус, принадлежит к разряду панегирических (хвалебных) произведений [3]. В ней наиболее ярко и полно отражены традиции восточного повествовательного искусства. Подтверждением тому служат литературные штампы, образная система, структура нарратива, организация сюжета, риторика (красноречие), поэтические вставки, язык и стиль.

Три списка хроники указаны в книге «Описание тюркских рукописей института народов Азии» (Москва, 1965) [6, с. 124–126]: 1) В 767 (590mb), почерк рик'а, 2) В 766 (590ma), почерк насх и 3) В 765 (590 b), почерк наста'лик. Дата переписки первого списка 1176/1763 г. (л 48б), второй и третий списки составлены в XIX в. Первые два списка написаны в Крыму, третий – предположительно в Крыму. Список В 767 (590mb) является полным. Его предворает пометка صاحب کرای خان قصه – «Эта книга [содержит] “Сказание о могучем и (щедром?) Сахиб Герай-хане”» (л1б). Заглавия двух других рукописей: В 766 – حضرتلینکدر عادل خان کرای صاحب کرای خان عاقل حضرتلینکدر «Это – история его величества сахиб Герай-хана справедливого» (л2б); В 765 – تواریخ رمال خواجه واقعه «История Реммаль-ходжа [о] событиях [жизни] Сахиб Герай-хана». Начало списков разнится: В 767 – «Elhamdülillâhi ellezi halâqû'l-arz ve's-sema-i ve ersele enniyâ Muhammed Mustafa....» (л 1б), В 766 – «Hamd-ı firavan sena-i bi-payân ol yüce Allah-u a'zimü'ş-şan haretine olsun....» (л 2б),

В 765 – «Selefde Sahib Geray Han Ulaqlı Sarayına gelüb...» (л 16). Заключительные строки списков: В 767 – «Du'a-i hayr olsun Hana hergâh unutmâsun beni yâran hemrah» (л 486), В 766 – аналогично рукописи В 767 (л 72а), В 765 – «Tamam olsun sözüimiz bu arada, oquyub diñleyen irsün murada. Temmet» (л 105а).

Говоря о степени изученности хроники в литературоведческом русле, стоит констатировать тот факт, что состоянием на сегодня хроника абсолютно не исследована в качестве памятника художественной литературы. Имеющийся же в наличии спектр научных работ затрагивает лишь исторический аспект произведения. В особенности, общие сведения о хронике и ее текст содержатся в издании О. Гокбильгина «Тарих-и Сахиб Герай Хан» («Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimée de 1532 a 1551») [11]. Среди прочих исследований заслуживают внимания сведения из работ В. Остапчука [8], И. Зайцева [7] и М. Шалака [9].

Основной источниковой базой хроники выступают личные свидетельства (*мюшахеде*) Реммалля Ходжа, чему способствовали его близкие связи с ханом и высокое положение при ханском дворе. Сведения участников событий [8, с. 395], рассказы и канцелярская переписка также формируют нарратив хроники [7, с. 76–77]. На страницах «Тарих-и Сахиб Герай хан» события отражены в ракурсе собственного взгляда хрониста. С персоной хана автор знакомит читателей с начала произведения, выражая свое изумление. Осведомленность писателя о состоянии дел на высшем уровне власти проявляется в подробных описаниях эпизодов, передаче содержания бесед хана с главными и второстепенными персонажами.

Согласно канонам восточного повествовательного искусства [10, с. 14], все элементы художественности представлены в единой органичной системе. Теория художественной литературы в ракурсе повествовательных техник и приемов называется *ильм-и беян* [5, с. 71], а риторика – *ильм-и белягат*. Произведения ханской эпохи имеют общие с османской литературой и другими восточными литературами характеристики. Для осознания художественного потенциала рассматриваемой нами хроники возникает необходимость оперирования специальной терминологией в рамках изучения диванной (дворцовой) литературы [5, с. 70]: меджаз, тешбих, тешхис, истиаре, кинае, тельмих, темсиль, мубаляга, тезат и др. Перечисленные приемы именуется в восточной литературе «эдебий санатлар» [10, с. 27].

Произведение написано в стиле «шахнаме» («книга о падишахе») и «зафернаме» («книга побед»), подобно хронике Мехдеда Сенаи «Тарих-и Ислам Герай хан» (1651 г.). Во вступительной и завершающей частях автор в общих чертах раскрывает цель своего изложения. Она заключается в сохранении в истории памяти о славном имени хана Сахиб Герая. В восточном литературоведении существует понятие «хатырат», под которым подразумевается книга памяти, охватывающая период жизни определенного лица. Европейским аналогом выступает «мемуар», то есть литературное произведение в форме записок о прошлых событиях, современником или участником которых был автор. Свидетельство того, что целью автора было сохранить память о Сахиб Герай-хане, находим в концовке произведения: «...Bize dahi lâzim geldi ki, anı du'a-i hayr ile yâd edüb, kitab ile añdurub, oquyub, diñleyenler hayr du'a etdükte, merhum Hane sevablar ve nice dereceler müyesser ola...» [11, с. 149] // «...А нам же пришлось поминать его [хана] в молитвах, сохранив память в книге и читая. А куда слушающие сию книгу будут возносить молитвы, тогда покойный хан с легкостью обретет блага и премного возвысится...» (*перевод – Р.А.*). Дидактические нотки в речи автора ощутимы во вступительной части хроники: «...Bu hikâyeti diñlemekle iki dürlü faide hasıl olur. Biri budır kim, söz olunur, anları bilüb nice faide olur. Ve biri dahi budur kim, bu kitabdan oquyub, ol padişah-ı adilñ ruh-ı revanına hayr du'a etseñ, nice dürlü sevablar hasıl olur...» [11, с. 19] // «...Слушающий этот рассказ получит для себя две пользы. Первая – знания из этой словесной сокровищницы принесут много пользы. А другая – читающий эту книгу и воздающий молитву за душу справедливого падишаха получит много наград за благие дела...» (*перевод – Р.А.*). В последующих мыслях Реммалля Ходжа прослеживается нравственная парадигма и философская сентенция о равенстве всех людей перед Богом [1, с. 58].

Центральная фигура сочинения – Сахиб Герай-хан, биография которого легла в основу сюжета. Автором хроники проведена связующая линия между ханом и его предками (род Гераев и Чингисхан), при этом гиперболично выделена персона Сахиб Герая. На фоне всех характеристик хана приоритет дан его мудрому правлению и организаторским способностям: «...Çayetle müdebbir zirek padişah idi. Elhasil, Çengiz Han zamanından berü böyle bir padişah gelmiş değildi...» [11, с. 35] // «...Он был весьма предприимчивым и проницательным падишахом. Словом, со времен Чингисхана не было подобного падишаха...» (*перевод – Р.А.*). Роль хана в статусе руководителя похода и предводителя

войска отражена в отрывке: «...Kefe haqlı bu askeriñ tertibiñ görüb, Han Hazretlerine du'alar edüb dediler ki, ta Çengiz Handan berü bu vechle ayın ve ziyet ve tertib sahibi padişah gelmiş degildir dediler...» [11, с. 74] // «...А кефинский народ, увидев порядок расположений этого войска и вознося молитвы хазрет хану, молвил единогласно: «Еще со времен Чингисхана не ступала сюда нога всякого падишаха с такой пышностью, торжественностью и в таком порядке...» (*перевод – Р.А.*). Такие черты, как упорство, твердость в принятии решений и непоколебимость духа, у хана наиболее четко проявлялись в походах: «...Ve hiç bir padişah Çerkesiñ tağlarına böyle girdiği yoğidi ve nesl-i Çengizden böyle iqdamlu padişah geldüğü yoqdur...» [11, с. 82] // «...И ни одному падишаху не удавалось так взобраться на черкесские горы, и не было подобного усердного падишаха из рода Чингизового...» (*перевод – Р.А.*). Хронист в своем описании не обошел стороной и материальный достаток правителя: «...Elqıssa, Cengiz Han zamanından berü gelen hanlarda bunıñ gibi mal ve hazinesi çoq padişah gelmez degildi...» [11, с. 138] // «...В общем, со времен Чинисхана среди всех ханов не был такой падишах, что имел бы столько состояния и такого множества казны...» (*перевод – Р.А.*).

Композиция хроники

Сюжет выстроен преимущественно на описании военных событий: походы, переправы, сражения, оборона укреплений и т.д. Перед читателями предстает ряд батальных сцен с участием хана, султанов, беев, мурз, войска в целом. Сюжет произведения предваряет вступительное слово автора, которое представлено в религиозно-философской форме. Экспозиция повествования разворачивается в Стамбуле, где Реммаль Ходжа впервые увидел будущего хана рядом с султаном Сулейманом [3, с. 58]. Однажды Нидаи-эфенди оказался среди людей, наблюдавших за процессией встречи султана Сулеймана Кануни. Рядом с султаном находился молодой человек (хан), который привлек взор автора. Завязкой сюжета выступает *джюлюс*, момент восшествия нового хана на престол. Получив султанскую грамоту и военное сопровождение, Сахиб Герай выехал из Эдирне-Капу, а затем через Аккерман держал путь в Крым.

Сюжет хроники разделен на аналогичные по своей структуре микросюжеты. Все они сложены по следующей схеме: 1) описание причины похода (проблема), 2) подготовка к походу (мобилизация), 3) выход в путь; 4) передвижение в пути, 5) победный финал похода; 6) возвращение в Бахчисарай, 7) торжества.

После повествования о прибытии хана в Крым идет развитие событий. Сначала автор сообщает о борьбе за власть между Ислам-султаном и ханом, о роли Баки-бея в этом противостоянии. Первичные дела хана на престоле заключались в благоустройстве Улаклы-Сарая и Бахчисарая. Следующий эпизод связан с участием ханского войска в молдавском (Кара Богдан) походе османов, со строительством и укреплением фортификационных сооружений в Ор (Перекопе). Результатом похода стало бегство воеводы Петра и опустошение его владений. Хан встретился с султаном, войска расположились в осажденной крепости в Сечве.

Письмом от бека Кефе с сообщением о нападении черкесов на Тамань начинается следующий микросюжет. Цель похода заключалась в наказании Кансавука, главы племени Жане. После переправы через Керченский пролив татары направились к Темрюку и Кубани. Войску пришлось идти по ложному пути по горе Эльбрус, указанному проводником. В итоге воины возвратились в Бахчисарай и устроили пир.

Следующий поход был совершен в северные края зимой и был возглавлен сыном Сахиб Герай-хана, Эмин Герай-султаном. Обессиленное войско испытывало недостаток в провизии из-за условий похода. Тогда были отправлены азыкчылар (доставлявшие провизию люди). Баки-бей совершил нападение на войско, а хан приготовил ловушку для него.

Новый микросюжет начинается с прибытия в Крым сбежавшего князя Бельского, который стал проводником ханскому войску на пути в Москву при переправе через реку Ока. Однако Баки-бей отказался перейти Оку первым, поход был сорван вследствие плана Баки-бея. Войско отступило в сторону Ор и вернулось в Бахчисарай. Баки-бей был казнен. После этого автором сделан переход на рассказ о рождении сына хана, Хаджи Герай-султана, по случаю чего были устроены торжества.

Композиционно автор предваряет новое повествование письмом от бека Кефе, в котором сообщается о неподчинении Кансавука ханским и султанским велениям (отказ отправлять ясырь и кража имущества). Хан провел корюнюш в Сары-Голе, а затем отправился к Керчи. После переправы действия разворачиваются в горах Кавказа (Эльбрус), черкесы предпринимают неудачную попытку осады татарского войска. Поход завершился достижением цели, при этом Кансавук бежал. В соответ-

вии с традицией, с возвращением войска на переднем плане появляются сцены встречи войска и пиршеств.

В продолжение рассказа автор знакомит читателей с шейхом Эбубекир-эфенди Кефеве, сопровождавшим хана в походах. Эльбозады-бей из Кабарды просил помощи у хана в подавлении восстания черкесов, намеревавшихся взять Азак. В походе войско совершило переправу на плотках через реку Тан (Дон), автором описаны сцены прохождения по обрывистым местам Эльбруса. Поход был совершен во время уборки урожая («орак заманы»), кабардинцам не удалось ночью осадить ханское войско. Татары возвратились в Крым с победой. Далее следует небольшой рассказ о казни нокера Эмин Герай-султана за взятие в плен слуги одного человека.

Причиной астраханской экспедиции стала жалоба от купцов, караван которых был подвержен нападению от Ягмурчы-султана, захватившего астраханский престол. Результатом похода стало завоевание Астрахани и бегство Ягмурчы-султана. Следующий микросюжет иллюстрирует оборону Ора от вторжения ногайцев. Последняя часть хроники посвящена черкесскому походу по приказу османского правительства и содержит в себе кульминацию. Визирь Османской Порты замыслил план по устранению Сахиб Герая с престола и утверждению ханом Девлет Герая. Поход завершился изменой войска, в результате чего хан был заключен в тюрьму, а затем убит.

Как видно, кульминация хроники включает в себя эпизод гибели Сахиб Герай-хана. Сцены из похоронной процессии хана и просьба Нур-Султан-хани о написании сочинения в память о своем отце составляют развязку.

Изобразительно-выразительные средства в хронике

Меджаз (метафора) является опорным элементом любого художественного произведения. Стилистическая функция меджаза заключается в экспрессивной характеристике персонажей и явлений [10, с. 76]. Поступательное передвижение войска в походе напоминает собой прибой морских волн: «...askere göğüs germiş merdler bölük-bölük, fevc-fevc, mevc-mevc yürüdiler...» [11, с. 62] // «...а гордо распахнувшие грудь удалцы ехали частями, группами, волна за волной...» (*перевод – Р.А.*). В целом хронике свойственны метафоры с уподоблением к морю. Пример меджаза в описании печали и размышлений хана после случившихся неудач: «...Çünki bunca tac u taht elden gitdi, han gâh ağlayub, gâh tahayyür bahrine müstağraq, ve gâh fikir deryâsına ğarq olub, nice edegegin bilmedi...» [11, с. 138] // «...Ибо подобный венец и престол были утеряны. Хан то плакал, то погружался в море недоумения, а то и окунался в море дум, не ведая, что чинить и как же быть...» (*перевод – Р.А.*). Фрагмент с метафорическим изображением красноречия хана во время беседы с беками: «...Gerü Han Hazretleri sözü gelüb, ol lafz-ı dürerbarından dürler nisar edüb, buyurdi ki...» [11, с. 63] // «...Снова пришло время молвить хазрет хану, рассыпав перлами красноречия из той речи, подобной жемчужнице, повелел...» (*перевод – Р.А.*). Меджаз находим и в эпизоде о поисках черкесского войска в горах Кавказа «...Ve on beş gün asker Çerkes tağların elekden eler gibi etdiler...» [11, с. 80] // «...И за пятнадцать дней войско прочесало черкесские горы, пропустив все вокруг через сито...» (*перевод – Р.А.*). С использованием метафоры автор также красочно изображает картину строя войска: «... sebe ve cevşene ğarq olub, güneşe qarşu berk ururlar idi...» [11, с. 73] // «...полностью вооруженные и в доспехах, так что они на солнце сияли всем своим видом, отбивая молнией...» (*перевод – Р.А.*).

Среди прочих фигур речи встречаем такой прием, как тешхис (персонификация, или олицетворение), в основе которого лежит перенос свойств и качеств человека на неодушевленные предметы или явления действительности [10, с. 151]. Тешхис представляет собой один из видов меджаза. Примеры из хроники в описаниях природных явлений, о восходе солнца и наступлении ночи: «...Güneş Qaf qullesinden baş götürdi. Nuri ile alemi münevver qıldı...» [11, с. 76] // «...Солнце подняло голову из-под башни горы Каф и озарило весь мир...» (*перевод – Р.А.*); «...gece oldı. Alem siyâh libasa bürindi...» [11, с. 77] // «...Ибо наступила ночь. Мир облачился в черное одеяние...» (*перевод – Р.А.*).

В произведении встречаем зоосемантические тропы (истиаре) [10, с. 54], в основе которых лежит противопоставление «волки и овцы». В аллегорической форме передана идея о справедливости и гармонии в правление хана, без разногласий в обществе: «...Anıñ zamanında qurd qoyunla yürürdi...» [11, с. 32] // «...Во время его царствования волки дружно жили с овцами...» (*перевод – Р.А.*). Еще один яркий пример зоосемантической образной репрезентации мысли о справедливости хана, выступавшего защитником угнетенных и страждущих: «...boynuzlı qoyundan boynuzsız qoyunın haqqını aliverici padişahlar padişahıdır...» [11, с. 118] // «...ибо со всех падишахов сей падишах есть тот, кто достойно и справедливо возвращает право безроговому барашку от рогатого барана...» (*перевод – Р.А.*). Необходи-

мые качества, которыми должны обладать ханы, в частности, строгость в принятии решений и кротость нравов, отмечены автором в форме тешбиха (сравнения): «...Zalime qurd, mazluma qoyun gibi ola...» [11, с. 35] // «...быть волком против несправедливости и овечкой к угнетенным...» (*перевод – Р.А.*). Истоки такого литературного приема могут заключаться в древнетюркской литературе.

Согласно манере восточного повествования, в хронике содержатся и сыфаты (атрибуты) в форме перифразов, демонстрирующих высокий стиль произведения: «qutb-ı zaman» [11, с. 83] // «полюс времени» (*перевод – Р.А.*) – нарицательное имя шейха Эбубекира-эфенди Кефеви; «burg-ı evliyâ» [11, с. 83] // «созвездие праведников» (*перевод – Р.А.*) – Багдад; «padişah-ı ruy-i zemin» [11, с. 118] // «падишах, лик Земли» (*перевод – Р.А.*) – султан.

Для хроники, как и для любого художественного произведения, характерно наличие тешбихов (сравнений) [10, с. 149]. Отождествление войска с муравьями демонстрирует многочисленность и организованность ханского войска: «... yigirmi-otuz qat tatar dizilmiş, qağınca gibi qaunar...» [11, с. 29] // «...уже было выстроено двадцать-тридцать рядов татар, которые суетились будто муравьиный рой...» (*перевод – Р.А.*). По аналогии с суетливостью муравьев изображено и войско московского царя: «...Suyun öte yanını Rus çerisi qab-qara basmış qağınca gibi qaunar...» [11, с. 64] // «...на противоположном берегу реки, будто черный рой муравьев, суетилось русское войско...» (*перевод – Р.А.*). В описании внешнего вида хана после разговора с султаном хронист тонко выделил радостное состояние Сахиб Герая, сравнив его улыбку с цветком: «...Gül cemalı, gül gibi güler...» [11, с. 30] // «...На его прекрасном, как роза, лице была улыбка, похожая на раскрытый цветок...» (*перевод – Р.А.*). Примеры других сравнений: подобие хана полной луне («bedr ay gibi») [11, с. 55], лунноликий, с глазами Венеры сын хана («ay yüzlü, çolpan gözlü») [11, с. 70], бикечи с глазами ланей («ol ahu gözlü beğeler») [11, с. 123], слезы хана от тоски и безнадёжности, похожие на ручьи («ıgmaq gibi») [11, с. 140], аналогия между ханом с войском и пастухом с овцами («leşkeriñ ardınca çoban qoyunuñ süreğ gibi») [11, с. 95] // «вслед за войском, будто бы чабан, погоняющий стадо овец», *перевод – Р.А.*), сходство между войском и звездами («...değyâ-i ahderan gibi leşker çalqanub...» [11, с. 99–100] // «...и войско встрепенулось, словно звездное море...», *перевод – Р.А.*) и т.д. Атака войска на противника показана в сравнении с волчьим прыжком на объект охоты: «...Etrafdan duşman üzerine ac qurtlar gibi hücum edüb, toqındılar...» [11, с. 112] // «...Набросились на врага со всех сторон, словно голодные волки...» (*перевод – Р.А.*). В следующем фрагменте также находим образы волка и овец: «...ğaziler qurd qoyuna diş biler gibi Çerkes ile uruşmağa ve can ve baş verişmege iterlerdi...» [11, с. 76] // «...а газии, словно волки, наострившие зубы на овец, вступили в отчаянный бой с черкесами насмерть...» (*перевод – Р.А.*).

Из семасиологических приемов стоит выделить «тельмих» (аналог европейской антономазии) [10, с. 138]. Это своеобразное упоминание имени исторического, литературного, мифологического или коранического персонажа, известного события, высказывания в литературной проекции на персонажа в целях образного воплощения. Автором проведена параллель между ханом и пророком Сулейманом, олицетворявшим мудрость: «...Hazret-i Han devletle geçüb, Süleymanvar oturdu ...» [11, с. 23] // «...Хазрет хан, благословенно ступая по земле, уселся на трон, словно пророк Сулейман...» (*перевод – Р.А.*). Имя царя Искендера (Александра Македонского), воздвигшего стену, защищавшую от злобных народов, упоминается в Коране и проходит в иранской мифологии. Как и Искендер, Сахиб Герай-хан также известен строительством фортификационных сооружений. Автор уподобляет хана фигуре Искендера: «...İskender-i zaman ve Süleyman-ı devran gibi heybet ve salâbet birle gelüb...» [11, с. 73] // «...И [хан] прибыл, подобно Искандеру времени и Сулейману эпохи, величественно и с твердой походкой...» (*перевод – Р.А.*). В аналогии с персоной пророка Юсуфа, отличавшегося необычайной красотой, отражено описание внешности хана: «...Anlarıñ aqabince Han Hazretleri, Yusuf cemalle...» [11, с. 29] // «...и вслед за ними – хазрет хан, с ликом как у Юсуфа...» (*перевод – Р.А.*); «...Han hazretleri bedr ay gibi, Yusuf cemal ile, altunlı libaslara ğarq olmış...» [11, с. 55] // «...хазрет хан, подобно полной луне, с прекрасным ликом, как у пророка Юсуфа, облачился в шитые золотом одеяния...» (*перевод – Р.А.*).

В основе тельмихов мы видим и упоминания имен известных государственных деятелей и мыслителей предыдущих эпох. Параллель в близости и дружественных связях между Сахиб Герай-ханом и Реммалем Ходжа с одной стороны, и султаном Хусейном Байкарой и Алишером Навои – с другой, выражена в тельмихе непосредственно из уст хана: «...Sultan Hüseyin Bayqaraya Ali Şir Nevai nice mahrem ise, sen baña andan ziyâdesin...» [11, с. 119] // «...Насколько Али-Шир Неваи близок к Султану Хусейину Байкаре, то ты же для меня значишь больше того...» (*перевод – Р.А.*).

В своей речи к Антавугу хан в связи с богатырскими качествами последнего упоминает имя Хамзы ибн Абд аль-Мутталиба, младшего дяди пророка Мухаммеда (с.а.в.), его молочного брата и сподвижника: «...Seniñ gibi bahadır ve ağımaq atlu ve azim heybetlü ve Hamza sahib quvvetli bir pehlivan geçinür...» [11, с. 129] // «...Подобный тебе богатырь и видный всадник на тяжеловесе, внушительный и обладающий силой Хамзы пехливан [герой] обретет свою смерть...» (*перевод – Р.А.*).

Стилевая близость хроники с персидским эпосом «Шахнаме» Фирдоуси обусловила и наличие тельмихов с образами персонажей из этого классического произведения. Эталоном храброго воина служит образ Рустема из «Шахнаме»: «...Ve yanında şuniñ gibi dilâverler vardır ki, biri Rüstemi destandır...» [11, с. 46] // «...А рядом с ним храбрецы такие же, как и он, один из них, словно Рустем из дестана...» (*перевод – Р.А.*); «...Amma ol İbrahim Paşa Beğ dedikleri kimesne bir bahadır er idi kim, cengine Rüstem doymazdı...» [11, с. 49] // «...Однако же сей Ибрахим Паша-бек был таким отважным богатырем, что его сражениями не мог насытиться и Рустем...» (*перевод – Р.А.*). Из иранской мифологии проецирована и фигура высокомерного палача Кахрамана, считавшего себя великаном: «...Han Hazretleri dahi iskemle qurdurub, üzerinde Qahraman-qatil gibi kibr ü kin ile otirub...» [11, с. 77] // «...Хазрет хан же повелел принести скамью, а сам гордо и с гневом воссел на нее, словно палач Кахраман...» (*перевод – Р.А.*).

Ряд тельмихов связан с мусульманским мировоззрением. Оповестительные трубы ханского войска образно сопоставлены с Иерихонской трубой, которой ангел Исрафил протрубил светопреставление: «...Göç borısı sur-ı İsrafil gibi çalındı...» [11, с. 36] // «...а звук от гочь борусы был похож на звук Исрафиловой трубы...» (*перевод – Р.А.*). Отрицательный смысловой оттенок в отношении войска противника удачно передан в связи с упоминанием имени Деджджала, лжемессии и предвестника Судного дня: «...Dessal askeri gibi bayraqların ve surnaların çalub...» [11, с. 64] // «...и подобно войску Деджджала развевались флаги и издавались звуки сурны [трубы]...» (*перевод – Р.А.*).

Для передачи сути трагедии, связанной со смертью хана, в описании плача во время движения похоронной процессии Сахиб Герая к Салачику Реммаль Ходжа использовал следующий тельмих: «...güâ qiyamet gününden bir nişan idi...» [11, с. 145] // «...будто бы сие событие знаменовало собой День Светопреставления...» (*перевод – Р.А.*). А паника в среде черкесов изображена в такой манере: «...güâ anların başına qiyâmet qopdı...» [11, с. 79] // «...будто бы катастрофа обрушилась на их головы...» (*перевод – Р.А.*).

Для восточного повествовательного произведения характерно наличие гиперболических образов. Не исключение в этом отношении и хроника Реммалья Ходжа, в котором мубаляга (гипербола) служит наиболее оптимальным средством художественной подачи количественных характеристик для усиления эмоционального эффекта [10, с. 83]. К примеру, хронист чрезмерно преувеличивает численность войска для создания мысленно-визуализированного контраста: «... Ol gün leşker aylanup, üç günde Or'a yetdiler. Yer ve gök götürmez asker cem' oldı...» [11, с. 61] // «...В тот день войско выехало и достигло Ора за три дня. Собралось столько войска, что его всего не уместили бы вместе земля и небо...» (*перевод – Р.А.*). А в следующем фрагменте автор уже стремится создать представление об акустической обстановке батальных сцен: «...Han Hazretleri emr edüb, biñ tüfenk-endaz ve otuz dane şahı toplara ateş etdiler. Bir zelzele oldu ki, Kuh-ı Elbruz güm-güm gümledi ve zemin-i zaman iñledi...» [11, с. 76] // «...Хазрет хан повелел, дабы стреляли стрелки из тысячи ружей и тридцати пушек шахи. И было такое землетрясение, что даже гора Эльбрус громко отдавала эхом и содрогнулась земля...» (*перевод – Р.А.*). Подобную картину, но уже во время торжеств по случаю победы, находим и в другом эпизоде, когда голоса мусульман доходили до небесных высей («...mü'minlerin «Allah, Allah» avazi ауууқа егүб...»), а пушечные выстрелы сотрясали Эльбрус («...toplarnın hod sadası Kuh-ı Elbrusi gümletdi...») [11, с. 92].

Героика в «Тарих-и Сахиб Герай хан»

Произведение переполнено героическим пафосом, что и обусловило повсеместное выделение образов бесстрашных богатырей. Сама идея произведения диктует в содержательном отношении насыщенную героикой структуру. По сути, героическая риторика является композиционно-стилевой осью хроники, вокруг которой и формируется повествование. Оценочные суждения автора придают чрезмерно высокую экспрессию рассказу. В общем смысле аскеры (воины) выступают в роли одного из главных действующих персонажей. Они изображены в форме эпитетной характеристики: «merd-i meydan ve ol pehlivan-ı zaman» [11, с. 22] // «сей герой бранного поля и богатырь времени» (*перевод – Р.А.*); «yarar dilâverler» [11, с. 51] // «годные витязи» (*перевод – Р.А.*); «adem ejderleri ve Tatar

serverleri» [11, с. 61] // «подобные драконам люди и татарские предводители» (*перевод – Р.А.*); «merdane serverleriyle» [11, с. 62] // «с храбрыми предводителями» (*перевод – Р.А.*); «ve nice askere göğüs germiş merdler» [11, с. 62] // «и храбрые вояки с расprostертыми грудьми» (*перевод – Р.А.*); «iştihar bulmuş Tatar serverleri» [11, с. 73] // «овеванные славой татарские предводители» (*перевод – Р.А.*); «Manqıt dilâverleri ve Tatar bahadırları» [11, с. 100] // «мангытские витязи и татарские богатыри» (*перевод – Р.А.*); «ğayretlü erenler» [11, с. 100] // «усердные витязи» (*перевод – Р.А.*); «serefraz serverler» [11, с. 100] // «воинственные предводители» (*перевод – Р.А.*); «merd-i güzin Emin Geray Sultan» [11, с. 100] // «отборный молодец Эмин Герай-султан» (*перевод – Р.А.*).

Художественное время и пространство. Пейзаж в хронике

Категории художественного времени и пространства атрибутированы посредством эпитетов. Указание пространственных координат обусловлено маршрутом передвижения ханского войска: «...Andan bir lâtif sahrada iki leşker bir-birine qarşu qondılar...» [11, с. 29] // «...Тогда два войска расположились друг напротив друга в прекрасной степи...» (*перевод – Р.А.*); «...Bir ulu suyn kenarına qonub...» [11, с. 49] // «...Остановившись на берегу большой реки...» (*перевод – Р.А.*); «...Bir lâtif maqamda qondurdılar...» [11, с. 54] // «...И учинили привал в красивом месте...» (*перевод – Р.А.*). В произведении нет точных временных маркеров, автор ограничился лишь делением на день и ночь, а также абстрактными фразами: «...Günlerde bir gün bir mübarek saatde saray halqıyle vedalaşub, qanun-ı qadim üzre süvar olub...» [11, с. 85] // «...И однажды в благословенном часу, попрощавшись с придворным людом, согласно древним обычаям, сел он на лошадь...» (*перевод – Р.А.*); «...Bir mübarek günde ve eşref saatde vaqt-i seherde, tur atlan borusı çalınub...» [11, с. 99–100] // «...И в один благословенный день и в благословенном часу, на рассвете зазвучала мелодия труб “Тур атлан борусы”...» (*перевод – Р.А.*).

Пейзаж в хронике занимает важное место в характере повествования, он служит фоном, на котором разворачиваются события, и существенно дополняет авторский замысел в части создания целостного произведения. Пейзаж характеризуется такими параметрами, как тональность, масштабность, впечатляемость, эстетическое воплощение, символика, динамичность пространства [2, с. 99].

Развернутые картины природы – это то, что отличает данное сочинение от других хроник. Три мотивировки составляют базис пейзажа: мотивировка композиционная, реалистическая и художественная [2, с. 100]. Для пейзажных описаний Реммалля Ходжа характерна высокая степень реалистичности в подаче описаний природы. Горный пейзаж в художественном выражении Реммалля Ходжа воспринимается как экзотический, с разнообразием ландшафта.

Большое внимание уделено горе Эльбрус. Сначала автор показал пространственный охват горы. Так, в воображении читателя предстает картина во всей своей масштабности. Подобный авторский подход служит для эффекта «впечатляемости» и позволяет сконцентрировать внимание на широких просторах территорий объекта изображения [2, с. 101]. В речи повествователя явно чувствуется нота изумления: «...Andan soñra Han Hazretleri asker ile göçüb, Kuh-u Elbruz a ‘azm qıldılar. Amma Kuh-u Elbruz anuñ gibi tağdır, ta Horasandan çekilüb Şirvana gider. Andan Demür-qapuya gelür. Andan soñra Abaza Çerkesinden Gürkiye gelür. Andan Trabzona, andan Sinoba, andan Boluya, andan Bursaya, andan ta varub Aq Deñize qat olur. Bu cihanda yedi tağ vardur...» [11, с. 39] // «...Тогда хазрет хан вышел в путь со своим войском и направился в сторону горы Эльбрус. А гора Эльбрус настолько огромна, что простирается от Хорасана аж до Ширвана. Оттуда достигает Демир-Капу. А оттуда лежит от земель черкесов-абазин до Грузии. Далее к Трабзону, потом к Синопу, Болу, Бурсе, а оттуда простирается хребтами вплоть до Средиземного моря. В этом мире есть семь гор...» (*перевод – Р.А.*).

В своем повествовании Реммаль Ходжа детализировал пейзаж – снежный покров горы: «...Kuh-u Qafdan soñra, Kuh-u Elbruzdur ki, Jane Vilâyetinden ta Şirvana varınca, nisfinadek aq qardur. Yazda, qışda dünya turalı qarı gitdügin kimse bilmez...» [11, с. 39] // «...Вслед за горой Каф, гора Эльбрус отличается тем, что начиная от виляета Жана и до Ширвана, она наполовину покрыта белым снегом. Летом и зимой бесконечный снег не исчезает с ее вершин...» (*перевод – Р.А.*).

Отличительная черта речи – последовательность в описаниях. Следующий момент, на котором останавливается рассказчик, – флора и фауна. В данном контексте в круг описаний вошли лес и его обитатели. Перед читателями открываются картины горного пейзажа, где представлен дремучий лес с труднопроходимыми тропами: «...Ve qardan aşığa bir dane ağaç bitmiş degildir. Andan aşığa ormandır ki, arasından quş uçmaz ve qulan yürimez. Andan aşığaya sarhaya inince, üç günlük tağlar ve derelerdir ki, yoldan ğayrı yerden gidilmek mümkün degildir. Ve sulu yerlerdir ki, sürü-sürü ahular yürür. Günde kırq-elli

süri uğrar. At ve adam sadasından qaçacaq yer bulmayub, asker içine uğrar, kimin atub yıqarlar. Velhasıl, her qasda şikâr eti çoq ve asker toq-toyum geceleri qadir ve gündüzleri bayram, düşmandan biperva bir tariquyle Kuh-u Elbruzi seyirdüb, on gün gitdik...» [11, с. 39] // «...А ниже заснеженных мест сплошь растут деревья. Там внизу есть такой лес, что меж деревьев птица не летает и дикая лошадь не ходит. А за ним внизу, на спуске к равнине, лежат труднопроходимые горные местности и долины расстоянием в три дня, где можно ходить только по тропе. Это места, где есть много воды и в которых стадами бродят газели (косули). В день прибывают сорок-пятьдесят стад. Не находя себе места, чтобы скрыться при звуках лошадей и людей, натываются на войско. Те же валят некоторых, отстреливая. Словом, в любом случае мяса дичи было много, так что войско было сытым и накормленным. Так шли в пути, делая каждую ночь, словно ночь предопределения, а каждый день – будто праздник, не думая о врагах и любуясь горой Эльбрус...» (перевод – Р.А.).

Для усиления экспрессивности в повествовании Реммаль Ходжа заостряет внимание на трудностях в прохождении горных путей Кавказа. Так создается панорама крутых горных склонов с тропами, требовавших особенных усилий для их преодоления. В этом плане эпитет «сарп» (обрывистый, крутой) сполна передает смысл крайней опасности описываемых мест: «...Han Hazretleri on bir biñ er ile tağ semtin tutub, saadetle revana oldı. Amma ol sarb yerlerden iki adam bir yerden yürimezdi, bir-bir geçerdı. Ve dahi tağın altı yañı uçurum edi. Eger kim ayaq sürçüb uçarsa, biñ pare olurdı...» [11, с. 41] // «...Хазрет хан с одиннадцатю тысяч мужей, держа путь в сторону горы, благополучно отправился. Но по тем обрывистым местам одновременно не могло пройти два человека, посему переходили по одному. А под горой – новая пропасть. Коль кто-либо оступится и полетит вниз – то так разобьется, что и живого места не останется...» (перевод – Р.А.).

Для авторского метода характерна и градация – стилистический прием, выраженный в последовательности художественной изобразительности по возрастающей или убывающей значимости [2, с. 102–103]. Как следствие, на фоне повышения степени изображения картин проявляется усиление экспрессивности: «...Ertesi andan geçüb, orman içinden gitdiler. Quşluq zamanında bir sarb yere vardılar ki, evvelki sarbları unuttılar. Amma dere içinde Orgunuñ tütünü göründi. Ve illâ bir yol var aşğa, inmegi iki adam yanaşa yürimez...» [11, с. 42] // «...Рано утром переправились по тому пути и проехали через лес. Перед полуднем добрались до обрывистого места, что аж забыли прошлые крутые обрывы. Но в ущелье виднелся дым Оргуна. И все же к низу был путь, по которому рядом не могло спуститься два человека одновременно...» (перевод – Р.А.).

В «Тарих-и Сахиб Герай хан» имеется фрагмент, где автор повествует о делах хана по благоустройству различных мест [2, с. 103]. В этом контексте есть сведения о том, что Сахиб Герай построил мечеть и медресе в резиденции Улаклы-Сарай: «...Bir lâtif camı ve bir medrese bina edüb, müderris tayin edüb, imaret etdi...» [11, с. 25] // «...И построив красивую мечеть и медресе, назначил мюдерриса...» (перевод – Р.А.). Сад как деталь-лейтмотив является распространенным средством пейзажного описания в повествовании восточных хроник. В частности, в сочинении Реммала Ходжа подробно описан вид сада в Бахчисарае, облагороженного ханом Сахиб Гераем. Автор нашел сходство сада с райским Эдемом: «bağ-ı irmeden nişan verir» [11, с. 25] // «будто бы из райского сада» (перевод – Р.А.). Усиление эстетического восприятия дворца, построенного ханом, передано посредством преувеличения (гиперболы). Здесь в тельмихе фигурирует имя персонажа из мусульманского сказания, царя по имени Шеддад: «...ortasında bir cennet-misal saray bina eyledi ki, Şeddad görse, aferin eylerdi...» [11, с. 25] // «...возвел в середине райский дворец, Шеддад при виде его непременно выразит свое восхищение...» (перевод – Р.А.). Реммаль Ходжа провел аналогию между сооружениями Сахиб Герая и царя Шеддада. Шеддад в течение трехсот лет строил город с дворцами, в котором в изобилии были вода и фрукты. Он возвел сооружение из драгоценных металлов и камней, которое называлось Ирам Зат аль-Имад («многоколонный Ирам»).

Скрупулезность повествователя проявляется в перечислении деталей, которые создают мысленную визуализацию сада: «bir murğsar bağçe ve ortasında bir cennet-misal saray» [11, с. 25] // «полный птиц сад и райский дворец посередине» (перевод – Р.А.); «...Qasr u taq ü eyvan u sahnı tolu hur-u ğılman...» [11, с. 25] // «...А там навесы, и арки, и террасы, а вокруг ходят урии и райские юноши...» (перевод – Р.А.); «...Her tarafında ab-ı hauvan revan olmış...» [11, с. 25] // «...И повсюду течет лечебная вода...» (перевод – Р.А.). Выразительное художественное описание находит отражение и в тельмисе: «...Her sanibi çayır-çimen, serv ü nar u yasemin, ruy-i dilber gibi tebessüm eder...» [11, с. 25] // «...А вокруг лужайки да зелень, тополя, гранат и жасмин улыбаются, словно прекрасный лик...» (перевод – Р.А.). Исключительность объектов читательского взора в хронике передана словами «отовсюду»,

«всюду», «везде»: «...ol saraynıñ qurbunda bir cami-i şerif ve mahfel-i lâtif bina etdi ki, her yerde temaşasına gelürler idi...» [11, с. 25] // «...а рядом с тем дворцом построил святую мечеть, место для собраний на высоком месте, так что отовсюду приходили люди посмотреть на них...» (*перевод – Р.А.*); «...yanında bir hamam uaptı ki, her diyarda añıldı...» [11, с. 25] // «...рядом построил баню, молва о которой шла во всех краях...» (*перевод – Р.А.*). В завершение описаний, автор восторгался тем, что «за несколько месяцев предстал город, что радуется сердцу» (*перевод – Р.А.*) // «...Bir qaç ay içinde bir müferrih şehir oldu...» [11, с. 25].

Специфика повествования

Повествование автора – единая система, последовательно выстроенная в структурном плане. Автор настраивает читателя на нужный лад и сохраняет интригу, предваряет рассказ необходимыми фразами и сообщает о предстоящих эпизодах. Чтобы не вдаваться в подробности всех событий во время черкесского похода, автор опускает их со словами: «...İnşallah-ı Taalâ mahallinde beyân ederiz...» [11, с. 42] // «...По воле Всевышнего Аллаха об этом будет речь в свое время...» (*перевод – Р.А.*). А вместо детализации приоритет отдан более значимым событиям, с точки зрения повествователя не обрывавшим сюжетную линию: «...Hele şimdi sözüme gelelim...» [11, с. 43] // «...Все же вернемся к нашему слову...» (*перевод – Р.А.*). Другой переход видим после описания беседы хана с Реммалем Ходжа: «...Biz yine sözüme gelelim...» [11, с. 119] // «...А теперь снова вернемся к нашему рассказу...» (*перевод – Р.А.*). Таким образом, автор заявляет о себе как о живом рассказчике.

В речи хрониста заметна техника сказителя, искусно владеющего словом и создающего переходы в повествовании. В целом нарратив идентичен сказу, исходя из стилизации речи, специфической интонации, имитации элементов фольклорного жанра. Небольшое по своему объему повествование охватывает ряд эпизодов и событий. Одни события разделены от других временными интервалами, что и необходимо для понимания читателями: «...İşte Han Hazretleri devlet ve saadetle tahtında huzur ve safada, ve halq saye-i devletinde asude olub, bunıñ üzerinde bir zaman mürur edüb...» [11, с. 97] // «...Хазрет хан остался на своем престоле в наслаждении и довольстве, а всеобщий люд – в благополучии и в покое. После того прошло некоторое время...» (*перевод – Р.А.*). Сразу после этого предложения рассказ начинается с новой главы.

Эмоциональное восприятие картин, в частности, восхищение от увиденного, приподнесено в невозможности словесного описания события. В изображении пиршества для султанов, сыновей хана, событие подано под углом исключительности, немыслимости и чрезмерной пышности: «...Ehl-i bezm zevq u şevke taldı. Ol gün bir şahane bezm oldu ki, diller vasf edemez...» [11, с. 47–48] // «...Собравшийся на пиршестве люд погрузился в удовольствие и всеобщую радость. В тот день состоялось такое царское пиршество, что даже не передать устами...» (*перевод – Р.А.*). Для повествования характерны изображения с исключительностью и невиданным размахом сражений: «...Ve'l-Hasıl bir qıran-ı ekber oldu ki, hiç görülmüş degildi...» [11, с. 112] // «...Словом, было такое великое побоище, что не было видано доселе...» (*перевод – Р.А.*). В той же манере неповторимости показана и щедрость хана, одаривавшего своих собеседников: «...Han Hazretleri bunlara şol denlü in'am ve ihsan eyledi kim, quâsa gelmez...» [11, с. 48] // «...хазрет хан оказал сим людям столько благ и проявил столько милости, что нет ему равного в том...» (*перевод – Р.А.*).

Весь драматизм ситуации и плач женщин во время похорон хана выражены в предложении: «...Bir giriv reyda oldu ki, diller ile vasf olunmaz...» [11, с. 144–145] // «...Настолько большая поднялась суматоха с криками, что даже не поддается описанию...» (*перевод – Р.А.*). Методом неизъяснимости Реммаль Ходжа писал также и о своей близости к Сахиб Герай-хану: «...Zira bu faqır dahi bir zaman sırdaşı idim. Beynimizde bir muhabbet ve mevedded var idi ki, tabir olunmazdı...» [11, с. 119] // «...Ибо тогда сей ничтожный некогда ведал его сокровенные тайны. Между нами была дружба и взаимопонимание, что не пояснить словами...» (*перевод – Р.А.*).

Церемониал в структуре нарратива хроники

Неотъемлемый атрибут повествования – описание церемониала. Посредством церемониала произведение приобрело красочный антураж, передающий дух эпохи в художественном обрамлении [4, с. 3]. Традиционно после возвращения из похода в столицу происходила церемония праздничной встречи ханского войска: «...günlerde bir gün Bağçesarayâ gelüb qarar etdi. Yine el, vilâyet şenlik ile toldı. Begler yerlü-yerinde, her kişi zevq u safasında oldu...» [11, с. 44] // «...и однажды прибыв в Бахчисарай, принял решение опять проводить торжества, и снова край и виляет наполнились весельем. Бей пребывали на своих местах и каждый был в удовольствии и радости...» (*перевод – Р.А.*).

Специфическим авторским приемом выступает мотив пиршества (*зияфет меджлиси*), характерный для произведений прославленного характера [4, с. 4]. Этот мотив цикличен и комплементирует сюжетную линию. В нем отчетливо проявляются черты сказа. Эпизоды угощений наиболее подходящи для представления о щедрости правителя. Стоит отметить, что сцены пиршеств являются частью литературного метода, при котором выполнялся спад от кульминационных точек. Здесь включены упоминания о сладостях и напитках: «...Asal-ı musaffa göñüllere safa vermek için destiler dizildi. Gerü şahane ayaqlar ile bal-ı safı süzildi...» [11, с. 47–48] // «...Принесли процеженный мед для наслаждения души и расставили дестилер [горшки]. Снова в царских чашах разливался чистый мед...» (*перевод – Р.А.*); «...sakiler sağ ve soldan yürüyüb qadehler sundılar...» [11, с. 57] // «...и с приходом сакилер (разносчиков) справа и слева были поданы кубки...» (*перевод – Р.А.*). Музыканты украшали пир своими мелодиями: «...Sazendeler sazıñ ele aldı. Kimi oynadı ve kimi çaldı. Ehl-i bezm zevq u şevke taldı...» [11, с. 47–48] // «...Музыканты-сазджы взяли в руки сазы. Кто танцевал, а кто играл на инструменте. Собравшийся на пиршестве люд погрузился в удовольствие и всеобщую радость...» (*перевод – Р.А.*); «...Ve sazendeler dahi terennümata başlayub nayları inledüb ve çenki iki qat edüb, havabahş ederler idi...» [11, с. 57] // «...А музыканты-сазджы, начав исполнять красивые мелодии, гудя камышовыми дудками, усиливая звучания ченки, переполнили все вокруг музыкой...» (*перевод – Р.А.*). В довершение описаний в гиперболической манере выделены исключительность и бесподобность зрелища: «...bir zevq u şevq oldı kim, misli asla olmuş degildi...» [11, с. 57] // «...было столько удовольствий и веселья, что вовсе нет подобного тому...» (*перевод – Р.А.*).

В нарративе хроники имеют место и сведения о корюнюше, официальном приеме или аудиенции [4, с. 4]. Корюнюш проводился по определенному поводу, иногда специально для приема чиновников и послов, в ханском дворце или во время походов. Эпизоды корюнюшей после походов замыкают разделы о походах Сахиб Герая, являясь необходимыми компонентами композиции с точки зрения логики событий. В авторской технике заметно стремление к детализации атмосферы корюнюша: «...Han Hazretleri devletle Bağçesaraya gelüb, halq-ı alem mübarek cemaliñ görüb, görünüş etdiler. Han Hazretleri dahi ulema ve suleha ve fuqaraya bi-payan in'am ve ihsan edüb...» [11, с. 95] // «...По счастливому прибытию хазрет хана в Бахчисарай весь люд вышел созерцать его благословенный лик и собрался на приеме. Хазрет хан же оказал всевозможные блага и милости улеме, набожникам и благочестивцам, беднякам и всякому люду, проявил почтение согласно положению...» (*перевод – Р.А.*).

Циклическостью характеризуются и эпизоды, связанные с отправлением войска в поход. Они именуются такими понятиями, как «казимет» (выход в путь), «теведжджюх» (направление) и реван (ход, течение) [4, с. 5]. Большая роль в сборе войск принадлежала сигнальным мелодиям духовых инструментов (труб) под названием «гочь борусы» или «тур атлан борусы»: «...Gece geçüb, subh namazın qılıb tur atlan borısı çalınub, asker süvar olub, 'ale-t-tertib Han Hazretleri muntazır oldular...» [11, с. 75] // «...Прошла ночь и совершили утренний намаз, зазвучала мелодия «Тур атлан борусы», оповещавшая о готовности выходить в путь. И войско, пребывая на лошадях, выстроившись в ряды, ожидало прибытия хазрет хана...» (*перевод – Р.А.*); «...Han Hazretleri tez buyurdı, göç borısı çalub, göçüb, Belh Suyı kenarında qonub...» [11, с. 91] // «...На сей раз хазрет хан быстро велел, дабы звучала мелодия к отправлению «гочь борусы», и, отправившись в путь, остановились на берегу реки Бельх...» (*перевод – Р.А.*).

По древней традиции торжественный выход ханского войска в поход проводился с поднятым тугом (бунчуком) и расправленным санджаком (знаменем), в сопровождении военного оркестра [1]: «...Çünkü sabah oldı. Han hazretleri buyurdı. Sancağ-ı Islâm dikülüb, tuğlardır çekildi. Tabul ve nakkareler döğildi...» [11, с. 111] // «...И тут наступило утро. И велел тогда хазрет хан, дабы подняли исламский санджак и выставили бунчуки [туглар]. Стали отбивать давул [табул] и наккаре [малые барабаны, думбелеки]...» (*перевод – Р.А.*).

Выводы. Из целого ряда крымскотатарских хроник ханской эпохи сочинению «Тарих-и Сахиб Герай хан» присущи все характеристики художественного произведения. Свидетельством тому выступают следующие факторы: жанрово-стилевые особенности, образные выражения, обилие риторических фигур, единство формы и содержания, оригинальная манера повествования в технике сказа, пейзажные описания, монументализм и др. Хроника наглядно демонстрирует повествовательные традиции восточной литературы. В настоящей статье была предпринята попытка литературоведческого анализа сочинения Реммалы Ходжа. Естественно, данная работа не закрывает весь спектр вопросов в художественном ключе. Перед исследователями открываются широкие перспективы для работы в этом направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдужемилев Р.Р. Военная символика Крымского ханства (на материале крымских хроник) [Текст] / Р.Р. Абдужемилев // Qasevet. Симферополь, 2015, № 43. С. 5–17.
2. Абдужемилев Р.Р. Пейзаж в повествовательной структуре крымских хроник ханского периода [Текст] / Р.Р. Абдужемилев // Крымское историческое обозрение. Казань-Бахчисарай, 2016, № 2. С. 99–112.
3. Абдужемилев Р.Р. Панегирик крымскому хану Сахиб Гераю в литературном наследии Нидаи-эфенди [Текст] / Р.Р. Абдужемилев // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. Симферополь, 2016, Выпуск 2. С. 56–61.
4. Абдужемилев Р.Р. Церемониал в повествовательной системе хроник Крымского ханства [Текст] / Р.Р. Абдужемилев // Тезисы докладов научной конференции «Проблемы сохранения культурного и исторического наследия крымских татар», посвященной 20-летию возрождения Музея истории и культуры крымских татар в Ханском дворце (г. Бахчисарай, 28 апреля 2016 г.). Бахчисарай, 2016. С. 3–5.
5. Абдужемилев Р.Р. Къырым ханлыгына менсюп тарихлерде бедий ифаде [Текст] / Р.Р. Абдужемилев // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. Симферополь, 2016, Выпуск 3. С. 70–74.
6. Дмитриева Л.В., Мугинов А.М., Муратов С.Н. Описание тюркских рукописей института народов Азии. I История. / Под ред. А.Н. Кононова. М.: Изд-во «Наука», 1965. 260 с.
7. Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв. : пути развития : рукописи, тексты и источники [Текст] / И. В. Зайцев. М. : Вост. лит., 2009. 304 с.
8. Остапчук В. Хроника Реммалы Ходжи «История Сагиб Гирей хана» как источник по крымскотатарским походам [Текст] / В. Остапчук // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001. С. 391–421.
9. Шалак М. Историко-географический анализ сочинения Мухаммеда Нидаи Кайсуни-заде «История хана Сахиб Гирея» [Текст] / М. Шалак // Крымское историческое обозрение. Казань-Бахчисарай, 2018. № 2. С. 146–169.
10. Edebiyat Lüğatı / Tahir Olğun. İstanbul: Asar-ı İlmîyk kutüphanesi neşriyatı 1355–1936. 176 s.
11. Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimee de 1532 a 1551) / Neşr. Dr. Ö. Gökbilgin. Ankara: Baylan Matbaası, 1973. 313 s.

Сведения об авторе: Рефат Рустем оглы Абдужемилев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма Крымского инженерно-педагогического университета; старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Симферополь, Российская Федерация). E-mail: refatimus@gmail.com

THE ARTISTIC AND NARRATIVE STRUCTURE OF THE CHRONICLE “TARIKH-I SAHIB GERAY KHAN” BY REMMAL HOJA

R.R. Abduzhemilev

*Crimean Engineering and Pedagogical University
Crimean Research Center of the Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences*

Abstract: *Research objectives:* To carry out the comprehensive study of the artistic and narrative specificity of the panegyric chronicle “Tarikh-i Sahib Geray Khan” written by Qaysuni-zade Nidai-efendi (pen-name Remmal Hoja). This work is not represented in modern literary studies, and therefore its introduction into scholarly circulation is a priority for the specialists working in the field of Crimean Tatar literature.

Research materials: The text of the Chronicle “Tarikh-i Sahib Geray Khan” in the original language, along with the translation into Russian. The historical information related to the period of the rule of the Crimean Khan Sahib Geray formed the basis of the chronicle.

Results and novelty of the research: The oral and written sources of the work that formed the content are identified. The chronicle is analyzed through the prism of the Oriental narrative art and the traditions of Ottoman historiography. The author’s view on the genre-style features of the chronicle is remarkable in the context of determining the goal of writing the work. The compositional elements of the chronicle are determined: the set, micro-plots, climax, and denouement. The compositional framework of the work is created by the descriptions of the khan’s campaigns. A synopsis of the chronicle is expounded. The considerable attention is paid to the functioning of rhetorical figures: mejaz (metaphor), teshkhis (personification), teshbikh (comparison), telmikh (antonomasia), mubalyaga (hyperbole), etc. The

heroic rhetoric of the work presented in the universal excretion of heroes is noted. In the context of the analysis of the artistic space, the details of landscape descriptions (mountain landscape, landscaping of the garden in Bakhchisarai) are revealed and examined. In the chronicle, among other characteristics of the narrative, there are significant ceremonial episodes in the work that serve as the background setting for the events: the feast motive, audience, departure for the campaign, arrival in Bakhchisarai.

Keywords: figurative and expressive means, composition, Crimean Tatar literature, landscape, narration, Remmal Hoja, “Tarikh-i Sahib Geray Khan”, chronicle, ceremonial

About the author: Refat Rustem ogly Abduzhemilev – Cand. Sci (Philology), Senior Resarcher of the Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture of ethnic groups of the Crimea, Crimean Engineering and Pedagogical University; Senior Researcher of the Crimean Research Center of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Sinferopol, Russian Federation). E-mail: refatimus@gmail.com

КАЗАНСКАЯ ВОЙНА 1523–1532 гг.: РАСХОЖДЕНИЯ В ИСТОЧНИКАХ И ПРОБЛЕМА ВЕРИФИКАЦИИ ИЗВЕСТИЙ

А.В. Аксанов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

В статье анализируются данные источников о московско-казанских военных конфликтах 1524 и 1523 гг. Автор выявил расхождения в источниках и на основе текстологического анализа определил степень достоверности известий. В официальных русских летописях и посольских документах говорится о том, что поход на Казань 1524 г. завершился победой московских сил, тогда как С. Герберштейн и автор Казанской истории писали о поражении войск великого князя. Схожая ситуация сложилась и при описании событий 1530 г., правда, на этот раз к мнению официальных источников, помимо Казанской истории, противостоит Софийская летопись. Причем позиция официальных источников не вписывается в контекст развития дальнейших событий. При определении достоверности сообщений важно учитывать и то, что в основе известий официальных летописей лежит практически идентичный текст, тогда как сообщения С. Герберштейна, Казанской истории и Софийской летописи текстуально не связаны.

Ключевые слова: Казанское ханство, Великое княжество Московское, военные походы, летописи, текстология

В ходе Казанской войны 1523–1532 гг. наиболее масштабными военными экспедициями были походы московских войск на Казань 1524 и 1530 гг. Именно эти события получили наиболее широкое и противоречивое освещение в исторических источниках. Симптоматично, что до сих пор в историографии не уделялось должного внимания источниковедческому анализу проблемы, чаще всего историки, отдавая предпочтения тем или иным сведениям, даже не поднимали вопрос о расхождениях в источниках.

Отношения Казанского ханства с Москвой ухудшились после свержения в 1521 г. с ханского престола Шах-Али, который был ставленником великого князя Василия III. С 1521 г. в Казани начали править представители крымской династии (Гирей), и Казанское ханство установило союзнические отношения с Крымским ханством, ставшим к тому времени одним из наиболее могущественных государств постордынского пространства. Однако в 1523 г. во время похода на Астрахань погиб крымский хан Мухаммед-Гирей, после чего ногайцы совершили опустошительный набег на Крым. Воспользовавшись ослаблением Крымского ханства, Василий III организовал военные экспедиции против Казанского ханства.

В 1523 г. московские войска на границе с Казанским ханством возвели крепость Василь-город (Васильсурск), которая стала опорным пунктом для масштабного похода на Казань в 1524 г. В походе 1524 г. участвовали конная и судовая рати, во главе которых стояли 20 воевод и хан Шах-Али. Источники, а вслед за ними и историки, по-разному описывают это событие. Официальные летописи (Воскресенская, Никоновская, Львовская и др.) говорят о том, что поход 1524 г. закончился успешно: великокняжеские силы одержали победу над ханскими войсками и «начаша приступати к граду», поэтому казанцы пошли на заключение перемирия «на всеи воли великого князя» [10, с. 203; 7, с. 270–271; 8, с. 44; 9, с. 402–403]. Еще более удачный сценарий развития событий представлен в русских посольских документах, адресованных польскому королю. Согласно им, поход на Казань 1524 г. завершился настолько успешно, что Василий III «лихих казанских людей» казнил и хана «на Казани посадил из своих рук» [13, с. 695].

Тогда как автор «Казанской истории» представил неудачный исход этой войны: великокняжеская конница, одолев ханские войска, не решилась на штурм города, так как узнала о разгроме судовой рати и потере стенобитных орудий. По заключению этого летописца, на обратном пути москвичей постигли голод и болезни, в результате «не осталось в живых и половины того войска, что ходило под Казань» [3]. Другой автор этого времени – С. Герберштейн – указав на военные промахи русского командования, пришел к выводу, что война закончилась на условиях продолжения переговоров в Москве, причем вернулась «едва не половина воинов» [2, с. 73].

Дальнейшее развитие событий указывает на то, что более достоверная оценка кампании 1524 г. дана автором «Казанской истории» и С. Герберштейном. В случае решительного успеха московского оружия великий князь едва ли вынужден был бы вести многолетние мирные переговоры с неугодным ему представителем крымской династии на казанском троне.

В ходе мирных переговоров, продолжавшихся с 1525 по 1529 гг., сторонам было крайне сложно достигнуть консенсуса, о чем свидетельствует частое изменение состава посольств. Василий III продолжал добиваться патроната над Казанским ханством, а Сафа-Гирей отстаивал принципы равноправных («братских») отношений. Камнем преткновения в переговорах стал и вопрос о переносе международной казанской ярмарки под Нижний Новгород, инициированном великим князем. Убытки от этого терпели обе стороны, но Василий III так и не разрешил московским купцам участвовать в ежегодных торгах под Казанью, на которых можно было приобрести товары со всего мусульманского Востока.

Когда переговоры зашли в тупик, война возобновилась. В 1530 г. московские войска вновь выступили в поход на Казань конной и судовой ратью. Как и события 1524 г., война 1530 г. противоречиво описана в источниках.

Кирилло-Белоозерский список Ермолинской летописи содержит рассказ о московско-казанской войне 1530 года. Для начала автор свода на основе Разрядной книги [12, с. 74–75] подробно описал состав русских войск. По его словам, Василий III послал на Казань две рати: судовую под командованием князей И.Ф. Бельского, М.В. Горбатого и М.И. Кубенского и конную, под предводительством князей М.Л. Глинского и В.А. Шереметьева. На помощь казанцам прибыл ногайский мурза Мамай и астраханцы. В результате сражения, которое состоялось под стенами Казани, воеводы захватили острог у р. Булак и убили много татар, а хан Сафа-Гирей вынужден был отступить в город. После чего московские войска обстреливали крепость из пушек до тех пор, пока казанцы не запросили перемирия «на всей воли великого князя» [10, с. 204–205].

Приведенное сообщение легло в основу известий официального летописания середины XVI столетия. Составители Воскресенского, Никоновского и Львовского сводов переняли статью ермолинского летописца, несколько дополнив ее. Во-первых, они обозначили причину войны: «И князь велики не мога терпети царевы клятвы и преступления». Во-вторых, уточнили, что только «Божиею милостию», призвав «Бога на помощь», воеводам удалось переправиться через Волгу и подойти к Казани. В-третьих, подчеркнули, что казанцы признали свою вину, и описали условия перемирия. Воеводы привели татар «по их вере к правде», которая заключалась в том, чтобы «от государя им неотступным бытии и царя им на Казань ни отколе не имати оприче государя, кого им пожалует князь велики даст» [7, с. 273; 8, с. 45–47; 9, с. 406–407].

Иначе говоря, официальные книжники обосновали необходимость войны и представили свое понимание «правды», на базе которой должны были строиться московско-казанские отношения. Суть «правды» заключалась в том, что казанцы обязаны подчиняться воле великого князя в вопросах ханского престолонаследия. Сложно сказать, удалось ли москвичам добиться этого по договору о перемирии 1530 года? С.Х. Алишев и Д.А. Котляров полагали, что казанцы приняли указанные условия [1, с. 67; 4, с. 97; 5, с. 206], однако некоторые источники противоречат данному мнению.

Вологодско-Пермская летопись оправдала войну 1530 г., назвав Сафа-Гирея «безбожным» и приписав ему «неисправление и измену», но, в то же время, канву событий представила по-другому. Здесь в ходе сражения под Казанью погиб «большой князь Аталык», возглавлявший татарское войско, а находившийся в Казани хан вынужден был бежать к Арскому городку. Воеводы И.Ф. Бельский, М.В. Горбатый и М.Л. Глинский отправились в погоню за Сафа-Гиреем. Прочие воеводы, оставшись под Казанью, допустили оплошность: не сомкнули «гуляй-город»¹, где находился обоз. «Промеж воеводами пришла брань, а люди в розстрое», чем воспользовались казанские черемисы, напав на русский стан, перебив часть войска (в том числе погибло пять воевод) и захватив обоз [11, с. 314]. Таким образом, автор Вологодско-Пермской летописи рассказал о военных неудачах москвичей.

И создатель Софийской летописи показал неудачный исход войны. По его мнению, после того, как московские войска разбили неприятеля и взяли острог, появилась возможность захватить Казань, так как город обезлюдел, и все ворота были отворены в течение трех часов. Но главные воеводы И.Ф. Бельский и М.Л. Глинский устроили местнический спор по вопросу о том, кому принадлежит право въехать первым. Пока они спорили, начался сильный дождь, под покровом которого казанцы

¹ «Гуляй-город» – подвижное сборное боевое сооружение из деревянных щитов [14, с. 156].

совершили вылазку, захватив русский обоз со снаряжением для штурма города. В конце концов, воеводы, долго простояв под Казанью и пограбив окрестности, вернулись в Москву [6, с. 265].

Весьма оригинальный рассказ о войне 1530 г. сохранился в «Казанской истории». По словам летописца, Василий III отправил на Казань огромное войско под предводительством 30 знатных воевод. Узнав об этом, казанский хан приказал построить вокруг посада острог, где разместил свои войска и прибывших на помощь ногайцев, а сам заперся в городе. Целое лето велись ожесточенные бои, но ни острог, ни город так и не удалось захватить, пока десять храбрых русских воинов, тайно сговорившись, не подожгли укрепление. Во время пожара воевода, князь Иван Овчина, со своим полком напал на острог и захватил его. В результате сражения погибли двое московских воевод и предводитель казанского войска, князь Аталык. Опасаясь захвата города, хан вместе со своим отрядом вышел из крепости и, с боем пробившись через русские ряды, бежал в Крым. С оставшимися горожанами воеводы заключили перемирие, взяли с казанцев дань для великого князя за три года вперед и отступили, не заняв города и перессорившись друг с другом. Несмотря на то, что Казань три дня стояла отворенной, главный воевода, прельстившись золотом, не остался править в городе и других воевод не принудил к этому [3]. Автор «Казанской истории» подтвердил сообщение о масштабности военной кампании 1530 г. и неудачах москвичей под Казанью.

Таким образом, перед нами несколько версий случившегося, которые имеют как сходства, так и различия. Однако на этот раз историки и вовсе не указали на серьезные расхождения в источниках [15, с. 263; 17, с. 94–95; 1, с. 66–67; 16, с. 104]. Так, например, Д.А. Котляров, положив в основу своей реконструкции данные Воскресенской, Никоновской и Львовской летописей, показал преимущественно успешные действия русских сил и удачный для Москвы исход войны [4, с. 96–97; 5, с. 207–208]. Но, если строить рассуждение, основываясь на сходствах летописного восприятия, становится понятным, что воеводы, не взяв города и понеся большие потери, заключили перемирие и вернулись в Москву.

Таким образом, суть расхождений можно свести к тому, что официальные летописи середины XVI в. представили успешный поход, завершившийся подписанием договора, по которому казанцы присягнули на верность великому князю и признали за ним право назначения ханов. Другие источники говорят о неудачной военной кампании 1530 г. Из-за местнического спора между воеводами московские войска понесли большие потери и лишились обоза вместе с орудиями. Поэтому не было возможности продолжать осаду Казани, и воеводы великого князя вернулись, не достигнув поставленной цели.

Обращаясь к проблеме верификации сведений необходимо сказать, что позиция официальных летописей и посольских документов в описании похода 1524 г. не только не вписывается в контекст развития дальнейших событий, но и противостоит репрезентации С. Герберштейна и Казанской истории. При этом необходимо подчеркнуть, что в основе известий официальных летописей лежит практически идентичный текст, тогда как сообщения С. Герберштейна и Казанской истории текстуально не связаны. Аналогичная источниковедческая ситуация сложилась при описании похода 1530 г. В основе официальных рассказов, повествующих об успехах московского оружия, лежит общий текст, составленный на основе сообщения Кирилло-Белоозерского списка Ермолинской летописи, а неудачный сценарий развития событий представлен в Софийской летописи и Казанской истории – текстуально независимых друг от друга источниках. Все это еще раз указывает на тенденциозность официального летописания, которое умалчивает о поражениях московских войск и представляет успешный для великого князя исход противостояния. С другой стороны, достоверность известий о военных неудачах и неблагоприятных для Москвы итогах казанских походов 1524 и 1530 гг. подтверждается независимыми источниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI веках. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.
2. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
3. Казанская история. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5148> (дата обращения: 18.06.2019).
4. Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2005. 314 с.
5. Котляров Д.А. От Золотой Орды к Московскому царству: вхождение народов Поволжья в состав России. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2017. 352 с.

6. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 6. Софийские летописи. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1853. 358 с.
7. ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. X + 302 с.
8. ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
9. ПСРЛ. Т. 20. Львовская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2005. IV + 704 с.
10. ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2004. VI + V + 242 с.
11. ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 412 с.
12. Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 614 с.
13. Сборник русского исторического общества. Т. 35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I. (с 1487 по 1533 год). СПб.: Типография Ф. Елионского и Ко, 1882. 869 с.
14. Словарь русского языка XII–XVII вв. Вып. 4. М.: Наука, 1977. 406 с.
15. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 3. Т. 5–6. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1989. 783 с.
16. Хамидуллин Б.Л. «...Окоянная дочь Златой орды...»: очерки и историко-географические заметки по истории Золотой Орды и Казанского ханства. Казань: Татар. кн. изд-во, 2018. 295 с.
17. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, 1991. 320 с.

Сведения об авторе: Анвар Васильевич Аксанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8970-5880>. E-mail: aksanov571@gmail.com

THE KAZAN WAR OF 1523–1532: DISCREPANCIES IN SOURCES AND THE PROBLEM OF INFORMATION VERIFICATION

A.V. Aksanov

Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences

The article analyzes information from sources about the Moscow-Kazan military conflicts in 1524 and 1523. The author revealed discrepancies in the sources and determined the degree of reliability of information based on textual analysis. Official Russian annals and embassy documents claim that the campaign against Kazan in 1524 ended with the victory of the Muscovite forces, while Sigismund von Herberstein and the author of “Kazan history” wrote about the defeat of the troops of the Grand Prince. A similar situation has developed in the description of events 1530. True, this time, in addition to Kazan history, the Sofia Chronicle also contradicts the opinion of official sources. Moreover, the position of official sources does not fit into the context of further developments. In determining the accuracy of the accounts, it is important to consider that the information in the official annals is based on an almost identical text, while the accounts of Sigismund von Herberstein, “Kazan history” and the Sofia Annals are not textually related.

Keywords: Kazan Khanate, Grand Principality of Moscow, military campaigns, chronicles, texology

About the author: Anvar V. Aksanov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8970-5880>. E-mail: aksanov571@gmail.com

КРЫМСКИЕ СЕЙМЕНЫ: РЕГУЛЯРНАЯ ПЕХОТА ГИРЕЕВ**А.А. Шейхумеров***Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского*

Регулярная пехота Крымского ханства XVII–XVIII вв., известная как сеймены (секбаны), составляла опору власти крымских монархов. В данной статье рассматриваются история, структура, тактика и вооружение сейменского корпуса, память о сейменах в крымской топонимике и фольклоре разных народов. Потребность крымских ханов в собственной ружейной пехоте привела к появлению и развитию сейменского корпуса, ставшего регулярной армией Гиреев. В отличие от предшествующих пехотных формирований секбанам было суждено просуществовать почти два столетия. Долгое и стабильное функционирование этого подразделения в качестве военной опоры центральной власти привело к усилению позиции представителей секбанских частей во внутренней политике страны.

Ключевые слова: военное дело, Крымское ханство, огнестрельное оружие, Османская империя, пехота

В Крымском ханстве существовало три разновременных воинских формирования, носивших имя сейменов (секбанов). Первым были секбаны-янычары, отправленными османским султаном в Крым вместе с Сахибом Гиреем (1532–1551) и ставшие личной гвардией хана. Их задачей было контролирование действий Гиреев и поддержка монаршей власти в противовес беям [49]. Вторым – регулярная пехота, набираемая из крымчан, известная в источниках с начала XVII в. и просуществовавшая вплоть до 1770-х гг. Третьим подразделением, просуществовавшим всего несколько лет (с 1777 по 1782 гг.), являлись сеймены хана-реформатора Шахина Гирея [41]. Так как «классические» сеймены XVII–XVIII вв. были наиболее многочисленным и известным постоянным формированием в истории ханства, имевшим самые продолжительные традиции существования, полагаем возможным сосредоточиться более подробно на их истории.

В рамках данной статьи мы будем использовать слова «секбан» и «сеймен» как синонимы. Слово секбан («псарь») было позаимствовано турками из персидского языка. В Османской империи секбаны были частью янычарского корпуса. Турки и крымские татары произносили слово секбан как «сегмен», «сеймен», ввиду чего в источниках, написанных на османском языке, сохранялся персизм секбан. Русские и поляки слышали это слово от самих крымцев и турок, и записывали его как сеймен [53, s. 175].

Структура и комплектование

Сеймены делились на болюки, в XVII в. насчитывавших по 50 человек. Эвлия Челеби, посетив Ферах-Керман в 1666 г., писал, что в башнях у крепости «разместили по пятьдесят греческих молодцев с их начальниками эргинами, то есть одабаши азабов. Во всех башнях молодцами командуют такие офицеры» [44, с. 38].

На протяжении большей части XVII в. секбанов было всего несколько сот человек, как правило, не более полутысячи. Джанибек I Гирей (1610–1623, 1628–1635) и Бахадыр I Гирей (1637–1641) имели по 500 пехотинцев [45, с. 481; 26, с. 286, 288], хотя есть информация о том, что к началу 1630-х гг. при хане находилась тысяча ружейных стрелков [27, с. 117]. Когда Адиль I Гирей (1666–1671) собрал войско для борьбы с Ширинями, те будто бы заявили, что «Татарские ханы никогда не собирали и пятисот стрелков» [44, с. 223].

Селим I Гирей в свое третье правление (1692–1699) резко увеличил численность пехоты. Об этом говорит рост расходов султанской казны на оплату крымских стрелков (с 1692 г. они выросли в четыре раза [47, p. 110–113]). В 1693 г. хан располагал уже 34 болюками сейменов, в каждом по штату было 50 человек (болюкбаши, одабаши, чавуш, байрактар и 46 рядовых), хотя были болюки как меньшей, так и большей численности [8, с. 193, 204].

В начале XVIII в. секбанов насчитывалось 1200 человек, набираемых из татар [29, с. 190], в середине XVIII в. насчитывалось 20 байраков (знамен) секбанов, по 30 человек в каждом, на случай

войны на службу призывалось еще 20 байраков [28, с. 33], то есть общая численность на протяжении полувека оставалась стабильной. Впоследствии сейменский корпус был расширен, будучи доведен во второй половине XVIII в. до 20 байраков по 100 человек в каждом, в правление Шахина Гирея он был распущен, под предлогом обеднения воинов и их неспособности ввиду этого исправно нести воинскую службу [13, с. 710–711].

Естественным фактором, ограничивающим увеличение числа секбанов, были затраты на их содержание. Слабость ханской казны препятствовала созданию регулярного войска [40, с. 36]. Если принять население Крыма в XVIII в. в 300 тыс., то секбаны составляли бы не более 1% населения. На первый взгляд это немного. Однако Франция в 1761 г. имела 290-тысячную армию, а на 1789 г. – 173-тысячную. В первом случае речь шла о 1,2% народонаселения Франции, во втором – 0,7% [10, с. 744]. Таким образом, с учетом масштабов государства Гиреев численность корпуса была немалой.

До 1640-х гг. командование ханской пехотой осуществляли тюфенкджи агасы (стрелецкий ага) и экинджи тюфенкджи агасы (второй стрелецкий ага) [12, с. 701]. С 1640-х гг. и вплоть до конца истории ханства командиры пехотных частей именовались болюкбаши (первое известное нам упоминание болюкбаши относится к 1649 г. [53, с. 124]), командующим всем сейменским корпусом был баш болюкбаши [28, с. 33]. Причины перемен в наименовании командных чинов и структуры подразделения мы склонны видеть в общеосманском тренде. С начала XVII в. в Турции появляется новый тип огнестрельной пехоты – секбаны, разделенные на болюки (50–100 бойцов), под командованием болюкбаши. Общее командование осуществлял баш болюкбаши. Эти секбаны, состоящие на службе у провинциальных пашей, не имели ничего общего, кроме названия, со старыми секбанами-янычарами [25, с. 69–70]. Военные системы Крымского ханства, Молдавии и Валахии находились под османским влиянием (по мнению Д. Колодзейчика само создание сейменов было следствием этого влияния [52, с. 16]), и, вероятно, поэтому с начала XVII в. регулярная пехота этих стран получила новое название и новую командную иерархию.

Солдат первоначально вербовали среди добровольцев. Впоследствии их набирали из семей, члены которых ранее служили в этом воинском формировании, при этом часть их постепенно обеднела (по-видимому, это было вызвано недостаточно высоким жалованием). Шахин Гирей вспоминал, что **«Делается сей набор не по вызову, а по заведенному издревле обыкновению, наиболее из принуждения»** [13, с. 711]. Известны примеры, когда человек определялся на сейменскую службу не по собственному желанию, а по приказу хана [2, с. 97].

Офицерство комплектовалось (по крайней мере, частично) из служилой знати (капы-кулу). Чинопроизводство в Крымском ханстве имело сходство с таковым в Российской империи: дети офицеров также могли рассчитывать на чин в ханской гвардии или придворном штате. Благодаря источникам мы можем проследить судьбы одной династии ханских офицеров. В 1811 г. Мустафа ага из рода Мачинских подал прошение в Таврическое дворянское депутатское собрание с просьбой причислить его к дворянам [24]. В этом документе изложена история его рода. Предок Мустафы аги, Дервиш Мехмет ага, уроженец турецкого города Амасья, в 1672 г. поступил на службу к крымскому хану Селиму I Гирею и переехал в Крым, где работал чиновником до своей смерти в 1693 г. Его сын, Мустафа ага, в 1699 г. поступил на службу к хану Девлету II Гирею, получив высокий чин баш болюкбаши. Он занимал эту должность вплоть до восшествия на трон Каплана I Гирея (1707). Сын Мустафы аги, Муса ага, стал болюкбаши (командиром отряда сейменов) во второе правление Девлета II Гирея, то есть в 1708 г. и вплоть до своей смерти, наступившей в начале первого правления Менгли II Гирея (1724–1730). Сын Мусы аги, Ильяс ага, поступил на службу в 1736 г., при Каплане I Гирее, и получил чин «колджу буйлюк баши т.е. городовым начальником по военной и гражданской части» [24, с. 377]. «После хана Селим-Гирея II Ильяс ага продолжал службу при крымских ханах непрерывно до 1184 г. х. = 1770/71 и награждался ханами и военным командованием чинами подобно чиновникам в российской армии, то есть предки просителя именовались «аджи-бек-таши-аджи-аги именуемые, что значит происхождение чиновных воинов» [24, с. 377–378]. Все трое сыновей Ильяса аги, Джемиль ага (отец просителя), Асан ага и Абдул Фетла ага, также были чиновниками (хотя болюкбаши никто из них не стал). Таким образом, между 1672 и 1783 гг. на службе крымских ханов находилось пять предков Мустафы аги Мачинского, трое из них были командирами сейменов (если предположить, что ими командовал и колджу болюкбаши). Отметим также, что болюкбаши не брезговали купеческой деятельностью, и даже снаряжали торговые караваны [4, с. 435].

Ввиду наследственного характера службы секбаны стали влиятельной корпорацией [32, с. 467], имевшей свои собственные интересы – и не всегда совпадавшие с интересами хана. Одним из наибо-

лее ярких примеров расхождений в политических взглядах между ханскими пехотинцами и самим монархом стал мятеж против Хаджи II Гирея, поднятый крымцами в 1684 г. Мятежные мурзы, собравшись у Ак-Каи, не только решили сместить хана, но и пригласили к себе капы-кулу и секбанов. Обе части ханской гвардии примкнули к мятежу, и Хаджи II Гирею пришлось бежать в Мангуп [53, с. 321]. Вместе с тем они были более верными правителю войсками, чем племенное ополчение, ввиду чего использовались для проведения репрессий и силового противостояния с оппозиционно настроенной знатью [33, с. 35, 41].

Сеймены были мусульманами, о чем говорит тот факт, что они маршировали в бой, декламируя аяты из Корана (по крайней мере, в XVIII в.) [1, 165]. По мнению Эвлии Челеби секбаны состояли исключительно из приверженцев ислама: «вместе с самим его высочеством ханом было две тысячи греческих молодцов, исповедующих праведную веру, т.е. секбанов, вооруженных ружьями» [43, с. 223]. Данные об их этнической принадлежности противоречивы. В источниках они часто называются татарами, например, отправленного в 1755 г. из Киева в Крым с дипломатической миссией секунд-майора М. Миронова сопровождал «татарин сеймен Измаил» [18, с. 350]. Эвлия Челеби считал, что секбаны являются не татарами, а греками [44, с. 31]. Полагаем, что в рядах сейменского корпуса служили представители различных национальностей. Скорее всего, среди секбанов (как лиц, приближенных к хану) процессы исламизации происходили быстрее, чем в Крыму в целом (греки или армяне, принимавшие ислам, ассимилировались среди крымских татар), ввиду чего это воинское формирование было мусульманским.

Согласно нашей реконструкции секбаны делились на три категории: «столичные», «гарнизонные» и «полицейские». «Столичные» размещались во внутренней части полуострова: в Бахчисарае (при хане), Акмесджите (при калга-султানে) [44, с. 140]. Именно они составляли часть ханской гвардии (наряду со служилой знатью капы-кулу). Когда источники упоминают об участии сейменов в парадах и маневрах, то речь идет лишь о «столичных» (бойцы, защищающие крепость, не будут оставлять их ради торжественной церемонии встречи османского чауша, тем более в военное время).

«Гарнизонные» сеймены являлись военными поселенцами. Воин, определенный для службы в крепость, уезжал в нее на постоянное жительство [42, с. 88]. Согласно Эвлие Челеби на 1666 г. в Перекопе размещалось 500 секбанов [44, с. 31], в Арабате 150 [44, с. 198], в Ченишке – 280 [44, с. 199].

Кроме того, ввиду того, что чиновники нуждались в некотором числе персонала для сопровождения важных лиц или других задач, небольшая часть сейменов («полицейские») находилась в их распоряжении. Свои секбаны были у дубоссарского гетмана Якуба аги. К примеру, он отправил 2 сейменов сопровождать запорожского делегата Галицкого к гайдамакам в 1768 г. [16, с. 370], а ранее, в 1762 г., секбаны дубоссарского гетмана возили возы с сухарями к месту будущего ханского лагеря [11, с. 339]. Сейменов имел при себе эмин перекопских соляных озер, о чем писал Эвлия Челеби: «Эмин... дал нам превосходный фураж, товарищей, ехавших с нами, отправил назад и приготовил других секбанов. Эмин пообещал мне, что с этих пор на каждой стоянке таким вот образом нас будут снабжать фуражом и давать провожатых» [44, с. 20–21]. Сеймены состояли при некоторых военачальниках и вельможах. В статейном списке русского посла в Крыму Г. Михайлова при описании событий 1673 г. упоминается «ближней человек Супхам-Газы-ага семени» [37, с. 69]. Точная численность «полицейских» секбанов в рассматриваемое время нам неизвестна. В правление Шахина Гирея в Крыму их насчитывалось 126 человек, а вместе с сейменами, переданными в распоряжение сераскер-султанов ногайских орд – около 200 [41, с. 66].

Полагаем, что в XVIII в. 1200–2000 ружейных стрелков находились при хане, около 1000–1200 служили в различных гарнизонах и до 150–200 состояли при чиновниках и вельможах.

Вооружение и боевое применение

Вооружение секбанов состояло из ружей, луков и сабель. Ферран в 1709 г. писал, что его «сопровождал отряд из 30-ти человек сейманов, гвардейской кавалерии хана, вооруженных ружьями, саблями и стрелами» [38, с. 42]. Обри де ля Мотре отмечал, что сеймены обучены «с самой юности владению как холодным, так и огнестрельным оружием также хорошо, как и стрельбе из лука». По мнению французского путешественника сеймены были единственными в татарском войске, кто не боялся огнестрельного оружия [29, с. 190, 198]. В глазах современников именно «вогненный бой» был отличительной чертой, выделявшей их на фоне остального крымского войска. К примеру, самопровозглашенный гетман Петрик в 1693 г. писал запорожцам, что хан придал своим людям для похода на Украину «огнистых людей всех своих сейменов» [42, с. 480].

Часто число выступавших в походы сейменов могло быть меньшим, чем их общая (и без того небольшая) численность. Так, во время набега на Новую Ссрбию в 1769 г. Крым I Гирей имел с собой 200 сейменов [31, с. 72], а в 1651 г., по данным, собранным русскими послами в Крыму, после ухода хана в поход на полуострове было оставлено всего 200 секбанов [9, с. 485]. В 1645 г. в набеге на московские земли участвовало, по словам взятых русскими пленными, 30 тыс. крымских и ногайских татар, в том числе лишь 20 сейменов [26, с. 349].

Хотя обыкновенно решающей силой Гиреев на полях сражений была конница, крымские пехотинцы отличились в ряде боев. В 1626 г. при отступлении ханского войска за Днестр, по словам польского участника боев, «Татары, как будто им глаза выкололи (т.е. игнорируя грозящую опасность – прим. А.Ш.), в Днестр вскочили, из янычарок по нам стреляли, защищая переправу» [48, с. 62]. В 1663 г., к северу от Перекопа, калмыцкий отряд совершил внезапное нападение на ханский лагерь. Калмыкам удалось пробиться практически к самой ставке Мехмеда IV Гирея, однако в бой вмешались секбаны: «царя и нурадын-царевича отстреляли, свалясь с лошадей, пеши сеймены, и только бы не сеймены, калмыки царя бы взяли» [35, с. 361]. В 1696 г. в 3-тысячный рейдовый отряд калга-султана Девлета Гирея, помимо личных воинов калги и 2 тыс. ногайцев яман-сайдаков, входили сеймены. Согласно османским источникам, строй крымских пехотинцев выпалил из мушкетов по авангарду атакующей калмыцкой конницы тайши Аюки (4 тыс.), после чего секбаны взяли за сабли и бросились на врага. Передовой отряд Аюки обратился в бегство, отступили и остальные отряды [50, р. 130].

Несмотря на отдельные успешные операции сейменов, нам неизвестны случаи, когда крымская пехота в войнах XVII–XVIII вв. способствовала бы победе в крупной и значимой битве. Даже имея при себе пехотные части, крымское командование иногда предпочитало не использовать их. В битве в Черной долине (1736), в то время как основная масса крымских войск атаковала русских, гвардия так и не вступила в бой из-за опасения командования, что она понесет большие потери [30, с. 79]. Причиной тому были ее сравнительно миниатюрные размеры и нежелание ханов рисковать верными лишь им войсками.

Секбаны были ездящей пехотой, передвигаясь вместе с прочим войском верхом на конях, перед боем они спешивались [44, с. 41]. Слова Тунманна о том, что сеймены представляли собой 2-тысячный отряд кавалерии [36, с. 23], может быть объяснено тем, что информатор Тунманна наблюдал их на марше. Нельзя исключать и того, что иногда они сражались в конном строю. Вероятно, именно так было в битве у Ялнъыз-Агач (1738). Согласно источникам с русской стороны в этом сражении русские были атакованы только конницей, царскими солдатами было захвачено 9 знамен, в том числе 1 сейменское [14, с. 210–211], в крымском источнике («Умдет аль-ахбар») подчеркивается, что на противника напали все секбаны и капы-кулу [1, с. 177]. Учитывая, что в этом бою крымские татары бились почти одним лишь холодным оружием и наличие пехотинцев с их стороны не зафиксировано (о чем сообщает, например, сопровождавший русскую армию врач И.Я. Лерхе [23, с. 134]), полагаем, что под Ялнъыз-Агач сеймены сражались саблями, верхом и без использования ружей.

Подобно регулярной пехоте других стран, секбаны проходили систематические тренировки с целью сохранения и повышения навыков владения оружием (в Бахчисарае существовало сейменское стрельбище [34, с. 140]), а также собирались на смотры, устраиваемые ханом [8, с. 204]. Помимо непосредственного участия в боевых действиях сеймены выполняли иные функции, связанные с их статусом личных войск хана: фискальные [44, с. 222], курьерские [51, с. 365], полицейские [42, с. 876; 5, с. 768] и карательные [13, с. 351]. К примеру, в 1692 г. по приказу хана секбаны произвели казни нескольких человек в наказание за срыв мобилизационных мероприятий в Крыму [8, с. 181]. Во время похода в Новую Ссрбию в 1769 г. Крым I Гирей использовал сейменов для борьбы с мародерами [15, с. 174].

Память о сейменах

Долгая история сейменского корпуса отразилась на крымской топонимике и фольклоре ряда народов. В кавказских походах секбаны нередко были костяком экспедиционных сил (так как эти походы зачастую принимали характер частных войн ханов, предпринимаемых без участия бейских отрядов). Потому в черкесском фольклоре XIX в. о них сохранилась недобрая память: «Из преданий видно, что сеймены, во время владычества ханов над черкесскими племенами, вели себя у них чрезмерно грубо и жестоко; до сих пор людей грубых, строптивых Черкесы называют сейменами» [39, с. 306]. В балкарской песне («Ачеева Ачемеза песня») поется о том, как жена богатыря Ачемеза Алабончак стала «потехой для крымского сеймена» [17, с. 68]. В караимской легенде о Гюлюш-Тота мя-

тежные сеймены (вероятно, хана Шахина Гирея), «словно алчные гиены» собираются разграбить Чуфут-кале и лишь хитрость и гостеприимство главной героини спасают караимов [22, с. 13–16].

В крымскотатарском фольклоре, напротив, секбаны, как часть ханской армии, воспринимались, вероятнее всего, как положительные персонажи. По крайней мере, в крымскотатарской народной песне «Боталы бийи» («Верблюдица») девушка поет, что вышла бы замуж за сеймена, так как они храбрецы и готовы на самопожертвование ради любимой [3, с. 234; 19, 35].

Некоторые географические объекты на Крымском полуострове получили названия, связанные с ханской пехотой. В Салачике существовал квартал секбанов [44, с. 87]. В столице находился квартал, названный Болюкбаши [46, с. 190]. В Крыму в честь сейменов были названы скала Сейменин-Кая [7, с. 206] и села Сеймен в Мангытском [6, с. 48], Сейменлеркой в Бахчисарайском [6, с. 34] и Сеймен-Джайла в Кефинском кадылыках [20, с. 110]. Вероятно, село Сейменлеркой, судя по его названию («село сейменов») и расположению (неподалеку от Бахчисарая) было населено ханскими пехотинцами и их семьями.

Вывод

Потребность крымских ханов в собственной ружейной пехоте привела к появлению и развитию сейменского корпуса, ставшего регулярной армией Гиреев. В отличие от предшествующих пехотных формирований секбанам было суждено просуществовать почти два столетия. Долгое и стабильное функционирование этого подразделения в качестве военной опоры центральной власти привело к усилению позиции представителей секбанских частей во внутренней политике страны. Благодаря тому, что сейменский корпус сохранялся практически в неизменном виде большую часть истории Крымского ханства, о нем сохранилась память в топонимике и устном народном творчестве в Крыму и соседних регионах, а также в многочисленных источниках. Это дает возможность исследователю относительно подробно реконструировать истории постоянной крымской пехоты, ее структуру, комплектование, тактическое использование, что отличает секбанов от многочисленных отрядов ополчения, собираемых лишь на время войны.

По объективным причинам сеймены не могли стать основой войск Гиреев. Ввиду незначительности демографических и экономических ресурсов этого государства постоянные войска были немногочисленными, представляя собой гвардейские части при хане, гарнизоны крепостей и полицейский персонал при чиновниках. Наиболее внушительной военной силой Бахчисарая на протяжении всей истории крымскотатарского государства оставалась племенная конница.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2. Перевод. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018.
2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 15. СПб., 1892.
3. Алиев Ф.М. Антология крымской народной музыки. Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2001.
4. Архів Коша Нової Запорозької Січі. 1734–1775. Корпус документів. Том 2. К., 2000.
5. Архів Коша Нової Запорозької Січі. 1734–1775. Корпус документів. Том 3. К., 2003.
6. Бушаков В. Кадилики і каймакамества в Кримському ханстві (XVIII ст.) // Східний світ. 1998. № 1–2. С. 33–64.
7. Бушаков В.А. Лексичний склад історичної топонімії Криму. К., 2003.
8. Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах. Упорядник С. Павленко. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009.
9. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Том II. 1648–1651 годы. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953.
10. Дельбрюк Г. Всеобщая история военного искусства в рамках политической истории. М.: Эксмо, 2008.
11. Джерела з історії Південної України. Том 7. Канцелярія Новосербського корпусу. Запоріжжя, 2005.
12. Документи Крымского ханства из собрания Хусейна Фейзханова / сост. и транслит. Р.Р. Абдужемилев; науч. ред. И. Миргалеев. Симферополь: ООО «Константа», 2017.
13. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Том I. 1775–1777 гг. СПб., 1885.

14. Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг.: сборник документов. Составление, вступительная статья, археографическое введение, передача текста, комментариев и указатели П.А. Авакова. Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН, 2017.
15. Записки барона Тотта о татарском набеге 1769 г. на Новосербию // Киевская старина. 1883. № 9–10. С. 135–198.
16. Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст. Збірник документів / Упоряд. І.Л. Бутич, М.І. Бутич, О.А. Купчинський, Л.А. Проценко, В.Д. Чунтулова. К., 1970.
17. Карачай – страна на вершине Кавказа. Очерки истории и культуры Карачая. Составление, вступительная статья и комментарии С.Х. Хотко. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2011.
18. К истории пограничных наших сношений с Крымским ханством. Дневник секунд-майора Матвея Миронова, в путевку его к крымскому хану, 1755 года // Киевская старина. 1885. № 2. С. 339–356.
19. Кърым-татар музыкасынынъ хрестоматиясы. Умумтасиль мектеплерининъ талебелери ичюн. Киев: Музычна Україна, 1989.
20. Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической учетной архивной комиссии. 1895. Том 22. С. 82–115.
21. Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения (окончание) // Известия Таврической учетной архивной комиссии. 1897. Том 26. С. 24–154.
22. Лебедева Э.И. Очерки по истории крымских караимов-тюрков. Симферополь, 2000.
23. Лерхе И.Я. и его «История жизни и путешествий ...» о Северном Приазовье в 1738–1739 гг. Перевод Е.В. Корепановой (Чупиной) и Е.Н. Тарасенко, 2018. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1720-1740/Lerche_Jochann_Jacob/text.phtml
24. Маврина О.С. Служилая знать турецкого происхождения в Крыму в XVII–XIX веках: семейство Мачинских // Боспорские исследования. 2013. Выпуск XXVIII. С. 376–384.
25. Николле Д. Янычары. М.: АСТ: Астрель, 2004.
26. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л.: Наука, 1948.
27. Описание Черного моря и Татарии составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1902. Том 24. Ч. II. С. 89–190.
28. Пейссонель Шарль Клод де. Записки о Малой Татарии. Днепропетровск: Герда, 2009.
29. Путешествие г-на О. де ля Мотре по Европе, Азии и Африке; географические, исторические и политические исследования в Италии, Греции, Турции, в Тартарии (Крыму) и т.д. / пер. Н.Н. Хлебко, Н.Ш. Шульгиной; предисл. И.И. Вдовиченко // Историческое наследие Крыма. 2006. № 12–13. С. 184–207.
30. Сейит-Яхья Н. Военные действия в Крыму в 1735–1736 годах // Qasevet. 2010. №37. С. 74–83.
31. Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Часть III. Одесса, 1846.
32. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.
33. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке. Одесса, 1889.
34. Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства в Крым в 1680 году, для заключения Бакчисарайского договора. Одесса, 1850.
35. Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Том 2. Новочеркасск, 1872.
36. Тунманн И. Крымское ханство. Симферополь, 1936.
37. Фаизов С.Ф. Статейный список подьячего Посольского приказа Гаврилы Михайлова – уникальный памятник дипломатической документации XVII столетия // Советские архивы. 1991. № 1. С. 65–69.
38. Ферран. Путешествие из Крыма в Черкесию через земли ногайских татар в 1709 г., докт. Феррана // Русский вестник. 1842. Том 6. № 4. Отд. 2. С. 41–56.
39. Хан-Гирей Султан. Черкесские предания // Русский вестник. 1841. Том 2.
40. Черкас Б. Україна в політичних відносинах Великого князівства Литовського з Кримським ханатом (1515–1540). К.: Ін-т історії України НАН України, 2006.
41. Шейхумеров А.А. Военная реформа последнего крымского хана Шахина Гирея (1777–1782 годы) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 2 (18). С. 65–69.
42. Эварницкий Д.И. Источники для истории запорожских козаков. Том I. Владимир, 1906.
43. Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Выпуск 1. Земли Молдавии и Украины. М.: Наука, 1961.
44. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Симферополь: Доля, 2008.
45. Юрченко П. Описание Перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // Записки Одесского общества истории и древностей. 1879. Том 11. С. 473–493.
46. Яша Ф. Типологія бакчисарайських осель та кварталів (1650–1675 рр.) // Україна в Центрально-Східній Європі. 2018. Вип. 18. С. 183–200.

47. Desai D. Gökbilgin Ö. Le khanat de Crimée et les campagnes militaires de l'Empire ottoman: Fin du XVII – début du XVIII siècle, 1687–1736 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1970. Vol. 11. № 1. P. 110–117.
48. Grabowski A. Ojczyście spominki w pismach do dziejów dawnéj Polski. Tom I. Kraków, 1845.
49. Inalcik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 3–4, 1979–80. P. 445–466.
50. Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca; London: Cornell University Press, 1992.
51. Kluczycki F.K. Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego. Tom 1, cz. 1. Kraków, 1880.
52. Kołodziejczyk D. Divided Sovereignty in the Genghisid States as Exemplified by the Crimean Khanate: ‘Oriental Despotism’ à rebours? // Acta Slavica Iaponica. 2012, № 32, pp. 1–21.
53. Senai Hadży Mehmed z Krymu. Historia Chana Islam Gereja III / tekst turecki wydał, przełożył i opracował Zygmunt Abrahamowicz; uzupełnieniem historycznym Olgierd Górka i Zbigniew Wójcik; pod red. nauk. Zbigniewa Wójcika. Warszawa: PWN, 1971.

Сведения об авторе: Амет-хан Азизович Шейхумеров – аспирант Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация). E-mail: amet.sheykumerov@mail.ru

CRIMEAN SEYMENS: GERAY'S REGULAR INFANTRY

A.A. Sheykumerov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

The regular infantry of the Crimean Khanate of the 17th–18th centuries, known as Seymens (Sekbans), was the backbone of the power of the Crimean monarchs. This article discusses the history, structure, tactics and armament of the Seymen corps, the memory of Seymens in the Crimean place names and folklore of different peoples. The need of the Crimean khans for their own rifle infantry led to the emergence and development of the Seymen corps, which became a regular army of the Gireys. Unlike previous infantry formations, the Sekbans were destined to survive for almost two centuries. The long and stable functioning of this unit as a military support of the central government led to the strengthening of representatives of the Sekban units in the country's domestic policy.

Keywords: warfare, Crimean Khanate, firearms, Ottoman Empire, infantry

About the author: Amet-khan A. Sheykumerov – aspirant of Taurian academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: amet.sheykumerov@mail.ru

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА УЛУСА ДЖУЧИ И КАЗАХСКОГО ХАНСТВА: НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Н.А. Атыгаев

Казахский национальный университет им. аль-Фараби

В статье рассматривается проблема преемственности правовой системы Казахского ханства от правовой системы Улуса Джучи. В XVI–XVII вв. правителями Казахского ханства были предприняты определенные законодательные инициативы, направленные на укрепление устоев государства. Известно о существовании в этот период таких правовых актов казахов как законы Касым-хана («Ясный путь Касым-хана» – «Қасым ханның қасқа жолы»), законы Есим-хана («Древний путь Есим-хана» – «Есім ханның ескі жолы») и законы Тауке-хана («Семь установлений» – «Жеті жарғы»). Приведенные в работе исторические материалы указывают на преемственную связь отдельных положений правовой системы Казахского ханства, в частности «Жеті жарғы», от права Улуса Джучи, в том числе и от Ясы Чингиз-хана. Некоторые правовые нормы Чингиз-хана, установленные еще в XIII в., продолжали, несколько подвергшиеся трансформации, функционировать и в Казахском ханстве в XVI–XVIII вв.

Ключевые слова: Улус Джучи, Казахское ханство, право, Ясы, «Жеті жарғы», Тауке-хан

Правовая система традиционного казахского общества заинтересовала еще дореволюционных ученых. Русские исследователи XIX – начала XX века Я. Гавердовский, Г. Спасский, А. Левшин, Я. Гурлянд и другие отмечали, что у казахов издревле были свои законы (применяя именно данный термин) [5; с. 252, 256; 9]. Многие из них указывали, что эти законы в своей основе опираются на Ясу Чингиз-хана. В частности Я. Гурлянд писал: «... Чингисова «Великая Яса» была важнейшим законодательным уложением киргизов (казахов – авт.) того времени. Киргизские законы очень похожи на древние монгольские уставы...» [5; с. 256].

Эти утверждения исследователей вытекали и из сообщения самих казахов. Например, П.И. Пашино в работе «Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки» писал, что казахи говорили ему: «...у нас Чингизханова яса, его обычаи» [10].

По данным исторических источников, в XVI–XVII вв. правителями Казахского ханства были предприняты определенные законодательные инициативы, направленные на укрепление устоев государства. Нам известно о существовании в этот период таких правовых актов казахов как законы Касым-хана («Ясный путь Касым-хана» – «Қасым ханның қасқа жолы»), законы Есим-хана («Древний путь Есим-хана» – «Есім ханның ескі жолы») и законы Тауке-хана («Семь установлений» – «Жеті жарғы»). В отличие от обычного права они были инициированы верховной властью и направлены на регламентацию взаимоотношений между разными слоями общества. В этих кодификациях, несомненно, значительную часть занимали частноправовые нормы, поэтому некоторые исследователи считают их просто кодификациями обычного права. Отмечая этот факт, Р.Ю. Почекаев, после анализа содержания данных кодификаций, приходит к выводу, что «это все же – официальное законодательство Казахского ханства» [7; с. 101].

В советский период большинство историков отрицали связь казахских законов с Ясой Чингиз-хана. Так, например, в академическом издании «Истории Казахской ССР», ее авторы писали: «Утверждение о том, что одним из источников казахского права является «Яса» Чингис-хана, историческими данными пока не подтверждается» [3; с. 167]. Только к концу XX века исследователи казахского права стали склоняться к тому, что право Казахского ханства имело в своей основе и Ясы Чингиз-хана. Так, например, казахский правовед С. Зиманов указывал, что «свод рапоряжений и установлений под названием «ясы Чингисхана» «оставались главным руководством и наставлением для наследников и потомков Чингисхана, занимавших безраздельное господствующее положение на всей Центральной Азии вплоть до XIX века» [5; с. 48]. Российский востоковед Т.И. Султанов также считал, что некоторые статьи Ясы Чингиз-хана, «главным образом уголовного характера, перешли в кодифицированное обычное право последующих веков, в частности, в законы хана Тауке («Жеты жарғы») – памятник права казахов XVII века» [12; с. 32].

Следует отметить, что в самом Казахстане проблема взаимосвязей Ясы и казахского права ханского периода не привлекла особого интереса историков. Этой проблемой в основном занимались

правоведы, однако, после закрытия Института государства и права в начале 2000 годов и смерти С. Зиманова, к сожалению, исследования этого направления в Казахстане практически прекратились.

Как известно, по мнению специалистов, изучавших правовую систему Улуса Джучи, ее характерной особенностью было разнообразие источников права. Так Р.Ю. Почекаев пишет, что право Улуса Джучи «представляло собой синтез правовых норм, обычаев, традиций различного происхождения» и благодаря их органичному сочетанию обеспечивало эффективное действие права в государстве [8; с. 9, 211]. По мнению исследователей, таким же разнообразным было право Казахского ханства. «Основными источниками казахского права были: обычай, законодательство и судебные прецеденты, воспринимаемые и формируемые в массовом сознании как необходимость и как атрибуты обеспечения традиционной свободы волеизъявления и ритма жизни кочевников», – отмечал С.З. Зиманов [4; с. 13].

Из названных правовых актов Казахского ханства до наших дней дошли только отдельные нормы «Жеті жарғы», которые были записаны и изданы Г.И. Спасским в 1820 году и А.И. Левшиным в 1832 г.

Сопоставление этих норм «Жеті жарғы» и некоторых других сведений источников с известными науке нормами Ясы позволяет нам поддержать мнение исследователей о преемственной связи правовой системы Казахского ханства и Улуса Джучи.

Как известно, не существует полного текста Ясы Чингисхана, ее нормы дошли до нас в передаче разных источников. К тому же, как считают некоторые специалисты, не все правовые нормы, которые средневековые историки относят к Ясы, на самом деле не являются таковыми. Возможно, что некоторые потомки Чингисхана утверждали в своих государствах новые правовые нормы, которые некоторые историки, особо не вникавшие в тонкости право Чингисхана, приписали Ясе. Поэтому пока специалистами не будет проведено разграничение норм Ясы Чингисхана от правовых инициатив последующих правителей, правовые нормы, которые приписываются к Ясы, мы будем также условно называть Ясой.

Одним из личностей, зафиксировавших отдельные положения Ясы, был арабский путешественник Ибн Баттута. В его труде имеется следующая информация: «Чингиз составил книгу своих постановлений, называемую у них Йасак, а у них положено, что тот кто не выполняет постановлений этой книги, должен быть свергнут. По его постановлению, они должны собираться раз в год на пиршество, которое называется туй, или «день праздника» [8; с. 140]. На наш взгляд, несколько видоизмененным вариантом этой нормы Ясы был статья «Жеті жарғы», которая гласила: «Чтобы сам хан, равно как и все султаны, старейшины и правители родов, собирались осенью в одно место, в середине степи, для рассуждения о делах народных» [6; с. 370].

Как известно, очень строго согласно Ясы карались имущественные преступления: грабеж или воровство. Об этом Плано Карпини пишет так: «Если кто-нибудь будет застигнут на земле их владения в грабеже или явном воровстве, то его убивают безо всякого сожаления». Также в «Истории монголов инока Магакии» говорится: «Яса предписывает: любить друг друга, не прелюбодействовать, не красть, не лжесвидетельствовать, не быть предателем, почитать старших и нищих; за нарушение – смертная казнь» [11; с. 286]. Одна их статей «Жеті жарғы» также гласила: «За воровство, грабеж, насилие, прелюбодеяние казнить смертью» [12; с. 236].

У Ибн Батутты имеется следующая информация: «Тот у кого найдется украденная лошадь обязан возратить ее хозяину с прибавкой девяти таких же лошадей; если он не в состоянии уплатить этого штрафа, то вместо лошадей брать у него детей, а когда не было и детей, то самого зарезать как барана» [11; с. 286].

Марко Поло также в своем труде писал: «Кто украдет коня или что-нибудь дорогое – тому за это смерть; мечом разрубает его; а кто может дать выкуп, заплатит против украденного девять раз, того не убивают» [1; с. 438].

В варианте «Жеті жарғы», опубликованном Г. Спасским, говорилось: «За кражу лошадей также взыскивали за одну трижды по девяти лошадей и одного верблюда» [5; с. 485]. В варианте «Жеті жарғы» А.И. Левшина этот пункт звучал так: «Изобличенный в воровстве возвращает трижды девять (27) раз украденное и наказание сие называется айбана...» [5; с. 481].

У Плано Карпини имеется следующее свидетельство: «у них есть закон, или обычай, убивать мужчину или женщину, которых они застигнут в явном прелюбодеянии; также если и девица будет с кем-нибудь блудодействовать, они убивают мужчину и женщину» [11; с. 446].

В варианте «Великой Ясы», приведенной в книге Гарольда Лэмба, говорилось: «Прелюбодеяние наказывается смертью. Виновные в таком могут быть убиваемы на месте преступления» [11; с. 279].

Об этом же сообщает египетский писатель Аль-Макризи, который пишет: «Прелюбодей предаётся смерти без всякого различия, будет ли он женат или нет» [11; с. 274].

Согласно же норме «Жеті жарғы»: «Муж, заставший свою жену в прелюбодеянии, может ее убить и, если сделает сие тотчас по открытии преступления, остается безнаказанным. Во всяком другом случае, он может просить судей о приговоре к смертной казни неверной жены и ее соблазнителя, если преступление их доказано...» [4].

Согласно «Раузат ат-сафа» историка XV века Мирхонда в Ясы Чингиз-хана было следующее положение: «От убийства (казни за преступление) можно отпуститься пенею, заплатив за мусульманина сорок золотых монет (барыш), а за китайца рассчитывались одним ослом» [11; с. 286].

В «Жеті жарғы» Тауке-хана также была норма, которая давала возможность виновнику откупиться. В варианте «Жеті жарғы», опубликованном А. Левшиным, говорилось: «...наказания могут быть смягчаемыми приговором судей, или согласию истцов, и тогда преступник наказывается только установленною за взятое преступление платою. Убийца возвращает себе жизнь, платя кун, т.е. отдавая за каждого убитого мужчину 1000, а за женщину 500 баранов» [5; с. 480]. В варианте «Жеті жарғы» Г. Спасского этот пункт передан так: «Если кто умертвит человека, то отмщались кровь за кровь, или за убийство платили по 200 лошадей всем родом того виновника» [5; с. 485].

Одним из предписаний Ясы являлось почитание родителей. «Если дети не уважают родителей, младшие старших, жена не послушает мужа, подданный – управляющего, их следует серьезно наказывать...», – говорилось в одной из норм Ясы [11].

Почитание родителей предписывалось и нормой «Жеті жарғы», согласно которому: «Сына, осмелившегося злословить или бить отца или мать свою, сажают на черную корову лицом к хвосту, с навязанным на шею старым войлоком, корову сию водят вокруг аулов и сидящего на ней бьют плетью; а дочь связывается и предается матери для наказания по ее произволу» [5; с. 481].

В «Тарих-и Джахангушай» Джувейни приводит следующее сообщение: «А еще яса такая: чтобы никто из тысяч или десятков, к которым он приписан, не смел уходить в другое место или укрываться у других...» [11; с. 270].

Также Плано Карпини (XIII в.) утверждал, что согласно монгольским законам, «Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывает вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысяченики – сотникам, сотники же десяткам» [11; с. 454].

У автора «Михман-наме-йи Бухара» Ибн Рузбихана Исфохани имеются указание на сохранении этой нормы Ясы и в Казахском ханстве. В главе «Рассказы о местоположении городов Туркестана и страны казахов», он пишет следующее: «[Султаны] сидят там до сих пор еще со времени Ючи-хана и Шибан-хана и пользуются пастбищами. Точно так же они располагаются и занимают места по ясе [Чингиз-хана]» [15; с. 94].

Возможно, некоторые нормы Ясы сохранились у казахов в виде обычаев, истоки происхождения которых самими казахами уже забыты. Например, существующий у казахов запрет наступать на порог юрты мог быть связан с нормой Ясы Чингиз-хана, которая запрещала наступать на порог ставки воеводы. За нарушение этой нормы, виновник предавался к смерти [11; с. 286].

Как известно, помимо Ясы в тюрко-монгольских государствах еще одним правовым актом был ярлык. Он являлся неотъемлемым атрибутом ханской власти – власти суверенного государя и не издавался подчиненными ему улусными правителями. Посредством издания ярлыков определялось правовые нормы и конкретные механизмы их реализации [7; с. 63].

Такие ярлыки использовалди и правители Казахского ханства, Хорошо известен ученым ярлык, выданный в XVII в. Тауке-ханом некоему кази Бабе при его назначений на религиозную должность в городе Сыгнак [14, с. 82]. Это, так называемый, ярлык назначения на должность.

Также в письменных источниках отмечается практика выдачи казахскими ханами и других видов ярлыков. Так, в сообщении русского посла В. Кобякова от 1696 г. говорится: «И в прошлом де в 206 году, июля в 20 день, отпустил его, Васку с товарищи, Тевки хан тайно в Бухары и дал проезжие ерлыки» [2; с. 428–429]. По-видимому, речь идет о так называемых «охранных ярлыках». Такой ярлык выдавали и правители Улуса Джучи. Ярлык должен был обеспечить безопасность послов при их перемещениях и формально был обязателен для исполнения на всей территории государства.

Таким образом, имеющиеся исторические материалы дают нам возможность поддержать предположение исследователей о преемственной связи отдельных положений правовой системы Казахского ханства, в частности «Жеті жарғы», от права Улуса Джучи, в том числе и от Ясы Чингиз-хана. Некоторые правовые нормы Чингиз-хана, установленные еще в XIII в., продолжали, несколько подвергшиеся трансформации, функционировать и в Казахском ханстве в XVI–XVIII вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. История. Л., 1926. 910 с.
2. История Казахстана в русских источниках. Том I. Посольские материалы Русского государства (XVI–XVII вв.) / Составление, транскрипция скорописи, специальное редактирование текстов, вступительная статья, комментарии, составление словарей указателей А. Исина. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 704 с. + 16 с. вкл.
3. История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1957. 610 с.
4. Қазақтың ата заңдары: Құжаттар, деректер және зерттеулер он томдық [Текст] = Древний мир права казахов: Материалы, документы и исследования в 10 т. 1-ші том. 2-ші бас., өзгертіліп, толықт. Алматы: Жеті жарғы, 2004. 627 б.
5. Қазақтың ата заңдары: Құжаттар, деректі және зерттеулер: 10 томдық [Текст] = Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования / Бағдарма жетекшісі: С.З. Зиманов. Алматы: Жеті жарғы, 2005. 4-ші том. 552 б.
6. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / под общей редакцией М.К. Козыбаева. Алматы: «Санат», 1996. 656 с.
7. Почекаев Р.Ю. Основные источники «Ханского права» в Казахстане // «Арал-Каспийский регион в истории и культуре Евразии»: Материалы II Международной научной конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан. Алматы+Актобе, 2011. 404 с.
8. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды / Редактор И.М. Миргалеев. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. 260 с.
9. Проблемы казахского обычного права. Алма-Ата: Наука, 1989. 144 с.
10. Путевые заметки П.И. Пашино / П.И. Пашино; с 20 рис. в три тона работы А. Гине, 35 виньетками, резанными на дереве А. Даугелем и рисованными В. Крюковым и с картой Туркестанского края. М.: Типография Тиблена и К° (Неклюдова), 1868. [8], 176, [5] с.
11. Сокровенное сказание / Чингисхан. М.: Эксмо, 2015. 480 с.: ил.
12. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 276 с.
13. Чингисхан. Сокровенное сказание монголов. Великая Яса. М., 2015.
14. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сборник исторических документов в 2-х томах / Автор проекта, введения, биографий ханов, научных комментариев, составитель и ответственный редактор И.В. Ерофеева. Алматы: «АБДИ-Компани», 2014. 696 с. + вкл. 44 с. Т. 1. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг.
15. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфажани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). Перевод, предисловие и примечания Р.П. Джалиловой. Под редакцией А.К. Арендса. М.: Восточная литература, 1976. 106 с.

Сведения об авторе: Нурлан Адилбекович Атыгаев – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана факультета истории, археологии и этнологии Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан). E-mail: nuratygaev@mail.ru

LEGAL SYSTEM OF THE ULUS OF JOCHI AND THE KAZAKH KHANATE: SOME COMMENTS ON THE ISSUE OF SUCCESSION

N.A. Atygaev

Al-Farabi Kazakh National University

Abstract. The article discusses the problem of continuity of the legal system of the Kazakh Khanate from the legal system of the ulus of Jochi. In the sixteenth and seventeenth centuries, the rulers of the Kazakh Khanate took certain legislative initiatives aimed at strengthening the foundations of the State. During this period, such legal acts of the Kazakhs were promulgated as the laws of Qasim Khan (“The Clear Path of Qasim Khan”), the laws of Yesim Khan (“The Ancient Way of Yesim Khan”) and the laws of Tauke Khan (“Seven Constitutions”). The historical materials analyzed in the article indicate the continuity of certain provisions of the legal system of the Kazakh Khanate, in particular the “Seven Constitutions”, from the law of the ulus of Jochi (Golden Horde), including Chinggis Khan’s Yasa. Some legal norms of Chinggis Khan of the thirteenth century continued to function in the Kazakh Khanate in the sixteenth and seventeenth centuries in a slightly transformed form.

Keywords: ulus of Jochi, Kazakh Khanate, law, Yasa, “Seven Constitutions”, Tauke Khan

About the author: Nurlan A. Atygaev – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of Kazakhstan, Faculty of History, Archeology and Ethnology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan). E-mail: nuratygaev@mail.ru

**НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ ЕВРАЗИИ
(РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ПОЧЕКАЕВ Р.Ю. СТЕПНЫЕ ИМПЕРИИ ЕВРАЗИИ:
ВЛАСТЬ – НАРОД – ПРАВО (ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И ПРАВОВОЙ АНТРОПОЛОГИИ))**

А.Д. Гомбожапов, В.В. Тишин

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Статья представляет собой рецензию на недавно опубликованную книгу петербургского исследователя Р.Ю. Почекаева «Степные империи Евразии: власть – народ – право (очерки по политической и правовой антропологии)» (Алматы: АБДИ Компани, 2018). На страницах книги последовательно и емко излагается авторский взгляд процесс трансформации правовых устоев, а вместе с ними ряда и социально-политических институтов у кочевых обществ степной Евразии, и сама по себе работа имеет концептуальный характер. По мнению рецензентов, рассматриваемая работа демонстрирует развитие нового для отечественной науки исследовательского направления, связанного с изучением степных кочевников. Несмотря на явно новаторский подход и ряд интересных наблюдений автора, книга, тем не менее, не лишена недостатков, связанных по большей части с предпочтениями автора теоретическим установкам в ущерб непосредственным источниковым данным.

Ключевые слова: кочевое общество, степные империи, право, власть

Несмотря на важность сравнительного изучения генезиса права в степных обществах Евразии крупных работ по монографическому обобщению до сих пор не имеется. Это связано с разными, но взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, научный интерес в этой области длительное время не был представлен самостоятельным направлением. Лишь со становлением юридической антропологии как науки и учебной дисциплины с середины 1990-х гг. традиционные правовые системы стали предметом широких и детальных исследований. Во-вторых, это преодоление устаревших представлений позитивизма в отечественной историографии. Долгое время довлеющие идеи эволюционизма сводили все богатство историко-культурных процессов к единой поступательной линии общественного прогресса. Признание альтернативности путей социальной эволюции вызвало необходимость учета всего своеобразия генезиса традиционных обществ, в том числе и кочевых. Это способствовало предельному расширению круга возможных источников, изменению привычных взглядов на факты, широкой реконструкции всего контекста и выявлению всех прилегающих областей исследуемого предмета, т.е. все того, что на сегодняшний момент объемлет антропология как общественная наука. В этой связи, несомненно, что рассматриваемый труд Р.Ю. Почекаева вносит значимый вклад как в развитие антропологической мысли в России, так и в собственно кочевниковедение.

Рассматриваемая работа в значительной степени отличается от прежних книг Р.Ю. Почекаева, принесших ему широкую известность, – как биографических (см.: [10; 12; 15; 17]), так и историко-правовых исследований, больше занимающих автора в последние годы (см.: [13; 14; 16; 11]). Многие из этих работ уже сегодня можно назвать классическими или, по меньшей мере, уверенно заявить, что без их учета едва ли может обойтись сколь-либо серьезное исследование по соответствующей исторической тематике.

Рецензируемая книга, как отмечает сам Р.Ю. Почекаев, «представляет собой совокупность более чем десятилетних научно-исследовательских и преподавательских наработок автора» (с. 12). Таким образом, перед нами не исследование, а своеобразный *syllabus*. Именно относительная краткость и емкость изложения материала являются характерными чертами данной работы.

Книга состоит из четырех частей, разбитых на главы, последовательно в хронологическом плане излагающих историю права и государства в евразийских степях.

Р.Ю. Почекаев предлагает читателю с точки зрения юридической антропологии рассмотреть особенности, как он сам выражается, «правового развития» кочевых народов Евразии, проследить эволюцию взглядов на право и формирование системы источников права (с. 12, 20). При этом, пола-

гает он, важно избежать идеализированного представления о праве, формируемого при изучении исключительно только текстов правовых памятников (с. 25). Автор ратует за изучение дополнительных источников, которые отражают практику правоприменения и правосознания, степень востребованности правовых норм, их соотношение с правовыми и бытовыми народными обычаями. В качестве таковых выступают древнетюркские рунические надписи, литературные произведения, сочинения эпического характера, фольклор.

Для анализа наиболее ранних воззрений о власти и праве у кочевников используется понятие «мононорма» (с. 30), введенное видным исследователем кочевых обществ А.И. Першицем [9, с. 214]. Автор полагает, что «мононормы» эффективно действовали в период существования империи хуннов (сюн-ну 匈奴). Отчетливая дифференциация социальных норм и выделение категории «право, закон» прослеживается в древнетюркском обществе VI–IX вв. Развитие правовых идей у средневековых¹ тюрков и монгольских народов, как справедливо считает автор, шло в неразрывной связи с представлениями о власти и государстве, слитые в единое понятие «торе» (тюрк. *törö*, монг. *törä*). Порядок в кочевом обществе был обеспечен твердой властью правителя, который выступает олицетворением установленного «Небом» закона. На данном «этапе развития тюркского права (VII–IX вв.)», как пишет автор, каган еще не обладает правом законотворчества, а всего лишь «дает этот закон народу» и «укрепляет» его (с. 36). У тюрков, по мнению Р.Ю. Почекаева, функцией провозглашения и толкования законов-«торе» обладали именно каганы, но у монголов XI–XII вв. она принадлежала племенным старейшинам (с. 36–37). Попытка монополизировать правотворческую деятельность была связана с укреплением Чингис-ханом личной власти.

В своих суждениях об истории права древних тюрков Р.Ю. Почекаев следует С.Г. Кляшторному (с. 24) и так же, как известный тюрколог, встает на опасный путь, без оговорок привлекая для реконструкции социальной (и правовой как ее части) жизни древних тюрков более поздние источники, созданные в несколько иных исторических условиях. В частности, это поэма второй половины XI в. «Кутадгу билиг» Йўсуфа Хāсс-Хаджўба ал-Бālāсāгўнў, огузский эпос «Китаб-и Дэдэм Коркут», дестан об Огуз кагане. Такая методика характерна, например, для турецкой историографии (см., напр.: [20, s. 106]). Однако, следует учитывать, что поэма Йўсуфа ал-Бālāсāгўнў, созданная уже в оседлой мусульманской среде, является подражанием персидскому жанру *андарз*, т.е. ‘Зерцало для князей’ – наставление и, в сущности, отражает распространение новой идеологии и новой концепции политического господства [7, с. 506, 508; 23, р. 141–142; 26, р. 156; 32, р. 27, 36–37]. Следует учитывать, что и сама структура общества, продуктом которого явилось данное произведение, механизмы и критерии социальной стратификации также претерпели значительные изменения. Так, например, в «Кутадгу билиг» появляется некая социальная категория *ortu* ‘средняков’, противопоставляемая и богатым (*baj*), и бедным (*čiyaj*) [17, с. 307–308]. Это же касается и огузского эпического сборника «Китаб-и Дэдэм Коркут», две цитаты из которого были привлечены Р.Ю. Почекаевым только потому что в русском переводе там стоит выражение «право бога» (с. 34). В оригинале там – *Tangri Haqqi* یرکنتی قه [28, л. 6/5, 52/28; 29, s. 23, 44], и это совершенно иной вопрос, насколько арабизм *haqq* должен коррелировать с тюркским *törö*.

Привлекая персидскую версию дестана об Огуз кагане или «Огуз нāмэ», записанную у Рашид ад-Дўна ат-Табўба (XIV в.), оказавшего влияние на Абў’л-Газў (XVII в.), Р.Ю. Почекаев оставляет без внимания уйгурскую версию дестана об Огуз кагане, записанную примерно в XV в. [19, с. 13–110]. Сложение дестана восходит к более ранним временам и те версии, которые встречаются в этих поздних источниках, в известной степени сохранили общие представления о нормах социальной жизни кочевников, однако, они вобрали в себя и поздние напластования, преимущественно отразив те реалии, которые были характерны для времени непосредственной письменной фиксации. В частности, С.Г. Агаджанов отметил, что употребляемая в различных версиях дестана терминология, в т.ч. социальная, подверглась определенным корректировкам, поэтому не может быть перенесена даже на сырдарьинских огузов [1, с. 30]. «Огуз нāмэ», с одной стороны, отражает быт и представления о нормах социальной жизни кочевнического общества с ее племенным коллективизмом, возрастной субординацией и доминированием обычного права, с другой – выводит на первый план образ идеального правителя, регулирующего жизнь социума путем своего законотворчества и созданием бюрократиче-

¹ Здесь и далее дефиниции *Древность/древний*, *Средневековье/средневековый*, *Новое время* используются исключительно для традиционного обозначения периодизации Всемирного исторического процесса и не отражают взглядов авторов на историю кочевнических обществ.

ского аппарата. Последнее, несомненно, связано с влиянием оседло-земледельческой культуры, а конкретно – иранской традиции. Поэтому справедливо считать, что этот эпос отражает, скорее, состояние кочевнического, – огузского, – общества в период его адаптации к оседло-земледельческой среде [30]. Другой пример – когда в дестане об Огуз кагане Огуз каганом на той приглашаются его дружинники (*nöker*) и весь народ (*il kün*), в то время как в «Китаб-и Дэдэм Коркут» хан созывает на той только бегов [25, с. 42].

Сказанное касается и возможности использования древнеуйгурских документов X–XIV вв., отражающих социально-правовые нормы уже оседло-земледельческого общества (с. 42–46, 48). К слову, С.В. Киселев в свое время критиковал А.Н. Бернштама за привлечение этих документов для реконструкции отдельных аспектов социальной жизни Тюркского каганата: «Каковы бы ни были выводы, сделанные на основании этих документов, они никакого отношения к общественному устройству орхонских тюрков VII–VIII вв. иметь не могут, как не могут иметь писцовые книги Руси XVI в. отношения к истории Польши X в.» [6, с. 87].

К сожалению, работа только лишь с переводами источников привела Р.Ю. Почекаева и к другим дискуссионным моментам. Так, опираясь лишь на словарные толкования, без учета контекста, исследователь отмечает, что «термином “торе” средневековые тюрки и монголы обозначали не только “право, закон”, но также и “власть, правление, правительство, порядок”». На основе этого он рассуждает об «эволюции» этого понятия, пытаясь вписать их в историческую панораму (с. 35–36). В действительности, такие рассуждения могли бы быть основаны только на рассмотрении непосредственных контекстов употребления термина в письменных памятниках, при работе с которыми, однако, следует понимать, что особенности оригинального языка отражают картину мира его носителя, которая отличается от картины мира переводчика и носителей языка перевода в целом. Неучитывание этого фактора и оперирование лишь со значениями, перечисляющимися в словарях, само по себе делает рискованными любые построения. В другом месте Р.Ю. Почекаев объясняет наличие в одном термине нескольких значений термина следующим образом: «речь идет о неких базовых принципах организации системы государственной власти в тюркских государствах, введенных в действие правителями в условиях изменения политических реалий» (с. 41).

Р.Ю. Почекаев стремится обосновать следующую идею. Движущим фактором правогенеза кочевых народов в данную эпоху стало усложнение отношений в крупных политиях тюркских народов. Так, следует отметить рассуждения автора по поводу превращения «эля», трактуемого им как «государствоподобное территориальное владение» в «степную империю», объединившую народы с разной культурой, религией, хозяйственным укладом и политико-правовыми традициями, что ставило перед каганами задачу упорядочивания отношений, определение и уточнение статуса государственных институтов и т.д. Это поставило их перед необходимостью вырабатывать правовые нормы для взаимодействия с разношерстным населением империи (с. 37). В VI в. древнетюркское общество проходило период формирования государственных институтов, перехода от обычного права к законам, создаваемым правителями (с. 38). Так, можно добавить, что в Бугутской надписи говорится о том, что уже Мага Умна каган (Ань-ло 庵邏, 581 г.) «распорядился воздвигнуть великий камень закона» (*RBkw nwm swnk' 'wst rty*) (Б II, стк. 10) [33, р. 122–123, 124], а, соответственно сам «закон» может быть выбит на той стороне стелы, на которую нанесены 24 строки письмом брахми, которые, однако, пока не расшифрованы [33, р. 125]². В связи с этим вызывает настороженность однозначное утверждение автора со ссылкой на китайские источники, что последние однозначно говорят о законах (с. 39). В частности, в «Чжоу шу» 周書 (цз. 50, с. 5а) действительно можно встретить выражение *син-фа* 刑法, букв. ‘уголовное право’ [34, с. 518]. Однако, ничто не говорит в пользу какой-либо однозначной трактовки. Кроме того, в том месте «Тан шу» 唐書 («Синь Тан шу» 新唐書, в тексте ошибочно – «Тан ши»), где, как отмечает Р.Ю. Почекаев, «сообщается о сближении тюркских законов с законодательством Китая в правление кагана Дату (Тарду)» (с. 39), речь идет не о Да-тоу 達頭, а о Ци-минь 啓民 кагане, который, спасаясь от конкурентов в борьбе за власть, подался Танской империи и покорно принял все обычаи, требуемые китайским придворным этикетом. Потому фразы «не подлежит сомнению, что речь идет не о правовых обычаях, а о законодательстве, установленной именно правите-

² Хотелось бы выразить признательность к.и.н. В.В. Досовицкой (Институт Востоковедения РАН) за возможность использовать сделанный ею перевод японского текста цитируемой статьи.

лями государства», и что «китайские источники отмечают существование законов в древнетюркских государствах» и «соотносят их с конкретными правителями», не выглядят обоснованными.

Вслед за концепцией В.В. Трепавлова о преемственности государственных традиций Р.Ю. Почекаев считает, что принятые основателями государства законы, впоследствии не подвергаясь значительным изменениям, передавались в устной форме из поколения в поколение (с. 35 сл.). В частности, автор прямо говорит о своего рода «наследовании» созданных тюркскими каганами правовых норм в «Киргизском» (корректнее – *Кыргызском*) каганате и у монголов XI–XII вв. (с. 41). Однако, в этом случае можно поставить вопрос о связи правовых воззрений древних тюрков с предшествующими кочевыми империями, в частности, с теми же *сяньбэйцами* и *жоужанями*, о которых автор упоминал прежде (с. 39). При этом далее он сам приводит убедительные аргументы в пользу того, что перечисляемые в китайских источниках наказания за проступки и преступления, имевшие место среди тех или кочевнических народов, «подтверждают, что эти нормы вводились правителями, а не пришли из обычного права» (с. 43, 86–87)

Неясно, откуда Р.Ю. Почекаеву «известно о существовании разработанной налоговой системы в государствах тюрков, уйгуров, кимаков» (с. 43–44). Кроме как относительно уйгурских княжеств Восточного Туркестана X–XIV вв., таких сведений не имеется (в частности, ссылка на Б.Е. Кумекова, неправомерна). Странным выглядит указание (со ссылкой на Т.Дж. Барфилда!) о наличии у т.н. «малых» каганов тюрков, наравне с верховным каганом, законодательных функций (с. 47). Абстрагированы от источников рассуждения Р.Ю. Почекаева о существовании у «средневековых тюрков» института курултая (с. 48), никаких прямых свидетельств о котором в текстах, относящихся непосредственно к древнетюркской эпохе, не зафиксировано. Дискуссионным остается и утверждение автора о том, что в древнетюркской среде «монархи избирались волей народа», при этом он цитирует пассаж, где говорится о том, что тюрки даровали кыргызскому Барсбегу титул *кагана* (с. 66), не обращая внимание на то, что *каганами* в орхонских надписях именуется фактически все суверенные правители (токуз огузов, тюргешей, табгачей и др.) (контексты см., напр.: [31, s. 260–264])³. В этом свете неоднозначно смотрится и высказанное Р.Ю. Почекаевым в продолжение данной мысли утверждение о том, что и ха'аны (в тексте – «ханы») Монгольской империи «считались законными правителями только после официальной процедуры избрания на собрании представителей монгольской знати и кочевых племен – курултая» (с. 67–68). Этот вопрос может быть рассмотрен под другим углом – действительно ли курултай подразумевал выборы в прямом смысле этого слова или же это была лишь формальная и символическая процедура утверждения, своего рода фиксация признания легитимности новоиспеченного ха'ана?

В целом, несмотря на отсутствие письменной фиксации юридических норм, полагает Р.Ю. Почекаев, правовую систему тюрков нельзя охарактеризовать как право обычное. Глубокое отличие состоит в том, что ее источником был не правовой обычай, а власть. Она устанавливала правовые нормы, охраняла и защищала их (с. 48). В самых общих чертах с этим заключением можно согласиться, но, как было показано выше, сами построения, в результате которых автор пришел к нему, неубедительно.

Отдельный период в трансформации правовых систем кочевых народов выделяется Р.Ю. Почекаевым в связи с культом Чингис-хана, оказавшимся долговременным фактором в политическом пространстве Великой Степи. Автор утверждает, что в имперский и постимперский период сложилась особая политико-правовая идеология. В ее основе лежат следующие положения: сохранение верховной власти за потомками Чингис-хана; действие Великой Ясы как правопорядка, установленного Чингис-ханом для всей империи; религиозная толерантность. Именно эта идеология определила тот феномен, что весь комплекс правовых норм (указов, законов, распоряжений, позднесредневековые кодификации), вся система источников права сведена единственно к законотворческой деятельности Чингис-хана, что позволяет говорить об особом «чингизовом праве» (с. 49–60). Формирование самого же имперского права автор, основываясь на сообщении Плато Карпини, относит к 1230–1240 гг., в то время как создание установление Чингис-хана сочинение Рашīд ад-Дīна позволяет отнести к 1225 г. (с. 82–85, 90–91). В этот период происходит трансформация степного права – интеграция древних обычаев с новыми установлениями Чингис-хана и его преемников. При этом Р.Ю. Почекаев однозначно утверждает, что Великой Ясы как свода законов «на самом деле никогда не существовало» (с. 57, 58), подкрепляя это мнением, что «многие из его [Чингис-хана – *Авт.*] указов не были зафик-

³ Например, по мнению В.В. Бартольда, здесь говорится о том, что кыргызский каган добился признания его титула тюрками [2, с. 483].

сированы в письменной форме» (с. 59). Между тем, соответствующий пассаж, в частности, у Джувейни [27, р. 25] позволяет думать иначе.

Конечно, становление монгольского имперского права не могло обойтись и без рецепции норм права подвластных народов (с. 92 сл.). Активное восприятие Чингисидами местных систем ценностей, власти и права привело в условиях распада Монгольской империи к торжеству регионализма, отразившего процесс срастания интересов Чингисидов на местах с подвластными им территориями и начало противопоставления собственных интересов другим Чингисидам (с. 72). Автору, как нам кажется, в полной мере удалось показать этот процесс на примере рецепции ханами Золотой Орды наравне с нормами мусульманского права также и норм европейского права (с. 96–98, 102–103). Любопытно, что автор не отрицает «заимствования ордынских государственных и правовых традиций» русскими княжествами (с. 12, 104).

В разных частях обширного государства монголов взаимодействие имперского права с местными выливалось в своеобразные формы функционирования правовой системы. По мысли автора, применительно к периоду Юань 元 можно говорить о сосуществовании общеимперского и китайского законодательства. Ситуация взаимопроникновения элементов монгольского и китайского права отрицает утверждение об односторонней направленности процесса взаимодействия, поглощения одним другим. Исследователь совершенно справедливо характеризует его правовую интерференцию (с. 115).

Привлекает к себе внимание тезис о том, что форма бесписьменного бытования права не является основанием для рассмотрения его только как обычного права. На примере казахских законодательных сборников XVI–XVIII вв. («Қасым ханның қасқа жолы», «Есім ханның ескі жолы», «Жеті Жарғы»), не нашедших письменного выражения, автор книги приводит все признаки права позитивного, установленного властью хана (с. 120–123). Аналогично ученый характеризует и памятники монгольского права XVI–XVIII вв., которые, в отличие от казахских, нашли отражение в письменной форме («Цаган теуке», «Восемнадцать степных законов», «Их цааз», «Халха джирум»). Несмотря на сохранение элементов обычного права, все эти сборники отражают именно законы, «создававшиеся с учетом древнего обычного права, существенно изменявшегося и дополнявшегося в соответствии с новыми историческими условиями и в интересах тех, кто эти законы принимал» (с. 127).

Немаловажным представляется попытка Р.Ю. Почекаева найти историческую связь между западными политическими традициями и правовыми воззрениями представителей тюрко-монгольского мира XVIII–XIX вв. Хотя необходимо отметить, что вывод о сходстве в политических взглядах английского мыслителя XVII в. Т. Гоббса и хивинского хана Абӯ'л-Ғазӣ, сводящийся к утверждению, что «в Англии и Хиве XVII в. монархическое правление достигло примерно одинакового уровня» (с. 62–66, 68–70), требует более убедительных доказательств.

Интересной видится и попытка Р.Ю. Почекаева показать семантическое развитие понятия *törä* от обозначения степного права до обозначения потомков Чингис-хана как закрытого сословия или вовсе какого-то чиновника (с. 128–139). Р.Ю. Почекаев относит начало этого процесса к XV–XVI вв., оставив без внимания тот факт, что, как указал, например, тот же Г. Дёрфер [24, S. 266–267], на которого автор не раз ссылается, уже в титуле кагана *жоужаней – Доу-ло Фу-ба Доу-да* 豆羅伏跋豆伐 (которого Р.Ю. Почекаев, кстати, упоминает в книге, на с. 39), на языке Вэй 魏 (табгачском) обозначающем *чжан чжи* 彰制, букв. ‘просветляющий/выставляющий закон(ы)’. Несмотря на возможность различных реконструкций всего титула (см., в частности: [9, с. 279, 413–414, коммент. 51]), по крайней мере, его первая часть, *доу-ло* 豆羅 может передавать оригинальное **törö* [22, р. 171; 21, р. 314–315; 5, с. 195].

Еще один аспект, раскрываемый в монографии, это правовые взаимоотношения государства и религии в кочевых обществах. Здесь Р.Ю. Почекаев определяет различную степень этих отношений: от инкорпорации религиозных принципов в политическую и правовую систему, как, например, буддизм в Монголии XVI–XVIII вв. (с. 144–160), до вытеснения светского права религиозным, что прослеживается на примере мусульманских постордынских тюркских государств, существовавших в период позднего Средневековья и Нового времени (с. 161–170). В связи с последним вновь следует отметить, что автор, видимо, не допускает мысли о наличии подобных тенденций в тюркских политических образованиях домонгольского времени, в частности, в том же Караханидском каганате, используя поэму «Кутадгу билиг» как источник для реконструкции правовой системы доисламских тюрков.

В заключительной части книги Р.Ю. Почекаев очертил трансформацию правовых устоев кочевых народов в составе крупных мультирегиональных империй. Показаны особенности интеграции кочевых народов в политико-правовое пространство Российской империи и Китая (династия Цин 清). В частности, показана эволюция правовых практик цинского правительства в отношении монголов, когда сначала маньчжурские власти, стремясь сохранять лояльность монгольского населения, предоставили им значительную автономию в сфере его правовой жизни, а с конца XVIII – начала XIX вв. начинаются активные тенденции к унификации правовых норм на всем пространстве империи, направленные на китаизацию населения (с. 177–182). Также автор привел убедительные свидетельства существования юридического плюрализма на территории Казахстана XIX в., выразившегося в сосуществовании обычного права, ханского («чингисидского») права (до упразднения в 20-х гг. института хана, а в конце 60-х гг. – институтов султанов), шариатских норм (не получивших широкого распространения среди казахов) и имперского права, начавшего доминировать с 60-х гг. (с. 183–191). Здесь, думается, Р.Ю. Почекаев мог бы также воспользоваться результатами исследования Д.В. Васильева [4], отметившего уже к первой половине XIX в. наличие «четырёх моделей российского управления в Казахской степи», отразивших стремление российских властей, применявших в каждом из четырёх жузов (с т.н. Букеевской ордой) различные механизмы взаимодействия имперской администрации с местным населением, найти наиболее эффективные механизмы интеграции казахов в политико-правовое пространство Российской империи⁴.

В целом, Р.Ю. Почекаев приходит к выводу о том, что для кочевых народов были характерны те же тенденции «политико-правового развития», что и для других народов, но этот факт не исключает наличия у них определенных самобытных черт. Немаловажно то, что автор отмечает значительную роль в этом процессе оседло-земледельческих обществ, в частности пребывание кочевых народов евразийских степей в составе Российской и Цинской империи, что во многом способствовало их адаптации к принятой системы позитивного права (писанного кодифицированного законодательства) (с. 192–193).

Можно сказать, что разделы, посвященные постмонгольскому времени удались автору гораздо больше, чем те, что касаются кочевников более ранних времен. Это, прежде всего, обусловлено спецификой источникового материала, работа с которым требует специальной филологической подготовки.

Данная работа еще раз демонстрирует такое явление, когда конструируемая в антропологическом исследовании претендующая на универсализм модель рушится при внимательном обращении к частностям, поскольку основывается не на непосредственном анализе источникового материала, а на априорных теоретических установках. Однако, этот факт не снижает значения работы Р.Ю. Почекаева, являющейся, по сути, первой попыткой, как минимум, в российской историографии осуществить концептуальное осмысление правовой истории кочевых народов евразийских степей. Как уже отмечалось выше, автором сделан важный шаг вперед по развитию антропологии права кочевников в России, и те, кто будут разрабатывать эту тематику дальше, не смогут пройти мимо работы Р.Ю. Почекаева, и, будучи даже в полемике с ним, все равно будут идти по намеченному им пути.

Благодарности: Работа выполнена в рамках Комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № АААА-А17-117021310264-4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969. 296 с.
2. Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк // Бартольд, В.В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1963. Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. С. 471–525.
3. Васильев Д.В. Российская система управления в Казахской степи XVIII – 1-й пол. XIX в.: исследование политических моделей // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция.

⁴ Д.В. Васильев делал доклад по данной теме [3] 22 апреля 2015 г. на заседании секции «Источниковедение и историография Центральной Азии», прошедшем совместно с заседанием секции «Кочевники Евразии: Памяти С.Г. Кляшторного (1928–2014)», XXVIII Международной научной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Азия и Африка в меняющемся мире», прошедшей в стенах Восточного факультета СПбГУ, где довелось быть одному из авторов настоящей рецензии (В.В. Тишин), а также присутствовал и Р.Ю. Почекаев.

- ция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 22–24 апреля 2015 г. Тезисы докладов. СПб.: ВФ СПбГУ, 2015. С. 414.
4. Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 471 с.
 5. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М.: Вост. лит-ра, 2007. 222 с.
 6. Киселев С.В. [Рец. на] А. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI–VIII веков. Восточно-тюркский Каганат и Кыргызы. Изд. АН СССР, М–Л., 1946, 207 стр. + 2 карты // Вестник Древней истории. 1947. № 1. С. 83–90.
 7. Кононов А.Н. Поэма Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание» // Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / изд. подг. С.Н. Иванов. М.: Наука, 1983. С. 495–517.
 8. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / введ., пер. [с кит.] и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука, 1984. 486 с.
 9. Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии / отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1979. С. 210–240.
 10. Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ; СПб.: Евразия, 2006. 350 с.
 11. Почекаев Р.Ю. Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии: Тюрко-монгольский мир XIII – начала XX в. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. 366, [2] с.
 12. Почекаев Р.Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. СПб.: Евразия, 2010. 288 с.
 13. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: «Фэн», 2009. 260 с.
 14. Почекаев Р.Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Юрлитинформ, 2015. 312 с.
 15. Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. 2-е изд., испр. и доп.. СПб.: Евразия, 2012. 464 с.
 16. Почекаев Р.Ю. Чингизово право: Правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии: (Средние века и Новое время). Казань: Татарск. книжн. изд-во, 2016. 309 с.
 17. Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв.: очерки. СПб.: Евразия, 2012. 384 с.
 18. Самойлович А.Н. Богатый и бедный в тюркских языках // Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 291–330.
 19. Щербак А.М. Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М.: Вост. лит., 1959. 170 с.
 20. Arslan M. Eski Türk Devlet Anlayışı ve Kutadgu-Bilig // Arslan M. Eski Türk Devlet Anlayışı ve Kutadgu-Bilig // İstanbul Üniversitesi Sosyoloji Konferansları Dergisi. 2014. Cilt 1. Sayı 1. S. 100–111.
 21. Bazin L. Recherches sur les parlers T'o-pa // T'oung Pao, Second Series. 1950. Vol. 39. Livr. 4/5. P. 228–329.
 22. Boodberg P.A. The Language of the T'o-Pa Wei // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1936. Vol. 1. No. 2. P. 167–185.
 23. Bosworth C.E. Legal and Political Sciences in the Eastern Iranian World and Central Asia in the Pre-Mongol Period // History of civilizations of Central Asia / ed. C.E. Bosworth and the late M.S. Asimov. Paris: UNESCO, 2000. Vol. IV. The Age of Achievement: A.D. 750 to the end of the fifteenth century. Pt II. The Achievements Multiple History Series. P. 133–142.
 24. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1963. Bd. I. Mongolische Elemente im Neupersischen. XLVIII, 557 S. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. XVI)
 25. Duymaz A. Oğuz Kağan Destanı'ndan Dede Korkut'a Toy Geleneğinin Simgesel Anlamı ve Türk Paylaşım Modeli // Karadeniz Araştırmaları Balkan, Kafkas, Doğu Avrupa ve Anadolu İncelemeleri Dergisi. 2005. Sayı 2(5). S. 37–60.
 26. Frye, R.N. Arabic, Persian and Turkish Historiography in Central Asia // History of civilizations of Central Asia / ed. C.E. Bosworth and the late M.S. Asimov. Paris: UNESCO, 2000. Vol. IV. The Age of Achievement: A.D. 750 to the end of the fifteenth century. Pt II. The Achievements Multiple History Series. P. 152–156.
 27. Genghis Khan. The History of the World-Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A. Boyle; with a new introd. and bibliogr. by D.O. Morgan. Manchester: Manchester University Press, 1997. lxxvii, 763 p.
 28. Kitab-i Dedem Korkut. Mscr. Dresd. Ea. 86. [3], 303, [2] с.
 29. Kitabı-Dədə Qorqud. Əsil və sadələşdirilmiş mətnlər / tərtib edəni: S. Əlizadə. Bakı: Öndər nəşriyyat, 2004. 376 səh.
 30. Mustafaev Sh. Views on Supreme Power and Law in Medieval Nomadic Society (case of “Oghuzname” by Yazicioglu Ali) // Studia et Documenta Turcologica. 2013. № 1. S. 277–286.

31. Şirin User H. Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi. Konya, 2009. 548 s. (Kömen Yayınları 32 ; Türk Dili Dizisi 1).
32. Tetley G.E. The Ghaznavid and Seljuq Turks: Poetry as a Source for Iranian History. London; New York: Routledge, 2009 (Routledge studies in the history of Iran and Turkey). vii, 211 p.
33. Yoshida Y., Moriyasu T. The Bugut Inscription (ブグト碑文) // Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 (モンゴル国現存遺蹟・碑文調査研究報告) / ed. by Takao Moriyasu and Ayudai Ochir. Toyonaka : The Society of Central Eurasian Studies, Osaka University, 1999. P. 121–125 (на яп. яз.).
34. Цэнь Чжун-мянь 岑仲勉. Ту-цзюэ цзи ши 突厥集史. Пекин [北京]: Чжун-хуа шу-цзу 中華書局, 1958. 1136 с.

Сведения об авторах: Александр Дмитриевич Гомбожапов – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: agombozh@gmail.com

Владимир Владимирович Тишин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: tihij-511@mail.ru

**NEW TREND IN THE STUDIES OF NOMADIC SOCIETIES OF EURASIA.
BOOK REVIEW: POCHKEAEV R.YU. STEPPE EMPIRES OF EURASIA:
POWER – PEOPLE – LAW (ESSAYS ON POLITIC AND LEGAL ANTHROPOLOGY)**

Aleksandr D. Gombozhapov, Vladimir V. Tishin

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the RAS*

The article is actually to be a review on the recently published book of the Petersburg researcher Roman Yu. Pochekaev “Steppe Empires of Eurasia: Power – Public – Law (Essays on Politic and Legal Anthropology)” (Almaty: ABDI Company, 2018). The book itself consistently and succinctly presents the author’s view of the process of transformation of legal foundations, and also, indirectly, some of sociopolitical institutions among nomadic societies of the Eurasian steppe. The results obtained by itself are conceptual. According to the reviewers, the discussed work demonstrates the development of a research field to be new to nomadic studies in Russia. Despite the clearly innovative approach and a number of interesting observations of the author, the book, however, is not without flaws, mostly due to the author’s preferences for theoretical attitudes to the detriment of direct source data.

Keywords: nomadic society, steppe empire, law, power

About the authors: Aleksandr D. Gombozhapov – Cand. Sci. (Hist.), Leading Research Fellow on the Department of History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail agombozh@gmail.com

Vladimir V. Tishin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow on the Department of History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: tihij-511@mail.ru

КАЗАХСКИЕ ШЕДЖЕРЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПЛЕМЕН ЗОЛОТОЙ ОРДЫ. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ М.А. АЛПЫСБЕСА

Б.Г. Аяган

Институт истории государства Комитета науки МОН РК

В рецензии рассмотрены концепции и научные выводы доктора исторических наук, профессора М.А. Алпысбеса на такие важные проблемы, как зарождение и функционирование устной традиции в степи, их ретроспектива на сегодняшний день. Из многих народов, входивших ранее в состав Золотой Орды, казахи сохранили до сегодняшнего дня предания, мифы и саму структуру племенных союзов, имеющих древнюю историю. Автором предложена не только новая схема изучения проблемы, но и приводятся совершенно новые данные по изучению истории племени.

Ключевые слова: устная традиция, шеджере, Золотая Орда, Казахское ханство, генеалогическая структура, генеалогические таксоны, торе, ходжи

Издание «Шежире казахов: источники и традиции» – книга, которая вышла в свет издательстве «Эверо» (Алматы, 2018), рассматривает феномен шежире, на примере его бытования среди казахов, как генеалогическую и историческую память и как традицию устной истории. Такой подход автора направлен на изъяснение природы источника и связь формирования исторической традиции с особенностями культурной среды и самобытности тюркских народов, и казахов в частности, культом и ценностными взглядами, и хозяйственно-бытовыми условиями их жизни.

В первом разделе «Происхождение источников» автор монографии скрупулёзно анализирует условия и пространство в которых зарождались устные традиции истории племен и отдельных личностей в истории древних тюрков. Каждая из четырех глав рассматривают такие важнейшие темы, как формирование бесписьменной традиции исторических преданий, их генезис и преемственность. Влияние самой традиции на формирование и развитие общественных отношений.

Вторая и третья главы посвящены анализу мифических сюжетов древности, терминологии и инструментарию складывания информационных блоков. Исторические знания степных тюрков формировалась как система представлений о прародителях, имевших священный образ и почитаемый культ предков, с которыми связано определенное историко-географическое пространство и находит ассоциацию – атамекен, атажурт – обиталище предков, которое закрепляется в шеджере, как некоем народном общедоступном документе. С другой стороны, историческая традиция – это традиция трансляции опыта, социального и политического, правового и культурного, и конечно же, кода и идеологии всего сообщества.

Автором отдельно даны информации и список трудов подвижников устной традиции. Эти хранители имели определенную инфраструктуру, поддерживающую историческую и генеалогическую память, которая была тесно связана с традиционной системой родства и свойства, с топонимической и географической системой знаний, стройную идеологему. Деятельность передатчика традиции была чрезвычайно важна. Понимание самой традиции во многом зависит от анализа процесса передачи устной информации, от понимания того, какие устойчивые механизмы передачи способствовали сохранению самой традиции, включая все важные его детали и составные элементы. Поразительно, но длительность информации в шеджере может легко охватывать несколько столетий.

Четвертая глава посвящена историографическому анализу трудов крупнейших ученых-историков, предметно изучавших генеалогические предания – Курбангали Халиду, Шакарим Кудайбердыулы и Машхур-Жусупу Купееву. Их письменное наследие это не только пример фиксации устных сообщений, но и самостоятельная историографическая традиция и школа, а также историческое видение казахского общества, включая все без исключения сферы жизнедеятельности социума – правовую, религиозно-мировоззренческую, культурно-ценностную, социально-экономическую и политико-идеологическую. Начиная от знаменитого Махмуда Кашгарского и до почитаемого Абульгази, от Джамала Карши и до Кадиргали Жалаири, все они придавали большое значение тюркским шеджере. Именно в их трудах говорится о древнем происхождении тюркских поколений и культурных традиций.

Во втором разделе монографии автором рассматривается, как заявлено в монографии «генеалогия и традиции», складывания сказаний, мифов, повестей и различных форм формирования исторических блоков. Автором впервые в казахстанской историографической школе рассмотрены такие фундаментальные темы, как идеологическое значение генеалогии «номенклатура генеалогических таксонов» и «Генеалогия как социальное пространство». Европейская историография рассматривала историю народов Европы исходя из исторической реальности, и переносить такой взгляд и понимание исторических процессов на неевропейские страны не всегда было целесообразным. Поэтому, историческую реальность истории, например тюркских народов, следует реконструировать на понимании модели всей их культурной и общественной жизни, исходя именно из их реальности. В этом отношении трактовка традиционных категорий и институтов, их бытование и функционирование, является очень важным.

Институт социальных связей степных тюрков имеет ясную структуру, основывающаяся инкорпорировании персон и фамилий в сложные династийные клановые организации, которая морально и духовно скрепляла, чаще всего разрозненные родственные общины в единый конгломерат родовых клановых групп. Формирование именно такой, построенной на определенной генеалогической модели социальной организации, в конечном итоге, всецело отвечала потребностям населения степи, включая ее действенность не только в социальной, но и в военной мобилизации, в случае внешних вызовов.

Наиболее интересным, на наш взгляд представляется глава третья, где научному анализу были подвергнуты источники по генеалогии «торе», или «тюре», собственно чингизидов, джучидов. В казахском историческом фольклоре, народной историографии, термином «тёре» называют прямых потомков Чингиз-хана и Джучи. Ведь династийная и родовая составляющая Золотой Орды является немаловажной, и даже очень важной в понимании ее социальной и этнической истории. Улусная система Золотой Орды происходит от «права на удел».

Автор при этом разбил на отдельные параграфы генеалогические предания по происхождению тюркских династий джучидов, управлявших казахской (кыпчакской) степью с XIII века по 1847 год, когда погиб последний, легитимно избранный хан степи – Кенесары Касым-улы. В трудах Машхур-Жусуп Купеева материалы шеджере казахов по чингизидам собраны в разделе «Қазақ хандары» – «Казахские ханы», а Курбангали Халид рассматривает чигизидов по династиям и правящим домам. В собрании Машхур-Жусуп на основе анализа трудов Абулгази и казахских исторических преданий изучил вопрос происхождения казахского народа и этнической истории других тюркских народов.

Заслуживает внимания и четвертая глава, посвящённая происхождению мусульманской элиты казахов – института «ходжей». Известно, что один из важных вопросов истории Золотой Орды связан с процессом исламизации, ролью Берке-хана, Узбек-хана в распространении и укреплении позиции мусульманства как традиции религиозной повседневности. Описаны такие фигуры, как Караходжа, который представлен в различных вариантах шеджере казахов, как генетический первопродок и основатель династий, от которого распространились целые поколения и родовые группы.

Монография профессора М.А. Алпысбеса является оригинальным трудом, где комплексно и с использованием последних данных изучаются важные исторические источники. Шеджере, как традиции генеалогической памяти изучается им в двух контекстах – историко-этнографическом и историко-историографическом. В течение долгих лет, особенно в советский период истории, устные предания не рассматривались в солидных трудах, как настоящий, дееспособный источник. В лучшем случае, устные предания, особенно народов Центральной Азии, могли быть использованы как вспомогательный источник и в целом считалось что в них мало достоверности, что они не всегда заслуживают доверия. Хотя, самое главное его достоинство – в аутентичности, что подтверждается многочисленными исследованиями.

В течение долгих лет, учеными историками наиболее достоверным, достойным внимания считались письменные источники – документы, мемуарная литература, статистические данные и т.д. Не умаляя степени важности документальных свидетельств, все же подчеркнем, что официальные источники хранили в себе чаще много недостоверного, ложного, или даже заведомо фальсифицированного, созданных в угоду политической конъюнктуры или сиюминутным, государственным нуждам. Особенно много недостоверных сведений имелось, например, в дипломатической переписке. И в этом отношении, более объективным из числа официальных источников, являются скорее акты материалы, законодательные документы.

Между тем, несмотря на кажущуюся легковесность, устные предания хранили в себе факты, события, которые не нашли своего отражения в письменных источниках. Автор монографии, совершенно к месту приводит цитату из трудов Ч.Ч. Валиханова (1835–1865), чингизида по своему происхождению,

который писал что в прошлом казахского народа «нет ни одного достопамятного события, ни одного замечательного человека со времени самобытной жизни ..., воспоминания о котором не остались бы в народной памяти [1, с. 149]. Другим немаловажным обстоятельством в правдивости данных устной истории казахов – насельников Великой степи, заключается в самой приверженности к истинному, правдивому, которая культивировалась в их сознании как самая важная и сакральная черта прошлого.

Странным было и то, что о шеджере, не зная первоисточников и языка, критически писали «специалисты» – историки с научными степенями, но не читавшие оригинала.

Безусловно, данный труд является ценным исследованием и открывает новый пласт источников по истории. Мы склонны предположить, что подобное пренебрежение не было случайным, а преследовало определенную политическую установку и конкретную цель. Заслуга автора монографии заключается в том, что он привлек труды не только на русском языке, но и произведения, написанные на казахском, кыргызском, татарском языках, на языке оригинала.

Профессор М.А. Алпысбес подверг критическому анализу и устные предания, справедливо полагая, что в них были использованы не только мифологические сюжеты, но и использовалась субъективная редакция как отдельных авторов, так и новшеств введенных туда из-за религиозных пристрастий. В числе недостающих моментов в исследовании автора можно сказать о том, что мало были использованы данные «Материала по истории казахских ханств» в XV–XVIII вв. [2, с. 141–142]. Между тем, именно в этом важном академическом труде содержатся очень ценные сведения о казахских родах, которые могли бы быть изучены в сравнительно-историческом контексте.

И, наконец, самая главная заслуга анализируемого нами издания заключается в том, что пытливый читатель может извлечь для себя много новых идей, которые могли бы стать основой для новых научных изысканий по истории тюркских народов, родов и племен, истории Золотой Орды, а именно по династийной истории тюре-чингизидов, и ходжей, сыгравших роль в исламизации Золотой Орды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах, Алматы, 1961. Т.2.
2. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Составители: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алма-Ата, 1969.

Сведения об авторе: Буркитбай Гелманулы Аяган – доктор исторических наук, профессор, директор Института истории государства Комитета науки МОН РК, член Национального совета Республики Казахстан, академик Академии образования, сопредседатель рабочей группы историков России и Казахстана, заместитель председателя Конгресса историков Казахстана (Нур-Султан, Республика Казахстан). E-mail: b.ayagan@mail.ru

KAZAKH SHEJERES AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE GOLDEN HORDE'S TRIBES. REVIEW OF THE MONOGRAPH BY M.A. ALPYSBES

Burkitbai G. Ayagan

*Institute of History of the State of the Science Committee
of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan*

Abstract. The review considers the concepts and academic conclusions of the doctor of historical studies, professor M.A. Alpysbes, associated with such important problems as the origin and functioning of the oral tradition in the steppe, their retrospective to date. Of the many peoples of the Golden Horde, the Kazakhs have preserved to this day the legends, myths and the very structure of tribal unions that have an ancient history. The author not only proposed a new scheme for studying the problem, but presented completely new data on the study of the history of the tribe.

Keywords: oral tradition, shejeler, Golden Horde, Kazakh Khanate, genealogical structure, genealogical taxons, tore, hoji

About the author: Burkitbai G. Ayagan – Dr. Sci. (History), Professor, Director of the Institute of History of the State of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, member of the National Council of the Republic of Kazakhstan, academician of the Academy of Education, Co-chairman of the working group of historians of Russia and Kazakhstan, deputy chairman of the Congress of Historians of Kazakhstan (Nur Sultan, Republic of Kazakhstan). E-mail: b.ayagan@mail.ru

РЕЗОЛЮЦИЯ VI МЕЖДУНАРОДНОГО ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ФОРУМА

В процессе работы участники VI Международного Золотоордынского Форума, ознакомившись с новейшими исследованиями по истории Золотой Орды и татарских ханств, констатировали, что:

– необходимо включение в вузовские и школьные учебники объективных сведений по истории Золотой Орды и татарских ханств как неотъемлемой части истории и культуры Российской Федерации и СНГ;

– целесообразно укреплять и расширять связи между учеными, занимающимися данной проблематикой;

– важным источником по изучению золотоордынской истории выступают письменные источники и археологические изыскания, поэтому востребованы специальные программы по выявлению, изучению и публикации письменных источников и археологическому изучению памятников Улуса Джучи.

– История Золотой Орды – один из важнейших периодов эволюции татарской государственности и национальной идентичности. Начало этого процесса восходит, по меньшей мере, к V–VII вв. н.э. Само слово «татар», как обратил внимание Й. Маркварт, впервые отмечено в имени жужаньского правителя Да-тань каган (414–429 гг. н.э.), впервые упоминаемого в китайской династийной хронике «Вэй шу»¹. Следовательно, термину «татар» уже более 1600 лет.

В связи с вышеизложенным участники форума рекомендуют руководству Республики Татарстан и Институту истории им. Ш. Марджани АН РТ:

– Для координации научно-исследовательских работ в области ордыноведения создать Международную ассоциацию исследователей Золотой Орды. Ассоциация ученых, работающих в области ордыноведения и татароведения – дисциплины, представляющей собой совокупность гуманитарных наук, изучающих историю, культуру, археологию, искусство, право, богословие, литературу, язык, денежное обращение золотоордынского государства.

– Рекомендовать провести в 2020 г. международную научно-практическую конференцию в одном из ведущих европейских научных центров, посвященную проблемам концепции происхождения и эволюции термина «татар».

– Поручить Институту истории им. Ш. Марджани АН РТ координировать работу по созданию коллективной монографии с привлечением лучших специалистов со всего мира по истории этнонима «татар» и по древней истории его носителей.

– Организовать презентацию коллективной монографии в международных научных центрах.

– Обеспечить поддержку по выявлению, исследованию и введению в научный оборот новых источников по истории татар.

Надеемся, что выводы участников форума найдут поддержку среди ученых и будут приняты к сведению Министерством просвещения РФ, Министерством науки и высшего образования РФ, Российской академией наук, руководством Республики Татарстан и другими ответственными государственными структурами при написании учебников и разработке программ по сохранению и изучению памятников истории и письменных источников.

¹ Marquart, J. Über das Volkstum der Komanen // Bang, W., Marquart, J. Ostturkische Dialektstudien. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1914. S. 25–238.

RESOLUTION OF THE VI INTERNATIONAL GOLDEN HORDE FORUM

Having familiarized themselves with the latest research on the history of the Golden Horde and the Tatar Khanates, the participants of the Sixth International Golden Horde Forum stated that:

- it is necessary to include objective information on the history of the Golden Horde and the Tatar khanates in university and school textbooks as integral parts of the history and culture of the Russian Federation and the CIS;

- it is advisable to strengthen and expand the collaboration between scholars involved in this issue;

- written sources and archaeological research are an important source for studying the Golden Horde history. Therefore, it is necessary to introduce and implement special programs for the identification, study and publication of written sources and archaeological study of the monuments of the ulus of Jochi;

- the history of the Golden Horde is one of the most important periods in the evolution of Tatar statehood and national identity. The beginning of this process dates back to at least the sixth and seventh centuries AD. As J. Marquart pointed out, for the first time the word “Tatar” was mentioned in the Chinese dynasty chronicle “Wei shu”. Therefore, the term “Tatar” is already more than 1600 years old.

In connection with the foregoing, Forum’s participants recommend the leadership of the Republic of Tatarstan and the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences:

- in order to coordinate research in the Horde’s field, to create an International Association of Golden Horde researchers specializing in Horde’s and Tatars’ studies, which is a combination of the humanities that study history, culture, archaeology, art, law, theology, literature, language, the currency of the Golden Horde State;

- to recommend holding in 2020 an international scientific and practical conference in one of the leading European scientific centers dedicated to the problems of the concept of origin and evolution of the “Tatar” term;

- to charge the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences to coordinate the work of compiling a collective monograph on the history of the ethnonym “Tatar” and on the ancient history of its carriers with the involvement of the best specialists from around the world;

- to organize a presentation of a collective monograph in international research centers;

- to provide support for the identification, research and introduction into the scholarly circulation of new sources on the history of the Tatars.

We hope that the findings of Forum’s participants will find support among scholars and will be taken into account by the Ministry of Education of the Russian Federation, the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the Russian Academy of Sciences, the leadership of the Republic of Tatarstan and other responsible government agencies when writing textbooks and developing programs for the preservation and study of historical monuments and written sources.

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем исключительных имущественных прав на свои издания. Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ НАСЛЕДИЕ
Материалы VI Международного Золотоордынского Форума
«Рах Татарика: генезис и наследие государственности Золотой Орды»,
Казань, 26–28 июня 2019 г.

GOLDEN HORDE LEGACY
Materials of the VI International Golden Horde Forum
“Рах Татарика: The Genesis and Legacy of the Golden Horde’s Statehood”,
Kazan, June 26–28, 2019

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева, Л.С. Гиниятуллина*
Подписано в печать 27.11.2019 г. Формат 60×84 ¹/₈
Усл. печ. л. 35,5 Тираж 150 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета